

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

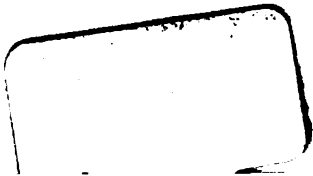

P Sav 620.5 ($\frac{1897}{4}$)

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

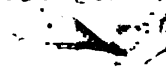
A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

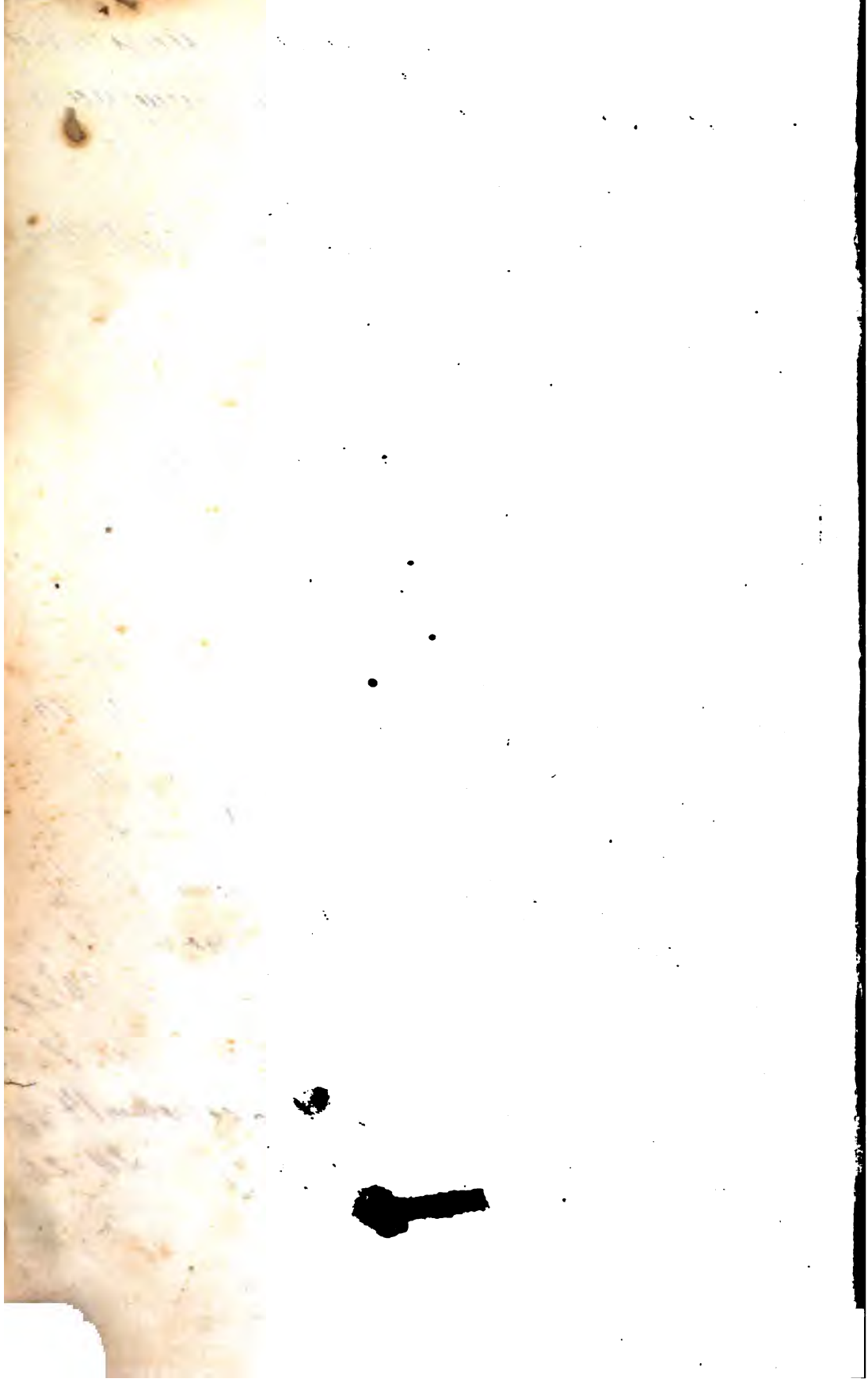
Please return promptly.

Книжная книжка сформана, въ казенном
чье число, выписана титъ, выписана въ
видимому.

1. Морозовский Александр Петров. 11-17.
2. Клепаша Никол Уланович - 17-23.
3. Абуетиновичи Тасефер Улановичи 25-33.
4. Лозинский Александр Степанович 4-10.
5. Кудряв Александр Александрович - 10-16.
6. ~~Васильев Дмитрий Николаевич 16-22.~~
6. Скутневич Марис Петрович - 16-22.
7. Васильев Дмитрий Николаевич. 22-28.
8. Сидоров Александр Степанович. 28-34.
9. Сидоров Николай Федорович - 4-10.
10. Захаров Николай Петров. 10-16.
11. Дворников Павел Петрович 21-6.
12. Зюбин Александр Петрович 11-17.
13. Клепаша Николай Петров. 21-27.
14. Левошинский Василий Павлович. 20-26.
15. Манасевич Александр Тас. - 2-8.
16. Турдов Александр Федорович 14-20.
17. Кривошеин Василий Федор - 21-26.

АПРѢЛЬ.

1897.

РУССКОЕ КОСЯТСТВО

№ 4.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ЮНОСТЬ. Изъ воспоминаній неудачницы. I—V Л. Мельшина.
2. БОРЬБА ЗА ИЗБИРАТЕЛЬНУЮ РЕФОРМУ ВЪ АНГЛИИ И РЕФОРМА 1832 г. Окончаніе И. В. Лучицкаго.
3. НА КНЯЗЬ-ОЗЕРѢ. Повѣсть. Окончаніе В. М. Михѣва.
4. Я НЕ ЗНАЮ ПОКОЯ. Стихотвореніе. Allegro.
5. РАСПЛАТА. Романъ въ трехъ частяхъ. Окончаніе П. П. Булыгина.
6. СРЕДИ НОЧИ И ЛЬДА. Норвежская полярная экспедиція 1893—96 годовъ. Продолженіе. Фритіофа Нансена.
7. ОЛИВЬЕ ДАТАНЪ. (Изъ политическихъ нравовъ современной Франціи). Романъ. Продолженіе Жюля Каза.
8. ХЛѢВНЫЯ ЦѢНЫ И Н. ОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО. Окончаніе. А. А. Мануилова.
9. АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ М. КОВЪ. Критическій очеркъ А. Уманскаго.
(См. на оборотѣ).

Криворізька бібліотека
1938 р.

10. НОВЫЯ КНИГИ:

Князь Индостанскій. Призраки. — Крейцера соната исполнителя. Записки Трухачевского. — Дѣла и люди вѣка. П. К. Мартынова. — А. А. Навроцкий. Сказанія минувшаго. — И. А. Бойчевскій. Юмористическая Энеида. — Библиографическій указатель переводной беллетристики. — З. Венгерова. Литературныя характеристики. — И. Бердъ. Реформація XVI в. въ ея отношеніи къ новому знанію и мышленію. — Гастонъ Могра. Последніе дни одного общества. — Мозговая работа и переутомленіе. Д. Блэкма. — Безсмертіе съ эволюціонной точки зрѣнія. Армана Сабатье. — А. В. Селивановъ. Что есть истина. — Я. Есиповичъ. Итогъ жизни. — Регесты и надписи. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.

11. ИЗЪ АВСТРИИ Л. Василевскаго.
12. ИЗЪ АНГЛИИ Діонео.
13. ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ О ДЕШЕВОМЪ ХЛѢБѢ. I—II. А. И. Чупрова.
и А. С. Посникова.
14. ДНЕВНИКЪ ЖУРНАЛИСТА С. Н. Южакова.
15. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ Н. К. Михайловскаго.
16. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. О. Б. А.
17. ИРОНИЧЕСКІЙ ПОСТУПОКЪ ПРОФЕССОРА ИСАЕВА.
18. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

17104
05
P 89

АПРѢЛЬ.

1897.

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

№ 4.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
Пл. Лассаля, д. 8.

41
N 4455 к. 83

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1897.

△
Pslaw 620.5 ($\frac{1897}{4}$)

ИЮЛ 1939

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
NOV 21 1961

61*2

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 марта 1997 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	ОТРАН.
1. Юность. Изъ воспоминаній неудачницы. <i>Л. Мельшина</i> . I—V	1— 35
2. Борьба за избирательную реформу въ Англіи и реформа 1832 г. <i>И. В. Лучицкаю</i> . Окончаніе	36— 66
3. На Князь-озерѣ. Повѣсть. <i>В. М. Михѣева</i> . Окончаніе	67—114
4. Я не знаю покоя. Стихотвореніе <i>Аллегро</i>	115
5. Расплата. Романъ въ трехъ частяхъ. <i>П. П. Булыгина</i> . Окончаніе	116—166
6. Среди ночи и льда. Норвежская полярная экспедиція 1893—96 гг. <i>Фритюфа Хансена</i> . Продолженіе	167—193
7. Оливье Датанъ. (Изъ политическихъ нравовъ современной Франціи). Романъ <i>Жюля Каза</i> . Продолженіе	194—230
8. Хлѣбныя цѣны и народное хозяйство. <i>А. А. Мануилова</i> . Окончаніе	1— 20
9. Аполлонъ Николаевичъ Майновъ. Критическій очеркъ <i>А. Уманскаю</i>	20— 44

10. НОВЫЯ КНИГИ:

- Князь Индостанскій. Призраки.—Крейцера соната исполнителя. Записки Трухачевскаго.—Дѣла и люди вѣка. П. К. Мартыанова. — А. А. Навроций. Сказанія минувшаго. — И. А. Бойчевскій. Юмористическая Эзопда. — Библиографическій указатель переводной беллетристики. — З. Венгерова. Литературныя характеристики. — И. Бэрдъ. Реформація XVI в. въ ея отношеніи къ новому знанію и мышленію.—Гастонъ Могра. Последніе дни одного общества.—Мозговая работа и переутомленіе. Д. Блэма. — Безсмертіе съ эволюціонной точки зрѣнія. Армана Сабатье. — А. В. Селивановъ. Что есть истина. — Я. Есиповичъ. Итогъ жизни. — Регесты и написи.—Новыя книги, поступившія въ редакцію 45— 69
11. Изъ Австріи. *Л. Василевскаго* 70— 94
12. Изъ Англіи. *Діонео* 95—116
13. По поводу полемики о дешовомъ хлѣбѣ. *А. И. Чупрова* и *А. С. Посникова*. I—II 117—129
14. Дневникъ журналиста. *С. Н. Южакова* 130—158
15. Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго* 158—177
16. Хроника внутренней жизни. *О. Б. А.* 178—203
17. Ироническій поступокъ профессора Исаева 204—208
18. Объявленія.

Продолжается подписка на 1897 годъ
НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.;
безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала — *Бассейная ул., 10.*
Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы — *Никитскія ворота,
д. Галарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе до-
пускается разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ под-
писчиковъ съ доставкой при подпискѣ 5 р. и въ 1-му іюля
4 р., или при подпискѣ 6 р., въ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ
безъ доставки допускается расрочка по 1 р. въ мѣсяцъ по іюль
включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать
за комиссію и пересылу денегъ только 40 коп. съ cadaго годового
экземпляра.

Подписка въ расрочку отъ книжныхъ магазинахъ не принимается.

Подписчики «Русскаго Богатства» пользуются уступкой при
выпикѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ
московскаго отдѣленія конторы.

Каталогъ книгъ печатается въ каждой книгѣ журнала.

Редакторы П. Быковъ, С. Поповъ.

Въ конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»
 (Петербургъ, Бассейная ул., 10) и въ отдѣленіи кон-
 торы (Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина) имѣ-
 ются въ продажѣ:

- Н. Гаринъ.** Очерки и рассказы. Т. I. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
 — Очерки и рассказы. Т. II. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
 — Гимназисты. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Вл. Короленко.** Въ голодный годъ. Изд. третье. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
 — Очерки и рассказы. Книга первая. Изд. седьмое. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
 — Очерки и рассказы. Книга вторая. Изд. третье. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
 — Свѣлой музыкантъ. Этюдъ. Изд. пятое. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.
- Л. Мельшинъ.** Въ мирѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Ц. 1 р. 50, съ пер. 1 р. 75 к.
- Н. К. Михайловскій.** Критическія опыты:
 — Левъ Толстой. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
 — Н. Щедринъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
 — Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Н. В. Шелгуновъ.** Сочиненія. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 60 к.
 — Очерки русской жизни. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.
- М. А. Протопоповъ.** Литературно-критическія характеристики. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- С. Н. Южаковъ.** Соціологическія этюды. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
 — Соціологическія этюды. Т. II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
 — Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Д. Маминъ-Сибирякъ.** Горное гнѣздо. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
 — Три конца. Романъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 35 к.
- С. Я. Елпатыевскій.** Очерки Сибири. 2-ое изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.
- К. М. Станковичъ.** Откровенные. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Морскіе силуэты. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Н. Стѣверовъ.** Рассказы, очерки и наброски. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Ю. Безродная.** Офорты. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- А. Шабельская.** Наброски карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- В. Немировичъ-Данченко.** Волчья сѣть. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- П. Доброворскій.** Рассказы, очерки и наброски. Два вып. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Э. Арнольдъ.** Свѣтъ Азіи: жизнь и ученіе Будды. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.
- Э. Реклю.** Земля. Шесть выпусковъ. Ц. 6 р. 80 к., съ пер. 8 р. 50 к.
- И. И. Дитятинъ.** Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.
- Г. Гиббинсъ.** Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.
- Ш. Летурно.** Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.
- М. С. Корелинъ.** Паденіе античнаго міросозерданія. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.
- С. Сигеле.** Преступная толпа. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.
- Н. А. Карышевъ.** Крестьянскія вѣнадцатилѣтнія аренды. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
 — Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Н. И. Карвевъ.** Историко-философскіе и соціологич. этюды. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Г. Буассе.** Очерки общественнаго настроенія времени цезарей. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.
- С. Р. Гардинеръ.** I. Пуритане и Стюарты. II. О. Эйри. Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
- С. Н. Кривенко.** На распутьи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

- В. Лесевичъ.** Опытъ Критическаго исследования основоначаль позитивной философіи, Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 30 к.
- Письма о научной философіи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Этюды и очерки. Ц. 2 р. 60 к., съ пер. 2 р. 80 к.
- Что такое научная философія? Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.
- Эд. Чаннингъ.** Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Б. Киддъ.** Соціальная эволюція. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Н. И. Наумовъ.** Собрание сочиненій. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- Ч. Бэрдъ.** Реформація XVI вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Э. К. Ватсонъ.** Этюды и очерки по общ. вопросамъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.
- А. А. Рубакинъ.** Этюды о русской читающей публикѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Разказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Изд. 3-е. Ц. 18 к., съ пер. 29 к.
- С. Я. Надсонъ.** Литературные очерки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- В. Острогорскій.** Изъ исторіи моего учительства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Р. Левенфельдъ.** Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумагѣ). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- (на веленовой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.
- А. Н. Анненская.** Анна. Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к., съ пер. 77 к. (Можно послать почт. марками).
- Дж. Мармери.** Прогрессъ науки. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
- Э. Реклю.** Земля и люди. Швеція и Норвегія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Бельгія и Голландія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Дж. К. Инграмъ.** Исторія рабства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- И. К. Блунчли.** Исторія общаго государственнаго права и политики. Цѣна (вмѣсто 3 р.) 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Большею уступки не дѣлается.
- Е. П. Карновичъ.** Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Цѣна (вмѣсто 2 р. 50 к.) съ перес. 1 р. 50 к.
- Б. Ф. Брандтъ.** Борьба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.
- Дж. Леббокъ.** Какъ надо жить. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.
- В. А. Гольцевъ.** Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.
- Е. Н. Водозова.** Жизнь европейскихъ народовъ. I. т. Жители Юга II т. Жители Сѣвера. III т. Жители Средней Европы. Ц. за каждый томъ 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 40 к.
- Умственное и нравственное развитіе дѣтей. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.
- В. И. Водозовъ.** Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Слоvesность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.
- Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Э. Тейлоръ.** Первобытная культура. Въ двухъ томахъ. Ц. 4 р. съ пер. 4 р. 50 к.
- Г. Геттнеръ.** Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. I. Англійская литература. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- С. А. Анскій.** Очерки народной литературы. Ц. 80 к., съ пер. 95 к.
- Съ благотворительной цѣлью:*
- Путь-дорога.** Художественно-литературный сборникъ. (На простой бумагѣ). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
- (На веленовой бумагѣ). Ц. 5 р., съ пер. 6 р.
- Въ добрый часъ.** Сборникъ. (Въ обложкѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.
- (Въ переплетѣ). Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.
- Т. Жиггинсонъ.** Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ книгъ, пользуются уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Полные экземпляры журнала «Русское Богатство» за 1893, 1894, 1895 и 1896 года. Цѣна за годъ 8 р.

Продолжается подписка
на шесть томовъ сочиненій
Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Издание редакціи журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

издание большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ ли-
стовъ каждый томъ,

съ портретомъ автора,
который будетъ приложенъ къ IV тому.

Подписная цѣна 9 рублей.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна за шесть томовъ 12 р.

Подписка съ наложеннымъ платежомъ не принимается.

Подписавшіеся раньше на I и II томъ доплачиваютъ
за остальные четыре тома 6 рублей.

Вышли I и II тт. "

Содержаніе I т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Содержаніе II т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и тол-
па. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о ге-
рояхъ. 6) Еще о толгѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ
литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника
и переписки Ивана Непомнящаго.

III и IV тт. выйдутъ въ концѣ апрѣля, V и VI въ сентябрѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ—въ конторѣ журнала «Русское Богатство» —
Бассейная ул., 10.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—Никитскія ворота, д. Гагарина.

НОВАЯ КНИГА:

Л. Мельшинъ.

ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ.

Записки бывшего каторжника.

Издание редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Подписчики «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

Въ Петербургѣ.—Контора «Русскаго Богатства», Бассейная ул., 10.
Въ Москвѣ.—Отдѣленіе конторы «Русскаго Богатства», Никитскія во-
рота, д. Гагарина.

ЮНОСТЬ.

(Изъ воспоминаній вѣудачницы.)

I.

Впечатлѣнія дѣтства.

Всякій разъ, какъ сѣрмя зимнія сумерки сползали на городъ, въ нашемъ большомъ домѣ становилось пустынно и жутко. Наскучивъ своими одинокими играми и боясь бѣгать по темнымъ комнатамъ, я робко жалась къ платью матери, прибивавшей между тѣмъ залу для пріема гостей. По вечерамъ у насъ раза два въ недѣлю шла карточная игра «по маленькой». И вотъ раздавался, наконецъ, въ передней звонокъ.

— Гости пришли! Гости пришли!—радостно вскрикивала я и первая бросалась опрометью въ прихожую.—Мать дѣлала въ это время распоряженіе зажечь огонь.

— А, жучокъ! здравствуй, жучокъ!—встрѣчалъ меня гость и, войдя въ комнату, тотчасъ сажалъ къ себѣ на колѣни. — Ну, какъ поживаешь? Что у тебя новенькаго?

И я пресерьезно начинала выкладывать всѣ свои маленькія новости: у насъ потерялась кошка—вотъ уже пять дней, какъ не приходитъ домой; папа не можетъ спокойно спать у себя въ кабинетѣ, такъ какъ мыши бѣгаютъ тамъ даже днемъ; а тетя Барвара подарила мнѣ новую куклу, которая умѣетъ кланяться и пищать уморительно-тонкимъ голосомъ, стоитъ только пожать пуговку.

Еще звонокъ, и являлись слѣдующіе гости, на встрѣчу которымъ я также выбѣгала; и каждый изъ нихъ привѣтствовалъ меня, какъ хорошую знакомую, тѣмъ же прозвищемъ «жучокъ», даннымъ мнѣ за мои черные волосы, черные глаза и крошечный ростъ. Впрочемъ, называли меня еще «вовторыхъ», потому что, какъ шутили, первую половину своей рѣчи я выбалтывала, еще не успѣвъ войти въ комнату. Лицо мое отличалось крайней подвижностью, мгновенно выдавало и радость,

и горе; я была ребенкомъ въ высшей степени живымъ и общительнымъ, хотя, повидимому, не столько паловливымъ, сколько склоннымъ немножко къ резонерству. На мое несчастье, въ большинствѣ знакомыхъ намъ семействъ совсѣмъ не было дѣтей, и первые годы мои протекали безъ сверстниковъ и подругъ, въ обществѣ однихъ взрослыхъ; мнѣ поневолѣ приходилось вникать въ чуждые мнѣ интересы, прислушиваться къ мало понятнымъ разговорамъ, слишкомъ рано настраивать свою мысль на серьезный ладъ.

Вотъ выходилъ изъ своего кабинета и отецъ, еще заспанный, жмурящійся отъ свѣта, но улыбающійся и заранѣе предвкушающій наслажденія страстнаго игрока. Передъ диваномъ раскрывался тотчасъ зеленый столъ, на которомъ появлялись неизбѣжныя карты, щеточка и мѣлъ; къ столу придвигались съ приятнымъ скрипомъ стулья. Мое любимое мѣсто было на диванѣ, подъ правымъ локтемъ матери. Я каждый разъ твердо рѣшалась дожидаться ужина, за которымъ, какъ успѣвала узнать, появятся любимые мною вареники. Но монотонный блескъ лампы, смягченный розовымъ абажуромъ, однообразное и докучное шелестѣнье сдаваемыхъ картъ, выкрикиванье непонятныхъ мнѣ игорныхъ терминовъ, скрипѣнье записывающаго что-то мѣла,— все это производило на меня вскорѣ утомляющее дѣйствіе, и глаза начинали смыкаться. Я тщетно боролась со сномъ, проникавшимъ уже во всѣ поры моего тѣла и разливавшимся по немъ сладкой теплотой, тщетно раскрывала отяжелѣвшія вѣки и силилась понять, что происходитъ вокругъ. Мнѣ начинали мерещиться странные неясные образы; я видѣла огненные зрачки нашей исчезнувшей кошки, которая подкрадывалась ко мнѣ мягкими шагами, граціозно выгибая бархатную спинку; я перебирала на берегу свѣтлаго ручья не то какіе-то удивительные, яркіе камешки, не то цвѣты невиданной красоты; мама кормила меня вкуснымъ кизилевымъ вареньемъ. И вдругъ, точно все проваливалось въ какую-то черную яму, гдѣ наступали полный мракъ и тишина, и отсутствовало всякое сознаніе.

Я просыпалась отъ легкихъ толчковъ, съ которыми меня забирали на руки, чтобы отнести въ спальню. Я раскрывала глаза и видѣла, что гостей въ комнатѣ уже нѣтъ, а на бѣлой скатерти стола стоятъ пустыя тарелки и валяются остатки ужина.

— Мама, варенниковъ! — лепетала я сквозь слезы соннымъ, заплетающимся языкомъ.

— Какіе тамъ вареники, пора спать!

И властныя руки уносили меня, плачущую и протестующую, въ спальню.

Зъ семь лѣтъ я уже помню себя грамотной и жадно по-

глощающей всѣ книги, какія только попадались мнѣ подъ руки. До сихъ поръ живо рисуются мнѣ одна изъ первыхъ моихъ любимыхъ книжекъ, сказки о добрыхъ феяхъ, въ бѣломъ переплетѣ съ золотыми разводами. Эти добрыя феи были въ моемъ представленіи совершенно живыми существами, хотя я и знала отлично, что на самомъ дѣлѣ онѣ не существуютъ; но мнѣ казалось, что онѣ должны бы быть, и что безъ нихъ міръ какъ-то пустъ и даже безсмысленъ. Дѣтская фантазія неутомимо работала, и мнѣ думалось порой, что когда я вырасту и сдѣлаюсь умной, то непременно постараюсь хоть нѣсколько наполнить эту жестокую пустоту, сама превратившись для несчастныхъ людей въ одну изъ благодѣтельныхъ волшебницъ. Книжка о феяхъ, вообще, играла большую роль въ моей ранней психической жизни, и когда впоследствии, будучи уже взрослой дѣвушкой, разбирая однажды старый домашній хламъ, я случайно наткнулась на эту бѣлую книжечку съ полинялыми золотыми разводами, то вся задрожала отъ радости, и думаю, что точно-точно такое же чувство испытала бы при ея видѣ и теперь.

Волненіе, съ какимы я шла въ гимназію экзаменоваться, невозможно описать. Мнѣ казалось, что это было событіе огромной важности не для меня только одной, но что весь, рѣшительно весь городъ долженъ былъ глядѣть на меня во всѣ глаза, тревожно ожидая, когда я выйду изъ этого страшнаго бѣлаго зданія, гдѣ рѣшалась моя участь. Всѣ мельчайшія подробности дня ярко отпечатлѣлись въ моей памяти. На мнѣ было канареечнаго цвѣта платье съ черными мушками; плечи и руки были открыты, и, не смотря на жаркій августовскій день, я вся дрожала, точно отъ сильнаго холода. За то не было предѣловъ моей радости и гордости, когда я возвращалась домой съ экзамена. Все, казалось мнѣ, ликовало вмѣстѣ со мною — и знакомые люди, и небо, и деревья, и животныя... Во дворѣ нашего дома меня подозвалъ къ себѣ одинъ старичокъ, жившій у насъ во флигелѣ и очень меня любившій; мы долго съ нимъ бесѣдовали объ экзаменахъ и другихъ серьезныхъ матеріяхъ, и я помню, что осталась очень довольна своимъ умомъ, обнаруженнымъ въ этой бесѣдѣ, особенно въ томъ, что весьма кстати, какъ мнѣ думалось, употребила только что вычитанную передъ тѣмъ пословицу: «за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймашь»...

Вплоть до старшихъ классовъ я была такого миниатюрнаго роста, что считалась самой маленькой въ гимназіи. Благодаря, быть можетъ, этому обстоятельству, большинство подругъ относилось ко мнѣ нѣсколько свысока, и я попрежнему оставалась одинокой. Только съ одной изъ дѣвочекъ въ первомъ же классѣ начало было у меня завязываться нѣчто въ родѣ дружбы. Это была еврейка, по имени Фанни (фамилія я теперь уже

не помню), такая же худенькая и маленькая, какъ я, и такая же черненькая. Подруги смѣялись надъ ея картавостью, учителя надъ ея малоуспѣшностью въ наукахъ, и какъ-то само собой вышло, что я взяла маленькую запуганную дѣвочку подъ свое покровительство. Какъ самыя маленькія во всемъ классѣ, мы сидѣли всегда рядомъ на первой партѣ. Между прочимъ, Фанни отличалась большой набожностью, и хотя приходила по субботамъ въ гимназію, но ни за что не соглашалась по этимъ днямъ писать во время уроковъ. Учителя сначала выражали нѣкоторое недовольство такой претензіей, но съ теченіемъ времени безмолвно примирились съ нею, какъ бы признавъ за маленькой еврейкой право строго слѣдовать обычаямъ своей религіи. Что касается гимназистокъ, подругъ Фанни, то помню, въ началѣ намъ всѣмъ внушала даже нѣкоторую гордость эта привилегія, завоеванная одною изъ насъ, хотя и во имя чуждыхъ намъ религіозныхъ интересовъ. Но длилось это недолго. Вскорѣ у очень многихъ начали появляться зависть и раздраженіе. Дочь нашего законоучителя, Сима Орнацкая, затѣяла разъ по этому поводу цѣлое преніе.

— Мы пишемъ по субботамъ русскій диктантъ, получаемъ худыя отмѣтки,—говорила она, поддерживаемая толпой сочувствующихъ,—а она сидитъ, сложа руки. На это надо жаловаться. Или пускай она не фордыбачитъ и пишетъ, какъ всѣ! Эка невидаль, что она еврейка. Пускай крестится, коли хочетъ учиться въ гимназіи.

— Намъ запрещено, іудеямъ, работать въ субботу, у насъ такой законъ!—робко, но твердо возражала ей набожная Фанни.

— Ну, что такое законъ? Какой тамъ законъ!—резонировала Орнацкая:—вздоръ все это, еврейскій законъ. Суббота такой же день, какъ всѣ.

— А почему же вы не учитесь въ воскресенье, не ходите въ гимназію, не работаете?—набравшись храбрости, перешла вдругъ въ нападеніе Фанни, и ея черные глазки засверкали торжествомъ.

— Такъ то, вѣдь, дурочка, воскресенье!—засмѣялась толстенная поповна,—нашла примѣръ... Мы празднуемъ этотъ день въ память воскресенія изъ мертвыхъ Сына Божія. А суббота,—что такое?

Доводъ этотъ показался всѣмъ, не исключая и меня, настолько вѣскимъ, что мы съ невольной улыбкой сожалѣнія посмотрѣли на окруженную нашей толпой непокорную иновѣрку, которая теперь, думалось намъ, должна была чувствовать себя въ конецъ сраженной и уничтоженной. И Фанни, дѣйствительно, не нашлась возразить Орнацкой; она только припала головой къ партѣ и вдругъ горько разрыдалась, выразивъ тѣмъ всю

свою душевную боль, все чувство безсилія — защитить то, во что продолжала свято вѣрить. Весь этотъ день, въ гимназiи и дома, по возвращенiи съ уроковъ, я чувствовала тайное недомольство собою, тѣмъ, что хоть на одну минуту, хотя и безмолвно, стала на сторону враговъ Фанни. Не смотря на то, что я была въ свою очередь очень набожна, и даже нерѣдко жалѣла свою новую подругу за ея коснѣнiе въ иудействѣ, считая нежеланiе ея писать по субботамъ простымъ суевѣрiемъ, — при всемъ этомъ мнѣ было стыдно теперь, что я, всегда такая бойкая на отвѣты учителямъ, не могла подыскать въ защиту бѣдной Фанни хоть какой-нибудь вѣскiй доводъ. Когда я вспомнила, наконецъ, о существованiи четвертой заповѣди, имѣющей для евреевъ силу и по настоящее время, мнѣ захотѣлось сейчасъ же побѣжать въ гимназiю, возобновить споръ и пристыдить ненавистную поповну, доказавъ, что я лучше ея знаю священное писанiе! Но споръ былъ оконченъ, и, изъ боязни быть поднятой на смѣхъ за свою запоздалую находчивость, я такъ и не рѣшилась возобновить его на другой день. Вскорѣ послѣ того родители Фанни переѣхали куда-то въ другой городъ, и я рассталась съ своей подругой; но долго еще памятенъ былъ мнѣ этотъ первый урокъ вѣротерпимости, долго звучалъ въ моихъ ушахъ безсильный плачь маленькой еврейки, и внушали непрiязнь самодовольное лицо и презрительная усмѣшка ея завистливой противницы.

Послѣ отъѣзда Фанни я опять осталась безъ подругъ. Маленькое сердце полно было жажды любви и дружбы, пылало готовностью къ какимъ угодно жертвамъ ради товарищества, а товарищества въ классѣ не было и тѣни. Между другими ученицами также не замѣчалось тѣсныхъ дружескихъ связей. Классъ былъ разобщенъ и запутанъ; каждый заботился лишь о себѣ и о своей репутацiи въ глазахъ классной дамы.

Ольга Петровна Янченко, наша классная дама, представляла собой живое воплощенiе ханжества приличiя и вслѣдственной показной добродѣтели. Такой типичной старой дѣвы (какъ принято ихъ рисовать), желтой, какъ лимонъ, тощей, какъ спичка, и злой, раздражительной, какъ фурiя, я другой не встрѣчала. Крикливый птичiй голосъ ея цѣлый день раздавался въ классѣ, а маленькiе крысыи глазки, то-и-дѣло, шныряли по партамъ, въ то время, какъ костлявые пальцы проворно бѣгали по вязальнымъ спицамъ съ безконечнымъ чулкомъ.

— Елена Ловицкая! — обращалась она ко мнѣ: — вамъ, какъ первой ученицѣ, неприлично подражать другимъ и оглядываться во время уроковъ на заднiя скамьи.

— А вы чего тамъ смѣтаетесь, Короновичъ? Это верхъ неприличiя.

— Господи, да, вѣдь, теперь переменѣна. Неужели и засмѣяться нельзя?

— Да развѣ такъ смѣются благовоспитанныя дѣвицы? Вы оскаливаете весь ротъ, точно лошадь. Краснова, вы не думайте, что я не вижу и вашихъ гримасъ. Объ нихъ тоже будетъ должно Аня Александровнѣ.

— Ольга Петровна, душечка, научите меня вязать чулки!— подлетала въ это время къ Янченко хорошенькая, веселая, какъ птичка, Нися Дическулъ. Янченко прежде всего подозрительно вглядывалась въ дѣвочку и, только не замѣтивъ въ лицѣ ея никакого коварнаго умысла, соглашалась благосклонно принять просьбу; между тѣмъ Нися, одной рукой нетерпѣливо вырывая изъ ея рукъ чулокъ, другой незамѣтно клала въ это время ей на голову комочекъ спутанныхъ нитокъ.

— Ольга Петровна, что она съ вами дѣлаетъ, смотрите!— раздавался тотчасъ же шпiонскій голосъ кого-нибудь изъ благодѣльныхъ, и виновница шалости несла заслуженное наказаніе.

Но не только шалости были невозможны при такой системѣ воспитанія, основанной на ваушничествѣ и чисто-внѣшнихъ приличіяхъ, но и, вообще, всякая инициатива губилась въ дѣтяхъ въ самомъ зародышѣ. Добронравіе и оффиціальная порядочность требовали, чтобы на нашихъ лицахъ постоянно были написаны—тихая покорность, слащавое искательство и дѣловитая озабоченность, и само собой выходило, что лица наши выражали всегда отупляющую скуку и затаенную печаль. Гимназія являлась для насъ мѣстомъ пытки и всяческихъ мученій, а домъ—обѣтованной землей, которой можно было достигнуть, лишь пройдя пустыню скучныхъ уроковъ и неприятныхъ муштрованій придирчивой классной дамы. Входя утромъ въ классъ, прежде чѣмъ идти съ книгами на свою скамью, мы обязаны были подходить къ креслу Ольги Петровны, дѣлать передъ ней закономъ установленный книксенъ и попеременно протягивать впередъ обѣ руки, ладонями внизъ: этимъ свидѣтельствовалась чистота нашихъ ногтей... И съ этого момента, вплоть до ухода домой, мы находились подъ гипнотизирующимъ вліяніемъ ея рыскающихъ всюду мышинныхъ глазокъ, ея окриковъ, ея нетерпимаго и несноснаго дозора.

Естественно, что при такомъ положеніи вещей гимназія была для прилежныхъ и способныхъ ученицъ только ареной честолюбія и всякаго соперничества другъ съ другомъ и развивала въ нихъ дурныя, эгонстическія чувства. Я училась блистательно и переходила изъ класса въ классъ съ первыми наградами. Школьное самолюбіе было развито во мнѣ въ высшей степени. Я была уже во второмъ классѣ, когда учитель географіи заставилъ меня однажды совершить по картѣ кругосвѣтное путешествіе. Я заблудилась на какихъ то островахъ, и онъ

туть же поставилъ мнѣ единицу. Я была поражена, какъ громомъ: единица въ первый разъ въ жизни!.. Точно огромный камень свалился внезапно съ потолка и пришибъ меня. Въ гимназiи я, правда, удержалась отъ слезъ, но, вернувшись домой, такъ горько плакала, какъ никогда въ жизни, плакала безъ конца, нѣсколько дней подъ-рядъ. Засну въ слезахъ, проснусь утромъ, вспомню тотчасъ, что въ жизни моей произошло что-то ужасное, непоправимое, и опять заляюсь слезами... Моему честолюбивому сердцу казалось, что я погибла уже навсегда, что голова моя покрыта несмываемымъ во-вѣки позоромъ... Родителямъ съ трудомъ удалось утѣшить меня. Не смотря на полученныя послѣ того пятерки изъ страшной географiи, я цѣлый годъ боялась, что буду оставлена въ томъ же классѣ. Когда вскорѣ послѣ экзаменовъ я шла разъ съ матерью по улицѣ, сердце мое задрожало отъ невыразимаго страха при видѣ направляющейся намъ на встрѣчу Янченко, которая съ обычной своей кислосладкой улыбочкой готовилась, повидимому, что-то сообщить моей матери.

— Можно поздравить васъ, m-me Лозицкая, съ успѣхами дочери.

Мнѣ почудилось, что Ольга Петровна ехидствуетъ, намекая на то, что мнѣ назначена передержка изъ географiи, и кровь застыла въ моихъ жилахъ... И какой жѣ взрывъ восторга охватилъ меня, какой приливъ гордости ощутила я, когда оказалось, что я не только переведена въ третiй классъ, но и получила первую награду. Третiй классъ! Первая награда! Какiя это были магическiя слова, заставлявшiя меня высоко поднимать голову, крѣпко-крѣпко сжимать мамину руку и блестящими, гордыми глазами смотрѣть въ ея счастливые глаза.

II.

Нися, Таня и Ванда.

Только съ переходомъ въ третiй классъ мы освободились, наконецъ, отъ Ольги Петровны Янченко, и только съ этого времени началась для меня эра настоящей гимназической жизни, о которой прiятно вспомнить. Но мы были настолько уже загнаны и пропитаны духомъ казеннаго благонаравiя, что со стороны новой классной дамы потребовались самыя энергичныя усилiя для того, чтобы пробудить насъ отъ привычной умственной спячки и вялости. Такой классной дамой явилась Софья Андреевна Дiанова, молодая, красивая женщина, необыкновенно умная, веселаго характера, враждебнаго всякому формализму и затянутаго въ корсетъ чопорности. Даже и са-

мая внѣшность ея пріятно бросалась въ глаза своей вольнолюбивой оригинальностью: одѣвалась она не безъ изящества, но всегда въ высшей степени просто, терпѣть не могла пышныхъ, модныхъ въ то время, турнюръ и, къ неудовольствію начальства, носила короткіе волосы, падавшіе ей на плечи красивыми волнистыми прядями. Простая, искренно любящая дѣтей, Діанова скоро сдѣлалась кумиромъ всего класса, и съ ней мы наперерывъ дѣлились нашими маленькими радостями, тревогами и огорченіями.

— Дѣти, надо теперь поиграть и побѣгать,—говорила намъ Софья Андреевна, какъ только наступала перемѣна; а мы первое время жались, по обыкновенію, къ скамьямъ и не знали, что значить играть и бѣгать. Тогда она сама подавала примѣръ и, превращаясь въ одну изъ старшихъ подругъ, затѣвала разныя игры и проказы. Въ другое время она читала намъ или что-нибудь рассказывала, вспоминая о своихъ институтскихъ годахъ, стыдя насъ отсутствіемъ въ нашей средѣ товарищескаго духа и пробуждая въ юныхъ умахъ мысли, о которыхъ раньше они не имѣли никакого понятія. Наушничество и шпионство она вывела сразу, такъ что вскорѣ отъ нихъ не осталось и слѣда. Мы стали развязнѣе, естественнѣе, шаловливѣе, и вотъ вслѣдъ за шалостями и у насъ появилось товарищество, а въ четвертомъ классѣ образовался уже тѣсный дружескій кружокъ, который, по странной случайности, состоялъ изъ лучшихъ ученицъ класса, бывшихъ въ то же время и первыми проказницами. Кружокъ этотъ, куда попала немедленно и я, отъ той же Софьи Андреевны получилъ прозвище «кружка башибузуковъ».

Одною изъ первыхъ вспоминается мнѣ въ немъ Таня Короновичъ, дочь бѣднаго сельскаго священника,—некрасивая, неуклюжая, комичная на видъ дѣвушка, но обладавшая золотымъ сердцемъ и открытымъ, жизнерадостнымъ характеромъ. Домъ моихъ родителей находился какъ разъ по срединѣ Танинаго пути въ гимназію, и почти каждое утро она забѣгала за мною, чтобы вмѣстѣ идти въ классъ. Я собирала еще книги, наскоро глотая между тѣмъ стаканъ чаю и мысленно провѣряя свои знанія по какому-нибудь предмету, какъ въ дверяхъ уже показывалось ея улыбающееся, всегда ярко-багровое лицо съ большимъ острымъ носомъ и невыразительными карими глазами. Короновичъ не прочь была пофрантить, но одежда висѣла, точно на вѣшалкѣ, на ея высокой, нескладной фигурѣ. Однако, вся эта непривлекательная внѣшность съ излишкомъ искупалась заразительно-радостнымъ смѣхомъ, милой несмолкаемой болтовней и свѣтлой улыбкой, не сходявшей съ румяныхъ, сочныхъ губъ, подъ которыми такъ и блестяли большіе, неправильные, но ослѣпительно бѣлые зубы.

— Ты все еще копаешься, Лозицкая, идемъ!— вскрикивала Таня, едва только переступала порогъ моей комнаты,—и въ комнатѣ, какъ и въ душѣ, сразу становилось при видѣ ея свѣтло и весело: здоровой бодростью, молодой и радостной непосѣдливостью вѣяло отъ всей фигуры, отъ всего существа этой некрасивой, нескладной дѣвушки-подростка.

— Идемъ же, идемъ, Лена! Наши башибузуки всѣ уже отправились. Сегодня будетъ очень весело.

— А что такое?

— Нися хочетъ одну штуку устроить французу... Ахъ, голубушка, что и за прелесть эта Нися! Вотъ кого стоитъ любить. Знаешь, я просто-таки влюблена въ нее и готова—ну, не знаю чѣмъ готова бы для нея пожертвовать! Какая она смѣлая, какія мысли ей въ голову приходятъ! Ну, вотъ возьми да убей меня—я ни за что не придумаю никакой шалости, а она, глядишь, такое выкинетъ, что просто животяки надорвать. И я всегда, всегда попадусь, а она, захочетъ, никогда не попадетса!

— А давно-ль ты ругала Нисю за трусость, а влюблена была въ Ванду Гріельскую?

— Такъ что жъ, я и теперь скажу, что Ванда у насъ самая умная въ классѣ. Ну, и самая твердая. Но только она хитрая... Ужъ какъ ты ее ни защищай, а она—скрытница. Ухъ, какая скрытница! Она, въ сущности, я думаю, презираетъ товарищей. А Нися—эта вся, какъ на ладони. У нея сердце есть, вотъ что. И это только кажется такъ иногда, будто она трусиха, а на дѣлѣ она за товарищей въ огонь и въ воду пойдетъ! Такихъ я больше всего люблю, вотъ какъ Нися или ты!

И порывистымъ движеніемъ Таня неожиданно охватывала меня, точно желѣзнымъ кольцомъ, своими длинными, здоровыми руками и звонко цѣловала въ самые губы.

— А какъ же не очень давно еще ты и меня обвиняла въ скрытности?

— Ну, что жъ, обвиняла. Ты скрытнѣ Ниси, а Нися скрытнѣ меня. Это ничего не значить. Любить ты умѣешь все-таки крѣпко и отъ всего сердца. Однако, обѣжимъ скорѣе, милочка, вѣдь опоздаемъ.

— Гдѣ же опоздаемъ, когда всего еще четверть девятого. Уроки ты знаешь сегодня?

— А у насъ что сегодня? Законъ-то Божій я прямо подъ зубокъ знаю.

— Какой Законъ Божій? Сегодня арифметика, географія, французскіи...

— Ой, что ты? Неужели?! Да какъ же это я спутала? Сегодня среда?

— Нѣтъ, вторникъ.

— Тѣфу! Тѣфу! Я всѣ уроки, значить, не тѣ пригото-вила.. Ну, авось, въ перемѣну прочитаю. Бѣжимъ! Я обѣщала Нисѣ пораньше быть. Говорю тебѣ, она что-то затѣваетъ, пока Софья Андреевна не пришла..

Ненасытная жажда новаго, необыкновеннаго, чего-нибудь выходящаго изъ рамокъ скучной обыденности, вѣчно томила и глодала эту безпокойную, странную, нелѣпую въ общемъ дѣвушку. Постоянно хохоча, страстно любя жизнь и всѣ ея радости, она въ то же время, казалось, постоянно скучала и тяготилась жизнью, словно чутко прислушиваясь, нѣтъ-ли гдѣ хоть надежды на что-либо экстраординарное, захватывающее. Будь Таня красавицей, она при своемъ характерѣ, при этой страстной тревожности своей натуры, конечно, кружила бы головы молодежи и подругъ; особенно плѣнительна была въ ней глубокая искренность, теплая задушевность и беззавѣтная готовность для другого на всякую жертву. Но Таня была, на свое несчастье, очень некрасива, и всѣ считали ее не загадочной и интересной, а только взбалмошной и нелѣпой, и всѣ только смѣялись надъ ея бурной экспансивностью и стремительностью; рѣдко кто изъ подругъ любилъ ее такъ, какъ она заслуживала.

Отсутствіе творческой фантазіи не позволяло Танѣ являться зачинщицей гимназическихъ проказъ, но она охотно присоединялась каждый разъ къ планамъ, создаваемымъ другими, причемъ любила доводить все до грандіозныхъ, чисто-гомерическихъ размѣровъ. Выходки, идеи которыхъ принадлежали ей самой, отличались всегда дикостью и несуразностью. Такъ, на урокахъ рукодѣлья у Марьи Семеновны, очень почтенной и солидной дамы, немного пришепетывавшей и постоянно поправлявшей прическу, которая прикрывала ея лысину, Короновичъ любила падать въ обморокъ, стараясь при этомъ грузно навалиться всѣмъ тѣломъ на ея столъ, чтобы все опрокинуть и произвести полный переполохъ.

Но вотъ прибѣжали мы съ Таней въ гимназію. Софьи Андреевны еще нѣтъ, и въ классѣ стоитъ невообразимый шумъ и гвалтъ. По самой серединѣ комнаты, передъ огромной клас-сной доской, красиво подбоченясь, пляшетъ русскую хорошень-кую молдаваночка Нися Дическуль; начинаетъ кривляться, вклю-же подплясывая, и влюбленная въ нее Таня Короновичъ. Какъ только пришла она въ классъ и увидала Нисю, такъ и забыла сейчасъ про свои благія намѣренія заглянуть въ не-приготовленные уроки. Нися, впрочемъ, фаворитка цѣлаго класса и даже всей гимназіи. Маленькая, стройная, граціозно сложенная, подвижная, какъ птичка, съ горячимъ румянцемъ во всю щеку, она то и дѣло показываетъ свои восхититель-

ные зубки, маденькіе, ровные, какъ мелкій бисеръ, бѣлыя, какъ жемчугъ. Темные глаза, отбѣненные длинными, черными рѣсницами, горятъ задорнымъ и вмѣстѣ лукавымъ огонькомъ. Безпечная, легкомысленная, Діонисія безъ труда поддается всякому вѣшнему вліянію: семья желаетъ сдѣлать изъ нея жеманную и манерную барышню, а возрастъ и подруги тянутъ къ шалостямъ, къ товариществу. Надѣленная живымъ и богатымъ воображеніемъ, Діонисія избрѣгаетъ рѣшительно всѣ идеи нашихъ проказъ, и въ этомъ смыслѣ должна быть признана коноводомъ класса. Правда, ее нельзя назвать безукоризненно-храброй во время неизбѣжно наступающихъ расплатъ, и если въ общемъ она держится все же достаточно стойко, то главнымъ образомъ потому, что слишкомъ дорожить мнѣніемъ подругъ о себѣ. Одѣта она всегда изящно, любитъ наряды и не прочь пококетничать.

— А что, господа, не устроить-ли намъ сегодня какой-нибудь сюрпризъ Федору Федоровичу?—спрашиваетъ вдругъ Нися, обращаясь къ классу.

Таня Короновичъ, повидимому, того только и ждала.

— Положить швабру на порогъ — онъ непременно споткнется!—вскрикиваетъ она восторженно.

— Нѣтъ, я бы вотъ что сдѣлала: у Гріельской есть стеклянка съ растворомъ гумми-арабика... вотъ облить-бы ему кресло.

Предложеніе встрѣчается общимъ смѣхомъ и остротами, но грозитъ остаться въ области теории, такъ какъ никто не выражаетъ готовности первой взяться за его осуществленіе. Даже бурностремительная Таня глядитъ во всѣ глаза на Нисю, стараясь угадать по выраженію ея лица, шутитъ она или говорить серьезно.

— Да вы это такъ болтаете только, а сдѣлать никогда не рѣшитесь!

Такой ироническій, вызывающій возгласъ раздается съ одной изъ среднихъ скамеекъ, гдѣ сидитъ наша классная аристократія, всегда враждебная кружку «башибузуковъ» — демократовъ. Говоритъ Нина Бѣлохъ, очень некрасивая смуглянка съ длиннымъ «аристократическимъ» носомъ и умнымъ выраженіемъ карихъ, всегда насмѣшливыхъ глазъ.

Точно и не слышавъ дерзкаго вызова, Нися Дическулъ начинаетъ неистово кружиться по классу, громко напѣвая веселый мотивъ, а ея неизмѣнный Санчо-Пансо — Таня Короновичъ растерянно стоитъ на одномъ мѣстѣ, какъ бы не дожидая, что ей слѣдуетъ предпринять. Да признаться, и всѣ «башибузуки» чувствуютъ себя нѣсколько неловко; я сама нахожусь въ колебаніи... Но меня предупреждаетъ Ванда Гріельская, сидящая рядомъ со мной, съ краю скамейки, и, повидимому, вся погруженная въ просматриванье урока ариметики.

Какъ всегда, блѣдная и рѣшительная, но безмолвная, она внезапно поднимается съ мѣста, беретъ свой флаконъ съ гумми-арабикомъ и солидными, смѣлыми шагами направляется съ нимъ къ учительской каедрѣ. Всѣ ошеломлены; мгновеніе всѣ молча ждутъ, что вотъ-вотъ грозный флаконъ опрокинется, и случится небывалый скандалъ... Перепуганная всѣхъ больше, Нися едва успѣваетъ схватить Гріельскую за руку.

— Стой, Вандочка! Жаль бѣднаго Федора Федоровича... лучше ужъ на другомъ урокѣ ты сдѣлаешь это. А я вотъ Де-ляфоссу уже кое-что устрою...

Только послѣ нѣкоторой борьбы Ванда покоряется и также спокойно и рѣшительно возвращается на свое мѣсто.

Эта странная, замкнутая въ себѣ дѣвушка была-бы, вѣроятно, необыкновенной красавицей, если-бы жестокая судьба не сдѣлала ея вмѣстѣ съ тѣмъ жалкимъ уродцемъ—горбуней и не наложила на ея всегда блѣдное лицо особой страдальческой печати. Но кто пристальнѣе вглядѣлся бы въ это лишенное красокъ жизни лицо, тотъ невольно залюбовался-бы и высокимъ, чистымъ лбомъ, на которомъ свѣтился такой умъ, и горѣвшими подъ нимъ, точно двѣ звѣзды, чудными лучистыми глазами не то синяго, не то чернаго цвѣта (его нельзя было точно опредѣлить). Выраженіе этихъ глазъ было такъ же измѣнчиво, какъ и ихъ цвѣтъ: иногда они выражали нѣжность и безпредѣльную грусть, и тогда струили цѣлые потоки теплыхъ, ласковыхъ, свѣтлыхъ лучей... Но это бывало лишь въ рѣдкія минуты какого-нибудь нѣжнаго порыва и дружеской расположенности. Чаще всего, оставаясь глубоко печальнымъ, глаза Гріельской глядѣли строго, холодно-сурово, почти презрительно, отбрасывая, казалось, на цѣлые десятки верстъ того самаго человѣка, котораго передъ тѣмъ только что ласкали и грѣли. Безъ чувства боли и непонятной тревоги въ душѣ нельзя было выдерживать этого лучистаго, строгаго и всегда грустнаго взгляда... Двѣ роскошныхъ косы прелестнаго каштановаго цвѣта Ванда укладывала вокругъ головы въ видѣ вѣнка, и это придавало царственный видъ ея смертельно-блѣдному лицу съ классически-правильными чертами, съ горго расширенными ноздрями красиваго, смѣло очерченнаго носа. Но красота бѣдной горбуни ограничивалась только одной головою. Физическое уродство, какъ всегда это бываетъ, оставило извѣстный слѣдъ и на всемъ характерѣ несчастной дѣвушки, страшно замкнутомъ, необыкновенно самолюбивомъ и подозрительною, нѣсколько даже озлобленною...

Примкнувъ къ «кружку башибузуконъ» и часто руководя самыми смѣлыми изъ нашихъ продѣлокъ, Ванда не была шаловливой и веселой въ обычномъ смыслѣ этихъ словъ. Она и въ весельи умѣла оставаться всегда въ высшей степени серъ-

езной и строгой. Въ болѣе позднія времена, когда въ кругу близкихъ подругъ, въ ея присутствіи, заходилъ, случалось, разговоръ о такихъ вещахъ, какъ любовь и замужество, Гріельсая, поникнувъ головой и нервно перебирая фартукъ своими длинными, подвижными пальцами, глядѣла такимъ трогательно-печальнымъ взглядомъ, что мы, замѣтивъ свою безтактность, сѣвшили скорѣе перевести бесѣду на другой предметъ. Взглядъ этотъ словно говорилъ намъ, что въ мірѣ, гдѣ живетъ и должна жить *она*, нѣтъ даже словъ, нѣтъ понятій о томъ счастьи, о которомъ болтали и мечтали мы, здоровыя, не обиженная судьбой дѣвушка.

III.

Педагогик-номини—Нисина шалость.

Ударилъ звонокъ — и всѣ стремглавъ бросились на мѣста. Феодоръ Феодоровичъ Любецкій, учитель ариметики, былъ феноменально пунктуальный человекъ, и едва успѣвалъ стихнуть послѣдній отзвукъ колокольчика въ рукахъ сторожа Семена, еще стоявшаго на верхней ступенькѣ лѣстницы, ведшей въ швейцарскую, какъ онъ обыкновенно выходилъ уже изъ учительской и торопливой, ритмически-плавной походкой трусился по направленію къ классу.

Феодоръ Феодоровичъ, по обыкновенію, весело улыбается своими широкимъ, гладко выбритымъ, словно отшлифованнымъ лицомъ и счастливо глядитъ на насъ страшно близорукими, прищуренными глазами. Очевидно, Феодоръ Феодоровичъ сегодня въ духѣ: всѣ громко вздохнули, у всѣхъ отлегло отъ сердца. Теперь все пойдетъ, какъ по заведенному, такъ что каждое движеніе, почти каждое слово учителя мы можемъ предсказать чуть-ли не съ математической точностью.

— Садитесь, господа, пожалуйста, садитесь!

Феодоръ Феодоровичъ подлетаетъ къ каедрѣ и, осторожно, почти благоговѣнно раздвинувъ свади фалдочки своего чистенькаго всегда фрака, опускается въ кресло. Затѣмъ; все по прежнему сіяя и улыбаясь, онъ достаетъ изъ кармана аккуратно сложенный, сверкающій снѣжной бѣлизною носовой платокъ. Наступаетъ цѣлое священнодѣйствіе. Сморкается Феодоръ Феодоровичъ, подобно Чичикову, необыкновенно громко, съ явнымъ чувствомъ внутренняго наслажденія, и затѣмъ не менѣе двухъ минутъ обтираетъ платкомъ носъ и губы во всевозможныхъ направленіяхъ, въ вертикальномъ, горизонтальномъ, діагональномъ, справа налево и слѣва направо. Не дай Богъ, если носовой платокъ оказывался иногда забытымъ дома: Любецкій

становился тогда мрачнымъ, какъ туча, и не одна единица украшала въ тотъ день классный журналъ. Къ счастью однако, случалось это чрезвычайно рѣдко, такъ какъ онъ былъ аккуратенъ во всемъ и пунктуаленъ, какъ нѣмецъ, и платковъ было въ его карманахъ всегда нѣсколько. Закончивъ процедуру очистки носа, Федоръ Федоровичъ, по своей крайней близорукости, доходившей почти до слѣпоты, буквально утыкается носомъ въ журналъ. Впрочемъ, официальный классный журналъ не удовлетворяетъ его, и онъ все съ той же блаженной улыбкой вынимаетъ изъ бокового кармана фрака свою собственную миниатюрную книжечку, выложенную внутри массой разноцвѣтныхъ клякспапирчиковъ и содержащую въ упомянутой чистотѣ и опрятности. Тамъ тщательнымъ, красивымъ мелкимъ почеркомъ записаны фамилии ученицъ каждаго класса и отмѣченъ точками порядокъ, въ какомъ слѣдуетъ ихъ вызывать. Отъ этого порядка Федоръ Федоровичъ, безъ самой крайней необходимости, не отступаетъ рѣшительно никогда, и само собой понятно, что у многихъ изъ насъ заведены точъ въ точъ такія же книжечки, и мы всегда отлично знаемъ, когда и кому нужно готовиться къ уроку.

Не смотря на доброе расположеніе духа учителя, въ классѣ водворяется почти гробовое безмолвіе. Всѣмъ отлично извѣстно, кто будетъ сегодня вызванъ (и между прочимъ, я знаю, что тоже должна быть вызвана въ первую голову), — и тѣмъ не менѣе сердца всѣхъ колотятъ громкую тревогу: дѣло въ томъ что, по преданію, бывали все-же рѣдкіе, почти легендарные случаи, когда Федоръ Федоровичъ нарушалъ свое правило, вызывая не въ очередь тѣхъ, кого хотѣлъ почему-либо испытать или поймать врасплохъ... Мы всѣ помнили также нѣсколько случаевъ, когда Любецкій бывалъ по-истинѣ страшенъ въ припадкахъ гнѣва, когда широкій и безъ того носъ его раздувался на подобіе трубы, близорукіе глаза метали молніи, а голосъ звучалъ на весь классъ подобно рыканію льва или раскатамъ грома! Вообще онъ былъ добръ, не переходя однако въ слабость, простъ и разговорчивъ, не доходя до фамильярности. У Федора Федоровича были свои излюбленные жесты и манеры, очень намъ нравившіеся и казавшіеся въ высшей степени забавными. Такъ напр., уткнувшись теперь въ свою книжечку и обдумывая, кого вызвать, онъ такъ усердно хлопаетъ себя указательнымъ пальцемъ по носу, что звуки шлепковъ раздаются во всему притихшему классу, и, озабоченно сморщивъ брови, бормочетъ: «Ну... ну... ну...» Но вотъ онъ внезапно откидывается, весь просіявъ опять, какъ солнце, на спинку кресла, хлопаетъ себя ладонью по лбу и радостно вскрикиваетъ:

— Ну, пожалуйста, г-жа Лозицкая.

Я считаюь лучшей ученицей по математикѣ, и энергія

крика должна быть приписана благорасположенности Любѣкаго ко мнѣ. Все время отвѣта онъ потираетъ руки и, почти не вникая въ мою быструю, словно отекающую рѣчь, въ достоинствѣ которой заранѣ увѣренъ, мѣрно и быстро качаетъ головою. Затѣмъ, все также неожиданно, прерывая меня на полусловѣ, весело вскрикиваетъ: «Превѣсьма от-лично!!» и кидается ставить отмѣтку. Мы заранѣ знаемъ, что этотъ крикъ долженъ обозначать круглую пятерку, также какъ «вѣсьма отлично», безъ приставки «пре» — пять съ минусомъ. Восклицаніе: «чуть-чуть не хорошо!» — смотря по энергіи возгласа — обозначаетъ или три съ половиной, или даже четыре съ минусомъ. Для каждаго плюса и минуса, для всякаго тончайшаго оттѣнка балла у Федора Федоровича имѣется самое точное словесное опредѣленіе... Таня Короневичъ сегодня нарвалась и получила «хуже, чѣмъ посредственно», т. е. два съ плюсомъ. Обстоятельство это въ значительной степени омрачило счастливое настроеніе Федора Федоровича и, поставивъ дурную отмѣтку и захлопнувъ журналъ, онъ долго сидѣлъ молча съ нахмуренными бровями, въ глубокой задумчивости. Но, не смотря на эти зловѣщія признаки, мы уже знаемъ, что сейчасъ должно начаться объясненіе новаго урока, и напряженная сдержанность, въ которой находился до тѣхъ поръ классъ, сразу нарушается: изъ груди всѣхъ вылетаетъ вздохъ облегченія, книжки складываются, происходитъ радостное движеніе:.. Теперь можно заниматься другими уроками, можно шалить (лишь бы не очень ужъ громко и замѣтно), можно не слушать — Федоръ Федоровичъ весь уйдетъ въ свои цифры, доказательства и ровно ничего не замѣтитъ. И вотъ онъ, дѣйствительно, всталъ съ мѣста, взялъ мѣлъ въ руки — и лицо его вновь прояснилось. Широкая улыбка расцвѣла, слова полились каскадами, цифры стали громоздиться одна на другую и бѣлымъ, ровнымъ бисеромъ записывать доску. Учитель съ увлеченіемъ, со страстью отдается своему дѣлу. Почти каждую минуту кидается онъ отъ доски къ партамъ и, наклоня къ намъ свое добродушное, сіяющее лицо, восклицаетъ:

— Вы понимаете? Вы понимаете? Какая штука выходитъ, а?

Въ отвѣтъ, мы энергично трясемъ головами, показывая свое пониманіе и удивленіе, корча невиннѣйшія фізіономіи, а ами ровно ничего не понимаемъ, ничего не слушаемъ, бросая подъ сурдинку другъ въ друга комками бумаги или приготовляя слѣдующіе уроки. Такъ проходитъ законный часъ, и, наконецъ, ударяетъ благодѣтельный звонокъ. Федоръ Федоровичъ, не медля ни минуты, раскланивается, счастливо улыбается и ходитъ до слѣдующаго раза...

Къ тому же типу невинно-забавныхъ представителей ста-

рой педагогін принадлежалъ и учившій меня въ младшихъ классахъ французскому языку — Иванъ Ивановичъ Мануэль, 70-лѣтній старикъ, бывшій, по его собственнымъ рассказамъ, простымъ барабанщикомъ въ великой арміи Наполеона I и оставшійся послѣ того навсегда въ Россіи. Это былъ очень мягкій и добродушный человекъ, у котораго мы ровно ничему не научались, потому что бесѣдовали на урокахъ о совершенно постороннихъ предметахъ: учитель благодушно рассказывалъ намъ о Наполеонѣ, о своей прошлой и настоящей жизни, а если была почему-либо въ отсутствіи классная дама, то и о послѣднемъ гимназическомъ совѣтѣ, гдѣ такой-то учитель сказалъ то-то, а другой выразился такъ-то (послѣднее передавалось таинственнымъ шопотомъ, съ уморительными оглядками на стеклянную классную дверь). Иногда, по нашей просьбѣ, Мануэль читалъ намъ изъ какой нибудь подсунутой ему книжки русскіе стихи, которые почему-то очень любилъ, забавно коверкая незнакомыя ему слова, распѣвая ихъ и тѣмъ приводя классъ въ неистовое веселье. Особенно любилъ Иванъ Ивановичъ стихотвореніе Тютчева: «Весеннія воды» и съ большимъ паэосомъ декламировалъ:

Мі моледой весні гон'сі!..

Изрѣдка Иванъ Ивановичъ напускалъ, впрочемъ, на себя строгость (особенно въ присутствіи классной дамы), задавалъ по учебнику Марго «съ этихъ до этихъ» и за незнаніе урока *готовъ былъ* ставить даже единицы. Но дѣло въ томъ, что незнавшіе урока никогда въ этомъ не попадались, пускаясь на очень простую хитрость. Какъ только огромная дородная фигура Ивана Ивановича, съ закинутыми на лобъ очками, переступала черезъ порогъ класса, онъ цѣлой гурьбой бросались къ нему навстрѣчу и кричали, хватая его за руки и за фалды фрака:

— Меня, Иванъ Ивановичъ, меня вызовите сегодня! Я хорошо приготовила урокъ.

— Ну, вотъ нарошна жъ не визову! Нарошна и не визову! — сердито отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, отмахиваясь отъ навойливо лѣзущихъ дѣвчонокъ и съ сердцемъ хлопая журналомъ по каедрѣ: — вотъ тебя и не визову! тебя-то и не визову!

И, исполняя свою угрозу, наивный старикъ вызывалъ тѣхъ, якобы не приготовившихъ урока, которыя сидѣли скромненько и тихонечко на мѣстахъ, втайнѣ мечтая о томъ, чтобы ихъ-то именно и вызвали. Настоящія же незнайки, съ поникшимъ притворно челомъ, отходили прочь, строя якобы разочарованныя гримасы... Уловка эта неизмѣнно удавалась цѣлому ряду школьныхъ поколѣній, все время, пока былъ живъ добрый, любуемый всѣми Иванъ Ивановичъ Мануэль. Но въ то время,

которое я начала описывать, онъ уже умеръ, и совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ смѣнливый его молодой французъ Деляфоссъ. Невѣжественный приказчикъ изъ магазина бѣлья, не знавшій самыхъ извѣстныхъ именъ французской литературы, онъ былъ грубъ въ обращеніи, бѣшено-раздражителенъ и, въ довершеніе всего, страшный наушникъ. Его огненные каріе глаза такъ и летали по всему классу, выискивая, къ кому бы придраться, что бы такое открыть и разоблачить, и въ то самое время, какъ онъ спокойно, казалось; диктовалъ намъ свое любимое правило, которое цѣлыми годами тщетно внѣдрялъ въ наши головы: «Во французскомъ языкѣ есть пять главныхъ временъ, — въ это самое время рыжая борода его склонялась надъ класснымъ журналомъ, и въ графѣ какой нибудь плутовки уже чертилась единица за то только, что она, двусмысленно улыбнувшись, переглянулась съ сосѣдкой. Въ гнѣвъ Деляфоссъ бывалъ и страшенъ и смѣшонъ: съ видомъ сумасшедшаго бѣгалъ онъ по классу, рвалъ на себѣ волосы, скрежеталъ зубами, ломалъ стулья и иногда даже плакалъ отъ бесильной ярости... По счастью, Деляфоссъ былъ нелюбимъ и начальницей гимназіи. Однажды, заводчица всѣхъ проказъ, Нися, принесла въ классъ крошечный игрушечный органчикъ и на урокъ Деляфосса поставила его передъ собой на партѣ. Классная дама случайно была въ отсутствіи. Толстая и всегда невозмутимо-солидная поповна, Макрина Сливницкая, отправляясь къ доскѣ отвѣчать урокъ, вдругъ неожиданно для всѣхъ схватила по дорогѣ Нисину игрушку и сунула къ себѣ въ карманъ платья. Макрина сидѣла въ Камчаткѣ и въ шалостяхъ, по своему флегматичному, тяжеловѣсному характеру, обыкновенно не принимала участія, но въ этотъ разъ на нее что-то «нашло». Отвѣчая урокъ и правой рукой вывода на доскѣ мѣломъ французскія слова, лѣвой она начала крутить въ карманѣ ручку органчика... Деляфоссъ, въ удивленіи, поднялъ свою красную бороду. Странные звуки продолжались гдѣ-то совсѣмъ отъ него близко, но неизвѣстно гдѣ. Какъ угорѣлый, началъ онъ метаться по комнатѣ и розыскивать ихъ причину. А толстое, словно надутое лицо Макрины оставалось, какъ всегда, такимъ невозмутимо-серьезнымъ, такимъ равнодушнымъ, что меньше всего ее можно было счесть виновницей продолжавшейся между тѣмъ таинственной музыки. Глядя на ея фигуру, мы съ трудомъ удерживались отъ громкаго хохота, а разозленный Деляфоссъ, повертѣвшись туда и сюда на каблучкахъ, побѣгавъ и покричавъ, помчался, наконецъ, къ начальницѣ жаловаться. Органчикъ, конечно, тотчасъ же спрятали. Виновники отысканы не были и, какъ ни клялся французъ въ томъ, что собственными ушами слышалъ звуки музыки, начальница и вернувшаяся классная дама такъ и остались увѣ-

14455 экз. гр.

рены, что это было скрипичное флюгеря на крыше или завывание ветра в трубу...

Деляфосс и весь гимназии любил шпионить за поведением гимназистов и гимназисток. Если, напр., начальница дѣлала намъ выговоръ за то, что наканунѣ мы были безъ ея разрѣшенія въ мѣстномъ театрѣ, или слишкомъ поздно гуляли по городскому бульвару, то классъ не сомнѣвался въ томъ, что доносъ былъ дѣломъ француза, хотя бы никто и не видѣлъ его рыжей бороды и огненного взгляда.

Урокъ Деляфосса прошелъ сегодня благополучно, безъ всякихъ приключеній. Но только что собрались мы, по окончаніи его, воспользоваться большой переменной и погулять по двору, какъ въ классъ вбѣжала запыхавшаяся и сильно встревоженная Софья Андреевна.

— Дѣти, что вы тамъ такое натворили?

— Гдѣ? что такое?

— Ужъ навѣрное, это вы! У васъ вѣчныя ссоры съ этимъ сумасшедшимъ французомъ, да и другихъ такихъ башибузуковъ во всей гимназии нѣтъ. Деляфоссу кто-то положилъ въ учительской въ шляпу разной дряни!

Мы раскрыли глаза въ самомъ неподдѣльномъ изумленіи, хотя невольно всѣ поглядѣли тутъ же на Нисю: быть можетъ, она здѣсь при чемъ-нибудь? Ея лукавый и вмѣстѣ взволнованный видъ, дѣйствительно, былъ нѣсколько подозрителенъ. Не даромъ же Таня Короновичъ еще утромъ хвалилась мнѣ, что Нися хочетъ что-то «подстроить» французу, и послѣ неудачной исторіи съ клеємъ въ глазахъ ея было, очевидно, долгомъ чести возстановить какую-нибудь смѣлою выходкой свою репутацію. Кромѣ того, всѣ мы отлично видѣли, какъ передъ урокомъ французскаго языка она перешоптывалась съ Таней и куда-то убѣгала вмѣстѣ съ ней. Всѣ эти мысли съ быстротой молніи мелькаютъ въ нашихъ головахъ, и подозрѣніе переходитъ тотчасъ же почти въ полную увѣренность; но духъ товарищества уже настолько силенъ въ классѣ, и къ тому же Нися настолько пользуется общими симпатіями, что мы, точно сговорившись, немедленно отводимъ отъ нея глаза, дѣлаемъ невинныя лица и издаемъ звуки изумленія.

— Анна Александровна идетъ! съ испугомъ вбѣжали въ классъ гулявшія по корридору дѣвочки.

И точно, въ классъ влетѣла вся красная, разъяренная Анна Александровна, держа въ рукахъ злополучную шляпу. За начальницей вскопчилъ не менѣе красный и взбѣшенный владѣлецъ шляпы, Деляфоссъ.

— Eh bien, eh bien, цортъ побри! яростно лепеталъ онъ, скрипя зубами и съ ненавистью окидывая насъ всѣхъ своими пронзительными глазами.

Анна Александровна отъ волненія не могла нѣкоторое время говорить и только прижимала руку къ высокой, тяжело дышущей груди. А насъ одновременно охватывали и страхъ и неодолимое любопытство узнать поскорѣе, что такое положено въ цилиндръ француза. Оттуда видны были только торчащій кончикъ грязной, рваной калоши да какія-то щепки...

— Это что же такое... сударыня? начала, наконецъ, Анна Александровна, не иначе называвшая насъ въ добромъ расположеніи, какъ «дѣти» и даже «милыя мои дѣти».

— Eh bien, eh bien, цортъ побри! подхватилъ Деляфоссъ, стуча каблуклами объ полъ.

— Это вы... это никто, какъ вы, сдѣлали, я увѣрена... Нарочно принесли изъ дому старую калошу и еще... разведенную горчицу! Это просто недостойно мало-мальски благовоспитанныхъ дѣвицъ. Нѣтъ, этого нельзя простить.

— О, нелзя, нелзя! Надо вігнать, вігнать гимназія, цортъ побри!

— Я розыщу виновницъ. Вы сами мнѣ выдадите ихъ, иначе всему классу плохо придется. Знайте, что на этотъ разъ прозвить не какое-нибудь безъ обѣда...

— Какой безъ-обѣдъ?! Такъ гадить шляпа... учитель... Вігнать, вігнать надо за такой дерзости!

— Я даю вамъ всю большую переѣбу на размышленіе. Въ сущности я даже знаю имена виновныхъ: сторожъ видѣлъ, какъ онѣ вертѣлись въ уборной... Но поймите, я не хочу вѣрять сто-ро-жу. Пусть онѣ сами откроютъ себя и этимъ, быть можетъ, смягчатъ свою участь.

Съ этими словами Анна Александровна, въ гнѣвѣ, удалась вонъ изъ класса, приказавъ и Діановой слѣдовать за собою: очевидно, ей хотѣлось, чтобъ мы, оставшись одни, серьезно обдумали свое положеніе. Страшно перепуганныя нешуточными угрозами начальницы, мы не нашли смѣшной даже потѣшную сцену, происходившую за стеклянной дверью, сцену передачи поруганной шляпы въ руки Деляфоса: французъ разразился еще разъ проклятіями на всѣхъ извѣстныхъ ему діалектахъ, съ шумомъ вывалилъ изъ цилиндра на полъ наложенный въ него соръ и, въ заключеніе потѣхи, растопталъ его ногами...

— Это ты, Нися, сдѣлала? прервала Ванда Гріельская общее молчаніе и смѣло взглянула въ лицо встревоженной и поблѣднѣвшей Нисѣ.

— А хотя бы и я, ужъ не выдать ли вы меня хотите? задорно выпалила послѣдняя.

— Никто не говоритъ о выдачѣ, только я думаю—и въ самомъ дѣлѣ лучше бы тебѣ самой назваться. Вѣдь все равно начальница тебя же подозреваетъ.

— Да, да, Нися, хоромъ подхватилъ классъ:— Анна Александровна тебя, конечно, имѣетъ въ виду. Она даже поглядѣла въ твою сторону!

Нися была и изумлена и раздражена такимъ оборотомъ дѣла. Съ бурнымъ негодованіемъ обрушилась она на Ванду.

— И это говорить Гріельская? Та самая, что проповѣдовала всегда товарищество и бывала такой храброй на словахъ, теперь же, когда испугалась, что всѣхъ могутъ исключить, она первая уговариваетъ меня саму себя выдать? Ахъ, трусы вы, трусы вы всѣ жалкіе!..

— Не говори чепухи, Діонисія: весь классъ исключить не могутъ, и никто здѣсь не струсилъ. Но одну тебя легко могутъ исключить, потому что я увѣрена, сторожъ Семенъ дѣйствительно тебя видѣлъ.

— Глупости! ни за что я такой душой не буду, чтобы самой полѣзть въ петлю... Пускай ищутъ, пускай доказываютъ. Быть можетъ, къ тому же, изъ подругъ кто-нибудь поможеть. Шпіоны, навѣрное, найдутся!

— Ну, такъ я пойду сейчасъ къ Аннѣ Александровнѣ и заявлю, что я это сдѣлала...

И Гріельская, точно, хотѣла идти; съ трудомъ удалось удержать ее. Послѣ этого Нися совсѣмъ потеряла голову: она и трусила предстоявшей расплаты, и чувствовала себя подавленной общественнымъ мнѣніемъ. Между тѣмъ ея закадычный другъ Таня Короновичъ, молчаливо стоявшая все время въ сторонѣ отъ сборища, неожиданно выступила впередъ.

— Я сдѣлала это вмѣстѣ съ Нисей, я и назовусь. А двоимъ нечего за одно дѣло платиться!

Прозвоня эти слова, она не глядитъ на Нисю, видимо полная глубокаго разочарованія въ ней... Но при видѣ этого соперничества въ самопожертвованіи, очевидно и въ Нисѣ происходитъ внезапный нравственный переворотъ: ея красивая головка гордо выпрямляется; блѣдная, съ лихорадочно горящими глазами, дѣвушка отстраняетъ Таню и говорить:

— Вадоръ! твое участіе было пустяковое... Я и придумала все, я и сдѣлала... Я и назовусь, коли на то пошло! Пускай исключаютъ—не заплачу!

Но готовность къ жертвѣ приняла, между тѣмъ, уже вполне эпидемическій характеръ: человѣкъ пять-шесть «башибузуковъ», мы заявляемъ, что благоразумнѣе и благороднѣе всего принять вину на цѣлый кружокъ, и тотчасъ же, взявшись за руки, со смиреннымъ и вмѣстѣ торжествующимъ видомъ отправляемся отыскивать Анну Александровну. Оказывается, она сидитъ одна въ учительской комнатѣ (должно быть, въ ожиданія насъ) и едва завидѣвъ процессію, подымается навстрѣчу. Въ ея доброй душѣ первый взрывъ негодованія, очевидно, уже

прошелъ, и, видя предъ собой не одну Нисю и Таню, она сразу понимаетъ, что тутъ рѣчь идетъ о великодушнѣ; втайнѣ растроганная этимъ, она принимаетъ тѣмъ не менѣ строгій и недоступный видъ. Такъ какъ я считаюсь въ классѣ наиболѣе бойкой и способной къ ораторству, то мнѣ поручено сказать ей отъ лица всѣхъ маленькую рѣчь.

— Анна Александровна, простите наше легкомысліе... Когда мы затѣвали эту шалость, она представлялась намъ въ болѣе невинномъ свѣтѣ, теперь же мы глубоко сознаемъ всю ея глупость и безнравственность. Не изъ страха наказанія, а только изъ искренняго раскаянія просимъ мы у васъ прощенія...

— Ага! вы просите прощенія... А что скажетъ м-сье Деляфоссъ?

— Накажите насъ такъ, чтобы м-сье Деляфоссъ былъ доволенъ.

— То есть, что же я должна сдѣлать? «Вигнать» васъ? разсмѣялась Анна Александровна, передразнивая нелюбимаго ею француза, и этотъ смѣхъ сразу далъ намъ понять, что мы спасены.

— Но кто-же собственно изъ васъ выдумалъ эту гадость? А?

— Да никто... всѣ!

— Этого быть не можетъ. Не всѣ же шесть человѣкъ въ одно время выдумали.

— Сначала одинъ кто-то предложилъ шутя, не серьезно, потомъ другой кто-то, въ шутку-же, поддержалъ его предложеніе, а затѣмъ и серьезно затѣяли.

— О, хитрыя дѣвочки, вы изъ всего выкрутитесь, сухими изъ воды выйдете! Ахъ, дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта... Ну, долго-ли быть исключенными изъ гимназіи, изъ-за подобной глупости потерять и карьеру и репутацію? Хорошо, ступайте. Я васъ на этотъ разъ совсѣмъ прощаю, а Деляфоссу скажу, что, за неотысканіемъ виновника, втеченіе цѣлаго мѣсяца весь классъ будетъ сидѣть безъ обѣда... Вы, должно быть, не любите меня, дѣти, что доставляете мнѣ такіа огорченія... А у меня еще порокъ сердца!

Мы бросились обнимать и цѣловать добрую Анну Александровну.

IV.

«Башибузунѣ» превращаются въ «демонстратовъ».—Молодые учителя.

Несмотря на то, что нашъ учитель географіи и исторіи былъ однимъ изъ самыхъ корректныхъ и снотворныхъ препода-

давателей, изученіе въ четвертомъ классѣ древней исторіи Греціи сыграло нѣкоторую роль въ нашемъ духовномъ развитіи. У каждой изъ насъ явились свои любимые герои и дѣятели; происходили разговоры и пренія, въ которыхъ сказывалось первое пробужденіе мысли и первыя общественныя симпатіи. Такъ помню, очень долгое время я восхищалась царемъ Леонидомъ и другими героями Спарты; но однажды Ванда Гріельская обратилась ко мнѣ съ очень рѣшительнымъ вопросомъ и не менѣе рѣшительнымъ видомъ:

— Намъ надо объясниться съ тобой, Лозицкая. Скажи откровенно, коковы твои убѣжденія: аристократка ты или демократка?

Я вспыхнула: я ни разу еще объ этомъ не думала... У меня не было еще никакихъ «убѣжденій»... Но признаться въ этомъ было, конечно, невозможно.

— Проще: за Аѣины ты или за Спарту стоишь? не менѣе серьезно спросила болѣе торопливая Нися, рядомъ съ которой стояла, сжимая кулаки, точно готовая ринуться въ битву за честь своего любимаго города, Таня Короневичъ.

— А вы-то... вы сами за кого? смущенно пролепетала я, инстинктивно пятясь назадъ и безпомощно озираясь по сторонамъ, какъ бы ища защиты. На одной изъ скамеекъ сидѣли, слушая нашъ разговоръ и насмѣшливо улыбаясь, чопорныя и манерныя богачихи класса, державшіяся въ сторонѣ отъ нашего шаловливаго кружка и корчившія изъ себя свѣтскихъ барышень. Это были: Марья Красинская, дочь протоіерея, некрасивая, но всегда франтовски одѣтая, съ надменно поднятымъ носомъ и никогда не глядящими прямо глазами; Ида Розенталь, дочь богатаго ростовщика-еврея, до того изнѣженная, что не умѣла, какъ сама хвалилась, пройти десяти шаговъ пѣшкомъ; Стася Лонцкая, хорошенькая бѣлокурая полечка съ синими глазками и добродушнымъ открытымъ личикомъ, пѣвунья и хохотунья, очень симпатичная, но тоже избалованная и испорченная богатствомъ и аристократизмомъ родителей; главою этого кружка была остроумная и задорная Нина Бѣлохъ, съ которою Ванда была всегда на ножахъ.

— Къ намъ идите, Лозицкая, мы за Спарту! смѣясь, крикнула Лонцкая,—и крикъ этотъ рѣшилъ мою судьбу, я взглянула на скамью надменныхъ, заносчивыхъ богачихъ и сразу поняла, что мнѣ не мѣсто въ ихъ средѣ, и что если Ванда, Нися и Таня, къ которымъ тяготѣло мое сердцѣ, стоятъ за демократическія Аѣины, то значить, было что-то неладное въ моемъ прежнемъ сочувствіи Спартѣ.

— Я ваша... я готова стать аѣинянон! протянула я руку своимъ подругамъ по шалостямъ и громкое ликующее: «ура» башибузуковъ было отвѣтомъ на мое самоотверженное

рѣшеніе Такъ образовались въ классѣ двѣ главныя «политическія» партіи, ведшія между собою ожесточенную борьбу до тѣхъ поръ, пока въ концѣ пятаго класса мы не стали, наконецъ, слишкомъ солидными особами для того, чтобы вступать иногда даже въ рукопашныя схватки. Суровая и рѣшительная Гріельская обыкновенно первая обращала слово въ дѣло и начинала бросать въ «презрѣнныхъ аристократокъ» калошами, мѣломъ, губками, вызывая остальныхъ «демократокъ» на немедленное подраженіе себѣ. Впрочемъ, гордая Спарта рѣдко унижалась до того, чтобы на физическую силу отвѣчать силой же: она только закрывалась отъ нашихъ стрѣлъ руками и книгами, предпочитая бороться язвительными словами и убивающими насмѣшками...

Это увлеченіе исторіей—древней Греціи и ея гражданскаго устройства ознаменовалось разъ крупнымъ скандаломъ, чуть не обошедшимся намъ въ слишкомъ дорогую цѣну. Случилось однажды, что Софья Андреевна Діанова не явилась почему-то въ гимназію, и мы остались безъ классной надзирательницы. Хотя Діанова была для насъ не гровою, а скорѣе старшей и любимой подругой, но какая-то шалуныя, — разумѣется, не придавая ни малѣйшаго значенія тому, что дѣлала, — написала по этому поводу на классной доскѣ крупными буквами: «Да здравствуетъ свобода!..» Въ этотъ самый моментъ прозвенѣлъ звонокъ, всѣ бросилась по мѣстамъ и, въ суматохѣ, позабыли стереть надпись. Дверь растворилась, и въ классъ вошли учитель ариеметики Любецкій и директоръ мужской гимназіи, имѣвшій верховную власть и надъ нами, Матвѣй Яковлевичъ Колпиковъ. Станный былъ человекъ этотъ Колпиковъ. Не-обыкновенно доброй души старикъ, онъ былъ страшно вспыльчивъ и, кромѣ того, въ отношеніяхъ съ учениками любилъ напускать на себя грозную суровость и грубость. Любимѣйшими репликами на невѣрные отвѣты гимназистовъ во время уроковъ были: «Ну, это, братецъ, сапоги въ смятку!» или: «Ни уха ты, братецъ, ни рыла, я вижу, не понимаешь!» На свое несчастіе, будучи плохимъ ораторомъ, онъ не могъ связать путно двухъ самыхъ обыкновенныхъ фразъ и, распекая учениковъ, несъ обыкновенно невозможнѣйшую чепуху. Много потѣшныхъ анекдотовъ ходило о немъ по городу. Поймавъ кого-нибудь изъ мальчиковъ-гимназистовъ въ шалости, онъ по цѣлому часу держалъ его передъ собой, дѣлая угрожающіе и виѣсты уморительные жесты указательнымъ пальцемъ, страшно вращая бѣлками своихъ сѣрыхъ косыхъ глазъ и на всевозможные лады варіируя одну какую-нибудь свирѣбую фразу. Бѣда, если провинившійся школьникъ начиналъ оправдываться: тогда Матвѣемъ Яковлевичемъ овладѣвалъ насто щій припадокъ бѣшенства и, не помня себя, онъ кричалъ:

— Еще слово... и воддырь получишь! Еще полслова?... Еще четверть слова?..

Гимназистъ спѣшилъ, конечно, благоразумно умолкнуть, а изъ устъ директора, въ видѣ отрывистныхъ словно обрубленныхъ фразъ, продолжали литься цѣлыми каскадами излюбленные имъ перлы краснорѣчія: «Ты кто—извоцикъ? ты—дикарь изъ центральныхъ странъ Африки? Ты—мужикъ, который плететь лапоть?» и т. д. Строгость наказаній, которыми угрожалъ Матвѣй Яковлевичъ, тоже была очень оригинальнаго характера.

— Я тебя въ каторгу! кричалъ онъ обыкновенно въ первомъ порывѣ гнѣва, и его высокая, костлявая фигура съ сѣдыми бакенбардами и бѣгавшими туда и сюда раскосыми глазами, имѣла необычайно свирѣпый видъ.

— Я тебя въ Сибирь на поселеніе! смягчалась черезъ нѣкоторое время угроза, если лицо распекаемое выражало въ достаточной мѣрѣ страхъ и раскаяніе.

— Проморю двѣ недѣли въ карцерѣ! уменьшалась еще степень наказанія.

— Сиди сегодня безъ обѣда!.. грозно заключалъ добродушный старикъ, удовлетворенный покорнымъ молчаніемъ гимназиста, и круто поварачивалъ къ нему спину. Чаще всего дѣло кончалось однимъ словеснымъ распеканіемъ; хорошо всѣмъ знакомый секретъ достигъ этого заключался въ томъ, чтобы не разсмѣяться во время грозной лекціи, выслушивая эту удивительную по своей законичности и энергіи брань, видя передъ собой эти яростно вращающіеся бѣлки глазъ, брызжущую во всѣ стороны слюну и забавно двигающійся передъ самымъ твоимъ носомъ указательный палецъ; а удержаться при всемъ этомъ отъ смѣха или хоть отъ самой легкой улыбки бывало, дѣйствительно, труднымъ подвигомъ. Многимъ онъ оказывался не подъ силу, и тогда слѣдовали точно суровыя наказанія: одинъ гимназистъ уже шестого класса единственно за это чуть не былъ исключенъ изъ гимназіи...

Тѣмъ не менѣе Колпикова всѣ очень любили. Когда въ послѣдствіи ему дали отставку за слабость, и, обѣднѣвъ, онъ умеръ вскорѣ въ нашемъ же городѣ, то всѣ гимназисты и гимназистки добровольно провожали его на кладбище, неся за гробомъ массу вѣнковъ, за что и получили отъ новаго слугаки-директора строгій выговоръ.

Какъ разъ во время той исторіи, о которой я начала рассказывать, Колпиковъ, по приказанію свыше, занимался энергичнымъ искорененіемъ разныхъ превратныхъ идей въ мужской гимназіи, и не удивительно, что, увидавъ странную надпись на нашей классной доскѣ, онъ пришелъ въ ужасъ, а вслѣдъ за тѣмъ и въ ярость.

— Кто? Кто это?.. почти прохрипѣлъ онъ, внезапно теряя

отъ волненія голось, тыкая пальцемъ въ доску и страшно вращая на весь классъ глазами.

Мы молчали.

— Всѣ, всѣ въ уголъ!.. завопилъ тогда директоръ, потерявъ уже всякую рассудительность отъ охватившаго его гнѣва.

Испуганныя, растерянные, буквально ничего не понимающія, мы стояли въ какомъ-то оцѣпенѣннн, не двигаясь съ мѣстъ.

— Въ уголъ! Бунтовать у меня?! затопалъ ногами Колпиковъ, а мы продолжали неподвижно стоять, такъ какъ не было физической возможности всѣмъ сорока человѣкамъ пойти и стать въ уголъ.

Между тѣмъ догадливая Софья Андреевна уже побѣжала за начальницей, и на выручку намъ явилась Анна Александровна. Умная, тактичная женщина, она сразу сообразила и то, что надпись не заключала въ себѣ никакого злого умысла, и то, что неповиновеніе наше требованію директора объяснялось просто невозможностью выполнить его, но съ другой стороны ей не хотѣлось обидѣть и Колпикова, отличавшагося непомернымъ самолюбіемъ въ отношеніяхъ съ равными себѣ. Она пустилась поэтому на хитрость и стала просить его, въ видѣ личнаго одолженія ей, замѣнить поворное для такихъ взрослыхъ дѣвиць стояніе въ углу какимъ-либо другимъ наказаніемъ, или же всего лучше—предоставить ей самой разобрать дѣло. Весьма вѣроятно, что Колпиковъ, нѣсколько остывъ, уже и самъ начиналъ сознавать нелѣпность придуманной имъ мѣры, и потому, покобянившись немного, онъ уступилъ просьбѣ начальницы и во всемъ престижѣ своего директорскаго званія позволилъ удалиться изъ класса. Анна же Александровна ограничилась тѣмъ, что оставила насъ безъ обѣда «за пачканье доски посторонними надписями». Такъ впервые пострадали мы за свои вольнолюбивыя убѣжденія...

Я перешла уже въ пятый классъ, когда въ одинъ прекрасный осенній день по гимназїи разнесся сенсаціонный слухъ о прибытіи трехъ новыхъ учителей, только что окончившихъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ. Волненію нашему и любопытству не было предѣловъ.

— Господа, я встрѣтила сегодня одного на улицѣ, взволнованнымъ голосомъ кричала Тая Короновичъ: — это непременно одинъ изъ нихъ, потому что я всѣхъ жителей города а перечетъ знаю. Маленькаго роста, совсѣмъ молоденькій И... расавчикъ! ну, просто писанный красавчикъ! Лицо умное, премное и глаза добрые, предобрые.

— А какого цвѣта—синіе? вмѣшалась Нина Бѣлохъ.

— Да, голубые.

— Ну, такъ это ты Оленича встрѣтила, новаго учителя

русской словесности. Онъ вчера былъ у насъ въ домѣ, и я съ нимъ познакомилась.

— А зачѣмъ онъ у васъ былъ?

Нина Бѣлохъ презрительно разсмѣялась: ея отецъ былъ слишкомъ важная персона въ городѣ, чтобы возможенъ былъ такой глупый вопросъ! Не отвѣчая, она продолжала:

— Только ни въ какомъ ужъ случаѣ онъ не красавчикъ. Молодой—это правда—и уже брюшко замѣтно! круглый, какъ шаръ. И притомъ — мямя. Слова тянетъ, тянетъ, надоѣсть ждать, пока одну фразу скажетъ. А въ довершеніе всего — хохоль и семинаръ, говорить на о, и никакого воспитанія! попробуй однако, влюбись, Таня.

— Тебя-то во всякомъ случаѣ не спрошусь, обиженно огрызнулась Таня, поворачиваясь къ Нинѣ спиной.—Аристократка противная! добавила она, какъ бы про себя:—хохоль, такъ ужъ и не человекъ для нихъ, а семинаръ — такъ хуже самого чорта.

— А какъ онъ будетъ объясняться тебѣ въ любви, Таня? продолжала подсмѣиваться Нина, точно и не слышавъ ея обиднаго отвѣта.—«Мо-я до-ро-гая! какъ е лю-блю тебя!» коверкала она слова на якобы семинарскій говоръ, вызывая общій смѣхъ.

Извѣстная всѣмъ слабость Тани была—находить каждого встрѣчнаго мужчину писаннымъ красавцемъ и очень скоро влюбляться. Она влюблялась не только по собственному вкусу въ живыхъ, видѣнныхъ ею людей, но и заочно, по рассказамъ другихъ, а также считала чѣмъ-то вродѣ священной обязанности «присоединяться» къ симпатіямъ подругъ, если случайно узнавала про нихъ. Такимъ образомъ она вѣчно кого-нибудь обожала, по комъ-нибудь «пропадала», умѣя при этомъ сочинять если и не хорошіе, то очень звучные, сердцераздираательные стихи.

Оленича мы вскорѣ увидали во-очію у себя на урокъ. Онъ, дѣйствительно, оказался маленькимъ, толстенькимъ молодымъ человекомъ, едва начавшимъ опустаться растительностью, страшно конфузливимъ, не рѣшавшимся глядѣть намъ прямо въ глаза своими большими водяно-голубыми глазами; говорилъ онъ вяло, точно сквозь сонъ, съ сильнымъ оканьемъ и рѣзкимъ хохлацкимъ произношеніемъ, по которому вмѣсто «Гоголь» выходило, какъ намъ казалось, «Хохоль». Тѣмъ не менѣе юный учитель сразу привлекъ къ себѣ наши сердца и, кромѣ Тани, нашелъ цѣлую кучу обожательницъ. Особенно тѣмъ плѣнилъ насъ Оленичъ, что за самые слабые отвѣты не рѣшался ставить меньше четверки; пятерки же такъ и сыпались изъ-подъ его пера за мало-мальски сносное знаніе урока. Поощренныя конфузливостью и мягкостью новаго преподавателя словесно-

сти, мы стали скоро вступать съ нимъ въ разговоры. Такъ, въ одинъ изъ первыхъ же уроковъ я и Таня Короновичъ обратились къ Оленичу съ просьбой рѣшить нашъ споръ о томъ, кто величайшій изъ русскихъ поэтовъ.

— А кто же... по вашему мнѣнью? спросилъ Оленичъ, застынчиво прикрывая руками свое улыбающееся, но вспыхнувшее, какъ пожаръ, лицо.

— Я говорю: Державинъ! отчеканила Таня:— у знаменитаго русскаго критика Бѣлинскаго есть статья, которая начинается словами: «Державинъ... какое имя!»

— А вы всего Бѣлинскаго прочли?

— Нѣтъ, не кончила еще, смѣло объявила Таня, хотя всѣ мы отлично знали, что она и не собиралась еще читать Бѣлинскаго, и я тщетно ломала себѣ голову, откуда могла она узнать фразу о Державинѣ.

Во мнѣ заговорила ревность: я считала себя несравненно развитѣе и начитаннѣе Тани и поторопилась поэтому сказать съ дрожью и вмѣстѣ съ апломбомъ въ голосъ:

— По моему, Державинъ давно устарѣлъ, и величайшимъ русскимъ поэтомъ слѣдуетъ признать Пушкина!

Оленичъ повернулъ въ мою сторону свое раскраснѣвшееся лицо съ глядящими изподлобья добрыми, свѣтлыми глазами.

— И вы очень его любите?

— Да, очень люблю.

— За что же, собственно, вы любите Пушкина?

— За то, что онъ былъ русскій душой... онъ такъ любилъ Россію... Такъ хорошо изобразилъ ее въ своихъ стихахъ.

Тутъ Оленичъ окончательно застыдился и, ка-алось, намѣревался спрятать свою голову подъ каеэдру. Лишь съ трудомъ можно было уловить то, что забормоталъ онъ въ отвѣтъ:

— Да, Пушкинъ, конечно, величайшій поэтъ... Это, точно, лучшая мѣрка для писателей... любовь къ родинѣ... Вы довольно правильно глядите на дѣло... Только... при такой точкѣ зрѣнія... вамъ слѣдовало бы... слѣдовало бы еще болѣе любить... Некрасова.

— Некрасова?!

Мы были изумлены. Нашему слуху едва было знакомо это имя, которое мы встрѣчали подъ кое-какими стишками въ дѣтскихъ хрестоматіяхъ. Мой апломбъ сразу исчезъ; я почувствовала себя въ свой чередъ пристыженной и уничтоженной. Тогда Ванда Гріельская, любившая всегда хватать быка за рога, поднялась тоже съ мѣста и попросила Оленича немедленно познакомить насъ съ Некрасовымъ, прочитавъ что-нибудь изъ его стихотвореній: вѣдь мсье Оленичъ, навѣрное, зсѣхъ русскихъ поэтовъ наизусть знаетъ. Молодой учитель, видимо, готовъ былъ сквозь землю провалиться. Онъ залепе-

таль что-то о гимназической программѣ, о томъ, что когда-нибудь впоследствии готовъ кое-что прочесть намъ, что мы и сами, наконецъ, можемъ достать сочиненія Некрасова изъ фундаментальной гимназической библіотеки. Но мы были неумолимы и хоромъ начали повторять просьбу Гріельской.

— Ахъ, бевстыдныя вы дѣвочки! вмѣшалась, наконецъ, Софья Андреевна, увидавшая, что еще минута — и Оленичъ, подобно гоголевской невѣстѣ, вскочить съ кресла и убѣжить вонъ изъ класса: — вы способны замучить того, кто къ вамъ хорошо относится... Ну, да ужъ уступите имъ, мсье Оленичъ, прочтите намъ что-нибудь.

Къ общему удивленію, Оленичъ внезапно набрался послѣ этого духу, открылъ лицо, поднялъ голову и, хоть съ грѣхомъ пополамъ, прочелъ наизусть «Размышленія у параднаго подъѣзда». Когда я теперь припоминаю это чтеніе, я знаю, что оно было изъ рукъ вонъ плохо, но въ тотъ моментъ аудитора была очень невзыскательна: и пѣвучая декламация учителя и содержаніе стиховъ, все показалось намъ одинаково изумительнымъ, дивно-прекраснымъ... Сердца наши были потрясены... Съ этого дня Некрасовъ сдѣлался нашимъ кумиромъ, и какихъ-нибудь два мѣсяца спустя большая часть класса знала наизусть всѣ лучшія его стихотворенія... Русскій крестьянинъ, русская женщина, ихъ вѣковыя, правдивыя въ своей безвѣстности страданія стали для насъ предметомъ завѣтнѣйшихъ думъ и мечтаній, а воспѣвавшая ихъ «муза мести и печали» — вторымъ евангелиемъ. Точно въ самомъ воздухѣ носившіяся въ тѣ годы сѣмена любви къ народу и самоотверженной преданности его интересамъ нашли въ нашихъ наивныхъ сердцахъ богатую и благодарную почву.—Отъ Оленича же узнали мы впервые о существованіи Тургенева и его поэтическихъ героинь-дѣвушекъ; тѣмъ болѣе не слыхивало до него большинство о Добролюбовѣ и Писаревѣ, о Помяловскомъ, Рѣшетниковѣ, Глѣбѣ Успенскомъ, о Щедринѣ и Островскомъ. Многія дѣвушки такъ и кончали гимназію, ничего о нихъ не слыхавъ. Впрочемъ, что тутъ удивительнаго, когда встрѣчались даже *учителя*, никогда не читавшіе ни одного изъ этихъ писателей!

Второй изъ молодыхъ учителей былъ преподаватель русскаго языка въ младшихъ классахъ Бѣлинскій — также хохоль, высокій, стройный брюнетъ съ красивымъ симпатичнымъ лицомъ и упрямой прядью черныхъ волосъ, падавшей ему на лобъ. Онъ также былъ ужасно неопытенъ и застѣнчивъ. Когда онъ проходилъ, бывало, по корридору мимо нашего класса, гимназистки начинали громко читать нараспѣвъ стихи Некрасова:

Бѣлинскій былъ особенно любимъ.
Молясь твоей многострадальной тѣни,

Учитель, передь именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

Бѣлинскій конфузливо горбился, отворачивался и быстрыми шагами пробѣгалъ мимо...

Третій изъ вновь прибывшихъ, Бореевъ, преподававшій арифметику въ младшихъ классахъ, былъ не таковъ на видъ—Суровое, непривѣтливое лицо землистаго цвѣта отличалось угловатыми, грубыми чертами; огромный острый носъ возвышался на немъ, подобно башнѣ; строгіе сѣрые глаза выглядывали сверху темныхъ очковъ. Но для ученицъ старшихъ классовъ не могло остаться секретомъ, что именно Бореевъ сдѣлался вкорѣ любимцемъ гимназистовъ... Съ некрасивой наружностью его очень скоро примирились. Что касается меня, ру склоною ная всегда изъ самолюбія идти въ разрѣзъ съ боль шинствомъ я называла Бореева даже красавцемъ и избрала именно его своимъ «кумиромъ». Поэтому, когда Бореевъ проходилъ, бы, вало, мимо нашего класса, подруги кричали мнѣ: «Лена! Лена!» Слыша каждый разъ при своемъ приближеніи этотъ крикъ и, вѣроятно, понявъ, что дѣлается какая-то связь между его и моею личностью, онъ сильно не влюбилъ меня; это видно было по непривѣтливому, почти сердитому взгляду, который онъ бросалъ на меня поверхъ своихъ темныхъ очковъ, при встрѣчахъ лицомъ къ лицу. Меня это страшно забавляло и заставляло еще больше прикидываться влюбленной въ Бореева...

V.

Ленька Доманскій, врагъ авторитетовъ и разрушитель эстетики.

Съ ранняго дѣтства знала я Леньку Доманскаго, своего дальняго родственника, ровесника и товарища по играмъ и шалостямъ, къ которому привыкла относиться даже нѣсколько покровительственно, какъ старшая сестра. Онъ представлялся мнѣ самымъ зауряднымъ мальчишкой, неуклюжимъ, косоплывымъ смѣшнымъ и подчасъ глуповатымъ. Но когда Доманскій перешелъ въ одно время со мной въ пятый классъ гимназіи, въ немъ произошла неожиданная для всѣхъ перемѣна и въ физическомъ, и въ умственномъ отношеніи. Прежде всего онъ какъ то сразу пересталъ казаться мальчикомъ, превратившись въ стройнаго, сильнаго юношу съ красивымъ чернымъ пушкомъ надъ верхней губою и горячими свѣтлоглубыми глазами; вмѣстѣ съ тѣмъ Леонидъ, или—какъ всѣ мы продолжали звать его—Ленька сталъ поражать своей развитостью, внезапно явившимся у него интересомъ къ серьезнымъ книжкамъ и

серьезнымъ вопросамъ и умѣнемъ красно и гладко говорить. Правда, все это ничуть не мѣшало ему оставаться прежнимъ легкомысленнымъ, вѣтренымъ и порой нелѣпымъ юношей. Какъ разъ въ эту пору и я переживала періодъ умственного и нравственнаго формироваія, и не мудрено, что, будучи и раньше пріятелями, теперь мы сблизились еще тѣснѣе; а черезъ меня подружались съ Ленькой и всѣ мои гимназическія подруги. Всѣ онѣ поочередно были предметомъ увлеченій не манскаго; однако, влюбляясь въ другихъ, лично ко мнѣ и онѣ переставали относиться съ ровной всегда любовью и преданностью. Будучи начитаннѣе и развитѣе меня въ формальномъ смыслѣ этого слова, онѣ всегда придавали почему-то огромную цѣну каждому моему слову и мнѣнію, до конца оставаясь моимъ Доизмѣннымъ поклонникомъ, моимъ «рыцаремъ безъ страха и упрека», готовымъ пойти для меня на всякій рискъ и на всякую жертву. Его не оскорбляло даже то, что, при всей своей привязанности къ нему, я, съ своей стороны, продолжала сохранять нѣсколько покровительственный, насмѣшливый тонъ; по два, по три раза въ день забѣгалъ онъ ко мнѣ, то подъ тѣмъ, то подъ другимъ предлогомъ, а когда по болѣзни я не ходила, случалось, въ гимназію, то навѣщалъ меня даже въ большую переѣмъ, являясь сообщить ту или другую гимназическую новость.

Ленька Доманскій былъ въ это время яркимъ поклонникомъ и послѣдователемъ писаревскихъ идей, запоемъ читалъ и изучалъ сочиненія Бюкля и Дарвина и принималъ самое дѣятельное участіе въ гимназическихъ кружкахъ саморазвитія. Понятно, что его увлеченія и интересы передавались и мнѣ, а черезъ меня и всему «кружку башибузуконъ». Любимымъ мѣстомъ нашихъ бесѣдъ и споровъ была скамейка подъ двумя огромными бѣлыми акаціями во дворѣ нашего дома, гдѣ я обыкновенно занималась во всѣ теплыя времена года. Весной, когда вся природа переживала, казалось, тревожную юношескую пору, и акаціи, одѣваясь своимъ бѣлымъ покровомъ, изливали опьяняющій медовый аромать, споры бывали особенно горячи и ожесточенны.

— Знаешь что, Елена, — вбѣгалъ ко мнѣ Доманскій, весь запыхавшись, взволнованный и сіяющій: — вѣдь это, право, изумительно, какъ самимъ намъ не приходило раньше въ голову?

— Что такое случилось?

— Ничего не случилось, а только и башка же этотъ Писаревъ!

— Ну, опять что-нибудь особенное вычиталъ?

— Нѣтъ, ты послушай только: исторія — вѣдь это чепуха, больше, какъ одна чепуха!

— Какая исторія?

— Ну, да вотъ наша исторія... наука, которую намъ пре-

подають. Чепуха, ерунда на постномъ маслѣ, собраніе вздорныхъ и никому ненужныхъ анекдотовъ!

Исторія никогда не была моимъ любимымъ предметомъ, но, съ другой стороны, я не любила принимать безъ борьбы ни одного новаго взгляда Леньки, хотя бы ваятаго имъ и отъ самого Писарева, котораго я, къ тому же, еще не читала. Поэтому я начинала спорить, защищая исторію «отъ ума» и сбивая порой съ позиціи своего горячаго, но вѣтренаго противника.

— Какъ это такъ анекдотовъ?—взмущалась я,—вѣдь, на каждой страницѣ учебника, подъ каждымъ почти событіемъ, помѣченъ годъ и иногда даже мѣсяць, когда что случилось?

— Ха-ха! Ха-ха!—разражался Ленька громкимъ, побѣдоноснымъ смѣхомъ, сильно задѣвавшимъ мое самолюбіе:—И ты принимаешь все это на вѣру? Ты вѣришь, наивная душа, что въ 862 году новгородцы, точно, ходили за мионическое море и приглашали варяговъ володѣть ими? А что ты скажешь, если я сообщу тебѣ собственную свою догадку, вчера только пришедшую мнѣ въ голову, что «варяги» эти были, быть можетъ, не что иное, какъ «вороги», завоевавшіе твоихъ великодушныхъ новгородцевъ? А? чѣмъ, скажи, хуже моя догадка догадокъ Погодина, Костомарова и всѣхъ другихъ? Или вотъ возьмемъ Чингисхана. Движимый честолюбіемъ, онъ взялъ да и повелъ на Европу несмѣтныя орды изъ глубинъ Азіи, и случилось это въ такомъ-то году. А что если на дѣлѣ-то ордамы этимъ просто-на-просто жрать нечего стало въ своей Азіи, и будь или не будь на свѣтѣ великій Чингисханъ—онъ все равно двинулись бы впередъ, какъ движется голодная саранча или полная электричествомъ туча? Нѣтъ, госпожа Лозицкая, нѣтъ, ровно ничего вѣрнаго не знаете вы о прошедшихъ судьбахъ человѣчества, хотя хронологія и вызубрена вами на славу по учебнику Иловайскаго! Долой поэтому исторію, къ чорту исторію, и да здравствуетъ свѣтлая, трезвая наука естествознанія!

— Постой, а Костомаровъ какъ же? Давно-ль ты самъ восхищался его сочиненіями, его критикой установившихся взглядовъ; а, вѣдь, онъ тоже историкъ?..

— И Костомарова туда же, ко всѣмъ чертямъ! Все вздоръ, враки, одни пустыя гаданія. Всѣхъ историковъ на свѣтѣ отдамъ я за одну строчку Писарева.

— Тогда и газетъ, значить, не нужно, потому что онѣ современной исторіей занимаются?

— А что жъ, и въ газетахъ къ чорту политическіе отдѣлы. Подумай ты сама: чѣмъ занимается эта прославленная политика? Что такое исторія, вообще? Иванъ побилъ сегодня Степана, а на завтра Степанъ, поплотнѣе позавтракавъ, оттузилъ Ивана—вотъ она исторія, вотъ политика. На какого же мнѣ

лѣпшаго твоя исторія, твои Александры Македонскіе, твои Наполеоны Великіе?

— На будущее время они, конечно, не нужны намъ; но, вѣдь, они были, вѣдь, они—историческій фактъ?

— Отрицаю, самое существованіе ихъ отрицаю! Они для меня—пустое мѣсто, нуль, меньше нуля!

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Постой, Ленька, ты увлекаешься, ты путаешься...

— Какъ такъ путаюсь? Въ чемъ? Гдѣ? Ну-ка, ну-ка, посмотримъ.

— Да, конечно, путаешься. Исторіи, говоришь, не нужно, газетъ не нужно... А откуда же самъ ты узналъ все то, что говоришь про Чингисхана и прочее?

— Отъ Иловайскаго, небось?

— Не отъ него, но всетаки изъ той же исторіи. Учебники ты разносишь, можетъ быть, и не дурно, но не самую науку.

Споръ разгорался; Ленька кипятился, раздражался и доходилъ въ концѣ концовъ до явныхъ для самого себя несообразностей и абсурдовъ почище даже отрицанія существованія на свѣтѣ Наполеона и Александра Македонскаго. Тогда, взбѣшенный, выведенный изъ себя моими насмѣшками, не простившись со мной, онъ убѣгалъ еще подчитывать своего Писарева.

Въ компаніи со мной, Таней, Нисей и Вандой Ленька читалъ раньше Лермонтова и упивался Некрасовымъ, зналъ наизусть великое множество стиховъ и даже самъ грѣшилъ иногда рифмачествомъ; но онъ внезапно охладѣлъ къ поэтамъ и началъ разносить ихъ, какъ только прочиталъ къ концу пятаго класса знаменитую статью Писарева о Пушкинѣ и Бѣлинскомъ. Это обстоятельство было особенно горько для насъ, дѣвушекъ, которыя, не читавъ еще Писарева, переживали пору самого горячаго и беззавѣтнаго увлеченія поэзіей Некрасова; поставленныя между двухъ огней, съ одной стороны—жестокій логики здраваго смысла, которую съ голоса Писарева развивалъ передъ нами Ленька въ своихъ нападкахъ на поэзію, съ другой—логики чувства, говорившаго намъ, что поэзія есть одна изъ лучшихъ радостей жизни, мы не спали, бывало, цѣлыя ночи напролетъ, придумывая, какими бы новыми доводами сразить своихъ ужасныхъ противниковъ. Понятно, что борьба противъ поэзіи и за нее кипѣла, главнымъ образомъ, вокругъ стиховъ.

— Стихи—ерунда, дичь!—заявлялъ теперь Доманскій съ обычной своей категоричностью и убѣжденностью въ голосѣ и жестахъ.—Ну, скажите ради Бога, кто и когда говорилъ въ жизни, въ живой жизни стихами, рифмами?

— А кто говорить въ жизни такими длинными и красивыми періодами, какими пишетъ твой Писаревъ?—возражала

на это я.—Ужъ не думаешь ли ты, что онъ сочинялъ ихъ безъ всякихъ помарокъ?

— Конечно, безъ малѣйшихъ, будь въ этомъ увѣрена!

— Но говорилъ-то онъ развѣ такъ же складно, какъ писалъ?

— Этого я не знаю хорошенько. Думаю, впрочемъ, что онъ и говорилъ прекрасно. Ахъ, это такая была голова! Да чего ты сомнѣваешься? Развѣ ты не знаешь, что бывають ораторы, которые говорятъ даже лучше, чѣмъ пишутъ? Ну, а стихами-то, ужъ навѣрное, никогда никто не говорилъ. И по моему, стихи—это даже верхъ безвкусія, пошлости и глупости. Видела ты черновыя рукописи Пушкина, хотя бы, напримѣръ, его звучной и вдохновенной «Полтавы»? Чернякъ этотъ приложенъ къ его сочиненіямъ. Ну, это вѣдь безобразіе, это поворъ! У несчастнаго стихоплета просто черепъ долженъ былъ трещать по всѣмъ швамъ, придумывая эту вдохновенную звучность, подбирая эти нарядныя рифмы! Вотъ тебѣ и муза, влетающая къ господамъ поэтамъ въ окно, вотъ тебѣ и «Горить востокъ зарею новой», который мы зубримъ къ экзаменамъ съ такой наввною вѣрой въ его вдохновенное происхожденіе!

— Въ такомъ случаѣ, что же скажешь ты про Некрасова, который самъ сознается, что стихъ не легко дается ему?

— Ну, этотъ, по крайней мѣрѣ, искренень. Хотя, впрочемъ, что же за птица такая и Некрасовъ? Писаревъ и его по головкѣ не погладили бы. Конечно, за содержаніе стиховъ его укорить нельзя; но это нисколько не мѣшаетъ мнѣ утверждать, что и Некрасовъ большой чудакъ, что и онъ во сто бы разъ умнѣе поступилъ, если бы вмѣсто стиховъ писалъ обыкновенной, разумной человѣческой рѣчью.

— Ленъка, что ты говоришь! А кто жъ бы написалъ тогда «Русскихъ женщинъ», «Кому на Руси жить хорошо»?

— Вотъ бѣда!.. Онъ въ прозѣ лучше бы еще написалъ.

— Однако, писалъ же онъ что-то въ прозѣ, да, говорятъ, плохо?

— Оттого, что не хотѣлъ. Онъ привыкъ, бѣдняга, главнымъ дѣломъ своей жизни считать стихи,—ну, и отдаетъ лучшія силы этой нелѣпой задачѣ. Я, право, не удивляюсь, что поэты наши и живутъ такъ мало, не удивлюсь, если и Некрасовъ скоро протянетъ ноги: попробуй-ка столько попотѣть надъ подыскиваньемъ этихъ проклятыхъ рифмъ, надъ укладкой словъ и мыслей въ метръ—небось, не проживешь долго!

— А почему же Гете жилъ долго?

— Нашла кого взять. Впервыхъ, нѣмецъ, а нѣмецкій языкъ несравненно выработанныѣ русскаго, и тамъ всякій самъ пожникъ безъ труда стихи пишетъ. А, ввторыхъ, Гете, вѣдь, былъ извѣстный идиотъ, безъ малѣйшаго задатка нравственныхъ

понятій. Черепъ у него, по всей вѣроятности, былъ очень крѣпокъ.

Вообще, для Ленъки не существовало никакихъ трудныхъ или сложныхъ вопросовъ: Писаревъ былъ для него такой великолѣпной отмычкой, съ помощью которой самые мудреные ларцы открывались очень просто, удобно и скоро. Не въ силахъ парировать его доводы такими же своими доводами, иногда чуть не плача отъ сознанія своего безсилія, отъ горькаго сожалѣнія о «гибнущей» и все же горячо любимой поэзіи, я навѣдывалась на него часто съ упреками въ лекомысліи, въ отсутствіи собственныхъ убѣжденій, въ раболѣпствѣ передъ авторитетами.

— Что тебѣ книга послѣдняя скажетъ, то на дуплѣ твоей сверху и ляжетъ... Стыдись, Ленъка! Давно-ли самъ ты извустъ училъ Некрасова? Гдѣ же послѣ этого доказательства, что завтра ты не станешь разносить Писарева и расшибать лобъ передъ кѣмъ-нибудь другимъ?

Ничѣмъ сильнѣе нельзя было уколотъ самолюбіе Ленъки, оскорбить и вывести его изъ себя, какъ подобными сомнѣніями въ твердости его убѣжденій, и только мнѣ одной онъ скоро прощаль такія оскорбленія.

Томъ за томомъ таскалъ намъ Доманскій сочиненія боготворимаго имъ Писарева, но, не желая разставаться съ своими дорогими иллюзіями и инстинктивно страшась всесокрушающей софистики, мы не торопились читать ихъ. Мы предпочитали воспринимать новыя идеи черезъ Ленъку: такъ было легче и спорить и бороться съ ними... Мы, дѣвушки, читали, впрочемъ, вообще, значительно меньше сверстниковъ-юношей и были, въ сущности, невѣждами сравнительно хотя бы съ тѣмъ же Ленъкой; но это ничуть не мѣшало намъ, считая себя взрослыми и помня, какъ недавно еще онъ казался намъ мальчишкой; высокомерно спорить съ нимъ по поводу самыхъ важныхъ и непонятныхъ намъ философскихъ вопросовъ, лишь съ помощью всевозможныхъ уловокъ и хитростей скрывая свое несосвѣтливое невѣжество. Спорили мы большею частью «отъ ума», и только склонность Ленъки вдаваться всегда въ крайности, доводить свои положенія до явныхъ абсурдовъ позволяла намъ нерѣдко выходить съ честью изъ этихъ неравныхъ битвъ. Такъ, увлекшись теоріей Дарвина, Ленъка готовъ былъ одно время преклониться передъ грубою физической силой, а ослѣпленный блестящей, поразительно-простой и ясной исторической концепціей Бокля, отрицалъ всякое значеніе отдѣльныхъ личностей и издѣвался надъ «такъ называемыми» великими людьми и героями... За свое сочиненіе по русской

словесности о Петрѣ Великомъ, гдѣ онъ «развѣнчивалъ» геніальнаго царя, преобразователя Россіи, отзываясь о немъ въ самыхъ непочтительныхъ выраженіяхъ, Ленъка чуть не вылетѣлъ изъ гимназіи, спасенный только заступничествомъ директора Болпинова, который считалъ способнаго Доманскаго красой и гордостью заведенія. Ленъка отдѣлался тѣмъ, что просидѣлъ цѣлую недѣлю въ карцерѣ и былъ переведенъ въ слѣдующій классъ безъ награды.

Л. Мельшинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Борьба за избирательную реформу въ Англии и реформа 1832 г.

VI.

Во второй разъ въ теченіе пятилѣтія рабочее населеніе Англии попыталось добиться реформы парламента, замѣны выборной системы, благопріятной исключительно почти однимъ землевладѣльческимъ интересамъ, новой системой, которая должна была всецѣло опираться на демократическихъ принципахъ, на всеобщей подачѣ голосовъ, и во второй разъ потерпѣло пораженіе. Оправившееся на значительное большинство въ обѣихъ палатахъ министерство не только отстранило заявленныя требованія, но приняло рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью уничтожить на будущее время даже самую возможность возбуждать столь пагубные и опасные вопросы, какъ вопросъ о реформѣ. Законы, составленные Ельдономъ и Сидмутъ, были приняты, побѣда, казалось, была полной, и опасность, которая заставляла «дрожать отъ паническаго ужаса» руководящія сферы, опасность превращенія аристократической Англии въ демократическую страну,—миновала.

Но то было лишь одной видимостью. На дѣлѣ побѣда была крайне незначительной.

Принятые «шесть актовъ Кэстльри» не произвели ожидаемаго впечатлѣнія и дѣйствія на умы, и опасность дальнѣйшаго движенія въ пользу реформы возникла вновь, раньше истеченія перваго года послѣ опубликованія биллей.

Въ настроеніи общественнаго мнѣнія начала совершаться уже въ 1819 г. значительная перемѣна, усиливавшаяся въ теченіе послѣдующихъ десяти лѣтъ и постепенно унесшая в шесть биллей, и ретивыхъ членовъ министерства, и оплоты землевладѣльческихъ интересовъ въ видѣ исключительныхъ правъ, которыми владѣло оно по постановленіямъ парламента, и, наконецъ, и старую избирательную систему. Министерство, руководимое Кэстльри и его союзниками, Сидмутъ и Ельдономъ, само отчасти содѣйствовало измѣненію общественнаго мнѣнія и ускорило его своимъ образомъ дѣйствій и своими законопроектами. Пренія 1816 и 18 гг., нападенія оппо-

зидці, пытавшеяся разоблачить мѣропрятія Сидмута, не могли не отразиться на общественномъ мнѣніи. Политика же министерства въ 1819 г. дала сильный толчокъ едва начавшемуся повороту въ настроеніи страны. Манчестерскія событія, сопротивленіе, оказанное министерствомъ предложенію, назначить слѣдственной комисію по манчестерскому дѣлу, предложенію нашедшему полный откликъ въ странѣ, породили чувства, въ высокой степени неблагопрятныя для министерства и обѣихъ палатъ даже въ кругахъ, враждебно настроенныхъ противъ радикальной партіи. Оттого и на самые шесть биллей общество стало смотрѣть, какъ на неудачную попытку подражать системѣ Меттерниха, воспроизвести ее въ странѣ, конституціонные порядки которой стояли въ противорѣчій съ этой системой. Оттого министерство не рискнуло потребовать вновь отъѣны habeas corpus. Оно, видимо, колебалось, не рѣшалось пойти по старому пути, начертанному въ девяностыхъ годахъ Питтомъ младшимъ, и, какъ мы видѣли, скопированному раньше Сидмutomъ, или просто поняло что орудіе притупилось, что пользоваться имъ—безполезно. Попытка вернуться къ старому была, правда, одѣлана въ 1820 г., но окончилась полнымъ фіаско. Ни темное дѣло заговора въ Като-Стривъ, детали котораго одѣлались извѣстны главнымъ образомъ благодаря свидѣтелю, не фигурировавшему на судѣ, ни появленіе внезапно въ Англии и Шотландіи массы воззваній, призывавшихъ рабочее население къ возстанію съ оружіемъ въ рукахъ, не помогли дѣлу и встрѣтили почти полное равнодушіе въ публикѣ, той самой публикѣ, которая сильно волновалась отъ ужаса, когда ей сообщали о Спа-Фильдѣ или подвигахъ бланкетеровъ. Даже болѣе. Въ воззваніяхъ весьма многіе готовы были усмотрѣть руку агентовъ *). Поэтому и вѣсть о «битвѣ» при Волпушигъ, гдѣ одиннадцать человекъ кавалеріи и столько же человекъ милиціи одержали верхъ надъ кучкой людей, объявленныхъ тотчасъ же «радикалами», и взяли ее въ плѣнъ**) возбудила улыбки и послужила позже орудіемъ для сарказма въ палатѣ. 19 человекъ было арестовано, но только три осуждено, не смотря на склонность присяжныхъ въ то время къ обвинительнымъ вердиктамъ, склонность, которую испыталъ на себѣ и Гентъ, и Бердеттъ, и Картрайтъ, и др.

Очевидно, что министерство держалось лишь благодаря сочувствующему ему большинству въ палатахъ, но утратило уже почву въ странѣ и чувствовало себя все болѣе и болѣе слабымъ. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ побѣды въ палатахъ по вопросу о шести билляхъ, какъ настроеніе общества по отношенію къ министерству нашло себѣ выраженіе въ лицѣ одного изъ умѣренныхъ

*) Ann. Reg. 1820, 370. «By some he (авторъ hand-bill, разбросанныхъ въ Глазго и др. мѣстахъ) is expressly said to have bleu a spy of government» etc.

**) Ib., occurs, 107 и др.

членовъ палаты. «Что касаето министровъ, воскликнуть Сигвен въ палатѣ общицъ 23 января 1821 г., то они доказали свою полную неспособность къ управленію. Никогда еще все общество не было до такой степени проникнуто убѣжденіемъ въ этой ихъ неспособности, какъ въ настоящее время, и убѣжденіе это до того сильно, что всѣ англичане, безъ различія сословія и званій, взираютъ на ихъ удаленіе, какъ на единственную свою надежду» *). И эта рѣчь не была лишь личнымъ или единичнымъ мнѣніемъ члена палаты: его раздѣляло и большинство націи. Скаandalное дѣло и процессъ королевы Каролины, процессъ, въ которомъ министерство, въ угоду Георгу IV, вело себя до того безтактно, что заставило наиболѣе даровитаго изъ членовъ его, Каннинга, отказаться отъ портфеля, не только вызвало протесты въ странѣ, но и объединило временно въ одно и томъ же настроеніи и народную массу, рабочее населеніе съ его радикальными вождями, и либеральныхъ виговъ съ ихъ многочисленными приверженцами, и создалъ именно тотъ союзъ, на который, какъ на якобы существующій, уже указывалъ въ 1819 г. Ельдонъ.

Но ошибки министерства по дѣлу королевы были не единственными причинами полнаго паденія его въ глазахъ большой публики. Министерство добилось изданія драконовскаго, повидимому, закона противъ прессы, а между тѣмъ, не смотря на весьма усердныя преслѣдованія прессы, характеръ послѣдней не только не измѣнился, но сдѣлался болѣе рѣзкимъ. Покровительство ковенное, оказываемое министерствомъ одной изъ самыхъ грязныхъ газетъ, знаменитой «John Bull», выливавшей потоки грязи на королеву и ея защитниковъ виговъ, то обстоятельство, что и газета, и все болѣе увеличивающаяся масса брошюръ, памфлетовъ извѣстнаго направленія оставались безнаказанными, открывали двери и дѣятелямъ радикальной партіи, не перестававшей агитировать въ пользу реформы. Законъ о печати оказывался какъ бы мертвой буквой, и тѣ, кто продолжалъ смотрѣть на вопросъ о реформѣ, какъ на вопросъ чуть не о революціи, торі-перы, торі-епископы и т. п., сочли себя вправѣ принять свои мѣры противъ разлива и распространенія того, что они называли революціоннымъ духомъ. Они сформировали «конституціонную ассоціацію», общество, которое враги окрестили названіемъ «Bridge Street Gang» **), и постепенно стали разыгрывать по отношенію къ прессѣ роль прокурорскаго надзора, возбуждали преслѣдованія и добивались обвинительныхъ приговоровъ, произнесеніе которыхъ было тѣмъ болѣе возможнымъ, что члены ассоціаціи являлись нерѣдко и присяжными, и шерифами и т. д. Крикъ негодованія раздался въ Англій, когда дѣйствія ассоціаціи стали всѣмъ ясны, и оппозиція дала генеральную битву министерству, которое вело и слабо защищало

*) Hansard, New series. IV, 46.

**) Ann. Reg., 1821, 60—61. См. E. May, II, 179 и сл.

одно изъ своихъ же дѣтницъ. *) Если оппозиція не удалось одержать полную побѣду въ парламентѣ, то въ обществѣ сильное впечатлѣніе было произведено разоблаченіями Брума и блестящей рѣчью въ защиту прессы Лешингтона **). Убѣжденіе, что министерство бессильно и слабо, что оно не останавливается предъ нарушеніемъ дорогой англичанамъ личной свободы, укоренилось еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

Между тѣмъ новый врагъ министерства появился на сценѣ въ лицѣ какъ нѣкоторыхъ тори, такъ и земледѣльческаго класса и особенно фермеровъ. Тѣже причины, которыя побудили рабочее населеніе все съ большей и большей энергіей настаивать на реформѣ парламента, начали оказывать свое дѣйствіе и на земледѣльческіе, а отчасти и землевладѣльческіе классы. Покровительство, оказанное палатами въ 1815 г. землевладѣльцамъ созданіемъ новаго хлѣбнаго закона и ставкою въ 80 шилл., доставившее крупныя барыши землевладѣльцамъ, стало терять свою силу. Не смотря на то, что въ Англію до 1822 г. хлѣба вовсе не ввозили изъ за границы, съ 1820 г. цѣны на хлѣбъ начали быстро падать: до 65 ш. въ 1820, до 54 ш. въ 1821, до 47 ш. въ 1822, а параллельно падали все болѣе и болѣе и барыши, получаемыя землевладѣльцами и фермерами. Для земледѣлія и землевладѣнія наступилъ сильнѣйшій кризисъ, какого они еще не переживали въ XIX в., и, естественно, глаза всѣхъ землевладѣльцевъ, въ особенности чистыхъ тори, обратились къ правительству: оно должно было спасти ихъ отъ послѣдствій кризиса, приостановить кризисъ, принять для этого мѣры. И министерство, и парламентъ были министерствомъ и парламентомъ тори, были естественными и необходимыми покровителями интересовъ землевладѣнія, и на нихъ возложена теперь была вся надежда. Но у министерства не оказалось никакого плана, никакого проекта мѣръ; болѣе того: оно крайне неохотно шло на встрѣчу требованіямъ землевладѣльцевъ и даже пробовало два раза добиться у палатъ отміны рѣшеній, казавшихся землевладѣльцамъ необходимыми для ихъ интересовъ. Комиссія, назначенная для изслѣдованія положенія земледѣлія въ странѣ и причинъ кризиса, не пришла ни къ какому серьезному результату, и изъ всѣхъ проектовъ, предложенныхъ землевладѣльцами, прошелъ одинъ: отміна налога на лошадей. Но какое значеніе могла имѣть эта отміна, когда кризисъ продолжался, цѣны падали и усиленные вопли о разореніи шли отовсюду? Вѣра въ министерство и парламентъ сразу пала и среди фермеровъ, и среди нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ, и новое, невиданное еще въ Англіи движеніе создано въ ихъ средѣ. Если ни министерство, ни парламентъ не помогаютъ, помощь должно оказать себѣ само населе-

*) Ib., 61.

***) Ib., 62—3.

ние, и вся Англия покрылась сразу массой митинговъ. Началась сильнѣйшая политическая агитація, агитація, въ которой принимали участіе крупныя землевладѣльцы, а главную роль играли фермеры. Рѣзкія слова, горячія рѣчи раздавались на этихъ сельскихъ митингахъ, слова и рѣчи, ни въ чемъ почти не уступавшія рѣчамъ на митингахъ въ Спа-Филдѣ. Резолюціи, принятія на всѣхъ митингахъ, были вполне единодушными, и въ числѣ главныхъ требованій, предъявленныхъ земледѣльческимъ классомъ, стояла *реформа парламента*, отмена десятины, принудительное пониженіе процентовъ государственнаго долга, уменьшеніе налоговъ. *) Люди, отличавшіеся консерватизмомъ своихъ мнѣній, поддерживавшіе существующій порядокъ, защищавшіе министерство и вотировавшіе за всѣ его мѣры, направленные противъ радикаловъ, заговорили буквально тѣмъ же языкомъ, какимъ говорили радикалы, выступили съ радикальными требованіями. И министерство оказывалось уже совершенно бессильнымъ подавить движеніе, ибо оно начато было тѣми, кто за одно шелъ съ нимъ при отбѣнѣ habeas corpus, при созданіи шести биллей Кэстлери, чтобы подавить радикальное движеніе; добиться ихъ голосовъ для такихъ же мѣръ, направленныхъ противъ нихъ самихъ, было, конечно, невозможно; столь же бессильнымъ оказалось оно, не смотря на свои шесть биллей, предъ фактомъ проникновенія идей Коббета **) и его газеты въ среду фермеровъ. О созданіи секретнаго комитета, предъявленіи ему бумагъ, о возбужденіи процессовъ по обвиненію въ high treason и т. п. нечего было и думать, такъ какъ дѣятелими явились не Гэнтъ или Картрайтъ, а члены палаты, члены консервативнаго большинства.

Теперь земледѣльческой кризисъ заставилъ и тѣхъ, кто съ негодованіемъ отвергалъ требованія радикальныхъ митинговъ 1817 и послѣдующихъ годовъ о сокращеніи расходовъ и уменьшеніи бремени налоговъ, настаивать въ палатѣ на выполненіи совершенно такой же и даже еще болѣе радикальной программы, не остановившейся и предъ революціонною мѣрою—пониженія процентовъ государственнаго долга. Министерству *volens volens* приходилось идти по стопамъ вчерашнихъ союзниковъ, вносить въ палату проекты сокращеній, смотрѣть хладнокровно, какъ рядъ проектовъ, отвергнутыхъ прежде, вновь вносятся на обсужденіе палаты, и какъ новые члены вроде Юма, въ радикализмѣ котораго министерство не сомнѣвалось, захватываютъ въ свои руки финансовую политику, даютъ ей тонъ. Перемѣна декораціи была почти полная, и мало по малу министерство стало падать подъ давленіемъ

*) App. Reg., 1822, стр. 1 и 2.

**) Въ слѣд. 1823 г., Коббетъ и самъ лично говорилъ на одномъ изъ сельскихъ митинговъ, именно въ Норичѣ, гдѣ среди громкихъ аплодисментовъ приняты были всѣ радикальныя предложенія его относительно финансовъ. App. Reg., 1823, 2—3.

омъ новыхъ обстоятельствъ. Въ началѣ 1822 г. Сидмутъ покинулъ министерство внутреннихъ дѣлъ, которымъ онъ завѣдывалъ долгіе годы, и почти черезъ годъ его родичи, Батеротъ и Ванситтаръ, полагивали его примѣру. 12 августа 1822 г. главная сила министерства, лордъ Кестльри, зарѣзался въ припадкѣ безумія перочиннымъ ножомъ, и своей смертью нанесъ послѣдній и самый тяжелый ударъ той системѣ, представителемъ которой онъ являлся и которая господствовала въ Англіи въ теченіе болѣе 7 лѣтъ.

Цѣлый рядъ министерскихъ портфелей оказался безъ владѣльцевъ, и пришлось создавать почти заново все министерство, въ которомъ наиболѣе крупными представителями старой системы являлись Ливерпулъ и Ельдонъ. Но послѣдній, единственный защитникъ во что бы ни стало стараго порядка вещей, ожесточенный врагъ хотя бы самыхъ ничтожныхъ измѣненій и реформъ въ какой бы то ни было отрасли управленія, былъ почти одинокъ. Въ Ливерпулѣ ему трудно было найти поддержку, такъ какъ у премьера не было никакой опредѣленной политики, и онъ поддерживалъ то, за что стояли болѣе энергичные министры. Пока былъ Сидмутъ, онъ былъ противникомъ новаго уголовного кодекса, но когда на сторону кодекса сталъ Пиль, онъ вотировалъ за него, какъ вотировалъ за вѣдущую политику Кестльри, а затѣмъ съ такой же ревностью и за противоположную политику Каннинга. Защитить старое онъ былъ не въ силахъ, и потому всецѣло подчинился влиянію новыхъ министровъ, главнымъ образомъ Каннинга, получившаго постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Почти всѣ новые министры принадлежали къ партіи торъ, но появленіе ихъ въ министерствѣ не было лишь перемѣной лицъ, а измѣненіемъ самой системы. Система иностранной политики Кестльри была теперь отброшена и совершенно новаго образа дѣйствій сталъ придерживаться Каннингъ, почти сразу же выступившій на защиту либеральныхъ теченій въ Европѣ и въ Ю. Америкѣ. Перемѣна фронта въ иностранной политикѣ не могла не сказаться до нѣкоторой степени во внутренней политикѣ, и она сказалась въ ней и при Каннингѣ, и послѣ его смерти, и при Уэллингтонѣ. Измѣненія и настроенія общественнаго мнѣнія, усиливавшееся влияніе промышленныхъ классовъ и ихъ интересовъ, все сильнѣе и сильнѣе вліяли на правительственную систему и постепенно приводили къ частичному разрушенію старыхъ порядковъ. Нѣсколько новымъ духомъ повѣяло въ Англію; въ теченіе 8—10 лѣтъ страна какъ бы переродилась.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на послѣдовательномъ изложеніи зего того, что сдѣлано было въ теченіе времени съ 1822 по 1831 г., о необходимо указать на наиболѣе важныя изъ принятыхъ реформъ, одрывавшихъ старый строй и подготавливавшихъ почву для реформъ парламента.

Запрещеніе, созданное въ концѣ XVIII в. и лишившее рабочее населеніе права организовать союзы и сообщества, по ини-

ціативѣ рабочаго Френсиса Пласа и при помощи новаго члена парламента, Юма, было отмѣнено парламентомъ, въ 1824 г. Мотивомъ, подѣйствовавшимъ на парламентъ послужило провозглашеніе свободы труда, при которой, говорилъ Юмъ, совершенно немислимо было бы сохранять силу дѣйствія стараго закона. Аргументы Юма оказали дѣйствіе и статуть 1799 г. былъ вычеркнутъ и замѣненъ новымъ, предоставлявшимъ рабочимъ создавать вновь *trades unions*. Правда, въ 1825 г. статуть былъ ограниченъ въ томъ смыслѣ, что единственно дозволенными союзами и ассоціациями рабочихъ были признаны тѣ, которые имѣютъ цѣлью регулировать рабочую плату, но основной принципъ закона былъ сохраненъ. Не менѣе важными были статуты, касавшіеся тѣхъ правъ землевладѣнія, которыя ставили землевладѣльцевъ въ особое и привилегированное положеніе. То, чего напрасно добивался Ромильи, что онъ отстаивалъ во имя «самой обиденной честности», именно: отмѣна охраны дворянской земли отъ продажи за долги, было отчасти принято въ 1830 г., и специальнымъ парламентомскимъ актомъ на наследника недвижимаго имущества возлагалась обязанность при продажѣ земли уплатить всѣ лежащія на ней долги. Помощіе землевладѣльцевъ приравнивалось до нѣкоторой степени къ положенію купцовъ и др. лицъ, относительно которыхъ, какъ мы видѣли, Ромильи удалось провести такой же законъ, какой онъ внесъ въ палату и по отношенію къ землевладѣльцамъ. Еще въ 1825 г. внесенъ былъ проектъ закона, отмѣнявшій другую привилегію аристократіи, право охоты, и феодальный законъ о ней. Этотъ проектъ былъ принятъ палатой общинъ, но отвергнутъ лордами, оказавшимися вынужденными принять его въ 1832 г. во время борьбы за реформу. Право патроната и раздача бенефіцій, которыми пользовались лорды и министры для своихъ сыновей и друзей, стали въ двадцатыхъ годахъ выходить изъ употребленія, по инициативѣ никого иного, какъ лорда Ливерпуля.*) Исключительному господству высокой церкви надъ диссентерами и католиками, лишенными политическихъ правъ, былъ нанесенъ сильнѣйшій ударъ и нанесенъ никѣмъ инымъ, какъ столбомъ консерватизма, Уэллингтономъ. Въ апрѣлѣ 1829 г. онъ заставилъ Георга IV подписать актъ объ эмансипаціи католиковъ. А за годъ раньше, 17 апрѣля 1828 г. два изъ возмутительныхъ актовъ стараго времени, *Test and Corporation acts*, лишавшіе диссентеровъ гражданскихъ и политическихъ правъ, были отмѣнены обѣими палатами по инициативѣ Джона Росселя и при поддержкѣ Пила. Право засѣдать въ парламентѣ было расширено на значительную группу лицъ; одинъ изъ основныхъ принциповъ партіи тори былъ этимъ разрушенъ, и господству палаты лордовъ въ политикѣ и законодательствѣ страны нанесенъ крупный ударъ. Недаромъ Ельдонъ называлъ билль о диссентерахъ «по-

*) *Life of Liverpool*, III, 380 и сл.

зорчайшимъ изъ биллей», отзывался о немъ какъ о крайне революціонной мѣрѣ *); съ точки зрѣнія правовѣрныхъ тори весь періодъ времени съ 1822 г. былъ революціоннымъ, хотя въ дѣйствительности вся революція заключалась въ слабыхъ попыткахъ, то сознательныхъ, то безсознательныхъ, уменьшить преобладающую и исключительную роль землевладѣльческихъ интересовъ, и въ стремленіи открыть болѣе широкую дверь промышленнымъ интересамъ и движимому капиталу. Преступныя, съ точки зрѣнія чистыхъ тори, замѣненія министра Гескиссона, открыто выказывавшагося за свободу торговли и отмену, если не полную, то частичную, хлѣбныхъ законовъ, ясно свидѣтельствовали, въ какую сторону направляется симпатія новыхъ дѣятелей въ министерствѣ и въ палатѣ. Уже раньше министру Уоллесу удалось провести рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью расширить свободу торговли, отменить навигаціонный актъ Кромвеля, открыть для колоній чужеземные рынки и т. д.***) А Гескиссонъ, добившійся отъ палаты во имя свободы торговли разрѣшенія допускать ввозъ въ Англію иностраннаго хлѣба, нанесъ чувствительный ударъ системѣ явнаго покровительства землевладѣльческимъ интересамъ, а отсюда и положенію занимаемому въ жизни страны землевладѣльческимъ аристократическимъ классомъ.

Недвижимымъ и нетронутымъ оставался лишь главный изъ оплотовъ, на которые опирался аристократическій строй страны, — выборная система. Но постепенное измѣненіе въ настроеніи общественнаго мнѣнія, послѣдовательное отступленіе отъ старой системы, проявившееся въ палатѣ и въ министерствахъ, должны были раньше или позже привести не только къ нападенію на нее, но и къ разрушенію ея. Пока эти измѣненія и отступленія отражались, до 1830 г., въ усиленіи открытыхъ нападеній на парламентскіе порядки и въ агитаціи въ пользу реформы.

Когда рабочее населеніе въ 1817—18 гг. взяло на себя инициативу борьбы съ аристократическимъ англійскимъ строемъ, — въ рядкахъ даже либеральной партіи оно не находило ни малѣйшей поддержки. Впечатлѣніе ужасовъ французской революціи было живо у большинства тогдашнихъ дѣятелей, и даже самые либеральные изъ нихъ склонны были усматривать въ малѣйшей попыткѣ измѣнить или потребовать измѣненія въ конституціи, особенно, когда такая попытка исходила изъ среды «черни», «толпы», — чуть не несомнѣнные признаки повторенія революціи и въ Англіи. Немногіе защитники народныхъ требованій въ палатѣ вызывали нескрываемое раздраженіе и вражду со стороны громаднаго большинства и равноше со стороны незначительнаго меньшинства, склоннаго, правда, къ реформѣ, но лишь въ самой умѣренной формѣ, въ видѣ частичныхъ поправокъ или допущенія въ извѣстной мѣрѣ народа къ

*) Twiss, Eldon, 37 и сл.

**) См. рѣчь Wallace'a у Hansard, VII, 808. Ann. Reg., 1822, 122.

участію въ политической жизни страны. Широкія и смѣлыя требованія радикаловъ, ихъ демократизмъ были далеко не по духу большшинству, да едва ли и не вошьмъ вигамъ, и то, что говорилъ Брумъ насчетъ чувствъ виговъ къ радикаламъ, выражало еще и въ 1818 г. дѣйствительное настроеніе либеральной партіи. Но уже выборы 1818 г. создали почву для измѣненій. Въ палату попали новые дѣятели, не попытавшіе тѣхъ впечатлѣній, которыя побудили многихъ изъ либеральныхъ дѣятелей конца XVIII вѣка броситься въ объятія реакціи. Ужасы революціи для нихъ были не живымъ фактомъ, а фактами давняго прошлаго, и та сила опасеній повторенія революціи въ Англии, которая заставила было виговъ повѣрить въ дѣйствительность опасности, какъ нарисовалъ ее Сидмутъ, значительно притупилась.

Въ 1818 г. предложеніе реформы, созданное Бердеттомъ, не получило ни одного голоса за себя, въ 1819 г. за реформу стали высказываться уже многіе, и партія виговъ, подъ впечатлѣніемъ манчестерской бойни, а затѣмъ процесса королевы, стала сближаться съ радикалами и попыталась забрать въ свои руки народное движеніе въ пользу реформы. Переимѣна настроенія среди виговъ, по крайней мѣрѣ части партіи, была настолько значительна уже въ 1819 г., что бросалась въ глаза современникамъ. «Всѣ провинцательные умы, пишетъ въ 1819 г. Сидней Смитъ въ своихъ мемуарахъ, начинаютъ склоняться въ пользу реформы, и я надѣюсь, что мы выполнимъ ее лучше, чѣмъ господа Гентъ и Роббеттъ. Реформа должна осуществиться и будетъ осуществлена» *).

Понятно, что при такой переимѣнѣ въ настроеніи факты вопіющихъ злоупотребленій выборной системы, сообщенія о которыхъ равнодушно выслушивались въ прежніе годы палатой, не прошли незамѣченными въ новой палатѣ 1818—19 гг. Не то, чтобы они представляли собою что либо новое, неожиданное. Какъ то было и раньше, гринвилевскій комитетъ оказался одинаково заваленнымъ дѣлами о злоупотребленіяхъ. Но измѣнилась точка зрѣнія на злоупотребленія. Открытый подкупъ при выборахъ въ Пенривъ, изгнаніе 193 крестьянъ за несогласную съ желаніемъ лорда подачу голосовъ въ Илъчестерѣ, наглая торговля голосами въ Барнстеплѣ и т. д. **)—сдѣлались предметомъ оживленныхъ разговоровъ и открыто высказываемыхъ требованій лишить мѣстечки права вотировки. Настроеніе было таково, что палата вынуждена была согласиться на возбужденіе преслѣдованія противъ банкира Манассія Лопеса, виновнаго въ томъ, что онъ уплатилъ по 20 ф. стерл. каждому изъ подававшихъ за него голосъ избирателей. Судъ присудилъ банкира и члена палаты къ 10 т. штрафа и двумъ годамъ тюремнаго заключенія. То, что

*) Memoirs of Sidney Smith, цит. у Е. May, I, 281 прим.

**) Hansard XXXIX, 711, 1353, 1448 и др. Дѣло Лопеса, св., стр. 1890 Ср. Ann. Reg., 1819 г., процессъ Лопеса.

продлывалось раньше и безнаказанно десятками лицъ, желавшихъ попасть въ палату, и рассказы о чемъ возбуждали въ палатѣ лишь смѣхъ, какимъ встрѣченъ былъ сначала и казусъ Локеса, теперь попалъ въ разрядъ преступныхъ и караемыхъ дѣйствій. Почва для дѣйствій въ пользу реформы, повидимому необходимой въ виду такихъ злоупотребленій, была подготовлена, и уже въ 1819 г. вопросъ о реформѣ былъ поднятъ въ средѣ умѣренныхъ виговъ Джономъ Росселемъ, связавшимъ навсегда свое имя съ первой парламентской реформой. Ему удалось собрать вокругъ себя цѣлую группу единомышленниковъ и въ союзѣ съ ними началъ онъ упорную борьбу за реформу, закончившуюся побѣдою 1832 г.

Когда Бердеттъ, впадъ за Тавистокомъ внесъ свое, какъ мы видѣли, весьма умѣренное требованіе о реформѣ,—Россель, поддерживая въ принципѣ реформу, рѣзко выступилъ противъ Бердетта, назвавъ «дикими и химеричными» требованія послѣдняго и тѣмъ вполне опредѣлилъ характеръ, размѣры и направленіе своей дѣятельности на пользу реформы. Ограничить исключительное вліяніе на выборы высшихъ землевладѣльческихъ классовъ, съ одной стороны, распространить избирательныя права на крупные фабричныя и промышленныя города, съ другой,—таковы были главныя основанія парламентской реформы, какъ формулировалъ ее Россель. То была реформа, имѣвшая цѣлью демократизовать парламентъ, но лишь путемъ привлеченія въ него главнымъ образомъ того новаго класса, который созданъ былъ развитіемъ фабричнаго дѣла въ Англійи и лишена была права представительства. Тѣ злоупотребленія, какія порождались существованіемъ гнилыхъ мѣстечекъ, послужили наиболѣе удобнымъ орудіемъ для проведенія реформы, и въ нервомъ же предложеніи, съ которымъ еще 5 іюля 1879 г. выступилъ Россель, основныя черты его проекта были выяснены. Отгнать право посылать депутатовъ въ палату у избирателей провинившихся пяти мѣстечекъ, предоставить отнятое у нихъ право выбора соотвѣстными крупнымъ городамъ, но не графствамъ, какъ не дающимъ достаточно гарантій противъ подкуповъ,—вотъ что заключало въ себѣ предложеніе Росселя. Лишь въ слѣдующую сессію парламента это предложеніе было подвергнуто обсужденію. Исходъ преній не представлялъ ничего неожиданнаго: предложеніе, по убѣжденію большинства, было болѣе, чѣмъ странное, ибо не имѣло прецедентовъ въ исторіи англійскаго парламента. А палата лордовъ, «которой представлено было требованіе Росселя прекратить посылку writs въ мѣстечко Grampond др., нашла его и несвоевременнымъ, въ виду близкихъ выборовъ въ новый парламентъ, который и разберетъ всѣ случаи злоупотребленій, и несправедливымъ, ибо не заслушаны объясненія обвиняемыхъ, и, подъ такими предлогами, отклонила проектъ Росселя *)»

*) Hansard, XL, 1502 и сл.; 1637 и сл.; Ann. Reg., 1819 г. 248, 1820 г., 4 и сл.

Неудача не обезкуражила Росселя, и едва успела собраться новая палата, какъ вопросъ о гнилыхъ мѣстечкахъ и въ частности о Glamorgan² былъ поднятъ Росселемъ вновь. Но въ этотъ разъ онъ потребовалъ не только перенесенія права выбора на Лидсъ, въ виду того, что городъ этотъ превратился въ густо населенный и богатый центръ торговли и промышленности, но и распространенія избирательнаго права на всѣхъ жителей, нанимающихъ квартиры цѣною не ниже 5 ф. ст. Но принять такое предложеніе было крайне опасно для могущества землевладѣльческаго класса. Это значило раскрыть востекъ широкую дверь новымъ требованіямъ расширенія и распространенія избирательнаго права, уничтожить возможность поставить какой либо предѣлъ этимъ требованіямъ. Сегодня Лидсъ, а завтра Манчестеръ потребуетъ правъ, ибо онъ вдвое населеннѣе и богаче Лидса, а послѣзавтра Бирмингемъ, который тоже богаче Лидса и т. д. Съ другой стороны, допустить къ выборамъ 5-фунтовыхъ избирателей—значитъ, говоритъ Каннингъ, довести до 8 т. число выборщиковъ Лидса, между тѣмъ какъ въ болѣе населенномъ Ливерпулѣ всего имѣется только 4 т. выборщиковъ. Давать льготу Лидсу равносильно признанію за всѣми другими городами права на такую же льготу. Очевидно, что для большинства предложенія Росселя казались все еще столь же опасными, какъ и проектъ Бердетта и радикаловъ *). Но не въ одной только палатѣ и не однимъ Росселемъ вопросъ о реформѣ былъ вновь возбужденъ. Въ странѣ агитация въ пользу реформы, не смотря на «шестъ актовъ», стала усиливаться вновь. Газета Коббетта расходилась попрежнему и читалась на расхватъ и городскими рабочими, и даже сельскими жителями, и фермерами, а въ органахъ виговъ и «Эдинбургскомъ Обзорѣннѣ», руководимомъ Сиднеемъ Смитомъ, Джеффри и др., такъ же, какъ и въ газетной прессѣ, вопросъ о реформѣ ставился все рѣшительнѣе и рѣзче. Къ 1821 г. движеніе стало получать массовый характеръ. Предложенія Росселя мало удовлетворяли общество, и болѣе широкія и радикальныя требованія стали высказываться такими дѣятелями, которые 5—6 лѣтъ назадъ не рисковали поднимать вопроса о реформѣ. Начались вновь митинги и подача петицій, и 17 апрѣля 1821 г. въ палату внесенъ былъ Ламбономъ цѣлый и подробно выработанный проектъ реформы, значительно приближавшійся къ проектамъ радикальной партіи: трехлѣтній парламентъ, отмена правъ гнилыхъ мѣстечекъ, раздѣленіе графствъ на избирательныя округа съ 25 т. обывателей въ каждомъ и съ правомъ избирать по одному представителю, распространеніе избирательнаго права въ городахъ на всѣхъ платящихъ податей, даже и самыхъ мелкихъ собственниковъ, а въ селахъ—на всѣхъ копигольдерахъ и фермерахъ, снимающихъ землю на срокъ не менѣе

*) Hansard, Series, I, 39, 237 и сл.; Annul Reg. 1820, 93, 94.

10 лѣтъ. Проектъ былъ слишкомъ радикаленъ для палаты, и поздно ночью, воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ Ламбтона и его друзей, она отвергла проектъ реформы 55 голосами противъ 43 *). Да и какъ могла она принять его, когда нѣсколько дней позже, въ май, болѣе умѣренный новый проектъ Росселя—отнять избирательное право у всѣхъ мѣстечекъ, извѣстныхъ своей подкупностью, и перенести это право на города²—потерпѣлъ ту же участь и провалился большинствомъ 269 противъ 164 **). Но въ этотъ разъ раздраженіе защитниковъ реформы противъ упорства парламента достигло сильныхъ размѣровъ, и 4 мая 1821 г. они устроили торжественный реформистскій банкетъ для протеста противъ дѣйствій парламента. На банкетѣ присутствовала многочисленная публика, и членами парламента, Беннетъ, Ламбтонъ, Лешингтонъ и др. произнесли рядъ горячихъ зажигательныхъ рѣчей, тотчасъ же появившихся въ газетахъ и съ живымъ интересомъ прочитанныхъ въ Англіи. «Парламентская реформа,—говорилъ Лешингтонъ, самый важный, самый животрепещущій вопросъ въ наше время. Если она не осуществится, ни одна мѣра въ пользу народа также не будетъ осуществлена; если она удастся, всѣ самыя радужныя надежды, которыя питаетъ страна, исполнятся, и прежде всего исполнится важнѣйшее и наиболѣе цѣнное желаніе — пользоваться свободой мысли и слова». Эта рѣчь нашла сильный откликъ въ странѣ ***). Въ 1822 году парламентъ уже былъ буквально засыпанъ петиціями отъ массы городовъ и отъ девяти графствъ, въ 1823—одни Йоркширцы препроводили петицію въ 380 футовъ длиной, покрытую 17 т. подписей, т. е. принятую болѣе чѣмъ $\frac{2}{3}$ всѣхъ фригольдеровъ Йоркшира; въ 1824 и послѣдующіе годы петиціи не переставали расти и умножаться****). Страна выказывала все большее и большее нетерпѣніе, настаивала все энергичнѣе и энергичнѣе на реформѣ, но палаты, сложеныя въ другихъ отношеніяхъ къ реформамъ, въ вопросѣ объ избирательномъ правѣ оставались глухи къ народнымъ требованіямъ. Напрасно Россель, сдѣлавшій еще шагъ впередъ, въ смыслѣ болѣе широкой постановки вопроса о реформѣ, пытался провести свои проекты. Всѣ усилія его разбивались объ стойкую защиту главнаго столба аристократическаго англійскаго режима. Въ 1822 г. въ одной изъ самыхъ блестящихъ и превосходно обставленныхъ рѣчей онъ потребовалъ увеличить число представителей—отъ графствъ на 60, а отъ городовъ на 40. Страна, говорилъ онъ, рѣзко измѣнялась, продолжаетъ быстро измѣняться, интересъ къ политикѣ среди народной массы возрастаетъ, пресса, представленная въ 1782 г. всего 79 газетами, доросла до 284,—однѣ нар-

*) Hansard, V, 359 и см. A. Reg.; 1821. 44.

***) Ib., 624; Ann. Reg., 1821, 44—6.

****) Ann. Reg., 1821, 43.

*****) A. Reg. 1822, 1823, 1824 и посл. гг.

ламентъ остается неизмѣннымъ. И это—когда умножилось населеніе, страшно развилась торговля и промышленность, распространилось просвѣщеніе. Несоотвѣтствіе между парламентомъ и народными желаніями и нуждами, между тѣмъ, увеличивается все болѣе и болѣе, и всѣ крупнѣйшія дѣла рѣшаются большинствомъ предстателей графствъ, земли, земледѣлія, но не городского населенія. Палата выслушала аргументы Росселя и 269 противъ 164 отвергла его предложеніе. Рѣчь Каннинга, произнесенная имъ съ свойственнымъ ему пыломъ и краснорѣчіемъ, его протестъ противъ реформы рѣшили участь билля. «Я отрицаю, воскликнуть онъ, существованіе какихъ бы то ни было существенныхъ недостатковъ въ современномъ строѣ палаты, которые вызывали бы необходимость производить столь опасные эксперименты, какъ реформа. Гнилыя мѣстечки, на которыя теперь указываютъ пальцами, — дали намъ выдающихся дѣятелей. Многія изъ нихъ и теперь находятся въ вѣдѣніи потомковъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя держали ихъ во время революціи. И вотъ, не смотря на Old Sagum, революція совершилась. Но что я говорю: не смотря на Old Sagum, кѣтъ! скорѣе благодаря Old Sagum'у и др. подобнымъ мѣстечкамъ, и если бы палата въ это время была реформированною палатой, благодаренія революціи никогда не были бы получены» *).

Для большинства палаты краснорѣчивыя, но слабо аргументированныя слова Каннинга имѣли всю силу убѣдительности, но не имѣли ея они ни въ глазахъ страны, ни въ рядахъ оппозиціи. Въ 1823 г., какъ мы видѣли, и сельское населеніе, фермеры, какъ и землевладѣльцы, стали громко требовать реформы, реформы радикальной, отчасти въ стилѣ Коббетта, и тотъ же Россель, котораго Каннингъ заклиналъ въ 1822 г. не затрагивать болѣе вопроса, опять оказался съ истинно британскою настойчивостью на боевомъ мѣстѣ съ новымъ проектомъ въ рукахъ. Палата вновь отвергла его билль, но не остановила энергіи Росселя. Въ 1826 г. онъ и Арчибальдъ Гамильтонъ, еще ранѣе его начавшій походъ въ пользу реформы шотландскихъ мѣстечекъ, держали палату въ осадномъ положеніи, затѣмъ ежегодно вносили проекты, ежегодно проваливались, но вновь выступали яркими защитниками созданныхъ ими проектовъ реформы, встрѣчая поддержку лишь въ рядахъ виговъ въ палатѣ и все болшую и болшую въ странѣ.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ и создавали рядъ перемѣнъ, оказавшихъ не малое вліяніе на будущность реформы. Въ 1827 году сошелъ со сцены самый энергичный, талантливый защитникъ парламентскаго строя, Каннингъ. Въ 1828 г. всѣ друзья Каннинга, занимавшіе министерскія мѣста, при новомъ премьерѣ, Уэллингтонѣ, вышли изъ состава министерства и стали въ ряды виговъ. Борьба за реформу получила при такихъ условіяхъ еще

*) См. обѣ рѣчи въ Ann. Reg. 1822, 68—80. Hansard, VII, 51, 136 и сл.

болѣе рѣзкій характеръ. Новое министерство было исключительно министерствомъ тори, и естественно, что оппозиція реформаторскимъ проектамъ сдѣлалась болѣе горячей, рѣшительной и неуступчивой. Если прежде Росселю удалось добиться того, что палата лишила нѣкоторыя мѣстечки избирательнаго права и перенесла его на графство Йоркъ, то теперь требованіе его—сдѣлать тоже по отношенію къ Пенрину и East-Retford, гдѣ подкупъ превзошелъ своими размѣрами подкупы Gtampound'a и др., встрѣтило полнѣйшій отпоръ. Ту же участь испыталъ и билль Росселя, внесенный имъ въ 1830 г., билль, которымъ права выбора распространялись на Лидсъ, Манчестеръ и Бирмингемъ. Упорство палаты, и въ особенности палаты лордовъ, было такъ велико, что даже проектъ, внесенный въ 1829 г. однимъ изъ тори, лордомъ Бландфордъ, не нашелъ пощады. Эмансипація католиковъ была только что принята, и опасеніе, что всѣ мѣстечки будутъ скущены католиками и что протестанты окажутся вытѣсненными изъ парламента, до такой степени овладѣло нѣкоторыми тори, что они рѣшили пойти на крайнюю мѣру—потребовать радикальной реформы. Бландфордъ явился толкователемъ этихъ опасеній и потребовалъ уничтоженія избирательныхъ правъ мѣстечекъ, «какъ пагубныхъ и вредныхъ для самыхъ дорогихъ интересовъ страны». Не смотря на энергическую поддержку со стороны О'Коннеля, билль Бландфорда провалился. Но это не остановило его, и въ 1830 г.,—почти въ одно время съ О'Коннелемъ, потребовавшимъ всеобщей подачи голосовъ, трехлѣтняго парламента и тайной баллотировки, съ Росселемъ, внесшимъ свое старое требованіе о дарованіи городамъ избирательнаго права,—Бландфордъ выступилъ съ новымъ проектомъ—вернуть народу принадлежащее ему мѣсто въ парламентѣ и установить на будущее время опредѣленную плату представителямъ за время засѣданій палаты *).

Было очевидно, что идея о реформѣ пустила глубокіе корни, пріобрѣла громадное вліяніе на умы, если заставила даже одного изъ правобѣрныхъ тори требовать такой чисто демократической мѣры, какъ плата депутатамъ.

Проекты реформы, предложенные тремя членами палаты, были, разумѣется, отвергнуты, но отвергнуты чуть не наканунѣ событій, сразу же и самымъ сильнымъ образомъ повліявшихъ на исходъ борьбы.

26 іюня 1830 г. умеръ Георгъ IV, и съ вступленіемъ на тронъ его короля, Вильгельма IV, согласно конституціи, парламентъ долженъ былъ быть распущенъ и назначены новые выборы. Распущеніе парламента было подписано 23 іюля, и уже 24 іюля старій парламентъ, избранный въ 1826 г., болѣе не существовалъ. И дня спустя, 27 іюля, лондонскому населенію сдѣлалось извѣ-

*) Hansard, XXI, 1688, XXII, 178.

сталимъ, что во Франціи началась революція, затѣмъ съ поразительной быстротой разнеслась вѣсть о торжествѣ этой революціи, а нѣскольکو позже получились свѣдѣнія, что въ Брюсселѣ вспыхнуло революціонное движеніе. Династія Бурбоновъ перестала царствовать во Франціи, соединеніе Бельгіи съ Голландіей было уничтожено, и это въ то время, когда во главѣ англійскаго министерства стоялъ Уэллингтонъ, которому болѣе, чѣмъ кому нибудь другому, принадлежала инициатива и возстановленія Бурбоновъ, и соединенія Бельгіи и Голландіи въ одно цѣлое.

Громадно было впечатлѣніе, произведенное на Англію іюльскими днями. Не одни радикалы, не одно рабочее населеніе приходило въ восторгъ отъ того, что творилось на континентѣ. Органы виговъ, «Эдинбургское Обзоріе», «Examiner», либеральныя газеты, вродѣ «Times» и др., не находили словъ, чтобы выразить свое сочувствіе французамъ, чтобы «достойнымъ образомъ» прославить іюльское движеніе. Настоящее паломничество началось въ Англіи. Цѣлыя толпы англичанъ отправлялись въ Парижъ и изъ кафе бульваровъ аплодировали народной массѣ, жали руку Лафайету и кричали виваты то іюльскимъ дѣятелямъ, то герцогу Орлеанскому, вынужая его на балконѣ Пале-Рояля и заставляя его говорить рѣчи. «What glorious beings the French are», писалъ лордъ Дерхемъ Вруму, и фраза эта переходила изъ устъ въ уста. Энтузіазмъ, овладѣвшій умами, былъ полнынъ, и онъ достигъ своего апогея какъ разъ въ ту минуту, когда глубокая вѣра въ спасеніе Англіи отъ экономическихъ бѣдствій и неурядиць помощью реформы парламента проникла въ самыя глухіе уголки страны, когда въ тоже время кризисъ экономической со всѣми своими тяжелыми послѣдствіями давалъ себя чувствовать въ городахъ и въ селахъ. Видимое спокойствіе смѣняло кризисы въ Англіи. Временной перерывъ 1818 г. былъ нарушенъ въ 1819 г., временное и видимое успокоеніе 1824 г. уступило мѣсто еще болѣе тяжелому и острому экономическому кризису 1825—26 гг., послѣдствія котораго сказывались во всей силѣ до конца двадцатыхъ годовъ. Положеніе рабочаго класса ухудшилось въ сильной степени сравнительно съ недавнимъ прошлымъ. Рабочая плата падала все ниже и ниже. Спросъ на рабочія руки понизился и продолжалъ понижаться. Тамъ, гдѣ еще въ началѣ XIX в. рабочій могъ заработать 26 шилл. въ недѣлю, теперь онъ едва могъ достать работу по 1 пенсу за часъ. Въ Ланкаширѣ въ 1830 и сл. годахъ до 41 тыс. рабочихъ вынуждены были существовать при двухъ-пенсовой рабочей платѣ въ день. Еще хуже было положеніе дѣлъ въ селахъ. Усиленныя огораживанія, растущее обезземленіе, переходъ къ машинамъ при обработкѣ продуктовъ земли, кризисъ 1823 г., все это оказало свое дѣйствіе и создало въ средѣ сельскихъ рабочихъ уже въ концѣ двадцатыхъ годовъ движеніе, гораздо болѣе сильное, чѣмъ то, которое порождено было неурожаемъ 1816 г. Волненія, поджоги, убійства возросли въ сельскихъ округахъ Англіи до невидан-

ныхъ размѣровъ. Югъ Англіи сдѣлался ареной чуть не ежедневныхъ возмущеній. Образовались цѣлыя толпы, дѣйствовавшія совместно и разрушавшія сѣяко-хозяйственныя машины, въ которыхъ они усматривали причину бѣдствій. Угрожающія письма, требованія повышенія рабочей платы и устраненія машинъ изъ употребленія въ хозяйствахъ разсылались массами къ фермерамъ и землевладѣльцамъ, и кто отказывалъ, тотъ подвергался немедленному отищенію. Чуть не каждую ночь видѣлось зарево пожара: горѣли фермы, сараи для машинъ *). Въ мартѣ 1829 г. движеніе до того усилилось, что министерство обратилось къ палатамъ съ требованіемъ утвердить билль, направленный противъ ассоціацій и мятежей. Билль мало помогъ дѣлу, и въ 1830 г. волненія продолжались съ прежней силой. То, что имѣло мѣсто въ дни болѣе слабыхъ сравнительно кризисовъ 1817, 1819, 1823 гг., возобновилось вновь: реформа, реформа во что бы то ни стало, вотъ что сдѣлалось лозунгомъ, но въ этотъ разъ уже не только городской рабочей массы но и сельской, какъ сдѣлалось оно по политическимъ побужденіямъ и лозунгомъ либеральной части англійскаго общества и виговъ **).

При такихъ условіяхъ происходили выборы въ новый парламентъ, который—въ этомъ не сомнѣвалось въ Англіи,—долженъ былъ выдвинуть на первый планъ вопросъ о реформѣ. Либеральныя кандидаты получили верхъ на выборахъ въ Норфолкъ, Девонширъ, Ноттингемъ, Миддлсексъ и Йоркширъ, гдѣ преобладала консервативная партія; значительная часть министерскихъ кандидатовъ потерпѣла полное фіаско, и министерство потеряло до 50 голосовъ въ новой палатѣ. И крайніе тори, раздраженные биллемъ Уэллингтона объ эманципаціи католиковъ, и либералы, негодовавшіе на него за его иностранную политику, политику, представлявшую явное отступленіе отъ принциповъ Каннинга и возвращеніе къ политикѣ Кэстлери, работали на выборахъ противъ Уэллингтона. И онъ, и его министерство дѣлались все менѣе и менѣе популярными въ глазахъ общества, не прощавшаго Уэллингтону его симпатій къ туркамъ во время греческаго возстанія и заподозрившаго его въ союзѣ и соучастіи съ Полиньякомъ. Полиньякъ исчезъ во Франціи, можно ли было терпѣть въ Англіи другого Полиньяка, его копію въ лицѣ Уэллингтона, вотъ что высказывали либералы и во что вѣрила и публика, не смотря на протестъ Уэллингтона, на его завѣренія, что онъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ Полиньякомъ по дѣлу объ ордонансахъ. Заявленія французской прессы, что Полиньяку удалось составить министерство и начать походъ противъ хартіи лишь благодаря увѣренности, что Уэллингтонъ окажетъ ему полную поддержку, находили, поэтому, полную вѣру въ Англіи.

*) См. Ann. Reg. 1829 и 1830, оссуз. и 1830, 1-ой, стр. 130.

**) Въ дальнѣйшемъ изложеніи, я руководился главнымъ образомъ данными Hansard's New series т. I—XII, Ann. Reg. 1830 и сл. годовъ; вторымъ томомъ Sreville, Diary, и др.

Открытія парламента ожидали въ виду всего этого съ величайшимъ нетерпѣніемъ: парламентаріе какъ крайней партіи тори, такъ и виговѣ, чтобы поскорѣ покончить съ непопулярнымъ и ненавистнымъ министерствомъ; громадное большинство населенія, чтобы увидѣть, наконецъ, осуществленіе своей мечты—реформы парламента. Теперь это большинство чувствовало себя прочтѣе и сильтѣе подготовленнымъ къ борьбѣ за реформу, чѣмъ въ 1817 и 1819 г. Страна покрылась рабочими союзами, значительная часть которыхъ стала на сторону теоріи о необходимости добиться прежде и раньше всего политическихъ правъ, политическаго вліянія и власти и слѣдовала программѣ Коббетта, Гента и др. дѣятелей радикальной партіи. Въ февралѣ 1830 г. возникъ быстро развившійся союзъ, организованный интеллигенціей и промышленными дѣятелями въ Бирмингемѣ съ цѣлью провести реформу. Небольшой кружокъ лицъ, собравшихся въ Бирмингемѣ для обсужденія вопроса о платежахъ звонкой монетой, быстро превратился въ Бирмингемскую Национальную Унію, охватившую почти всю Англію и подобно католической ассоціаціи, годъ назадъ праздновавшей побѣду, обладавшую уже крупными средотвами и громаднымъ вліяніемъ. Походъ противъ старыхъ избирательныхъ порядковъ былъ начать уніей тотчасъ же послѣ возникновенія, и уже до іюля 1830 г., благодаря энергіи Аттвуда, сдѣлавшагося предсѣдателемъ уніи, движеніе митинговъ съ новой силой воскресло въ Англіи. «Я ознакомился въ Бирмингемѣ, говорилъ Гескиссонъ въ палатѣ еще въ февралѣ, съ ассоціаціей, которая, насколько я могъ узнать ея составъ, принципы и образъ дѣйствій, сформирована совершенно по образцу католической ассоціаціи... имѣетъ цѣлью возбудить въ странѣ всеобщее требованіе въ пользу реформы и провести ее всѣми возможными мѣрами». То было предупрежденіе самаго серьезнаго свойства, но палата не поняла его и тотчасъ же отвергла даже умѣренное предложеніе Росселя насчетъ мѣстечка East-Retford.

2 ноября парламентскія засѣданія были открыты, и первая рѣчь, произнесенная въ палатѣ лордовъ, была рѣчь Грея въ пользу реформы. «Вы видите, воскликнулъ онъ послѣ того, какъ въ общихъ чертахъ нарисовалъ положеніе континента, что опасность вокругъ васъ. На горизонтѣ—гроза, приближается буря. Не медлите же укрѣплять ваши дома, тщательно запирайте окна и двери. Сдѣлать это вы можете лишь обезпечивши за собой симпатіи вашихъ соотечественниковъ и,—я рѣшаюсь произнести это слово—реформирую парламентъ». Страстное желаніе сотенъ тысячъ англичанъ было удовлетворено: ожидаемая съ нетерпѣніемъ война старому порядку была объявлена устами одного изъ выдающихся аристократовъ Англіи, бывшаго защитника реформы въ девяностыхъ годахъ XVIII в. Не отвѣчать на рѣчь Грея при такихъ обстоятельствахъ было немисливо, и премьеръ министерства поднялся, чтобы выразить свои чувства и чувства большинства перовъ по отношенію къ реформѣ. Что чувства

эти были отрицательными, — было известно, но Уэллингтонъ придавъ выраженію ихъ такой характеръ, который долженъ былъ произвести взрывъ негодованія въ странѣ. Тѣ рѣчи, тѣ слова, которыя были произносимы въ годы, предшествовавшіе 1820 г., раздались вновь, и Уэллингтонъ закончилъ свой отвѣтъ Грею заявленіемъ, что пока онъ занимаетъ мѣсто въ управленіи, его обязанность противодѣйствовать мѣрамъ реформы, если онѣ будутъ предложены.

Трудно представить себѣ силу того впечатлѣнія, которое эти слова, этотъ вызовъ, брошенный странѣ, произвели въ то время. Даже палата лордовъ была поражена, и шопоть неодобренія и критики посылался даже со скамей, гдѣ засѣдали собственники и представители гнилыхъ мѣстечекъ. «Вы сами, собственными устами, провозгласили паденіе вашего министерства», отвѣтилъ одинъ изъ лордовъ, къ которому обратился за разъясненіемъ Уэллингтонъ, пораженный и изумленный этимъ шопотомъ, котораго онъ не ждалъ, такъ какъ былъ вполне увѣренъ въ томъ, что выражаетъ настроеніе и чувства большинства землевладѣльцевъ-лордовъ. Но въ странѣ впечатлѣніе, произведенное словами Уэллингтона, было неизмѣримо болѣе сильнымъ и страстнымъ. Когда въ 1817, 1818 и посл. года министерство Кэстлри и Сидмута грозило революціей, опасность ея была на дѣлѣ совершенно ничтожной и ее раздували. Теперь положеніе одѣлалось инымъ... Въ Сити на другой день утромъ царилъ настоящая паника—фонды пали съ 84 на 80 и грозили дальнѣйшимъ паденіемъ. Палата общинъ разразилась градомъ протестовъ противъ рѣчи премьера. «Премьеръ объявилъ, кричалъ одинъ изъ членовъ палаты, что народъ не нуждается въ реформѣ... Отъ имени народа заявляю, что реформа эта нужна ему, и онъ ее получитъ». «Напрасны эти слова герцога Уэллингтона, заявлялъ другой, — настало время, когда не отъ приказа его будетъ зависеть реформа». Даже тори, въ лицѣ Уинчельси, вынуждены были присоединиться къ протестующимъ голосамъ, раздававшимся въ палатѣ общинъ, охваченной страшнымъ волненіемъ. «Если, воскликнулъ Уинчельси, герцогъ рассчитываетъ на поддержку высокопочтенныхъ благородныхъ членовъ палаты, съ которыми онъ всегда привыкъ дѣйствовать за одно, то я могу увѣрить его, что онъ съ такимъ же успѣхомъ могъ бы рассчитывать и на бурю, съ помощью которой онъ пожелалъ бы овладѣть небесами».

Еще хуже было видѣ стѣнъ парламента. Впечатлѣніе, произведенное заявленіемъ Уэллингтона, читаемъ мы въ дневникѣ Гренвилля, превосходить все то, что мнѣ приходилось видѣть. «Я возвратился въ Лондонъ вчера (7 ноября) и слышалъ разговоры лишь о неосторожности герцога». Въ Лондонѣ царилъ сильное возбужденіе. 9 ноября долженъ былъ состояться банкетъ лорда-мера, на который ждали короля и министровъ, но послѣдніе въ виду настроенія народной массы растерялись. И они, какъ и всѣ въ Лондонѣ, ждали взрыва, были увѣрены, по словамъ того же Гренвилля,

что «ночью будутъ сдѣланы попытки возбудить мятежь», и потому всѣ мѣры были приняты: собраны всѣ войска; призвана масса матросовъ, волонтеровъ, укомплектована новая полиція, созданная въ 1829 г. Паника и возбудившая уже тогда сильное раздраженіе въ лондонскомъ населеніи. Болѣе того, на поспѣшно созванномъ совѣтѣ министровъ было принято и другое рѣшеніе: отложить посѣщеніе Сети и опубликовать о томъ въ газетахъ. То было масломъ, подлитымъ въ огонь. «Министерство осыпаетъ всякаго рода насмѣшками, пишетъ по поводу сообщеній въ газетахъ Гревиль, въ Лондонѣ массами распространяются смѣшныя каррикатуры», а два дня спустя, — «вечеромъ 10 ждали большого мятежа, собрали еще новыя силы, а утромъ массы народа появились въ Лондонѣ, и всѣ увѣрены въ предстоящихъ волненіяхъ». Объявленіе о непообщеніи было издано въ субботу, въ воскресенье Лондонъ представлялъ давно невиданное зрѣлище. Съ утра улицы наполнились и наводнены были толпою, все болѣе и болѣе увеличивавшейся. Густыя толпы стояли вокругъ зданія парламента, куда собралась масса членовъ, громко выражавшихъ неодобреніе и порицаніе министерству, и въ толпѣ сдѣлалось быстро извѣстнымъ то, что заявлено было ольдерменомъ Уайтманомъ: министры, сообщивъ огъ собравшимся членамъ палаты, получили анонимныя сообщенія о какомъ то заговорѣ, и стали дѣйствовать съ такой поспѣшностью, что сначала послали заявленіе объ отказѣ отъ посѣщенія, а затѣмъ, только сутки спустя, потребовали и отъ лорда-мера начатія разслѣдованія о вѣрности полученнаго донесенія. То былъ сильнѣйшій и окончательный ударъ, нанесенный министерству. Серьезныхъ беспорядковъ въ Лондонѣ не произошло. Было нѣсколько стычекъ съ войсками и полиціей, но и только, и день кончился, унеся съ собой и послѣдніе остатки славы Уаллингтона. На другой же день лордъ Брумъ уже внесъ въ палату требованіе о реформѣ и потребовалъ неотложности разсмотрѣнія его. На 16 ноября назначено было обсужденіе вопроса возбужденнаго Брумомъ, призывавшимъ палату къ окончательной борьбѣ по вопросу о реформѣ, борьбѣ, которая должна была рѣшить и участь министерства, и будущее страны. И реформаторы, и защитники стараго порядка энергически готовились къ предстоящей неизбежной борьбѣ, къ рѣшительному моменту въ жизни Англій. Но министерство пало за сутки раньше, благодаря неудачѣ, которую оно испытало по вопросу о *liste civile* короля.

Когда въ февралѣ 1830 г. шли пренія по вопросу, возбужденному Росселемъ, и одинъ изъ членовъ палаты внесъ поправку, подорвавшую силу и значеніе предложенія Росселя, Гескиссонъ, обращаясь къ послѣднему, произнесъ слѣдующія слова, характерныя для того времени и для тогдашняго настроенія умовъ: «вы еще молоды и доживете до того дня, когда право выбора будетъ распространено на всѣ крупныя фабричныя округа. Я увѣренъ, что день этотъ быстро приближается, а тогда въ эту палату явятся министры

и внесутъ въ нее предложеніе о принятіи такого рода мѣры, какъ единственнаго средства спасенія страны». То было настоящимъ пророчествомъ, и оно осуществилось раньше, чѣмъ ожидалъ Гескиссонъ, осуществилось тотчасъ же послѣ паденія Уэллингтона.

При тогдашнемъ настроеніи страны думать о созданіи какого либо новаго министерства, кромѣ министерства реформы, было немислимо, и миссія созданія его была поручена 68-лѣтнему Грей, некогда, 37 лѣтъ назадъ, горячему поборнику реформы и теперь вынужденному обстоятельствами играть старую роль, стать во главѣ уже неизмѣримо болѣе сильнаго и могущественнаго, чѣмъ въ 1793 г., движенія. Но положеніе новаго министерства было въ высокой степени тяжелое и трудное. Составить министерство не представило, правда, затрудненій. Неудобнаго и неугомоннаго Врума сплавляли въ палату лордовъ съ титуломъ лорда-канцлера, а затѣмъ соединили въ одно и греввилстовъ, въ видѣ Уинна, и каннингитовъ, въ родѣ лорда Пальмерстона, Годерича и др., либераловъ-виговъ, въ родѣ Мельбуерна, раскаявшихся тори, въ родѣ герцога Ричмонда, дѣятелей реформы, въ родѣ Росселя, которому, однако, отвели второстепенное мѣсто, хотя и поручили выработку билля о реформѣ. Кабинетъ составленъ былъ исключительно изъ однихъ аристократовъ—крупныхъ землевладѣльцевъ. Лишь 4 министра были членами палаты общинъ, всѣ остальные заѣхали въ палатѣ лордовъ, и для умѣренныхъ реформистовъ такой составъ, повидимому, устраивалъ опасность проведенія радикальной реформы. И это тѣмъ болѣе, что мнѣнія новыхъ министровъ о реформѣ не были тайной ни для кого и представляли собою крайнее разнообразіе. Врумъ стоялъ за расширеніе избирательнаго права на всѣхъ домохозяевъ, но возражалъ противъ отнятія права у мѣстечекъ, тогда какъ Грей былъ всецѣло за такое отнятіе и не шелъ далѣе пониженія цѣна до 10 ф. ст.; Дерхемъ высказывался за тайную подачу голосовъ, а Грей за пятилѣтніе парламенты, тогда какъ Пальмерстонъ и Мельбурнъ желали, чтобы одѣлано было насколько возможно меньше намѣненій въ существующей избирательной системѣ.

Но каковы бы ни были желанія и мнѣнія министерства, взявшаго на себя миссію проведенія реформы, ему приходилось имѣть дѣло не съ палатой только, но съ цѣлымъ населеніемъ, находившимся въ состояніи страшнаго возбужденія. Паденіе Уэллингтона не успокоило умовъ. Волненіе продолжалось съ прежней силой, и опасенія революціи были въ концѣ 1830 г. и въ началѣ 1831 также, если еще не болѣе сильными, чѣмъ раньше. «По истинѣ ужасно состояніе страны, пишетъ Гревиль (21 ноября): съ каждой почтой получаютъ все новыя и новыя сообщенія о пожарахъ, разрушеніи машинъ, союзахъ рабочихъ, насиліяхъ съ цѣлью поднятія рабочей платы. Коббетъ и Карлайль, въ видахъ возбужденія народа, уже и безъ того взволнованнаго и возбужденнаго

тѣмъ, что творится за-границей, не перестаютъ писать и произносить рѣчи». Въ декабрѣ новыя опасенія. «Лондонъ представляетъ въ настоящую минуту городъ, какъ бы разоренный войною или вражескимъ нашествіемъ. Всѣ ждутъ извѣстій о стычкахъ, пожарахъ и т. д.» «Опасенія царятъ съ полной силой; волненіе умовъ неслыханное и не похоже ни на то, что приходилось видѣть раньше. Требования реформы, сокращенія бюджета, вызывающія опасенія и сомнѣнія у тѣхъ, кому есть, что терять, неувѣренность въ будущемъ, крупныя интересы, задѣтые движеніемъ, все это усиливаетъ нервное возбужденіе, распространяющееся на всѣ классы. А въ январѣ опасенія доростають уже до полной увѣренности, что революція неизбежна. Партія тори—въ полномъ разложеніи. Апатія царитъ среди высшихъ классовъ. Консерваторы—бесильны и не могутъ создать сколько нибудь энергическаго и смѣлаго органа печати, который выступилъ бы на защиту ихъ правъ и интересовъ. Не то мы видимъ среди рабочихъ классовъ, которые все дѣятельнѣе и дѣятельнѣе организуются. «Полковникъ Непиръ, разсказываетъ Гревиль (25 генв. 1831), сообщилъ любопытныя данныя объ организаціи манчестерскихъ рабочихъ; они соединены въ 4 группы, частью съ политическими цѣлями, но главнымъ образомъ для достиженія главнаго—улучшенія своего положенія. У нихъ правильное управленіе, находящееся на о—въ Мэйнъ». А тоже и среди земледѣльцевъ, по словамъ того же Непира, который «считаетъ революцію неизбежною». Съ другой стороны, стремленіе добиться радикальной реформы проявилось все сильнѣе и сильнѣе, и въ моментъ самаго образованія министерства страна недвусмысленно выказала это свое желаніе и стремленіе выборами въ Престонъ, одномъ изъ наиболѣе народныхъ избирательныхъ мѣстъ. Членъ министерства Стэнли (будущій лордъ Дерби) провалился,—громадное большинство голосовъ получилъ знаменитый въ исторіи борьбы за радикальную реформу, можно сказать одинъ изъ крупныхъ творцовъ ея, Генри Гэнтъ. Правда, противъ волненій министерство приняло мѣры въ декабрѣ. Но въ наиболѣе опасный округъ, Уинчестеръ, гдѣ волненія были особенно сильны, послана специальная коммиссія, предавшая суду до 1 т. душъ. Карлайль и Коббеттъ были посажены на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ возбужденіи населенія къ мятежу, и Карлайль поплатился 2 т. ф. ст. штрафа и двумя годами тюремнаго заключенія. Но волненіе умовъ не утихло и возбужденіе было всеобщимъ. Министерству приходилось дѣйствовать здѣсь съ крайней осторожностью, чтобы не вызвать еще большаго раздраженія. Вотъ почему процессъ Коббета былъ отложенъ до іюня. Судъ надъ нимъ превратился въ настоящую овацію: подъ впечатлѣніемъ настроенія общественнаго мнѣнія присяжные вынесли Коббетту оправдательный приговоръ, при чтеніи котораго, въ качествѣ свидѣтелей, вы-

званных обвиняемъ, присутствовали и Брумъ, и Мельбургъ, и лордъ Фолькестонъ.

Трудно было, въ виду такого настроенія и состоянія страны, оставить безъ вниманія требованія громадной массы населенія, и министерство рѣшило передать выработку билля о реформѣ спеціальному комитету изъ четырехъ болѣе всего склонныхъ къ широкой реформѣ своихъ членовъ. Россель, Дерхэмъ, Гремъ и Денканнонъ взялись за составленіе билля и быстро, но въ полнѣйшей тайнѣ повели дѣло. Уже 3 февраля при возобновленіи засѣданій парламента Грей могъ, въ крайне туманныхъ выраженіяхъ, заявить, что «правительству удалось выработать проектъ, который, по его мнѣнію, не переступитъ границъ разумной умѣренности, но всему государственному управленію придастъ полное единодушіе».

Перваго марта 1831 г. давно ожидаемый билль былъ внесенъ въ палату и доложенъ Росселемъ, говорившимъ въ защиту билля болѣе двухъ часовъ и имѣвшимъ полное право требовать реформы въ виду грудъ петицій о реформѣ, которыми заваленъ былъ громадный столъ спикера. «Невозможно описать, говорить Гревиль, того любопытства, той напряженности возбужденія и ожиданія, какія вызвало внесеніе и чтеніе билля». Палата была биткомъ набита публикой, вокругъ парламента тѣснились густыя массы народа. Билль показался въ высшей степени радикальнымъ, никто не ожидалъ, чтобы министерство Грея рѣшилось внести его въ такомъ видѣ въ палату. «Забавно было видѣть, какъ мѣнялись лица собственниковъ мѣстечекъ по мѣрѣ того, какъ прочитывались названія этихъ мѣстечекъ, подлежащихъ уничтоженію. Усерель (извѣстный чудакъ, потѣшавшій палату своими выходками) началъ было дѣлать замѣтки, но, по мѣрѣ того какъ развертывалась картина переимѣнъ, отбросилъ, наконецъ, послѣ разныхъ гримасъ и тѣлодвиженій, восклицанія руками и ногами, начатыя отмѣтки съ выраженіемъ ужаса, отчаянія и насмѣшки» (Гревиль). За то энтузіазмъ усиливался на скамьяхъ виговъ, между тѣмъ какъ взрывы презрительнаго хохота раздавались со скамей тори; одинъ изъ тори, Пилъ, восклицалъ, что мѣра правительства не есть «реформа, а настоящая революція». Страна была въ восторгѣ отъ билля, даже Коббеттъ въ своемъ Political Register привѣтствовалъ рѣшимость людей, выступившихъ съ такой радикальной реформой. Только Гантъ въ палатѣ энергически напалъ на билль и на его недостатки, но онъ былъ одинокъ, и голосъ его былъ заглушенъ криками ликованія и восторга всей Англіи. Брумъ, Грей, Россель были провозглашены «друзьями народа», и отъ одного до другого конца Англіи раздавался теперь лишь одинъ возгласъ: «билль! Весь билль цѣликомъ! Ничего кро-
мѣ билля».

Въ дѣйствительности билль далеко не отвѣчалъ радикальнымъ программамъ, выставленнымъ Коббеттомъ, Гантомъ и др., но въ отношеніи къ старой избирательной системѣ являлся, безспорно, ра-

дикальнымъ въ томъ смыслѣ, что создавалъ первый крупный шагъ къ демократизаціи парламента. И правъ былъ, поэтому, Уэллингтонъ, когда замѣтилъ смѣявшимся тори: «это—не шутка! тутъ не надѣ чѣмъ смѣяться». 60 гнилыхъ мѣстечекъ съ населеніемъ менѣе 2 т. были лишены права представительства, у 47 мѣстечекъ оставлено было право выбирать лишь по одному представителю. За то Лондону дано было выбрать еще 8, городамъ, не имѣвшимъ права представительства, отведено 44 мѣста въ парламентѣ. Города съ населеніемъ свыше 10 т. получили право выбора, а графства съ населеніемъ свыше 150 т. еще одного лишняго представителя. Право выбора, находившееся прежде въ рукахъ городскихъ совѣтовъ, перешло на городское населеніе, и каждый домовладѣлецъ, платившій 10 ф. ст., получалъ право голоса, что увеличило число избирателей на 500 т. Параллельно расширилось право голоса на всѣхъ копигольдеровъ съ 10 ф. ст. и всѣхъ, держащихъ землю въ арендѣ на сумму 50 ф. стерл. Срокъ полномочій парламента былъ ограниченъ пятилѣтнимъ срокомъ, и рядомъ постановленій введенъ былъ порядокъ въ составленіе избирательныхъ списковъ, сокращенъ періодъ времени счета голосовъ и т. п.

Въ рукахъ министерства оказалось вслѣдствіе уничтоженія мѣстечекъ 167 свободныхъ мѣстъ въ палатѣ, и изъ нихъ 5 оно предложило отдать Шотландіи, 5—Ирландіи, 1—Уэльсу, 55—графствамъ и 44—крупнымъ промышленнымъ центрамъ. Составъ палаты, благодаря этому, уменьшался, съ 658 до 596, но исключительному влиянію землевладѣльческихъ интересовъ въ парламентѣ наносился сильный ударъ; наоборотъ, усилено было влияніе представительства промышленныхъ и фабричныхъ интересовъ, движимаго капитала.

Какъ ни далеко отстоялъ проектъ новой реформы отъ главныхъ пунктовъ радикальной программы, какъ относительно умѣренна она ни была сама по себѣ, являясь осуществленіемъ въ Англии того, что существовало во Франціи въ видѣ *raus legal*, реформа затрогивала въ такой сильной степени права и интересы господствующаго класса, что проведеніе ея безъ ожесточенной и упорной борьбы не могло совершиться. Борьба эта началась тотчасъ же послѣ внесенія билля о реформѣ въ палату. Если послѣ 7-дневныхъ горячихъ преній билль и прошелъ въ первомъ чтеніи (9 марта) въ палатѣ общинъ, то это еще далеко не значило, что палата приметъ его цѣликомъ. Партія, враждебная реформѣ, собрала всѣ свои силы, и 22 марта, во время второго чтенія билля, изъ 603 членовъ, присутствовавшихъ въ палатѣ, только 302 подали голосъ за билль. Побѣда, одержанная министерствомъ, была равнелична пораженію, и было очевидно, что при третьемъ чтеніи дѣло получить соебѣмъ скверный оборотъ для билля и министерства. И то, что предвидѣли, и случилось. 19 апрѣля генералъ Гасконъ предложилъ принять поправку къ биллю, которая подрывала его въ самомъ корнѣ. Онъ потребовалъ, чтобы палата высказалась за сохраненіе всего наличнаго числа мѣстъ въ палатѣ,

чтобы оно не было уменьшено, и его предложение, которое, въ дѣйствительности, было лишь предлогомъ для устранения билля, было принято большинствомъ 299 противъ 291. Министерство было разбито на голову, и авторитетъ его въ палатѣ палъ до того, что вопреки требованію съ его стороны, чтобы палата приступила къ обсужденію вопросовъ финансовыхъ, партія тори вновь поставила на очередь возбужденіе вопроса о реформѣ, и большинствомъ 164 противъ 142 отсрочила пренія по вопросу о бюджетѣ.

Сильная опасность грозила и дѣлу реформы, и министерству, поднявшему вопросъ о ней. При томъ возбужденіи, которое царило въ странѣ, снятіе билля и отставка министерства могли повести къ такимъ осложнениямъ, предъ которыми страхи 1817 и послѣдующихъ годовъ показались бы сущими пустяками. Уже раньше, предвидя возможность пораженія въ палатѣ, министерство обратилось къ королю съ требованіемъ дать согласіе распустить палату, но не получило этого согласія. Теперь тори своимъ отказомъ вотировать бюджетъ дали министерству сильное орудіе въ руки. Грей вновь потребовалъ у короля согласія на распущеніе и тотчасъ же, 21 марта, получилъ его. Но это согласіе далеко не обезпечивало еще побѣды. По конституціи обѣ палаты могли обратиться къ королю съ адресомъ о нераспущеніи и придать всему дѣлу новый оборотъ. На это и рассчитывали противники реформы, узнавшіе въ тотъ же день о согласіи короля. Лордъ Уариклифъ 21 же внесъ требованіе въ палату лордовъ подвергнуть въ ближайшемъ засѣданіи, 22 марта, вопросъ объ адресѣ и о нераспущеніи, и вся судьба реформы зависѣла теперь отъ того, удастся ли, или нѣтъ, министерству распустить парламентъ раньше, чѣмъ будетъ вотированъ адресъ въ палатѣ лордовъ, а затѣмъ и въ палатѣ общинъ, гдѣ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ палатѣ лордовъ, партія тори успѣла обезпечить за собою большинство. Страшное волненіе царило въ обѣихъ палатахъ 22 марта, когда имъ сообщено было о готовящемся распущеніи палаты. Въ палатѣ лордовъ дѣло дошло чуть не до взаимной драки, въ палатѣ общинъ возбужденіе съ обѣихъ сторонъ едва не кончилось тѣмъ же. Но напрасны были усилія Уариклиффа провести свое предложеніе — предсѣдатель палаты, Врумъ, обжаловалъ съ предсѣдательскаго мѣста подъ предлогомъ, что ему нужно встрѣтить короля, и невиданная въ анналахъ парламентской исторіи Англій сумятица, страшные крики поднялись въ палатѣ. Правда, одному изъ лордовъ удалось не только уѣхать съ президентское мѣсто, но и перевернуть вопившихъ лордовъ, но въ тотъ самый моментъ, когда дѣло налаживалось, раздался возгласъ: «король, король», и король, котораго Врумъ убѣждалъ въ то, что шумъ въ палатѣ происходитъ оттого, что «палата лордовъ забывается» въ ожиданіи его прибытія, вошелъ торжественно въ залу. Тори проиграли сраженіе. Король прочелъ съ высоты

трона приказъ о распущеніи палаты, и обвѣмъ палатамъ оставалось одно — повиноваться.

Среди тори царилъ сильнѣйшее раздраженіе, и слова Пилля, что теперь старые порядки смяты подавить «самымъ худшимъ сортомъ деспотизма, деспотизмомъ массъ и журналистики», были встрѣчены громомъ аплодисментовъ въ палатѣ. Но такъ было только въ парламентѣ. Общество было настроено совершенно иначе, и когда король выѣхалъ изъ парламента, громадная толпа, стоявшая подлѣ парламента, устроила ему овацію: его встрѣтили громомъ аплодисментовъ и долго несомлевающимися криками привѣтствія. 27 апрѣля Лондонъ горѣлъ огнями: всеобщая иллюминація была устроена въ городѣ, и бѣда была тѣмъ изъ лордовъ, дома которыхъ не свѣтились огнями. Въ домахъ противниковъ реформы все окна были перебиты. Слѣды погрома долго видѣлись потомъ во всѣхъ консервативныхъ клубахъ, въ домѣ Пилля, особенно въ домѣ Уэллингтона, фасадъ котораго пострадалъ сильнѣе всего. Возбужденіе передалось и въ остальные мѣстности Англіи и Шотландіи, и умирающій Вальтеръ Скоттъ испыталъ на себѣ удовольствіе быть тори и подвергся оскорбленіямъ.

Исходъ выборовъ при такомъ единодушномъ почти настроеніи страны не подлежалъ сомнѣнію. Давленіе общественнаго мнѣнія было настолько велико, что даже старые порядки выборовъ, обеспечивавшіе за землевладѣльцами легкую побѣду, оказались бессильными противостоятъ напору общественнаго настроенія. Сумасшедшія суммы были истратчены тори, чтобы обезпечить выборы въ свою пользу. Пиллю, Ньюкестлю, Уэллингтону пришлось выкинуть по 30 тыс. и болѣе ф. стерлинговъ, и тѣмъ не менѣе подкупъ оказался болѣе слабымъ средоточіемъ, чѣмъ энтузіазмъ минуты. Тори терпѣли одно пораженіе за другимъ. Провалился генераль Гасконъ въ Ливерпульѣ, не были выбраны самые ярые противники реформы, въ родѣ Knatchbull'я. Не прошли даже кандидаты герцога Ньюкестля и лорда Лонсделля, извѣстнаго подъ именемъ «пѣтуха девятикурнаго стада». «Нѣтъ ничего болѣе сквернаго, чѣмъ выборы, писалъ Гревиль; защитники реформы избраны повсюду. Борьба кончена, и остается ожидать, что предприметъ палата лордовъ. ... Увѣряютъ, что сами министры начинаютъ бояться дьявола, котораго они пустили гулять на свободѣ... Теперь онъ выпущенъ. Пусть-ка попробуетъ кто нибудь остановить его». И въ палатѣ общинъ «дьяволъ» оказался дѣйствительно всемогущимъ. Въ ней было обезпеченное большинство, большинство громадное, почти въ 136 голосовъ. Не отъ нея теперь зависѣлъ исходъ борьбы. 24 іюня ей предложенъ былъ билль о реформѣ, и она, понятно, не могла не вотировать за него. Но существовала палата лордовъ, и съ открытіемъ новой сессіи весь интересъ минуты, вся сила предстоящей борьбы сосредоточилась въ ней. Правда, тори, сплотившіеся въ нижней палатѣ, пробовали было затормозить дѣло реформы посред-

ствомъ затягиванія преній и т. п. Обсужденіе билля началось въ іюнѣ, тори удалось задержать окончательную вотировку до 7 сентября, но добились они только того, что страна потеряла, наконецъ, всякое терпѣніе. Уже въ августъ по всей Англіи началась агитація митинговъ съ цѣлью побудить палату ускорить рѣшеніе вопроса. Бирмингемская политическая унія открыла походъ, и парламентъ наводненъ былъ петиціями. Палата, правда, не приняла ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они исходятъ якобы отъ меньшинства, но тѣмъ не менѣе даже тори не рѣшились играть больше съ общественнымъ мнѣніемъ, и коммиссія, отвергнувши предложеніе Гента о распространеніи избирательнаго права на всѣхъ плательщиковъ податей, вынуждена была подвергнуть билль третьему чтенію. 21 сентября 1831 г. билль большинствомъ 345 противъ 236 былъ, наконецъ, принятъ.

Оставалась палата лордовъ, куда билль внесенъ былъ уже 22 сентября.

Но никто не сомнѣвался насчетъ исхода вотировки билля въ палатѣ, которая являлась послѣднимъ оплотомъ, единственнымъ защитникомъ старыхъ порядковъ. 3 октября началось преніе, и тонъ, характеръ и содержаніе большинства рѣчей ясно показывали, что лорды не согласны уступить ни одной пяди земли, ни одной изъ своихъ крѣпостей. Напрасно Врумъ истощалъ всю силу своего краснорѣчія и остроумія, напрасно указывалъ на опасности, которыя грозятъ Англіи, если билль будетъ отвергнута. И что такое этотъ билль? восклицалъ онъ. Билль—Сивилла, раскрывающая книгу мудрости. Вы можете прогнать ее, но она опять вернется... и тогда увеличить требованія. Листы ея книги будутъ, правда, вырваны, запачканы кровью, но на нихъ будетъ написано: «ежегодный парламентъ, тайная подача голосовъ, право избранія всѣхъ и каждого, вы опять отвернетесь, и она опять уйдетъ. Но горе вамъ, если она придетъ въ третій разъ... Кто знаетъ, чего потребуетъ тогда она!» Для лордовъ всѣ эти рѣчи были пустыми словами, и 8 октября 1831 г., когда началось голосованіе, 199 лордовъ высказались противъ реформы, и только 158—за нее.

Голосованіе началось съ 6 утра,—нѣсколько часовъ спустя лондонское населеніе узнало изъ газетъ, вышедшихъ съ траурными кайшамъ, о судьбѣ билля. Фонды пали. Совѣтъ Сети собрался, чтобы вотировать рѣшеніе въ защиту реформы. Въ палатѣ общинъ, подъ впечатлѣніемъ горячей рѣчи Маколея, среди сильнѣйшаго возбужденія и энтузіазма, прошло громаднымъ большинствомъ голосовъ предложеніе лорда Ебрингтона: поддержать министерство въ его плѣ, настаивать на биллѣ, который, правда, отвергнуть, говорилъ брингтонъ, но не надолго. Но въ остальной странѣ впечатлѣніе было гораздо болѣе сильнымъ, и реакція противъ лордовъ достигла крайней степени. Въ Бирмингемѣ извѣстіе было получено въ 5 ч. вчера 8 октября, и звонъ колоколовъ далъ знать населенію о томъ,

что проведено палатой лордовъ. Громадный митингъ въ 150 т. человекъ былъ созванъ въ Бирмингемѣ и при громкихъ аплодисментахъ единогласно принято рѣшеніе: не платить податей до принятія билля и послать адресъ Росселю, какъ тварцу билля, и лорду Ольторпу, министру финансовъ. «Немыслимо, чтобы глухіе крики мятежной партіи пересилили голосъ націи», отвѣтилъ на адресъ Россель, и вызвалъ уже не глухіе крики негодованія среди тѣхъ, кого онъ называлъ «мятежниками».

Примѣръ Бирмингема не остался одинокимъ, и митинги стали созываться повсюду въ Англіи. Но уже на нихъ стало обнаруживаться, что того единодушія и единства, которыя отмѣчаютъ собою первые мѣсяцы обсуждения билля Росселя въ палатахъ, болѣе не существовало въ странѣ, и что пророчество Брума далеко не такой пустой звукъ, какимъ казалось оно лордамъ. 31 октября, въ обычномъ мѣстѣ собраній реформистской партіи, въ Crown и Anchor Tavern, созванъ былъ митингъ, на которомъ рѣшено было образовать національную политическую унию, съ центральнымъ управленіемъ въ Лондонѣ и съ аффилиаціями по всей Англіи, съ спеціальной цѣлью вести агитацію въ пользу билля и министерства и добиться у парламента принятія реформы во что бы то ни стало. На митингѣ присутствовали главнымъ образомъ члены парламента и представители промышленнаго класса. Но рядомъ сталъ все рѣзче и рѣзчительнѣе выступать другой союзъ, носившій то же названіе «національнаго союза», но союза «рабочаго класса и другихъ». Цѣль его была — защита рабочихъ и ихъ интересовъ, пропаганда требованія дѣйствительной реформы парламента, отмены дурныхъ законовъ. Теперь, въ октябрь, въ виду совершившихся въ Англіи событій, лондонскій союзъ выпустилъ декларацію, произведшую сильное впечатлѣніе въ странѣ и особенно среди выговъ. Союзъ требовалъ организаціи такого управления, которое имѣло бы въ виду общую пользу, заботилось бы о защитѣ и безопасности для всѣхъ, а не для отдѣльныхъ только лицъ или группъ; отмѣны всѣхъ наслѣдственныхъ различій; предоставленія всякому, достигшему 21 года, права подавать голосъ лично или чрезъ представителя относительно законовъ, податей, ихъ размѣра, назначенія способовъ взысканія; установленія тайной подачи голосовъ при выборахъ; отмены ценза; установленія годичныхъ парламентовъ. Въ деклараціи было заявлено, что всѣ эти пункты союзъ считаетъ самыми существенными для защиты интересовъ рабочихъ и «единственно надежнымъ ручательствомъ для обезпеченія за рабочими продуктовъ ихъ труда», а, съ другой стороны, что лишь принятіе всѣхъ пунктовъ деклараціи, а не какой либо иной билль, не признающій этихъ пунктовъ, они, рабочіе, сочтутъ удовлетвореніемъ ихъ требованій. На 7 ноября былъ созванъ митингъ въ Лондонѣ, на которомъ декларація эта должна была подвергнуться обсужденію и окончательному утвержденію.

То было возобновленіемъ программы 1817 и посл. годовъ, и принятіе ея заставило Бердетта и нѣкоторыхъ другихъ изъ прежнихъ дѣятелей радикальной реформы выйти изъ союза и примкнуть къ «Национальному союзу» виговъ.

Новая опасность грозила министерству и росселевскому биллю, теперь со стороны тѣхъ, которые являлись наиболѣе сильнымъ оплотомъ реформы. Переполохъ, произведенный деклараціей въ рядахъ виговъ и среди министерства, былъ страшный. Противъ деклараціи выпустили прокламацію, требовавшую отмены митинга. Въ газетахъ виговъ появились статьи, направленные противъ союза, и столбцы Times'a и др. были полны сообщеніями о какомъ то готовящемся въ Лондонѣ и др. мѣстахъ мятежѣ, о складахъ оружія, выдѣлкѣ пикъ въ Спитальфильдѣ и Уайтченелѣ и т. д. и т. д. Министерство, чтобы не дать развиться движенію, опубликовало разъясненіе, въ которомъ значилось, что «ассоціаціи, составленныя изъ отдѣльныхъ секцій, съ подраздѣленіями и развѣтвленіями ихъ, неконституціонны и не легальны», и приняло усиленные военныя мѣры предосторожности. Слухи были страшно преувеличены. Депутація отъ союза, посланная къ министру Мельбурну, пыталась выяснить ему, что ни о какомъ мятежѣ не было и нѣтъ рѣчи и что союзъ желаетъ созвать совершенно такой же митингъ, какой устраиваютъ все въ Англии. Но усилія ея были тщетны. Мельбурнъ принялъ депутацію, стоя за креслами, которыя были, по словамъ одного изъ делегатовъ, Ловетта *), разставлены такъ, что образовали преграду между нимъ и делегатами, но отказался наотрѣзъ признать законность митинга, и отъ него пришлось отказаться. Но объявленіе митинга незаконнымъ не подѣйствовало на политическую унию Бирмингема и на «Национальный союзъ», продолжавшіе дѣйствовать на общественное мнѣніе, а газеты виговъ грозили тори сотней тысячъ вооруженныхъ людей, если билль Росселя не будетъ принятъ.

Но страна, дѣйствительно, вовсе не была спокойной. Отверженіе билля лордами вызвало рядъ настоящихъ мятежей во всей странѣ. Въ Лондонѣ вновь подверглись бомбардировкѣ дома лордовъ. Маркиза Лондондерри толпа стянула съ лошади, и онъ едва не поплатился жизнью. Въ Дерби народная толпа бушевала нѣсколько дней къ ряду. Въ Ноттингемѣ сожгли тюрьму. Въ Бристолѣ появленіе Уэтерелля, въ качествѣ судьи, Уэтерелля, горячая оппозиція котораго биллю была извѣстна, вызвало настоящій бунтъ, превзошедшій своими размѣрами все то, что происходило тогда въ Англии. Уэтерелль былъ встрѣченъ свистками и камнями (29 окт.) и едва успѣлъ добраться съ конвоемъ до городской думы. На площади, передъ думой, произошло столкновеніе толпы съ полиціей, и завязалась ожесточенная драка, перешедшая въ настоящее возстаніе. На городскую думу одѣлано было нападеніе, и она была взята. Затѣмъ

*) The life and struggless of W. Lovett etc. London. 1876, стр. 77.

топша бросилась на тюрьмы, на домъ епископа и др. лицъ. Въ городѣ начался пожаръ, и только на третій день удалось подавить восстаніе. 42 дома сгорѣло, 94 человека оказались убитыми.

Вѣсть объ этихъ событіяхъ и усиливающееся волненіе въ странѣ создали настоящую панику. Въ консервативныхъ газетахъ слово революція стало ежедневно повторяться. Министерство было перепугано, и между вигами и тори, во время перерыва засѣданій парламента, который былъ отсроченъ до декабря, начались переговоры. «Существуетъ всеобщее желаніе выработать компромиссъ между обѣими партіями», писалъ Гревиль, и дѣйствительно, группа тори «колеблющихся» или Waverers стала склоняться къ компромиссу и заключила даже договоръ съ Мельбурномъ, далеко не расположеннымъ къ радикальнымъ мѣрамъ, и съ министерствомъ.

6 декабря палата была созвана вновь. 12 дек. билль, представленный въ третій разъ, прошелъ въ первомъ чтеніи и окончательно былъ принятъ 23 марта палатой общинъ. Но то уже былъ билль иного характера. Подвергнуто было остракизму только 56 мѣстечекъ, послывшихъ 111 членовъ, и только у 30 отымалось право посылать болѣе одного представителя. Число членовъ палаты (658, было сохранено. Въ апрѣлѣ билль сданъ былъ въ палату лордовъ) отъ которой теперь зависѣлъ исходъ дѣла, торжество партіи виговъ и ея реформы. Министерство было болѣе увѣрено теперь, чѣмъ раньше, въ палатѣ лордовъ. На его сторону перешло нѣсколько епископовъ и «колеблющихся», и при первомъ чтеніи билль прошелъ въ палатѣ лордовъ большинствомъ 9 голосовъ. Но виги и Врумъ далеко не были увѣрены въ побѣдѣ и настаивали на необходимости создать новыхъ перовъ и тѣмъ обезпечить побѣду, успокоить страну и отодвинуть въ отдаленное будущее пункты радикаловъ. Съ величайшими трудностями пришлось имъ бороться, чтобы заставить Грея прибѣгнуть къ этой рѣшительной мѣрѣ. Пресса виговъ поддерживала единодушно это требованіе и грозила тѣмъ, что «самая жизнь Грея будетъ въ опасности», если онъ не начнетъ дѣйствовать энергически. Послѣ упорнаго сопротивленія Грей уступилъ, добился у короля согласія на созданіе новыхъ перовъ, но не привелъ мѣры въ исполненіе, и ультратори воспользовались этимъ, собрали всѣ свои силы, и 7 мая при вотировкѣ отдѣльныхъ статей билля побили министерство большинствомъ 151 противъ 116.

Однимъ ударомъ снесено и уничтожено было все, достигнутое вигами въ теченіе почти 6 мѣсяцевъ. Отставка министерства сдѣлалась неизбежной, и герцогъ Уэллингтонъ взялъ на себя миссію составить новое министерство и внести новый билль о реформѣ.

Палата была въ рукахъ виговъ, и они попытались спасти собственное дѣло, путемъ сохраненія министерства Грея. 10 мая Эбрингтонъ предложилъ вотировать адресъ королю съ выраженіемъ полного довѣрія палаты общинъ къ министерству Грея, и адресъ прошелъ большинствомъ 80 голосовъ. Волгдъ затѣмъ въ стр-

началось вновь движеніе, главнымъ образомъ въ средѣ промышлен-ныхъ классовъ. Лондонскій городской совѣтъ отправилъ въ палату петицію съ требованіемъ прекратить выдачу средствъ государству, и его примѣру послѣдовалъ 11 мая Манчестеръ и др. города. Вездѣ собирались митинги и на нихъ единогласно рѣшили прекратить уплату податей. Торговый людъ поднялъ страшный крикъ о необходимости кризиса и разоренія. Всѣ стѣны Лондона увѣшаны были воззваніями: «ступайте въ банкъ, заберите ваши деньги, этимъ вы станете поперекъ дороги герцогу». Въ газетахъ печатались цѣлыя воззванія къ населенію. Король и особенно королева, которую подозрѣвали въ сочувствіи тори и въ дѣятельности въ ихъ пользу, подвергались оскорбленіямъ и на улицахъ, и въ печати. Въ національномъ союзѣ раздавались рѣчи о необходимости прибѣгнуть къ оружію, а въ Бирмингемѣ на митингѣ, гдѣ собралось до 150 т. человекъ, вся эта толпа, снявши шляпы и поднявши руки, дала предсѣдателю клятву посвятить себя и свои семьи на борьбу за права родины. По всей странѣ начались процессіи со знаменами, на которыхъ красовались надписи: «еще лордовъ или долой ихъ», «отказъ платить подати», «къ оружію» и т. д. И то не были лишь одни рабочіе.

Составить министерство для герцога представлялось вещью почти немислимою. Въ палатѣ оппозиція была сильна, и 14 мая виги и крайніе тори, забывши все и вся при имени Уэллингтона, требовали вотировки недовѣрія къ новому министерству. Крайніе тори кричали, что рѣшеніе Уэллингтона дать новый билль реформы равносильно отреченію его отъ обязанностей члена партіи. 15 мая Уэллингтонъ вынужденъ былъ отказаться отъ попытки сформировать министерство, Грея позвали къ королю, его министерство вновь стало во главѣ управленія, и дѣло реформы было теперь окончательно выиграно. Если новыхъ лордовъ не создали, то Грей убѣдилъ короля подѣйствовать на лордовъ инымъ способомъ, и 17 мая многіе изъ нихъ получили циркулярное посланіе отъ короля съ просьбой воздержаться отъ оппозиціи биллю. Эта антиконституціонная мѣра оказала полное дѣйствіе. Билль прошелъ и въ палатѣ общинъ, и въ палатѣ лордовъ, и 9 іюня 1832 г. былъ утвержденъ королею. Билль о реформѣ сталъ закономъ, и виги выиграли сраженіе.

Новый билль, говорилъ Грей Сидмуту, самый аристократическій билль, но его слова далеко не характеризовали того, что такое былъ билль на дѣлѣ, не соответствовали его дѣйствительному значенію и смыслу. Увеличеніе числа представителей отъ графствъ и расширеніе избирательнаго права на арендаторовъ съ 50 ф. ст. аренды открывало землевладѣнью возможность вліянія и нѣсколько уравновѣшивало потерю имъ мѣстечекъ. Но тотъ фактъ, что городамъ даны были широкія права, промышленнымъ интересамъ открыты, наконецъ, двери для вліянія, самымъ рѣзкимъ образомъ

измѣнялъ характеръ и роль парламента, характеръ и значеніе составныхъ его элементовъ. Палата общинъ перестала быть зависимою отъ лордовъ и въ нее вошли новые элементы, уже не аристократическіе, въ видѣ *paus legal*, въ видѣ представителей движимаго капитала. Но дальше этихъ измѣненій дѣло реформы не пошло, и то, о чемъ мечтали и чего добивались дѣятели новаго общественнаго класса, осталось не достигнутымъ. «Всѣ убѣждены, пишетъ Гревиль, что билль пройдетъ. Но что потомъ? Когда онъ вступитъ въ дѣйствіе, какъ сильно всѣ разочаруются и особенно народъ. Его возмущеніе возбуждено до крайности, но онъ широко раскроетъ глаза, когда пойметъ, что билль не принесъ ему никакой выгоды».

И. Лучицкія

НА КНЯЗЬ-ОЗЕРѢ.

Изъ пріятельской переписки.

Повѣсть.

IX.

2 Августа.

Ты ничего не думаешь, пишешь ты мнѣ въ отвѣтъ на послѣднее письмо, и просишь только не прерывать переписки, ибо «все это» тебѣ крайне интересно. Хитрецъ! Что же «все это»? Очерки Полѣсья, которыхъ почти нѣтъ у меня въ письмахъ, или нѣчто иное? Знаю, что ты думаешь: было бы не дурно, если бы твой 40-лѣтній другъ отбилъ у «купидона» невѣсту и самъ женился. Всѣ вы, женатые пріатели, только и ждете, чтобы другъ-холостякъ попалъ въ ту же петлю, въ которую добровольно влѣзли вы.

И какъ легко въ эту петлю влѣзть! Я самъ начинаю бояться. Но надѣюсь—хладнокровіе въ рѣшительную минуту и анализъ, слава Богу, пока еще не покидающіе меня, выручатъ. Развѣ злодѣйка-судьба, которую, говорятъ, конемъ не объѣдешь... А въ самомъ дѣлѣ, эта коварная особа выкидываетъ со мной штуки. Первую и довольно рѣшительную каверу она устроила во второй же день моего пребыванія здѣсь. Ты помнишь, рѣшено было сопровождать Андрея Сергѣевича при обзорѣ лѣсного участка. Ъхать вызвались Оля, я и женихъ. Съ вечера, передъ тѣмъ, какъ заснуть, снова окутавшись съ ногъ до головы пледомъ, я задумался на счетъ этого путешествія. Лѣтъ пять я не ѣздилъ верхомъ. Ходить я также привыкъ почти исключительно по торцовымъ мостовымъ и каменнымъ панелямъ. Вдругъ окажусь жалкимъ и смѣшнымъ и на лошади, и на собственной парѣ среди этихъ лѣсныхъ и болотныхъ дебрей? Это при ней-то, при очаровательномъ разрядникѣ моихъ эстетическихъ томленій!

Сперва я смутился отъ этихъ опасеній. Но потомъ мнѣ подумалось: и превосходно! Оскандалюсь, значить, и отрезвлюсь. А чуточку отрезвѣть отъ впечатлѣнія, произведеннаго барышней, слѣдуетъ.

Ну, а если женихъ будетъ смѣяться? Пусть: отрезвленіе будетъ еще надежнѣе—не буду, по крайней мѣрѣ, таскаться за его Ольгой Андреевной и мѣшать ихъ идиллическимъ tête-à-tête'амъ. Какъ видишь, анализъ мой дѣйствовалъ великолѣпно.

Не безъ язвительной улыбки надъ самимъ собой я, наконецъ, заснулъ. Заснулъ очень крѣпко. Вдругъ проснулся отъ ядовитѣйшей боли въ ухѣ. Вскочилъ отъ этой боли точно безумный и инстинктивно, еще съ просонья, отвѣсилъ себѣ по уху затрепину, уничтожая комара, впившагося въ самую ушную раковину. Очевидно, во снѣ я выпросталъ голову изъ-подъ плаща, а комаръ этимъ и воспользовался.

— А! вы ужъ встаете!—услышалъ я въ то же время голосъ Андрея Сергѣевича. Голова его высовывалась со двора въ открытое окно.

— Встаю, встаю,—поспѣшилъ я увѣрить его, хватаясь за платье и этимъ спѣша показать, что я вскочилъ съ постели, дѣйствительно, съ намѣреніемъ встать.

— Представьте, — продолжалъ стоя въ окнѣ отецъ Оли, — бѣднаго Викентія Евлампіевича до того ночью съѣли комары, что онъ, не сомкнувъ ни на минутку глазъ, подъ утро ушелъ въ сарай и теперь тамъ заснулъ. Оля просила не будить его. Она боится, что онъ совсѣмъ разбитъ бессонницей... Можетъ быть, и вы спали плохо. Можетъ быть, и вы предпочли бы спать, а не вѣшать со мной?

— Эге,—подумалъ я,—безъ жениха вамъ не хочется, почтенный сикноръ, чтобы я сопутствовалъ вамъ съ дочкой,—и отвѣтилъ:—О нѣтъ! я спалъ, какъ убитый. Поѣду съ удовольствіемъ.

— Смотрите, устанете. Вѣдь все время придется веркомъ и кѣномъ,—наставлялъ милѣйшій хозяинъ.

— Попробую. Авосъ! — пожималъ я комически плечами, спѣша умыться и одѣться, причѣмъ натянулъ захваченные съ собой изъ Питера охотничьи сапоги. Богъ вѣсть, когда я въ нихъ окотился!

Осокоринъ постоялъ нѣкоторое время нерышительно передъ моимъ окномъ, потомъ, молча, отошелъ. — Неохота папенькѣ, чтобы я вѣшалъ!—подумалъ я, и мнѣ стало такъ мальчишески весело, что я даже сдѣлалъ нѣчто въ родѣ чичиковскаго антраша, проходя черезъ столовую на крыльцо.

Тамъ встрѣтила меня, сіяя свѣжестью, какъ это раннее солнечное утро, Оля. На скамьѣ, передъ нею, стояла кринка съ молокомъ, три стакана, и на тарелкѣ аппетитные ломти свѣжаго, какъ будто еще дымящагося, чернаго хлѣба. Щечки Оли отсвѣчивали сырымъ пушкомъ, вѣроятно, послѣ умыванья холодной водой. Трава на обширномъ пустомъ дворѣ вся такъ и бѣлѣла серебристой обильной росой. Небо было ясно до

ослѣдственности, воздухъ свѣжъ и мягокъ до опьяненія имъ. И, въ концѣ концовъ, прелестная, загорѣлая ручка протянула мнѣ стаканъ молока—настоящаго, деревенскаго молока, правда, чуть-чуть пахнуваго коровой, но бѣлаго, густого. И мелодически-звонкій дѣвическій голосъ сказалъ:

— Хотите? Мы съ папой при нашихъ поѣздкахъ чаю не пьемъ. Выпьемъ молока, съѣдимъ свѣжаго хлѣба, и готово. Видите, какъ рано ѣдимъ. Гдѣ тутъ ставить самоваръ! Прислуга еще спитъ.

Она говорила это все просто и довѣрчиво, смотря мнѣ въ лицо своими милыми глазами.

— А вы часто такъ ѣдите съ родителемъ?—спросилъ я, залпомъ осушая стаканъ молока и чувствуя, что поглощаю истинный нектаръ.

— Въ лѣсъ? Постоянно. Я очень люблю ѣздить съ папой въ лѣсъ. Хотите еще стаканъ?

И она граціозно нагнулась, чтобы налить изъ крынки еще стаканъ молока. Точно восхищенная, что я такъ молодецки выпилъ первый, она улыбалась; глаза ея золотисто искрились. Что я могъ отвѣтить, какъ не опрокинуть въ себя еще стаканъ съ еще большей быстротой.

— А хлѣба, хлѣба попробуйте! У насъ чудесный свѣжій хлѣбъ! Вы любите свѣжій, еще горячій хлѣбъ?—звенѣлъ, какъ серебряный колокольчикъ, голосъ Оли.

Я съ такимъ эффектомъ продемонстрировалъ мою любовь къ горячему черному хлѣбу, что въ мгновение двухъ ломтей какъ не бывало. И не знаю, до чего бы дошли мои гастрономическія увлеченія подъ вліяніемъ милаго голоса и милыхъ глазъ, если бы къ крыльцу не подъѣхали верхомъ Андрей Сергѣевичъ и его управляющій. За ними работникъ велъ еще двухъ лошадей, осѣдланныхъ, одна дамскимъ сѣдломъ.

Не успѣлъ я опомниться, какъ моя деревенская Геба, точно птичка, вспорхнула на свою лошадь, и изъ-подъ ея свѣтлаго ситцеваго платья на боку саврасой лошади выглянули маленькія ножки въ высокихъ полусапожкахъ, прикрытыхъ подобіемъ турецкихъ шальваръ изъ того же ситца. Я только тутъ замѣтилъ оригинальность ея костюма.

— Вы смотрите, какъ я одѣта? Это папа придумалъ. Отличный костюмъ, удобный здѣсь,—весело засмѣялась Оля и нагнулась, стыдливо одергивая внизъ поднявшуюся юбку платья.

— Ну что же вы, садитесь! Не бойтесь: конь смиренный!—сказалъ Андрей Сергѣевичъ, посмотрѣвъ внимательно на меня. Я почти разсердился на него въ этотъ моментъ. Почему мнѣ непременно нуженъ смиренный конь? И не думалъ бояться коня. И, закрывъ глаза, точно бросаясь въ пропасть, я всунулъ ногу въ стремя, напряженно приподнялся на немъ и самъ даже

удивился тому, что опустился въ сѣдло безъ всякихъ заключеній.

— Да вы молодчина!—какъ мнѣ показалось пронически похвалить Осокоринъ.

Нѣтъ, онъ положительно хочетъ уронить меня въ глазахъ своей дочери,—рѣшилъ я и не безъ эффекта тронулъ каблучками своего сиво-пѣгаго буцефала. У него, къ моему удовольствію, оказалась иноходь. Это я замѣтилъ, двинувшись за другими и равняясь съ Олей. Мы ѣхали попарно. Впереди Осокоринъ и управляющій, у котораго за сѣдломъ были привязаны какіе-то мѣшки.

Мы миновали дворъ, мостъ, гдѣ сѣдлись въ лошади, выѣхали на дорогу и ровной рысью двинулись по ней между болотами и перелѣсками. Оля иногда посматривала на меня, точно желая убѣдиться, крѣпокъ-ли я въ сѣдлѣ, и, убѣдившись въ этомъ, неожиданно ласково улыбалась мнѣ. Отъ этихъ улыбокъ я точно не ѣхалъ верхомъ, а плылъ или летѣлъ на крыльяхъ. Она мягко колыхалась на своей лошади. Я видѣлъ, какъ ея приподнятая въ стременахъ ножка встряхивалась. Я украдкой взглядывалъ на эту ножку, забывая всякій анализъ.

Мы поровнялись съ какими-то деревенскими зданіями, обнесенными высокой околлицей. Я не могъ понять: усадьба-ли эта, маленькая-ли деревня. Андрей Сергѣевичъ повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Тутъ живетъ шляхта—поляки. Порядочно, хозяйственно живутъ. Нѣсколько семействъ.

— Помѣщики?—спросилъ я.

— Нѣтъ, просто, какъ крестьяне живутъ. Сами пахутъ, сами жнутъ... Можетъ быть, когда нибудь панами были въ старину; а, можетъ, искони шляхтичами, лапотниками,—отвѣчалъ Осокоринъ.—Всего вѣроятнѣе, предки ихъ были захребетниками у нана-магната, ну, а потомъ, какъ исторія Польшу проучила, въ крестьянство обернулись... Такъ ихъ шляхтой всѣ и зовутъ... Эхъ, когда-то исторія проучить нашихъ захребетниковъ города, столицы!.. неожиданно прибавилъ онъ.

— Эге! Ты хочешь втянуть меня въ препирательство съ тобой!—подумалъ я—шалишь! не падуешь! И сейчасъ-же обратился къ Олѣ: какъ тихо пріютилась эта шляхта въ ложбинкѣ, между лѣсомъ!..

— Да, тутъ хорошо! Трудятся, работаютъ... Я ихъ видѣла, славныя такія лица, загорѣлыя, задумчивыя, серьезные,—тихо отозвалась она и съ какимъ-то внутреннимъ едва замѣтнымъ оживленіемъ прибавила:—помните, вы рассказывали о Вильгѣ о бѣднякахъ... не оттого-ли и у здѣшней шляхты, и у тѣхъ бѣдняковъ такія славныя грустныя лица, что Польша...

ну вы меня понимаете? она остановила на мнѣ серьезный задумчивый взглядъ.

— Понимаю, понимаю! — воскликнулъ я въ полномъ восторгѣ. — Милая, да ты гораздо умнѣе и чутче, чѣмъ я думалъ, — мелькнуло у меня въ головѣ.

— Вотъ я такую-же сельско-рабочую шляхту хочу сдѣлать изъ нея и ея будущаго мужа, — крикнулъ съ своей лошади Осокоринъ. Никто не отозвался на это восклицаніе.

— Оля, вѣдь ты ничего не имѣешь противъ? — крикнулъ онъ опять.

— Ты знаешь, папа, что ничего. Напротивъ, очень рада, — задумчиво отозвалась она. — Папа, вѣдь это нашъ участокъ начинается? — сразу переимѣнила она тему.

— Молодчина-дѣвочка! Знаетъ всё свои участки! — похвалилъ весело Осокоринъ и, полуобернувшись на лошади, ласково посмотрѣлъ на дочь.

Мы въѣхали въ лѣсъ. Сперва это былъ нѣсколько корявый лѣсокъ, рѣдкое, несладно лѣпившееся на болотѣ мелколѣсье, потомъ почва стала суше, деревья выше, корни ихъ начали вылѣзать изъ земли и толстыми извилинами змѣяться подъ ногами лошадей. Стволы уже высоко подымали свои тѣнистыя вершины. Запахъ моха, смолы, зелени, прохлада постоянной глубокой тѣни охватили насъ.

Мы поѣхали шагомъ. Осокоринъ и управляющій останавливались иногда передъ деревьями, осматривали ихъ, замѣчали на нихъ какіе-то нарубки, знаки. Откуда-то изъ чащи вынырнулъ одинъ изъ тѣхъ лѣсниковъ, которые возили насъ въ лодкѣ по канавѣ. На ногахъ его были кожаные лапти, укрѣпленные на голени длинными, обвивающими всю голень, ремнями.

— Юхимъ! — крикнулъ Осокоринъ, — мы хотимъ въ твой участокъ проѣхать!

— Ой, паночку, на конѣ нельзя... совсѣмъ стала трясина... послѣ дождей... недѣли двѣ шли дожди... охъ, паненкѣ будетъ трудно. По колѣнку гдѣ вода.

И Юхимъ, говоря это, снялъ поярковую шапчонку и усиленно кланялся, точно онъ былъ виноватъ, что въ его участкѣ «по колѣнку вода». Осокоринъ нахмурился.

— А что-жъ, Ольга Андреевна съ баринкомъ пускай насъ здѣсь подождутъ. А мы сходимъ, — весело предложилъ управляющій, слѣзая съ лошади.

Андрей Сергѣевичъ еще больше нахмурился.

— Надо, Оля, тебѣ, — сказалъ онъ, — настояще болотные сапоги заказать.

— Непремѣнно надо, папа! — согласилась она крѣтко.

— А теперь я останусь здѣсь и, хотите, приготовлю вамъ чай, — весело предложила она. — Я могу остаться и одна: Петръ

Васильевичъ, вѣроятно, захочетъ съ вами. У него отличныя сапоги.

О, какъ возненавидѣлъ я въ этотъ моментъ мои длинныя сапоги!

— Нѣтъ, нѣтъ! я останусь съ вами! Я не охотникъ до болотъ!—поспѣшилъ я заявить.

Андрей Сергѣевичъ только безнадежно посмотрѣлъ на меня.

— Вотъ и великолѣпно!—воскликнулъ управляющій, стаскивая съ своей лошади мѣшки, въ которыхъ оказались чайникъ, маленькій погребецъ и свертки съ холодной провизией.

— Юхимъ, устраивай костеръ!—командовалъ Фома Сидоровичъ.

Но тутъ я вступился.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы лучше идите. Я все сдѣлаю, костеръ разложу, чайникъ нагрѣю, за лошадьми посмотрю,—объявилъ я безапелляціонно.

— Смотрите-же! Мы черезъ часъ прїедемъ! Чтобъ все было-бы въ порядкѣ. Оля! Я на тебя надѣюсь!—сказалъ Осокоринъ, недовѣрчиво оглядываясь на меня и удаляясь съ управляющимъ и Юхимомъ въ глушь лѣса.

X.

Когда мы съ Олей остались одни, мнѣ показалось, что я сплю и вижу сонъ.

Въ самомъ дѣлѣ, твой заплѣсневѣлый журналистъ, уже Богъ вѣдаетъ, сколько лѣтъ вращающійся среди петербургской литературной и чиновничьей братіи съ ея женской половиной,— а я тебѣ не разъ описывалъ эту половину, — оказывается въ Полѣскомъ бору наединѣ съ такой дѣвушкой..

Высокія деревья тихо и глухо точно звенятъ гдѣ-то вверху, едва колеблющимися красноватыми стволами. Влага воздуха подъ ними кажется такой мягкой, такой ласкающей; пахнетъ землей, прошлогодними истлѣвшими иглами отъ хвой; полусвѣтъ, тишина; какое-то дивное воплощеніе уединенія, сосредоточенности, и эта дѣвушка, въ ея необычномъ костюмѣ съ обнаженной головкой. Она сняла свою небольшую соломенную шляпку, лишенную всякихъ украшеній, кромѣ узкой черной ленточки, и повѣсила ее на вѣтку.

И вообрази, тутъ же я, въ охотничьихъ сапогахъ, усердно складываю костеръ изъ лѣсного валежника, укрѣпляю надъ этимъ костромъ таганъ изъ сучковъ рогульками и озабоченно слѣжу, какъ въ чугунномъ чайникѣ закипаетъ вода. О, я допускаю: со стороны я былъ смѣшонъ, комиченъ въ эти минуты... Но внутренно я былъ страшно серьезенъ...

Я вдруг почувствовалъ, что мнѣ и необыкновенно хорошо, и въ то же время больно. Оля помогала мнѣ: разстлала пледы, скатерть на нихъ, доставала неломкія чашки изъ какой-то композиціи: все это оказалось въ мѣшкахъ управляющаго. Я смотрѣлъ на ловкія, быстрыя, не суетливыя движенія ея милыхъ ручекъ, и вдругъ эта непонятная боль въ моей груди, точно въ неожиданномъ стонѣ, выразилась въ полуподавленномъ восклицаніи.

— Ольга Андреевна! Но вы не любите вашего жениха!

Она въ эту минуту стояла на колѣняхъ на пледѣ, перебирая провианто. Услышавъ то, что я сказалъ, она не встала съ колѣнъ. Она только уронила руки вдоль своего стройнаго стана и подняла голову. Глаза ея съ выраженіемъ испуга, недоумѣнія, вопроса—о, какъ они хороши были въ эту минуту!—остановились на мнѣ...

— Простите мнѣ... какое же я имѣю право... задрожалъ мой голосъ. Дѣйствительно, было чудовищно, на второй день знакомства, затрагивать такой вопросъ.

— Развѣ онъ вамъ такъ не понравился во время вашей поѣздки съ нимъ?—тихо спросила, наконецъ, она.

— Очень не понравился. Онъ недалеко, хвастливъ, несносенъ,—полетѣлъ я точно съ горы, забывая всякое наблюдене за чайникомъ, изъ котораго вода хлынула, бурля и съ шипѣньемъ падая на угли костра.

Оля встала на ноги, отряхнула юбку съ медленной серьезной заботливостью, потомъ заговорила немного дрожащимъ голосомъ:

— Бѣдный Викентій Евлампіевичъ! Онъ никакъ не можетъ избавиться отъ своихъ недостатковъ. Но папа говоритъ: когда онъ поселится совсѣмъ здѣсь, въ деревнѣ, городскіе соблазны, отъ которыхъ и все его хвастовство, и легкомысліе, не будутъ его портить. Онъ отвыкнетъ отъ всего дурного. Деревенская работа и хлопоты—самое лучшее средство отъ всего дурного.

— Такъ говоритъ папа?—перебилъ я чуть не съ бѣшенствомъ эту назидательную рѣчь милой дѣвушки, готовой обратиться въ автоматъ папиной мудрости; даже голосъ у нея пересталъ дрожать, перейдя въ возмутительно ровный тонъ.

Она съ кроткимъ укоромъ подняла на меня свои глаза, взгляда которыхъ я положительно не въ силахъ выдерживать безъ волненія.

— Это думаю и я, не только папа,—медленно сказала она.

— Ну, прекрасно, вы это думаете, и вы, вѣроятно, правы. Но развѣ это значитъ, что вы любите?

— Викентія Евлампіевича? — быстро и оживленно перебила она меня.—Люблю. Жалѣю. Развѣ мнѣ отъ этихъ недо-

статковъ его не больно. Нѣтъ, мы его съ папой исправимъ. Она даже покраснѣла, говоря это.

— Ну развѣ это любовь? развѣ это любовь? Исправлять собираетесь!—захохоталъ я, съ какой то злобой принимаясь приводить въ порядокъ чайникъ, бурлившій на таганѣ.

— Вы говорите о романтической любви?—вдругъ тихо сказала Оля и вся потупилась.

— Да именно... о романтической!—воскликнулъ я точно въ какомъ то опьяненіи.—Да и не я одинъ говорю. Развѣ этотъ лѣсъ не говоритъ о ней? Развѣ эта чудная тишина не шепчетъ о ней? Этотъ едва слышный звонъ деревьевъ не поетъ о ней?.. Вы молоды, вы чутки, вы прелестны, наконецъ...—я вдругъ умолкъ, чувствуя, что самъ не знаю, что говорю...

Оля сѣла, точно въ неожиданномъ безсиліи, опустившись всѣмъ тѣломъ на пледъ. Она какъ-то безпомощно сложила свои милыя руки. Въ лѣсу водворилось молчаніе. Точно самъ лѣсъ сдѣлался тише. Наконецъ, я началъ робко и нерѣшительно:

— Ольга Андреевна, ради Бога, простите меня...

Но я не кончилъ. Она встала, точно совсѣмъ не слушая меня, заложивъ руки за спину и начала медленно ходить по маленькой лужайкѣ среди лѣса, на которой мы устроили свой приваль. Она была точно въ глубокомъ раздумьи. Мнѣ не хотѣлось выводить ее изъ этого раздумья. Она была такъ безконечно мила въ подавляемомъ ею безпокойствѣ и волненіи.

— Такой любви къ Викентію Евлампевичу я не чувствую, конечно,—вдругъ сказала она глуховатымъ голосомъ,—но развѣ это необходимо?—совсѣмъ тихо, точно самое себя, спросила она, не смотря на меня и опуская низко голову.

— Развѣ необходимъ цвѣтокъ на плодовомъ деревѣ, чтобы получился плодъ, однако, природа создала такъ, что прежде плода является милый благоуханный цвѣтокъ, чаруетъ насъ, опьяняетъ своимъ запахомъ,—совсѣмъ неожиданно для самого себя привелъ я это, можетъ быть, нѣсколько изысканное сравненіе.

— У хлѣба, у ржи, у пшеницы нѣтъ чарующихъ цвѣтовъ,—опять точно про себя замѣтила она, не переставая ходить взадъ и впередъ по лужайкѣ, заложивъ назадъ руки, опустивъ голову.

— А вы непременно хотите быть прозаическимъ хлѣбомъ, рожью?—глухо вырвалось у меня.

— Развѣ это такъ дурно?—спросила Оля уже съ какимъ-то чуть замѣтнымъ раздраженіемъ.

Эта нотка раздраженія подѣйствовала на меня. Куда приведетъ подобный разговоръ? зачѣмъ онъ? пронеслось у меня въ головѣ.

— Напротивъ, это очень хорошо. И весь этотъ разговоръ, Ольга Андреевна, я завелъ съ единственной цѣлью понять мотивы вашего брака. Теперь я ихъ понялъ и вполне одобряю,—закончилъ я, усиленно обжигая себѣ руки о раскаленный чайникъ и въ этомъ обжогѣ чувствуя странную отраду.

— Только?—вдругъ вырвалось точно неволью грустной нотой у Оли.

— Что только?—не сразу понялъ я ее.

— Только для того и заговорили?—почти прошептала она.

— Только для того. Вода вскипѣла, Ольга Андреевна! Что прикажете теперь мнѣ дѣлать?—умышленно подчеркнул я практическія цѣли нашего уединенія.

Она не отвѣтила. Я тоже молчалъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошо здѣсь въ лѣсу!—вдругъ сказала она, взглянувъ на вершины деревьевъ. Я видѣлъ, какъ поднялась и опустилась ея невысокая грудь.

— Вы въ первый разъ находите это?—спросилъ я.

— Въ лѣсу?—дрогнувшей ноткой прозвучала ея голосъ. —

Нѣтъ не въ первый,—медленно и загадочно значительно протянула она. И вдругъ, вскочивъ опять на ноги, оживленно заговорила.—Да? такъ вода вскипѣла? Отлично. Дайте маленькій чайничекъ. Онъ вонъ тамъ, въ томъ мѣшечкѣ. Сейчасъ заваримъ чай, а потомъ будемъ печь картофель въ золѣ... Онъ вонъ въ томъ рогоженномъ кулькѣ! А потомъ и папа съ Фомой Сидоровичемъ подойдутъ.

И мы заваривали чай, жарили картофель, Оля начала, по поводу картофеля, подробно рассказывать хозяйственные планы отца. Я слушалъ, молчалъ. Я понималъ, что она не желаетъ больше возвращаться къ прежней темѣ. А мнѣ не хотѣлось говорить ни о чемъ.

Ну, не каверзу-ли устроила мнѣ судьба, благодаря комарамъ и дождямъ, первыми удаливъ изъ нашей повѣздки жениха, вторыми не позволивъ Олѣ идти съ отцомъ и управляющимъ?!

XI.

Долго еще мы сидѣли въ лѣсу у костра вдвоемъ съ Олей. Мы не молчали. Она, съ особеннымъ стараніемъ и искусственнымъ оживленіемъ, говорила мнѣ о лѣсѣ, о планахъ его расчистки и разработки ея отцомъ, вдалась даже въ зоологію и ботанику. Я, не смотря на всю напряженность моего душевнаго состоянія, на всю смутность настроенія, не могъ не дивиться ея познаніямъ по лѣсному хозяйству и вообще относительно деревьевъ, травъ, ягодъ, грибовъ, птицъ, звѣрей въ Полѣсѣ.

— Это все папа—говорила она.—О! онъ многому научилъ меня!

Потомъ, вдругъ нервно обрывая свою рѣчь о лѣсѣ, начала спрашивать меня о моей жизни въ Петербургѣ, о моихъ знакомыхъ, о моей журнальной дѣятельности. Я горячо принялся рассказывать и, какось, прикрасилъ все это, даже какъ будто прихвастнулъ кое-чѣмъ. Но, тѣмъ не менѣе, мой скептицизмъ относительно моей жизни, моей дѣятельности, вѣроятно, всетаки проступилъ сквозъ неискреннее самохвальство, ибо моя собесѣдница, которая слушала, вся насторожилась, вытянувъ руки и полувзакрывъ глаза, — вдругъ сказала:

— Какъ у васъ въ Петербургѣ много дурного!

— А гдѣ же его нѣтъ?—пожалъ я плечами.

— Вездѣ, правда,—задумчиво отозвалась Оля,—но здѣсь оно просто, не лицемерно, а тамъ все прикрито, прикрашено, а между тѣмъ... Впрочемъ, какое же я имѣю право судить! Я такая неопытная.—И она смутившись умолкла.

А мнѣ хотѣлось взять обѣ ея ручки и сказать:—Суди меня, со всей моей изломанностью, со всей моей нравственной плѣсенью. Но, въ это время, какъ настоящий судья, изъ лѣсу вышелъ ея отецъ. Онъ внимательно и строго взглянулъ на насъ обоихъ. Онъ возвращался съ Фомой Сидоровичемъ и Юхимомъ. И онъ, и управляющій, и лѣсникъ, по колѣна были въ грязи, въ сырости. Едва Оля увидѣла отца, она бросилась къ нему на грудь, точно ища спасенія у него отъ чего то, и воскликнула:

— Папа! милый! Наконецъ-то!

— Что ты? ужъ не медвѣдь ли на васъ выгѣзъ?—ревниво беспокойно посмотрѣлъ онъ на меня.

— Нѣтъ, просто я рассказывалъ Ольгѣ Андреевнѣ о Петербургѣ и, кажется, напугалъ ее пороками сѣго россійскаго Вавилона,—отвѣтилъ я, усиленно раздувая костеръ.

— Превосходно! Пугайте ее этимъ, буду вамъ очень благодаренъ. Я хочу, чтобъ она всей душой отвернулась отъ этихъ «центровъ цивилизаціи».—И его глаза сверкнули положительной ненавистью, вѣроятно къ «центрамъ»!

Меня вдругъ что-то укололо. Точно Андрей Сергѣевичъ бросилъ мнѣ вызовъ.

— Ну, не все-же тамъ такъ дурно. Хорошія дѣвушки и тамъ нужны, какъ вездѣ... Я полагаю, посвящать всѣ силы молодой души на хозяйственную наживу, хотя бы и среди деревенскихъ условій и въ поэтической простотѣ жизни, не такъ ужъ исключительно хорошо и нравственно здорово!

Я опомнился, уже сказавъ эту фразу. Дорого бы я далъ, чтобы вернуть ее. Андрей Сергѣевичъ, очень блѣдный, можетъ

быть, отъ утомленія ходьбы по лѣсной топи, сталъ вдругъ необыкновенно спокоенъ и серьезенъ. Я уже замѣтилъ у него это внезапное серьезное спокойствіе при блѣдности лица въ минуту крайняго раздраженія. Съѣвъ къ тагану съ чайникомъ, отрѣзавъ себѣ колбасы и хлѣба, откусывая медленно небольшіе кусочки, отпивая небольшіе глотки изъ чашки, онъ тихо и мѣрно заговорилъ:

— Хорошія дѣвушки вездѣ нужны. Не сомнѣваюсь. Нажива, при какихъ угодно условіяхъ, не можетъ считаться подвигомъ. Но въ моемъ лицѣ вы имѣете дѣло не съ журналистомъ, котораго цѣль проповѣдывать великолѣпныя вещи и всякіе подвиги, не заботясь о томъ, что будетъ съ тѣми, кто послѣдуетъ этой проповѣди. Въ моемъ лицѣ передъ вами отецъ. Вы вотъ до 40 лѣтъ изволили сохранить завидную свободу. Мое же сердце болѣло объ этой хорошей дѣвушкѣ, — онъ вдругъ положилъ руку на голову Оли и продолжалъ, не снимая этой руки, — когда еще она ползала на четверенькахъ. Я задумывался о ней еще тогда и чувствовалъ, какъ слезы боязни за ея судьбу приливаютъ къ моимъ глазамъ! И вотъ — по мѣрѣ того, какъ она росла — выросло и во мнѣ одно непобѣдимое сознаніе. *Эту хорошую дѣвушку* я никогда отъ себя до моей смерти не отпущу. Не подвига я хочу для нея, а здоровья, спокойствія нормальной простой жизни. Въ ея лѣта не здорово и психически, и физически засиживаться въ дѣвушкахъ. Помните «дисгармоническіе періоды» у Михайловскаго въ «Борьбѣ за индивидуальность»? Не должно быть для нея дисгармоническаго періода. Она созрѣла для семейной жизни, пусть получитъ сейчасъ же свою семью. Но здѣсь, у меня, близъ меня, въ здоровыхъ, по моему, условіяхъ. И мужъ ея долженъ жить и работать въ этихъ условіяхъ! Никакой подвигъ не куплю я каплей ея крови, минутой ея бессонницы. И никуда не пущу! Съ ней вдводемъ мы возьмемъ челоуѣка — ей мужа, мнѣ второго сына, но возьмемъ себѣ, сюда. И онъ будетъ этимъ счастливъ! Мы съ Олей ручаемся... — И закончивъ эту свою отповѣдь, крѣпко прижавъ головку дочери блѣдной рукой, онъ, точно не желая дальнѣйшихъ разговоровъ, всталъ и крикнулъ повелительно:

— Ну, господа, на коней! домой!

Минуть черезъ пять мы всѣ снова верхами ѣхали молча и быстро. Управляющій былъ невозмутимъ. Оля блѣдна, Андрей Сергѣевичъ еще блѣднѣе.

Уже проѣхавъ съ версту, я вдругъ почти рѣзко спросилъ:

— Ну, а относительно судьбы Бориса Андреевича вы держитесь тѣхъ же взглядовъ?

— Борисъ у меня отнять! — сказалъ Осокоринъ, пожавъ

плечами.—Образовательный дипломъ, слѣдовательно,—гимназія и высшее учебное заведеніе необходимы мужикѣ, иначе ему трудно прожить. Потому мало-ли,—ну словомъ, я долженъ былъ его еще мальчикомъ отпустить въ чужую и противную мнѣ сутолоку... противную мнѣ еще съ моихъ гимназическихъ и студенческихъ лѣтъ... Ну, а дочь, слава Богу, можетъ оставаться безъ диплома!—И поровнявъ свою лошадь съ лошадей Оли, онъ обнялъ дѣвушку за талию.

— Развѣ Ольга Андреевна не была въ гимназіи? — спросилъ я.

— Нигдѣ! Ни въ какомъ образовательномъ парникѣ,— отвѣтилъ за нее отецъ.—До 12 лѣтъ мама научила ее всему, что надо знать дѣвочкѣ этого возраста; потомъ до 16 она ничему не училась, кромѣ бесѣдъ со мной и матерью, да хлопотала съ матерью по хозяйству. Виновата, мать научила еще музыкѣ. Музыка въ семьѣ вечеромъ—чуждая вещь! А съ 16 лѣтъ она перечитала много хорошихъ книгъ, конечно, по моему выбору.

Оля молча ѣхала, полуобнятая отцомъ, блѣдная, сосредоточенная. Я умолялъ. Лѣсъ торжественный и тихій возвышался вокругъ могучими стволами. Фома Сидоровичъ ѣхалъ теперь со мной рядомъ. И я невольно чувствовалъ, какъ этотъ хитрый владимірецъ всѣмъ существомъ восторгается тѣмъ, что его, хозяинъ «прижалъ господина петербуржца», вздумавшаго приволокнуться за ховяйской дочкой. Такъ, почти все время молча, мы доѣхали до дому.

Вблизи околицы усадьбы мы встрѣтили жениха. Жестоко искусанный комарами, истомленный бессонницей, какъ будто даже похудѣвшій, онъ казался жалкимъ.

— Андрей Сергѣевичъ! зачѣмъ вы меня не разбудили!— закричалъ онъ жалобнымъ тономъ.

— Невѣста пожалѣла. Поцѣлуйте у нея за это ручку,— сказала Осокоринъ, слѣзая съ лошади.

И когда я увидѣлъ алая губы Викентія Евлампіевича, прижатая къ блѣдной ручкѣ, робко протянутой ему съ лошади—мнѣ вдругъ захотѣлось надѣлать неприятностей и этому отцу, и этому жениху, и этому Фомѣ Сидоровичу, и всей этой усадьбѣ!

Твой Б.

ХП.

4 августа.

Я дѣлаю неприятности, дружище! О, какъ я врежу планамъ, созрѣвшимъ въ многоумной головѣ Андрея Сергѣевича! Почти мѣсяцъ я въ его усадьбѣ. Можно сказать натурализовался въ

ней. Никогда я не ожидалъ, что окажусь такъ выносливъ! Видно, журналиста, протащенного черезъ всѣ прелести современной газетной дѣятельности, — не изведешь ничѣмъ, ни тучами комаровъ, ни липкими полами, которые при каждомъ шагѣ хватаютъ васъ за подошву, точно сговорились съ ихъ хозяиномъ: дескать стой, сиди въ своей комнатѣ, не пустишь къ Оленькѣ. Еще менѣе, оказывается, смутишь нашего брата глупостями Сашки Осокорина, который каждую свободную минуту пристаётъ ко мнѣ съ разговорами о литературѣ, обнаруживая все свое непобѣдимое мѣдлолюбіе.

Да что это! На твоего заплѣсневѣлаго петербуржца ни сколько не дѣйствуютъ ни атаки техника Бориса съ политическими вопросами, ни холодно скрываемаая за безукоризненную вѣжливость враждебность главнаго хозяина усадьбы. Правда, меня поддерживаетъ Костя Гороховъ своей комической невозмутимостью аванюриста-философа и бесконечно добрая, хотя всегда молчаливая, Марфа Николаевна, своей мягкой грустной привѣтливостью... да не поддерживаетъ ли меня сама Оля?.. Она поддается моимъ каверзамъ охотно, но что у нея на душѣ?.. Да въ чемъ же состоятъ мои каверзы и чѣмъ я врежу планамъ ея отца?—вѣроятно, не безъ недоумѣнія задаешься ты этимъ вопросомъ.

А видишь, мудрый мой пріятель, Андрей Сергѣевичъ здѣсь доминируетъ надъ всѣми. Брата, валандавашагося безъ опредѣленныхъ занятій почти до 40 лѣтъ (проживая наслѣдство), онъ взялъ нравственно за шиворотъ и, соблазнивъ возможность сдѣлаться чуть не миллионеромъ, принудилъ помѣгити остатки не совсемъ прокученныхъ средствъ въ его полѣсскую земельную покупку. А когда Сашка вошелъ въ это дѣло, онъ увезъ его въ усадьбу и почти силой сталъ толкать въ хозяйственные хлопоты. Сашка, невразумительно хлопая глазами, бѣгаетъ за братомъ, а тотъ то пошлетъ его наблюдать за очисткой лѣса, то заставить присутствовать при переѣркѣ торфяныхъ болотъ, то посадить за провѣрку сельско-хозяйственныхъ счетовъ. Сашка суется во все это, гордясь, что и онъ хозяинъ, вѣроятно, не мало путается и мѣшаетъ брату, но изумительное дѣло, начинаетъ втягиваться въ работу и кое-что смыслить въ ней.

Технику Борису, своему сыну, старшій Осокоринъ объяснилъ, что не станеть платить за его обученіе—даже и содержать его, если онъ лѣтомъ, во время каникулъ, не будетъ рѣзко помогать отцу въ хозяйствѣ. И вотъ этотъ юноша, ясно напоминающій игриваго ушастаго и лопастаго щенка-ягаша, скачетъ верхомъ по лѣсу, слѣдитъ за лѣсниками, хлопочетъ около сельско-хозяйственныхъ машинъ, даже чинить ихъ, гремитъ огромными ключами у амбаровъ, лавить на сѣ-

новаль убѣдиться сколько сваливаютъ туда и берутъ оттуда сѣна и т. п.

Марфа Николаевна, которая въ мужѣ души не часть, и безъ того, по своимъ инстинктамъ, неутомимая хозяйка, чуть ли не сама донтъ коровъ.

Купидона жениха будущій его тещъ ни на минуту не выпускаетъ изъ глазъ. Несчастнѣйшій Викентій Евлампіевичъ, столь блистательный въ костюмахъ столичнаго пшюта, вынужденъ здѣсь носить длинные сапоги и рабочую блузу, ибо Андрей Сергѣевичъ то и дѣло посылаетъ его на топкіе покосы слѣдить за работами, въ лѣсныхъ топкахъ съ казенными оцѣнщиками лѣса (одинъ участокъ онъ продалъ на срубъ казнѣ) слѣдить, правильно ли они высчитываютъ вершки древесной толщины и т. п. Мало того: онъ заставляетъ бѣднаго купидона носить, самъ его учитъ этому, читаетъ ему цѣлыя сельско-хозяйственныя лекціи, принуждая повторять ихъ себѣ, чтобъ убѣдиться усвоилъ ли Мидлишевичъ систему нѣмецкаго Moogwirtschaft. И чуть купидонъ провретъ, ему безъ малѣйшаго упрека, съ тѣмъ же терпѣніемъ повторяютъ снова ту же лекцію.

Если принять въ расчетъ, что несчастнѣйшій рѣшительно не выносить нападеній комаровъ, цѣлыми ночами не спитъ отъ нихъ, уходитъ спать то въ сарай, то на сѣноваль, то на дворъ, то даже на озеро въ лодку (и все равно нигдѣ не спитъ), если принять во вниманіе всю его неподготовку къ тому, что съ нимъ дѣлаетъ будущій его тещъ, приходится сознаться—любовь купидона къ невѣстѣ, жажда получить ее въ жены безгранична, такъ онъ самоотверженъ, такъ терпѣливъ въ своихъ испытаніяхъ!

А она сама, эта сальфида здѣшнихъ лѣсовъ, эта наядя Князь-Озера, эта росинка поэзіи въ морѣ здѣшней сельско-хозяйственной прозы, она работаетъ при всѣхъ и за всѣхъ: помогаетъ матери въ молочной, сопровождаетъ отца, какъ ты ужъ видѣлъ, въ его хозяйственныхъ объѣздахъ, находитъ въ смѣтахъ и счетахъ ошибки и пропуски, ускользающіе отъ ротозѣя дяди, иногда замѣняетъ брата при пріемѣ копенъ и крестцовъ и, наконецъ, и это самое трогательное, что я видѣлъ въ жизни, терпѣливо разъясняетъ жениху то, что ему трудно дается въ лекціяхъ ея отца.

Словомъ, здѣсь все такъ или иначе суетится и трудится, направленное Андреемъ Сергѣевичемъ, и онъ самъ на фонѣ всего этого царитъ своими неустанными наблюденіями и указаніями, распоряженіями, совѣщаніями съ Фомой Сидоровичемъ, котораго шустрые глазки такъ и бѣгаютъ, не поймалъ бы его на чемънибудь не въ мѣру зоркій хозяинъ.

А заднимъ планомъ всей этой картины служатъ молчаливо

враждебные, вяло работающіе полѣщуки и суетливая семья евреевъ, изнемогающая въ поту надъ арендованными ими огородами.

И вотъ въ этой-то сельско-рабочей атмосферѣ бездѣльничаетъ я и Костя Гороховъ. Не смотря на всѣ усилія старшаго Осокорина приспособить и насъ къ излюбленному имъ дѣлу, Костя купается, скачетъ верхомъ, отбивая лошадей отъ дѣла, охотится, гаерничаетъ или цѣлыми днями лежитъ въ гамакѣ, на сѣнѣ, дымя своей трубкой изъ «Баффо» и, какъ онъ увѣряетъ, размышляя о тщетѣ всего земного. Его здѣсь всѣ любятъ. Онъ своими шутками и комическими выходками даетъ исходъ жаждѣ отдыха у всѣхъ этихъ изработавшихся людей. Даже здѣшній «Черноморъ», какъ мы съ нимъ, конечно, между собой называемъ старшаго Осокорина—и тотъ неожиданно кротко улыбается, когда Костя пародируетъ съ необычайнымъ комизмомъ Фому Сидоровича, жениха, да даже и самого «Черномора». Ну, а я... я устраиваю кавервы Черномору, устраиваю сознательно съ той самой отповѣди, которую онъ мнѣ сдѣлалъ относительно Оли во второй же день моего пребыванія въ усадьбѣ. Занимаются, напримѣръ, Оля и Борисъ наблюденіями на сѣнокосѣ, я вдругъ появляюсь, раскладываюсь на сѣнѣ и начинаю, по поводу косцовъ, рѣчь о рабочемъ вопросѣ. Борисъ моментально высыпаетъ всю мудрость своего школьнаго «марксизма». Я вступаю съ нимъ въ пренія, хотя ты знаешь, что и я не совсѣмъ народникъ; мы горячимся, разыгрываемъ всю гамму политико-экономическихъ ригурнелей, доступныхъ российской учащейся молодежи и російскому старѣющему журналисту. Оля, широко раскрывъ глаза, слушаетъ насъ; косцы, сѣно, копы—всего этого точно нѣтъ.

Является Черноморъ. Дѣвушка смущена. Нѣжно любящій папа замѣчаетъ, что его хозяйское порученіе пренебрежено, почти забыто. А я, коварно закрывъ глаза, притворяюсь, что дремлю на сѣнѣ. Папа хмурится, подозрѣвая, что тутъ не безъ моей кавервы, дѣлаетъ строгое, хотя никогда не грубое внушеніе сыну, и укоровенно качая головой, смотреть на дочь. Или: купидонъ-женихъ, размечтавшись о своемъ будущемъ, начинаетъ во всеуслышаніе рисовать успѣхи правильного эксплуатированія торфа въ Полѣсьѣ (плоды лекцій Черномора). Я скромно вмѣшиваюсь, изображая картину жизни разжирѣвшихъ на этой эксплуатаціи культуртрегеровъ, рисуя фигуры вродѣ нѣмецкаго Штумма (помнишь, фабриканта-депутата изъ консерваторовъ) и одного нашего профессора, изъ великихъ ученыхъ ставшаго наемникомъ угле-нефте-промышленниковъ и виноторговцевъ и т. п.

Купидонъ безпомощно раскрываетъ ротъ. Съ одной стороны, ему вовсе не кажется дурнымъ стать подобіемъ Штумма

или такого ученаго; съ другой стороны, глазки его невѣсты такъ неодобрительно сверкають при описаніи успѣховъ этихъ господъ, что явно тутъ что-то не ладно... И слушая слѣдующую лекцію Черномора, онъ вдругъ дѣлаетъ вопросъ наивный, но безпоясанный: не обѣднѣють-ли мѣстные жители, если при помощи латышей-колонистовъ добиться того, чего желаетъ добиться его тещъ?

— А пусть ихъ околѣвуютъ!—вырывается неосторожное восклицаніе у Андрея Сергѣевича,—на то они тупицы и бездѣльники!

Очевидно, онъ не въ мѣру раздраженъ такими глупыми вопросами да еще въ устахъ его ученика. Его восклицаніе слышитъ Оля. Ея кроткіе глаза изумленно, широко и печально смотрять на родителя. А я въ это время безпечно веду съ Костей Гороховымъ бесѣду о женщинахъ въ Гонолулу. «Папа» видитъ взглядъ дочери и почему-то бросаетъ косою, недовольный взглядъ въ мою сторону. Подозрѣваетъ онъ, что и тутъ моя каверза, но я такъ невинно выслушиваю слова Кости о неприятномъ мускусномъ запахѣ таптянокъ, что Черноморъ только поджигаетъ губы...

Да, милый мой, о поэзіи и поэтической любви я больше не толкую. А! Ольга Андреевна, вы хотите быть полезнымъ хлѣбнымъ злакомъ на нивѣ жизни! Что-жъ, забудемъ поэзію! Кстати: хочешь знать результатъ всѣхъ подобныхъ моихъ каверзъ, кромѣ, конечно, тайнаго постепенно растущаго раздраженія Черномора? Изволь, сообщу: Ольга Андреевна все чаще, уклоняясь незамѣтно отъ хозяйственныхъ дѣлъ, присоединяется ко мнѣ въ моихъ уединенныхъ прогулкахъ по лѣсу, по полямъ, по озеру въ лодкѣ. Sapienti sat.

Твой Б.

ХІІІ.

9 августа.

Другъ моей юности, нынѣ мой врагъ! помнишь слова Некрасова о Тургеневѣ, кажется? Обращаю ихъ къ тебѣ. Ибо ты, самъ того не подозрѣвая, настоящій и злѣйшій мой врагъ. Совѣтами въ твоемъ письмѣ ты толкаешь меня дальше по тому пути, на который я такъ легкомысленно ступилъ. Ты пишешь: «браво, дѣйствуй, поучай, просвѣщай» и, въ концѣ концовъ, похищай, если это удастся, дочь этого полѣсского культуртрегера, вѣрнѣе же капиталъ-трегера, ибо ты чувствуешь: насадить брать Сашки капиталистическое Моогwirtschafft на этихъ минскихъ болотахъ!

Въ послѣднемъ-то ты, вѣроятно, правъ, а вотъ относительно перваго, то есть моей роли въ судьбѣ Оленьки—знаешь:

туть каверза противъ меня самого выходить. Совершенно неожиданно, но прескверно.

Дѣйствовалъ я въ томъ родѣ, какъ описалъ тебѣ, довольно успѣшно. Борисъ, гарцуя умственно предо мною, такъ и началъ, къ мѣсту и не къ мѣсту, палить цитатами изъ экономистовъ. Я иногда разливался совсѣмъ соловьемъ на темы общественныя, экономическія, соціальныя. Оленька, все шире раскрывая глаза, прислушивалась къ намъ все внимательнѣе. Гуляла она, повторяю, со мной все охотнѣе. А ужъ какимъ «пѣвцомъ погоды лѣтней» являлся я въ этихъ нашихъ прогулкахъ tête à tête! Она все больше молчала. Но слушала меня, ахъ какъ чувствовалъ я—слушала. И руки ея относительно хозяйства какъ будто все болѣе опускались.

— Что это у насъ съ Олей?—добродушно замѣтила разъ сама Марфа Николаевна,—устаешь, что-ли? Прежде, бывало, въ молочной, въ кухнѣ, въ парникахъ—за ней, мнѣ, старухѣ, не угоняться, а теперь...

— Что теперь?—сдержанно, но безповойно спросилъ ее мужъ.

— Да ничего собственно... просто, вѣроятно, устаешь.

— Оля, ты устаешь?—поднялъ глаза на дочь отецъ, озабоченный переменой въ ней.

— Нѣтъ, папа. Я совсѣмъ не устаю. Мамѣ, просто, показалось.

И это милое существо съ такимъ невиннымъ взглядомъ скрыло, что мамѣ вовсе не показалось, что если дѣло не въ усталости, то въ чемъ-то другомъ, такъ ясно взглянуло въ глаза отца, что я, какъ Мефистофель, развращающій душу Маргариты, готовъ былъ разразиться демоническимъ смѣхомъ.

— Да, конечно, мнѣ показалось,—поспѣшила на выручку любящая мать, ласково глядя дочь по головѣ.

Старшій Осокоринъ внимательно посмотрѣлъ на обѣихъ и не продолжалъ разговора.

Но онъ себѣ на умѣ. Онъ чего-то выжидаетъ. Турнетъ онъ меня скоро изъ усадьбы, предчувствую! Пока же онъ вдругъ опустилъ удила жениху. Понемногу, дня въ три, онъ вдругъ освободилъ кушидона отъ всѣхъ хозяйственныхъ хлопотъ, даже отъ своихъ хозяйственныхъ лекцій. И однажды вечеромъ, среди патриархальнаго ужина на дворѣ, голосомъ обольстительной сирены провозгласилъ:

— Оля и Викентій Евлампіевичъ!—вы, дѣйствительно, черезъ чуръ захозяиничались со мной. Даю вамъ мѣсяць полнаго отдыха. Викентій Евлампіевичъ, ухаживайте за вашей невѣстой и болѣе ничего. Да не забудьте развлекать и нашего гостя Петра Васильевича. Боюсь, онъ скучаетъ. Всѣ мы заняты. Мистеръ Горохъ (такъ здѣсь шутя называютъ Костю)

усиленно занимается прессовкой сѣна (намекъ на вѣчное лежанье Кости), впрочемъ, онъ на это имѣетъ и основаніе: объѣхавъ міръ, устанешь!

— Невѣроятно!—невозмутимо согласился Костя.

— Ну такъ вотъ васъ, Викентій Евлампіевичъ, я прикомандировываю къ Олѣ ухаживать за ней, къ Петру Васильевичу развлекать его,—закончили совсѣмъ нѣжно-рокочущимъ тономъ Черноморь.

А! какъ? Но вообрази, что вышло изъ этой его интриги противъ меня. Буквально фактически все такъ и случилось. Женихъ принялся таскаться за нами съ Олей всюду. Но такъ какъ онъ, несчастный, попрежнему не спитъ ночи отъ комаровъ (марля въ окнахъ отъ нихъ мало помогла, въ Мозырѣ оказалась очень плохая, собираются выписать изъ Вильно), то онъ все время бродитъ сонный, а иногда и мирно засыпаетъ вблизи насъ, въ лѣсу или въ лодкѣ. Но даже когда онъ не спитъ, онъ, разинувъ благоговѣнно уста, молчитъ, глазами любуясь Олей, какъ можетъ любоваться только чистая влюбленная душа, а ушами слушаетъ мою мудрость и дремлетъ отъ нея, не смотря на весь восторгъ лицедрвінія своего предмета!

А я, когда наши дуэты съ Олей превратились такимъ образомъ въ тріо—стала еще краснорѣчивѣе, еще голосистѣе! И вотъ тутъ-то и вышла скверная исторія и вовсе не отъ жениха, отъ меня самого... Случилось это вчера вечеромъ, какъ разъ передъ полученіемъ отвѣта на мое послѣднее письмо отъ тебя. Уплыли мы въ троемъ, такъ сказать, Маргарита, Фаустъ и Мефистофель, въ лодкѣ на озеро какъ бы съ цѣлью удить рыбу. Оля и удила. Молчала и удила. Мидлишевичъ (кстати мы его въ такихъ прогулкахъ эксплуатируемъ, какъ гребца. Прежде, безъ него, бывало, гребъ я и прескверно гребъ. Теперь же онъ, бѣдняга, трудится предобросовѣстно) Мидлишевичъ прикурнулъ на кормѣ. Онъ только что жаловался намъ, что вся марля въ его окнахъ оказалась протѣкнутой, такъ что дыры почти не замѣтны, а комары могутъ въ нихъ влетать. По сему онъ ужъ совсѣмъ ни минутки не заснулъ эту ночь и просилъ простить его, если задремлетъ. Ради Бога, не подовѣрай меня въ этомъ коварномъ изувѣченіи марли: это, разумѣется, Костя Гороховъ, онъ потомъ мнѣ сознался: онъ говоритъ, что у него органическое отвращеніе къ такимъ поросятамъ, какъ Мидлишевичъ, и устраивать имъ пакости—ему наслажденіе. Я, разумѣется, отчиталъ Костю за жестокость къ бѣдному малому, но знаешь, ужасно хотѣлъ разцѣловать его. Итакъ, женихъ задремалъ, невѣста удила, а демонъ искуситель, въ образѣ твоего «газетчика», говорилъ о новѣй-

шихъ теченіяхъ въ политической экономіи и въ російской общественной жизни.

Другъ мой! ты знаешь: газета наша мирно-буржуазная, хотя съ либеральнымъ оттѣнкомъ. Я въ нашей редакціи—крайняя лѣвая,—что, въ смыслѣ настоящаго радикализма, достаточно еще правая. Пишу я въ газетѣ обо многомъ, статьи мои считаются редакціонными и поэтому идутъ безъ подписи. Сядешь, накатаешь, въ ту же ночь отпечатаютъ, и предоволенъ. Парень я честный, врать никогда не вру, но достаточно ли разбираюсь въ томъ, что пишу, и достаточно ли ясныхъ опредѣленныхъ мнѣній держусь? едва-ли! Нажита долгой газетной работой привычка жонглировать, конечно, съ возможной нравственной опрятностью, общественными и иными вопросами. Заботить не столько то, въ чемъ истина—этотъ пилатовскій вопросъ, а какъ бы не провратъся такъ, чтобы господа изъ другого литературнаго лагеря не поймали. И пишешь иногда искренно, горячо увлекшись въ данную минуту осбнившемъ голову идеей; но связана-ли эта идея со всѣмъ твоимъ умственно-нравственнымъ нутромъ, даже и не задумаешься.

Напѣвая свои «идейныя» аріи Оль, я сперва дѣйствовалъ въ томъ же родѣ, только тутъ подбодрали меня не статьи единомышленниковъ или противниковъ, а милые глаза, тишь озера или лѣса и жажда не столько «просвѣтить», какъ ты выражаешься, сколько «похитить» мою юную слушательницу (похитить пока еще не въ буквальномъ смыслѣ, а въ умственномъ, нравственномъ—завладѣть ея вниманіемъ, ея душой). Но вотъ тутъ-то иногда говоришь, говоришь, смотришь въ эти вшивающіяся въ тебя юныя женскія очи—и вдругъ станеть какъ-то неловко. Точно изъ этихъ очей кто то на мгновение выглянетъ и шепнетъ тебѣ: да правда ли то, что ты говоришь? Кореннымъ-то образомъ убѣжденъ ли ты въ томъ, что говоришь? Не увлекся ли ты данной случайно пришедшей въ голову идеей? Не поешь-ли соловьемъ только потому, что трели красивы, а въ сущности...

Что въ сущности? Вдругъ точно испугаешься этой сущности, которой толкомъ, можетъ быть, и не сознаешь. Да, братъ! проповѣдывать милому живому человѣку, чьи глаза такъ прямо въ упоръ и смотреть на тебя, не совсѣмъ то, что цѣлой кучѣ читателей, гдѣ то тамъ, въ неизвѣстномъ далека! Но смутишься на мгновение, подумаешь, не подлости же проповѣдуешь—только не совсѣмъ увѣренъ въ томъ, что говоришь. Ободришь такъ себя, да и залешься опять.

Такъ и на этотъ разъ на озерѣ. Припѣвомъ моей пѣсни на этотъ разъ было оспариванье Толстого съ точки зрѣнія публицистовъ 60-хъ годовъ. Мнѣ казалось, что я удивительно закончилъ мою арію словами:

«Да, толстовство эгоизмъ опрощенія, а то, чему учили тѣ люди,—истинная любовь къ народу, иногда пессимистически обращенная, но всегда идеалистически неуклонная!»

Сказавъ это, я умолкъ. Слушательница моя молчала. Женихъ ея тихо спалъ съ удивительно кроткимъ видомъ. И озеро молчало. Уже темнѣло... Тростники чуть-чуть шептались. На западѣ между янтарно-лиловыми облаками мягко горѣла узенькая полоска золотистаго заката. Все было поразительно тихо. И вдругъ раздался такой же тихій, тихій голосъ.

— Какъ же вы недавно говорили, что взгляды этихъ... западниковъ что-ли, только пассивное кабинетное выраженіе собственной боли, жалости къ народу... и въ этомъ смыслѣ тоже эгоистичны...

Оля сказала это такъ робко, точно сама пугалась своихъ словъ. Я обмеръ... Да, я говорилъ это, и это, конечно, не лишено правды... но гдѣ же вся правда? Въ чемъ же я то убѣжденъ, какъ въ настоящемъ общественномъ альтруизмѣ?.. Я былъ аффрапированъ до того, что даже не постарался вывернуться. А вѣдь можно было бы.

— Заврался я не много, голубушка,—вдругъ робко и тихо, почти какъ она, сказалъ я, взявъ ея руку...

— Тогда или сейчасъ?—съ грустной настойчивостью спросила Оля, не отнимая своей руки, и что-то очень грустное послышалось мнѣ въ ея голосѣ.

— Рѣшите сами!—сказалъ я глухо.

— Хорошо,—задумчиво отвѣтила она, потомъ осторожно вынуть руку изъ моей, безшумно взяла весла.

— Что вы хотите дѣлать?—спросилъ я.

— Я буду грести,—сказала она.—Пора домой. Викентій Евлампіевичъ такъ хорошо спитъ. Посмотрите, какое у него доброе лицо во снѣ!—И она начала тихо двигать веслами, точно боясь разбудить шумомъ Мидлишевича.

— Ольга Андреевна! Позвольте, я,—протянулъ было я руки къ весламъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ хочется работать, работать, настойчиво сказала она и молча, въ полной тишинѣ,—и я молчалъ, какъ убитый,—продолжала грести...

Понимаешь ты? Ну, если я этакъ часто буду «проvincираться» передъ ней? А ты пишешь, поучай, просвѣщай! А?

Твой Б.

XIV.

11 августа.

Сегодня, дружище, произошло небывалое до сихъ поръ: большой и значительный разговоръ у меня съ Марфой Нико-

лаэвной. Я уже тебѣ писалъ, что эта женщина все время относится ко мнѣ симпатично и привѣтливо. Но она такъ относится ко всѣмъ. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ моихъ тебѣ отсюда упоминалъ я и о странномъ безпокойствѣ, которое таится гдѣ-то глубоко въ ея усталомъ и, повидимому, ласково тихомъ взглядѣ, таится и никогда не исчезаетъ. Это безпокойство ея взгляда давно меня интриговало.

Отношенія ея и мужа всегда ласковы, полны вниманія другъ къ другу, равны. Дѣти, особенно Оля, несомнѣнно горячо любятъ ее, всѣ къ ней почтительны, хотя правду сказать, какъ будто немного забываютъ о ея молчаливомъ существованіи, погруженномъ исключительно въ домашнее хозяйство и въ заботы о вкусахъ и удобствахъ мужа, дѣтей, родныхъ и гостей. Когда около нея шумятъ, разговариваютъ, спорятъ, она чутко прислушивается, и безпокойство въ глазахъ ея иногда возрастаетъ, но она никогда не отвѣтится словечкомъ, самое большее, что сдѣлаетъ, привлечетъ къ себѣ Олю или сына и вдругъ среди разговора поцѣлуетъ или погладитъ ихъ головы.

Я, искренно говоря, давно уже рѣшилъ, что она милая дама, заботливая хозяйка, нѣжная мать, но крайне ограниченная женщина. Да о ней, кромѣ Оли, чуть ли не всѣ такъ думаютъ. О мужѣ я не говорю. Онъ явно любитъ ее. Но сынъ, напримѣръ, этотъ лягашъ-техникъ, относится чуть не снисходительно къ матери.

Сегодня въ полдень, послѣ завтрака, за чайнымъ столомъ я остался вдвоемъ съ Марфой Николаэвной. Всѣ мужчины ушли на озеро стрѣлять утокъ. Ихъ всѣхъ внезапно увлекъ, пользуясь болѣе свободнымъ по хозяйству днемъ, Костя—любитель охоты. Олю отецъ позвалъ съ собой посмотреть стрѣльбу. Я же отказался отъ компаніи.

Я второй день мраченъ. Послѣ описаннаго мною въ предыдущемъ письмѣ, Оля какъ будто избѣгаетъ меня, начинаетъ даже лнуть къ жениху. Глупо, но, сознаюсь, это меня раздражаетъ. Кокетство ли это, или результатъ того, что я тогда «проврался»—все равно это меня мучаетъ. Да, скорѣе мучаетъ, чѣмъ раздражаетъ... И потому у меня все звучитъ въ ухахъ: посмотрите, какое у него доброе лицо! Ну и пусть возится съ этимъ добрымъ лицомъ! Авось, скоро надѣсть. Словомъ, я слегка будировалъ и остался сидѣть съ Марфой Николаэвной.

Усадьба опустѣла. Кромѣ меня съ ней, никого не было во семъ обширномъ дворѣ. Нѣкоторое время мы молчали. Потомъ вдругъ совершенно неожиданно для меня самого у меня, въ продолженіе моего будирующаго настроенія, вырвалось:

- Марфа Николаевна, вы довольны выборомъ вашей дочери?

Она какъ то странно заморгала и нагнула голову, будто стараясь уклониться отъ неожиданнаго удара.

— Выборомъ жениха?—переспросила она, наконецъ.

— Ну, да, Викентія Евлампіевича!—отрѣзалъ я съ иронической почтительностью къ этому имени.

— Онъ простой человѣкъ. Я этимъ довольна, — сказала мать Оли.

— Не слишкомъ ли простой?—ядовито спросилъ я.

— А хоть и слишкомъ, бѣды нѣтъ!—грустно, но спокойно сказала она. Но черезъ минуту лицо ея покраснѣлось, глаза вспыхнули, и она прибавила:—будь это лѣтъ пять назадъ, я была бы иного мнѣнія.

— Почему? Что произошло въ эти пять лѣтъ, — удивился я.

— Хотите послушать исповѣдь старухи? — добродушно улыбулась Марфа Николаевна.

— Пожалуйста, — взмолился я, — пожалуйста!

— Расскажу я вамъ цѣлую исторію. Иначе вы меня не поймете, тихо и задумчиво начала она. — Родилась я, голубчикъ мой, въ дворянской семьѣ старинной, традиціонной, хотя и бѣдноватой. Училась я и воспитана въ Смольномъ, по протекціи. Кончила съ шифромъ. Едва кончила, встрѣтила у отца Андрея Сергѣевича—мужа. Онъ былъ тогда юрисконсульткомъ учрежденія, гдѣ служилъ отецъ. Полюбили мы другъ друга. Родители ничего не имѣли противъ. Поженились. Устроилъ меня Андрей Сергѣевичъ въ наше гнѣздышкѣ. Родители мои вскорѣ умерли. Родились у меня Борисъ, потомъ Оля. Ушла я вся въ малютокъ-дѣтей. Тѣмъ болѣе, что Андрей вдругъ перемѣнилъ профессію, увлекся сельско-хозяйственными, земельными и подобными вопросами. Началъ колесить по Россіи. Я съ ребятенками сидѣла у себя въ углу въ Петербургѣ, изрѣдка видала наѣзжавшаго мужа, получала отъ него милыя письма, деньги на жизнь и ни о чемъ не заботилась, кромѣ дѣтей. Идеалистка я была тогда страшная. Орожала Тургенева, Жоржъ-Зандъ, даже Эженя Сю, читала англійскіе романы въ семейныхъ журналахъ и представляла себѣ мнѣ миръ теплымъ уголкомъ для хорошихъ людей. Между тѣмъ Борисъ подросъ, началъ оканчивать гимназію. Ужъ съ четвертаго класса онъ вносилъ что-то чуждое нашему уголку. Стала я приглядываться, прислушиваться къ его разсужденіямъ, заглядывать въ книги, которыя онъ бралъ у товарищей. Я, какъ идеалистка, держалась мнѣнія, что почти взрослымъ дѣтямъ не слѣдуетъ запрещать то или другое читать; а надо знакомиться съ тѣмъ, что они читаютъ, и оспаривать, если это дурное. Вотъ и стала я знакомиться съ тѣмъ, что читаетъ мой Борисъ... а это были—Золя, Мопассанъ, Гонкуры, большою

частью подобные романы... И вмѣсто того, чтобы оспаривать эти книги въ мнѣніи сына, я вдругъ какъ то вся испугалась... Какъ это въ томъ мірѣ, гдѣ я живу, въ моемъ Божьемъ мірѣ—такое, такое?! А пишутъ такъ убѣдительно, такъ живо... И начала я всматриваться въ жизнь... въ жизнь Бори, шурина Александра Сергѣевича, даже въ жизнь мужа...—Марфа Николаевна вдругъ запнулась.

— И?—поощрилъ я ее осторожно.

— И почувствовала, — совсѣмъ глухо продолжала она, что въ ужасныхъ книгахъ много правды. Не узнала, не выслѣдила все это въ жизни, а по нѣкоторымъ случаямъ, черточкамъ, словечкамъ, среди близкихъ, среди самыхъ близкихъ людей, почувствовала, именно почувствовала, что и вокругъ меня и ложь, и развратъ и... ну, вы меня поняли? — рѣзко оборвала она.

— Понялъ, — почти неслышно отозвался я. Странно. Мнѣ показалось, что я краснѣю. Точно стыдъ тихой волной поднимается во мнѣ. Точно я самъ участникъ той ужасной дѣйствительности, какую «почувствовала» эта женщина вокругъ себя, всего пять лѣтъ назадъ.

А она тихо продолжала:

— Пять-то лѣтъ назадъ я-бы мечтала для Оли о Берсене-выхъ, Инсаровыхъ, даже Рудинныхъ, да, даже Рудинныхъ, о какихъ нибудь жоржандовскихъ Жакахъ, Гюгененахъ... а теперь поняла, что ихъ нѣтъ... А между тѣми кто есть... никому-никому не отдала бы я Оли безъ боязни за ея душу, которую я легѣла въ такой чистотѣ... Никому!—почти просто, нала Марфа Николаевна.—Но никому нельзя, — продолжала она какъ-то безнадежно, устало, — я сама, вестяки, знала счастье въ любви мужа и материнства, отнять это у моей дѣвочки?... нѣтъ, нѣтъ... Я поняла желаніе Андрея: онъ любитъ Олю, пожалуй, еще больше, чѣмъ я—выбрать «простого» человѣка, душой, конечно, простого, а не мужика, не опростѣлаго, сдѣлать все, чтобы онъ понравился Олѣ, усадить ихъ на землю, въ глушь, пусть работаютъ... вдаль, вдаль отъ всего этого... ну, вы понимаете? А у Викентія Евлампіевича даже недостатки-то дѣтскіе: покушать любить, похвастать...—неожиданно закончила добрая женщина этимъ страннымъ наивнымъ анегдотомъ жениху.

— Вы увѣрены, что у него нѣтъ дурныхъ сторонъ героев Мопассана?—пустилъ я змѣинный шипъ.

— Андрей знаетъ, что нѣтъ. Мы вѣдь давно знакомы съ семьей Викентія Евлампіевича. Ребенкомъ еще знали его... Андрей давно за нимъ наблюдаетъ. Еще когда ни о какой женитьбѣ рѣчи не было. Хотя онъ влюбленъ въ Олю чуть не съ 15 лѣтъ...

— Ну, а Оля?—глухо вырвалось у меня.

— Пусть лучше и не любить романтически... Меньше страдать будетъ,—отозвалась дрогнувшимъ голосомъ Марфа Николаевна.

— Значитъ, вы всетаки признаете возможность страданій для нея и за этимъ «простымъ человѣкомъ»?—замѣтилъ я.

— Ахъ! да кто же намъ женщинамъ дастъ жизнь совсѣмъ безъ страданій!—съ какой-то, фаталистической безнадежностью вздохнула мать Оли.

Странное грустное молчаніе возникло между нами. Твой «газетчикъ», у котораго нельзя отрицать наличности языка, достаточно bien rendu,—не нашелся ни слова болѣе сказать.

— Видите-ли, голубчикъ, прибавила Марфа Николаевна неожиданно, точно опасаясь, что я не совсѣмъ понялъ,—чѣмъ проще душа, понимаете, проще—тѣмъ и любовь ея тверже, надежнѣе. Ну вотъ, мы и хотимъ дать Олѣ въ мужъ простую душу, да и ея душу сохранить въ простотѣ... Охъ, только удастся-ли? Не подъ колпакомъ живемъ,—вздохнула Марфа Николаевна и, вставъ со стула, сказала:—ну будетъ объ этомъ. Пора и по хозяйству похлопотать. А вы отдохнуть, вѣроятно, пойдете?

И она поспѣшно ушла.

Да, удастся-ли? Дѣйствительно, не подъ колпакомъ! — думалъ я, понуро сидя одинъ среди пустого двора передъ угасшимъ самоваромъ. А въ сущности она, пожалуй, права... Правъ-ли вотъ я, смущая юную простую душу и втираясь между нею и другой простой душой—я, я, не безгрѣшный въ Мопассановщинѣ, да и мало ли въ чемъ?..

Долго неподвижно сидѣлъ я. Потомъ пошелъ и написалъ тебѣ это письмо.

Твой Б.

XV.

16 Августа.

Нѣсколько дней прошло безъ всякихъ приключеній. Одно несомнѣнно: мы съ Олей сторонимся другъ друга. Я—оттого, что разговоръ съ ея матерью произвелъ на меня гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ я самъ ожидалъ сейчасъ послѣ этого разговора.

Я сталъ внимательно приглядываться къ Мидишевичу, и мнѣ иногда думается, что я считалъ его глупѣе, пошлѣе, чѣмъ онъ это заслуживаетъ. А иногда... иногда наоборотъ: онъ мнѣ кажется такимъ неисправимымъ идиотомъ, какимъ никогда не казался. Но я понимаю—я злюсь на него! Я ревную!

Какъ это ни глупо, я долженъ признаться: равновѣсіе въ отношеніи къ Олѣ и жениху я окончательно утратилъ; мой

«самоанализъ» — это мое драгоценнѣйшее свойство, все еще жужжить въ моей головѣ, но жужжить уже, какъ бессильный комаръ надъ глухимъ ухомъ. Этотъ самоанализъ служитъ мнѣ теперь лишь для того, чтобы установить фактъ потери душевнаго равновѣсія. Я то переполняюсь кислосладкимъ самоотреченіемъ, готовъ возложить на главы жениха и невѣсты собственноручно вѣнцы—дескать будьте счастливы, простыя души, я схожу съ вашей дороги; то злюсь, ревную, нервничаю, собираюсь окончательно объясниться съ Ольгой Андреевной.

Какъ объясниться? Предложить ей руку и сердце? Или только отговорить ее окончательно отъ брака съ купидономъ? Или только доказать, что и у меня есть твердая, ясно сознаваемая убѣжденія, и если я «провираюсь», то лишь случайно, вследствие *larsus linguae*? Почему я знаю, что изъ всего этого я хочу сдѣлать?

Одно я чувствую: боюсь этого объясненія съ ней—боюсь всего: и того, что она объявитъ: люблю, твоя! и того, что она только отвергнетъ «простую душу», и того, что во время объясненія случится какойнибудь новый проклятый *larsus linguae*. Люблю-ли я ее въ сущности? Задаю, братъ, наконецъ, себѣ и этотъ кардинальный вопросъ. Не поэтическое-ли фантазерство стараго холостяка, у котораго заснувшія струны души загудѣли подъ необычными впечатлѣніями, вся моя любовь къ этому милому юному существу? Не простое-ли низменное соперничество съ добродушно-наивной, цвѣтущей пошлостью въ лицѣ купидона? Я, братъ, все допускаю. Все возможно. Самоанализъ мой, повторяю, не спитъ.

Но, допуская все, я задаю себѣ и этотъ инфернальный вопросъ: а если въ самомъ дѣлѣ любишь... какъ нѣкогда, давно давно любилъ одну покойницу? И тутъ, дружище, концы пальцевъ начинаютъ у меня холодѣть, углы губъ пересыхаютъ, и я вдругъ такъ прилипаю къ проклятому, липкому здѣшнему полу, что кажется, и не отдерусь отъ него никогда. И я дѣлаю отчаянное усиліе, отдираюсь отъ пола, какъ сумасшедшій, убѣгаю въ поле, въ лѣсъ, шагаю по болотамъ, пугаю даже невозмутимыхъ аистовъ. Но не всегда удается уйти незамѣченнымъ!

Третьяго дня, напримѣръ, отодрался я такимъ образомъ отъ пола въ моей комнатѣ, выскочилъ на крыльцо съ цѣлю тать одиноко въ «широко-шумныя дубравы» и наткнулся на люю компанію. Костя съ трубкой сидѣлъ верхомъ на перилъ. Оля на ступенькѣ отбирала въ тарелку изъ лукошка ды. А на скамьяхъ—вдоль перилъ на крыльцѣ двѣ скамьи—сѣдали Андрей Сергѣевичъ и священникъ.

Вообрази, до какой глупости ощущеній я дошелъ: Священна я до сихъ поръ въ усадьбѣ ни разу не видалъ. И вдругъ

меня осѣнило—ужь не на счетъ-ли вѣнчанія вызванъ батюшка? я почувствовалъ, что блѣднѣю, и даже, какъ будто боясь упасть отъ волненія, схватился рукой за перила.

— А вотъ, батюшка, и нашъ петербургскій гость, Петръ Васильевичъ, нашъ приходскій отецъ-настоятель, — съ своей сдержанной любезностью представилъ насъ другъ другу хозяинъ.

Батюшка, низенькій, сутулый, съ копною жесткихъ бѣлыхъ, какъ ленъ, волосъ, съ еще болѣе свѣтлой и очень маленькой бородой, въ сѣромъ шерстяномъ выцвѣтшемъ подрясникѣ, лицомъ ужасно походить на полѣшуконъ-крестьянъ. Онъ вскоцилъ и началъ робко пожимать мою руку своей темной закрутой, какъ шершавая дощечка, несомнѣнно рабочей рукой. Бѣдностью, приниженностью такъ и вѣяло отъ него.

— Вотъ, господинъ журналистъ,—сказалъ Андрей Сергѣевичъ,—толкуемъ о томъ, о чемъ въ вашихъ газетахъ теперь только и разговоръ. О деревенской школѣ. Въ этой благословенной странѣ верстъ на 50 въ окружности—ни одной! Правда, у батюшки—у него два прихода, верстъ за 20 отсюда живетъ онъ,—есть приходская, но нищенская, не на что купить бумаги, досокъ, грифелей, да и полѣшуконъ мало пускаютъ туда дѣтей. У нихъ одинъ разговоръ: на що ему грамота? А у насъ, въ ближайшихъ деревняхъ, ни одинъ мальченка въ школу не ходитъ. Земства здѣсь нѣтъ. Вотъ батюшка и проповѣдуетъ слово Божье во «тѣмъ ходящимъ»!..—со страннымъ злорадствомъ закончилъ Осокоринъ.

— Да, да, да!—вздыхая началъ священникъ,—во тѣмъ, во тѣмъ ходимъ: ни средствъ, ни желанія въ народѣ. Во тѣмъ, во тѣмъ!

Онъ говорилъ на о, съ малороссійскими гортанными придыханіями, совсѣмъ какъ мужикъ бѣлоруссъ, и сидѣлъ, сгорбившись, какъ истинное воплощеніе безсилія и бездѣйствія.

— Успокойтесь, батюшка! создадимъ вамъ школу! Первое, о чемъ позаботимся,—вотъ только въ усадьбѣ у себя все устроимъ,—домигъ для школы выстроимъ, учительницу выпишемъ... утѣшай его Осокоринъ.

— Не надо, папа! я сама буду учить. Сдамъ экзаменъ на учительницу и сама буду,—вдругъ сказала Оля, тихо, но твердо, не прерывая отбирания ягодъ...

— Видите, батюшка! Вотъ вамъ и учительница! Она будетъ отличная учительница: терпѣливая, дѣтей любить, добрая, но настойчивая,—хвалилъ дочь съ неожиданной нѣжностью, какъ будто размягчавшись, Андрей Сергѣевичъ.

Но батюшка былъ настроенъ пессимистически.

— Гдѣ же имъ,—началъ онъ робко и медленно, покосившись на Олю,—учоба учобой, а тутъ и съ народомъ здѣшнимъ,

съ родителями тоже поговори-ка съ ними, убѣди-ка. Моль, школа—не токма что, но самимъ высшимъ начальствомъ одобряется, а гдѣ и учреждается. Полѣщукѣ ни до грамоты, ни до начальства. На що ему? только и говорить тыча въ ро-бенка-го. Только и всего: на що? — и священникъ развелъ безпомощно руками.

— Резонно разсуждаютъ!—вдругъ флегматично отозвался Костя Гороховъ. Въ самомъ дѣлѣ, на что имъ? Рецидивизмъ безграмотности расплывать!

Батюшка какъ будто не понялъ, но, очевидно, не хотѣлъ этого обнаруживать.

— Оно, дѣйствительно что,—развелъ онъ опять неопредѣ-ленно руками.

— А мы съ папой крестьянскую бібліотеку устроимъ,—сказала Оля.—Папа, да?—подняла она свои загорѣвшіеся ми-лые глаза на отца.

— Бібліотека бібліотекой!—какъ-то бѣгло коснулся этого Черноморь, а главное, мы имъ конкуренцію грамотныхъ ла-тышей устроимъ, мы имъ фабрику гнутой мебели, какъ въ Войцеховѣ, устроимъ! А на фабрику безграмотному рабочему ни шагу. Мы расчистимъ это болото! Перестанутъ жечь лу-чину! Захотятъ грамоты, какъ безъ нея заработка не будетъ... Прижмемъ господъ хлѣбопашцевъ! Теперь съ хлѣбомъ не раз-гуляешься, заработка захочеть!—сверкая глазами, сдержанно ликовалъ Осокоринъ...

— Ну вотъ, вотъ, это такъ, это такъ,—радостно согласился батюшка.—А бібліотека—какъ еще начальство посмотреть... Да!

— Резонно, отецъ настоятель!—загудѣлъ комическимъ басомъ Костя.—Стегнуть ихъ, подлецовъ, фабрикой—захотятъ грамоты!

— Именно, именно стегнуть ихъ!—добродушно засмѣялся батюшка.

— Ольга Андреевна!—вдругъ невольно задрожалъ мой го-лосъ,—видите, даже и бібліотеки не надо.

Оля подняла на меня свои глаза—ясные, глубокіе, грустные.

— Бібліотеку я устрою,—упорно сказала она.—Папа въ этомъ не откажетъ. У начальства можно выхлопотать... Да если и нельзя бібліотеку... я у себя заведу свои книги, буду давать читать...

— Ну, голубушка, съ этимъ могутъ твоему папѣ выйти пріятности,—слегка нахмурился Черноморь.

— Да, какъ начальство, какъ начальство!—вдохнулъ снова тышка.

— Ну и безъ бібліотеки, не всё же забудутъ грамоту,—орно твердила Оля.

— А сами вы будете плохой учительницей? Вотъ я недавно

прочелъ, что дурная народная школа хуже никакой. Дескать, онъ давать естественный умъ ребенка ненужными, а иногда невѣрными свѣдѣніями,—сказалъ я.

— Ревонно! Я, напримѣръ: мой геніальный умъ рѣшительно задавленъ классицизмомъ гимназій,—сдѣлалъ комически плачевную физиономію Костя.

— Начальная школа никакая не задавить, много ли въ ней свѣдѣній-то нужныхъ, или ненужныхъ? А грамотъ всякая выучить!—съ прежнимъ спокойнымъ упорствомъ возразила Оля, все также методично перебирая ягоды.—Я могу быть плохой учительницей, мнѣ многого могутъ не позволить, но грамотъ научу, бить дѣтей не буду, приласкаю ихъ... съ меня и этого довольно...

— Охъ, милая барышня, и вправду: и этого довольно!—вдругъ самымъ искреннимъ образомъ вздохнулъ батюшка. Не испыталъ ли онъ побой въ дѣтствѣ, въ бурсѣ?.. И его слова, его вздохъ странное на меня произвели впечатлѣніе. Мнѣ вдругъ захотѣлось подойти къ нему, пожать его моголистую руку... Мнѣ захотѣлось горячо напасть на скептическаго шалопая Костю, на хозяйственнаго культуртрегера Черномора и закричать имъ, что они съ ихъ фабричными идеалами и съ ихъ циническимъ глумленіемъ надо всѣмъ въ подметки не годятся этой «барышнѣ», которой довольно «не бить» хотя въ теченіе школьныхъ часовъ ребячь...

Ну, не сумасшедшій ли я? Не люблю ли я въ самомъ дѣлѣ эту «барышню»?.. И что же: увести ее въ Питеръ, сдѣлать «барышней», болтающей, какъ сорока, о редакціонныхъ дѣлахъ мужа?.. Украсть ее у маленькихъ полѣщуконъ? Да и у нея самой? Понимаешь ты меня? Твой Б.

XVI.

20 августа.

Ты пишешь: я идеализирую, придаю слишкомъ большое значеніе очень простымъ словамъ Оли! Можетъ быть! Но ты не видишь ея, не слышишь, какъ эти слова говорятся. Ты бы понялъ меня, не упрекалъ бы въ идеализаціи: взгляни ты на нее хоть разъ, услышь ее самое хоть разъ. Въ тонѣ ея не увѣренность въ себя самой, не убѣжденность—нѣтъ, а такая спокойная простота, которая сразу, сразу показываетъ, что ея желанія, стремленія, взгляды—она сама, все ея существо вся ея душа...

*Э! да, что расписывать! Другъ, давно я чувствую, мнѣ надо сдѣлать одно изъ двухъ: или уѣхать изъ гостепріимнаго усадьбы въ Питеръ (вѣдь и пора), или начать ясно обнаживать матримоніальныя намѣренія... Ни того, ни другого

не дѣлаю. Какъ раненый звѣрь, прячусь я отъ Оли, да и ото всѣхъ въ одинокія прогулки; ухожу куда-нибудь въ глухое мѣстечко лѣса; уплываю на дряхлой лодчонкѣ на озеро, прячусь въ этой лодчонкѣ въ тростникахъ и часами лежу въ ней безъ сна, безъ опредѣленныхъ мыслей. Тишина озера точно поглощаетъ всю мою душу. Утки маячутъ надо мной въ небѣ длинными стаями. Камыши спятъ, лодка спитъ. И чудятся мнѣ глубоко на днѣ княжичъ и молодая еврейка, чудится мнѣ, будто княжичъ—я, а еврейка—Оля, и лежимъ мы вѣками на этомъ днѣ не мертвые, а только зачарованные русалками озера... Лежимъ и чувствуемъ, какъ подъ изумрудно-хрустальной пеленой воды бьются любовью наши сердца... И я слышу... но бѣненіе только моего сердца—сердца не литвина княжича, а русака—борзописца, старого борзописца, лежащаго неподвижно не на зеленомъ днѣ озера, а на его поверхности въ гнилой черной лодчонкѣ!

Порой мнѣ чудится, что изъ тростниковъ выглядываетъ блѣдное прелестное лицо княгини Радзивиль—помнишь, портретъ въ Вильнѣ?—и ея очаровательныя губы, скрывая боль гордаго сердца, смѣются, смѣются, точно говорятъ:

— А! измѣнилъ мнѣ, вотъ и терзайся!

Видишь, я дохожу до настоящаго кошмара.

Между тѣмъ темнѣетъ. По озеру точно ползетъ громадная темная паутина, опутываетъ тростники, застилаетъ небо, мнѣ становится жутко, я выбираюсь въ лодкѣ изъ тростниковъ, выѣжаю въ безконечно длинную ѣздовню-канаву и, тихо подталкиваясь шестомъ, добираюсь до моста близъ усадьбы, выхожу на берегъ, но въ усадьбу не иду.

Иду я въ деревню, которая рядомъ, черная, грязная бѣлорусская деревня. Изъ царства русалокъ попадаю въ царство мрачныхъ угрюмыхъ гномовъ.

Улицы, не смотря на сухую погоду, пересѣчены лужами, топкими ямами, гдѣ небрежно наваленъ ржавый гніющій навозъ. Дворы, огражденные покосившимися околицами, со скрипучими сквозными воротами, почти всегда настоящія болота: скотъ, проходя черезъ нихъ, оставляетъ въ огромномъ количествѣ свои слѣды, которыхъ никогда не убираютъ. Теплыя воночія испаренія сизымъ дымомъ стоятъ надъ этими дворами, гдѣ въ отбросахъ лошадей, коровъ, свиней гниютъ солома, обѣдки и т. п.

Темныя лоснящіяся свиньи, иногда противно-пятнистыя, уныло хрюкая, плетутся изъ угла въ уголъ, волоча животы по той грязи. Тутъ же часто салятся также голыми, черными и пятнистыми отъ грязи тѣлами, малыя дѣти съ милыми жалкими рожицами.

Вхожу въ избу—черно, грязно, пусто... Вверху на пала-

тахъ горы отрешевъ и неподвижно лежащіе люди съ какими-то каменно-непривѣтливými лицами.

Освѣщена изба лучиной: въ потолокъ отверстие, подъ нимъ виситъ черная желѣзная четырехгранная пирамида, усѣченная сверху; и низъ, и верхъ у ней полые; внутри пустота: устройство, чтобы дымъ лучины не расплзался, а уходилъ въ отверстие въ крышѣ. Подъ пирамидой на цѣпочкахъ, прикрѣпленныхъ къ ней, небольшая желѣзная рѣпотка, на которой лежитъ лучина, подъ ней шайка съ водой, куда падаетъ нагаръ съ лучины. Сама лучина горитъ ослѣпительно-ярко, больно для глазъ и точно роиаетъ огненные слезы въ воду. Вокругъ же отъ нея очень мало свѣту, точно въ кузницѣ: горитъ горитъ, а по угламъ всюду тьма.

Въ одномъ только самомъ богатомъ домѣ деревни показали мнѣ жестяную керосиновую лампу и то ее не зажгали, а хранили, какъ рѣдкость, увѣряя меня, что керосинъ имъ не по карману.

Эти тяжелые угрюмые мужики постоянно въ бесѣдѣ съ нами афишируютъ свою бѣдность, свою обездоленность, со второго слова переводятъ рѣчь на тяжбы съ сосѣдями, съ панами изъ-за земли, изъ-за дѣса и трудно рѣшить: неодолима ли вѣковая бѣдность, или животная алчность отупѣлыхъ въ своемъ грязномъ углу людей вдохновляетъ ихъ вѣчными жалобами на судебныя обиды, на мошенничество ходатаевъ и т. п. Женщины иногда красивыя, но всегда мертвенно безучастныя, сидятъ неподвижно, вытянувшись на лавкахъ, на палатахъ. Тутъ нѣтъ суетливости великорусской бабы и назойливой привѣтливости хохлушки. Дѣти большими свѣтлыми глазенками пугливо смотрятъ изъ угловъ, какъ безответныя жертвы этого царства мрачныхъ гномовъ.

Я захожу въ избы, толкую съ мужиками, никогда ни до чего путнаго не дотолковываюсь. Недовѣріе ихъ къ панамъ безгранично, упорство въ своихъ взглядахъ непоколебимо... Доказываешь пользу школы.

— На що?—раздается неизмѣнный отвѣтъ.

Убѣждаешь жить опятно.

— На що? Було-бъ тепло!

Совѣтуешь обществамъ на крестьянскихъ земляхъ добывать торфъ и продавать.

— На що? болото оно и болото—кому треба?

Ничто не убѣждаетъ, ничто не внушаетъ вѣры. Видно, экономическая эволюція, дѣйствительно, изъ этихъ людей сдѣлала въ теченіе вѣковъ патентованное «быдло». И странно: въ то же время столько умныхъ глазъ, довольно энергичныхъ лицъ, сила души гдѣ-то прячется, живетъ... Былъ я въ Лондонѣ, на съездѣ журналистовъ. Забрелъ въ Шотландію на

нѣсколько дней, видѣлъ гдѣ-то около Абердина типы, положительно родственные этимъ. Та же статность худыхъ фигуръ, та же спокойная мрачность выражений, то же недобѣріе и упорство въ углахъ крупныхъ, плотно сжатыхъ губъ.

И еще болѣе странная вещь: мнѣ, одержимому теперь монимъ душевнымъ бредомъ, легче сидѣть въ этихъ душныхъ избахъ съ маленькими оконцами, съ горящею лучиной, съ неохотно и невразумительно отвѣчающими мужиками, безмолвными бабами, жалкими въ ихъ дикости дѣтьми, чѣмъ идти туда, гдѣ она среди ея культуртрегера-отца, гаера-скептика Кости, шалопаая Бориса, балбеса-дяди, жениха-купидона!..

И часто, послѣ лежанія въ озерѣ на лодкѣ, захожу я въ эти избы.

Вчера это такъ и случилось. Я долежался въ лодкѣ до полной тишины. Едва нашель входъ въ канаву-вздвню, едва дотолкался шестомъ по ней до мѣста и выгѣвъ на берегъ. Тьма и тишина были кругомъ. Слѣпо мелькали огни вдали въ окнахъ усадьбы, и сверкало пламя костровъ, которые зажигаютъ вечеромъ на дворѣ, чтобы отгонять мошекъ и комаровъ.

Неужели собираются ужинать? подумалъ я, костры обыкновенно зажигаютъ во время самаго ужина. И я побрелъ медленно, шагъ за шагомъ, спотыкаясь въ темнотѣ о неровности дороги. О, какъ мнѣ хотѣлось увидѣть Олю, и всетаки на ногахъ были точно пудовыя гири!.. Уже значительно приблизившись къ усадьбѣ, я круто повернулъ и побрелъ вправо на деревенскую улицу.

Я вовсе не думалъ заходить ни въ одну избу. Мнѣ просто хотѣлось оттянуть возвращеніе въ усадьбу. Не уѣхать-ли завтра? мелькало у меня въ головѣ, или... или что? сдѣлать предложеніе? получить, какъ говорятъ хохлы, арбузь? а если не получу? Вѣдь есть что-то въ ея отношеніяхъ ко мнѣ... Тутъ мое сердце такъ защемило, что, точно убѣгая отъ физической боли, отъ всѣхъ этихъ вопросовъ, я шагнулъ за порогъ первой избы... Шагнулъ и замеръ. Среди избы въ яркомъ свѣтѣ лучины стояла Оля...

Не могу писать. Голова кружится. Пойду пройтись. Потомъ допишу...

XVII.

Оля стояла посреди избы, ярко освѣщенная огнемъ лучины. Вокругъ, изъ полутьмы, точно мрачные призраки, выглядывали мужики и бабы.

Передъ Олей на лавкѣ сидѣла съ очевиднымъ болѣзненнымъ напряженіемъ молодая женщина. Блѣдное лицо съ про-

валившимися глазами, окруженными синовой, можно было принять за мертвое, если бы не эти глаза, темные, лихорадочно горящие, какіе-то мучительно неподвижные.

— Петръ Васильевич!—воскликнула Оля, едва увидѣла меня, и голосъ ея завенѣлъ и болѣю, и возмущеніемъ,—смотрите, посмотрите, что тутъ у нихъ происходитъ.

Ея восклицаніе звучало такъ, какъ будто происходило нѣчто ужасное. Между тѣмъ всѣ остальные въ избѣ были невозмутимо неподвижны, точно не только чего-нибудь ужаснаго, но рѣшительно ничего не происходило.

— Что такое, Ольга Андреевна?—спросилъ я.

— Смотрите,—всплеснула Оля руками.—Вы знаете. Я начала тутъ полѣчивать. По домашнимъ лѣчебникамъ... И вотъ ужъ недѣлю лѣчу эту молодайку,—она указала на женщину, которая сидѣла передъ нею.—Тутъ болитъ, тамъ болитъ! Отчего—не знаю. По тѣлу синяки-не синяки, какія-то пятна. Дышетъ тяжело. То ознобъ у ней, то будто жаръ. Не могу разобрать. Ходитъ на работу, днемъ будто ничего, а каждое утро вся изломанная. И вотъ сегодня ея шуринъ,—Оля показала на хмураго мужика, который стоялъ въ сторонѣ,—вотъ онъ вдругъ говорить: да ее, паненъка, каждую ночь мужъ тиранить, бьетъ возжами, душить, ни минуты ни даетъ заснуть... И она молчитъ, спасается къ шурину въ избу, приходитъ ко мнѣ, говорить, что больна, и ни слова о злодѣѣ мужѣ.—Окся! за что тебя мучить мужъ?—И Оля схватила руки больной.

Та молчала, только сдѣлалась еще блѣднѣе, да глаза вспыхнули, какъ раздутые внезапно угли.

— За що! за проступку!

— Меня вонъ какъ мужъ билъ за проступку; съ солдатомъ схожалась, ну и билъ,—съ какой то стыдливо-лукавой откровенностью объявила одна изъ бабъ, вѣроятно, сосѣдка, забредшая въ избу.

— Проступку! За эку проступку!—невозмутимо, посасывая трубочку, отозвался шуринъ больной.—Она якъ свѣча передъ своимъ чоловікомъ! нѣякихъ проступокъ у ней нема!

— Чего-жъ ты молчишь? чего же не скажешь мужу...—не сдумѣла закончить своей фразы Оля, потрясая руками больной, которая молчала, какъ убитая.

Вдругъ изъ глазъ больной покатались медленные крупныя слезы. Оля подсѣла къ ней, обняла заколыхавшееся въ рыданіи тѣло молодухи и начала гладить ее по головѣ.

— Ну, милая, успокойся, ну, голубка,—трогательно-ласково говорила Оля этой мужней жѣ, какъ ребенку. Та вдругъ неистово завопила и упала головой на грудь Оли. Рѣдко я слыхалъ такой плачь... Казалось, все вѣковое страданіе и униженіе женщины отозвалось въ этомъ бабьемъ воплѣ-визгѣ...

Но въ это время другой вопль, еще болѣе ужасный, долетѣлъ въ окно избы. На улицѣ точно кого-то рѣзали. Оля вскочила и бросилась къ окну. Я тоже. Мужики и бабы въ избы не шелохнулись, ихъ какъ будто не могло поразить ничто самое ужасное, происходящее въ ихъ деревнѣ. Только больная баба, стараясь уже овладѣть собой, всхлипывала рѣдко и тяжело, прижимая худыя руки къ впалой груди. Мы нѣсколько мгновеній подождали: не повторится-ли страшный крикъ на улицѣ. Но все затихло: точно темная улица вдругъ умерла.

— Подрались хлопцы, — философски замѣтилъ шуринъ больной, принимаясь набивать трубочку.

Онъ оказался болѣе, чѣмъ правъ. Въ избу кто-то вошелъ.

— Панночка здѣсь? — спросилъ торопливый, не совсѣмъ спокойный голосъ.

— Что ты, Петро? — спросилъ хозяинъ избы вошедшаго молодого парня, по типу совершенно шотландца изъ долины какого нибудь Лохногарра. Парень былъ блѣденъ и держалъ кисть правой руки, сжавъ другой рукой.

— Панночка! Поможи! — протянулъ онъ руку Олѣ.

Она взяла его руку, и въ мгновенье ея бѣлыя нѣжные пальцы были въ крови. Но она не отдернула ихъ. Я взглянулъ ближе. Указательный палецъ Петро былъ почти отсѣченъ и держался на узкомъ клочкѣ мяса. Ужасенъ былъ этотъ грязный моволистый палецъ, исходящій кровью на нѣжной ладони Оли.

— Чѣмъ это? топоромъ? — быстро спросила она.

— Такъ, топоромъ, глуховато отвѣтилъ Петро. Только брови его сдвинулись.

— Рубилъ что нибудь? — спросила Оля.

— Нѣ! батько отрубилъ, — спокойно отозвался Петро, только все болѣе сдвигая свои энергическія брови.

— Отецъ! за что? — съ ужасомъ подняла на него глаза Оля.

— О землѣ спорили! Дѣлились! Онъ меня изъ дому прогналъ. Не по его женился. Ну и не хотѣлъ земли дать. Что-жъ, помирать мнѣ съ жинкой? — говорилъ Петро, повидимому, безъ всякаго волненія.

— Это ты кричалъ? — спросилъ я.

— Я! — совсѣмъ хмуро отозвался Петро, точно не прощая себѣ этого крика подъ топоромъ отца.

Но Оля далѣе ничего не спрашивала. Она вытащила носовой платокъ изъ кармана, обернула имъ руку Петро и только сказала:

— Пойдемъ въ усадьбу. Иди, я буду держать твою руку. И она осторожно пошла изъ избы, поддерживая изувѣченную руку мужика. Онъ шелъ за ней покорно безъ шапки.

точно ребенокъ, котораго ведутъ за ручку. Я шелъ за ними. Никто изъ бабъ и мужиковъ не двинулся: это меня удивило. Очевидно, и отрубленный палецъ не могъ расшевелить ихъ тяжелую психику. Или и такія увѣчья въ ихъ быту дѣло слишкомъ обычное.

Когда мы втроемъ появились на дворѣ усадьбы, гдѣ за столомъ съ ужиномъ уже сидѣли всѣ домашніе, освѣщенные огнями костровъ, мы выступили изъ мрака, будто привидѣнія. Всѣ повскакали. Не знаю, что выражало мое лицо, но блѣдное лицо раненаго и взволнованное, и отъ того еще болѣе блѣдное, лицо Оли поразили меня глубокой серьезной сосредоточенностью. Раздались восклицанія, вопросы. Я ни на что не отвѣчалъ, я ничего не слышалъ. Я только смотрѣлъ на Олю.

— Викентій Евлампіевичъ, принесите мнѣ сейчасъ-же два чистыхъ полотенца, кувшинъ воды и свинцовую примочку, да и карболку, — сказала только Оля.

Женихъ мгновенно скрылся въ сопровожденіи Марфы Николаевны. Все, что потребовала Оля, было принесено очень быстро. И окруженная всѣми нами, она промывала, бинтовала, завязывала раненую руку Петро. Въ его точно каменномъ землисто-блѣдномъ лицѣ не дрожала ни жилка. Только разъ онъ повелъ тоскливо губами.

— Больно? — прошептала Оля.

— Дюже больно, — глубоко вздохнулъ Петро.

Женихъ поддерживалъ раненую руку во время перевязки, и какъ зорко онъ слѣдилъ за движеніями Оли, какъ боялся сдѣлать больно раненому! Мнѣ вдругъ показалось, что у него, дѣйствительно, необыкновенно доброе лицо.. Я какъ то сразу впервые понялъ вполне выраженіе Марфы Николаевны: простая душа.

Никто не сказалъ ни слова во время промывки и забинтовки руки. Борисъ и Сашка, поморщившись, отвернулись. Старшій Осокоринъ и его жена помогали: мочили и подавали тряпки, разорвавъ одно изъ полотенецъ. Я тоже помогалъ, невольно, для самого себя незамѣтно. Костя, хладнокровно куря трубку, наблюдалъ и дѣлалъ указанія очень дѣльно, какъ обернуть руку, какъ продѣть между пальцами полотно и т. п.

Только, когда перевязка была кончена, я подробно рассказалъ все, что было. Петро невозмутимо, почти прежними словами, подтвердилъ.

— Люблю! калифорнійскіе старые нравы! и мѣткій ударъ топоромъ! — не могъ не сгаерничать Костя.

Оля точно не слыхала его, сейчасъ же обратилась къ отцу:

— Папа! сегодня мужики везутъ огурцы съ огорода на

станцію. Пусть они возьмутъ Петро. Пусть онъ ѣдетъ въ Мозырь къ доктору, въ городскую больницу. Надо скорѣе на-стоящую перевязку... А то можетъ быть воспаленіе, гангрена.

Отецъ ея, ни слова не отвѣтивъ, ушелъ по направленію къ огороду, гдѣ арендаторъ еврей грузилъ огурцами нанятые подводы. Андрей Сергѣевичъ долго не возвращался. Оля дала напиться Петру воды съ краснымъ виномъ. Она учила его, какъ розыскать доктора и больницу въ Мозырь. Петро молча слушалъ, хмуро-неподвижно, осторожно придерживая перевязанную кисть руки.

Старшій Осокоринъ вернулся. Онъ былъ возмущенъ. Подводчики еврея, однодеревенцы Петра, —отказывались посадить его на подводы. Они не хотѣли вызвать на себя гнѣвъ отца Петра, зажиточнаго мужика, услуживъ его сыну. Чтобы поскорѣй уѣхать отъ этой исторіи, благо огурцы были уже наложены, они двинулись. Въ темнотѣ, мимо насъ, поползли ихъ телеги къ выѣзду изъ усадьбы.

Но уѣхать имъ не удалось.

— Пойдите! —раздался во дворѣ громкій женскій голосъ.

Мужики невольно остановили лошадей.

— Не стыдно вамъ больнаго человѣка, правъ онъ, или неправъ, не подвести, когда онъ можетъ даже умереть отъ раны, если во время его не увидитъ докторъ?!—То говорила Оля, вся выпрямившись, дрожа и сверкая глазами. Огни костровъ яреко освѣщали ее.

— Онъ супротивъ отца. Онъ сказалъ нехорошее слово отцу,—осторожно выступилъ изъ темноты самъ арендаторъ еврей. Онъ говорилъ вкрадчиво, нерѣшительно.

— Братцы! вы увезете Петра? да?—подошла къ самымъ мужикамъ Оля, не обращая вниманія на Зеля, и даже взяла одного изъ подводчиковъ за руку. И вдругъ всѣ они загудѣли:

— Пусть ѣдетъ. Звистно, болящій!

Но въ это мгновеніе Петро, который молча слушалъ все, точно дѣло шло не объ немъ, вдругъ поднялъ голову и тихо сказалъ:

— Не надо, самъ дойду! Лѣскомъ еще скорѣе до станціи дойду. Имъ дорогой—крякъ. А я знаю въ лѣсу лазы, тропки... Не надо мнѣ ихъ!

— Онъ знаетъ лазы, тропки. Онъ скорѣе дойдетъ,—точно обрадовались, опять загудѣли мужики.

— Большой-то, съ большой рукой?—повернулась Оля къ Петру.

— Дойду!—мотнулъ онъ головой и неожиданно быстрыми шагами двинулся прочь.

— Смотри-же, Петро, въ Мозырь, въ больницу, къ доктору,—крикнула ему вслѣдъ Оля.

Онъ не отозвался, совсѣмъ исчезая въ темнотѣ.

Возы съ огурцами потянулись. Въ сутулыхъ спинахъ подводчиковъ, бредшихъ рядомъ съ возами, сказывался стыдъ отъ сознанія, что Петро пренебрегъ ихъ услугой, которую, ради барышни, рѣшили они оказать ему.

— Каковъ у меня командиръ! — воскликнулъ отецъ Оли, когда во дворѣ остались только домашніе.

Оля устало опустилась на стулъ. Она не отозвалась на шутку отца.

— Ахъ, папа, какіе это несчастные люди! Какъ много для нихъ надо сдѣлать! — стономъ вырвалось у нея.

Видишь ты ее какъ живую въ моемъ разказѣ, чувствуешь, понимаешь? Я старался быть объективнымъ, какъ камень.

Твой Б.

ХVIII.

21 Августа.

Берусь снова за письмо. Совсѣмъ запечатать его вчера, чтобы сегодня отправить: слышалъ, что управляющій вечеромъ зачѣмъ-то ѣдетъ на станцію. Но сейчасъ, въ седьмомъ часу утра, опять распечатываю конвертъ, чтобы вложить въ него еще нѣсколько листовъ.

Вотъ что произошло этой ночью.

Вчера за ужиномъ сидѣли не долго. Говорили тоже мало. Не сидѣлось, не говорилось. Вѣроятно случай съ Петро произвелъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. Оля вскорѣ по уходѣ Петро ушла. Сашка Осокоринъ, женихъ и Борисъ забрались на сѣноваль, Андрей Сергѣевичъ съ женою удалились къ себѣ. Я и Костя Гороховъ все еще сидѣли на дворѣ у стола, смотря на потухающіе въ темнотѣ костры. Вдругъ Гороховъ обратился ко мнѣ:

— Камрадъ! отправимся-ка мы спать на озеро!

Я удивился его предложенію.

— Хорошо, только не сейчасъ. Я пойду напишу письмо. Потомъ поплывемъ. Сейчасъ еще рано! — отвѣтилъ я. Мнѣ хотѣлось описать тебѣ все, что произошло, все, что сдѣлала, сказала Оля.

— Добре! я буду дремать въ лодкѣ у моста, — сказала Костя.

Я ушелъ къ себѣ. Писалъ письмо. У меня странно закружилась голова. Прервалъ писаніе. Вышелъ на крыльцо. Стало совсѣмъ темно. Костры погасли. Не было теплая, душная. Мнѣ хотѣлось что-то сдѣлать, куда-то пойти. Я вернулся и окончилъ письмо. Потомъ снова вышелъ во дворъ. Было еще темнѣе. Въ темнотѣ низко и блѣсовато плыла по травѣ роса.

Небо было полно звѣздъ. Оно здѣсь темнѣе и бархатистѣе ночью, чѣмъ въ Петербургѣ. Я долго смотрѣлъ на звѣзды. Потомъ вспомнилъ предложеніе Кости и пошелъ по пустому темному двору къ мосту. Подойдя къ лодкѣ, я обликнулъ Костю.

— Пришелъ, настроилъ?—отозвался онъ изъ лодки.

Голоса наши уныло, отчетливо звучали въ тишинѣ ночи.

— Лѣзь въ лодку, я ужъ здорово вадремнулъ,—прибавилъ Костя.

Я съ трудомъ въ темнотѣ попалъ въ лодку и смутно видѣлъ въ ней Горохова.

— Сиди! Я буду дѣйствовать,—буркнулъ онъ.

И лодка неслышно, но быстро отъ сильныхъ движеній шеста въ его мускулистыхъ рукахъ поплыла по канавѣ. Тишина была мертвая. Вода канавы отъ движеній лодки беззвучно колебалась. Звѣзды, отраженные въ ея совсѣмъ черномъ зеркалѣ, покачивались, какъ невѣдомые цвѣты, растущіе изъ глубины. Мы молчали. Купы кустовъ по сторонамъ канавы приближались къ намъ на встрѣчу, точно какія-то таинственныя фигуры, закутанныя въ черные плащи. И когда мы проплывали мимо,—онѣ какъ будто упорно смотрѣли намъ въ слѣдъ.

Наконецъ, мы почувствовали, что вошли въ озеро. Стало немного свѣтлѣе. Тростники казались длинными, темными островами. Вокругъ нихъ было опрокинутое внизъ небо, полное звѣздъ. Костя нащупалъ на днѣ лодки весла. И надѣвъ ихъ на уключины, началъ сильно и мѣрно гребти. Онъ гребъ почти безъ шума, какъ настоящій умѣлый гребецъ. Въ темнотѣ весла мелькали по бокамъ лодки, какъ черныя ныряющія въ воздухѣ птицы. Врѣзываясь въ воду, они производили мягкій звукъ, точно звукъ короткаго и подавленнаго кипѣнія.

— Куда ты плывешь?—спросилъ я.

— Подальше, къ серединѣ озера. Тамъ нѣтъ совсѣмъ мошекъ,—пробурчалъ онъ.

Вскорѣ темныя силуэты тростниковъ исчезли изъ нашихъ глазъ. Бругомъ была вороненная—стальная гладь озера; въ ней дрожали отраженные звѣзды. Мы плыли будто между двухъ небесъ, внизу подъ нами, и вверху надъ нами. Вода близъ лодки во время ея движенія слегка колебалась, и ближайшія къ лодкѣ звѣзды, какъ и въ канавѣ, плавно покачивались. Становилось все прохладнѣе. Воздухъ былъ пропитанъ холодной влагой. Необовримая масса воды дышала на насъ точно невидимымъ мокрымъ туманомъ.

Мы по прежнему молчали. Не будь я самъ въ особомъ настроеніи, я бы удивился молчаливости балагура Горохова. Вдругъ онъ вскинулъ высоко весла, подержалъ ихъ совсѣмъ перпендикулярно водѣ, чтобы дать каплямъ сбѣжать съ нихъ, потомъ снялъ ихъ съ уключинъ и положилъ на дно лодки.

— Здѣсь не за что укрѣпить лодку, даже еслибъ у насъ былъ якорь, не достанешь, вѣроятно, дна,—сказалъ я.

— А пусть несетъ лодку! теченія почти нѣтъ, развѣ къ самому утру донесетъ куда нибудь къ берегу,—пробурчалъ Костя, ложась на днѣ лодки, гдѣ была навалена солома.

— Ты, вѣроятно, не ляжешь, не уснешь? — неожиданно сказалъ онъ.

— Почему?—спросилъ я, вздрогнувъ.

— Кто такими глазами смотреть съ вечера на дѣвушку, какими ты сегодня смотрѣлъ на Ольгу Андреевну, тотъ не уснетъ ночью. Это, ангель мой, испытанная вѣковая психологія.

— Да? ты замѣтилъ?—задрожалъ мой голосъ.

— Кто же не замѣтилъ! Давно всѣ замѣтили! Это ты только ничего не видишь! И это естественно. Таже психологія,—невозмутимо продолжалъ Костя.

— Влюбленнаго?—сдѣлать я попытку усмѣхнуться.

— По уши!—отозвался убѣжденно Костя.

— Но ты говоришь, всѣ замѣтили?—нахмурился я.

— Всѣ, развѣ кромѣ остолопа Сапки, да купидона. Ну да этотъ чистъ душой и тоже влюбленъ до святости.

— А тамап?

— Мамап, братъ, молчить, а все видеть. Она, какъ это озеро, тихо, глубоко, а на днѣ и рыба рыбу ѣсть, и раковинки, и тина.

— Ну, а Черноморь?—голосъ мой становился все глуше.

— Эвона! Да ты думаешь, спроста я зазвалъ тебя на озеро. Дипломатическое порученіе имѣю.

— Отъ Черномора ко мнѣ?—совсѣмъ задрожалъ мой голосъ.

— Sic amice!—насмѣшливо подтвердилъ Костя.

— Слушаю,—глухо отозвался я.

— Нелѣпое порученіе!—усмѣхнулся Костя.—Мнѣ поручено узнать: не желаетъ-ли Петръ Васильевичъ Былецкій получить займообразно, съ крайне долгосрочнымъ кредитомъ, небольшую часть земли въ усадьбѣ Овичи, съ тѣмъ, чтобы при содѣйствіи и при непосредственномъ наблюденіи синьора Осокорина алпé—обрабатывать землю, эксплуатировать лѣсъ, снимать торфъ, просвѣщать и лѣчить полѣщуконъ,—все это, если угодно, при помощи переселенцевъ латышей?

— Онъ съ ума сошелъ!—вырвалось у меня.

— Не совсѣмъ. Напротивъ: онъ очень разуменъ и вообще и въ этомъ случаѣ въ частности. Оно такъ, хоть съ моей точки зрѣнія и нелѣпо. Съ ума сошелъ кто-то другой. И если сумасшествіе онаго другого неизлѣчимо, чего не мѣшаетъ заблаговременно опасаться, то послѣднее, крайнее средство—Петръ Васильевичъ Былецкій, какъ сельскій культиваторъ! Онъ же сумасшедшій, вѣрнѣе, оная начинающая сходить съ ума...

— Бостя! не гаерничай, говори просто, ясно!—перебилъ я его совсѣмъ глухимъ голосомъ, чувствуя, что весь дрожу недержимой дрожью и дрожу не отъ сырости на озерѣ.

— Ясно? Изволь, — Бостя сѣлъ на днѣ лодки, опираясь руками на ея борта.— Почтенные родители опасаются, что петербургскій гость плѣнилъ ихъ дочку, втайнѣ отбилъ ее у купидона. Выходъ изъ этой complication для нихъ одинъ возможный: купидона по боку, вручить руку дочки петербуржцу, но возложивъ на него все, съ чѣмъ только и мыслишь для нихъ мужъ ихъ дочери. То есть—деревенское хозяйство, деревенская благотворительность и неуклонный культуркампфъ, конечно, не въ Бисмарковскомъ смыслѣ, съ полѣтской дичью, главное же, сохраненіе дочки рядышкомъ съ ними, подъ ихъ крылышкомъ. Ибо въ столицы, да даже и въ большіе города, дочки они не пустять, она и сама не поѣдетъ, въ этомъ отношеніи достаточно заражена Черноморомъ. Оныя столицы, по благочестивому мнѣнію всего семейства, совершенные Вавилоны, гдѣ душа, т. е. ея лучшія стороны пребываютъ въ праздности, гдѣ физическіе наши аппетиты удовлетворяются или плохо, или извращенно, мозговые, умственные аппетиты пресыщаются болтовней, хотя бы и лучшаго качества, нравственно же дѣятельныя побужденія понемногу атрофируются. Черноморъ достаточно въ жизни погрѣшилъ всѣмъ этимъ и пострадалъ отъ всего этого. Дочь для него самое дорогое. Онъ готовъ дать ей всякую цацу; даже нѣсколько перерѣзлаго и сомнительнаго питерца,—но въ городъ ее не пустить и онаго питерца культивируетъ при помощи деревни по своему. Если же питерець послѣдняго не хочетъ, пусть поскорѣй уѣзжаетъ, лошади всегда къ его услугамъ... Ибо могутъ произойти совсѣмъ непріятные конфликты, главнымъ образомъ, въ нѣкой дѣвической душѣ...

Костя умолкъ. Мертвая тишина оковала озеро, лодку. По глади воды легкой пленкой стлался низкій туманъ. Я смотрѣлъ на этотъ туманъ, точно въ немъ было все дѣло. Внутри меня все дрожало, ныло, болѣло, и тосковало, и вмѣстѣ ликовало. Я не удивился бы, если-бы въ этотъ моментъ я вдругъ громко заплѣлъ, разгоняя мертвую тишь своимъ фальшивымъ голосомъ. Но я только неожиданно воскликнулъ:

— Костя! Они ошибаются!

— На счетъ дѣвической души?—отозвался онъ. Не совсѣмъ. Конечно, нѣсколько преувеличиваютъ, что и понятно со стороны болящихъ душою о дочкѣ родителей, но... зернышко есть... Даже купидонъ, кажется, начинаетъ смутно тосковать.

— Зернышко? Любви ко мнѣ?—опять воскликнулъ я. Мнѣ казалось, что я схвачу весла и, какъ сумасшедшій, начну

грести, чтобы мчаться, мчаться по этому чудному озеру, очарованному тишиной ночи.

— Да, приятель! И если ты только поналяжешь,—купидонъ совсѣмъ полетитъ вверхъ тормашками,—вдругъ хлопнуль меня по плечу Костя.

— Ты-бы поналегъ... на моегъ мѣстѣ?—глухо спросилъ я.

— А! это другой вопросъ!—всталъ на ноги въ лодкѣ Костя. Другъ ты мой,—заговорилъ онъ почти взволнованнымъ голосомъ.— Оно конечно—медъ. Прикоснуться сѣдѣющими усами къ эдакимъ юнымъ губкамъ. Но вѣдь это только инстинктъ и эстетика. Инстинктъ, удовлетворенный, быстро гаснетъ, эстетика легко вывѣтривается. Остальное же у насъ съ тобой—фью!

— Что, остальное?—почти злобно кинулъ я ему этотъ вопросъ.

— Привычка, или склонность быть семьяниномъ,—невозмутимо отвѣтилъ Гороховъ,—свромность, во всѣхъ смыслахъ, аппетитовъ помянутаго инстинкта, ненабалованность помянутой скоро преходящей, но всегда готовой обновиться по новому поводу, эстетики; свѣжесть, наконецъ, всего существа, та почва, на которой можно возрастить всѣ эти фрукты, хотя бы способомъ Черномора, способомъ деревенской изоляціи.

— Но любовь... любовь?—почти простоналъ я.

— Старый мой коллега!—вдругъ положилъ мнѣ на плечи обѣ руки Костя—я объѣхалъ кругомъ свѣта. Я былъ влюбленъ въ Японіи, въ Гонолулу, на Принцевыхъ островахъ, въ Ирландіи, въ Польшѣ, не говоря ужъ объ отечествѣ, серьезно влюблялся, вотъ также вопіялъ, какъ ты сейчасъ, и повѣрь, вывелъ одно; все это—инстинктъ и эстетика. Легко придать, легко проходить! А остальное, что изъ любви дѣлаетъ хорошую привязанность и привычку, нами съ тобой посѣяно среди нашего холостого бродяжничества; у меня въ бродяжничествѣ въ буквальномъ смыслѣ, у тебя въ умственно-нравственномъ бродяжничествѣ. Кто вы, столичная интеллигенція, теперь, какъ не такіе духовные бродяги? Брось, пожалуй, лишнюю жертву инстинкту и эстетикѣ, тащи въ Питеръ Оленьку.

— А пойдеть?—почти простоналъ я.

— Помани хорошенько,—пожалъ плечами Костя.—Вѣдь въ ней тоже свои инстинкты и своя жажда гарнира жизни, хотя бы въ видѣ красныхъ словъ.

— Она пойдеть на красныя слова?—съ укоромъ воскликнулъ я.

— Эхъ, гдѣ та чистая душа, которая, благодаря разбуженному инстинкту, не пошла-бы за любимъ краснобаемъ, прохвостомъ?—презрительно, точно швырнулъ въ воду эти слова Костя.

— Гороховъ! послушай!—крикнулъ я гнѣвно.

— Оскорбился? Ну извини! Впрочемъ, я свою миссію кончилъ. Можешь завтра обратиться къ самому Черномору съ официальнымъ предложеніемъ руки и сердца его дочери! А я, братъ, жениться не собираюсь, посему буду спать, какъ убитый!—И онъ нырнулъ на дно лодки.

Долго-ли я сидѣлъ молча и неподвижно, не знаю. Странный звукъ сталъ доноситься до меня. Сперва я даже не понималъ, откуда этотъ звукъ. Потомъ догадался: это уже похрапывалъ во снѣ Костя. Но вскорѣ я пересталъ замѣчать этотъ звукъ. Я весь погрузился въ себя.

Озеро спало. Его смутныя дали, затуманившись легкими тучками, тоже какъ будто спали глубоко-мертвымъ сномъ. Не спали я, да небо надо мною. Звѣзды зорко смотрѣли на меня, сквозь набѣгавшій флеръ тонкихъ и низкихъ облаковъ, вѣроятно, неуловимыхъ испареній озера.

Да, звѣзды глядѣли на меня. И я глядѣлъ на нихъ въ небѣ и, опуская глаза, на ихъ отраженія въ водѣ. Онѣ точно ни на мгновеніе не хотѣли дать мнѣ ускользнуть отъ ихъ взгляда. Другъ мой! Старый мой дружине! Есть глубокіе неопишуемые моменты въ психикѣ человѣческой. На душѣ моей все какъ-то мертвенно затихло, вдругъ сразу.

Въ это время начало свѣтать. Тѣни ночи (помнишь Полонскаго?) куда то поползли, все сдѣлалось бѣлесоватымъ, блѣднымъ, звѣзды гасли незамѣтно, точно успокоившись за меня. Солнце еще не появлялось на горизонтѣ. Густой бѣлый туманъ поднялся отъ озера и окуталъ лодку. Гороховъ спалъ сномъ праведника. Меня всего пронизала сырость тумана. Я тихо взялся за весла и началъ медленно, неслышно грести. Я не зналъ, зачѣмъ я гребу, куда плыву. Я двигалъ веслами, лодка шла, но, окутанный сплошнымъ туманомъ, я этого не замѣчалъ. Вдругъ лодка обо что-то толкнулась. Я всмотрѣлся. Оказалось, то было узкое устье канавы-вздовни. Я, осторожно нащупывая весломъ берега ея, вдвинулъ лодку въ канаву и поплылъ по ней, отталкиваясь то справа, то слѣва весломъ. Вдругъ весь туманъ сдѣлался сразу какимъ-то янтарнымъ, потомъ пурпурно-алымъ. И сразу началъ осѣдать, рѣдѣть. Солнце выплывало на горизонтъ ослѣпительно красное. Къ моему удивленію, лодка была уже вблизи ея пристани: у моста. Я попробовалъ будить Костю. Онъ только промычалъ что-то и вернулся лицомъ внизъ: вѣроятно, отъ солнца его глазамъ было больно. Видя, что его не растолкаешь, а снялъ съ себя члто, прикрылъ имъ Костю, причалилъ лодку, привязалъ къ почернѣлой покосившейся сваѣ моста, и выскочилъ на берегъ.

Я тихо пошелъ по травѣ, совсѣмъ мокрой отъ росы. Въ реви кричали пѣтухи. Я шелъ не въ деревню. Я шелъ на

огорода. Тамъ есть шалашъ изъ жердей, прикрытый соломой и хворостомъ. Въ этомъ шалашѣ днемъ отдыхаетъ семья арендатора огорода и его работницы-дѣвушки еврейки. Ночью всѣ уходятъ въ домъ арендатора въ деревню. Мнѣ захотѣлось на полчаса уйти въ этотъ шалашъ, укрыться въ немъ отъ всѣхъ и всего, даже отъ солнечнаго свѣта.

Но когда я подошелъ къ шалашу, я былъ разочарованъ. Нѣсколько молодыхъ евреекъ уже копошились въ немъ, маленькія дѣвчонки ползали у ихъ ногъ. Я хотѣлъ удалиться, но вмѣсто того подошелъ къ шалашу.

— Гутъ морген!—на своемъ плохомъ нѣмецкомъ языкѣ ласково сказалъ я еврейкамъ.

Онѣ отвѣтили тоже на здѣшнемъ еврейскомъ діалектѣ. Ихъ темные выразительные глазки сверкнули привѣтливо. Особенно у одной изъ нихъ, очень хорошенькой, смуглой стройной, какъ козочка, съ массой угольно-черныхъ волосъ и огромными, уже въ ея 13—14 лѣтъ, страстными черными глазами.

— *Wagun sind sie hier so fruh?*—спросилъ я.

— *Freulein kommt,*—пугливо бѣгая глазами, отвѣтила эта еврейка.

— Барышня?—вырвалось у меня уже по русски.

— Хозяйка, молодая,—отвѣтила еврейка на такомъ-же плохомъ русскомъ, какъ мой нѣмецкій.

— Зачѣмъ?—спросилъ я, чувствуя, что все замерло у меня въ груди.

— Она ходитъ разговаривать съ нами. Рассказываетъ намъ, много, много... намъ и дѣтямъ. Это мои сестренки,—показала еврейка на маленькихъ дѣтей у своихъ ногъ.—Пока хозяинъ спитъ, мы и уходимъ сюда разговаривать съ панной... Она рано, рано встаетъ. При хозяинѣ она не хочетъ, при нашемъ хозяинѣ, при Зелѣ... Онъ потомъ, безъ нея, заругаетъ насъ, что не работаемъ, а слушаемъ панночку... А безъ него мы ее слушаемъ, слушаемъ... И сами рассказываемъ, какъ мы живемъ... Она все спрашиваетъ, все спрашиваетъ,—оживленно, съ семитической жестикуляціей, разговорила съ еврейка.

Я хотѣлъ спросить, о чемъ имъ рассказываетъ панна, но вмѣсто этого вдругъ неожиданно для себя спросилъ:

— Любите вы панночку?

Но вдругъ всѣ эти оборванные, грязныя дѣвочки, даже самыя маленькія, зашумѣли, вытѣзали изъ шалаша и, не обращая больше никакого вниманія на меня, побѣжали съ криками по межѣ огорода. Я повернулся туда, куда онѣ бѣжали, всѣ радостно, гортанно крича и подпрыгивая. Я понялъ ихъ. Издали отъ дому по межѣ шла Ольга Андреевна.

Гряды огорода, большею частью уже разрытаго, чернѣли жирно и ярко въ блескѣ солнца, отгнѣная легкую стройную

фигуру въ свѣтломъ ситцевомъ платьѣ... Какъ воплощеніе первыхъ нѣжныхъ минутъ лѣтняго яснаго утра, приближалась она къ жалкому шалашу подѣнщицъ-евреекъ.

Дѣвочки такъ и повисли на ней, цѣпляясь за ея платье, за руки, неумолчно тараторя на своемъ полурусскомъ, полунѣмецкомъ языкѣ. Она была замѣтно блѣдна, но ласково улыбалась имъ, впрочемъ, какъ-то болѣзненно слабо.

Вдругъ она увидѣла меня. Она совсѣмъ поблѣднѣла. Она забыла про евреекъ. Она замерла на мѣстѣ. Другой такой минуты я не переживу никогда. Я чувствовалъ, какъ я блѣднѣю, чувствовалъ, какъ наши глаза впадаютъ другъ въ друга. Я сдѣлалъ шагъ къ ней. Она какъ то конвульсивно сжала руки одной изъ маленькихъ евреекъ и стояла, смотрѣла - смотрѣла въ мои глаза большими, мнѣ казалось, невѣроятно огромными глазами. Я сдѣлалъ еще шагъ. Я не зналъ, что скажу, но чувствовалъ, что скажу что-то ужасное. Вѣроятно, хорошъ я былъ послѣ бессонной ночи на озерѣ... Она все молчала, все смотрѣла на меня, судорожно уцѣпившись за ручонки дѣвочки. И вотъ я подошелъ совсѣмъ близко къ ней и сказалъ:

— Ольга Андреевна! Я искалъ васъ. Ваши всѣ спятъ. Я хотѣлъ спросить. Управляющій, кажется, ѣдетъ сегодня на станцію. Могу я съ нимъ? Мнѣ необходимо. Пора...

Я не кончилъ; блѣдная, какъ полотно, она все смотрѣла на меня. Глаза ея стали какъ будто еще больше. Она молчала, наконецъ, медленно, беззвучно сказала:

— Да, управляющій ѣдетъ... Грудь ея высоко поднялась и опустилась. Мы оба долго молчали. Еврейки во всѣ глаза смотрѣли на насъ.

— Я попрошу васъ объ одномъ, — сказала она, наконецъ, по прежнему беззвучно. — Когда вы будете на станціи, узнайте... отъ кого нибудь... и напишите мнѣ съ Ѳомой Сидоровичемъ, пришелъ-ли Петро, раненый, успѣлъ-ли онъ на утренній поѣздъ въ Мозырь?.. Я не могла спать. Мнѣ все чудился Петро! Какъ онъ идетъ ночью въ темнотѣ, по лѣсу, одинъ, раненый, покинутый!..

Она вдругъ умолкла. Я сдѣлалъ еще шагъ къ ней, тихо высвободилъ дрожащей рукой ея блѣдную руку изъ черной грязной ручонки маленькой еврейки, поцѣловалъ долгимъ поцѣлуемъ ея милые, холодные, какъ ледъ, пальцы и пошелъ прочь, не оглядываясь.

Придя въ комнату къ себѣ, я лихорадочно раскрылъ уже апечатанное письмо къ тебѣ, пробѣжалъ то, что написано, и ѣлъ писать все это. Я долженъ былъ это писать тебѣ. Иначе, можетъ быть, зарыдалъ бы, какъ ребенокъ. Кончаю! Кончаю се. И это письмо, и то! понимаешь? Инстинктъ сломленъ,

эстетика вывѣтрится, какъ увѣряетъ бродяга-философъ, до сихъ поръ спящій въ лодкѣ у моста, подъ моимъ пальто.

Самъ отвезу это письмо на станцію. Меня поѣздъ понесетъ въ Питеръ, письмо это къ тебѣ въ глубь Великороссіи. Позади останется дикое и тихое Полѣсье съ его амстами, съ его болотами, лѣсами, съ Князь-Озеромъ, въ которомъ я этой ночью похоронилъ свою любовь, тамъ же, гдѣ нѣкогда похоронили свою любовь княжичъ-литвинъ и еврейка-шинкарка. Но они похоронили вмѣстѣ, слившись въ предсмертномъ объятіи навсегда...

Если бы ты зналъ, какъ тяжело хоронить любовь одному, одиноко, зная... Что зная? Ничего не хочу знать! Знаю одно: она была дивно хороша между этихъ оборванныхъ дѣвочек-поденщицъ, съ своей заботой, и въ такую минуту, о раненомъ Петро... Знаю одно: я не отнимаю ея ни у этихъ дѣвочекъ, ни у Петро, ни у... Но неужели же она будетъ женой Мидлишевича?...

Твой Б.

XIX.

Вильно, 22 августа.

Пишу тебѣ уже изъ Вильно, какъ видишь, сравнительно коротенькое посланіе, дабы ты зналъ, что съ моей полѣсской эстетикой все дѣйствительно кончено. Последнее письмо, которое я вчера отправилъ тебѣ самъ, со станціи, было и безконечное, и вполне сумасшедшее. Изъ этого письма ты увидишь, что я сталъ чутьчку потрезвѣе. Ужъ одинъ отъѣздъ изъ усадьбы, одна перемѣна мѣста отрезвили меня.

Отъѣздъ мой совершился весьма благопристойно. Едва я запечаталъ мое письмо къ тебѣ, въ мою комнату явился Андрей Сергѣевичъ. Какъ всегда, спокойный и корректный, но очень блѣдный.

— Моя дочь сообщила мнѣ, что вы торопитесь по дѣламъ уѣхать?—сказалъ онъ сдержанно.

Я молча поклонился. Онъ помолчалъ и какъ будто еще больше поблѣднѣлъ.

— Это неизбѣжно?—спросилъ онъ значительно.

— Вполнѣ!—тихо, но твердо сказалъ я.

Онъ опять помолчалъ.

— Не прельщаетъ васъ...—началъ онъ, замѣтно волнуясь.

— Ничто!—перебилъ я совсѣмъ глухо, но тверже прежняго.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— Трудно стряхнуть съ себя...—началъ онъ.

— То, что уже навсегда вѣлось,—опять перебилъ я.

Онъ пожалъ плечами чуть не презрительно.

— Завтракъ на столѣ. Послѣ завтрака управляющій ѣдетъ,—сообщилъ онъ.

— Я сейчасъ уложусь,—сказалъ я, поклонившись опять.

— Дочь моя съ Мидлишевичемъ уѣхали на озеро,—протянулъ Осокоринъ, уже уходя.

— Вы передадите имъ мой привѣтъ и пожеланія всего лучшаго. Васъ же съ супругою благодарю за гостепріимство,—отвѣтилъ я.

— Не за что! спасибо за компанію, — сухо отозвался Андрей Сергѣевичъ и вышелъ.

Я уложилъ вещи, переодѣлся и тоже вышелъ въ столовую.

— Ты уѣжаешь!—трагически бросился ко мнѣ Сашка, точно я уѣжалъ по меньшей мѣрѣ на эшафотъ.

Онъ все время несносно ломался, стараясь выразить сожалѣніе добраго малаго и хозяина объ отъѣздѣ товарища и гостя. Борись-техникъ осторожно, кажется, не безъ насмѣшки, поглядывалъ на меня. Гороховъ безпечно ругнулъ меня за то, что я оставилъ его въ лодкѣ, но поблагодарилъ за пальто и шепнулъ мнѣ на ухо прекомичнымъ, впрочемъ, не лишеннымъ теплоты шопотомъ:

— Молодчинище!

Я криво и слабо улыбнулся на это.

Марфа Николаевна жаловалась на мигрень. Глаза ея, съ ихъ усилившимся тайнымъ безпокойствомъ, украдкой останавливались на мнѣ не то съ удивленіемъ, не то съ участіемъ. Мужъ ея былъ вѣжливъ, но хмуръ и молчаливъ. Завтракъ прошелъ натянуто. Если бъ не шумѣлъ Сашка и не гаерничалъ Костя, всѣмъ было бы очень неловко.

Едва кончился завтракъ, къ крыльцу подкатилъ управляющій. Фома Сидоровичъ пріятно и лукаво улыбнулся всей своей великорусской фізіономіей, сидя въ телѣжкѣ, гдѣ уже лежали мои вещи. Я обнялся съ Сашкой, который вопіялъ: злодѣй! такъ скоро!—съ Костей, который шипѣлъ мнѣ въ ухо:—говорю, молодчинище!—поцѣловалъ руку хозяйки, которая при этомъ совсѣмъ опустила глаза, чтобъ не встрѣтиться съ моими, пожалъ руку Андрею Сергѣевичу, который былъ холоденъ, какъ камень, и сѣлъ въ телѣжку. Фома Сидоровичъ лихо тронулъ возжами, и я покинулъ усадьбу.

• Фома Сидоровичъ усиленно гналъ лошадей и, точно соображая что-то, помалкивалъ... На поворотѣ блеснула стальная по-жка.

— Ишь оно Князь-Озеро наше! Издали горитъ! Красота!—казалъ Фома Сидоровичъ, точно не удержавшись.

Я промолчалъ и молчалъ всѣ два часа ѣзды до самой станціи. Исты на пути кланялись мнѣ своими длинными носами, какъ что въ ихъ умныхъ головахъ стояло: скатерью дорога.

На вокзалѣ первый бросился мнѣ въ глаза черномазый жидокъ Янкель, который везъ насъ съ Мидлишевичемъ въ усадьбу. Онъ весь улыбался и дергался.

— Янкель! Ты знаешь, Петро изъ Овичей съ обрѣзаннымъ пальцемъ? Не видѣлъ, уѣхалъ онъ сегодня на поѣздѣ въ Мозырь?—спросилъ я его сейчасъ же.

— Фью!—свистнула Янкель.—Укатилъ въ Мозырь! Самъ видѣлъ!—и жидокъ Янкель весь сиялъ отъ счастья, что могъ мнѣ сообщить это.

Я сѣлъ къ столу на станціи, вырвалъ изъ карманной книжки листокъ и карандашомъ написалъ:

«Дорогая Ольга Андреевна, Петро въ Мозырѣ. Узналъ отъ очевидца его отъѣзда. Другой, тоже раненый, но тоже поѣхавшій лѣвиться Петро!»

Зачѣмъ я написалъ послѣднія слова, не знаю. Но написалъ, досталъ въ кассѣ конвертъ, запечаталъ въ немъ эту записку и отдалъ любезному Фомѣ Сидоровичу для передачи. Лукавые глазки ловкаго управляющаго такъ и забѣгали при полученіи пакета.

— Передамъ, непременно передамъ!—усиленно увѣрялъ онъ меня, точно я его умолялъ объ этомъ.

Затѣмъ я пошелъ въ вагонъ. Янкель, было, потащилъ мои вещи за мной. Но его такъ пугнулъ жандармъ, что бѣдный жидокъ чуть не умеръ со страху: вещи пассажировъ можно носить только желѣзнодорожнымъ служащимъ.

— По дѣломъ, знай свое мѣсто!—попутилъ я, кидая веселому жидку двугривенный уже изъ окна вагона. На эту тему: знай свое мѣсто! я упорно и горестно размышлялъ всю дорогу до Вильно. Приѣхавъ же сюда, отправился въ Верки, добился снова разрѣшенія пойти въ канцлерскій домъ и, отыскавъ портретъ княгини Радзивиллъ, помнишь? проморилъ передъ нимъ почти цѣлый часъ сопровождавшаго меня фешенебельнаго лакея.

Чудный портретъ! Теперь онъ мнѣ показался еще лучше.

И чудное-чудное лицо! какъ прелестна эта княгиня! какъ она кокетлива! и какое страданіе тайно искрится въ ея кокетствѣ! какъ больно и сладко было мнѣ смотрѣть на нее, точно и я, и она понимаемъ другъ друга, понимаемъ горе другъ друга. А она, можетъ быть, ужъ лѣтъ сто умерла.

Что дѣлать! раскатывшуюся эстетику сразу не остановишь—все ищетъ себѣ пищи. Не даромъ кинулся я въ Верки къ этому портрету... Пускай та лѣвитъ свинцовой примочкой другого Петро, а эта своей улыбкой гордой кокетки-страдалницы усладитъ твоего стараго, одурѣвшаго...

И снова я ѣхалъ по окрестностямъ Вильно, по древнему городу, мимо Остробрамы, мимо виденскихъ бѣдняковъ съ ихъ

грустными благородными лицами... Больно мнѣ было... Очень больно, и все же хорошо... Но basta! Довольно сентиментальности, довольно эстетики. Пиши мнѣ въ Питеръ...

Твой Б.

XX.

Петербургъ. Сентябрь.

Я тебѣ не отвѣтилъ на твое письмо, которое нашелъ здѣсь и въ которомъ ты пишешь: «Напрасно ты послушался Горохова—кто дескать знаетъ» и т. п. Чудаки! Развѣ я послушался Горохова? Себя, себя я послушался—своей питерской бродяжей души! (бродяжей,—помнишь, по словамъ, по толкованію Кости).

Не хотѣлъ я тогда ни о чемъ объ этомъ писать! Къ чему? Все вѣдь кончилось! Снова влѣзъ въ газету, въ политику внутреннюю и внѣшнюю, въ грызню съ издателемъ, съ цензорами,—словомъ, во всѣ подобныя прелести. Ну и нечего ворошить искры, которыя хотя и жгутъ, но подергиваются все-таки пепломъ... Вотъ я и молчалъ, но вчера получилъ сіи два документа, которые копирую тебѣ точно:

1) На конвертѣ: С.-Петербургъ. Литейная. П. В. Былецкому. Въ конвертѣ: плотный, атласистый листокъ, на которомъ напечатано золотыми буквами:

Андрей Сергѣевичъ и Марфа Николаевна Осокорины имѣютъ честь извѣстить о бракосочетаніи дочери ихъ Ольги Андреевны съ Викентіемъ Евлампіевичемъ Миддишевичемъ, которое будетъ совершено въ городѣ Вильно, въ храмѣ такомъ-то, числа такого-то сентября мѣсяца...

2-й документъ—письмо Кости—посланное, вѣроятно, немного позже. Оно гласитъ:

«Окрутили, молодчинище, твою эстетику съ купидономъ! Послѣ твоего отъѣзда сама заторопила свадьбой. Похудѣла и стала какая-то прозрачная. Меня запрягли въ шафера. Вѣнчали сегодня утромъ въ церкви-школѣ (здѣсь въ Вильно есть такая: въ боковыхъ придѣлахъ парты—справа для мальчиковъ, слѣва для дѣвочекъ, днемъ ихъ тамъ учатъ). На свадьбу явилась масса ребятъ-школьниковъ изъ любопытства. Невѣста сказала:

— Какъ это хорошо! Я очень рада, что эти милыя дѣти тутъ.

Женихъ сіялъ. Онъ такъ и смотритъ въ ея глаза, какъ вѣрный песикъ. Ну, а она была мертвенно блѣдна, хотя удивительно спокойна и хороша!

Вѣнчали въ Вильно изъ-за родныхъ жениха. Онъ оставилъ службу. Сегодня же вечеромъ возвращается въ усадьбу Осокориныхъ, и надо думать, по гробъ жизни. Что же: однимъ му-

жемъ подъ башмакомъ и наивнымъ культуртрегеромъ больше. Я ѣду отсюда въ Москву, къ своему кресу. Вотъ кутнемъ съ нимъ. Ну, а ты, молодчинице? вѣдь вывѣтрилась эстетика? а!
Твой Гороховъ».

Послѣ полученія сихъ документовъ между молодчиницей и «издателемъ» произошолъ такой діалогъ:

Я (крайне угрюмо):—Я поѣду на недѣлю въ Нижній! Нашъ корреспондентъ тамъ крайне плохъ! Хочу самъ написать о выставкѣ хоть на-послѣдокъ.

Онъ (пристально всматриваясь въ фвізіономію молодчи- нищи): — Экъ вы развѣздились! впрочемъ, больны вы что-ли? Поѣзжайте! Встряхнитесь, отдохните еще! корреспондентъ нашъ вправду плоховать. Пишите сами!

Сегодня ѣду въ Нижній. Письмамъ моимъ конецъ. О чемъ писать? Читай, вмѣсто нихъ, отчетъ о выставкѣ въ газетѣ. По- вѣрь, будетъ обстоятельный!
Твой Б.

В. Михеевъ.

* * *

Я не знаю покоя, въ душѣ у меня
Небывалыя пѣсни дрожать
И, незримо летая, неслышно звеня,
Просить жизни и свѣта хотять.
И быть можетъ на вѣкъ я страдать осужденъ:
Я боюсь, что цвѣтущей весной
Эти пѣсни въ могилѣ встревожатъ мой сонъ,
Эти пѣсни, неспѣтыя мной...

Allegro

РАСПЛАТА.

(Окончаніе).

IV.

Въ домѣ Абазовыхъ жизнь, казалось, вошла въ свою колею. Алексѣй Федоровичъ попрежнему усиленно занимался служебными дѣлами; Катерина Ивановна, какъ всегда, заботилась о спокойствіи и удобствахъ мужа. Никто не вспоминалъ, повидимому, о недавно ушедшей въ могилу Лидочкѣ; ея имя не произносилось вслухъ. Но тотъ, кто приглядѣлся бы ближе къ внутренней жизни стариковъ, понялъ бы, что жизненнымъ силамъ ихъ нанесенъ роковой ударъ, что никогда, вплоть до могилы, не закроется ихъ сердечная рана.

И Вакуловы молчали про Лидочку. Имъ казалось, что всякій разговоръ объ умершей осквернитъ еще подавленные скорбью чувства. О Лидочкѣ говорили, но вскользь, намеками, не упоминая ея имени.

— Помнишь, Витя, это былъ ея любимый цвѣтъ.

— Да, этотъ, и еще свѣтло-лиловый.

— Оля, когда ей сороковой день?

— Подали-ли милостыню за нее?

Но, чѣмъ дальше шло время впередъ, тѣмъ все болѣе становилось возможно говорить объ умершей, не оскверняя чувствъ скорби. И для Вакуловыхъ было отрадно сойтись вечеромъ на балконъ и начать разговоръ, полный воспоминаній о Лидочкѣ. Понемногу Ольга, а за ней и Викторъ, заговаривали о томъ же и съ Катериной Ивановной, и хотя женщины плакали при этомъ, но Викторъ понималъ, что слезы—облегченіе для нихъ, и что, благодаря слезамъ, Катерина Ивановна набирается силъ. Эти разговоры болѣе, чѣмъ что-либо, сблизили Виктора съ матерью жены и примирили его съ ея слабостями...

Стояла жаркая погода іюня. Больше мѣсяца земля не видѣла дождя. Зеленъ деревьевъ поблекла, покрылась сѣрою тонкою пылью; воздухъ раскалился, былъ удушливъ и зноенъ.

По всегдашнему обычаю, Викторъ всталъ съ солнцемъ, на-

скоро прибрался и вышелъ изъ дома. Сегодня онъ особенно спѣшилъ изъ комнаты, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли выпалъ ночью дождь, котораго ожидали съ вечера. Съ вечера на горизонтѣ ходили тучи, гдѣ-то далеко сверкала молнія. Но оказалось, что надежды были обманчивы. Ни признака выпавшаго дожда не замѣчалось, и только роса сверкала на пыльной травѣ.

Что-же это будетъ, Господи?—думалъ Викторъ, проходя черезъ дворъ къ заднимъ воротамъ.—Утѣшаютъ росами. Росы, правда, сильны еще, да развѣ онѣ замѣнятъ дождь?—Онъ вышелъ въ поле и направился по твердой, какъ камень, дорогѣ, вдоль рощи, прилегающей къ парку.

Длинными, уже желтѣющими полосами тянулись передъ нимъ ржаныя поля. Хлѣбъ поднялся не выше пояса и былъ рѣдокъ, моцъ колосомъ. Чѣмъ-то жалкимъ, обездоленнымъ вѣяло отъ картины обезсиленныхъ засухой полей, отъ этихъ рядовъ колосьевъ, не набравшихъ силъ въ землѣ.

Э! можетъ, еще поправится дѣло, коли выпадутъ хорошіе дожди,—думалъ Викторъ, шагая дальше, но понималъ, что обманываетъ себя.

Рожь уже давно цвѣтеть; если въ это время она не поднялась, не утучнилась,—значитъ, для нея все пропало.

За лѣскомъ ему попался навстрѣчу Иванъ Петровичъ, встававшій еще ранѣе хозяина.

— Ой, не хорошо съ озимымъ, Викторъ Егорычъ,—проговорилъ онъ, снимая фуражку и отирая платкомъ лысую вспотѣвшую голову.

— Это еще бабушка на двое сказала,—сердито отвѣтилъ Викторъ.

— Чего ужъ тутъ; вы извольте-ка поглядѣть на этихъ франтовъ.

Онъ указалъ на массы колосьевъ, которые торчали прямо кверху иглами, не склоняясь, подобно прочимъ, отяжелѣвшими головками на бокъ.

— Все пустоцвѣтъ-съ, Викторъ Егорычъ.

Но Викторъ и самъ видѣлъ, что пустоцвѣта въ полѣ болѣе, чѣмъ на половину. Но именно это явное доказательство неурожая сердило и раздражало его.

— Вотъ, посмотримъ, что послѣ дожда будетъ; тогда и пророчьте, а не теперь,—проворчалъ онъ и зашагалъ дальше по пыльной дорогѣ.

Солнце подымалось все выше и выше. Гдѣ-то высоко, подъ самыми небесами, звенѣлъ жаворонокъ; воздухъ становился зноенъ. День опять обѣщалъ быть убійственно-жаркимъ.

Дорога свернула влѣво, прошла черезъ небольшую дубовую рощу и выбѣжала на крестьянское ржаное поле. Но здѣсь

картина была еще безотраднѣе. Куда ни досягали взоръ, вездѣ виднѣлась жалкая, низкорослая, рѣдкая рожь съ крошечнымъ пустымъ колосомъ. Мѣстами виднѣлись купы выше и гуще, но онѣ разсѣяны были по полю среди почти пустыхъ загоновъ, пестрѣвшихъ сорной травой и дикимъ клеверомъ. Викторъ безнадежно махнулъ рукой и направился по межѣ къ селу. Черезъ десять минутъ ходьбы онъ миновалъ поле и вышелъ къ крестьянскимъ овинамъ. Тамъ, на полянкѣ около заброшенной овинной ямы, окруженной старыми, густоразросшимися рябинами, стояла кучка крестьянъ. Кое-кто сидѣлъ на пряслахъ, но большинство стояло, какъ-то безнадежно опустивъ головы. Человѣкъ два были, не смотря на начинающуюся жару, въ полушубкахъ. Впереди всѣхъ помѣщался Карпъ Савельевъ, высокій, сутулый мущина, съ узкими плечами, оловяннымъ вврономъ, раскрытыми губами и разставленными ногами. Проходя мимо нихъ, Викторъ снялъ шляпу на ихъ поклонъ и пошелъ, было, дальше, но потомъ вернулся къ нимъ.

— Ржи-то плохи очень,—проговорилъ онъ, опускаясь на торчащій пенъ и закуривая папиросу.

— Что и говорить, батюшка, Викторъ Егорычъ.

— У васъ, сударь, еще благодареніе Господу, — сказалъ рыжій и здоровенный Николай Петровъ.—А вотъ, у насъ и глядѣть не на что.

Тутъ въ толпѣ заговорили всѣ разомъ. Викторъ старался вслушаться, но долго не могъ разобрать, что говорить.

— Что вы такое толкуете, про какое начальство? не разберу,—сказалъ онъ, наконецъ, морщась отъ напряженія.

— Бросьте гадѣть, черти!—съ угрожающимъ къ толпѣ жестомъ произнесъ Козловъ, мужиченка лѣтъ пятидесяти, съ остренькой бородкой и хитрыми, бѣгающими глазами.

— Нешто съ бариномъ такъ можно говорить? Съ бариномъ надо вести разговоръ тихо, благородно, а вы гадѣть... Мужичье!..

Онъ дѣлалъ большія усилія, чтобы выказать себя обидѣвшимся за барина и, въ свою очередь, обидѣть «мужичье». Но дѣлалъ онъ это безкорыстно и никого не обидѣлъ.

— Ну, говори, дядя Савелій.

— И то разинь брехалку-то.

— Ловокъ, собачій сынъ, баять.

— Это изволите видѣть, батюшка, Викторъ Егорычъ, ваше благородіе,—сладкимъ голосомъ началъ Козловъ,—мірскіе люди надумали начальство просить слѣствие на поля навести. Все-ли выходить благополучно у насъ состоятъ...

Крестьяне опять заговорили всѣ разомъ:

— Хошь съ голоду помирай.

— Рожь рожью, а уже и яровина горить.

— Покараетъ Господь за грѣхи.
 — Нѣтъ и нѣтъ дождичка.
 — Третій годъ недороды; третій годъ маемся, а становой не ждетъ нисколько. Подай ему подать, да—подай!
 — Что же,—сказалъ Викторъ, когда шумъ немного утихъ.—
 Просите земскаго выѣхать на поля—актъ составить.

— А вы слушать, что его благородіе говорить,—опять строгимъ голосомъ крикнувъ на толпу Козловъ,—его благородіе учить насъ, дураковъ, уму-разуму.

— Это точно. Много благодарны.

— Оно... того... гляди, братцы... съ голоду всё помереть... нѣшто это порядки,—сказалъ, вдругъ разволновавшись, молчавшій все время Карпъ и опять успокоился, туго глядя передъ собой и разинувъ ротъ.

Раздраженный, готовый на первомъ попавшемся выместить досаду, навѣянную видомъ гибнущихъ полей, вернулся Викторъ домой. Холодная ключевая вода, которой онъ умылся, успокоила его немного, и онъ вышелъ на балконъ, гдѣ уже приготовили утренній чай. Викторъ оглянулся кругомъ; передъ нимъ тянулся обширный дворъ, поросшій мелкой кудреватой травой. По двору бродили куры, и изрѣдка проходилъ, наживая перья, индѣйскій пѣтухъ. Направо, въ глубинѣ двора, Никифоръ чистилъ на волѣ лошадь, мѣрно отбивая щеткой по скребницѣ и временами ругая крупнаго, темносѣраго Дипломата подлецомъ и мошенникомъ. Дипломатъ равнодушно выслушивалъ брань и, желая показать, что ему все равно, то билъ красивой передней ногой по землѣ, то, свернувъ голову, старался укусить выступъ стѣны.

Немного погодя, на балконъ вышла въ легкомъ утреннемъ капотѣ Ольга, розовая, еще заспанная, красивая и счастливая материнствомъ.

— И затѣмъ это ты опять выскочила изъ постели?—недовольнымъ голосомъ и стараясь разсердиться, сказалъ Викторъ.—Сколько рзъ просилъ не вставать для меня. Не безпокойся, и безъ тебя напьюсь чаю. Даже пріятнѣе одному...

Произнося послѣднія, обидныя слова, онъ уже былъ совсѣмъ сердитъ и съ наслажденіемъ наблюдалъ, искоса глядя на жену, какъ лицо ея подернулось печалью.

— Ахъ, Витя,—грустно отвѣтила Ольга,—да если мнѣ самой пріятно встать пораньше.

— По мнѣ, матушка, хоть совсѣмъ не спи...

Онъ придумывалъ, что сказать еще, чтобы совсѣмъ обидѣть Ольгу, но, взглянувъ на ея опечаленное, милое лицо, пересилилъ себя и съ виноватымъ видомъ пожалъ ея руку.

— Ну, не сердись, помиримся.

Она уже не сердилась и счастливо глядѣла на мужа, щуря

отвыкшіе за ночь отъ свѣта глаза и изрѣдка вздрагивая отъ свѣжаго утренняго воздуха.

— А дождя опять ночью не было?

Это напоминаніе жены о дождѣ опять разсердило Виктора.

— Какъ же,—обидно-насмѣшливымъ тономъ проворчалъ онъ, отхлебывая горячій чай,— всю ночь лиль ливня...

Ольга опять потупилась, а Викторъ, сердито вставъ со стула, ушелъ въ комнаты.

V.

Чѣмъ выше подымалось солнце на безоблачномъ, будто раскаленномъ небѣ, тѣмъ удушливѣе становилось на землѣ. Передъ обѣдомъ Викторъ, успѣвшій уже два раза выкупаться, чувствовалъ изнеможеніе во всемъ тѣлѣ и не въ состояніи былъ ничѣмъ заняться. Онъ грустно поглядывалъ на горизонтъ и думалъ, что вчера хоть облачка плавали по небу, а нынче и этого нѣтъ. Раскаленное, мертвенное небо, будто застывшее въ безстрастной, безпредѣльной синевѣ, воздухъ спитъ, горячій, палящій, удушливый, тягостный. Деревья не шелохнутся, вода на рѣчкѣ спокойна, какъ зеркало. Поля изнываютъ отъ жажды; стадо уныло бродитъ по перелѣскамъ, опципывая сухія, лишеныя аромата, былинки. Всюду зной и тоска.

Послѣ полудня поднялся было вѣтеръ, и съ нимъ пахнуло гарью. Вѣтеръ скоро утихъ, но въ воздухѣ остался смрадный запахъ дыма. Викторъ озабоченно прошелъ къ дому управляющаго.

— Что это за дымъ, Иванъ Петровичъ?—сказалъ онъ, подходя къ балкону, гдѣ разморенный отъ жары сидѣлъ безъ жилета и галстука управляющій.

— А, вотъ, пожалуйста сюда,—отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, подводя Виктора къ краю балкона,—вотъ, извольте полюбоваться.

Онъ указалъ рукой на равнину, тянувшуюся за рѣчкой, поросшую мелкимъ кустарникомъ, покрытую болотами и озе-рами. Тамъ, въ полуверстѣ отъ усадьбы, стоялъ, будто заду-мавшись, огромный клубъ совершенно бѣлаго дыма.

— Это что же такое?

— А торфяное болото горитъ.

— Эге-ге.

— Тумаковское-съ. Я, признаться, уже давно этого дожидаюсь. Пересохло. Въ 82 году то же было...

Поздно вечеромъ, когда на потемнѣвшемъ небѣ заглялись уже звѣзды, Викторъ, думая освѣжиться послѣ мучительно

знойнаго дня, прошелся по усадьбѣ къ рѣчкѣ. За рѣкой въ отдаленіи по прежнему стоялъ клубъ бѣлѣющаго среди темноты дыма, а подѣ нимъ, то здѣсь, то тамъ змѣйками вспыхивали огоньки, пробѣгавшіе по землѣ. Временами огонь слабѣлъ, ползъ чуть замѣтной струйкой нивомъ, а затѣмъ, найдя пищу, жадно охватывалъ сукъ полусгнившаго деревца, взбѣгалъ въ вышину, кольцомъ облегалъ добычу, лизалъ краснымъ языкомъ кору и, уничтоживъ все, что было ему доступно, опять притаивался внизу, чуть теплясь среди травы, упорно выстѣживая, не найдется ли еще добыча.

Викторъ долго вглядывался въ прихотливыя очертанія огоньковъ, потомъ повернулся, чтобы идти спать. И вдругъ остановился, радостный, не вѣря своимъ глазамъ. На другомъ краю неба медленно ползла черная, грозная туча, облекая половину горизонта. Когда онъ проходилъ мимо домика управляющаго, Иванъ Петровичъ уже въ ночномъ костюмѣ тоже вглядывался съ балкона въ темноту неба.

— Извините, Викторъ Егорычъ,—сказалъ Иванъ Петровичъ, стыдливо запахивая одежду, насколько это было возможно,—я по домашнему-съ...

— А, вѣдь, будетъ дождь,—не слушая его, отвѣтилъ Викторъ и остановился у балкона,—что скажете,—вѣдь, ужъ эта матушка не обманетъ. Будетъ, будетъ, да еще какой!

— Господь вѣдаетъ-съ,—вздохнувъ и сложивъ руки на кругломъ животѣ, замѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Ну, ужъ вы тоже, напророчите.

— Влагой что-то въ воздухъ не тянетъ. Развѣ что, за полночь соберется; а эта не къ намъ-съ.

— Прощайте,—сердито сказалъ Викторъ и пошелъ къ себѣ.

Онъ проснулся среди ночи отъ вѣтра, который шумѣлъ по желѣзной крышѣ и рвалъ вѣтви деревьевъ. На дворѣ гремѣла буря. Наскоро одѣвшись, Викторъ потихоньку, чтобы не разбудить Ольги, прошелъ въ угольную и открылъ балконную дверь. Вѣтеръ грохоталъ такъ, что казалось, вотъ-вотъ сорветъ крышу съ дома. Приближеніе грозы было несомнѣнно, и, дѣйствительно, скорѣй сверкнула молнія и раздался раскатъ грома. Замѣтно было, что небо все больше и больше кроется облаками. Со стороны Васильевска надвинулась огромная туча, и брызги ея уже висѣли надъ холмами. Но вѣтеръ ни на минуту не смолкалъ, и деревья глухо шумѣли, нагибаясь подѣ орывами бури.

— Эхъ, какъ бы не разнесло,—съ огорченіемъ думалъ Викторъ.—И откуда этотъ вѣтеръ взялся?

Онъ присѣлъ на балконѣ и тревожно глядѣлъ на небо, аблюдая, надвигается-ли туча. Опять сверкнула молнія, и

опять послышался глухой раскат грома. Но дождя все не было, и туча, казалось, не подходила ближе. Обрывки ея уже неслись къ другой сторонѣ горизонта, и уже тамъ вспыхивали молніи.

— Да неужели-же такъ и не будетъ дождя?—мучился Викторъ, замѣчая, что теперь весь воздухъ былъ наполненъ гровою, сухою, томительной. Когда вспыхивали молніи, нельзя было сказать, на которой сторонѣ неба онѣ горѣли.

Понемногу вѣтеръ сталъ стихать, но еще ни капли дождя не упало, а на той сторонѣ неба, откуда надвигалась туча, уже показывались звѣзды. И вдругъ, по желѣзной крышѣ дома застучало. Викторъ вдрогнулъ и прислушался. Вѣтеръ почти совсѣмъ стихъ. По крышѣ ударили рѣдкія, крупныя капли дождя.

— Слава Тебѣ, Господи,—вслухъ сказалъ Викторъ.—Ну-ка, ну, еще, еще...

Удары дождя о кровлю все продолжались. Тяжелыя, будто каменные, капли барабанили о желѣзо, но изъ сточныхъ трубъ еще не лилась вода.

— Да ну же, ну,—въ нетерпѣніи шепталъ Викторъ и съ ужасомъ замолчалъ. Удары дождя становились рѣже, слабѣе и сразу умолкли. На небѣ горѣли звѣзды, а пронесшаяся обрывками туча скопилась на другомъ краю неба, черная, грозная, вспыхивавшая огнями молній...

Дождь, наконецъ, пришелъ, могучій, обильный; но пришелъ уже въ то время, когда тощая, наполовину увядшая трава была скошена, а рожь потеряла способность наливаться. Этотъ дождь лишь освѣжилъ не надолго воздухъ, но не напоилъ жаждущей земли. Черезъ сутки пыль взвивалась клубами, и Тумановское болото горѣло попрежнему. Всѣ надежды крестьянъ обратились на яровые хлѣба.

Около половины іюля Викторъ, проходя полями, съ удивленіемъ остановился, видя, что холмовскіе крестьяне косятъ рожь.

— Эй, Никита,—крикнулъ онъ крайнему косцу,—что это вы дѣлаете? Мы, чай, не на низу.

Никита остановился, снялъ картузь, поклонился остриженной въ скобку красивой головой и, плюнувъ на руку, снова взялся за косу, но не пошелъ съ ней, а остановился въ ожидательномъ положеніи.

— А косимъ, Викторъ Егорычъ, косимъ.

— Вижу, что косите,—сердито возразилъ Викторъ,—да смыслъ-то въ этомъ какой? Последнее верно разсорить хотите, видно.

Никита съ укоромъ поглядѣлъ на него и положилъ косу на землю.

— А ты, баринъ, подь-ка сюда, погляди.

Онъ подвелъ его къ десятку и протанулъ ему легкій и тощій снопъ.

— На, сударь, поинци зерна.

Викторъ взялъ снопъ и сталъ разглядывать колосъ. Зерна почти не было совсѣмъ.

— И молотить нечего, — добавилъ Никита, — одна солома.

И съ сѣномъ оказалось хуже, чѣмъ можно было ожидать. Тамъ, гдѣ на лугу собирали сто телѣгъ, теперь едва насчитывали десять, и трава была не сочная, не вкусная, лишенная аромата.

Брестьяне перестали вздыхать объ озимомъ и всѣ надежды возложили на яровые хлѣба.

А дождей опять не было, и солнце попрежнему немилосердно палило, посылая знойные лучи на истомленную землю.

VI.

Началась медленная агонія полей.

Какъ у постели смертельно-больного близкіе его, зная, что надежды нѣтъ, что гибель его — вопросъ времени, всетаки, обманываютъ себя и говорятъ: «ему сегодня лучше; онъ глядитъ бодрѣе; у него жаръ уменьшился», точно также всѣ хорошо понимали, что никакіе дожди не вернутъ истощенной долгой засухой землѣ тѣхъ силъ, которыя нужны ей для поправки хлѣбовъ; всѣ хорошо понимали, что смерть таится въ поляхъ, и все же ждали чуда отъ дождей, хотѣли надѣяться на невозможное и ободряли другъ друга:

«Вонъ, въ пятницу все же былъ дождь; хоть и небольшой, а все лучше, чѣмъ ничего. Можетъ и сегодня соберется, да и росы поддерживаютъ». А агонія все продолжалась. Напрасно небо, будто сжалившись, стало посылать дожди, — скудный, низкорослый овесъ едва колосился тощимъ зерномъ, верхковый ленъ уже отцвѣлъ, а не прибавился въ ростъ и не набралъ кудели; пшеница сирѣ глядѣла рѣдкимъ, щетинымъ колосомъ, уныло пригибаясь къ землѣ. И тамъ, гдѣ прежде буйно выбивались, чуть не равняясь съ рожью, ярохлѣба, тамъ нынѣ бѣжали вверхъ сухимъ стеблемъ коній щавель, лебеда и мелкій лопушникъ, какъ лишая на льномъ тѣлѣ.

Будто болѣзненнымъ предсмертнымъ потомъ покрывались нными утрами поля уже ненужною росой, уничтожая этимъ слѣднія жизненные силы, и какъ смертною тѣнью, крылись роватой однообразной пылью.

Къ концу августа смерть наступила, наконецъ, тихая, торжественная. Съ послѣднимъ взмахомъ рабочей руки косца, стало ясно, что неизбежное совершилось: поля умирали, урожая не было вовсе.

Въ началѣ осени Викторъ собрался въ Васильевскъ на давно ожидаемое имъ очередное земское собраніе, куда онъ вступалъ, какъ гласный. Онъ уже давно готовился къ этому событію, подыскивалъ вопросы, которые, думалъ онъ, надо поднять, и обсуждалъ, направо или налѣво положить шаръ Кукурину при баллотировкѣ послѣдняго въ должность предсѣдателя управы. Такихъ «вопросовъ» у него накопилось не мало.

Въ большой комнатѣ, украшенной портретами первыхъ предсѣдателей, собралось уже много гласныхъ, которые разговаривали, стоя отдѣльными кучками. Посерединѣ комнаты находился длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. На столѣ противъ каждаго стула лежали карандаши и листы бѣлой бумаги.

Поздоровавшись съ гласными, Викторъ подошелъ къ Свищеву, котораго зналъ за одного изъ лучшихъ людей уѣзда и убѣжденнаго земскаго дѣятеля.

— Удивляетъ меня,—сказалъ онъ, отходя съ нимъ къ окну,—почему въ докладахъ управы нѣтъ ни слова о неурожайѣ. Вѣдь, добромъ нынѣшнее лѣто не окончится.

— А, вотъ, вы и подите съ ними,—развелъ руками Свищевъ, маленькій, суетливый чело­вѣкъ, лѣтъ сорока пяти,—спячка насъ одолеваетъ... Ужъ вы, пожалуйста, не молчите, Викторъ Егорычъ. Вы чело­вѣкъ свѣжій! А мы васъ поддержимъ.

Къ нимъ подошелъ Вавиловъ, красивый съ умнымъ лицомъ гласный отъ крестьянъ..

— Вотъ, Семень Семенычъ, мы тутъ говоримъ о неурожайѣ. Это дѣло вамъ должно быть близко,—обратился къ нему Свищевъ.—Трубите, а не то дѣло будетъ плохо.

Вавиловъ поглядилъ большую, окладистую бороду и добро­душно-хитро улыбнулся.

— Насчетъ неурожаяевъ, Тимофѣй Петровичъ, доложу я вамъ, раненько-съ. Говори, не говори,—не послушаютъ-съ...

— Вотъ, вотъ, слышите,—раскипятился Свищевъ,—вотъ, они всѣ такъ.

— Ничего не выйдетъ-съ, вѣрное слово,—повторилъ Вавиловъ уже серьезно.—Потому, сами изволите знать, Тимофѣй Петровичъ, громъ не гранеть—мужикъ не перекрестится. Вотъ что, буде посмотримъ, къ веснѣ-съ... Тамъ ужъ виднѣе станеть.

— Да, вѣдь, будетъ поздно.

— А теперь рано-съ.

— Теперь, какъ разъ, время.

— Оно и время, по дѣлу, да ничего не подѣлаешь... Помяните мое слово.

— Ну, вотъ, вамъ, Викторъ Егоровичъ, и представители крестьянъ. Полюбуйтесь, — сказалъ съ горечью Свищевъ. — А кому-же, кажется, первому поднять голосъ...

Вавиловъ опять погладилъ бороду и посмотрѣлъ на обоихъ умнымъ, немного загадочнымъ взглядомъ. Казалось, онъ хотѣлъ сказать что-то по существу, какая-то искренняя и серьезная мысль уже загоралась въ его ровномъ, упорномъ взглядѣ, но потомъ онъ опять ушелъ въ себя и сказалъ обычнымъ, нѣсколько условнымъ тономъ:

— Народъ мы неученый... Гдѣ ужъ намъ! Господа лучше знаютъ, когда и что...

Первое, утреннее засѣданіе прошло для Виктора совершенно даромъ. Онъ все разговаривалъ со знакомымъ, съ которымъ давно не видался, такимъ же, какъ онъ, страстнымъ охотникомъ, по фамиліи Ситовымъ. Ситовъ выписалъ новое ружье, какой-то шотландской фабрики, и утверждалъ, что Зауэръ Виктора никуда не годится. Затѣмъ онъ сообщалъ, что завелъ у себя костромскихъ гончихъ, находя, что послѣднія, по крайней мѣрѣ, въ сто разъ лучше этихъ разноглазыхъ подлецовъ и дармоѣдовъ арлекиновъ. Такъ какъ Викторъ очень цѣнилъ свое ружье и утверждалъ, что лучшія гончія — арлекины, то разговоръ съ Ситовымъ занялъ его и онъ мало слышалъ, что дѣлалось кругомъ. Но среди самаго разгара спора (шопотомъ и прикрывшись отъ сосѣда рукой) Ситовъ вдругъ прервалъ разговоръ, сказавъ: «виновать» и всталъ.

— Я долженъ замѣтить на это, — красивымъ груднымъ баритономъ заявилъ онъ, — что вопросъ подлежитъ передать въ редакціонную комиссію...

— Виновать, — опять шопотомъ прибавилъ онъ, садясь и обращаясь къ Виктору. — У меня теперь, доложу вамъ, такая есть шельма — Нуткой зовутъ... Это собака... Виновать-съ.

И онъ опять стоялъ у своего стула и обращался къ собранію:

— Считаю нужнымъ напомнить почтенному собранію, что вопросъ этотъ уже разсматривался, и смѣта утверждена... Виновать, — опять шопотомъ говорилъ онъ Виктору: — на чемъ бишь я остановился! На Нуткѣ? да! Представьте, напала на слѣдъ и лаяла часовъ десять...

Онъ видимо щеголялъ передъ новымъ гласнымъ этимъ умнѣніемъ говорить, такъ сказать, на два фронта. И Викторъ, дѣйствительно, удивлялся, хотя не могъ не замѣтить, что всѣ реплики Ситова относились къ пустякамъ.

Впрочемъ, и доклады тоже были пустыя, они тянулись одинъ за другимъ, скучныя, безжизненныя. Гласные утомлялись, и Викторъ со стыдомъ признавался самому себѣ, что и самъ усталъ и что, вмѣсто того, чтобы изучать новое для него дѣло, онъ больше занятъ разговоромъ о гончихъ. Онъ отвернулся отъ сосѣда, пользуясь перерывомъ разговора, и сталъ вслушиваться. Управа докладывала о состояніи мостовъ черезъ рѣчки Имру и Кокуць въ дальнемъ концѣ уѣзда.

— Утвердить,— лѣнливо и, видимо, скучая, заявилъ Кокуринъ, перебивая чтеніе.

— Утвердить, — отозвалось еще нѣсколько человекъ.

Викторъ неожиданно для себя всталъ и, смущаясь отъ непривычки говорить передъ публикой, спросилъ:

— Позвольте узнать: а кто же свидѣтельствовалъ эти работы?

Чей-то голосъ произнесъ довольно робко:

— Членъ управы ѣздилъ.

— Я полагаю,— продолжалъ Викторъ,— что собранію этого не достаточно. Должны быть особыя уполномоченныя, которые провѣряли бы дѣйствія управы.

Ситовъ, будто уколотый, вскочилъ и заявилъ своимъ могучимъ баритономъ:

— Предлагаю назначить ревизіонную комиссію!

Ему было безразлично, что поддерживать, что опровергать. Но онъ не могъ не заявить о себѣ. На разныхъ концахъ стола послышались оживившіеся голоса. Гласные будто только теперь припомнили, что надо дѣлать.

— Надо строительную комиссію.

— Отчего нѣтъ постоянной ревизіонной?

Кукуринъ пытался было успокоить протестантовъ, напоминая о довѣріи къ управѣ, но его не слушали. Свещевъ язвительно далъ понять, что только въ Васильевскомъ земствѣ и возможно было обходиться нѣсколько лѣтъ безъ ревизіонной комиссіи и что странно даже упаривать необходимость ея. Ситовъ произнесъ дѣльную рѣчь, которую началъ очень издалека, чуть-ли не со временъ Рима, воскликнулъ зачѣмъ-то «saveant», но потомъ сбился и закончилъ простымъ выводомъ:

— И такъ, я прошу назначенія строительной комиссіи.

Степенный, тихій старичокъ Брусницынъ, который сосредоточенно слѣдилъ за докладами по печатной тетрадеѣ и все что-то отмѣчалъ, пожевалъ беззубыми челюстями и, не вставая, не обращая къ предсѣдателю, громко произнесъ, глядя на сидѣвшаго противъ него, какъ будто именно ему назначалъ свое замѣчаніе:

— Почему я долженъ вѣрить, что все сдѣлано какъ слѣдуетъ? Ревизіонная комиссія это глаза собранія.

И онъ опять погрузился въ тетрадку.

Брусницына уважали, къ словамъ его прислушивались. И на этотъ разъ его замѣчаніе оказалось рѣшающимъ. Заговорили всѣ разомъ и почти всѣ въ пользу комиссіи.

— Ну, вотъ что, — сказалъ Кукуринъ, когда шумъ утихъ, — это можно обсудить вечеромъ, а теперь будетъ работать редакціонная. Объявляю перерывъ до семи часовъ.

Леонидъ, сочувственно кивавшій головой Виктору, когда тотъ, горячась и волнуясь, вставлялъ свои замѣчанія, теперь вслухъ похвалилъ его.

— Ты у меня молодецъ! Поздравляю съ успѣхомъ.

— А ты что молчалъ? — спросилъ Викторъ, слышавшій въ этой похвалѣ легкую иронию. Ему всетаки было чего-то стыдно.

— Надъ нами не каплетъ, — отвѣтилъ съ усмѣшкой Леонидъ.

Вечеромъ гласные сошлись, и опять потянулись доклады, скучные, однообразные. Собраніе оживилось лишь тогда, когда выбирали членовъ комиссій. Это было интереснѣе. Старались выбирать лицъ, завѣдомо непріязненныхъ управѣ.

Пользуясь остановкой чтенія, Викторъ заговорилъ опять. Онъ не находилъ въ смѣтахъ на будущій годъ никакихъ указаній о суммахъ на школы, а земству извѣстно, что въ школахъ ощущается настоящая необходимость. Затѣмъ всѣмъ извѣстно, что въ селѣ Дѣтневѣ необходимо устроить приемный покой; врачебный совѣтъ давно докладывалъ объ этомъ, а, между тѣмъ, въ докладѣ объ этомъ ни слова. И, наконецъ, почему же управа молчитъ относительно дѣла народнаго продовольствія? И управѣ, и собранію хорошо извѣстно, что мѣстность постигнута полнымъ неурожаемъ.

При этихъ словахъ Виктора въ залѣ собранія наступила неловкая, напряженная тишина. Оглянувшись, онъ увидѣлъ лицо Леонида, смотрѣвшаго на него заинтересованнымъ, оживившимся взглядомъ. Въ этомъ взглядѣ было и любопытство, и участіе. Другія лица выражали брезгливое неудовольствіе, какъ будто Викторъ сдѣлалъ безтактность. Мужики или потупились, или смотрѣли съ тѣмъ загадочнымъ напряженіемъ, съ какимъ недавно смотрѣлъ на него и на Свищева Вавиловъ.

Молчаніе нарушилъ какой-то господинъ, лѣтъ подъ 50, съ живыми, бойкими манерами и колющими глазами. Онъ вскочилъ и заговорилъ сразу на высокихъ нотахъ, рѣзкимъ, желчнымъ голосомъ:

— Уже три года, цѣлыхъ три года я вмѣю честь...

— Тимоша, — крикнулъ Кукуринъ своимъ хриплымъ басомъ, — что вы, право, на стѣну лѣзете... Успокойся, ничего вѣдь не случилось...

— Позвольте, ваше превосходительство, я имѣю право голоса и хочу сказать о приемномъ покоѣ въ салѣ Дѣтневѣ.

— Ну, говори, мнѣ что, — сказалъ Кукуринъ, какъ будто успокоившись..

Желчный господинъ бойко заговорилъ о приемномъ покоѣ, но и онъ долженъ былъ умолкнуть, такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ вниманіе гласныхъ было отвлечено отъ приемаго покоя подошедшимъ къ Кукурину Липатовымъ, известнымъ всему уѣзду предводительскимъ камердинеромъ. Кукуринъ, уже давно безпокоившійся и поглядывавшій на дверь, — теперь внезапно оживился и вступилъ съ Липатовымъ въ оживленную бесѣду вполголоса.

— Смотри, опять наврете, — доносился до Виктора хрипый басъ предсѣдателя: — опять, вмѣсто мадеры, закатите въ соусъ кахетинскаго.

— Не извольте безпокоиться! Настоящая Арабажи-съ.

— То-то. А къ дыпятамъ что?

— Маринадь-съ.

— Ну, смотри, я надѣюсь.

Старикъ страдалъ припадкомъ нестерпимаго хлѣбосолюства и порѣшилъ на сегодня пригласить гласныхъ на ужинъ. Разговоръ былъ хорошо слышенъ въ залѣ, и желчный ораторъ видимо сбивался въ тонъ своей рѣчи...

Свищевъ нагнулся черезъ человѣка къ Виктору.

— Вы сдѣлали ошибку, соединивъ въ одно всѣ три вопроса. Ну, можетъ быть, еще не все потеряно. Надо будетъ возобновить рѣчь о неурожаѣ...

Но сидѣвшій недалеко Вавиловъ подошелъ къ нимъ на ципочкахъ и добавилъ:

— Вотъ видите, Викторъ Егорычъ, раненько-съ, раненько...

Когда Липатовъ ушелъ, одинъ изъ крестьянъ поднялся и при наступившемъ молчаніи, будто удивленнымъ нѣсколько голосомъ, произнесъ:

— Имѣю честь доложить: тоже и это господинъ Вакуловъ правду сказали...

Кукуринъ повернулся къ говорившему, высоко приподнявъ брови и присматриваясь къ нему, точно къ невиданному животному. Мужикъ видимо сконфузился, и голосъ его сразу упалъ на двѣ ноты:

— Я насчетъ того, что надо бы ребятъ грамотѣ поучить... Это вѣрно.

Кукуринъ мотнулъ головой. Онъ ждалъ худшаго и зналъ, что разговоръ о неурожаѣ вызоветъ неудовольствіе высшей администраціи. Вопросъ о голодѣ висѣлъ еще надъ собраніемъ, какъ дальняя туча, и большинство, видимо, боялось подходить

къ нему. Послѣ скромнаго заявленія гласнаго-мужика, раздался звучный голосъ Ситова:

— Время для народнаго образованія назрѣло. Принимая во вниманіе, съ одной стороны...

Предсѣдатель управы заговорилъ-было о недостаткѣ денегъ, но Свищевъ замѣтилъ жалчно, что на прогоны нѣкоторымъ чиновникамъ находятся деньги въ четверномъ размѣрѣ, такъ какже не найти на лѣчебницы и на школы. Вопросъ снова разрѣшилъ Брусницынъ, объявивъ своему визави:

— Можно-ли тутъ спорить: учить народъ надо и лѣчить тоже надо... Это ясно, какъ день!

И когда стали обсуждать подробности дѣла, всѣмъ стало какъ-то весело на душѣ. Большинство гласныхъ сочувствовали дѣлу народнаго образованія. А главное — это всетаки было яснѣе, чѣмъ вопросъ о грозившемъ бѣдствіи, и характеръ, и размѣры котораго пока только пугали. Кромѣ того, до открытія собранія ходили уже шопотомъ толки и соображенія, касавшіяся «вышей губернской политики» по этому предмету. Передавали, будто Кукурину извѣстно гораздо больше, чѣмъ онъ высказываетъ, и будто онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить вопроса о «неурожаѣ»... Слово «голодь» еще не произносилось тогда нигдѣ, — а N—ское земство считалось всегда однимъ изъ самыхъ отсталыхъ и пассивныхъ.

VII.

Между тѣмъ, въ сосѣдней комнатѣ уже звякали тарелки, накрывали столы для ужина. Поэтому доклады продолжались вяло. Гласные устали. «Въ комиссію»... «утвердить»... «одобрить» — раздавалось то и дѣло.

Викторъ почувствовалъ, что у него изъ глубины души подымается глухая, безформенная тоска, точно какая-то волна, которая вотъ-вотъ хлынетъ на сердце и потопитъ всѣ остальные ощущенія.

Среди какого-то скучнаго и длиннаго доклада онъ всталъ и прошелъ въ корридоръ. Здѣсь, поровнявшись съ незапертой дверью небольшой боковой комнатки, онъ увидѣлъ Леонида. Послѣдній сидѣлъ за ломбернымъ столомъ съ врачомъ Холкинымъ и двумя гласными, Ивановымъ и Петровымъ. Холкинъ сосредоточенно писалъ на столѣ мѣломъ, Леонидъ равнодушно тасовалъ карты, Ивановъ горячился, доказывая Холкину, что тотъ не имѣлъ права ходить съ туза бубень, а Петровъ, замѣтившій Виктора въ полуоткрытую дверь, робко улыбнулся ему.

— А мы-съ здѣсь, — стыдливо закивалъ онъ ему головой, — такъ-съ одинъ роберочикъ.

Иванниъ оглянулся и нахмурилъ любь.

— Ну, что же съ... кабы что дѣльное тамъ читали, ну... и мы бы... а то о какихъ-то тамъ болотахъ...

— Ужь чего дѣльнѣе наши дѣла,—добавилъ Леонидъ и объявилъ трефы. Но затѣмъ, кончивъ роверъ, онъ всталъ и взялъ Викторъ за руку.

— Ты что-то нехорошъ. Что это съ тобой, неужели изъ-за того, что потерпѣлъ неудачу.

— Нѣтъ, такъ что-то... впрочемъ, и это тоже... однако, какъ-же это ты...

— Что дѣлать. Играю я, или не играю, отъ этого ни хуже ни лучше. А ты все-таки не очень огорчайся. Нашихъ не скоро раскachaешь. Погоди, заговорять другія земства, и мы соберемъ экстренное собраніе...

— Готово, Леонидъ Федоровичъ,—послышалось отъ стола.

Викторъ еще постоялъ около игроковъ, потомъ повернулся и опять прошелъ въ залу засѣданія, гдѣ тянулся все тотъ же докладъ.

— Уѣхать или нѣтъ? — думалъ Викторъ и сознавалъ, что стыдно бѣжать въ первое же засѣданіе. Но тоска такъ усилилась, что онъ колебался, его тянуло домой.

— Господи, неужели это опять то?—съ ужасомъ думалъ Викторъ и припоминалъ, что за послѣднее время онъ почти совсѣмъ освободился отъ припадковъ тоски, которые бывали у него прежде. Но нѣтъ, это не совсѣмъ *то*. Это не укоры совѣсти, язвительные, неумолимые. Это ноющая, сосущая, но, повидимому, безпредметная тоска.

— Докладъ управы,—уже охриплымъ голосомъ читалъ дальше секретарь,—о состояніи дорогъ на гатяхъ Дружнина и близъ Велюя. И снова началось чтеніе, не столь скучное, какъ предъидущее, но ставшее скучнымъ для утомленнаго вниманія гласныхъ. Лишь только чтець дошелъ до мостового пластиника, какъ вошелъ на ципочкахъ Липать, и, потрясая длинными англійскими бакенбардами, громкимъ шопотомъ доложилъ:

— Кушать подано.

Кукуринъ заволновался, оглянулся кругомъ и для чего-то позвонилъ въ колокольчикъ, хотя въ залѣ и безъ того царствовала напряженная тишина. Потомъ громогласно и торжественно объявилъ:

— Объявляю перерывъ на... на сколько придется... господа, милости просимъ закусить...

Гласные встали и, потягиваясь, расправляли усталыя руки и ноги. Затѣмъ все собраніе направилось черезъ корридоръ въ большую, уставленную двумя столами комнату, гдѣ уже суетился Кукуринъ, осматривая закуски. Кукуринъ ни на минуту не допускалъ мысли, что угощаетъ гласныхъ съ тайной цѣлью

заобрить ихъ на случай баллотировки, да и гласные не сомнѣвались въ безкорыстїи избираемаго, такъ какъ уже издавна всѣ знали, что Кукуринъ страдаетъ наследственнымъ, сидящимъ въ крови, порокомъ невыносимаго хлѣбосольтва. Случалось, онъ крѣпился по нѣскольку мѣсяцевъ, но вдругъ прорывался, какъ пьяница, давший зарокъ, и закатывалъ умопомрачающій обѣдъ. И не для того, чтобы похвалиться, а просто въ силу какого-то неодолимаго влеченія принять и накормить. Самъ онъ далеко не былъ любителемъ изысканныхъ блюдъ и предпочиталъ для себя простыя, даже грубыя кушанья. И на этотъ разъ Викторъ замѣтилъ, что хлѣбосольный предводитель ѣлъ очень мало, но за то слѣдилъ намѣтавшимся взглядомъ за всѣми приборами и не уставалъ рекомендовать гостямъ тѣ или иныя блюда.

— Василій Ефимычъ, а ну-ка попробуйте моей лососинки... Николай Николаичъ, такъ, батенька, нельзя, возьмите еще, да соусу-то, соусу прибавьте... Липатовъ, ты чего зѣваешь? неси на тотъ конецъ блюдо...

Но гости мало обращали вниманія на хозяина и занимались каждый собой и сосѣдями. Какъ и всегда на Кукуринскихъ обѣдахъ и ужинахъ, за столомъ было весело и непринужденно.

Когда окончился долгій и сытный ужинъ, Викторъ замѣтилъ, что здѣсь и тамъ разставлялись уже ломберные столы, и гласные быстро и безъ малѣйшаго затрудненія дѣлились на четверки. Откуда-то появилось нѣсколько колодъ картъ, зажгли свѣчи и не прошло десяти минутъ, какъ во всѣхъ концахъ комнаты раздавалось:

— Черви, двѣ черви... пики!.. безъ оныхъ...

— Ваше превосходительство, — сказала Кукурину, тоже сидѣвшему за винтомъ, толстенькій секретарь, — еще три доклада осталось.

— Что? — равнодушно отвѣтилъ Кукуринъ, пристально вглядываясь въ лицо партнера, — такъ вы сказали сразу двѣ черви? а?..

— Ахъ, батенька, постойте, до васъ-ли тутъ? — добавилъ онъ, обращаясь къ секретарю.

— Я только счелъ своимъ долгомъ...

— Безъ козырей?.. Эге-ге!.. Три доклада, вы говорите?.. Пять, сударь, червей... А? что?.. такъ я беру прикупъ?.. Да, такъ три доклада?.. а, ну, посмотримъ... три доклада... нѣтъ, у меня не три доклада, а большой племя въ червахъ... вамъ ходить...

Сыгравъ племя, Кукуринъ объявилъ, что тосклъ ужина невозможно продолжать засѣданіе. Гласные не двужилые. И было порѣшено, что оставшіеся доклады будутъ слушаться автра.

VIII.

На третій день засідання окончилися, и Викторъ съ облегченнѣмъ сердцемъ уѣхалъ домой. Чѣмъ ближе подѣзжалъ онъ къ Холмамъ, тѣмъ все радостнѣе становилось у него на сердцѣ, и онъ думалъ, что теперъ, въ кругу родныхъ, ему станетъ со всѣмъ хорошо. Но въ тотъ же вечеръ, сидя въ уютной столовой, ярко освѣщенной лампой, за столомъ, накрытомъ бѣлою скатертью, при ласковомъ ворчаньи самовара, онъ почувствовалъ, что и здѣсь не вернулись къ нему ни покой, ни радость и что въ сердцѣ попрежнему гнѣздится упорная, сосущая тоска. Ему показалось теперъ, что все, чего онъ добивался въ послѣднее время и чего добился, любовь Ольги, семья, матеріальное благосостояніе, — все это пусто, мелко, безцвѣтно и тускло, а все яркое, всѣ краски жизни — остались назади... И ему страстно захотѣлось вернуться опять къ тѣмъ, давно прошедшимъ, безумнымъ годамъ, полнымъ сильныхъ ощущеній жара кутежей, игры, женщанъ... Вотъ гдѣ, — думалъ онъ, — можно бы найти забвеніе отъ этой грызущей тоски, вотъ чѣмъ можно бы заглушить этотъ безпокоящій внутренній голосъ, который звучитъ такъ громко именно потому, что раздается въ тишинѣ. Ему хотѣлось опять шума и суеты, безумныхъ ночей и хоть нечистыхъ, но жгучихъ, опьяняющихъ объятій. Онъ не догадывался, что это манила его только прошедшая молодость, воспоминаніе объ ощущеніяхъ бытія, связанныхъ для него съ юнымъ двадцатилѣтнимъ возрастомъ.

Осень наступала ненастная, мрачная, съ темными ночами, съ порывами дикаго вѣтра, стучащаго по желѣзу кровли, воющаго въ трубахъ, съ мелкимъ, унылымъ дождемъ, тихо, беззвучно сѣющимъ на землю, пронизывающимъ до костей холодною, знобящею сыростью.

Съ самаго утра Виктору было не по себѣ. Онъ чувствовалъ, что простудился и что въ тѣлѣ сидитъ лихорадочный ознобъ. Послѣ завтрака онъ попробовалъ читать, * но чтеніе только утомляло его. Тогда онъ прилегъ на стоявшій въ кабинетѣ старый турецкій диванъ, въ которомъ отъ долгаго употребленія образовались ямы, какъ разъ для лежачаго положенія, накрылся съ головой домашней короткой шубкой и почти тотчасъ заснулъ. Онъ спалъ крѣпко и тяжело съ неясными сновидѣніями, потомъ, проснувшись, долго не могъ придти въ себя и сообразить, гдѣ онъ и что съ нимъ. Въ этотъ промежутокъ между сномъ и пробужденіемъ онъ вспомнилъ о Дунѣ. Въ послѣдніе мѣсяцы, среди той странной тоски, которая

охватывала его все больше и больше еще со времени собранія, онъ часто вспоминалъ о Дунѣ. Теперь ему до боли стало жаль ея... Гдѣ-то она? что съ ней? И какъ онъ могъ позабыть о ней, не думать о ея судьбѣ! Онъ представлялъ себѣ ее въ нищетѣ, лишеніяхъ и горько винилъ себя и давалъ себѣ слово разыскать ее.

Потомъ мысль его перешла къ нему самому; онъ пересматривалъ годъ за годомъ собственную жизнь и съ ужасомъ убѣждался, что душа его попрежнему окутана тinou. Что онъ сдѣлалъ за эти годы? Ничего! Онъ только опускался все ниже и ниже, гѣшилъ тщеславіе мечтами о внѣшнемъ почетѣ, заставляя жену страдать отъ припадковъ его тяжелаго характера... А тамъ, въ глубинѣ души оставалось все то-же, только за эти годы «пятнушки» въѣдались, какъ ржа, все глубже и глубже въ его бездѣтельную душу. Онъ весь вдрогнулъ отъ какого-то внутреннего ужаса.

Тогда ему вспомнилось вдругъ, что послѣ дяди его Аркадія Степановича остался дневникъ, и что въ дневникѣ этомъ есть характеристика его, Виктора. Онъ припомнилъ себѣ и то, что дневникъ этотъ положили въ опорожненный уже письменный столъ старика и что столъ этотъ остался съ прочею обстановкой въ большомъ домѣ.

Кромѣ бѣлья и серебра, изъ стараго дома не взяли ничего. Викторъ поселился во флигелѣ, а домъ стоялъ пустой и мрачный въ томъ видѣ, въ какомъ былъ при старикѣ Вакуловѣ. Раза два въ мѣсяцъ бывшій камердинеръ Аркадія Степановича Савелій, оставшійся при усадьбѣ пенсіонеромъ, отправлялся съ ключами въ запущенный домъ и стиралъ съ мебели пыль. Кромѣ него, никто не заглядывалъ туда. Викторъ порѣшилъ, что непременно пойдетъ и отыщетъ въ столѣ покойнаго дяди дневникъ. Послѣ вечерняго чая онъ порылся въ своемъ столѣ, отыскалъ тамъ ключи отъ стола дяди, взялъ свѣчу и фонарь и, предупредивъ Савелія, куда идетъ и зачѣмъ, направился черезъ дворъ къ большому дому. Онъ отперъ скрипучую наружную дверь, потомъ дверь въ прихожую и, зажегши свѣчу, пошелъ по комнатамъ. Его охватило нѣсколько жуткое, неловкое чувство одиночества, отчужденности отъ всего міра въ этихъ большихъ покояхъ, съ высокими потолками, со старинной въ бѣлыхъ чехлахъ мебелью. Пахло могильною сыростью, затхлымъ воздухомъ нежилой, давно не провѣтривавшейся обители. Гулко раздавались шаги по комнатамъ и невольно хотѣлось идти тише, беззвучнѣе.

Одинокая свѣча слабо озаряла комнаты, и мракъ скоплялся подъ высокими лѣпными потолками, въ углахъ, подъ мебелью. Огромныя старинныя зеркала глядѣли таинственно, и Виктору казалось, что, если онъ заглянетъ въ нихъ, то увидитъ тамъ

что-то страшное. Робость охватывала его, но он боролся съ ней. Онъ проходилъ теперь черезъ большую гостиную, мрачную при дневномъ даже свѣтѣ, и вспомнилъ, какъ не любилъ этой комнаты еще при жизни дяди. Отъ нея всегда вѣяло чѣмъ-то унылымъ, подавляющимъ. Въ ней хотѣлось говорить тише, сидѣть чиниѣ, какъ будто на старинныхъ штофныхъ диванахъ, въ неуклюжихъ красного дерева креслахъ, около затѣйливыхъ, выложенныхъ бронзой и перламутромъ столиковъ сидѣли тѣни улыбающихся, съ розами и голубками въ рукахъ, въ странныхъ уборахъ съ робронами дамъ и напудренныхъ, съ огромными стоячими воротниками бригадировъ и генераль-поручиковъ, почернѣвшіе портреты которыхъ висѣли по стѣнамъ.

Викторъ остановился передъ однимъ изъ этихъ портретовъ и, поднявши свѣчу, сталъ вглядываться въ него. Это былъ именно тотъ «аспидъ», о которомъ вспоминалъ иногда Аркадій Степановичъ. Во флотскомъ мундирѣ время императрицы Анны изображенъ былъ плечистый, черноволосый мужчина лѣтъ сорока. Подъ огромными нажившимися бровями угрюмо и печально глядѣли черные, немного татарскаго типа глаза. Выдавшіяся скулы также изобличали монгольское происхожденіе. Все лицо отражало скорѣе скорбь, чѣмъ злобу, но около угловъ рта играла недобрая, зловѣщая улыбка.

— Вотъ ты каковъ, любезный прапрадѣдушка, — вслухъ сказалъ Викторъ и тотчасъ же испугался звука собственнаго голоса, пробѣжавшаго по пустымъ покоямъ, отдавагоса гдѣ-то далеко неяснымъ гуломъ. А лицо «аспида», казалось, улыбнулось въ отвѣтъ и уста прошептали:

— Да и ты, мой мальчикъ, тоже хорошъ.

Холодная дрожь прошла по всему тѣлу Виктора и что-то отдалось въ самыхъ глубокихъ тайникахъ души: ему казалось, что тѣни какого-то мрачнаго прошлаго, давно умершаго, тянутся къ нему, какъ къ своей жертвѣ. Онъ прошелъ еще одну комнату и свернулъ черезъ корридоръ въ большой, уставленный книжными шкафами кабинетъ. Тамъ, поставивъ свѣчу на столъ, онъ присѣлъ и отперъ одинъ изъ ящиковъ. И опять звонъ замка неприятно нарушилъ безмолвіе покинутаго дома, какъ будто буда какія-то тѣни, порождая какіе-то странные отклики. Нервы Виктора напрягались, какъ въ ту памятную ночь, когда умеръ его дядя...

Викторъ вынулъ запыленную тетрадь съ дневникомъ покойнаго и хотѣлъ идти домой, но, развернувъ тетрадь, незамѣтно увлекся чтеніемъ и долго не отрывался отъ записокъ умершаго.

«Боюсь я за Виктора, — прочелъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — онъ весь порывъ, увлеченіе. Онъ одинаково склоненъ къ самому

прекрасному и высокому, какъ и къ низкому. Мнѣ кажется, что въ порывѣ страсти онъ не остановится ни передъ чѣмъ. И какъ знать, что еще можетъ ждать его въ будущемъ. Онъ не установился и еще долго не установится. Я хотѣлъ бы вернуть прежнія силы, чтобы сдерживать этого пламеннаго и дорогого мнѣ юношу, руководить имъ. Мнѣ кажется, что въ немъ, какъ въ фокусѣ, я вижу и всѣ опасенія, и всѣ надежды нашего несчастнаго рода...»

А нѣсколько лѣтъ спустя было занесено: «... изъ него (Виктора) выходитъ, кажется, хорошій человекъ. Но я по-прежнему боюсь за него. Есть въ немъ что-то сумасбродное, стихійное. А между тѣмъ, попрежнему я чувствую, что именно въ этой душѣ долженъ разыгратъ роковой кризисъ. Я думалъ, что проклятіе нашего рода прекратилось. Нѣтъ, оно пошло дальше. И я боюсь за него, боюсь за судьбу этой неуравновѣшенной, страстной и пылкой натуры... Онъ симпатиченъ, потому что въ его горячемъ сердцѣ таятся прекрасныя задатки. И если онъ разовьетъ ихъ, нашъ родъ освободится отъ роковаго наслѣдства... но хозяина, вѣрнаго руководителя въ его душѣ нѣтъ, или этотъ хозяинъ молчитъ. Вѣрнаго представленія о направленіи дороги онъ не имѣетъ и легко можетъ свернуть въ трясины. А тогда, тогда...»

Дневникъ выпалъ изъ рукъ Виктора, какъ будто отъ внезапнаго толчка. О, какъ этотъ старикъ хорошо зналъ его! И онъ предсказалъ вѣрно: да, вотъ теперь онъ, Викторъ, давно въ трясины. Онъ вздрогнулъ и оглянулся съ нервной дрожью: въ этой самой комнатѣ умеръ Владиміръ. Вонъ тутъ стояла лужа черной крови...

И какъ могъ онъ, Викторъ, позабыть про это? Малодушный страхъ охватилъ его. Онъ робко посмотрѣлъ кругомъ. Сивозъ раскрытыя высокія двери глядѣлъ на него мракъ сосѣдней комнаты. Кругомъ по стѣнамъ стояли огромныя чернаго дерева шкафы. На одномъ изъ нихъ глядѣла характерная голова бронзоваго Пушкина. И все это колебалось тѣнями въ слабомъ мерцаніи одинокой свѣчи.

IX.

За окномъ, выходящимъ въ цвѣтникъ и къ селу, шумѣлъ дождь; слышно было, какъ вѣтеръ пригибаетъ вершины деревьевъ. Но здѣсь въ покинутомъ домѣ стояла полная тишина, и мыши не скребли подъ потрескавшимися и вздутыми паркетами, за полнявшимися, порванными обоями...

Вдругъ кто-то тихо постучалъ снаружи въ балконную дверь. Викторъ подождалъ съ полминуты, надѣясь, что это

ошибка слуха, и боясь взглянуть на дверь. Но въ дверь постучали снова.

Тогда Викторъ вскочилъ со стула, дрожа отъ нестерпимаго ожиданія чего-то ужаснаго, и взявъ свѣчу, сдѣлалъ шагъ къ двери. Тутъ онъ остановился, сердце его замирало, въ головѣ мутилось, — передъ глазами начинала вырисовываться старая галлюцинація. Склонившійся человѣкъ, кровь на лицѣ и на груди... Вотъ онъ сейчасъ подыметъ голову...

Викторъ рванулся къ двери, чувствуя, что близокъ къ страшному потрясенію. Къ счастью, стукъ повторился тотчасъ же, и изъ за двери до слуха Виктора донесся сквозь шумъ дождя тихій женскій голосъ:

— Викторъ Егорычъ, а, Викторъ Егорычъ.

— Кто тамъ?—крикнулъ Викторъ, подходя къ двери.

— Это я, Дуня, отвори, Викторъ Егорычъ, да свѣчу-то отставь, свѣчу.

— Господи!—внѣ себя отъ изумленія и радости воскликнулъ Викторъ, сляясь отомкнуть дрожащими руками дверь.

— Дуня,—продолжала она, впуская ее въ комнату,—да что это? ужъ не сплю ли я?..

Она вошла и низко, степенно поклонилась ему; она похудѣла и постарѣла и одѣта была во все черное, какъ одѣваются небогатые богомольныя мѣщанки.

— Здравствуй, Викторъ Егорычъ.

Потомъ торопливо схватила подсвѣчникъ и отнесла въ соседнюю комнату.

— Съ села бы не увидали,—пояснила она.

Онъ глядѣлъ на нее, изумленный, радостный и дрожащій нервною дрожью.

— Откуда ты и какъ сюда попала?

— Я второй день сижу у кузнеца, притаилась. Жена-то его кума мнѣ. А пришла я повидать тебя еще разокъ, Викторъ Егорычъ. Да все способности не было.

— Рассказывай же о себѣ, все рассказывай. Я давно тоскую по тебѣ, Дуня.

— Видно сердце мое вѣсть тебѣ подавало.

— Да что ты, глупая, прямо не пришла. Сказала бы, что раньше знала меня.

— Нѣтъ, не годится, что ты, Богъ съ тобой.

— Ахъ, Дуня, какъ я мучился за тебя; все, думаю, въ нуждѣ ты. Ну, рассказывай же.

— Да, вотъ, высматриваю я окномъ да придумываю, какъ бы тебя повидать. Хотѣла куму подослать вызвать тебя. А тутъ, глядь, въ старомъ домѣ огонекъ затеплился. Я пробралась садомъ да на балконъ и вошла.

— Да что было съ тобой эти годы? Гдѣ жила ты?

— А больше по монастырямъ. Была у матери Аркадіи въ Старковской обители; у преподобнаго Варсонофія, въ Кирилловскомъ монастырѣ. Все Бога молила, все сердце изливала,—тихонько и потупая добавила она.

Онъ глядѣлъ на нее жаднымъ, восхищеннымъ взоромъ и все еще дрожалъ отъ недавняго перваго потрясенія.

— Ну, а дальше что?

— Теперь пробираюсь далече. Въ Святоозерскую обитель. Тамъ будетъ конецъ моему странствію... Да сердце-то не вытерпѣло; захотѣлось еще разикъ повидать тебя... Витя мой, Витенька...

— Не забыла еще меня?..

Она глубоко вздохнула.

— Нѣшто забудешь.

— Дуня, слушай, ты измучила меня. Ушла безъ денегъ. Въ нищетѣ, небось, была.

— Э, что мнѣ деньги? не надо мнѣ ихъ.

— Господи, какъ я виноватъ передъ тобой!

— Полно, милый, все я простила. Ты-то меня прости.

Онъ опустилъ голову и глубоко задумался, потомъ поднялъ тревожный и загорѣвшійся взоръ.

— Дуня.

— Что ты, Викторъ Егорычъ?—спросила она.

— Слушай, Дуня... хочешь... ты, видно, вправду заколдовала меня... хочешь я все брошу...

— Полно, Витенька...

Онъ всталъ и схватился за голову, которая начинала сильно болѣть и кружиться...

— Я сейчасъ схожу къ себѣ, возьму денегъ... уйдемъ, Дуня... далеко, далеко... на край свѣта... Никто насъ не отыщетъ...

— Отъ себя не уйти, Витенька.

— Вотъ что... я уже ничего не хочу... я опять твой, Дуня... Возьми меня, Дуня...

— Ой-ли?

— Вѣрно... ужъ я больше не уйду отъ тебя... Дунюшка, Дуня!

Она тоже встала и съ загорѣвшимся взоромъ подошла къ нему и схватила его за руку.

— Такъ не забылъ еще меня? любя я еще тебѣ?

Онъ страстно охватилъ ея станъ руками и прижалъ лицо къ ея лицу.

— Не уйдешь,—шепталъ онъ,—моя ты... и погибать такъ вмѣстѣ.

И она отвѣчала ему такими же безумными поцѣлуями и лънула къ нему, теряя голову, счастливая и страдающая. А

въ сердцѣ Виктора свозь порывъ страсти била струя тяжелой боли. Вдругъ Дуня быстрымъ порывомъ выскользнула изъ его объятій и бросилась къ балконной двери.

— Сумасшедшіе мы, одержимые! — не своимъ голосомъ крикнула она въ ужасъ, — развѣ за этимъ пришла я къ тебѣ?

Онъ хотѣлъ опять броситься къ ней, но она остановила его.

— Не смѣй, — тяжело дыша заговорила она, — не смѣй! Я великій обѣтъ дала. Я три года на колѣняхъ простояла, молила... Ноженьки опухли, иссохла я... я недѣлями въ ротъ куска не брала, плечи плетью изранила... Отецъ Николай благословилъ меня на иночество... А ты... искунитель... опять меня растревожилъ... Оставь, не подходи!..

Но онъ уже и самъ опомнился. Въ комнатѣ будто пронеслось что-то новое. Она успокоилась первая.

— Я за ребеночка нашего молила, — тихо заговорила она опять жалкимъ надтреснутымъ голосомъ, сразу проникшимъ въ душу Виктора. — О немъ все молила, все ждала: прости-ли меня Господь... А ты... да я бы руки на себя наложила потомъ.

— Прости меня, Дуня, — покорно сказалъ Викторъ, — забудемъ, что было.

Они помолчали, и обоихъ стала охватывать тихая, глубокая, безграничная печаль.

— Тяжело намъ, Дуня.

— Ой тяжело, Витя, такъ тяжело, такъ тяжело...

Она сдѣлала къ нему шагъ и опустилась на колѣни.

— Прости меня за все; всю злобу мою прости.

Онъ порывисто поднялъ ее.

— Тебѣ ли просить меня? я-то, я какъ виновать передъ тобой...

— Богъ прости... А я зла на тебя не держу, Витенька. Ну, простимся на вѣчное разставанье...

Они подошли одинъ къ другому и крѣпко обнялись. И уже не было въ этомъ поцѣлуѣ слѣдовъ страсти. Дуня сдѣлала шагъ къ дверямъ.

— Постой, — окликнулъ онъ ее, — какъ же ты безъ денегъ пойдешь? погоди немного, я схожу принесу.

— Не возьму, ничего не возьму, — горячо отказалась она.

— Дуня, не мучай меня, возьми. Хотя этимъ немного... успокой меня.

Она остановилась

— Ну, сотню дай.

Онъ вспомнилъ вдругъ, что забылъ спрятать полученные сегодня изъ конторы за дрова двѣ тысячи и радостно, съ дрожью въ рукахъ отыскивалъ ихъ въ карманѣ.

— Есть, есть... здѣсь, — шепталъ онъ, вынимая ихъ. — Вотъ, возьми, спрячь въ карманъ.

Онъ бросился къ ней, обнялъ ее и заплакалъ.

— Дуня, прости меня. Бога ради прости.

Она тихонько отстранилась отъ него, подняла руку на образъ и торжественно проговорила:

— Вотъ тебѣ свидѣтель, все я простила, все изъ сердца вонъ выкинула. Прости и ты!

Она перекрестилась и рѣшительнымъ шагомъ пошла къ балкону. Въ дверяхъ она еще разъ взглянула на Виктора, потомъ отворила дверь и вышла изъ комнаты. Вѣтеръ и дождь скрыли шумъ ея шаговъ.

Х.

Съ этой ночи для Виктора началась странная жизнь. Онъ какъ-то упалъ духомъ, отстранился отъ людей и даже отъ семьи, ушелъ въ себя. Онъ ничѣмъ не занимался и цѣлые дни проводилъ въ кабинетѣ, одинокій, угрюмый, равнодушный ко всему, что ни дѣлалось кругомъ. Ольга начинала тревожиться все болѣе и болѣе, но имѣла свои причины не довѣрять ни кому свою тревогу. Однако, и Леонидъ замѣтилъ состояніе зятя, пытался заговаривать съ нимъ, спрашивать и не добился ничего.

День за днемъ пробѣжали три долгіе, страшные для Виктора мѣсяца. Въ душѣ его установилось окончательно какое-то тяжелое спокойствіе, какъ будто для него уже рѣшенъ былъ роковой, давно терзавшій его вопросъ. Въ сущности-же посѣщеніе Дуни вернуло его опять назадъ, за нѣсколько лѣтъ, и онъ увидѣлъ себя опять прежнимъ, опять онъ сталъ у начала пути, который казался ему пройденнымъ, опять лицомъ къ лицу съ тѣми-же вопросами и съ тѣми-же знакомымъ и опять свѣжимъ страданіемъ.

Леонидъ уговаривалъ сестру пригласить врача психіатра, но Ольга почему-то упорно и боязливо отказывалась отъ этого предложенія.

— Это не то, не то, — смущенно твердила она. — У него какая-то тяжелая, неподвижная мысль.

Она боялась этого состоянія, но еще болѣе боялась психіатра. Она что-то таила про себя.

Однажды, это было послѣ новаго года, она вошла вечеркомъ въ кабинетъ мужа. Викторъ полулежалъ въ большомъ креслѣ, тупо глядя въ землю и ничего не слыша, что дѣлалось кругомъ. Ольга остановилась передъ нимъ, держа на рукахъ хорошенькаго кудряваго трехлѣтняго Юрочку.

— А мы пришли къ тебѣ сумерничать, — сказала она, — принимай гостей.

Викторъ съ усиліемъ приподнялъ голову и болѣзненно сморщился. Онъ припоминалъ теперь, что уже не разъ приставали къ нему, то жена, то Леонидъ съ просьбами что-то сказать, что-то открыть. А ему ничего, ничего не надо! И всѣ эти люди, и Ольга, и Леонидъ, и дѣти,—всѣ ему чужды и ни о комъ изъ нихъ онъ никогда не думаетъ. И что будетъ съ нимъ дальше, онъ тоже не думаетъ. Онъ вспоминаетъ лишь то, что было, и не въ силахъ оторваться отъ этихъ отравляющихъ воспоминаній, онъ живетъ среди нихъ.

— Чего тебѣ?—съ усиліемъ проговорилъ онъ, отвертываясь въ сторону.

— Витя, приласкай же насъ.

Онъ слегка махнулъ рукою.

— Не надо. Уйди, пожалуйста.

— Витя, Витя, что съ тобой, что ты? Не для меня, такъ для дѣтей, умоляю тебя, очнись, постарайся опомниться... У тебя что-то тяжелое на душѣ... Я измучилась, я по ночамъ приглядываюсь къ тебѣ и читаю на твоемъ лицѣ страшную муку... Подѣлись со мной, скажи все, и мы будемъ страдать вмѣстѣ.

Онъ пугливо приподнялся.

— Что?.. я говорилъ что-нибудь во снѣ?..

— Ничего, Витя, иначе я не спрашивала-бы тебя.

— Ну, такъ оставь; ничего нѣтъ. Смотри, мальчикъ сейчасъ заплачетъ. Нехорошо тревожить его воображеніе...

Она встала и вышла, но тотчасъ же вернулась одна. Она сѣла около мужа, гладила его рукою по лицу, ласкалась къ нему, едва удерживая слезы.

— Витя, что я у тебя спрошу...

— Ну?—равнодушно отвѣтилъ онъ.

— Осенью,—заговорила она взволнованнымъ, но твердымъ голосомъ, какъ будто рѣшилась произвести болѣзненную операцію,—осенью у тебя была какая-то женщина... въ большомъ домѣ... мнѣ говорили... кто-же это, Витя?

Онъ страшно поблѣднѣлъ, и она чувствовала, какъ онъ весь задрожалъ подъ ея ласкающей рукою.

— Кто? какая женщина?..

Она не сразу наплась что отвѣтить. Она узнала въ первый же годъ послѣ свадьбы, что Викторъ былъ связанъ съ какой-то «ужасной женщиной». Открытіе это заставило ее много выстрадать, но такъ какъ Викторъ несомнѣнно и горячо любилъ ее, она понемногу примирилась съ этимъ открытіемъ и никогда не заговаривала съ мужемъ о его прошломъ.

— Что? уже успѣли напести про меня?—Въ голосѣ, которымъ онъ произнесъ этотъ вопросъ, слышалась надтреснутая и фальшивая нота.

— Нѣтъ, другъ мой, я ничего не знаю и ничего не думаю. Я только спрашиваю, я хочу, я имѣю право знать, не эта-ли женщина такъ повліяла на тебя?

Онъ начиналъ сердиться, но Ольга радовалась и этому. Это все лучше, чѣмъ тупая апатія.

— Да что ты ко мнѣ придираешься въ самомъ дѣлѣ—не все же скакать на одной ногѣ да пѣсни пѣть.

Но онъ самъ понималъ, что говоритъ неправду, фальшивая нота и ему самому рѣзала ухо и, конечно, не могла обмануть Ольгу. Она давно видитъ, что онъ временами будто засыпаетъ душой, а временами страдаетъ, тая въ себѣ какую-то непонятную ей скорбь. Онъ ничѣмъ не интересуется, забывъ даже про дѣтей. Онъ почти пересталъ ѣсть, похудѣлъ, пожелтѣлъ, покрылся морщинами и на половину посѣдѣлъ. Но, главное, ночи, о, эти тяжелыя, долгиа ночи! Ольга притворится, что спитъ, а сама прислушивается, приглядывается, какъ онъ почти до свѣту ворочается съ боку на бокъ, привстанетъ, посидитъ, пройдетъ по комнатамъ, опять ляжетъ и опять ворочается. А когда заснетъ, наконецъ, какое скорбное, страдальческое выраженіе у него на лицѣ. Какъ онъ старъ тогда, изнеможенъ. О, у него страшная тяжесть на душѣ, и онъ таитъ эту тяжесть, не хочетъ подѣлиться съ нею. Она закрыла лицо руками.

— Милый, я не могу такъ больше... Я все, все приму, ни отъ чего не отвернусь... Но за что-же такая мука? Что я тебѣ сдѣлала, почему ты замкнулся отъ меня?..

Онъ отвелъ ея руки и пристально вглядывался въ ея лицо, будто начиная опять узнавать, будто изучая его, будто стараясь проникнуть въ самую глубину ея сердца.

— А если... за мной... преступленіе?...—сказалъ онъ глухо.

Она отвѣтила не сразу. Духъ захватило. Она уже почувствовала что-то подобное, но страшно, невыносимо было переходить отъ догадокъ къ увѣренности. Но, овладѣвъ собой, она упала передъ мужемъ на колѣни, прильнула къ нему нѣжно и робко и гладила его руку рукой.

— Все мнѣ открой, все, все!..

И онъ открылъ ей все. Тихимъ, глухимъ голосомъ рассказывалъ онъ ей, какъ на исповѣди, исторію всей своей жизни. И ничего не утаилъ, ничего не прикрасилъ. Онъ страшно страдалъ во время рассказа, но это страданіе было облегченіемъ, въ сравненіи съ мертвящимъ спокойствіемъ и тоской, царившими въ душѣ его послѣдніе мѣсяцы. Когда онъ окончилъ, наступило мучительное молчаніе. Викторъ тяжело дышалъ и ждалъ отвѣта.

— Ну, теперь ты все знаешь... И ты должна отвернуться отъ меня... навсегда!

Она до боли сжала его большую, мускулистую, но страшно исхудавшую руку и покрыла ее поцелуями.

— Мнѣ? отвернуться?! Но я тебя люблю, люблю еще сильнѣе... Если ты страдаешь, и я буду страдать...

Онъ слегка оттолкнулъ ее съ непонятнымъ ему самому раздраженіемъ.

— Фразы!.. И ничего мнѣ не нужно... Иди своей дорогой... А я пойду своей, я знаю, что мнѣ дѣлать...

Онъ хотѣлъ встать, но ея рука оказалась сильнѣе, чѣмъ онъ думалъ. И онъ остался на мѣстѣ.

— Нѣтъ, это правда, — говорила она въ глубокомъ раздумьи... постояй... это все иначе... не такъ, какъ ты видишь! Это неправда про Владиміра... и про ребенка тоже неправда: ты не хотѣлъ этого и не зналъ... твоя вина... все наше горе, что ты обидѣлъ эту дѣвушку... зналъ, что обижаешь, и обидѣлъ... съ этого началось, это надо искупить и загладить.

— Какъ-же, какъ, научи! — спросилъ онъ безпомощно...

Она обняла его крѣпче, какъ мать страдающаго ребенка, и они сидѣли такъ, прижимаясь другъ къ другу. Ночная темнота смѣнила долгіе сумерки.

И Викторъ чувствовалъ, что мертвящее отчаяніе уже уступило въ немъ мѣсто глубокой, но тихой грусти, той грусти, при которой еще возможно жить. Какъ будто та сила любви, которую принесла ему щедрымъ сердцемъ Ольга, тепломъ проникла ему въ душу, разогрѣла ее и смягчила. Ему хотѣлось теперь плакать, прижиматься къ Ольгѣ, искать у нея защиты и помощи.

— О, если бы мнѣ вспомнить, съ какими именно мыслями давалъ я тогда эти деньги Никешкѣ... Но, нѣтъ, я все вспоминаю, все вспоминаю и не могу вспомнить... въ этомъ мое горе, это меня сводитъ съ ума...

Она прильнула къ нему, вздрагивая и еще крѣпче прижимая его къ себѣ. Она говорила что-то... Слова были неубѣдительно и слабы, но онъ чувствовалъ, какъ рядомъ ея сердце бьется его собственной болью, и ему становилось больно за нее и вмѣстѣ какъ будто легче за себя.

XI.

Хотя Викторъ не оправился совсѣмъ, но съ этого вечера ему стало нѣсколько легче: онъ уже могъ опять жить, хотя и съ вѣчной грустью на сердцѣ. Сонъ возвращался къ нему, но мысль продолжала упорно работать надъ итогами его жизни. Онъ припоминалъ свое прошлое и чувствовалъ, что всю жизнь находился во власти какихъ-то враждебныхъ, темныхъ силъ.

Онъ вспомнилъ опять дневникъ дяди и сталъ какъ-то мистически суевѣренъ. Грѣхъ предка «аспида» выскивается на послѣдующихъ поколѣнiяхъ. Въ его душѣ разыгралась борьба съ роковой силой семейнаго проклятья; и онъ не устоялъ противъ врага; онъ уже палъ, онъ уничтоженъ и подавленъ. И напрасно Ольга говорить, что все можно искупить. Чѣмъ искупить? Любовью, любовью! Но вѣдь онъ, Викторъ, всегда готовъ на новое преступленiе. Давно-ли готовъ онъ былъ все бросить и бѣжать съ Дуней? Это для того, чтобы еще глубже погрязнуть въ тинѣ и грязи, захлебнуться въ болотной трясинѣ и навсегда разбить жизнь еще одной женщины. Нѣтъ, не ему искупать... Ему нѣтъ спасенiя даже въ смерти. Страшно умирать. Страшно заглянуть за эту роковую черту, отдѣляющую существованiе земное отъ иного, невѣдомаго.

За послѣднее время страхъ смерти возросъ у Виктора до степени болѣзненнаго ужаса. Всякое, даже легкое недомоганiе повергало его въ унынiе, граничившее съ нервнымъ расстройствомъ, и приглашаемому врачу стоило немалыхъ хлопотъ успокоить и ободрить его. Въ малѣйшей простудѣ онъ видѣлъ признаки серьезной болѣзни; ему чудилось то воспаленiе легкихъ, то тифъ, то страданiе почекъ. Онъ цѣлые часы посвящалъ на угадыванiе, отъ какой болѣзни умереть; рѣшалъ иногда, что погибнетъ отъ чахотки, другой разъ, что смерть явится въ видѣ рака въ желудкѣ. Но боялся онъ не смертныхъ страданiй, а могилы. Страданiя оттого и представлялись страшными, что за ними стоялъ призракъ смерти, холодный, неумолимый. Викторъ удивлялся теперь на то, что еще не такъ давно онъ мечталъ о смерти, какъ объ отрадѣ, какъ о покоѣ и искупленiи... Между тѣмъ, жизнь шла своимъ чередомъ. Только Викторъ былъ отгороженъ отъ нея точно стѣной. Онъ забылъ о грозѣ неурожая, надвигавшейся съ осени. Онъ никуда не выѣзжалъ, рѣдко выходилъ изъ комнаты и, когда выходилъ, старался удалиться отъ людей и ни съ кѣмъ не заговаривалъ. Ольга тоже не заговаривала съ нимъ о неурожаѣ, боясь тревожить мужа новыми заботами.

Однако, послѣ памятнаго разговора съ женой, Викторъ какъ будто очнулся. Онъ сталъ выходить и интересоваться окружающимъ. Дня черезъ два онъ заглянулъ даже на кухню, розыскивая работника, и къ удивленiю своему, засталъ жену въ обществѣ какихъ-то подозрительныхъ оборванцевъ. Ольга сидѣла въ красномъ углу на лавкѣ и, подувая на блюдечко, внимательно и сосредоточенно поила изъ своихъ рукъ незнакомаго мальчика лѣтъ шести, съ страннымъ, не русскимъ лицомъ. Исхудалый и, видимо, озябшiй ребенокъ жадно глоталъ теплый чай, хрустя на бѣлыхъ, крѣпкихъ зубахъ кусочками

сахара и все еще недовѣрчиво исподлобья взглядывалъ черными глазками на барыню.

— Ну, постой, я тебѣ еще налью,—говорила Ольга, передавая чашку кухаркѣ Маланьѣ.

— Хлѣбъ дай,—не русскимъ выговоромъ произнесъ мальчикъ.

— Дамъ, дамъ, погоди! Сначала всетаки отогрѣйся.

— Что, Маланья, скоро поспѣетъ бульонъ?

— Сейчасъ, сударыня, сливать буду.

По другую сторону стола сидѣли и тоже пили чай изъ грубыхъ съ зелеными цвѣтами чашекъ двое взрослыхъ, несомнѣнно татарскаго происхожденія, мужчина и женщина. Мужчина, съ совершенно желтымъ исхудавшимъ лицомъ и широко разставленными узенькими глазами, съ самозабвеніемъ хлебаль изъ блюдечка горячій, дымящійся чай, громко причмокивая губами. Черноглазая, еще молодая, но страшно истощенная женщина то отдавалась чаепитію съ той же жадностью, что и сосѣдь ея, то тревожно и любовно взглядывала на ребенка.

— Ну, вотъ,—говорила Ольга,—ставь, Маланья, на столъ, да подай мнѣ отдѣльную тарелку вотъ для этой птички.

Взрослые гости, бросивъ чай, жадно накинулись на крѣпкій и горячій бульонъ, пихая въ ротъ огромные куски хлѣба. Даже татарка уже не въ силахъ была обращать вниманіе на сына... А Ольга осторожно кормила мальчика съ деревянной ложки, терпѣливо сдерживая его голодную жадность.

Викторъ вошелъ въ кухню и приблизился къ столу.

— Что это за люди?—спросилъ онъ, безсознательно хмурия лобъ.

— Прохожіе... голодны очень,—тихонько и какъ будто робѣя, отвѣтила Ольга.

Татаринъ бросилъ недовѣрчивый и тревожный взглядъ на этого хмураго барина и сталъ еще торопливѣе хлебать бульонъ, какъ будто боясь, что у него отымутъ. Но потомъ соображеніе взяло верхъ надъ чисто-животнымъ чувствомъ. Онъ положилъ ложку, всталъ и поклонился, а за нимъ тоже повторила татарка.

— Зъ казанска губерни,—твердымъ выговоромъ сказалъ онъ.

— Садитесь, садитесь, ѣшьте,—чувствуя нервное содроганіе, сказалъ Викторъ.—Куда пробираетесь?

Татаринъ попробовалъ осилить жадность и удержаться отъ ѣды, но не вытерпѣлъ и снова накинулся на бульонъ, торопясь и обжигаясь.

— А гдѣ добры люди хлѣбца дадутъ...

— А что же у васъ, видно, плохо?

— У насъ? у насъ, барынь хорошій, съ голодудохнуть. Народъдохнѣтъ, какъ собака. У насъ, барынь, смѣръть пры-

петь... зима пришель,—плакать будемъ; весна пришель,—помирать будемъ...

— Милый,—тихонько сказала мужу Ольга,—ты не зналъ: вѣдь, здѣсь каждый день идутъ голодные.

Что-то вдругъ будто ударило въ сердце Виктора; дотолѣ отуманенный умъ его сталъ проясняться.

— Послушай,—проговорилъ онъ, какъ бы припоминая что-то,—развѣ у насъ... я что-то припоминаю теперь...

Она поняла, о чемъ онъ спрашиваетъ и какъ-то сразу догадалась, что скрывать не нужно.

— Голодь, Витя! повсемѣстный, страшный, ужасный голодь; во всемъ разгарѣ.

Викторъ вскочилъ со стула, на который присѣлъ было, и пошелъ къ дверямъ. Но потомъ опять вернулся, повинувшись какому-то непонятному ему, жгучему и болѣзненному чувству.

— Безсовѣстная,—сказалъ онъ, чувствуя, что къ горлу что-то подступаетъ,—и ты молчала, мнѣ не сказала давно!

Онъ быстро вышелъ и долго, сидя въ кабинетѣ, не могъ сообразить, что хочетъ дѣлать, и что надо дѣлать. Онъ велѣлъ позвать Ивана Петровича, но тотчасъ же позабылъ объ этомъ.

— Господи! и этотъ мальчонка съ черными глазками, сколько разъ онъ, должно быть, просилъ все: мамка, хлѣбца... И глазенки черные... сколько еще... И какъ-же это онъ забылъ. Вѣдь еще тогда въ собраніи онъ говорилъ и волновался...

Онъ вскочилъ и опять съ лихорадочно-блестѣвшими глазами вбѣжалъ въ кухню.

— Не выпускать ихъ,—взволнованно-торопливо шепталъ онъ Ольгѣ, указывая на татаръ.—Накорми, одежи дай и денегъ... пусть тутъ живутъ, помѣщеніе у насъ есть... Господи! Мальчишекъ-то, мальчишекъ...

— Милый мой,—отвѣтила Ольга,—нужно спокойнѣе... каждый день приходять... По возможности мы помогаемъ.

Онъ внезапно вспыхнулъ и возвысилъ голосъ.

— По возможности! что значить «по возможности», что значить—спокойнѣе! Все надо отдать...

И опять, вспомнивъ что-то, онъ вышелъ, на дѣлу у себя полусубокъ и пошелъ со двора къ селу. Но въ самыхъ воротахъ опять рѣзко остановился. У калитки, на занесенной снѣгомъ лавочкѣ, сидѣла немолодая женщина съ пустымъ мѣшкомъ, висѣвшимъ черезъ плечо. Она была страшно худа и истощена; глаза глядѣли безжизненно, съ тупою покорностью.

Съ непонятною ему самому тревогой и почти озлобленіемъ схватилъ ее Викторъ за плечо.

— Кто ты, чего тебѣ надо?

Она туло поглядѣла на него и медленно поднялась.

— По кусочки, родимый, хожу, по кусочки...

— По какіе кусочки?

— А Христа-ради собираю... Дѣтеньки поѣсть просятъ, а поѣсть нечего. У насъ-то никто ужъ не подастъ... Съ утра хожу, вонъ только краюшечку насбирала... Ой, ноженьки не несутъ; силушки нѣтъ моей...

— Ты чья?

— Я-то? а я Колобановская. Колобановская я, баринъ... Къ баринѣ я шла; она, бають, жалостливая, да, вотъ, притомилась больно.

— И никто, говоришь, не подаетъ?

— У всѣхъ подошло, родимый. На базарѣ-то хлѣбушко по рублю по семи гривенъ...

Викторъ опять закипѣлъ какою-то злобой.

— Дура,—крикнулъ онъ,—чего же усѣлась?... Иди въ кухню, ну, иди, иди!..

Онъ такъ кричалъ, что женщина перепугалась и хотѣла уходить прочь съ усадьбы, но онъ схватилъ ее за рукавъ ветхаго полушубка и потащилъ къ кухнѣ.

— Вотъ тебѣ еще,—торопливо говорилъ онъ Ольгѣ, входя въ кухню,—накорми сейчасъ-же, дай денегъ, да съ собой муки. Она говорить, дѣти у нея...

Ольга съ тревогой смотрѣла на его порывистыя, нервныя движенія. Въ кухнѣ при его появленіи водворялась какая-то опасливая недовкость.

Онъ опять вышелъ.

— Послушайте, Иванъ Петровичъ,—сказалъ онъ пришедшему въ кабинетъ управляющему,—что же это такое дѣлается у насъ?

— Что прикажете?—съ достоинствомъ спросилъ Иванъ Петровичъ, удивленно глядя на взволнованнаго хозяина.

— Да, вѣдь, народъ голодаетъ...

— Божья воля-съ.

— Да мы то чего сидимъ? А вы еще спрашивали, продавать-ли хлѣбъ. Много у насъ хлѣба?

— Продать-то ничего не продали.

— И не продавайте: ни зерна!

— Слушаю-съ. Къ лѣту, конечно, лучше цѣна еще подымется.

— Какая цѣна! Раздать все, слышите, все раздавать даромъ, до послѣдняго зернышка!

Иванъ Петровичъ сердито вскинулъ плечами.

— Ольга Алексѣевна и то ужъ что раздала. Эдакъ, Викторъ Егорычъ, никакъ невозможно-съ... Если такъ...

Но онъ внезапно остановился. Глаза хозяина странно сверкали. Лицо исказилось. Такимъ управляющій никогда еще видѣлъ Вакулова.

— Все раздаты!—крикнулъ онъ, ударяя кулакомъ по столу.
— Слышите!

XII.

Онъ метался, искалъ чего-то и не могъ припомнить, чего именно. Ему надо было что-то сдѣлать, что-то осмыслить, но голова была туманна, мысли путались. Да, вспоминалъ онъ,— голодь, въ народѣ голодь; надо кормить. Вонъ, Ольга кормить... Но, нѣтъ, это не то, это все не то. Голодь кругомъ, голодь въ селѣ, голодь въ уѣздѣ, въ губерніи...

И онъ опять торопливо вышелъ изъ дому. Его растерянность и возбужденіе нѣсколько уменьшились, но не исчезли. Туманъ продолжалъ еще наполнять его голову. Станнымъ, «чуднымъ» показался онъ народу, собравшемуся по его распоряженію въ домъ старосты. Викторъ сидѣлъ въ красномъ углу избы, опустивъ голову, что-то думая и не замѣчая, что дѣлается кругомъ него, кто это пришелъ и вѣтъ пришелъ. Мысли бѣжали, отрывочныя, безсвязныя. Набѣгали постороннія, пустыя, ненужныя соображенія, воспоминанія, но сквозь мглу этихъ мыслей пробивалась одна упорная, мучительная, которой онъ еще не могъ осилить и которая его мучила.

А кругомъ были сосредоточенныя, почти угрюмыя лица, внимательно разсматривавшія его въ ожиданіи, что онъ скажетъ. Изъ-за перегородки выглядывала худая женщина; трехлѣтняя дѣвочка жалась къ ней и старалась спрятаться въ ея сарафанѣ, любопытно высматривая, однако, блестящими глазками изъ подъ ея руки. Съ печи тоже глядѣли двѣ пары оживленныхъ глазокъ, а около ребятъ виднѣлась древняя старуха, мать старосты.

— Да,—думалъ Викторъ,—мальчиѣ, женщина... все это голодные, озябшіе... Да,—вспомнилъ онъ, что хотѣлъ сказать, и оглянулся на толпу.

— Здравствуйте,—произнесъ онъ вслухъ,—что у васъ тутъ... голодаетъ народъ?

Въ толпѣ зашевелились. Послышалось сразу нѣсколько голосовъ.

— Бѣда пришла, батюшка, Викторъ Егорычъ! Хлѣбушка нѣтъ. Побираться довелось... нонѣ мука-то на базарѣ кусается... хошь, не хошь, плати рубъ семь гривенъ... А мучники, баюгъ, еще хотятъ поднять...

Расталкивая толпу локтями, пробрался впередъ тотъ самый дядя Савелій, который такъ умѣлъ говорить съ господами.

— А вы никшня,—строго обратился онъ къ мужикамъ.

— Чего загалдѣли? Коли ежели его высокородіе иввольте съ

нами, съ дураками, разговаривать, такъ вы не гадки... Вотъ, постой я скажу...

— Ну, говори, что-ль..

Дядя Савелій посмотрѣлъ вверхъ, погладилъ здоровенной, узловатой рукой сѣдьющую бороду и, вздохнувъ, началъ сладчайшимъ голосомъ и нараспѣвъ:

— Одно слово, батюшка, ваше высокородіе, раззореніе наше пришло. Помираетъ православный народъ...

Викторъ еще разъ окинуть толпу взглядомъ. У всѣхъ лица были худыя съ землистымъ оттѣнкомъ, а глаза глядѣли не съ обычнымъ добродушіемъ, а сурово и торжественно. И то, какъ сказали Савелію «говори что-ль» не было похоже на обычное шутовое и слегка насмѣшливое согласіе, съ которымъ выпускали обыкновенно впередъ лукаваго мужичонку. И самъ дядя Савелій уже не рѣшался, какъ всегда, очень-то кричать, играя свою двойную роль — начальника надъ толпой и покорнаго слуги барина. Онъ дѣлалъ это умѣренно, больше по привычкѣ къ плутовству, и хорошо понималъ, что теперь нельзя переходить извѣстной границы.

— Хлѣбъ-то покупаете?—спросилъ Викторъ.

— Эва!—послышалось въ отвѣтъ,—съ самаго гѣта покупаемъ. Купило-то притупилось.

— Мы, батюшка, ваше высокородіе,—вставилъ Савелій,—завсегда начальствомъ довольны, а что касается хлѣбушка...

— Ну, замолоть, — послышалось изъ толпы, и дядя Савелій тотчасъ умолкъ.

— Тетка Марья,—сказалъ высокій сѣдой старикъ Ларивоничъ,—покажь барину нашъ хлѣбъ.

Стоявшая за перегородкой женщина отвернулась къ поставцу и, выйдя изъ-за перегородки, молча положила передъ Викторомъ кусокъ черстватаго хлѣба. Это была черная съ зеленою массою, воздреватая, въ большихъ крупинкахъ, издававшая скверный запахъ.

Викторъ вопросительно поглядѣлъ на крестьянина.

— Неужто это... для ѣды?

— А то нѣтъ? И этому радъ будешь... У насъ, баринъ, брюхо-то мужицкое, не господское. Коли нечего ѣсть, и этотъ сомнешь...

— Ахъ, народъ!—вздохнулъ Савелій.—Нешто можно этакъ съ бариномъ.

Но на него не обратили вниманія.

— Да вы бы управу просили, что-ли.

— Тамъ, слышь, знаютъ! Комитетъ какой-то, бабли, устраиваютъ.

Лица немного оживились; крестьяне дѣлались словоохотливѣе.

— Батюшка, Викторъ Егорычъ, ты бы за насъ похлопоталъ.. Яви, сударь, божескую милость...

Изъ-за перегородки вышла жена старосты и упала Виктору въ ноги.

— Кормилецъ ты нашъ, — заговорила она, — пожалѣй дѣтей малыхъ; не оставь, родимый, похлопочи за убогихъ...

— Вотъ что, — сказалъ Викторъ, поднимаясь съ лавки, — я ѣду въ городъ; разузнаю тамъ, что и какъ.

Въ толпѣ опять заговорили всѣ разомъ, уже сочувственно и оживленно.

— А я, — продолжалъ Викторъ, виновато улыбаясь, — и не зналъ, что у васъ до того дошло.

— Такое дѣло...

— Гдѣ-жъ вамъ знать...

— Извѣстно, ваше дѣло господское...

Дядя Савелій понялъ, что ему теперь можно спаясничать, и тотчасъ принялъ грозный видъ.

— Чего глотки дерете? Не шумѣть, коли господинъ разговоры ведетъ... Батюшка, — чуть не со слезами обратился онъ въ Виктору, — да нѣшто же мы не понимаемъ, что не господское это дѣло нашу мужицкую нужду разбирать...

— Послушайте, — продолжалъ Викторъ, — вы бы заняли у когонибудь на приговоръ, хлѣбомъ.

— Не вѣрятъ больше, — угрюмо отвѣтилъ Ларивонъчъ, и въ толпѣ на минуту воцарилось тягостное молчаніе.

— Вздоръ, — воскликнулъ Викторъ, — дадутъ. Я выдамъ поручительство.

Опять воцарилось молчаніе. Дядя Савелій шагнулъ впередъ, соорилъ умиленное лицо и началъ сладкимъ голосомъ:

— Ваше высокородіе; вы наши отцы...

Нѣсколько голосовъ разомъ и сурово осадили его, и онъ, робко оглянувшись, умолкъ.

Впередъ выступилъ Ларивонъчъ.

— На этомъ тебѣ, Викторъ Егорычъ, отъ міра поклонъ. Не оставь.

— Составьте списокъ. Поручительство дамъ хоть сегодня же.

— Благодаримъ, Викторъ Егорычъ, — продолжалъ старикъ. — По сколько прикажешь на душу?

Викторъ немного задумался.

— Вотъ что. Пиши столько, чтобы хватило перенести ѣду. Не помирать же.

Старикъ молча и низко поклонился. Въ толпѣ не сказали ни слова и только нѣсколько рукъ поднялось для креста. Тотъ же Савелій и тотъ промолчалъ.

— У меня, — думалъ Викторъ, — и свой хлѣбъ есть, да онъ уже не на иное.

Немного спустя, онъ ѣхалъ по направленію къ городу и все думалъ надъ тѣмъ, что раскрылось передъ нимъ. Но теперь мысли его были ясны, опредѣленны. Никакихъ сомнѣній, ни колебаній не было. Онъ зналъ, что надо дѣлать и что онъ будетъ дѣлать.

И это сознание хотя бы ближайшихъ шаговъ уже вносило нѣкоторую ясность въ его настроеніе. Какъ будто темная туча, недавно закрывшая всю его жизнь, — теперь сдвинулась однимъ краемъ и открыла кусокъ синяго неба.

ХІІІ.

Когда Викторъ пріѣхалъ къ Абазовымъ, Леонидъ ввѣлъ его за обѣ руки и долго приглядывался къ нему.

— Вотъ ты сегодня опять похожъ на человѣка, — сказалъ онъ радостно. — Что у тебя случилось новаго?

— Да что, — задумчиво отвѣтилъ Викторъ, — Америку я открылъ.

— Ну? Какую же?

— Голодь, братъ, у насъ.

— Да ужъ именно Америка. Ты проспалъ полъ-зимы; мы уже давно знаемъ про эту Америку.

— Такъ что же дѣлать-то?

— Да вонъ, земство собиралось и еще соберется. Помнишь Вавилова: «раненько-съ, господа! Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится». Ну, теперь уже не рано. Громъ грянулъ и всѣ начинаютъ торопливо креститься: составляются комитеты, чиновники вычитаютъ у себя изъ жалованья...

— Это все не то. Надо еще что-то другое, — сказалъ Викторъ. Онъ посидѣлъ недолго и затѣмъ отправился къ предводителю.

У Кукурина винтили на двухъ столахъ. При входѣ Вакулова, хозяинъ, раскинувъ колоду около своей записи, поднялся со стула:

— Ну, теперь, господа, выпьемъ водочки. — А, Викторъ Егорычъ! Очень радъ, какимъ это вѣтромъ занесло рѣдкаго гостя?

— У меня къ вамъ дѣло, — сказалъ Викторъ, подходя къ нему. — Скажите, пожалуйста, что еще имѣется въ виду относительно помощи голодающимъ...

Липинскій, стоявшій съ рюмкой въ рукѣ тутъ же, громко и внушительно замѣтилъ на эти слова:

— «Голодающихъ» нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? — воскликнулъ Викторъ. — Ты откуда пріѣхалъ, съ луны что-ль?

— Именно нѣтъ, — повторилъ также внушительно Липинскій, и оглянулся, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произведутъ его слова.

— Есть нужда, но не голодъ.

И онъ опрокинулъ рюмку въ ротъ.

Викторъ недоумѣвающе глядѣлъ на него.

— Это еще что такое?

Липинскій подошелъ къ нему съ кускомъ сыра въ рукахъ и ласково взялъ его за локоть.

— Кажется, это ты пріѣхалъ съ луны, если не знаешь такихъ простыхъ вещей. У насъ столько объ этомъ толковали! И согласишься самъ: ну, къ чему грубыя слова! «Недородъ» — этого нельзя не признать, но «голодъ»...

— Ну, — рѣзко отвѣтилъ Викторъ, — называйте, какъ хотите. Спрашивается, толкъ-то отъ этого какой. Дѣло не измѣнится!

— Мой другъ, на все нуженъ тактъ. Дѣло, конечно, не измѣнится, но измѣнится слово... А развѣ этого мало?

Липинскій недавно вернулся изъ губернскаго города и дѣлалъ видъ, что привезъ оттуда руководящія начала.

Игра словами «недородъ», «нужда» и «голодъ» казалась ему чѣмъ-то необыкновенно значительнымъ и онъ старался показать, что онъ, Липинскій, освѣдомленъ гораздо лучше, чѣмъ отставной, опустившійся «генералъ», Кукуринъ. Это не мѣшало ему, впрочемъ, быть очень дѣятельнымъ относительно помощи «нуждающимся», принимать участіе въ комитетахъ, и вообще онъ былъ полезенъ.

— Ну, — продолжалъ Викторъ, — объясни же, что намъ дѣлать съ этой нуждой.

— Дѣлать надо все, что укажутъ. Планъ принадлежитъ другимъ, намъ — исполненіе. Но главное — нужно спокойствіе.

Викторъ съ ненавистью посмотрѣлъ на самодовольное лицо Липинскаго, тихо допившаго свой портвейнъ и аккуратно поставившаго рюмку на столъ. Потомъ, чтобы не разсердиться окончательно, Вакуловъ попробовалъ обратить дѣло въ шутку и, взявъ Липинскаго за борты его новаго пиджака, слегка встряхнулъ свояка. Липинскій осторожно, но твердо отстранилъ его руки.

— Мой милый, — сказалъ онъ невозмутимо, — если мужикъ даже и «голодаетъ», пиджакъ мой въ этомъ ни мало не виновенъ. И вообще скажу: бѣситься по этому поводу не нахожу необходимымъ. Мы, служащіе, должны дѣлать дѣло, но ничто не препятствуетъ намъ жить, какъ мы жили.

— Да живи, я тоже не препятствую! Только твое олимпийское спокойствіе выводитъ меня изъ себя. Деревянный ты

что-ли? Или нравственный кастратъ, недоступный никакимъ воиженіямъ.

— А отчего мнѣ не быть спокойнымъ? — сказала Липинскій, пожимая плечами. — Вотъ что я тебѣ скажу, мой милый: я тутъ ни въ чемъ не виновать и къ тому же еще не бывало, чтобы Россія вся вымерла отъ голода. Уповаю, что и теперь останется дѣла... Довольно объ этомъ и совѣтую тебѣ запомнить: нужда есть, голода нѣтъ. Прими это къ свѣдѣнію для дальнѣйшаго...

Викторъ отошелъ отъ него и, переговоривъ съ Кукуринымъ относительно зачисленія себя въ комитетъ, поѣхалъ въ Холмы. Онъ порѣшилъ, что съ завтрашняго же дня начнетъ хлопоты объ устройствѣ столовой, а устроивъ первую столовую, начнетъ расширять ея отдѣленія по всѣмъ направленіямъ. Запасы хлѣба пойдутъ на это дѣло, а тамъ можно будетъ прикупить припасовъ и для этого занять денегъ, заложить часть имѣнія. Жалѣть онъ не будетъ ничего. Онъ все сдѣлаетъ, чтобы не быть безучастнымъ зрителемъ народнаго бѣдствія.

Бодрое чувство охватывало Виктора по мѣрѣ того, какъ онъ уяснялъ себѣ все больше и больше дальнѣйшія свои дѣйствія. Онъ глядѣлъ на темно-синее небо, по которому медленно плыла полная луна, то закутываясь въ набѣжавшее, легкое, какъ сонная греза, облачко, то сверкая на синевѣ неба мертвымъ свѣтомъ, и думалъ спокойную думу. Въ самой глубинѣ его сердца, тамъ, гдѣ еще недавно гнѣвилось одно отчаяніе, боль какъ будто смолкала, замѣняясь спокойствіемъ. Забота и безпокойство обращались на другое.

Онъ сладко и крѣпко заснулъ въ эту ночь, какъ уже давно не спалъ, но проснулся среди ночи и сѣлъ на постели. И одновременно же проснулась и Ольга, ставшая особенно чуткой въ эти тревожные мѣсяцы.

— Ты что, Витя? — шопотомъ, боясь испугать его, спросила Ольга.

Онъ повернулся къ ней съ страннымъ выраженіемъ лица и взялъ ее за руки.

— Ольга, — сказалъ онъ съ непонятнымъ ей выраженіемъ, — Оля, Оля...

Она робко глядѣла на него, а онъ все держалъ ея руки, и смотрѣлъ куда-то вдаль, поверхъ ея головы. Она съ удивленіемъ замѣтила, что изъ глазъ его текутъ слезы.

— Что ты, милый, что Витя? — спрашивала она съ тревогой, стараясь прижать его голову къ себѣ.

Онъ опять откинулся на подушку и тотчасъ заснулъ.

Ольга еще долго глядѣла на его лицо и потомъ перекрестилась съ радостнымъ облегченіемъ. Ей показалось, что на

этомъ лицѣ, по которому, какъ волны, проходили и теперь слѣды какихъ-то ощущеній, исчезла всетаки такъ долго пугавшая ее складка тупого отчаянія и безнадежности.

XIV.

Наступило то удивительное и глубоко поучительное время, которое внимательному взору могло разъяснить многое. Мѣстности, пораженныя бѣдствіемъ голода, представлялись муравейникомъ, развороннымъ чьей-то властной рукой. Какъ въ такомъ муравейникѣ, такъ и въ голодающихъ губерніяхъ замѣтно было необычайное движеніе, безпокойство, усиленная работа. Но въ муравейникѣ бѣгаетъ, суетится, хлопочетъ весь народъ, — въ людскомъ муравейникѣ суетилась лишь часть муравьевъ-людей. Именно тѣ, которыхъ коснулась бѣда, не суетились, не хлопотали, а все принимали съ молчаливой покорностью судьбѣ. Суетились, и бѣгали, и хлопотали тѣ, кого бѣда коснулась лишь отчасти, отраженіемъ.

И, какъ въ разворонномъ муравейникѣ муравьи бѣгаютъ, суетятся, казалось бы, безъ цѣли и смысла, — такъ, на первый взглядъ, неосмысленно суетились у насъ въ тѣ памятные дни. Муравей, если приглядѣться къ нему, бѣжитъ изо всѣхъ силъ, доходить до конца соломенки, поворачиваетъ назадъ, хватается первое попавшееся зерно, бросаетъ его, кидается въ сторону, доходить до лежащаго листика, поворачиваетъ опять назадъ. И другой, и третій, всѣ куда-то и зачѣмъ-то спѣшать, ничего не додѣлываютъ, возвращаются назадъ съ тѣмъ, чтобы снова бѣжать въ иномъ направленіи. Точно также бросались, ѣздили, что-то осматривали, о чемъ-то хлопотали служащіе по земству, чиновники, члены комитетовъ, врачи и помѣщики. И, вмѣстѣ съ ними, шумѣла, кричала, сердилась на кого-то и за что-то пресса, оживленная, ничего, казалось бы, не производившая, кромѣ шума. Жмыкинъ, членъ Васильевской земской управы, уже въ десятый разъ ѣхалъ по порученію управы въ сѣверную часть уѣзда, метался; не жалѣя изнуренныхъ малокормленныхъ въ этомъ году земскихъ лошадей, по деревнямъ, обходилъ дворы, осматривалъ амбары, что-то записывалъ, вычислялъ и, переночевавъ въ селѣ Колбановѣ, возвращался въ городъ съ тѣмъ, чтобы черезъ день опять ѣхать въ другія деревни и опять что-то осматривать, провѣрять, записывать. Уѣзднаго врача посылали бумагами изъ губерніи, то туда, то сюда и все зачѣмъ же, чтобы что-то видѣть, осмотрѣть, о чемъ-то донести. Члены губернской управы, а за ними и самъ предсѣдатель проѣхались по всѣмъ уѣздамъ и тоже что-то осматривали и записывали. Полиція не находила

себѣ дня спокойнаго существованія и колесила по уѣздамъ, казалось, не зная зачѣмъ это надо. Земскіе начальники, предводитель, врачи, члены комитета, всѣ суетились, ѣздили, собирались на совѣщанія и, повидимому, ни къ чему не приходили въ результатъ, ничего путнаго не дѣлали.

Но въ муравейникѣ на другой же день послѣ разворенія все приходитъ въ порядокъ: задѣланы обнажившіяся гнѣзда; яички унесены на свое мѣсто; сухія иглы сосны, кусочки земли, мелкія вѣточки, листокъ,—все перенесено, прилажено и заравнено. Муравейникъ опять принялъ тотъ видъ, который имѣлъ до прихода бѣды, и никто бы не сказалъ, что здѣсь еще только вчера было огромное волненіе, поднявшее на ноги всѣхъ обитателей, вплоть до крылатыхъ жителей, помѣщающихся въ самой глубинѣ городка, тамъ, гдѣ въ умѣло сложенныхъ гнѣздахъ заботливо пристроены яички. Эта, казалось бы, ненужная, безцѣльная бѣготня, суетня незамѣтно сдѣлала свое дѣло, привела къ порядку, къ поправкѣ бѣды. И если, тѣмъ не менѣе, послѣдствія отъ бѣды есть; если погибло при этомъ извѣстное количество работниковъ; если утеряно нѣсколько яичекъ,— въ общемъ жизнь, всетаки, взяла свое и снова потекла оживленно, дѣятельно.

Точно также и у людей-муравьевъ ненужная, повидимому, ѣзда служащихъ, суета, безцѣльные, а иногда и бессвязные разговоры и споры, вся эта бестолковая, непонятная сутолока съ шумомъ газетъ, съ ожесточенными спорами представителей различныхъ партій и воззрѣній, все въ сложности сдѣлало свое дѣло, направило ходъ мѣстныхъ требованій, умиротворило. И, если не такъ скоро, какъ въ муравейникѣ, и не такъ полно,— все же принесло нѣкоторые плоды. Цѣны на хлѣбъ упали до дѣйствительной стоимости хлѣба, съ юга пошли поѣзда съ зерномъ, изъ столицы двинулись милліоны. Начались общественныя работы; старики, дѣти, женщины кормились въ даровыхъ столовыхъ. Даже тѣ изъ выспихъ классовъ, кто можетъ быть и не думалъ, что и они могутъ дать что-либо ближнему, и тѣ не отказались отъ помощи голоднымъ... Земскіе денежныя ящики пустѣли, но въ общемъ бѣдствіе, если и не загладилось, то все же поддавалось отчасти общимъ усиліямъ. Зима проходила, случаевъ настоящаго голода, въ ужасающемъ значеніи этого слова, становилось все меньше и меньше. Хворали, умирали, страдали, терпѣли и надѣялись, строили новые планы, ждали новаго урожая.

Въ глуши деревень, среди той части населенія, которая приняла на себя ударъ бѣдствія, среди крестьянъ — все было тихо, спокойно. Народъ, изголодавшійся, обезсиленный, не суетился, не шумѣлъ. Вначалѣ онъ надѣялся на взаимопомощь; наиболѣе нуждающіеся понши, какъ всегда, «по ку-

сочки»; старики, женщины, дѣти закинули за спины котомки и разбрелись по селеніямъ, прося хлѣба во имя Христа. Просяще не сомнѣвались, что, какъ и всегда, отказа не будетъ. И только то обстоятельство, что подавать стали все меньше и меньше, что иной втеченіе цѣлаго дня не набиралъ ничего, съ поражающей наглядностью убѣдило народъ, что бѣда разразилась широко и смертью повѣяло надъ всею мѣстностью. И вотъ, уже никто и ничего не подавалъ просящимъ; дѣти плакали отъ голода, взрослые худѣли и истощались. Закрывались винныя лавки; по праздникамъ не стало слышно пѣсень молодежи. Деревня примолкла, задумалась. Но суеты по прежнему не было замѣтно. И, чѣмъ больше хлопотали и суетились высшіе классы, тѣмъ тише и глуше была деревня, тѣмъ спокойнѣе глядѣли занесенныя снѣгомъ селенія.

Какъ будто этотъ сѣрый, приниженный, уже давно признавшій свою подчиненную долю народъ, тотъ самый народъ, котораго рѣдко кто изъ высшихъ считалъ за равнаго себѣ, тотъ народъ, о которомъ идутъ споры, полезно или не полезно бить его; народъ, считающій себя обязаннымъ кланяться каждому, народъ, котораго никто не допускаетъ дальше порога, тотъ самый народъ будто почувствовалъ вдругъ, что отъ много потрудился и что теперь, когда онъ обезсиглѣлъ, должны потрудиться и позаботиться о немъ тѣ высшіе...

И это же безъ словъ, безъ напоминаній поняли и высшіе. Одни не ждали благодарности, другіе не благодарили...

XV.

Къ началу весны у Вакуловыхъ оказалась вполне организованной ихъ личная помощь народу. Въ Холмахъ была открыта столовая, находившаяся подъ надзоромъ Ольги. Викторъ долженъ былъ сознаться, что Ольга лучше его умѣла поставить дѣло и что дѣло у нея идетъ хорошо, стройно.

Но и самъ онъ не могъ жаловаться на нелады въ столовыхъ. Онѣ разрастались по радісамъ отъ Холмовъ и захватывали все большій и большій районъ, отнимая у Виктора и время, и средства. Въ половинѣ марта онъ обратился къ Ольгѣ, какъ-бы за совѣтомъ:

— Ты понимаешь сама: на полдорогѣ намъ останавливаться нельзя.

— Что же ты хочешь сказать?

— Лопатинъ, видишь-ли, предлагаетъ купить Обуховскій лѣсъ... я думаю продать, а?

Она молчала, а онъ смущался все болѣе и болѣе и начиналъ уже сердиться.

— Мнѣ вѣдь, кажется, не на мотовство нужно... сама понимаешь.

Она взглянула на мужа лучистыми, любящими глазами.

— Ты правъ, мой другъ, продавай лѣсъ...

И лѣсъ былъ проданъ, хотя Иванъ Петровичъ только ругами разводилъ и утверждалъ, что онъ послѣ этого ни за что не останется служить у такихъ хозяевъ. Онъ, однако, остался и присутствовалъ затѣмъ при продажѣ Зарѣчной и залогѣ Дальней. Онъ вознаграждалъ себя тѣмъ, что нѣкоторое время глубоко презиралъ Вакулова и пытался грубить ему. Но Викторъ не замѣчалъ ни презрѣнія, ни грубостей и Иванъ Петровичъ успокоился и выписалъ себѣ для окончательнаго душевнаго равновѣсія новое руководство по спиритизму.

Въ половинѣ апрѣля Виктору пришлось, по порученію комитета, объѣхать надрѣчныя селенія, чтобы провѣрить, въ какомъ положеніи находится рабочій скотъ деревень.

Съ этой поѣздкой было связано и много тяжелыхъ и немало ободряющихъ впечатлѣній. Рѣки и озера вышли изъ береговъ, слились и образовали огромное озеро-море, въ которомъ здѣсь и тамъ высились купамя еще обнаженныя рощи. Селенія видѣлись на песчаныхъ буграхъ, совсѣмъ затопленныя, отрѣзанныя отъ прочихъ деревень огромными водными равнинами. Вода все прибывала и трудно было сказать, когда и гдѣ кончится ея прибыль.

Викторъ ѣхалъ въ большой шестивесельной лодкѣ, направляясь сначала къ деревнѣ Кузовлево. Уже часа два, какъ лодка быстро скользила по тихимъ затонамъ, то выѣзжая на ровное мѣсто, гдѣ лѣтомъ разстилалась гладь озера Свята, то заворачивая въ лѣсъ и пробираясь длинными и узкими лѣсными просѣками.

— Далеко-ли до Кузовлева?—спросилъ Викторъ рулевого, огромнаго, рыжаго крестьянина, который, стоя на кормѣ, осторожно и умѣло направлялъ ходъ лодки.

— Нѣ, не далеко,—отвѣтилъ рулевой, а одинъ изъ гребцовъ добавилъ:

— Вотъ, перейдемъ Матренинъ бугоръ, тамъ и Кузовлево видать буде.

Но Викторъ напрасно приглядывался, ожидая увидеть бугоръ. Бугоръ тоже былъ подъ водой.

За Кузовлевымъ пришлось ѣхать по самому руслу рѣки, которая примѣтна была лишь по болѣе темнымъ водамъ да по появившемуся быстрому теченію. Гребцы смѣнились, но рулевой и лодка были все тѣ же.

Влѣво, въ отдаленіи высились, еще покрытыя въ ущельяхъ побурѣвшимъ кристаллическимъ снѣгомъ, то черныя, то багровыя отъ красной глины, горы высокаго берега рѣки. Склоняв-

шеся къ закату солнца золотило снѣга и обдавало лучами обнажившіеся выступы и холмы. Изрѣдка пробѣгали передъ глазами рощи сосенъ и елей, пріютившіяся на скалахъ. Попадались каменоломни; раскинулась огромными крыльями вѣтряная мельница; видѣлась бѣлая сельская колокольня да сиротливо взглянуть на путниковъ большой опустѣлый, съ забитыми окнами, барскій домъ, окруженный огромнымъ, сбѣгавшимъ къ рѣкѣ садомъ.

Но прямо передъ лодкой, и позади ея, и справа была лишь одна безконечная, водная поверхность, спокойная къ затонамъ и шумная, негодующая на серединѣ рѣки. Волны грозныя, ошвенненыя неслись неудержимымъ ходомъ впередъ и впередъ, плескали о борты лодки и обдавали путниковъ брызгами. Шесть весель съ трудомъ преодолевали теченіе, и лодка едва подвигалась впередъ.

При заворотѣ рѣки равнина воды еще расширилась и, какъ на взморьѣ, слилась съ горизонтомъ. Теперь впереди и вправо отъ лодки не видать было ничего, кромѣ воды, то сверкающей серебромъ при блескѣ солнечныхъ лучей, то почти черной и грозной въ пространствахъ, недоступныхъ солнцу.

Потомъ пришлось опять свернуть въ сторону, въ затоны, опять идти, то по гладкимъ, спокойнымъ озерамъ, то по лѣснымъ прогалинамъ. Временами, путь преграждали верхушки прясель, отгораживающихъ лѣтомъ выгонъ отъ полей; временами о дно лодки бились вѣтви потопленнаго лозняка. Тучи джикихъ утокъ, кряковыхъ, шилохвостыхъ, чирковъ съ шумомъ подымались съ затоновъ и, свистя крыльями, кружились съ негодующимъ крикомъ надъ покинутымъ мѣстомъ и уносились вдаль, чтобы опуститься на иной, болѣе спокойной равнинѣ. Съ рѣзкими криками проносились бѣлогрудыя чайки, то опускаясь до самой воды, то взлетая вверхъ. И надъ всѣмъ этимъ пространствомъ сіяла весенней улыбкой чистая лазурь неба.

Викторъ долго приглядывался къ новымъ для него картинамъ, но, послѣ объѣзда нѣсколькихъ селеній, пересталъ любоваться видѣннымъ. Слишкомъ тяжелы были впечатлѣнія, вынесенныя изъ деревень.

Столовые существовали и въ этихъ потопленныхъ деревушкахъ, но дѣйствовали хуже и средствъ имѣли меньше. Но, хотя люди бѣдствовали здѣсь, казалось, не болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, видъ селеній представлялся еще безотраднѣе. Дворы были всѣ сплошь раскрыты, а черная, на полуину погнившая солома шла на кормъ скота.

Въ первомъ же селеніи Викторъ, обойдя дворовъ пять, пересталъ заглядывать дальше и только опрашивалъ и записывалъ, у кого сколько осталось скота. Осматривать было иеужно и тяжело. Вездѣ была одна и та же безотрадная

картина. Коровы съ подобраннымъ, морщинистымъ выменемъ, съ боками, оголенными до кожи, съ ключьями грязной, свалывшейся шерсти, съ гнойными ранами на выдавшихся костяхъ ногъ, съ ребрами, торчащими отвратительной рѣшеткой, уныло и апатично лежали въ мѣсивѣ грязи. Лошади, искудавшія до послѣдней степени, съ обглѣвшими хвостами, съ свалывшейся въ одинъ комъ гривой, съ отвисшими нижними губами, съ глазами, потухшими въ предчувствіи смерти, или стояли, уныло свѣсивъ ослабѣвшія головы, или, болѣе изнуренныя, висѣли всѣмъ тѣломъ на мочальныхъ веревкахъ, зацѣпленныхъ за балки.

— Много-ли коровъ осталось?—спрашивалъ Викторъ въ одномъ селеніи.

— Есть еще,—равнодушно и вяло отвѣтилъ староста, нехотя вышедшій изъ избы.

— А какъ?

Староста поглядѣлъ для чего-то на заходящее солнце, потомъ почесалъ лохматую голову и недовольнымъ голосомъ обратился черезъ плечо къ подошедшей толпѣ, строго оглядывавшей пріѣзжаго барина.

— Дядя Василій,—спрашиваютъ они, что скотины осталось? Двое или трое принялись считать.

— Коровъ съ телками двадцать никакъ,—отвѣтилъ дядя Василій.—Двадцать и то.

— Болтай больше,—перебилъ низенькій мужиченка, все время старавшійся нахлобучить плотнѣе на голову шапку. Чать, у Орины вчерась телка пала, да у солдатки Олены намедня корова.

— Восемнадцать коровъ осталось,—поправился дядя Василій.

Староста, все время равнодушно слушавшій счетъ и глядѣвшій куда-то вдаль, обратился къ Виктору и доложилъ:

— Восемнадцать коровъ.

— А было сколько съ осени?

Оказалось, что съ осени было сто четыре коровы. Потомъ стали считать лошадей и нашли, что изъ девяноста двухъ лошадей уцѣлѣло двадцать четыре.

И въ другомъ селеніи, и въ третьемъ, вездѣ было одно и то же. Коровы и лошади убывали со страшной быстротой и крестьяне не надѣялись, что оставшаяся скотина дотянетъ до спада водъ.

XVI.

Помощь населенію все усиливалась и близилось время, когда можно будетъ снимать новый хлѣбъ. Осими вышли изъ подъ снѣга великолѣпныя и погода благоприятствовала хлѣбамъ.

Ольга только удивлялась, откуда берутся у Виктора силы. Уже третій мѣсяць, онъ почти не спалъ, ѣлъ на ходу и, видимо, весь былъ поглощенъ своей новой дѣятельностью. Онъ безпрестанно объѣзжалъ столовые, во все входилъ самъ, учитывалъ, проверялъ, выдавалъ.

Онъ очень похудѣлъ, но цвѣтъ лица имѣлъ здоровый и совершенно позабылъ про прежнюю тоску. Временами онъ ослабѣвалъ, терялъ энергію.

— Нѣтъ, видно, ничего не подѣлаешь. Бѣда осливается,— говорилъ онъ тогда.

Но видъ тихо, увѣренно работавшей при тѣхъ же столовыхъ жены подкрѣплялъ его, давалъ новый запасъ энергіи.

Ольга тревожно приглядывалась къ дѣятельности мужа, беспокоилась, видя, что онъ ложится за полночь, посвящая вечера счетамъ, а встаетъ съ пѣтухами, но не рѣшалась останавливать его. Ольга чувствовала, что въ этой лихорадочной, самоотверженной работѣ онъ черпаетъ нравственныя силы и забвеніе прежняго.

Всѣ думы Виктора обращены были въ одно дѣло. Ни о чемъ иномъ онъ не могъ говорить. Онъ почти позабылъ о существованіи собственныхъ дѣтей и разъ ужасно удивился, когда Ольга поднесла къ нему маленькую Лидочку, одѣтую въ платьице и башмачки.

— Да, вѣдь, она еще въ рубашонкѣ была?—сказалъ онъ, удивленно глядя на ребенка.

Онъ весело поцѣловалъ хорошенькую, пухленькую дѣвочку, которая вся состояла изъ ямочекъ и родинокъ, но тотчасъ же передалъ ее опять матери.

— Некогда мнѣ съ вами,—сказалъ онъ и ушелъ садиться въ тарантасъ.

Онъ не жилъ, а горѣлъ все это время, но для него въ этомъ, повидимому, было какое-то удовлетвореніе.

Въ одно майское утро Викторъ ѣхалъ въ плетеной тележкѣ въ деревню Пронино, куда наканунѣ прибылъ обозъ съ припасами. Тамъ дѣйствовалъ у Виктора помощникъ его, учитель народной школы, добровольно оставшійся на лѣто при училищѣ и не ушедшій на родину на каникулы, какъ онъ дѣлалъ это обыкновенно. Къ нему-то и ѣхалъ теперь Викторъ, чтобы сообщая принять и проверить припасы.

Утро стояло свѣжее, мягкое. Небо, точно легкой завѣсой, задернуто было прозрачной дымкой; туманный воздухъ ласкалъ грудь теплой влагой. Дождя не предвидѣлось, но въ самомъ воздухѣ таилась влага, какъ сокъ въ спѣломъ плодѣ.

Дорога шла покатою равниной и, куда ни достигалъ взоръ, вездѣ зеленѣли поля тучными, широколиственными, густыми овсями, нѣжающимися въ теплому, влажному воздуху...

Пухлый, съ отвислыми щеками и блѣднымъ, малокровнымъ лицомъ учитель Бучиловъ уже поджидалъ Виктора и радостно улыбался ему, завидя подъѣзжающую тележку.

— Здравствуйте, Викторъ Егорычъ, — говорилъ онъ прибывшему. — Пожалуйте яичницы съ дороги покушать.

Бучиловъ долго не могъ привыкнуть къ Виктору, держась на-сторожѣ съ «богатымъ бариномъ», тревожась, какъ бы не уронить своего достоинства, не поддѣлать пренебреженія къ себѣ. Бучиловъ полонъ былъ болѣзненнаго самолюбія, профессиональной хвори народныхъ учителей, поставленныхъ въ зависимость, не смотря на полученное ими образованіе, отъ любого изъ сельскихъ начальствующихъ лицъ. Но Викторъ держалъ себя съ начала и до конца такъ безыскусственно просто, такъ не замѣчалъ стараній Бучилова не уронить себя и такъ, наконецъ, увлекался дѣломъ, что Бучиловъ совершенно измѣнилъ свое отношеніе къ «богатому барину»; слушалъ каждое его слово, какъ образецъ мудрости, и принялъ на себя завѣдываніе нѣсколькими столовыми.

Бучилова, такая же блѣдная и малокровная, какъ и ея мужъ, держала на одной рукѣ ребенка, тоже блѣднаго и пухлаго, а свободной рукой ставила на столъ, покрытый грубою скатертью, тарелки и хлѣбъ.

— Все ли приняли, Василій Васильевичъ? — спросилъ Викторъ, сидя за завтракомъ.

— Все въ порядкѣ, Викторъ Егорычъ; чрезвычайно аккуратно доставлено.

— Перемѣрили?

— И перемѣрилъ, и перевѣсилъ. Сегодня еще до свѣта всталъ и все мѣрилъ.

— Ну, вотъ, спасибо вамъ. Онъ у васъ молодчина, Надежда Ивановна; какъ вы его вышколили.

— Ну, какъ же я! — отозвалась Надежда Ивановна, — все это онъ для васъ... Теперь, кромѣ васъ, для него уже никого и нѣтъ на свѣтѣ.

— А у насъ, Викторъ Егорычъ, неприятность, — замѣтилъ Бучиловъ.

— Что такое?

— Хлѣбодары наши оба что-то захворали.

Хлѣбодарами у нихъ назывались нарядчики, помогавшіе Бучилову по столовой.

— Что же съ ними?

— Со вчерашняго дня слегли. Сильный жаръ. Сергѣевъ даже бредить.

— Эге! надо зайти къ нимъ.

Онъ зашелъ и къ Сергѣеву, и къ другому хлѣбодару. Оба лежали въ сильномъ жару и все просили пить. Сергѣевъ

былъ въ безпамятствѣ, но изрѣдка приходилъ въ себя и тогда приподымалъ ослабѣвшее тѣло, оглядывалъ избу воспаленными глазами и шепталъ спекшимся губами:

— Испить... ис...пить...

Черезъ два дня въ Прониинѣ было уже человекъ десять больныхъ, а еще черезъ нѣсколько дней такіе же больные появились въ Орѣховѣ, въ Комковѣ и, наконецъ, въ Холмахъ. Посланные врачи осмотрѣли ихъ и донесли въ управу: тифъ.

Это страшное слово опять взволновало людской муравейникъ. Опять посыпались бумаги, предписанія, и опять забѣгали люди-муравьи. Образовался новый уѣздный комитетъ; изъ губернскаго города выѣхалъ санитарный отрядъ; въ Петербургъ шли донесенія. Новая бѣда нагрянула на муравейникъ, но, какъ и при прежней бѣдѣ, тѣ, кого она коснулась прежде всего и больше всего, крестьяне, не шумѣли и не суетились. Будто покоряясь судьбѣ, деревня молчала, встрѣчая новое горе.

Въ домѣ Вакуловыхъ извѣстіе о тифѣ было встрѣчено съ тревогой и робостью. Малодушіе до такой степени овладѣло, было, Викторомъ, что онъ рѣшился выѣхать изъ Холмовъ. Однако, эта робость была минутной; онъ преодолѣлъ ее и порѣшилъ, что уѣдетъ одна Ольга съ дѣтьми.

— Ни за что,—отвѣчала на это рѣшеніе Ольга.

Тогда Викторъ страшно разсердился и даже затопалъ ногами, въ припадкѣ давно уже не испытаннаго гнѣва.

— А я говорю, что уѣдешь,—кричалъ онъ, не помня себя.

Она посмотрѣла на него и укоризненно показала головой.

— Полно сердиться, Викторъ.

Онъ уже не сердился. Ему было и больно, и досадно на себя, но раскаянія показать не хотѣлось.

— Соображенія у тебя нѣтъ,—ворчалъ онъ.

— Мой другъ,—спокойно отвѣтила Ольга,—гдѣ ты, тамъ и мнѣ мѣсто. Одного тебя я не оставлю. Да и стыдно было бы бѣжать.

И она осталась, хотя Викторъ долго еще настаивалъ на ея отъѣздѣ.

XVII.

Больные принимали назначаемыя имъ лѣкарства, но обстановка, въ которой находились захворавшіе, была до крайности нездорова. Все чаще и чаще стали появляться случаи смерти. Народъ упалъ духомъ такъ, какъ не падалъ во время голодовки.

Около половины мая Викторъ пріѣхалъ разъ въ Пронино и пошелъ по больнымъ.

— Послушай, Настасья, — сказалъ онъ женѣ хлѣбодара

Сергѣева, — вѣдь такъ лежать, какъ лежитъ твой мужъ, въ такой духотѣ, силъ не хватитъ.

— И-и, родимый, — отвѣтила женщина, — помирать ему видно...

Но Викторъ не хотѣлъ съ этимъ согласиться. Осмотрѣвъ помещеніе Сергѣева, онъ увидалъ, что по другую сторону сѣней находится довольно чистая холодная комната, и тотчасъ же принялся за ея устройство. По его указанію вывели полъ и стѣны, вынесли ненужныя вещи, протерли окно и устроили постель. Затѣмъ Викторъ взялъ больного подъ мышки, Настасья за ноги, и перенесли его изъ душной и жаркой избы въ прокладную заднюю горенку. Но, начавъ этимъ, Викторъ уже не хотѣлъ останавливаться на полдорогѣ и пошелъ по другимъ избамъ, гдѣ были больные. Затѣмъ собралъ сходъ и настоялъ, чтобы міръ отвелъ для больныхъ пустовавшій хлѣбный магазинъ. Вечеромъ, не заѣзжая домой, онъ проѣхалъ въ городъ, переговорилъ съ врачомъ и взялъ съ него обѣщаніе, что въ Пронино, гдѣ было особенно много больныхъ, будетъ посланъ на временное жительство фельдшеръ. На другой день Викторъ опять ѣхалъ въ Пронино, потомъ въ Калиново и вездѣ самъ наблюдалъ, чтобы исполнялись приказы врача. На слѣдующій день онъ опять былъ тамъ же, обходилъ больныхъ, бранился съ хозяевами тѣхъ домовъ, въ которыхъ была грязь, и вечеромъ, усталый, съ разболѣвшеюся головой, ѣхалъ домой, думая объ отдыхѣ, о постели. Даже постоянно занимавшія его мысли о станovýchъ теперь казались ненужными, скучными.

Лечь скорѣе въ постель, забыться, уснуть.

Онъ ничего почти не ѣлъ въ тотъ день и все же съ отвращеніемъ поглядѣлъ на ѣду, когда сѣлъ дома въ уютной столовой за поздній обѣдъ.

— Что-то не хочется ничего, — усталымъ голосомъ сказалъ онъ.

Онъ былъ блѣденъ и изнуренъ.

— Эхъ, Витя, — съ упрекомъ замѣтила Ольга, — нельзя доводить себя до такого изнеможенія. Эдакъ и расхвораться не долго.

А онъ слушалъ ее и думалъ о томъ, что голосъ ея звучитъ гдѣ-то въ отдаленіи, хотя она и сидѣла противъ него. И притомъ голосъ ея, точно струна, а онъ, Викторъ, не вполнѣ понимаетъ смыслъ ея словъ. Но все это пустяки, а главное въ томъ, чтобы поскорѣе лечь и заснуть. Онъ пробовалъ выпить чаю, выкурить папиросу, но все это казалось теперь жевкуснымъ, горькимъ. Не смотря на теплую погоду, ему было все холодно: будто ледяной водой обливали ему спину.

— Ты, должно быть, простудился, — сказала Ольга, приглядываясь къ нему.

— Да, кажется, лихорадка начинается.

Онъ не дождался обычнаго часа и легъ въ постель. Полное изнеможеніе охватило его, лишь только онъ вытянулся на мягкой постели, но ожидаемаго чувства наслажденія отъ отдыха онъ не испытывалъ теперь. Ему по прежнему было нехорошо и какъ-то безпричинно тоскливо. Голова болѣла, а по тѣлу пробѣгала ознобъ.

— Прикрой меня шубой,—сказалъ онъ Ольгѣ.

Но и шуба не согрѣвала его. Потому мысли стали мѣшаться; нахлынули безсвязныя, по большей части, тягостныя воспоминанія, и явилось одно особенно мучительное представленіе. Онъ зналъ, что прямо надъ его головой быстро вертится огромный, въ нѣсколько сотъ пудовъ шаръ и что шаръ этотъ вотъ-вотъ упадетъ и раздавитъ его. А онъ, Викторъ, чтобы защитить себя, протянулъ изъ-подъ одѣяла руку и удерживаетъ шаръ спичкой. И это страшно угнетало его, и тоска происходила именно оттого, что шаръ такъ великъ и тяжелъ, а поддерживаетъ его такая ничтожная палочка.

Викторъ проснулся и поглядѣлъ кругомъ себя. Все было тихо и мирно. Цвѣтная лампада бросала слабый свѣтъ. Гдѣ-то далеко, далеко прозвучалъ сторожевой колоколь. Викторъ усталю положилъ голову на подушку и сталъ прислушиваться. Откуда-то издалека донесся глухой шумъ. Шумъ усиливается, приближается. Онъ все еще глухой, неопредѣленный, но Викторъ уже знаетъ, что валить несмѣтная людская волна. Всесокрушающимъ потокомъ идутъ огромныя толпы народа, грозныя, негодующія. Конца имъ нѣтъ, и идутъ они прямо сюда, ищутъ Виктора; онъ на него идутъ...

Онъ дѣлаетъ усиліе прійти немного въ себя, и сновидѣніе исчезаетъ. Часы бьютъ половину второго.

Тогда оказывается, что Викторъ лежитъ въ кустахъ съ ротой солдатъ, на берегу небольшой рѣки. Ружья заряжены. Всѣ молчатъ, всѣ блѣдны, встревожены. Викторъ догадывается, что онъ на театрѣ войны, что онъ и солдаты его поджидаютъ непріятеля. И дѣйствительно, тамъ вдаль, за рѣкой, видно какое-то движеніе. Какія-то группы собираются, расходятся, идутъ ближе и ближе. И вотъ, сбоку выѣзжаетъ, гремя цѣпами, съ злобѣщимъ стукомъ батарея и снимается съ передковъ. Черныя, зіяющія жерла орудій обращены прямо сюда; около пушекъ что-то дѣлаютъ какіе-то люди. Потому уже всѣ отошли; только по одному человѣку стоитъ у каждаго орудія. Викторъ понимаетъ, что сейчасъ будетъ команда, оставшіеся при пушкахъ люди дернуть шнуры и изъ отвратительныхъ, черныхъ жерлъ брызнетъ огонь и область его и его солдатъ оскламями желѣза. Ему хочется заплакать отъ страха, молить тѣхъ людей не стрѣлять, хочется сказать, объяснить имъ, что онъ

боятся боли от перебитой ноги, вырванного куска мяса. А пушки стоят, грозныя, жестокия и алчно глядят на него черными жерлами.

Онъ проснулся и раскрылъ глаза. Ему думалось, что должно быть уже поздно, и онъ дивился, что день еще не наступаетъ, что кругомъ тишина, и Ольга спитъ. Онъ зажегъ свѣчу и взглянулъ на часы. Было безъ пяти минутъ два. Тогда онъ съ невольнымъ стономъ повалился на подушку. Скорее-ли день? Какъ томительна эта ночь съ мучительными видѣніями, этотъ сонъ, изнуряющій, томящій страхомъ и тоской.

Опять крутится шаръ; опять сердце замираетъ отъ страха. И жаръ, и ознобъ разомъ. Но хуже всего, что какіе-то невѣдомые люди съ отвратительными красными лицами, одѣтые во все красное, машутъ вокругъ него руками, разбѣгаютъ огромные рты и прыгаютъ одинъ за другимъ на мѣстѣ, безпрерывно, не переставая. Онъ оглядывалъ ихъ спокойнымъ взоромъ; ему хотѣлось остановить глазъ хоть на одномъ изъ нихъ, но они все прыгали и страшно утомляли его.

Къ утру онъ заснулъ спокойнѣе. Потомъ видѣнія начались снова. Когда онъ пришелъ въ себя, былъ уже вечеръ. Передъ Викторомъ стоялъ знакомый ему врачъ изъ Васильевска, Леонидъ, и испуганная, съ заплаканными глазами Ольга. Викторъ хотѣлъ, было, сказать, чтобы всѣ они вышли, что онъ сейчасъ встанетъ, но издавъ вмѣсто словъ какой-то жалкій стонъ, а приподнявшаяся голова безпомощно упала на подушку.

Докторъ ставилъ зачѣмъ-то градусникъ и держалъ руку Виктора выше кисти, поглядывая на часы. А Викторъ, молча, лежалъ, строгимъ взоромъ оглядывая Ольгу и силился припомнить себѣ, кто эта женщина и чего ей здѣсь надо. На минуту сознание его прояснилось, и тогда онъ припоминалъ, что болѣвъ, но, вслѣдъ за тѣмъ, кто-то обливалъ его ледяной водой и онъ, какъ сквозь сонъ, слышалъ собственный жалкій, будто молящій о чемъ-то стонъ.

Дня черезъ два докторъ сказалъ Леониду:

— Сомнѣній нѣтъ: это тифъ, и въ ясно выраженной формѣ.

А на тревожный вопросъ Леонида о степени непосредственной опасности добавилъ:

— Будемъ держаться метода выжидательнаго. Организмъ истощенъ; но субъектъ сильный. Строгий режимъ долженъ помочь натурѣ...

XVIII.

Потянулись томительные дни и ночи. Больной изрѣдка приходилъ въ себя; тогда мысль его неизмѣнно направлялась къ несчастному прошлому, къ народной бѣдѣ и помощи въ ней.

Но минуты эти быстро проходили, и снова тяжелыя, мучительныя видѣнія слетались къ нему и терзали его.

Приходя въ себя, онъ постоянно видѣлъ у своей постели Ольгу, но почему-то съ трудомъ узнавалъ ее. За то Леонида, который по дѣльнымъ часамъ простаивалъ надъ нимъ, разставивъ длинныя ноги, заложивъ руки въ карманы брюкъ и свѣсивъ на грудь голову, онъ узнавалъ и старался сказать ему что-то, но всегда вмѣсто словъ у него вырывался тихій стонъ.

Леонидъ съ начала болѣзни зятя почти ежедневно прѣзжалъ въ Холмы помогать сестрѣ ухаживать за больнымъ. Но большой помощи Ольга отъ него не видала. Онъ готовъ былъ дѣлать все, что угодно, лишь бы облегчить больного, но какъ-то выходило такъ, что все дѣлалъ онъ неумѣло и всегда принужденъ бывалъ звать сестру на помощь.

— Вѣдь, вотъ, и братъ я тебѣ,—говорилъ онъ въ смущеніи,—а какой-то уродился иной.

На восьмой день болѣзни, къ вечеру, Викторъ опять пришелъ въ себя и долго съ напряженнымъ любопытствомъ вглядывался въ сидящаго противъ его изголовья Леонида. Тотъ, наконецъ, всталъ и нагнулся къ нему.

— Ну, что, братъ, какъ дѣлишки? а?—Леонидъ рѣшительно не зналъ, чѣмъ еще ободрить больного и позвалъ Ольгу. Та осторожно поправила подушки и приподняла съ пола упавшій конецъ одѣяла. Больной перевелъ на нее внимательный, строгій взоръ. Потомъ пошевелилъ губами, стараясь произнести слово. Ольга нагнулась ближе къ нему. Нѣсколько мгновений онъ напрасно пытался выговорить что-то.

Леонидъ не понималъ ничего, но Ольга догадалась.

— Да, да, все, слава Богу,—сказала она.—Хлѣбъ идетъ отовсюду. И больные поправляются.

Онъ устало закрылъ глаза, но минутъ черезъ пять открылъ ихъ снова, оглянулъ комнату и неожиданно громкимъ голосомъ проговорилъ:

— Леня, оставь насъ съ ней.

Леонидъ удивленно взглянулъ на него и поспѣшилъ выйти изъ комнаты.

— Ты что, милый, Богъ съ тобой, — тревожно сказала Ольга, подходя къ нему.

Лицо Виктора было радостно и торжественно. Съ непонятной въ такомъ ослабѣвшемъ организмѣ силой взялъ онъ руку Ольги и глядѣлъ куда-то вдаль задумчивымъ и торжественнымъ взоромъ.

— Я узналъ,—шепталъ онъ,—я все узналъ... вспомнилъ...

— Что ты, Витя, вспомнилъ, что?

— Тогда Никешкѣ... сто рублей... не на то даль... А чтобы онъ... не трогалъ...

— Да, да, милый, да...

— И Дунина ребенка... я тоже не зналъ.

— Не думай объ этомъ. Бога ради, не думай...

— А передъ ней виновать...

Онъ устало закрылъ глаза и, казалось, заснулъ. Но черезъ минуту открылъ ихъ и ласково поглядѣлъ на Ольгу.

Опять прошло два мучительныхъ дня. Утромъ на десятый день болѣзни, Викторъ раскрылъ глаза и оглядѣлся. На креслахъ, около его постели, спала измученная Ольга; Леонида не было въ комнатѣ. Большой пошевелился, и Ольга сразу проснулась и робко взглянула на него. Какое-то новое выраженіе свѣтилось въ его глазахъ.

— Что, Вита, какъ чувствуешь себя?—шопотомъ спросила Ольга.

Онъ внимательно приглядѣлся къ ней и радостно улыбнулся.

— Оля, жить хочется мнѣ... жить...

— Живи, дорогой; будемъ Бога молить...

Она упала на колѣни около постели и, преодолевая рыданія, молилась про себя.

— Открой занавѣску,—попросилъ Викторъ.

Когда темная занавѣсь открыла окно, въ комнату ворвались снопи яркаго дѣтняго солнца. Можно было разглядѣть сквозь стекла зеленѣющія вдали тучныя поля хлѣбовъ.

— Оля,—проговорилъ Викторъ,—то, о чемъ я страдалъ... помнишь... пройдетъ это, я чувствую... пройдетъ, какъ этотъ ужасный годъ...

— Да, да,—могла только отвѣтить она.

По чистому воздуху звучно пронесся колокольный звонъ и замеръ вдали. Шла обѣдня.

— А теперь я усну,—сладко потягиваясь, сказалъ Викторъ и повернулся къ стѣнѣ.

Ольга заботливо укутала его одѣяломъ. Онъ чувствовалъ ея движенія и засыпалъ крѣпкимъ, цѣлебнымъ сномъ. И впервые за дни болѣзни мучительныя видѣнія оставили его. Взамѣнъ ихъ онъ видѣлъ радостный сонъ. Онъ видѣлъ утро Троицына дня. Небо укрыто было легкою дымкой, мягкій и влажный воздухъ просился въ грудь. Необозримыми равнинами тянулись нивы богатыхъ, сочныхъ хлѣбовъ. Высоко, подъ самыми небесами, звенѣли голоса жаворонковъ; тихо шептала молодой листвою березовый дѣсь. Все лиговало кругомъ въ ароматномъ утрѣ весны, покрывая забвеніемъ старое горе, призывая къ новой жизни...

П. Булыгинъ.

Среди ночи и льда.

ГЛАВА V.

Зимняя ночь.

На этот раз мы, казалось, серьезно застряли во льду, и я не ожидалъ, что Fram освободится отъ льда раньше, чѣмъ мы окажемся по ту сторону полюса и будемъ приближаться къ Атлантическому океану. Была уже довольно поздняя осень, и солнце съ каждымъ днемъ стояло все ниже и ниже надъ горизонтомъ, температура постоянно понижалась.

Наступала длинная зимняя ночь—страшная ночь! Намъ ничего не оставалось, какъ приготовиться къ ней, и мы, насколько могли, постарались постепенно превратить наше судно въ удобную зимнюю квартиру. Въ то же время мы приняли всѣ мѣры предосторожности, чтобы защититься отъ разрушительныхъ влiяній холода, пловучихъ льдовъ и другихъ стихiйныхъ силъ, которыя, какъ намъ предсказывали, должны погубить насъ.

Мы подыали руль наверхъ, чтобы онъ не былъ раздавленъ напоромъ льда. То же самое мы хотѣли сдѣлать и съ винтомъ, но такъ какъ онъ въ своемъ желѣзномъ одѣяніи могъ способствовать укрѣпленію ахтерштевня и, главнымъ образомъ, стоекъ для руля, то мы и оставляли его на мѣстѣ. Съ машиной также намъ было не мало дѣла; вынута была каждая ея отдѣльная часть, смазана масломъ, убрана на зиму; золотники, поршни и валы были тщательно осмотрѣны и вычищены. Все это мы продѣляли съ величайшею тщательностью. Амундсенъ смотрѣлъ за машиной какъ будто это былъ его собственный ребенокъ. Съ утра до поздней ночи онъ просиживалъ въ машинѣ и нянчился съ нею самымъ нѣжнымъ образомъ; мы же подразнивали его этимъ только для того, чтобы увидѣть, какъ онъ посмотритъ на насъ вызывающимъ взоромъ и скажетъ:—Можете говорить, что угодно, мнѣ все равно, но на свѣтѣ нѣтъ такой другой машины, какъ эта, и было бы стыдно и грѣшно не заботиться о ней!

Не думаю, чтобы втеченіи трехъ лѣтъ, зимой или лѣтомъ, онъ

пропустилъ хоть одинъ день, чтобы не спуститься внизъ и не поглядѣть на машину и что нибудь не продѣлать съ нею.

Мы очистили мѣсто въ трюмѣ для столярной мастерской. Механическая мастерская была у насъ въ машинномъ отдѣленіи; кузница же сначала была на палубѣ, а потомъ мы ее перевели на ледъ. Жестяныя работы мы производили въ рубкѣ, а башмачныя, парусинныя и др. совершали въ салонѣ. Во все время экспедиціи всѣ эти работы производились охотно и съ любовью. Начиная отъ самыхъ тонкихъ инструментовъ, вплоть до деревянныхъ башмаковъ и рукоятокъ для топоровъ, все дѣлалось на суднѣ. Когда мы увидали, что у насъ не хватаетъ веревки для лота, то устроили на льду большую канатную мастерскую, сказавшуюся намъ очень полезной и получившую большое примѣненіе.

Затѣмъ мы приступили къ постановкѣ вѣтряной мельницы, которая должна была приводить въ движеніе динамо-машину, доставлявшую намъ электрической свѣтъ. Пока наше судно шло подъ парами, динамо-машина приводилась въ движеніе паровой машиной, но уже достаточно долгое время намъ приходилось довольствоваться одними керосиновыми лампами для освѣщенія нашихъ темныхъ каютъ.

Вѣтряная мельница была помѣщена на бакбордѣ судна на верхней палубѣ, около большого люка, но прошло нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ этотъ важный для насъ аппаратъ былъ приведенъ въ надлежащее состояніе. Какъ я уже раньше упоминалъ, мы взяли съ собою воротъ для приведенія въ дѣйствіе динамо-машины. Я думалъ, что онъ намъ будетъ полезенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не будетъ другой физической работы. Но работы у насъ у всѣхъ было достаточно, чтобы время не тянулось такъ невыносимо долго. То надо было заботиться о суднѣ и тавелажѣ, осматривать паруса и канаты и т. д.; то требовалось принести провіантъ всякаго рода изъ ящиковъ, хранившихся въ трюмѣ; то нужно было раздобыть льду, хорошаго льду изъ прѣсной воды и принести его въ кухню, гдѣ его обращали уже въ воду, годную для питья, приготовленія пищи и стирки. Кромѣ того, какъ я уже сказалъ, въ нашихъ мастерскихъ всегда было достаточно дѣла для всѣхъ.

Нашему «кузнецу Ларсу» (Петерсену) пришлось заняться приведеніемъ въ исправность боканцевъ, на которыхъ укрѣплена была большая лодка, такъ какъ ихъ погнуло волнами во время нашего перѣзда черезъ Карское море. Затѣмъ ему надо было то одѣлать какой нибудь осажъ, крючекъ или выковать какой нибудь другой предметъ. Нашему жестянику, все тому же «кузнецу Ларсу», надо было изготовить большое жестяное ведро для растаиванія льда въ кухнѣ. Механикъ Амуидзенъ также получалъ заказы изготовить то тотъ, то другой инструментъ; часовщикъ Могштадъ долженъ былъ то провѣрить и вычистить термометры, то исправить какую

нибудь пружину въ часахъ, а нашъ парусный мастеръ получалъ приказаніе изготовить упряжь для собакъ, затѣмъ каждый изъ насъ долженъ былъ быть своимъ собственнымъ башмачникомъ и приготовить себѣ парусинные башмаки на толстыхъ теплыхъ деревянныхъ подошвахъ по новѣйшей «модели Свердрупа». Механикъ Амундсенъ получилъ, кромѣ того, предписаніе изготовить запасъ новыхъ пластинокъ изъ листового цинка для гармоніума, что было самымъ послѣднимъ изобрѣтеніемъ руководителя экспедиціи; нашему электротехнику было не мало дѣла, такъ какъ приходилось осматривать и чистить батареи аккумуляторовъ, которыя подвергались опасности замерзнуть.

Когда, наконецъ, вѣтряная мельница была готова, опять-таки приходилось возиться съ нею—управлять ею, ставить по вѣтру и т. д. Если же вѣтеръ усиливался, то приходилось комунибудь взлѣзать на верхъ, на мельницу, чтобы взять рифы парусовъ. Во время зимняго холода такое занятіе далеко не было приятно и постоянно приходилось то дуть на пальцы, то тереть кончикъ носа.

Отъ времени до времени приходилось всетаки выкачивать воду изъ судна, хотя все рѣже и рѣже нужно было прибѣгать къ этому, такъ какъ вода кругомъ судна и во всѣхъ его швахъ уже замерзла. Поэтому помпы, начиная съ декабря 1893 по іюль 1895, ни разу не работали. Единственная, стоящая упоминанія, течь находилась въ машинномъ отдѣленіи, но она не имѣла большого значенія: приходилось только ежемѣсячно скалывать ледъ на днѣ судна и поднимать его наверхъ въ ведрахъ. Ко всѣмъ этимъ разнообразнымъ работамъ надо прибавить самыя важныя—научныя наблюденія, которыя были постояннымъ занятіемъ для многихъ изъ насъ. Всего больше труда требовали, разумѣется, метеорологическія наблюденія, которыя производились черезъ каждые 4 часа, днемъ и ночью, а въ теченіи довольно продолжительнаго времени даже черезъ каждые два часа. Одинъ или даже двое людей цѣлый день бывали этимъ заняты. Этимъ отдѣломъ завѣдывалъ у насъ Скоттъ-Гансенъ, а постояннымъ ассистентомъ его былъ Югансенъ до марта 1895 года, когда его мѣсто заступилъ Нордаль. Ночью наблюденія производились тѣмъ, кто стоялъ въ это время на вахтѣ.

Каждые два дня, если погода не была пасмурная, Скоттъ-Гансенъ со своимъ ассистентомъ занимались астрономическими наблюденіями, посредствомъ которыхъ можно было опредѣлить мѣстонахожденіе судна. Къ этой работѣ всѣ члены экспедиціи относились величайшимъ интересомъ, и потому зачастую каюта Скоттъ-Гансена, въ то время, какъ онъ производилъ свои наблюденія, ждалась праздными зрителями, желавшими знать, подвинулись ли мы, и если подвинулись, то какъ далеко, къ сѣверу или къ югу, со времени послѣднихъ наблюденій. Отъ результата этихъ наблюденій въ значительной мѣрѣ зависѣло господствующее на суднѣ устройство. Въ опредѣленные сроки Скоттъ-Гансенъ долженъ былъ

также производить магнитныя наблюденія. Они производились вначалѣ въ палаткѣ, специально выстроенной для этой цѣли на льду; но позднѣе мы выстроили для этого большую хижину изъ снѣга, которая была не только цѣлесообразнѣе, но и удобнѣе для наблюденій.

Нашему корабельному врачу дѣла было немного. Онъ долго и тщетно ожидалъ пациентовъ и въ концѣ-концовъ съ горя занялся лѣченіемъ собакъ. Разъ въ мѣсяцъ онъ производилъ свои научныя наблюденія, состоящія въ томъ, что онъ каждому человѣка взвѣшивалъ, считалъ у него кровяные шарики и опредѣлялъ количество кровяного пигмента, чтобы на основаніи этого вычислить количество красныхъ кровяныхъ шариковъ и гемоглобина въ крови каждого. Къ этой работѣ всё также относились съ боязливымъ интересомъ, такъ какъ каждый думалъ, что изъ полученныхъ результатовъ онъ можетъ вывести заключеніе насчетъ того, какъ долго онъ можетъ считать себя гарантированнымъ отъ заболѣванія скорбутомъ.

Къ числу нашихъ научныхъ задачъ принадлежало также опредѣленіе температуры воды и содержанія въ ней соли на различныхъ глубинахъ, собираніе и изслѣдованіе животныхъ, находимыхъ въ этихъ сѣверныхъ моряхъ, опредѣленіе количества электричества въ воздухѣ, наблюденіе формъ, роста и толщины льдовъ, а также температуры различныхъ ледяныхъ слоевъ, изслѣдованіе морскихъ теченій подо льдомъ и т. д. Этимъ отдѣломъ завѣдывалъ я. Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть о правильныхъ наблюденіяхъ надъ сѣвернымъ сіяніемъ, для изученія котораго мы находились въ превосходныхъ условіяхъ. Нѣкоторое время я занимался этимъ дѣломъ, а затѣмъ это дѣло взялъ на себя Блессингъ. Когда же я оставилъ судно, то поручилъ ему и всё остальные наблюденія, лежавшія на мнѣ.

Не малозначущую часть нашихъ научныхъ работъ составлялъ промѣръ глубины и ловля рыбы посредствомъ сѣти. При большой глубинѣ, это была такая работа, въ которой всё должны были помогать; при томъ же способѣ, который мы должны были употреблять позднѣе въ этой работѣ, бросаніе лота занимало иногда у насъ цѣлый день.

На суднѣ одинъ день весьма мало отличался отъ другого, поэтому описаніе одного дня, во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ подробностяхъ, будетъ описаніемъ и всѣхъ остальныхъ.

Въ восемь часовъ мы вставали и завтракали, завтракъ состоялъ изъ сухого хлѣба (ржаного и пшеничнаго), сыру (голландскаго чеддера, швейцарскаго и др.), консервовъ изъ соленнаго мяса и баранины, ветчины или чикагскихъ консервовъ изъ языка, колбаса сала, икры, анчоусовъ, затѣмъ овсяный или англійскій корабельный хлѣбъ съ апельсиновымъ мармеладомъ или какимъ нибудь другимъ фруктовымъ желе. Три раза въ недѣлю у насъ былъ свѣжеиспеченный хлѣбъ и иногда какіе нибудь пироги. Что касается

напитковъ, то вначалѣ мы ежедневно пили кофе и шоколадъ, позднѣе же кофе только два раза въ недѣлю, чай два раза и шоколадъ три раза.

Послѣ завтрака часть нашихъ людей, взявшая на себя попеченіе о собакахъ, отправлялась давать имъ кормъ, состоявшій изъ половины трески для каждой собаки или пары собачьихъ пироговъ, отвязывала собакъ и, вообще, дѣлала все, что нужно около нихъ. Остальныя занимались разными работами, возложенными на нихъ. Каждый поочереды долженъ былъ проводить недѣлю на кухнѣ, помогая повару, накрывать на столъ и убирать. Поваръ долженъ былъ послѣ завтрака составить меню обѣда и тотчасъ же приниматься за его приготовленіе. Нѣкоторые изъ насъ отправлялись на прогулку по льдинамъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовать состояніе льдовъ. Въ часъ дня мы собирались къ обѣду, состоявшему обыкновенно изъ трехъ перемиѣтъ: супа, мяса и десерта, или въ такомъ порядкѣ: супъ, мясо, рыба или мясо и десертъ. Иногда, впрочемъ, обѣдъ состоялъ у насъ только изъ рыбы и мяса. Къ мясу подавался всегда картофель или какая нибудь другая зелень и макароны. Мы все находили, что продовольствіе у насъ хорошее, не хуже чѣмъ дома, и для нѣкоторыхъ, пожалуй, было даже лучше. И мы имѣли откормленный видъ: у нѣкоторыхъ даже замѣчалось образованіе двойного подбородка и склонность къ отращиванію брюшка. За кружкой пива обыкновенно циркулировали разные рассказы и шутки.

Послѣ обѣда курильщики, опытные и довольные, отправлялись на кухню, которая служила въ то же время и курительною комнатою, такъ какъ табакъ допускался въ каютахъ лишь въ торжественныхъ случаяхъ. На кухнѣ курили и болтали, и иногда возникали очень горячіе диспуты; затѣмъ каждому изъ насъ полагался короткій отдыхъ, послѣ котораго мы принимались за работу, продолжавшуюся до шести часовъ, когда дневной трудъ считался поконченнымъ и насъ созывали къ ужину.

Ужинъ былъ таковъ же, какъ и завтракъ, только въ видѣ напитка всегда подавался чай. Курить снова отправлялись на кухню, а салонъ превращался въ тихую читальню, въ которой мы пользовались превосходною бібліотекою, составлявшею даръ великодушныхъ издателей и друзей экспедиціи. Еслибы эти добрые жертвователи могли видѣть, какъ мы здѣсь, на далекомъ сѣверѣ, сидѣли вечеромъ вокругъ стола, углубившись въ книги или собранія картинъ, то они бы поняли, какими неоцѣненными сотоварищами они насъ наградили и какъ много они способствовали своимъ подаркомъ тому, что Fram превратился въ маленькій оазисъ среди безграничной ледяной пустыни.

Около 7¹/₂—8 вечера приносились карты или затѣвалась какая нибудь другая игра, которая затягивалась иногда далеко за полночь. Это нибудь садился къ гармоніуму и извлекалъ изъ нея звуки,

улаждая нашъ слухъ любимыми произведеніями, или же Іогансенъ приносилъ свою гармонику и разыгрывалъ на ней разныя хоршенькія пьески.

Около полночи мы, поставивъ ночную вахту, отправлялись въ свои койки. Каждый обязанъ былъ простоять часъ на вахтѣ. Самую трудную работу на вахтѣ составляло веденіе дневниковъ и высматриваніе изъ бочки, когда собаки начинали лаять, чуя приближеніе медвѣдей. Кромѣ того, караульный долженъ былъ каждые два или четыре часа залѣзать въ бочку или же отправляться на ледъ, чтобы производить метеорологическія наблюденія въ домигѣ, выстроенномъ для термометровъ.

Я считаю себя вправѣ сказать, что, въ общемъ, время для насъ протекало пріятно и незамѣтно, и вслѣдствіе правильнаго образа жизни мы чувствовали себя прекрасно. Записи, которыя я дѣлалъ ежедневно, могутъ лучше всего дать понятіе о нашей жизни во всемъ ея однообразіи.

Вторникъ, 26 декабря. Прекрасная погода. Солнце стоитъ гораздо ниже. Утромъ оно находилось на 9° надъ горизонтомъ. Зима быстро приближается. Сегодня вечеромъ было -26° С, но мы находили, что это не холодно. Къ сожалѣнію, сегодняшнія наблюденія не указываютъ значительнаго движенія къ сѣверу: мы все еще находимся подъ $75^{\circ}50'$ сѣв. широты. Передъ вечеромъ я прогулялся кругомъ по льдинѣ.

Ничего не можетъ быть прекраснѣе арктической ночи. Это міръ грѣзъ, разукрашенный самыми нѣжными тонами, какіе только можно себѣ вообразить.

Одна тѣнь расплывается въ другой, такъ что трудно опредѣлить, гдѣ кончается одна и начинается другая, но тѣнь не мѣнѣе всё оная нѣжность. Формъ нѣтъ, все представляется какой-то нѣжной, мечтательной музыкой, отдаленной мелодіей, разыгрываемой подъ сурдинку. Развѣ все, что составляетъ красоту жизни, не такъ же возвышенно, нѣжно и чисто, какъ эта ночь? Придайте всему этому болѣе блестящія краски, и будетъ уже не такъ красиво. Небо похоже на огромный куполъ, который на верху голубого цвѣта и затѣмъ книзу переходитъ въ зеленый, затѣмъ въ лиловый, съ фіолетовымъ оттѣнкомъ по краямъ. На ледяныхъ поляхъ лежатъ холодныя фіолетово-голубыя тѣни съ болѣе свѣтлымъ блѣдно-краснымъ оттѣнкомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отражаются послѣдніе отблески угасающаго дня. Въ голубомъ сводѣ небснаго купола блестятъ звѣзды, возвѣщающія, какъ всегда, о иирѣ. Съ юга встаетъ большая оранжевая луна, окруженная желѣзнымъ кольцомъ и легкими золотистыми облаками, плывущими на голубомъ фонѣ.

Вотъ появилось сѣверное сіяніе; оно растагиваетъ по небесному своду свое блестящее серебряное покрывало, отливающее то желтымъ, то зеленымъ, то краснымъ цвѣтомъ. Покрывало то расширяется, то снова стягивается, безпрестанно измѣняясь, и то раздѣ-

яется на множество развѣвующихся блестящихъ серебряныхъ полосъ, надъ которыми проходятъ волнообразныя сверкающіе лучи, то исчезаетъ совершенно, чтобы снова блеснуть въ видѣ огненныхъ языковъ какъ разъ въ зенитѣ или въ видѣ свѣтлой полосы, поднимающейся отъ горизонта вверхъ, и затѣмъ все растворяется въ лунномъ сіяніи. Тамъ и сямъ мелькаютъ еще лучи свѣта, неопредѣленные, какъ предчувствіе—это пыль отъ блестящаго одѣянія сѣвернаго сіянія. Но вотъ, оно снова становится ярче, выступаютъ новые лучи, и опять начинается безконечная игра свѣта. Кругомъ все время мертвая тишина, производящая впечатлѣніе какой-то симфоніи безконечности.

Я никогда не могъ постичь, почему эта область осуждена оставаться пустынной и необитаемой. Къ чему же вся эта красота, если нѣтъ существа, которое могло бы ею восхищаться? Но теперь я начинаю понимать. Это земля будущаго; тутъ соединились красота и смерть. Но ради какой цѣли? Требуйте отвѣта, если можете, отъ убожнаго звѣздами голубого небеснаго свода!

Среда, 27-го сентября. Сѣренъкая погода и сильный юго-западный вѣтеръ. Нордаль, исполнявшій сегодня должность повара, долженъ былъ достать солонину, два дня лежавшую въ морѣ, въ мѣшокъ. Не успѣлъ онъ вытащить мясо, какъ тотчасъ же въ ужасѣ крикнулъ, что оно покрыто какими-то ползающими животными. Онъ бросилъ мѣшокъ и отскочилъ отъ него, между тѣмъ какъ животныя разползлись кругомъ во всѣхъ направленіяхъ. Это оказались маленькіе раки, проложившіе себѣ дорогу въ мясо. Ихъ было безчисленное множество, какъ внутри, такъ и снаружи мѣшка. Открытіе пріятное; намъ, значитъ, не придется голодать, пока можно доставать такую пищу, погружая только въ воду мѣшокъ.

Бентсенъ—увеселитель всей экспедиціи: онъ всегда придумаетъ какуюнибудь веселую шутку. Только что прибѣжалъ ко мнѣ одинъ изъ нашихъ людей и почтительно ждетъ, что я ему прикажу. Это Бентсенъ обманулъ его, сказавъ ему, что онъ мнѣ нуженъ. Но Бентсенъ не успокаивается и черезъ самое короткое время придумываетъ уже какуюнибудь новую шутку.

Четвергъ, 28 сентября. Сяѣгъ и вѣтеръ. Сегодня наступилъ день освобожденія для собакъ; до сихъ поръ онѣ влчили очень грустное существованіе, такъ какъ съ самаго нашего отбѣзда изъ Хабарова, онѣ все время оставались привязанными на суднѣ. Во время бури волны качивали ихъ и бросали изъ стороны въ сторону по палубѣ; онѣ чуть не задохлись въ своихъ ошейникахъ, и каждый разъ, когда мыли палубу, ихъ опрыскивали водой изъ трубы. Онѣ страдали морской болѣзью и должны были, какъ въ хорошую, такъ и дурную погоду лежать на томъ самомъ мѣстѣ, къ которому ихъ приковала суровая судьба, божь всякаго другого движенія, кромѣ бѣганія взадъ и впередъ, поскольку позволяетъ длина цѣпи. Такъ обращаются съ вами, прекрасныя животныя, которыя должны

быть нашею поддержкою въ часъ нужды! Но когда пробьетъ этотъ часъ, то, по крайней мѣрѣ, хоть на одно мгновеніе вамъ будетъ принадлежать почетное мѣсто.

Когда спустили, наконецъ, собакъ, то ликованіе было полное. Собаки барахтались въ снѣгу, чистились и терлись и съ дикою радостью и громкимъ лаемъ прыгали по льду. Наша льдина, которая еще недавно казалась такой пустынной и уединенной, вдругъ преобразилась съ появленіемъ многочисленнаго населенія; вѣковое безмолвіе было нарушено. Съ этого времени мы рѣшили привязывать нашихъ собакъ на льду.

Пятница, 29 сентября. День рожденія доктора Блессинга, въ честь котораго былъ устроенъ первый большой праздникъ на суднѣ. Къ этому у насъ былъ двойной поводъ. Наши полуденныя наблюденія указали, что мы находимся подъ 79°5' сѣв. широты; значитъ, мы прошли еще градусъ.

Обѣдъ у насъ состоялъ не меньше, какъ изъ пяти перемѣнъ, и во время обѣда исполнена была тщательнѣе, чѣмъ когда либо, избранная музыкальная программа. Вотъ копія меню на этотъ день.

„FRAM“.

Menue. 29 SEPTEMBER 1893.

Soupe à la julienne avec des macaroni-nudler.
 Potage de poisson (flakspudding) avec des pommes de terre.
 Pudding de Nordahl.
 Glace du Groenland.
 De la Husholdnings-bière de la Ringnæs.
 Marmelade (intacte).

Music à Diné.

1. Valse myosotis.
2. Menuette de Don Juan de Mozart.
3. Le Troubadoure.
4. College Hornpipe.
5. Die letzte Rose de Martha.
6. Ein flotter Studio Marsch de Phil. Farbach.
7. Valse de Lagune de Strauss.
8. Le chanson du Nord (Du gamla, du fricka . . .).
9. Hoch Habsburg Marsch de Král.
10. Josse Hårad's Polska.
11. Vårt Land, vårt Land.
12. Le chanson de chauseuse.
13. Les Roses, Valse de Metra.
14. Fischers Hornpipe.
15. Traum-Valse de Millöcher.
16. Hemlandssång. «A le miserabbe».
17. Diamanten und Perlen.
18. Marsch de «Det lustiga Kriget».
19. Valse de «Det lustiga Kriget».
20. Prière du Freischütz.

Полагаю, читатели согласятся, что для 79° сѣв. широты это былъ недурной банкетъ. Впрочемъ, въ еще болѣе высокихъ широтахъ у насъ много бывало на Fram'ѣ такихъ же банкетовъ.

Послѣ обѣда поданы были кофе и сладости, а за ужиномъ, который былъ также лучше обыкновеннаго, подавалось земляничное и лимонное мороженое и грогъ изъ лимоннаго сока со спиртомъ. Сначала былъ провозглашенъ тостъ за героя торжества, а затѣмъ мы роспили бокалъ за 79° градусъ сѣв. широты, такъ какъ, по нашему убѣжденію, это былъ первый градусъ изъ числа многихъ другихъ, которые мы должны были перейти подобнымъ же образомъ.

Суббота, 30 сентября. Я не увѣренъ, что положеніе Fram'a слѣдуетъ считать особенно пригоднымъ для зимы. Большая льдина, находящаяся со стороны бакборда, къ которой мы привязаны, имѣетъ, какъ разъ, у середины судна некрасивый выступъ; онъ долженъ будетъ сильно давить на судно, въ случаѣ если ледъ начнетъ сдвигаться. Исходя изъ этого соображенія, мы сегодня же попробовали двинуть судно назадъ, чтобы поставить его въ лучшія условія льда. Это такая работа, которая во всякомъ случаѣ подвигается не очень быстро.

Каналъ, остававшійся сравнительно свободнымъ отъ льда, проходящій кругомъ, покрытъ въ настоящее время довольно толстымъ слоемъ льда; его надо было изрубить при помощи топоровъ, ледоколовъ и острогъ, употребляемыхъ для охоты на моржей, и разломать на куски. Сдѣлавъ это, мы шагъ за шагомъ провели судно черезъ разломанную льдину.

Температура сегодня вечеромъ—12,6° С. Чудный закатъ солнца.

Воскресенье, 1 октября. Вѣтеръ съ востъ-зюйдъ-воста и мягкая погода. Мы сегодня отдыхаемъ, значить проводимъ время въ куреніи, ѣдѣ, снѣ и чтеніи.

Понедѣльникъ, 2 октября. Мы продвинули судно еще болѣе назадъ, пока, наконецъ, не нашли удобную стоянку. Со стороны бакборда у насъ находилась большая льдина, на которой мы устроили нашъ собачій лагерь, гдѣ привязали 35 черныхъ собакъ на бѣломъ льду. Эта льдина была обращена въ нашу сторону своими низкими и нѣсколько не опасными краями.

У штурборда ледъ былъ также хорошій, плоскій, тогда какъ между судномъ и льдиной съ обѣихъ сторонъ находилась новообразованная ледяная поверхность. Такая же точно поверхность образовалась, вслѣдствіе поднятія судна, подъ его дномъ, такъ что Framъ будто покоится на хорошей постели.

Послѣ обѣда, когда Свердрупъ, Юэль и я сидѣли въ рубкѣ и готовили веревку для лота, вдругъ вбѣжалъ Педеръ Гендриксъ, нашъ гарпушникъ, съ крикомъ:

— Медвѣдь! Медвѣдь!

Я схватилъ ружье и выбѣжалъ.

— Гдѣ онъ?

— Тамъ, у штирборда вблизи палатки. Онъ какъ разъ дошелъ до нея и почти на нее наткнулся.

Дѣйствительно, медвѣдь, большой и желтый, находился у палатки и обнюхивалъ ее. Скотъ Гансенъ, Блессингъ и Югансенъ бѣжали съ наивозможною скоростью по направленію къ судну; я же соскочилъ на ледъ и тоже бросился, но поскользнулся, упалъ и снова былъ на ногахъ. Между тѣмъ медвѣдь прекратилъ свое обнюхиваніе, вѣроятно убѣдившись, что желѣзная лопатка, палка для скалыванія льда, топоръ, колышки и полотно палатки не представляютъ удобоваримой пищи даже для медвѣжьего желудка; онъ бросилъ палатку и большими шагами направился по слѣду бѣглецовъ. Тутъ онъ увидѣлъ меня и остановился изумленный, какъ будто подумалъ: «что это еще тамъ за насѣкомое?» Я приблизился къ нему на разстояніе выстрѣла; онъ не шевелился и продолжалъ смотрѣть на меня. Но вотъ онъ повернулъ немного голову, я послалъ ему пулю въ затылокъ. Не пошевеливъ ни однимъ членомъ, онъ тихо свалился на ледъ.

Я выпустилъ собакъ, чтобъ приучить ихъ къ этого рода спорту; но, къ сожалѣнію, собаки выказали къ нему весьма мало интереса и даже «Квикъ», на которую мы возлагали столько надеждъ относительно медвѣжьей охоты, упиралась и подвигалась лишь медленно и осторожно, поджавъ хвостъ, что представляло довольно печальное зрѣлище.

Но я долженъ рассказать исторію тѣхъ, кто первые имѣли случай познакомиться съ этимъ медвѣдемъ.

Скотъ Гансенъ началъ устраивать сегодня палатку для наблюдений въ небольшомъ отдаленіи отъ судна. Онъ позвалъ послѣ обѣда Блессинга и Югансена, чтобы они помогли ему. Въ то время какъ они усердно заняты были этимъ дѣломъ, вдругъ показался медвѣдь, недалеко отъ нихъ у носа судна.

— Смирно! Не шевелитесь, чтобы не испугать его, сказалъ Гансенъ.

— Да, да.—И они наклонились и стали смотрѣть на медвѣдя.

— Пожалуй, я лучше попробую отправиться на судно и сообщу о медвѣдѣ, замѣтилъ Блессингъ.

— Я тоже такъ думаю, отвѣчалъ Гансенъ. Блессингъ выбѣжалъ изъ палатки на ципочкахъ, чтобы не испугать звѣря. Между тѣмъ медвѣдь осмотрѣлся и обнюхалъ воздухъ и обоняніе указало ему куда надо идти. Гансенъ мало-по-малу побѣдилъ свою боязнь испугать медвѣдя; медвѣдь же замѣтилъ Блессинга, пробирающагося на судно, и пустился за нимъ слѣдомъ.

Блессингъ теперь также сталъ меньше заботиться о нервахъ медвѣдя. Не зная, какъ поступить, онъ остановился. Послѣ минутнаго размышленія, однако, онъ пришелъ къ заключенію, что въ такую минуту лучше быть втроемъ, нежели одному, потому пу-

стился бѣжать назадъ, къ другимъ, скорѣе, чѣмъ онъ это сдѣлалъ раньше, когда уходилъ отъ нихъ. Медвѣдь слѣдовалъ за нимъ также съ довольно большою скоростью. Гансену это не совсѣмъ нравилось и онъ подумалъ, что теперь наступило время прибѣгнуть къ хитрости, которую онъ вычиталъ въ книгѣ. Онъ выпрямился во весь ростъ, сталъ размахивать руками и кричать изо всей силы своихъ легкихъ, въ чемъ ему помогали и другой его товарищъ. Но медвѣдь остался холоденъ къ этому маневру и все приближался. Положеніе становилось критическимъ. Тогда каждый постарался захватить какое нибудь оружіе: Гансенъ вооружился дубинкой для скалыванія льда, Югансенъ взялъ топоръ. Блессингу же ничего не досталось. Затѣмъ они стали во всю мочь кричать: «Медвѣды! Медвѣды!» и бросились бѣжать по направленію къ судну насколько возможно быстро. Но медвѣдь продолжалъ подвигаться къ палаткѣ и только тогда послѣдовалъ за ними, когда обнюхалъ хорошенько все (какъ мы уже говорили раньше), что заключалось въ палаткѣ.

Это былъ самоцѣль, очень худой. Единственное, что мы нашли у него въ желудкѣ, когда его вскрыли, былъ кусочекъ бумаги съ надписью «Lütven und Mohn». Очевидно, обрывокъ обертки отъ овѣчки, брошенный, вѣроятно, однимъ изъ насъ на льду. Съ этого дня, однако, члены экспедиціи не рѣшались оставлять судно иначе какъ вооруженные съ головы до ногъ.

Среда 4-го октября. Вчера и сегодня сѣверозападный вѣтеръ; вчера у насъ было—16°, сегодня—14° С. Я цѣлый день занимался бросаніемъ лота и достигъ глубины приблизительно въ 1460 метровъ. Пробы грунта указали на слой сѣрой глины въ 10—11 сантиметровъ толщины, подъ которымъ находилась коричневая глина или илъ.

Температура на днѣ, что было довольно удивительно, была немного выше точки замерзанія (+ 0, 18° С), а на 150 метровъ выше дна температура была чуть чуть ниже (— 0, 4° С). Эти факты опровергаютъ до нѣкоторой степени легенду о мелкомъ полярномъ бассейнѣ и о необыкновенной холодности воды полярнаго моря.

Послѣ обѣда ледъ вдругъ треснулъ тотчасъ позади Fram и расщелина такъ быстро стала увеличиваться въ ширину, что трое изъ насъ, отправившіеся, чтобы укрѣпить ледяной якорь, должны были положить длинную доску и уже по ней, какъ по мосту, перейти на судно. Позже вечеромъ произошли еще нѣкоторыя измѣненія во льду и позади первой расщелины образовалось еще нѣсколько новыхъ трещинъ.

Четвергъ 5-го октября. Когда я сегодня утромъ одѣвался къ завтраку, вдругъ ко мнѣ въ каюту вбѣжалъ рулевой и объявилъ, что показался медвѣдь. Я выскочилъ на палубу и увидѣлъ медвѣда, направляющагося съ юга, съ подвѣтренной отъ насъ стороны. На довольно еще порядочномъ разстояніи онъ остановился и сталъ

оглядываться кругомъ. Когда онъ опять двинулся, я и Гендриксоны соскочили на ледъ и были настолько счастливы, что всадили ему пулю въ грудь на разстояніи почти 300 метровъ и какъ разъ въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ удалиться.

Мы все готовимся теперь къ зимѣ и ожидаемому напору льдовъ. Сегодня послѣ обѣда мы подняли ружь. Прекрасная погода, но холодно; въ 8 часовъ вечера—18° С.

Результатомъ сегодняшнихъ изслѣдованій было открытіе, что у насъ на суднѣ все еще есть клопы. Но я право не знаю какъ намъ бороться съ этимъ; у насъ больше нѣтъ пара и мы поэтому должны возложить всѣ свои надежды на холодъ. Долженъ сознаться, что это открытіе просто дѣлаетъ меня больнымъ. Если клопы проникнутъ въ наши зимнія шубы, то дѣло будетъ совсѣмъ безнадежно. На слѣдующее утро поэтому мы занялись генеральной чисткой по всѣмъ правиламъ самой строгой антисептики. Каждому было предписано снять все свое старое платье, хорошенько вымыться съ ногъ до головы и облачиться во все новое, все же старое платье, мѣховыя одѣяла и другіе предметы были вынесены осторожно на пахубу и оставлены тамъ на всю зиму. Это было больше, чѣмъ эти насекомыя могли вынести; 53° С оказалось слишкомъ много для нихъ, такъ что мы клоповъ больше не видали.

Пятница 6-го октября. Холодъ до 24° С ниже нуля. Сегодня мы начали устанавливать вѣтряную мельницу.

Такъ какъ собаки могутъ замерзнуть, если оставить ихъ безъ всякаго движенія, то мы и рѣшили сегодня послѣ обѣда отвязать ихъ и попробовать, можемъ ли мы ихъ такъ оставить. Разумѣется, онѣ тотчасъ же затѣяли другъ съ другомъ драку и нѣкоторыя изъ этихъ бѣдныхъ созданій, прихрамывая, удалились отъ поля битвы, искусанныя и испараннныя. Вообще же въ собачьемъ лагерѣ царствовала величайшая радость; собаки прыгали, бѣгали и барахтались въ снѣгу. Вечеромъ—великолѣпное сѣверное сіяніе.

Суббота 7-го октября. Все такой же холодъ, какъ и въ предыдущіе дни, при сѣверномъ вѣтрѣ. Боюсь, что насъ унеситъ теперь къ югу: за нѣсколько дней до этого мы находились, по нашимъ наблюденіямъ, подъ 78°47' сѣв. широты. Итакъ, мѣнѣе чѣмъ въ недѣлю, мы подвинулись на 16' къ югу, это слишкомъ много! Но мы это опять наверстаемъ, мы должны идти на сѣверъ. Это значитъ, что мы сначала удалились отъ родины, а затѣмъ будемъ приближаться къ ней.

Какая захватывающая красота и въ тоже время безконечная грусть заключаются въ этихъ вечерахъ, озаренныхъ какимъ то мечтательнымъ блескомъ. Исчезнувшее солнце оставило послѣ себя меланхолическій огненный слѣдъ. Музыка природы, наполняющая все пространство, пропитана тоской, потому что вся эта красота изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю, изъ года въ годъ царствуетъ надъ мертвымъ міромъ. Но почему? Солнце скрывается

также и у насъ на родинѣ. Мысль эта придаетъ этому зрѣлищу въ моихъ глазахъ еще большую цѣну и значеніе.

На западѣ кроваво-красное пламя рѣзко отдѣляется отъ холоднаго снѣга. И подумать только, что это море теперь закованное въ цѣпи, и что солнце насъ скоро покинетъ и мы останемся во мракѣ, одни! «Земля была пустыня и неводѣланна». Не это ли есть море будущаго?

Воскресенье, 8-го октября. Прекрасная погода, совершилъ поѣздку къ западу на лыжахъ въ сопровожденіи всѣхъ собакъ. Поѣздка была нѣсколько затруднена соленою водою, просачивающеюся черезъ снѣгъ на поверхность плоскаго новообразованнаго льда, перемежающагося съ неровными глыбами болѣе стараго происхожденія. Я присѣлъ на снѣговой кучѣ, между тѣмъ какъ собаки тѣснились ко мнѣ, чтобы я ихъ погладилъ. Глазъ блуждалъ по большой, безконечной, уединенной равнинѣ; ничего кромѣ снѣга, кругомъ снѣгъ!

Сегодняшнія наблюденія поразили насъ очень неприятно: мы спустились уже до $78^{\circ} 35'$ сѣв. широты. Однако объясненіе тутъ довольно просто, если принять во вниманіе сѣверные и сѣверо-западные вѣтра, господствовавшіе въ послѣднее время, и открытое море недалеко отъ насъ къ югу. Какъ только все замерзнетъ, мы должны будемъ снова двинуться на сѣверъ, это несомнѣнно; но во всякомъ случаѣ положеніе неприятное. Я нахожу нѣкоторое утѣшеніе въ томъ фактѣ, что насъ двигаетъ нѣсколько къ востоку, такъ что мы во всякомъ случаѣ двигаемся по вѣтру и насъ не потащило внизъ въ западномъ направленіи.

Понедѣльникъ, 9-го октября. Я лихорадилъ всю ночь. Богъ вѣсть, что означаетъ эта нелѣпость!

Когда я сегодня утромъ доставалъ пробы воды, то вдругъ замѣтилъ, что черпакъ остановился на глубинѣ нѣсколько менѣе 150 метровъ. Онъ, дѣйствительно, застрялъ на днѣ. значитъ мы снова попали къ югу, на мелкое мѣсто.

Оставивъ на нѣсколько минутъ лотъ на днѣ, мы стали глядѣть на веревку, которую въ это мгновеніе потянуло къ сѣверу. Это было во всякомъ случаѣ слабымъ утѣшеніемъ. Послѣ обѣда—мы какъ разъ въ это время ничѣмъ не были заняты и просто бесѣдовали—вдругъ раздался оглушительный грохотъ и все судно задрожало. Это былъ первый натискъ льда. Мы выбѣжали на палубу.

Грам держался превосходно, какъ я и ожидалъ отъ него. Ледъ сдвигался, не прекращая давленія, но долженъ былъ направляться подъ судно, которое медленно поднималось на верхъ. Эти надавленія повторялись нѣсколько разъ въ теченіи всего послѣобѣденнаго времени и иногда бывали настолько сильны, что Грам поднимался движеніемъ льда на нѣсколько футовъ; но въ такихъ случаяхъ ледъ не могъ долго сдерживать судно и разламывался подъ нимъ.

Къ вечеру ледъ снова разошелся, такъ что мы очутились на

поверхности довольно большого пространства открытой воды. Мы успѣли прикрѣпить свое судно къ старой льдинѣ. Повидимому, ледъ здѣсь находится въ сильномъ движеніи. Педеръ только что рассказалъ намъ, что онъ недалеко отсюда слышалъ глухой трескъ, образуемый сильнымъ напоромъ льда.

Вторникъ, 10-го октября. Волненіе во льду продолжается.

Среда, 11-го октября. Сегодня послѣ обѣда мы узнали печальную новость, что «Гюбъ» (собака) издохъ; его разорвали другія собаки. Его трупъ нашли въ порядочномъ отдаленіи отъ корабля. «Зугтенъ» сторожила его такъ, что никакая другая собака не могла къ нему приблизиться.

Эти собаки большія забіяки; дня не проходитъ безъ битвы. Днемъ обыкновенно кто нибудь изъ насъ находится по близости, чтобъ прекратить драку, но ночь рѣдко проходитъ безъ того, чтобы они не напали на одного изъ своихъ товарищей и не истребили его. Бѣдный «Баррабасъ» почти потерялъ рассудокъ отъ страха; онъ теперь остается на суднѣ, не рѣшаясь спуститься на ледъ, такъ какъ знаетъ, что остальные собаки тотчасъ же набросаются на него. Ни слѣда рыцарскихъ чувствъ не замѣтно въ этихъ псахъ и если гдѣ происходитъ битва, то вся свора, точно дикіе звѣри, набрасывается на побѣжденнаго. Но, быть можетъ, такъ ужъ законъ природы, чтобы защита оказывалась сильному, а не слабому? Быть можетъ мы, человѣческія существа, дѣйствуемъ, именно, наперекоръ природѣ, дѣлая все возможное, чтобы защитить слабого и сохранить ему жизнь?

Ледъ не успокоенъ и сегодня мы снова подверглись довольно сильному напору. Начинается съ того, что слышится легкій трескъ и стонъ, постепенно усиливающийся и переходящій черезъ всѣ отѣнки звуковъ; слышенъ высокій жалобный звукъ, потомъ грохотъ и наконецъ ворчаніе, послѣ котораго судно начинаетъ подниматься. Шумъ все усиливается, пока не уподобится трубнымъ звукамъ какого нибудь органа, судно дрожитъ и шатается и подымается или скачками или же медленно и постепенно. Мы испытываемъ пріятное успокоительное чувство, прислушиваясь къ этому шуму и укрѣпляясь въ сознаніи прочности нашего судна. Другое судно давно уже было бы раздавлено. Но ледъ разламывается о бока нашего судна и распавшіяся льдины кучами продвигаются подъ крѣпкій неуязвимый корпусъ судна и оно покоится на нихъ точно на кровати; затѣмъ мало по малу шумъ затихаетъ, судно опускается въ свое прежнее положеніе и опять наступаетъ тишина.

Ледъ нагромоздился во многихъ мѣстахъ кругомъ насъ и въ одномъ мѣстѣ куча достигла даже значительной высоты. Къ вечеру ледъ опять раздвинулся и мы снова очутились въ большомъ открытомъ пространствѣ воды.

Четвергъ, 12-го октября. Утромъ мы пошли, вмѣстѣ съ нашей льдиной, по голубой водѣ, посреди большой открытой канавы,

распространяющейся далеко къ сѣверу, къ тому мѣсту, гдѣ горизонтъ представлялся уже темноглубинымъ. Насколько мы могли разсмотрѣть изъ бочки, при помощи маленькой подзорной трубы, открытое пространство воды казалось безконечнымъ и только тамъ и сямъ плавали отдѣльные куски льда. Это было совсѣмъ ужъ необыкновенно.

Я былъ въ нерѣшимости: не приготовляться ли уже къ тому, чтобы идти далѣе подъ парами? Но мы давно уже приступили къ разборкѣ машины въ виду зимы, такъ что понадобилось бы довольно продолжительное время, чтобы снова собрать ее. Быть можетъ лучше не торопиться.

Ясная солнечная погода, прекрасный живительный зимній день, но все тотъ же сѣверный вѣтеръ. Бросали лотъ и нашли 90 метровъ глубины. Насъ медленно уноситъ къ югу. Къ вечеру ледъ снова сталъ сдвигаться съ большимъ шумомъ, но Fgam удержался на своемъ мѣстѣ. Послѣ обѣда я забросилъ Мюрреескую шелковую сѣть*) на глубину приблизительно въ 50 метровъ и наловилъ много маленькихъ ракообразныхъ животныхъ и маленькаго арктическаго червя (Spadella), плавающего въ морѣ.

Ловить рыбу тутъ необыкновенно трудно. Едва находили мы какое нибудь отверстіе во льду, чтобы спустить въ него веревку, какъ ледъ тотчасъ же начиналъ сдвигаться и надо было возможно скорѣе вытаскивать веревку, такъ какъ иначе ее могло ущепить между льдинами и тогда все пропало. Это жаль, такъ какъ тутъ можно было бы сдѣлать интересный уловъ. Гдѣ только существуетъ малѣйшее отверстіе во льду, тамъ можно видѣть фосфоресценцію**) воды; вообще здѣсь вовсе нѣтъ такого недостатка животной жизни, какъ это можно было бы ожидать.

Пятница, 13 октября. Въ настоящее время мы находимся какъ разъ въ такихъ условіяхъ, какими насъ желали напугать различные пророки: ледъ давитъ и сдвигается кругомъ насъ, производя страшный грохотъ. Онъ нагромождается въ видѣ длинныхъ стѣнъ и кучъ, почти достигающихъ высоты такелажна Fgam. Ледъ напрягаетъ всѣ усилія, чтобы растереть Fgam въ порошокъ. Мы, однако, сидимъ спокойно въ каютахъ и даже не поднимаемся на верхъ на палубу, чтобы взглянуть что дѣлается, продолжая бесѣдовать какъ ни въ чемъ не бывало.

Вчера вечеромъ наша прежняя собачья льдина подверглась страшному напору. Ледъ нагромоздился выше самой высокой верхушки этой льдины и обрушился на нее. Это намъ испортило ко-

*) Эта шелковая сѣть въ видѣ мѣшка служитъ для ловли живыхъ животныхъ и растительныхъ организмовъ на различныхъ глубинахъ. Во время нашего плаванія мы постоянно употребляли эту сѣтку на различныхъ глубинахъ и часто доставали при ея помощи богатую добычу.

**) Эта фосфоресценція вызывается по преимуществу присутствіемъ въ водѣ маленькихъ свѣтящихся ракообразныхъ.

ледь, изъ котораго мы до сихъ поръ доставали хорошую воду для питья, такъ какъ онъ наполнился соленой водой. Затѣмъ вся эта гряда сбрушилась на нашъ ледяной якорь, удерживающій корму, и на часть стального троса и такъ основательно засыпала ихъ, что мы должны были потомъ отрубить кабель. Ледъ засыпалъ также наши доски и сани, стоявшія на льду. Вскорѣ послѣ того наши собаки подверглись опасности и вахтенному пришлось разбудить весь экипажъ судна, чтобы спасти собакъ. Въ концѣ концовъ льдина раскололась.

Сегодня утромъ солнце освѣтило грустную картину хаоса льдинъ. Кругомъ настѣ нагромодились высокія крутыя ледяныя стѣны. Хотя мы какъ разъ находились на рубежѣ сильнѣйшаго давленія, но къ удивленію поплатились только потерей ледяного якоря, куока стального троса, нѣсколькихъ досокъ и другихъ деревянныхъ предметовъ, а также половиной самоѣдскихъ саней. Да и это все мы могли бы сохранить, если бы во время объ этомъ позаботились. Но люди сдѣлались такъ равнодушны къ давленію льда, что какой бы грохотъ ни раздавался, никто даже не потревожится выйти на палубу, чтобы посмотрѣть, что дѣлается. Въ чувствуешь, что судно можетъ выдержать это давленіе и поэтому нечего беспокоиться.

Утромъ давленіе снова уменьшилось и скоро мы опять очутились, какъ вчера, на поверхности большого пространства воды. Сегодня это открытое пространство еще увеличилось къ сѣверу, гдѣ темный горизонтъ по прежнему указывалъ на дальнѣйшее распространеніе открытаго пространства воды.

Тогда я отдалъ приказаніе снова собрать машину, что, какъ мнѣ сказали, могло быть сдѣлано въ полтора, много два дня. Мы должны отправиться къ сѣверу и посмотрѣть, гдѣ тамъ свободный проходъ. Я допускаю, что тамъ находится граница между плывучимъ льдомъ въ который попала «Жаннетта» и тою ледяною глыбой, съ которою мы теперь плывемъ къ югу; или, быть можетъ, тамъ находится земля?

Мы достаточно долго находились въ обществѣ старой, теперь уже разрушенной льдины и поэтому, послѣ обѣда, постарались подвинуть наше судно немного назадъ, такъ какъ ледъ сталъ опять сдвигаться. Къ вечеру давленіе возобновилось вокругъ остатковъ нашей прежней льдины и въ такой степени, что, по моему мнѣнію, мы должны были поздравить себя съ тѣмъ, что покинули ее.

Очевидно, давленіе льдовъ находится здѣсь въ связи съ волною прилива и, быть можетъ, даже вызывается ею. Оно наступало съ замѣчательною правильностью: два раза въ сутки ледъ расходился и два раза сдвигался. Напоръ льда, обыкновенно, начинался около 4, 5 и 6 утра и возобновлялся какъ разъ въ тѣ же самыя часы послѣ обѣда; въ промежуткѣ мы оставались довольно долгое время на поверхности открытой воды.

Очень сильное давленіе въ данную минуту, вѣроятно, является

результатомъ полнаго прилива; 9-го, въ первый день давленія, у насъ было новолуніе. Мы ощутили это давленіе въ тотъ день тотчасъ послѣ обѣда и затѣмъ съ каждымъ днемъ оно наступало позднѣе; въ настоящее время давленіе наступило въ 8 часовъ вечера.

Теорія, ставящая давленіе льдовъ въ значительной степени въ зависимость отъ волны прилива, нѣсколько разъ уже высказывалась арктическими изслѣдователями. Въ то время, когда Фрам увлекало теченіемъ, мы имѣли случай изучить это явленіе даже лучше, чѣмъ большинство изслѣдователей, и наши наблюденія вполне подтверждаютъ, что приливъ на значительномъ пространствѣ вызываетъ движеніе и напоръ льда; это случается, именно, во время полнаго прилива и обнаруживается сильнѣе при новолуніи, нежели при полнолуніи. Въ теченіи промежуточныхъ періодовъ давленіе льда обыкновенно очень слабо или даже почти не даетъ себя чувствовать; притомъ же въ теченіи нашего плаванія мы не все время подвергались этому давленію. Оно давало себя чувствовать преимущественно осенью, когда мы находились вблизи открытаго моря, къ сѣверу отъ Сибири, и въ послѣдніе годы экспедиціи, когда Фрам приближался къ Атлантическому океану, напоръ льда былъ менѣе замѣтенъ, когда мы находились въ полярномъ бассейнѣ. Тамъ давленіе наступало неправильно и вызывалось главнымъ образомъ вѣтромъ, который гонитъ ледъ. Если представить себѣ, что громадныя ледяныя массы, двигающіяся въ извѣстномъ направленіи, наталкиваются внезапно на препятствія, напр., на другія ледяныя массы, которыя вслѣдствіе перемѣны вѣтра въ болѣе или менѣе отдаленной области движутся въ противоположномъ направленіи, то становится легко понятнымъ, что должно произойти страшное давленіе, и такая борьба между ледяными массами безъ сомнѣнія представляетъ величественное зрѣлище. Чувствуется присутствіе титаническихъ силъ и ничего нѣтъ удивительнаго, что робкіе умы пугаются и испытываютъ ощущеніе какъ будто ничто не можетъ устоять противъ разрушительнаго дѣйствія этихъ силъ; тѣмъ болѣе, что когда ледяныя массы начинаютъ одвигаться, то дѣйствительно кажется, что вся поверхность земли должна приходить отъ этого въ содроганіе.

Въ ледяной пустынѣ прежде всего слышится шумъ, напоминающій грохотъ отдаленнаго землетрясенія; грохотъ этотъ становится все ближе и ближе и раздается въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Безмолвный ледяной міръ наполняется этимъ грохотомъ, великаны природы пробуждаются къ битвѣ. Ледъ начинаетъ ломаться кругомъ и громоздится другъ на друга, такъ что совершенно внезапно попадаешь въ самый центръ битвы. Со всѣхъ сторонъ слышится завываніе и грохотъ; чувствуется, какъ ледъ дрожитъ и трещитъ подъ ногами, нигдѣ нѣтъ покоя. Въ полутьмѣ видны все приближающіяся высокія ледяныя цѣпи, громоздящіяся другъ на друга и обрушивающіяся. Лѣдины толщиной въ 3, 4 и 5 метровъ ло-

маются и подбрасываются, точно онѣ легки какъ перо. Онѣ надвигаются такъ близко, что надо бѣжать, чтобы спасти свою жизнь; но вотъ внезапно ледъ раздвигается и передъ нами открывается черная бездна, изъ которой съ шумомъ устремляется вверхъ вода. Бросаясь въ другую сторону, но въ темнотѣ всетаки можно замѣтить, что и тутъ двигается новая ледяная стѣна. Пробеуешь идти въ другомъ направленіи, но и тамъ тоже самое. Кругомъ все трещить и грохочетъ, точно чудовищный водопадъ, къ которому присоединяются взрывы, похожіе на салюты изъ орудій. Все ближе и ближе надвигается ледъ. Лыдина, на которой стоишь, становится все меньше и меньше; изъ подъ нея брызжетъ вода. Единственный выходъ—это вскарабкаться на двигающіяся ледяныя глыбы и перебраться на другую сторону ледяной массы. Но волненіе начинаетъ утихать, грохотъ становится глуше и мало по малу теряется вдали.

Все это происходитъ здѣсь, на далекомъ сѣверѣ, изъ мѣсяца въ мѣсяць, изъ года въ годъ. Ледъ раскалывается и громоздится кучами, которыя распространяются по всемъ направленіяхъ. Еслибы можно было обозрѣвать ледяныя поля съ высоты птичьяго полета, то онѣ представились бы точно раздѣленными на квадраты и покрытыми сѣтью сдвинувшихся вмѣстѣ ледяныхъ цѣпей или, какъ мы ихъ называли, плотинъ, такъ какъ эти цѣпи своимъ видомъ напоминали намъ покрытыя снѣгомъ плотины нашей родины, употребляемыя во многихъ мѣстахъ для загражденія полей.

На первый взглядъ кажется, будто эти цѣпи, вызванныя давлениемъ льда, распространяются во всехъ направленіяхъ. При болѣе же близкомъ изслѣдованіи мнѣ показалось, что онѣ имѣютъ опредѣленное направленіе и именно идутъ подъ прямымъ угломъ къ направленію давленія льда, которому обязаны своимъ происхожденіемъ.

Въ отчетахъ объ арктическихъ экспедиціяхъ часто можно встрѣтить описаніе горныхъ цѣпей и холмовъ, возникшихъ вслѣдствіе давленія и достигающихъ до 15 метровъ высоты. Все это сказки. Авторы подобныхъ фантастическихъ описаній, навѣрное, не дали себѣ труда измѣрить высоту этихъ холмовъ. Въ теченіе всего времени нашего плаванія во льдахъ и странствованія по ледянымъ полямъ я только разъ видѣлъ ледяной холмъ, болѣе, чѣмъ въ семь метровъ вышины. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности измѣрить его, но полагаю, что высота его была приблизительно около 9-ти метровъ. Всѣ самыя высокія глыбы, которыя мнѣ случалось измѣрять—а такихъ было не мало—не превышали $5\frac{1}{2}$ —7 метровъ, и я могу съ увѣренностью утверждать, что сдвиганіе морского льда до высоты 8-ми метровъ составляетъ лишь рѣдкое исключеніе *).

*) Мэргемъ въ своемъ отчетѣ говоритъ, что къ сѣверу отъ земли Гринелля онъ встрѣчалъ ледяныя холмы высотой въ 13 метровъ. Я далеко не

Суббота, 14 октября. Сегодня мы снова поставили на место руль. Машина почти въ порядкѣ, и мы готовы двинуться къ сѣверу, какъ только ледъ откроется рано поутру. Ледъ попрежнему правильно сдвигается и раздвигается два раза въ день, такъ что мы можемъ заранѣе рассчитывать. Сегодня мы также замѣтили тотъ же самый открытый каналъ къ сѣверу и далѣе, насколько хватаетъ глазъ, открытое море. Чтобы это могло означать?

Сегодня вечеромъ давленіе льда было довольно сильное. Лдины громоздились у бакборда и, казалось, готовы были обрушиться на Ёган, но кончилось тѣмъ, что ледъ раскалывался и уходилъ подъ дно судна, поднимая его.

Ледъ не очень плотенъ и не можетъ причинить много вреда, но сила его всетаки иногда громадна. Безпрерывно надвигаются новыя массы и имѣютъ такой видъ, какъ будто ничто не можетъ противостоять имъ; тѣмъ не менѣе онѣ, медленно и вѣрно, разламываются о бокъ судна. Въ настоящую минуту (8½ часовъ вечера) напоръ, наконецъ, прекратился. Вечеръ свѣтлый, сверкающія звѣзды и яркое сѣверное сіяніе.

Когда я кончилъ писать свой дневникъ и, улегшись въ койку, взявъ Дарвина «О происхожденіи видовъ» и сталъ читать о борьбѣ за существованіе, мнѣ послышалось вдругъ, что собаки, тамъ на льду, шумятъ болѣе обыкновеннаго. Я крикнулъ сидящимъ въ салонѣ, чтобы кто нибудь пошелъ наверхъ и посмотрѣлъ, ужъ ли медвѣди ли это заставляютъ собакъ такъ сильно лаять. Скоттъ-Гансенъ отправился и, вернувшись, сообщилъ, что, какъ ему казалось, онъ разглядѣлъ въ темнотѣ какого то большого звѣря.²

— Такъ подите и убейте его!

Скоттъ-Гансенъ тотчасъ же приготовился исполнить приказаніе и вышелъ въ сопровожденіи еще нѣсколькихъ человекъ. На надубѣ, надъ моею головою, прогремѣлъ выстрѣлъ, потомъ другой, затѣмъ выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ, такъ что въ общемъ я ихъ насчиталъ девять.

Югансенъ и Гендриксенъ бросились внизъ, чтобы захватить побольше патроновъ, и заявили намъ, что звѣрь раненъ, такъ какъ страшно рычитъ, между тѣмъ какъ раньше они видѣли только неопредѣленную большую сѣровато-бѣлую массу, двигающуюся въ темнотѣ около собаки. Теперь они рѣшили спуститься на ледъ.

Четверо, отправившихся туда, дѣйствительно нашли въ небольшомъ отдаленіи медвѣдя, раненаго двумя выстрѣлами. Это былъ молодой звѣрь, старый же, вѣроятно, находился гдѣ нибудь по бли-

убѣжденъ въ томъ, что это не были айсберги. Однако, безъ сомнѣнія, можно также допустить, что сильное давленіе въ сторону материка или что нибудь подобное вызвало образованіе такихъ холмовъ. На основаніи нашего опыта я, однако, не могу допустить возможность появленія ихъ въ открытомъ морѣ.

зости, такъ какъ собаки все еще продолжали громко лаять. Всѣ были убѣждены, что видѣли двухъ медвѣдей и что другой звѣрь долженъ быть также тяжело раненъ. Йогансенъ и Гендриксенъ слышали въ отдаленіи стонъ, когда они во второй разъ отправились на ледъ, чтобы взять оставленный ими ножъ. Трупъ медвѣдя тотчасъ же перетащили на судно и содрали съ него шкуру, прежде чѣмъ онъ успѣлъ окоченѣть на морозѣ.

Суббота, 15 октября. Къ нашему удивленію, ледъ, послѣ сильнаго напора, бывшаго сегодня ночью, не раздвинулся и даже не было признаковъ, указывающихъ на то, что онъ можетъ раздвинуться къ утру; между тѣмъ у насъ уже все было готово къ дальнѣйшему плаванію. Когда позднѣе появились ожидаемые признаки, я тотчасъ же отдалъ приказаніе разводитъ пары, а самъ, тѣмъ временемъ, отправился на ледъ, чтобы попокатъ слѣдовъ раненыхъ вчера звѣрей. Я нашелъ слѣды не только убитаго медвѣдя, но и другого, большей величины, вѣроятно, самки, и еще третьяго звѣря, который, вѣроятно, былъ тяжело раненъ и тащился на заднихъ ногахъ, такъ какъ онъ оставилъ по себѣ широкій кровавый слѣдъ.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, я вспомнилъ, что у меня нѣтъ никакихъ инструментовъ, кромѣ собственныхъ рукъ, для того, чтобы приволочь убитыхъ звѣрей; поэтому я рѣшилъ вернуться на судно, чтобы достать орудія и взять съ собою помощниковъ. Кромѣ того, у меня была еще слабая надежда, что ледъ въ это время можетъ раздвинуться, такъ что мы, вмѣсто преслѣдованія дикихъ звѣрей, поплывемъ вмѣстѣ съ Грамъ къ сѣверу. Но это счастье намъ не было суждено.

Я надѣлъ лыжи и, въ сопровожденіи собакъ и двухъ человекъ изъ нашего экипажа, отправился въ поиски за медвѣдемъ. На нѣкоторомъ разстояніи мы, какъ разъ, попали на то мѣсто, гдѣ медвѣдь провелъ ночь. Страшная это была ночь для бѣднаго звѣря! Здѣсь я также нашелъ слѣды самки. Чувство жалости невольно охватило меня при мысли, что она сторожила тутъ своего бѣднаго убитаго дѣтеныша. Вскорѣ послѣ того мы наткнулись на другое раненое животное, которое съ трудомъ тащилось по льду. Стараясь уйти отъ насъ и не видя другого исхода, медвѣдь бросился въ небольшое отверстіе во льду и нырнулъ въ воду. Пока мы приготовляли петлю изъ каната, собаки наши начали бѣгать вокругъ отверстія, точно помѣшанныя, и мы только съ трудомъ удержали ихъ, чтобы онѣ не бросились въ воду вслѣдъ за медвѣдемъ. Наконецъ, петля у насъ была готова, и когда звѣрь опять вынырнулъ, то мы набросили ему петлю на одну изъ лапъ и пустили ему пулю въ голову. Въ то время, какъ мои товарищи волочили на судно медвѣдя, я пошелъ по слѣду самки, но всетаки не нашелъ медвѣдицы. Впрочемъ, я скоро долженъ былъ повернуть, такъ какъ хотѣлъ посмотреть, нѣтъ ли какихъ либо благоприятныхъ признаковъ, но увидѣлъ, что ледъ, какъ разъ

къ тому времени, когда обыкновенно мы вправѣ были рассчитывать на то, что онъ раздвинется, снова сталъ нѣсколько сдвигаться.

Послѣ обѣда мы съ Скоттъ-Гансеномъ снова отправились отыскивать медвѣдицу. Какъ я и ожидалъ, мы нашли указанія, что она возвращалась и нѣкоторое время шла по слѣду, оставленному трупомъ ея дѣтеныша, когда его волокли на судно, но затѣмъ она повернула къ востоку, и такъ какъ было темно, то мы потеряли ея слѣдъ на вновь сдвинувшемся льду.

Этотъ эпизодъ съ медвѣдами стоилъ намъ потери двухъ собакъ: «Наррифаса» и «Фокаса». Вѣроятно, обѣ эти собаки убѣжали съ перепугу, когда только что появились медвѣдь; могло быть также что онѣ были ранены, хотя я и не замѣтилъ никакихъ признаковъ, подтверждающихъ это заключеніе.

Сегодня вечеромъ ледъ спокоенъ, хотя около 7 часовъ ощущалось легкое давленіе.

Понедѣльникъ, 16 октября. Ледъ спокоенъ и не сомкнулся. Наблюденія отъ 12 октября указываютъ 78°5' сѣв. ширины; мы не перестаемъ двигаться къ югу, Это можетъ привести въ отчаяніе! Оба бѣглеца вернулись сегодня рано утромъ.

Вторникъ, 17 октября. Непрерывное движеніе во льду. Въ теченіи ночи ледъ нѣсколько раздвинулся; на нѣкоторомъ разстояніи отъ судна оставалась большая расщелина. Вокорѣ послѣ полночи возникло очень сильное ледяное давленіе и между 11 и 12 часами утра ощущался страшный напоръ, но послѣ того давленіе опять нѣсколько ослабло.

Среда, 18 октября. Когда сегодня утромъ метеорологъ Югансенъ отправился на палубу, чтобы взглянуть на термометры, онъ замѣтилъ, что собаки, привязанныя теперь на суднѣ, на что-то сильно лаютъ. Онъ перегнулся черезъ бортъ кормы у руля и увидѣлъ подъ собою, у самого судна, спину медвѣда. Онъ тотчасъ же принесъ ружье и нѣсколькими выстрѣлами уложилъ медвѣда. Позднѣе мы узнали по слѣдамъ, что медвѣдь изслѣдовалъ всѣ кучи отбросовъ, находившіяся вокругъ судна.

Нѣсколько позднеѣ, передъ обѣдомъ, я сдѣлалъ экскурсію на ледъ. Скоттъ-Гансенъ и Югансенъ были заняты съ южной стороны судна магнитными наблюденіями. Погода была прекрасная, солнце сіяло. Я стоялъ у открытаго пруда, недалеко отъ судна, и разсматривалъ образованіе и ростъ новаго льда, когда съ судна раздался выстрѣлъ. Я оглянулся и увидѣлъ еще одного медвѣда, который убѣгалъ по направленію къ ледянымъ возвышенностямъ. Гендриксенъ увидалъ его съ палубы, когда онъ направлялся къ судну, но, почувшившись всего на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ судна, медвѣдь замѣтилъ Гансена и Югансена и прямо направился къ нимъ. Въ это время Гендриксенъ уже притащилъ свое ружье, но оно нѣсколько разъ дало обѣчку, прежде чѣмъ раздался выстрѣлъ, вълѣдствіе того, что у Гендриксена существуетъ несчастная сла-

бость до такой степени смазывать вазелиномъ курокъ ружья, что пружины точно купаются въ мылѣ. Наконецъ, ему удалось выстрѣлить и пуля проникла въ косою направленіи черезъ спину и грудь медвѣды. Звѣрь поднялся на заднія лапы, помахалъ въ воздухѣ передними лапами, затѣмъ упалъ, снова вкочилъ и, пробѣжавъ шаговъ тридцать, окончательно свалился; пуля задѣла сердце.

Гансентъ увидалъ медвѣды только тогда, когда раздался выстрѣлъ, онъ бросился къ нему и пустилъ ему двѣ пули въ голову изъ револьвера. Это былъ большой звѣрь, самый большой медвѣды, какого только намъ удалось застрѣлить до сихъ поръ.

Около полудня я вгльзъ въ бочку. Не смотря на ясную погоду, я ни въ какомъ направленіи не замѣтилъ признаковъ земли. Расщелина во льду, идущая далеко къ сѣверу, совершенно исчезла, но въ теченіе ночи, совсѣмъ по близости судна, образовалась новая большая канава, идущая отъ сѣвера къ югу, но теперь покрывшаяся льдомъ. Давленіе льда ограничивается, главнымъ образомъ, краями этого отверстія, и прослѣдить его можно по обомъ направленіямъ между стѣнами сдвинутого льда, вплоть до самаго горизонта. Къ востоку ледъ совершенно непрерывный и плоскій. Мы какъ разъ находились, слѣдовательно, въ мѣстѣ самаго сильнаго давленія.

Четвергъ, 19 октября. Ледъ нѣсколько раздвинулся въ теченіе послѣдней ночи.

Утромъ я попробовалъ одѣлать поѣздку на саняхъ, запряженныхъ шестью собаками. Я впредъ ихъ въ самоѣдскія сани и, усѣвшись въ нихъ, закричалъ: «пррр! пррр!» Собаки быстро помчались по льду. Но катаніе мое продолжалось недолго; мы повстрѣчали огромную льдину и должны были повернуть. Едва это было сдѣлано, какъ собаки во весь духъ помчались къ судну и ихъ никакъ нельзя было отогнать оттуда; онѣ все бѣгали кругомъ судна отъ одной кучи отбросовъ къ другой. Если я отбѣзжалъ со стороны штирборда и кнутомъ вынуждалъ ихъ идти на ледъ, то онѣ оббѣгали кругомъ кормы къ бакборду судна. Я дергалъ возжи, изрыгалъ проклятія и пробовалъ все, что только можно, но напрасно. Тогда я выльзъ изъ саней и попробовалъ ихъ удержать, но собаки рванули, и я полетѣлъ вверхъ ногами на ледъ. Когда мнѣ удавалось задерживать ихъ бѣгъ у какой нибудь кучи мусора или глыбы льда, то онѣ снова устремлялись къ штирборду судна, а я, злобствуя, плелся за ними, готовый разорвать ихъ на части, еслибъ мнѣ удалось изловить ихъ. Такъ продолжалась эта игра, пока она имъ самимъ не надоѣла и онѣ подумали, вѣроятно, что ради разнообразія могутъ попробовать пробѣжаться по той дорогѣ, куда я направлялъ ихъ. Онѣ устремились, какъ вихрь, по плоской льдинѣ, пока я не задержалъ ихъ на одно мгновеніе, чтобъ дать имъ передохнуть. Но при первомъ же моемъ движеніи въ саняхъ, онѣ снова повернули назадъ по прежней дорогѣ. Я судорожно держался за сани, кричалъ на собакъ, дергалъ возжи и стегалъ кнутомъ, но, чѣмъ больше я сте-

гамь, тѣмъ проворнѣе онѣ бѣжали по избранной ими дорогѣ. Наконецъ мнѣ удалось остановить сани, упершись ногами въ снѣгъ между половьями и вогнавъ въ ледъ крѣпкій крюкъ. Но стоило мнѣ лишь немного зазѣваться, и я уже былъ на боку, и собаки опять мчались, волоча меня по снѣгу, на которомъ нѣкая тяжелая часть моего тѣла оставляла широкій слѣдъ. Такъ шло дѣло изъ кулъка въ рогожку. Я потерялъ доску, на которой долженъ былъ сидѣть, потому кнутъ, перчатки, шапку, и, конечно, эти потери не могли способствовать улучшенію моего настроенія духа. Раза два я пробовалъ бѣжать передъ собаками и хотѣлъ силою заставить ихъ повернуть, угрожая имъ кнутомъ. Онѣ бросались изъ стороны въ сторону и неслись еще скорѣе. Послѣ этого, наконецъ, возжи запутались объ мои ноги, такъ что я упалъ плашмя въ сани, и тогда собаки побѣжали, точно бѣшенныя.

Это былъ первый мой опытъ поѣздки въ саняхъ, и я не могу утверждать, чтобы я очень имъ гордился, но я внутренно поздравлялъ себя съ тѣмъ, что никто не видалъ моихъ геройскихъ подвиговъ.

Послѣ обѣда я изслѣдовавъ воду, образовавшуюся отъ таянія новообразованнаго красновато-коричневаго льда и скопившуюся въ довольно большомъ количествѣ въ отверстіяхъ кругомъ. Окраска этой воды, какъ показала микроскопъ, зависѣла отъ безчисленнаго количества мелкихъ организмовъ, преимущественно растений—діатомей и водорослей, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли совсѣмъ особенную форму.

Суббота, 21-го октября. Сегодня я остаюсь на суднѣ вслѣдствіе боли въ мышцахъ или ревматизма, появившагося у меня въ правой сторонѣ тѣла. Докторъ лѣчитъ меня массажемъ и этимъ еще болѣе усиливаетъ мои страданія.

Неужели я уже такъ старъ и хилъ или это только мое воображеніе? Самое большее, что я могу сдѣлать—этоковылять, прихрамывая, но мнѣ хотѣлось бы знать, могу ли я встать и побѣгать взапуски вмѣстѣ съ другими; мнѣ почти кажется, что я могу, если для этого представится хорошій случай.

Хорошъ 32-хъ-лѣтній арктическій герой, валяющійся въ койкѣ! Я много разъ перечиталъ письма съ родины, переносился мыслями домой и мечталъ о возвращеніи—но черезъ сколько лѣтъ?! Съ успѣхомъ или безъ успѣха—не въ этомъ дѣло!

Я велѣлъ бросить лотъ; оказалось больше 135 метровъ; мы, значить, снова оказываемся на большей глубинѣ. Лотъ показалъ, что съ увлекаетъ въ югозападномъ направленіи.

Это непрерывное движеніе къ югу мнѣ совсѣмъ непонятно. Въ слѣднее время вѣтровъ было немного; сегодня дуетъ вѣтеръ съ севера, но не сильный. Что можетъ быть причиною такого явленія? Я смотря на всѣ мои изслѣдованія, соображенія и расчеты, я все-таки не могу объяснить себѣ существованіе этого южнаго теченія; теченіе должно было направляться къ сѣверу.

Если теченіе направляется къ югу, то какъ же объяснить существованіе большого открытаго моря, которое мы прошли къ сѣверу отсюда? А этотъ заливъ, до самаго конца котораго на дальнемъ сѣверѣ мы шли подъ парами? И то и другое не могло существовать иначе, какъ въ томъ случаѣ, если теченіе направляется къ сѣверу, какъ это я раньше утверждалъ.

Единственно, что меня смущаетъ, это западное теченіе, которое все время было противъ насъ, когда мы шли вдоль сибирскаго берега. Ни въ какомъ случаѣ мы не ожидаемъ, что насъ понесетъ къ югу, мимо ново-сибирскихъ острововъ, затѣмъ на западъ вдоль сибирскаго берега и оттуда къ сѣверу, мимо мыса Челюскина, по той самой дорогѣ, по которой мы сюда прибыли! Это было бы слишкомъ хорошо, не говоря уже о томъ, что шло бы совершенно въ разрѣзъ со всѣми моими расчетами.

Ну, что за бѣда? Куда нибудь да должны же мы попасть; тутъ мы не можемъ вѣчно оставаться. Конецъ вѣнчаетъ дѣло, говорятъ; однако я бы всетаки желалъ, чтобы мы двигались нѣсколько быстрее, куда бы насъ ни увлекало теченіе. Въ нашей гренландской экспедиціи насъ тоже потащило сначала къ югу, однако эта экспедиція всетаки хорошо кончилась.

Воскресенье, 22 октября. Гендриксенъ бросалъ лотъ сегодня утромъ и нашелъ 129 метровъ. «Если насъ вообще несетъ куда нибудь, сказалъ онъ, то это къ востоку, хотя почти никакого движенія не замѣтно». Вѣтра сегодня нѣтъ. Я остаюсь въ своей койкѣ.

Понедѣльникъ, 23-го октября. Все еще лежу въ своей норѣ. Сегодня глубина на девять метровъ меньше, чѣмъ вчера. Веревка отклоняется къ юго-западу, слѣдовательно насъ тащитъ къ сѣверо-востоку. Гансенъ подвелъ итогъ наблюденіямъ отъ 19-го октября и нашелъ, что мы удалились на 10' къ сѣверу, такъ что должны находиться теперь подъ 78°15' сѣв. широты.

Наконецъ то, когда вѣтеръ улегся, теченіе къ сѣверу сдѣлалось болѣе замѣтнымъ. Вблизи насъ открылись каналы, одинъ вдоль судна, другой впереди его, по близости прежней канавы. Послѣ обѣда появились легкіе признаки напора льда.

Вторникъ, 24-го октября. Между 4 и 5 часами утра произошелъ сильный напоръ льда, нѣсколько приподнявшій Фрам. Можно ожидать, что движеніе льдовъ начнется снова.

Сегодня утромъ ледъ раскрылся настолько, что Фрам освободился совершенно, но поднявъ ледъ снова сдвинулся и около 11-ти часовъ произошелъ сильный напоръ. Затѣмъ наступилъ спокойный промежутокъ, но послѣ обѣда напоръ льда возобновился и былъ очень силенъ между 4 и 4 ч. 30 м.; такъ что судно содрогалось и поднималось на верхъ, но нисколько отъ этого не пострадало.

Педеръ выразилъ мнѣніе, что давленіе льда идетъ съ сѣверо-востока, такъ какъ онъ въ этомъ направленіи слышалъ приближеніе шума. Югансенъ забросилъ для меня шелковую сѣть на глубину 20 метровъ

и лишь съ большимъ трудомъ успѣвъ вытащить ее своевременно; за то уловъ былъ богатый. Я все еще сижу внизу.

Среда, 25-го октября. Вчера вечеромъ намъ пришлось выдерживать страшный напоръ. Я проснулся отъ этого и чувствовалъ, какъ Егамъ поднялся вверхъ, затрясся и былъ сброшенъ; я слышалъ также громкій трескъ льда, раскалывавшагося о бока судна.

Прислушавшись нѣкоторое время къ этому шуму, я снова заснулъ съ приятнымъ сознаниемъ, что всетаки хорошо находится въ это время на такомъ суднѣ, какъ Егамъ; вѣдь чертовски было бы неприятно, еслибъ намъ нужно было, при каждомъ напорѣ льда, вставать и быть готовыми оставить судно съ нашими узелками за спиной, какъ это было съ людьми «Тегеттгофа».

Теперь темнѣетъ быстро. Съ каждымъ разомъ солнце, показываясь на небѣ, стоитъ все ниже и ниже. Скоро оно исчезнетъ совсемъ. Долгая темная зима стоитъ у дверей, и мы будемъ радоваться, когда наконецъ наступитъ весна. Но это бы ничего не значило, еслибъ только мы могли двинуться къ сѣверу. Теперь господствуютъ югозападные вѣтры.

Наконецъ мы испробовали нашу вѣтряную мельницу, которая готова вотъ уже нѣсколько дней; работаетъ она превосходно. Сегодня у насъ чудесное электрическое освѣщеніе, хотя вѣтеръ и не очень силенъ—5—8 метровъ въ секунду. Великое учрежденіе электрическихъ лампы!

Какое громадное вліяніе оказываетъ свѣтъ на душевное настроеніе! Сегодня за столомъ это было особенно замѣтно; свѣтъ дѣйствуетъ на расположеніе духа, какъ глотокъ хорошаго вина. И какъ парадно выгладитъ нашъ салонъ! Мы рѣшили выпить по этому случаю за здоровье Оскара Диксона, взявшаго на себя всѣ расходы по электрическому освѣщенію, и объявили его при этомъ лучшимъ изъ товарищей.

Чудный лунный свѣтъ сегодня вечеромъ; свѣтло какъ днемъ. Сѣверное сіяніе кажется желтымъ и такъ странно выгладитъ при лунномъ освѣщеніи. Около луны большой кругъ. Все это освѣщаетъ далеко распространяющійся мерцающій ледъ, нагромоздившійся тамъ и сямъ вблизи насъ. Среди этого безмолвнаго ледяного міра, залитаго серебрянымъ блескомъ, вѣтряная мельница ворочаетъ свои темныя крылья, выдѣляющіяся на голубомъ фонѣ небесъ и сѣвернаго сіянія. Какой поразительный контрастъ съ окружающею обстановкой составляетъ этотъ продуктъ цивилизаціи, внезапно вторгнувшейся въ застывшій призрачный міръ!

Завтра день рожденія Егамъ. Сколько воспоминаній вызываетъ годовщина дня, когда Егамъ былъ спущенъ на воду!

Четвергъ, 26-го октября. Когда мы сегодня утромъ бросили лодъ, то нашли 300 метровъ глубины. Мы быстро двигаемся къ сѣверу, «прямо на сѣверъ», говоритъ Педеръ и дѣйствительно, кажется, какъ будто дѣла наши стали лучше теперь.

Большое торжество дня началось стрельбой в цель. Затѣмъ у насъ былъ превосходный обѣдъ изъ четырехъ блюдъ, подвергшихъ испытанію нашъ пищеварительный аппаратъ. Тостъ за здравіе Грамъ былъ покрытъ самыми бурными аплодисментами. Заявленіе оратора, что лучше Грамъ трудно выдумать судно для нашей цѣли, нашло горячій откликъ въ сердцахъ всѣхъ слушателей и мы пожелаемъ нашему судну и себѣ вмѣстѣ съ нимъ многая лѣта.

Послѣ ужина подавъ былъ земляничныи и лимонныи пуншъ и затѣмъ съ большою торжественностью послѣдовала раздача наградъ, сопровождаемая шутками и соответствующими изреченіями, болшею частью придуманными нашимъ врачомъ. Каждый получилъ награду. Самый первый получилъ деревянный крестъ ордена «Грамъ», который долженъ былъ носиться на шеѣ на бѣлой полотняной тесьмѣ. Послѣднему досталось зеркало, въ которомъ онъ могъ любоваться на свое павшее величіе.

Въ этотъ вечеръ было разрѣшено куреніе въ салонѣ, и праздники завершились веселымъ вистомъ, куреніемъ трубокъ и питьемъ грога.

Теперь я сижу одинъ и мысли мои невольно унеслись за годъ назадъ, къ тому дню, когда мы стояли на платформѣ и «она» выплеснула шампанское въ сторону судна со словами: «Пусть будетъ твое имя «Грамъ»—послѣ чего крѣпкій, тяжелый корпусъ судна началъ медленно скользить внизъ. Я крѣпко держалъ ее за руку; глаза наполнились слезами, и что то такъ сжало горло, что нельзя было произнести ни слова. Мощный корпусъ погрузился въ сверкающую воду; легкій солнечный туманъ окуталъ всю картину. Никогда не забыть мнѣ той минуты, когда мы стояли вмѣстѣ и смотрѣли на эту оцену!

Разлучены морями, землей и льдомъ! Между нами еще лежатъ года; теперь продолженіе того, что начато было въ тотъ памятный день. Но сколько времени это продлится? У меня есть печальное предчувствіе, что я не такъ-то скоро увижу свою родину. Когда я начинаю съ этомъ раздумывать, то знаю, что разлука будетъ долгая, но мнѣ не хочется этому вѣрить.

Сегодня мы торжественно простились съ солнцемъ. Въ полдень показалась только половина диска въ послѣдній разъ надъ краемъ льдовъ, въ южной сторонѣ; солнце имѣло видъ какого то уплощеннаго тѣла, испускающаго матовый красный свѣтъ, но безъ тепла. Отнынѣ мы вступаемъ въ зимнюю ночь. Что то она принесетъ намъ? Гдѣ то мы будемъ, когда солнце опять вернется на землю?

Чудный лунный свѣтъ какъ будто желаетъ вознаградить насъ за потерю солнца; луна не сходитъ съ небосклона ни ночью, ни днемъ.

Къ удивленію, давленіе льда теперь стало меньше, и только изрѣдка ощущается легкій напоръ. Ледъ однако раскрывается часто на значительномъ разстояніи; во многихъ направленіяхъ образо-

важныя большія полынья. Въ южной сторонѣ находится нѣсколько такихъ водоемовъ довольно значительной величины.

Пятница, 27-го октября. Лоть указалъ сегодня 95 метровъ глубины. Согласно послѣобъединнымъ наблюдениямъ мы подвинулись на 3' къ сѣверу и нѣсколько болѣе къ западу, чѣмъ 19-го октября.

Ужасно неприятно, что мы тутъ вертимся на одномъ мѣстѣ. Мы должно быть попали въ дыру, въ которой ледъ двигается кругомъ, и не можемъ изъ нея выбраться. Время тратится бесполезно. Богъ знаетъ, какъ долго это продлится. Еслибъ подулъ сильный южный вѣтеръ и погналъ насъ къ сѣверу, онъ бы вывелъ насъ изъ затрудненія!

Мои люди опять сняли друль. Въ то время, какъ они заняты были этимъ дѣломъ, вдругъ сдѣлалось свѣтло, какъ днемъ. Необыкновенный огненный шаръ прорѣзалъ небосклонъ на западѣ и освѣтилъ все голубовато-бѣлымъ свѣтомъ. Югансенъ бросился внизъ, въ салонъ, чтобъ сообщить объ этомъ мѣѣ и Скоттъ-Гансену. Онъ сказалъ намъ, что еще можно видѣть свѣтлыя полосы, слѣды, оставленный шаромъ на своемъ пути. Когда мы взошли на палубу, то увидали свѣтящуюся дугу на небѣ. Метеоръ исчезъ въ созвѣздіи «Лебедя», но сіяніе его еще долго оставалось въ воздухѣ въ видѣ свѣтящейся пыли. Никто не видалъ самаго огненного шара, потому что всѣ въ это время стояли къ нему спиной, и потому никто, не могъ сказать навѣрное, разорвался ли онъ, или нѣтъ. Это второй метеоръ необыкновеннаго блеска, видѣнный нами въ этихъ областяхъ.

Ледъ выказываетъ замѣчательную склонность раскрываться, хотя давления и не было, но по временамъ судно оказывается среди открытаго пространства воды. Это случилось и сегодня.

Суббота, 28-го октября. Ничего не случилось замѣчательнаго. Луна свѣтитъ днемъ и ночью; на югѣ замѣтно еще мерцаніе солнца.

Воскресенье, 29-го Октября. Педеръ застрѣлилъ сегодня утромъ у самаго судна бѣлую лисицу. Мы уже нѣсколько времени тому назадъ замѣтили лисьи слѣды, и въ воскресенье Могстадъ увидѣлъ лисицу, которая, очевидно, регулярно являлась къ судну, чтобы пожирать остатки выпотрошеннаго медвѣдя. Вскорѣ послѣ того, какъ была убита первая лисица, явилась вторая, почуявшая, очевидно, своего мертваго товарища, но она очень скоро скрылась опять. Удивительно, что на этой плавучей льдинѣ, такъ далеко отъ земли, находится такъ много лисицъ. Впрочемъ, пожалуй, это нисколько не болѣе удивительно чѣмъ то, что я встрѣчалъ слѣды лисицъ на льду между Янгъ-Майеномъ и Шницбергенемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЛИВЬЕ ДАТАНЪ.

(Изъ политическихъ нравовъ современной Франціи).

Романъ Жюль Каза.

XVI.

На слѣдующей недѣлѣ Оливье присутствовалъ на свадьбѣ Денюнка. Стоя въ церкви, среди толпы, въ которой мелькали передъ нимъ хорошенькія лица, съ тонкими профилями парижанокъ, онъ улыбался, чуть замѣтной нѣжной улыбкой, всѣмъ—и мужчинамъ и женщинамъ. Его мысли расширялись, поднимались высоко, какъ царственныя птицы; эти мысли приводили его къ предѣламъ мечты, которая его посѣщала вотъ уже около недѣли, будила среди ночи, заставляла его лежать съ открытыми глазами до разсвѣта, мечты, которая вошла съ нимъ въ эту церковь и о которой онъ думалъ въ эти мгновенія.

Когда служба кончилась, онъ пошелъ въ ризницу и пожалъ руку Денюнка съ искреннимъ волненіемъ. Воспоминанія объ ихъ старинномъ товариществѣ, о длинныхъ бесѣдахъ, когда они учились въ коллегіи—внезапно его разнѣжили. Все это было уже далеко. Въ этомъ пожатіи руки заключалось послѣднее прощаніе. Другіе, Коломесь и Перрона, были также здѣсь, но и они прощались.

Оливье ускользнулъ незамѣтно, сошелъ со ступенекъ церкви и потерялся въ толпѣ.

Онъ шелъ прямо домой, торопясь къ своему столу, съ листами бѣлой бумаги. Вотъ уже около недѣли, какъ онъ исписывалъ большое количество бумаги, рвалъ и жегъ написанное, а затѣмъ снова возобновлялъ атаку съ упрямствомъ солдата, увѣреннаго, что возьметъ редутъ.

Этимъ редутомъ была книга, книга о краснорѣчій, съ портретами великихъ ораторовъ демократіи, начиная съ Мирабо, жирондистовъ, либераловъ реставраціи, до Барро включительно. Въ этой книгѣ, гдѣ каждый герой-трибунъ, такъ сказать, произносилъ свою рѣчь, рассказывая о себѣ и о своемъ времени,—

Оливье рисовалъ сжатými чертами новѣйшую исторію Франціи. Каждой фазѣ соотвѣтствовали свой ораторъ, вождь народа, могучій рулевой, однимъ ударомъ руля измѣнявшій ходъ судна. Они слѣдовали другъ за другомъ въ неравныхъ промежуткахъ, возвышаясь надъ обстоятельствами во весь свой ростъ, на протяженіи вѣка, господствуя надъ толпой, точно династія новыхъ королей, помазанныхъ на царство геніемъ.

Оливье какъ бы открылъ эту книгу, всю цѣликомъ покоившуюся въ его головѣ. Нуженъ будетъ годъ, два года, чтобъ написать ее, собрать матеріалы, пересмотрѣть, поправить, ожидая дней вдохновенія, перечитывать вслухъ страницы, написанныя прежде, провѣрить ихъ звучность и содержаніе. Впредложеніи двухъ лѣтъ онъ запрется, добровольно останется у порога свѣта. Потомъ онъ выступитъ съ книгой въ рукѣ. До тѣхъ поръ, — что значили для него нужда и стѣсненія? Онъ будетъ жить на нѣсколько копѣекъ въ день. Онъ всегда найдетъ уроки, приносящіе такой скромный доходъ. Лишь бы не умереть съ голоду. И эти два года затворничества и работы казались ему заранѣе полными прелести. Цѣлыя главы возникали въ его умѣ, краснорѣчивыя и прекрасныя. Всѣ тѣ, о комъ онъ говорилъ, поднимались изъ мрака небытія, возвращались къ жизни; онъ осязалъ, видѣлъ и слышалъ ихъ.

Сейчасъ, въ церкви, ему пришла въ голову одна фраза, прозвучавшая въ его ухахъ, какъ бы нашептанныя невидимымъ существомъ. Это была первая фраза его книги. Онъ ее искалъ въ продолженіи недѣли. Ради нея исписалъ страницъ пятьдесятъ. Теперь онъ повторялъ ее на ходу, прислушиваясь къ слѣдующимъ, уже таявшимся за первой. Предисловіе онъ напишетъ вновь, за одинъ разъ, сильное, значительное.

— Ну, что же свадьба? Было много народу? Невѣста хорошенькая? — закидала его вопросами Гонорина.

— Я тебѣ все это расскажу послѣ, теперь мнѣ надо работать.

Онъ быстро раздѣлся, надѣлъ плохенькій скортучекъ, весь въ пятнахъ и дырахъ, и скорѣе бросился къ своему столу, чѣмъ сѣлъ къ нему...

Онъ испыталъ шесть мѣсяцевъ счастья, шесть мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ онъ жилъ только своей начатой книгой. Онъ не замѣчалъ, что его панталоны порвались и были заплатаны сукномъ различныхъ цвѣтовъ. Онъ почти не ѣлъ, спалъ не болѣе пяти часовъ въ сутки, угасалъ, сжигаемый постоянной лихорадкой. Въ концѣ труда было освобожденіе. Думая объ этомъ иногда, по вечерамъ, онъ улыбался своей нищетѣ, какъ человѣку, котораго утѣшаютъ и ободряютъ обѣщаніями будущей награды. Онъ подвигался медленно, страница за страницей, строка за строкой; трудъ былъ тяжелъ и

дологъ. Каждый день, въ продолженіи цѣлыхъ недѣль, онъ ходилъ въ бібліотеки, перебирая мемуары, рукописи, собирая документы; потомъ, сдѣлавъ запасъ, онъ весело начиналъ опять атаку. Его герои принимали реальныя формы, выступали, точно будущія статуи изъ глыбы мрамора, твердо, живо, въ положеніяхъ, повѣренныхъ исторіей. Онъ послѣдовательно воплощался въ каждого изъ нихъ, одушевлялся ихъ ожившими голосами. Онъ жилъ на кладбищѣ, гдѣ онъ имѣлъ власть отворять двери склеповъ и воскрешать умершихъ.

Пришла зима. Не имѣя топлива, онъ работалъ въ постели. Когда же отъ холода коченѣли пальцы, и оледѣвѣвшая рука отказывалась писать, онъ одѣвался, шелъ къ Гоноринѣ, грѣлся около ея маленькой чугунной печки, и они болтали.

Теперь онъ отдавалъ ей всѣ свои, заработанныя на урокахъ, деньги и поручилъ ей хозяйство. Мало-по-малу она захватила власть надъ нимъ. Она управляла, а онъ повиновался съ полнымъ равнодушіемъ. Иногда, впрочемъ, грубость ея обращенія заставляла его востепенуться. Она его держала въ рукахъ, ревнуя свою власть, грубую и деспотичную. Малѣйшій споръ вызывалъ съ ея стороны крики, запальчивость, порой неистовыя вспышки. Онъ покорялся, принимая на себя всѣ вины. Онъ зналъ, что она добра и преданна, чувствовалъ, что она гордится своимъ маленькимъ правомъ притѣснять его, и махалъ рукою. Тогда и она становилась кроткой и нѣжной, извинялась взглядомъ или лаской за свою вспышку.

— Что будетъ, когда ты станешь богатъ? — спрашивала она иногда.

— Ну, этого никогда не будетъ.

Она начала головой. Развѣ работа буржуа не приводила всегда къ богатству, къ рентѣ, къ хорошимъ постелямъ, на которыхъ можно нѣжиться?

Оливье, дѣйствительно, не думалъ въ эти минуты о богатствѣ. Слова его любовницы казались ему бессмысленными, но всетаки онъ слушалъ ихъ съ замираніемъ сердца. Они звучали въ его ухахъ, какъ предсказаніе гадальщицы на картахъ.

Успѣхъ! успѣхъ! Выйти въ одинъ прекрасный день изъ этой черной ямы, въ которой онъ прозябалъ, гдѣ никто не слышитъ его рыданій, гдѣ онъ рискуетъ умереть съ голоду.

Однажды, онъ перечелъ цѣлую главу. Ему показалось, что холодный вѣтеръ, сырой и зловонный, какъ дыханіе погребя, прошелъ по его лицу. Фразы были мертвы, безжизненны. Онъ висѣлъ, какъ жалкія лохмотья. Страница за страницей валились въ какую-то пропасть, усѣянную обломками предметовъ, потерявшихъ форму и значеніе.

Онъ подумалъ, что сходить съ ума, и рѣзко отбросилъ бумаги, надъ которыми его голова невыносимо кружилась.

Изъ его груди вырвался безпомощный крикъ тоски и, призыва:

— Гонорина!

— Ты боленъ?—спросила она, вбѣгая въ комнату.

Она держала его за плечи и спрашивала глазами, немного блѣдная, испуганная и смущенная страдальческимъ выраженіемъ его лица.

Онъ прервалъ тяжелое молчаніе и высказалъ ей свои сомнѣнія. Онъ говорилъ долго, слова его были явительны, жгучи, горьки какъ желчь. Онъ описалъ свое отчаяніе. Минутами онъ останавливался отъ душившихъ его рыданій.

Гонорина слушала его безучастно. Ея лицо выражало лишь тупое удивленіе.

— Однако ты долженъ-же знать, хорошо это или дурно,— отвѣчала она и прибавила:

— Когда ты закричалъ сейчасъ, я думала, что тебя рѣжутъ... У тебя галлюцинаціи... Ты портишь себѣ кровь и ломаешь голову твоими негодными книгами и бумагами... Знаешь что, пройди по Ботаническому саду, ты не выходишь двое сутокъ: это освѣжитъ твою голову.

Она его прогнала гулять, онъ кротоکو повиновался и, совершенно уничтоженный, бродилъ до самой ночи.

Съ тѣхъ поръ онъ узналъ тоску, неувѣренность, жестокія смѣны печали и радости человѣка, который пишетъ книгу. Иногда онъ просыпался въ такомъ настроеніи, какъ будто онъ былъ полубогъ; вечеромъ онъ заворачивался въ свои простыни, какъ трупъ въ саванъ, какъ неподвижное тѣло, изъ котораго душа улетѣла, лишившись упованія.

Шли мѣсяцы, быстро и медленно въ одно и тоже время. Книга подвигалась впередъ среди надеждъ и сомнѣній, и по мѣрѣ того, какъ онъ работалъ, имъ овладѣвала глубокая и нѣжная любовь къ людямъ. Толкаясь между народомъ, среди бѣдняковъ, которыми былъ полонъ домъ, гдѣ онъ жилъ, онъ почувствовалъ братскую симпатію къ этимъ несчастнымъ. Въ этихъ нищенскихъ хозяйствахъ, гдѣ больныя дѣти кричали по цѣлымъ ночамъ, онъ находилъ преданность, мужество, упорство въ долгѣ, безропотность, которыя его трогали болѣе, чѣмъ самыя прекрасныя порывы краснорѣчія. Онъ чувствовалъ, что становится лучше, живя среди народа, грубость котораго его не оскорбляла. Утромъ онъ обвинялся искреннимъ и дружескимъ рукопожатіемъ съ рабочими, идущими на работу. Онъ слушалъ ихъ споры, социальныя грезы нѣкоторыхъ мечтателей; онъ удивлялся ихъ уму, мѣткости ихъ сужденій, стремленію къ осуществленію справедливости.

И онъ мечталъ быть когда нибудь рупоромъ всѣхъ придушенныхъ, всѣхъ безгласныхъ и страдающихъ.

XVII.

Разъ, утромъ, когда онъ писалъ, къ нему тихонько посту- чались.

— Войдите,—закричалъ онъ, такъ какъ ключъ былъ въ дверяхъ.

Вошелъ Лазарюсъ; красное лицо, желтоватый костюмъ, широкій красный галстухъ на шеѣ, съ развѣвающимися кон- цами, широкая войлочная шляпа на головѣ.

Оливье вскрикнулъ отъ радости и бросился къ другу съ раскрытыми объятіями.

— Какъ, это ты?

— Да. Я съ визитомъ. Я часто прохожу мимо; давно со- бираюсь зайти и выкурить съ тобою трубку. Наконецъ, вотъ я и пришелъ.

Онъ обводилъ комнату взглядомъ, какъ будто искалъ чего-то.

— Скажи пожалуйста! Ты отлично живешь. Комната та- кая чистая, какъ новенькая монета, это весело... Здѣсь пах- нетъ женщиной...

Оливье улыбнулся и пожалъ плечами.

— Надѣюсь, я тебя не стѣсняю, — прибавилъ Лазарюсъ скромно.—Ты знаешь... Я пожму тебѣ руку и до другого раза...

Онъ таинственно понизилъ голосъ, стоя неподвижно по- среди комнаты.

— Но ты никого не стѣсняешь, напротивъ. Садись же, поговоримъ... Набей свою трубку... У меня нѣтъ табаку... Я не курю.

— У меня есть свой.

Лазарюсъ сѣлъ, бросивъ свою шляпу на кровать, и до- сталъ изъ кармана громадный кисетъ, набитый табакомъ, точно пузырь. Оливье замѣтилъ эти черты небывалаго великолѣпія добраго малаго, котораго онъ всегда любилъ.

— Не получилъ ли ты наслѣдства? — спросилъ онъ, при- крывая бумага на столѣ листомъ газеты.

— Нѣтъ еще. Я жду наслѣдства, это правда. Но, во 1-хъ, когда еще оно придетъ, а во-вторыхъ... нѣсколько билетовъ въ тысячу франковъ... Стоитъ ли изъ за этого желать смерти доброй старухи, которой я впрочемъ никогда не видѣлъ...

— Чѣмъ же ты сталъ теперь?

Лазарюсъ сдѣлалъ движеніе головой и скорчилъ гримасу, отъ которой заплясала его трубка.

— Пхэ! чѣлъ сталъ? Да все тѣмъ же! Какимъ чортомъ стану я теперь, въ мои годы? День проходитъ за днемъ, а между ними—ночь. Каждое утро я замѣчаю, что еще живъ, и порой спрашиваю себя: зачѣмъ? зачѣмъ, это солнце; зачѣмъ

ползуть сѣрыя тучи, идетъ дождь или снѣгъ; зачѣмъ было вчера, сегодня, завтра, всегда; зачѣмъ катятся экипажи, зачѣмъ впереди ихъ бѣгутъ лошади; къ чему люди, которые живутъ, говорятъ, кричатъ, возятся, какъ птицы въ курятникѣ? Эта неистовая привязанность къ жизни меня просто изумляетъ. Тогда я напрягаю свой умъ, какъ надъ шахматной задачей, стараясь себѣ представить, что было бы, если бы ничего не было. Ну! я еще не нашелъ рѣшенія. А такъ какъ я тутъ ничего не понимаю, то и дѣлаю то, что всѣ другіе, т. е. живу. Знаешь, мнѣ кажется, даже, что я счастливъ!

Оливье разсмѣялся. Въ его комнату пахнуло свѣжимъ воздухомъ. Онъ вспомнилъ тѣ нѣсколько мѣсяцевъ; которые они провели вмѣстѣ въ Грослеѣ, послѣ осады, ихъ чудныя прогулки въ лѣсу Монморанси, прекрасный запахъ земли и соковъ, который онъ, выздоравливавшій, вдыхалъ, какъ жизненный эликсиръ; волшебную весну того года, потомъ пожаръ Парижа, на который онъ глядѣлъ сверху, среди блѣдныхъ и также испуганныхъ пруссаковъ.

— Да, какъ быстро уходитъ время! — сказала Лазарюсъ.

Сердце Оливье сжалось. Въ самомъ дѣлѣ, что онъ сдѣлалъ въ продолженіи этихъ годовъ; если онъ поднимется назадъ, по своимъ слѣдамъ, шагъ за шагомъ, день за днемъ, что онъ найдетъ? Какой непрерывный рядъ пустяковъ, цѣплявшихся одинъ за другіхъ, составлялъ нить его существованія съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ мужчиной!..

Лазарюсъ продолжалъ болтать съ тѣмъ избыткомъ экспансивности, который присущъ людямъ, видающимъ въ жизни лишь забаву для глазъ и ума. Но Оливье почувствовалъ потребность подѣлиться съ нимъ своими планами и прервалъ его, чтобъ спросить, что онъ думаетъ о книгѣ такого-то содержанія; затѣмъ онъ развилъ передъ нимъ свою мысль.

— Это не дурно... право... ты пишешь это?

— Да.

— А!

Онъ молчалъ нѣсколько секундъ съ омраченнымъ лицомъ, смущеннымъ взглядомъ, странно искривленными губами. Можно было подумать, что онъ страдаетъ. Онъ повторилъ нѣсколько разъ:

— А! ба!... это хорошо... это очень хорошо...

Наконецъ онъ выколотилъ золу изъ трубки о свою ногу и сказалъ:

— Я также думалъ написать книгу... когда мнѣ было двадцать лѣтъ. Я даже началъ писать, теперь не помню даже точно о чемъ. Это было что-то ужасно запутанное. Тамъ было все. Я вновь сочинялъ Библию, понимаешь: Библию XIX вѣка... Съ тобою будетъ то-же, что и со мной.

Оливье почувствовал невыразимое стѣсненіе. Какъ будто ударъ ногой разрушилъ его зданіе.

— Книга!—продолжалъ богема.—Развѣ есть на свѣтѣ книга! Ея нѣтъ. Есть только та, которую никогда не напишутъ и которая не можетъ быть написана, книга, которую переживаешь день за днемъ, страница за страницей. Первую строку этой книги надо написать въ пятьдесятъ лѣтъ... Я могъ бы за это приняться, потому что мнѣ скоро будетъ пятьдесятъ... Но когда, какъ и зачѣмъ? Для этого нужно, во-первыхъ, чтобы въ карманѣ брянчали монеты въ пять франковъ... Гдѣ ихъ выудить? Одежду... ну ее, положимъ, достать легче. Взгляни вотъ на эту пару, ее мнѣ далъ одинъ валахъ, миллионеръ. Поѣсть также удастся... хотя это труднѣе. Но деньги?.. Давать уроки маленькимъ, дерзкимъ соплякамъ, которые наполнены всей глупостью двухъ буржуазныхъ фамилій, нарочно соединившихся для ихъ рожденія? Поступить на службу въ министерство? подѣ начальство зобастаго столоначальника, который мститъ тебѣ за твое превосходство, тыкая въ носъ свои часы, когда ты опоздаешь, или находя орфографическую ошибку въ докладной запискѣ! Стать приказчикомъ въ торговомъ домѣ? но вѣдь можно отравиться смрадомъ, исходящимъ изъ денежныхъ сундуковъ! Наконецъ, допустимъ, что я прошелъ черезъ это... допустимъ, что я провелъ двадцать лѣтъ жизни, прикованнымъ къ стулу... Развѣ я видѣлъ бы что нибудь? развѣ я жилъ бы?.. А теперь, я знаю тысячи людей въ Парижѣ, я ихъ встрѣчаю, изучаю, слѣжу за ними, подсматриваю... я знаю ихъ мечты, ихъ мысли, ихъ пороки... я шпию за ними... Я знаю всѣ отбѣнки заката и восхода солнца со всѣхъ мостовъ, со всѣхъ высотъ... Я видѣлъ, какъ падаетъ дождь на всѣ мостовыя... Я знаю нравы ста племенъ, обитающихъ въ Парижѣ бокъ о бокъ, въ вѣчной борьбѣ между собою... Я знаю радости тряпичниковъ, бѣглыхъ, банкировъ, продажныхъ женщинъ... Наконецъ, себя, я знаю свое я около пятидесяти лѣтъ... Я знаю ту кучу страницъ, которая тамъ есть внутри меня, хотя онѣ не написаны; я часто ихъ перелистываю, переворачиваю, переживаю... Пожалуй, даже и жалко... все, что тамъ собрано, расплывется, какъ дымъ изъ трубки, въ ту минуту, когда мое сердце перестанетъ биться... Зачѣмъ это все было и почему все это обратится въ ничто? Любопытно, однако, получить на это отвѣтъ послѣ смерти...

Онъ проговорилъ свою тираду меланхолично, мягко, безъ ненависти, безъ гнѣва, набивая машинально большимъ пальцемъ свою трубку. Потомъ онъ закурилъ и выпустилъ громадное облако голубаго дыма, поднявшееся до потолка.

Оливье чувствовалъ нѣкоторое странное приниженіе передъ этимъ лѣнивымъ циникомъ, съ его поэтическими видѣніями.

— Но,—прибавилъ Лазарюсъ,—все это литература. Ты же политикъ. Ты желаешь придти къ чему нибудь. Для тебя нужно дѣйствіе! Твоя книга—справочная книга для адвоката, книга дѣльца, которую нужно бросить подъ ноги или въ лицо публикѣ... Что-жъ, быть можетъ, тебѣ и удастся!..

Хотя тонъ этихъ словъ выражалъ глубокое презрѣніе, онъ не могъ скрыть то же дрожаніе губъ, которое и раньше невольнo обнаруживало скрытую зависть—быть можетъ, сожалѣніе о своей даромъ потраченной жизни.

Оливье понялъ это и простилъ.

Въ эту минуту дверь отворилась. Гонорина слышала въ продолженіи двухъ часовъ ихъ бесѣду и пришла посмотреть, кто этотъ незнакомецъ съ такимъ громкимъ голосомъ.

Лазарюсъ вскочилъ, поклонился церемонно, робко, неловко, обжигая пальцы огнемъ трубки, которую онъ старался потушить.

— Суд... судар... бормоталъ онъ.

Оливье смотрѣлъ на него, удивляясь этой необычайной растерянности. Чего ради онъ игралъ эту комедію? Почему онъ оставался, какъ приросшій среди комнаты, наклонивъ свое огромное туловище, какъ будто къ нимъ вошла королева?

— Да садись же и продолжай курить... Это Гонорина, моя сосѣдка... Мой другъ Лазарюсъ.

Гонорина, бросивъ взглядъ на посѣтителя, показала видъ, что уходитъ.

— Не я васъ прогоняю сударыня?—проговорилъ богема, поднимаясь снова со стула и протягивая руку къ своей шляпѣ.

— О, нѣтъ, нисколько... Я думала, что Оливье одинъ... Я приду послѣ.

Она взялась за ручку двери.

— Пожалуйста,—наставлялъ Лазарюсъ,—или я тоже уйду.

— Да оставайся,—сказалъ Оливье, смѣясь.

Гонорина также кусала губы, чтобы не расхохотаться. Любезность этого огромнаго молодца, его веселое лицо, декламаторскій тонъ его словъ и театральные жесты вызывали невольный вопросъ, что это за сьумасшедшій?

— Сударыня,—началъ онъ,—я старый другъ Оливье... Я его очень люблю... Мы пережили вмѣстѣ ужасныя минуты, но и хорошія также. И если бы не требованія жизни, не затруднительность, съ которой получаешь свой завтракъ, на что идетъ ужасно много времени, вы бы меня знали уже давно.

Немного наклонившись впередъ, онъ говорилъ, размахивая руками, и не спускалъ глазъ съ Гонорины.

Потомъ, повернувшись къ Оливье, онъ потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— О, онъ молодъ еще, передъ нимъ будущее, у него есть честолюбіе.

Гонорина его прервала.

— Да, но онъ очень ворчливъ и придирчивъ. Вы не можете себѣ представить, какъ онъ мучается часто изъ за совершенныхъ пустяковъ. Швыряетъ бумаги, бросаетъ книги, смотритъ на васъ, какъ кошка, которой прищемили хвостъ, говорить, что все сожжетъ, что убьетъ себя и тому подобное. Я увѣрена, что вы не такой...

— О, я,—проговорилъ богема съ многозначительной улыбкой,—я не въ счетъ... къ тому же, знаете, нельзя ставить въ заслугу, что я всегда доволенъ; это вопросъ темперамента, это зависитъ отъ ровнаго нрава, отъ нормальныхъ и правильныхъ отправленій организма... Я ничего не желаю, ничего не прошу, ничего не жду. Я люблю весь мръ: богача, который проѣзжаетъ мимо меня въ каретѣ, закутанный въ свою шубу, что меня заставляетъ живо себѣ представить ощущение довольства и теплоты; рабочаго, который напивается пьянымъ въ субботу, ругаетъ меня, и мнѣ это смѣшно. Когда я встрѣчаю влюбленныхъ, прижавшихся другъ къ другу, какъ бы слитыхъ вмѣстѣ, мнѣ становится тепло на душѣ. Если это несчастный, въ лохмотьяхъ, худой, пожелтѣвшій отъ лишеній и болѣзни или порока, все равно, я говорю: бѣдняга, жизнь тяжела, ну, потерпимъ. Жизнь не вѣчна, а въ концѣ ея прекрасный и вѣчный покой. Ты будешь наслаждаться въ твоёмъ основномъ гробу, потому что смерть есть рай несчастныхъ. Не голодать, не холодать, не завидовать...

Гонорина слушала его сосредоточенно. Ей были знакомы эти мысли, онѣ посѣщали и ее. Формулируя ихъ, этотъ человекъ открывалъ ей часть ея самой, темный уголокъ ея души, который теперь освѣтился. Онъ какъ бы угадалъ ее, какъ ловкій исповѣдникъ, который вызываетъ ваши признанія, идя имъ навстрѣчу. Они обмѣнялись взглядомъ, полнымъ глубокой симпатии, и стали сразу друзьями.

— Но онъ?—спросилъ Лазарюсъ, перемѣняя тонъ,—чего ему мучиться? Онъ пишетъ книгу, которая будетъ имѣть успѣхъ. Онъ можетъ работать, у него есть воля... Съ этимъ достигаютъ многого... Онъ не мелкая каналья и не рискуетъ зарваться... Что же тебя такъ огорчаетъ?

Оливье чувствовалъ себя неловко и не зналъ, что отвѣтить. Эти двѣ пары глазъ, ожидающихъ его отвѣта, смущали его. То, что онъ могъ сказать, было слишкомъ туманно.

Тогда Гонорина начала:

— Конечно, онъ не счастливъ, но есть болѣе несчастные чѣмъ онъ... Въ концѣ концовъ я не знаю хорошенько, чего онъ хочетъ... Правда, что ему не везло кое въ чемъ...

И она рассказала о неудачномъ посѣщеніи Барро, объ от-

чаяннн Оливье, о его отказѣ повторить визитъ, о его жалобахъ...

— Ахъ, чортъ возьми!—сказалъ Лазарюсъ, на половину иронически, на половину серьезно.—Если ты такъ будешь вести свои дѣла, ты не далеко уйдешь. Ты нервенъ и чувствителенъ, какъ артистъ, а между тѣмъ, вѣдь твое дѣло совсѣмъ не изящныя искусства, а политика, т. е. дѣло грубое, къ которому приступаютъ, завернувъ рукава до плечъ, и послѣ моютъ хорошенъко руки, прежде чѣмъ сѣсть къ обѣду, или предложить руку раздушенной дамѣ. Избѣгай излишней цепетильности. Гордость хорошее дѣло, но она не ведетъ ни къ чему. Я былъ гордъ, я только этимъ и былъ, и вотъ видишь!.. Я и теперь считаю себя выше всѣхъ, у кого я могъ что нибудь просить... Да, но для моей карьеры нужна вотъ такая широкая грудь, вотъ такое тѣло, которое ничто не могло подкосить. Кромѣ того я не страдаю желчью. Я не такой желтый, какъ ты, у меня цвѣтъ лица не похожъ на недозрѣлый лимонъ, какъ у тебя. Я, очевидно, и созданъ былъ для жизни соверзательной. Я, вѣроятно, могъ бы дѣйствовать въ прошедшя времена, но ужъ навѣрно не созданъ для удачи въ настоящемъ... А ты—дѣло другое! Возвращайся къ этимъ людямъ, надоѣдай ихъ, выводи ихъ изъ терпѣннн, пока они не почувствуютъ угрызений совѣсти, или пока они не захотятъ отдѣлаться отъ тебя, исполнивъ свое обѣщанн. Вся сила въ томъ, чтобъ управлять своимъ кровообращеннмъ... Не надо краснѣть... когда не выказываешь стыда, онъ и не существуетъ... Все это, можетъ быть, не очень красиво, но что дѣлать? На землѣ живутъ только люди.

Оливье не отвѣчалъ. Въ душѣ, онъ думалъ, что не воспользуется этими средствами. Онъ придетъ къ своей цѣли съ высоко поднятой головой.

Лазарюсъ всталъ.

— Я обѣдаю сегодня съ моимъ валахомъ,—сказалъ онъ.— Скоро вечеръ, должно быть пора. Позвольте вы мнѣ, mademoiselle, заходить пожурить этого парня?

— О, да. Заходите почаще. Онъ слишкомъ одинокъ.

Богема вышелъ, надѣвъ самоувѣренно свою широкую фетровую шляпу, выпативъ грудь, показываясь на бедрахъ и касаясь своими широкими плечами стѣнъ узкаго корридора, ведущаго къ лѣстницѣ.

XVIII.

На другой день Оливье вернулся домой разстроенный.

— Я потерялъ урокъ,—сказалъ онъ Гоноринѣ.—Ребенокъ боленъ, его посылаютъ на югъ.

— Найдешь другой,—отвѣчала она просто.

Да, но это значило прервать работу. Онъ сохранилъ сношенія съ однимъ изъ своихъ прежнихъ профессоровъ, который ему доставлялъ уроки, но профессоръ не могъ ему ничего указать. Время года было неблагоприятное. Нужно было подождать два или три мѣсяца, пока приближаются экзамены.

— Два или три мѣсяца!—воскликнула Гонорина, опустивъ работу.

Она долго смотрѣла на него молча, соображая что-то, и потомъ спросила:

— Кончишь ты книгу къ тому времени?

— Да.

— Ну, такъ пиши ее... Не заботься ни о чемъ... Я буду работать за двоихъ.

Онъ вскочилъ. Онъ не ждалъ ничего подобнаго, забывъ предложеніе, которое она ему сдѣлала уже одинъ разъ раньше.

— Какъ?.. ты меня будешь содержать!.. Но ты не думаешь о томъ, что ты говоришь!.. Что же я буду такое.. Это невозможно!—воскликнулъ онъ сердито.

Она улыбнулась.

— Но если же ты ничего не находишь?

— Я пойду къ отцу... онъ мнѣ дастъ пріютъ.

— У него нѣтъ ни гроша, у твоего отца, онъ старъ, усталъ, онъ еле кормитъ себя самого... Ты заставишь его войти въ долги... Это будетъ дурно...

Оливье молчалъ, мрачно смотря передъ собой. Ему вспомнились безпечныя манеры и грубый голосъ Лазарюса. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, богема только передернулъ-бы плечами, какъ слонъ, желающій освободиться отъ стрѣлы... Въ то же время онъ сердился на Гонорину за ея предложеніе. Какъ мало она его уважаетъ, какимъ слабымъ считаетъ его, если предлагаетъ пристанище, какъ ребенку. Нѣтъ, онъ навѣрно найдетъ другіе уроки. Онъ скорѣе поступитъ надвирателемъ въ самую бѣдную школу; станетъ чернорабочимъ, чѣмъ угодно!..

А книга? а этотъ длинный терпѣливый трудъ, котораго, значить, нельзя окончить! Черезъ три мѣсяца она была-бы готова, это навѣрное. Но какую цѣною?

А что, если онъ согласится? если онъ проглотитъ это униженіе, какъ вызовъ судьбѣ, какъ крайнее проявленіе гордости и увѣренности въ себѣ, чтобы впослѣдствіи вспоминать объ этомъ, какъ о самомъ ужасномъ испытаніи, которое ему приходилось побѣдить! Что же! Онъ не будетъ краснѣть передъ Гонориной: это только заемъ. Онъ вознаградитъ ее впослѣдствіи!

Его лобъ прояснился. Никогда еще онъ не былъ такъ

ослѣпленъ миражемъ надежды, какъ въ эту годину бѣдствій. Его успѣхъ начнется черезъ три мѣсяца. Онъ отнесетъ свою книгу къ Барро, и тотъ окажетъ ему покровительство. Его трудъ прогремитъ въ политическомъ мѣрѣ. Его имя будутъ повторять. Ему представлялись тысячи людей съ желтой книгой подъ мышкой; ее будутъ перелистывать на улицахъ. Этотъ успѣхъ обезпечитъ ему жизнь, откроетъ будущее. Ему не придется просить, къ нему придутъ съ предложеніями.

— О чемъ ты думаешь?

— Послушай, Гонорина, я принимаю... благодарю тебя... Ты иногда думаешь, что я буду богатъ... Богатъ? Я этого не думаю, и не требую... но клянусь тебѣ, что ты не умрешь простой работницей!..

Его клятва звучала торжественно. Онъ не замѣтилъ взгляда своей любовницы, летучаго румянца, вспыхнувшего на ея щекахъ, быстро промелькнувшего оживленія ея блѣднаго, страдальческаго лица.

Всѣ тайныя надежды Гонорины осуществлялись.

Теперь она держала въ своей полной власти этого чловека, котораго любила, изъ преданности къ которому была готова отдать свою кровь. Впродолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ съ того вечера, какъ она стала его любовницей, у нея была только одна цѣль: купить его мало-по-малу, взять надъ нимъ верхъ, подавить его, кинуть къ своимъ ногамъ, побѣжденнаго, зависящаго отъ ея милосердія. Онъ не принадлежалъ къ ея міру, къ ея кастѣ, онъ не былъ простымъ рабочимъ. Она отлично понимала, что стоитъ ниже его. Бывали дни, когда она его ненавидѣла, какъ укрощенный звѣрь, который рычитъ при видѣ своего господина. Она возмущалась, готовая укусить по инстинкту, изъ потребности, бросающей другъ на друга различныя, повидимому, дружескія расы, между которыми глухая, скрытая ненависть готовитъ въ будущемъ неизбѣжную борьбу.

Радость побѣды была такъ велика, что она хотѣла бы имѣть возможность броситься на шею Оливье, сказать ему, что она его теперь еще больше любить, что она будетъ заботиться о немъ, ласкать его. Ей казалось, что она становится лучше, болѣе кроткой, болѣе сострадательной. Никогда еще не чувствовала она себя такъ близко связанной со своимъ любовникомъ.

Къ тому же, по слѣпой вѣрѣ невѣжды въ то, чего онъ не понимаетъ, она вѣрила въ него. Она уже видѣла его въ будущемъ богатымъ и могущественнымъ.

Развѣ она не будетъ участвовать въ этомъ успѣхѣ? Не имѣла ли она на это права? Развѣ Оливье въ эти ужасные годы первыхъ попытокъ не далъ ей на себя своего рода вексель. Могъ ли онъ не заплатить этого долга?

Сейчасъ онъ опять повторилъ свои клятвы!

Впродолженіи двухъ мѣсяцевъ нужда была велика. Хлѣбъ выдавался по порціямъ, мясо ѣли рѣдко и пили только воду. И, однако, эти два мѣсяца были полны веселья, счастья и надежды. У Оливье не было припадковъ малодушія. Онъ работалъ съ пыломъ, увѣренный въ успѣхъ. По вечерамъ они болтали, забавляясь составленіемъ химерическихкихъ проектовъ.

По временамъ ихъ посѣщала Лазарюсъ, котораго ожидали съ нетерпѣніемъ. Онъ приносилъ веселье.

Третій мѣсяцъ начался и кончился. Оливье пошелъ опять къ своему профессору. Уроковъ не было.

— Ну, такъ что-же?—говорила Гонорина.—Не огорчайся, подождетъ еще.

Докторъ Датанъ прислалъ, къ счастью, немного денегъ, что имъ позволило купить нѣсколько литровъ вина, и Оливье продолжалъ работать. Еще нѣсколько главъ, общій просмотръ труда, передѣлка неудавшагося портрета, заключеніе,—и книга его готова.

Однажды ему показалось, что Гонорина чѣмъ то озабочена. Уже нѣсколько времени она говорила мало, была задумчива, просиживала подолгу, устремивъ глаза въ одну точку. Когда онъ звалъ ее, она смотрѣла на него растерянно, какъ будто мысли ея были далеко.

Тогда онъ сталъ избѣгать ея взгляда, боясь понять, въ чемъ дѣло. Неужели придется бросить книгу теперь, на послѣднихъ главахъ!

Однажды Гонорина заговорила сама:

— Оливье, я беременна.

Онъ вскрикнулъ:

— Ты ошибаешься, ты ошибаешься!..

— Нѣтъ, теперь я уже увѣрена.

Онъ смотрѣлъ на нее въ смущеніи, безъ всякой мысли, и эта женщина казалась ему теперь чудовищемъ, угрожавшимъ всей его жизни. Ему казалось это сначала просто невѣроятнымъ. Въ первые мѣсяцы ихъ связи онъ часто опасался беременности, спрашивая себя, во время припадковъ отчаянія, что съ нимъ будетъ, въ случаѣ этого новаго затрудненія. Но опасенія понемногу разсѣялись, и онъ забылъ объ опасности.

Гонорина смотрѣла на него мрачными глазами.

— Ну, конечно!—проговорила она,—нельзя быть въ связи съ женщиной, не рискуя подвергнуться этому...

Въ ея голосѣ была скрытая радость. Она прибавила:

— Теперь у тебя есть семья.

Семья! Женщина, которая скоро не будетъ въ состояніи работать, ребенокъ, роды, мать-кормилица!.. И ни гроша въ

карманъ! Ничего, кромѣ проблематическаго успѣха неоконченной книги.

А! еслибы въ эту минуту однимъ словомъ, жестомъ, одною сжелою желанія онъ могъ заставить провалиться эту женщину, заставить ее исчезнуть!

— Но говори же, — сказала она ему съ улыбкой, — говори чтонибудь! Ты смотришь на меня, какъ статуя. Скажи чтонибудь... Ты блѣдень, какъ мраморъ...

— Что же мнѣ тебѣ сказать?.. Мы воспитаемъ этого ребенка. Намъ больше ничего не остается... Я буду работать... Это случилось некстати... Что, если я не буду имѣть успѣха?

Она подошла къ нему, и онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, внезапно и невольно умилившись при мысли о маленькомъ существѣ, которое начинало формироваться и было уже его ребенкомъ.

XIX.

Денегъ! денегъ! ему нужно было денегъ. Его книга, даже если бы онъ ее кончилъ черезъ недѣлю, не дастъ ихъ сейчасъ.

Найти издателя! Онъ почти не думалъ объ этомъ: даже если издатель найдется, пройдутъ мѣсяцы, прежде чѣмъ можно будетъ получить малѣйшій авансъ. А между тѣмъ ни одного дня больше онъ не могъ ѣсть хлѣбъ Гонорины. Это было бы слишкомъ чудовищно.

Онъ часто замѣчалъ по сосѣдству маленькую школу, убогую на видъ, отдѣленную отъ улицы рѣшеткой, прутья которой чередовались съ полосами листового желѣза грязно-зеленаго цвѣта. Эта школа помѣщалась въ глубинѣ глухого переулка, заселеннаго рабочими. Дома здѣсь были мрачны, стѣны сыры, изъ оконъ висѣло бѣлье, точно флаги.

Не найдетъ ли онъ мѣста въ этой школѣ?

Оливье толкнулъ калитку и очутился во дворѣ, на которомъ играло до двадцати небрежно одѣтыхъ мальчиковъ. Хозяинъ школы стоялъ на крыльцѣ, опираясь на желѣзную балюстраду. Это былъ толстый человекъ небольшого роста, съ краснымъ и круглымъ лицомъ, одѣтый въ широкій, черный сюртукъ, полы котораго доходили ему до икръ.

— Вы пришли кстати, милостивый государь, — сказалъ онъ, когда Оливье сдѣлалъ свое предложеніе. — Я отпустилъ учителя вчера и, вы видите, я самъ присматриваю за дѣтьми. Школа не велика, но въ ней нужно двоихъ... Мои условія: сорокъ франковъ въ мѣсяць, завтракъ и обѣдъ. Вы свободны вечеромъ, съ половины девятого.

— Я принимаю.

— Мы начнемъ съ завтрашняго утра, если угодно... въ восемь часовъ.

— Хорошо. Вы можете на меня рассчитывать.

Они пожали другъ другу руки, и Оливье ушелъ съ тяжелымъ сердцемъ, со слезами, подступавшими къ горлу.

— Я приношу извѣстiе объ удачѣ, — сказалъ онъ Гоноринѣ съ болѣзненной улыбкой. — О, ты права, что вѣришь въ мою звѣзду, въ мое будущее богатство. Я начинаю... Съ завтрашняго дня я не буду уже у тебя на шеѣ. Я буду загребать два золотыхъ въ мѣсяцъ и завтракать и обѣдать каждый день внѣ дома... Что касается до моей книги, она напишется... быть можетъ сама собою...

Онъ свернулъ рукопись, завернулъ ее въ газету, привелъ въ порядокъ книги. Онъ больше не сядетъ къ своему столу... Ему казалось, что онъ хоронитъ любимое существо.

— Ну, — сказалъ онъ громко, — будемъ мужественны и не станемъ плакать.

На другой день онъ вступилъ въ должность. Онъ заставлялъ мальчугановъ читать по складамъ, а они коварно подстерегали каждое его движенiе. Поворачиваясь къ нимъ, онъ видѣлъ, какъ они старались скрыть гримасы, а въ воздухѣ носились и шипѣли бранныя слова и насмѣшки, произносимыя въ полголоса этими маленькими, смѣющимися, злыми ртами.

— Ихъ надо встряхивать, понимаете, — говорилъ ему хозяинъ школы, удивленный равнодушиемъ своего помощника. — Не бойтесь влѣпить иногда пощечину или схватить за ухо. Этимъ сопливамъ цѣна небольшая! А станешь нѣжничать, — пропадешь съ ними!

Оливье не чувствовалъ расположенiя къ оплеухамъ, но общалъ быть болѣе энергичнымъ.

Во время рекреаций, когда дѣти играли, задѣвая его ежеминутно, онъ задумчиво шагаль по маленькому двору въ двадцать шаговъ длины, не замѣчая оглушительнаго шума кругомъ. Напротивъ, его окружала какъ бы тишина и сырость колодца. Что онъ тутъ дѣлаетъ? Почему онъ не убьетъ себя? Чего онъ ждетъ теперь отъ жизни? Завтрашнiй день будетъ походить на сегодняшнiй, даже хуже. Зачѣмъ онъ познакомился съ Гонориной? Онъ не любилъ ее. Эта чувственная связь, даже нѣжность и порывы, ее сопровождавшiе, — это не любовь. Въ эту минуту онъ ее ненавидѣлъ. Вѣроятно, она торжествуетъ теперь, она хочетъ заставить его жениться. И почему же нѣтъ? Развѣ онъ не продалъ себя? Развѣ онъ уже теперь не сгибался передъ нею, готовый ко всякимъ низостямъ, лишь бы избѣжать сцены? А ребенокъ! этотъ маленькiй незнакомецъ, это проклинаемое и уже любимое существо, зача-

тое въ нуждѣ, въ одну изъ ночей, полныхъ отчаянія и бѣшенства, быть можетъ, слезъ, когда умомъ владѣли мысли о самоубійствѣ! Изъ какой глины, однако, слѣплены тѣ, кто бросаетъ беременныхъ дѣвушекъ?

Хозяинъ школы скоро сообразилъ, что въ жизни его учителя были неудачи; онъ угадывалъ въ Оливье человѣка другого сословія, брошеннаго несчастьемъ и нуждой на эту грязную учительскую кафедру, въ глубинѣ плебейскаго переулка. Онъ сталъ зондировать его ловкими вопросами. Мало-по-малу, вслѣдствіе юношескаго тщеславія, довольный обаяніемъ, которое онъ производилъ на своего хозяина, молодой человѣкъ признался, что кончаетъ книгу. Онъ говорилъ о ней съ бурнымъ краснорѣчіемъ. Хозяинъ, большой любитель историческихъ сочиненій и убѣжденный, что Франція ведетъ свое начало лишь съ 89 года, пришелъ въ энтузіазмъ.

— Почему вы не помѣстите это въ газетахъ? Каждый портретъ отдѣльно... это составитъ серію... Я вамъ ручаюсь за большой успѣхъ... Да вы прославите мою школу!—воскликнулъ онъ, потирая руки.—Это великолѣпно, чортъ возьми! У васъ есть мѣста, способныя увлечь цѣлое собраніе...

Но Оливье уже не слушалъ. Газеты! какъ это не пришло ему въ голову? Между тѣмъ это такъ просто.

— Ну, маленькая Гонорина, — говорилъ онъ, придя домой.—Какъ ты себя чувствуешь? Не слишкомъ ли ты устала, бѣдняжка!.. Потерпи немножко, и ты увидишь... Я все мечтаю о книгѣ, которая, какъ бомба, взорвется сразу съ громомъ и трескомъ... Нѣтъ, мы сначала пустимъ застрѣльщиковъ... Удивительно, какъ я не думалъ раньше о газетахъ и журналахъ. У меня есть талантъ, и я его стану продавать по кусочкамъ...

Въ ближайшій четвергъ, въ свободное послѣ-обѣда, онъ отдѣлилъ отъ своей рукописи листовъ тридцать и направился въ контору *Демократа*, единственнаго журнала, направленіе и нѣсколько догматическая серьезность котораго позволяли надѣяться на помѣщеніе статьи.

Контора помѣщалась въ улицѣ Монмартръ, въ глубинѣ длиннаго двора, и занимала флигель, въ первомъ этажѣ котораго была типографія. Витая лѣстница, покрытая зеленой саржей, вела въ переднюю, гдѣ молодой человѣкъ ожидалъ около часу, стоя у окна и смотря на типографскихъ работниковъ, которые въ длинныхъ блузахъ проходили черезъ дворъ съ папирсами въ зубахъ, со свѣжими корректурами въ рукахъ. Около него, на скамейкѣ сидѣли и ждали также два бѣдняка. Хлопали двери, входили люди съ высоко поднятыми головами, съ самоувѣренной осанкой; они подавали свои карточки, и ихъ принимали сейчасъ-же. Шумъ разговоровъ, взрывы смѣха

слышались изъ комнатъ, двери которыхъ выходили въ переднюю, какъ двери монастырскихъ келій. Наконецъ слуга подошелъ къ Оливье, какъ будто только что замѣтивъ его:

— Что прикажете, сударь?

— Да я вѣдь вамъ сказалъ: мнѣ нужно видѣть секретаря редакціи. Я вамъ отдалъ мою карточку почти часъ тому назадъ.

— Ахъ, да, да!.. Онъ былъ очень, очень занятъ. Я не знаю, право, можетъ ли онъ принять васъ. Я узнаю.

И онъ ушелъ, прибавивъ на ходу:

— Онъ навѣрно забылъ про васъ.

Въ ту же минуту онъ вернулся и закричалъ издали:

— Пожалуйста.

Секретарь редакціи, прекрасно одѣтый, съ тонкимъ, блѣднымъ лицомъ, дерзкимъ видомъ и моноклемъ, глубоко вставленнымъ въ глазную впадину, не приподнялся. Онъ повернулъ голову въ сторону посѣтителя и чуть замѣтно поклонился.

Оливье сказалъ, зачѣмъ пришелъ.

— Что же вы мнѣ принесли?—спросилъ журналистъ.

— Этюдъ о Мирабо.

— Чортъ возьми! это не имѣетъ живого интереса!.. Въ Парижѣ найдутся сотни тысячъ этюдовъ о Мирабо... Покажите...

Онъ взявъ рукопись, прочелъ нѣсколько строчекъ, перевернулъ нѣсколько страничекъ, повертывалъ рукопись направо и налево, наконецъ дошелъ до заключенія.

Оливье еле дышалъ, охваченный тоской и безпокойствомъ, чувствуя отвращеніе къ своему произведенію, которое судили на его глазахъ.

— Это, кажется, недурно, добросовѣстно, хотя не ново. Есть краснорѣчіе, огонь, молодость... Это скорѣе рѣчь, чѣмъ статья... Словомъ это недурно... Но... но...

И посмотрѣвъ въ лицо молодому человѣку, онъ покачалъ головой, вытянулъ губы и приподнялъ брови, такъ что монокль выпалъ.

— Но... но... мы не можемъ этого взять... Это старо, избито, этимъ прожужжали уши... Еслибъ это былъ еще портретъ человѣка нашего времени, Барро, напримѣръ, когонибудь, чье имя постоянно на языкѣ и въ устахъ всѣхъ... Мирабо! о, нѣтъ... надъ нами станутъ смѣяться.

— Вы, однако, говорите, что въ этомъ опытѣ есть талантъ?...

— Конечно... Но что же изъ этого? талантъ! У меня онъ тоже есть, у насъ всѣхъ, у кого же теперь нѣтъ таланта?.. Онъ найдется даже и у конторщика!

Оливье чувствовалъ судорогу въ горлѣ. Онъ хотѣлъ встать

и уйти, не прибавивъ ни слова. Но онъ оставался, какъ бы приговоренный къ стулу, готовый просить, умолять, готовый вытерпѣть всякій позоръ и униженіе.

— Если вы мнѣ отказываете, — какой журналъ меня приметъ? Это могла сдѣлать только *Демократія*.

Журналистъ вставилъ снова свой монокль и подумалъ нѣсколько секундъ.

— Это правда, для такой статьи я также не знаю другого журнала... Другіе ищутъ сплетенъ, личныхъ нападокъ и притомъ непременно на когонибудь, не далѣе, какъ вчера сказавшаго рѣчь въ палатѣ и призваннаго къ порядку... При одномъ имени: Мирабо, они вамъ укажутъ на дверь.

Оливье его прервалъ и глухимъ голосомъ, съ краской на лбу и съ дрожащими руками, проговорилъ:

— Но я умираю съ голоду, издыхаю... у меня нѣтъ уже платья, вы видите... это лохмотья... но, о! если бы вы знали...

Журналистъ развелъ руками и всталъ.

— Не надо терять мужества... Напишите намъ чтонибудь другое... имѣющее живой интересъ. Я буду очень счастливъ, клянусь вамъ, принять вашу новую статью... До свиданья, дорогой товарищъ...

Онъ ему протянулъ бѣлую, нервную руку съ голубыми жилками, какъ у женщины.

Оливье шелъ по улицѣ; его толкали прохожіе, окрикивали кучера, но онъ не слышалъ и не видѣлъ ничего. Ему хотѣлось бросить свою рукопись въ сточную трубу. Этотъ человѣкъ, конечно, солгалъ ему: онъ нашелъ его работу отвратительной, безобразной. Иначе, онъ принялъ бы ее. Что же съ нимъ будетъ, если у него нѣтъ даже таланта? Къ чему же эти бессонныя ночи, страсть къ труду, вѣчно напряженная воля? Онъ шелъ, самъ не зная куда. Ему казалось, что онъ катится куда-то съ какой-то горы. Нѣтъ-ли рѣки внизу? Не кинуться ли ему черезъ парадетъ моста?

И вдругъ, съ внезапнымъ пробужденіемъ энергіи, судорожно сжавъ рукопись, онъ выпрямился... Нѣтъ, онъ не сдастся, онъ пойдетъ по всѣмъ редакціямъ, онъ будетъ ломиться въ двери, онъ заставитъ признать себя...

Съ этихъ поръ, по четвергамъ, когда онъ былъ свободенъ, онъ сталъ посѣщать редакціи, со своею рукописью. Онъ старался говорить твердо, тономъ авторитета. Порой рукопись оставалась для просмотра; проходили недѣли, а затѣмъ слуга возвращалъ ему пакетъ безъ всякихъ объясненій:

— Господинъ Датанъ?.. вотъ это для васъ...

Разъ вечеромъ, вернувшись домой, Оливье нашелъ Гонорину лежащей.

— Я чувствую себя очень дурно вотъ уже нѣсколько

дней,—сказала она.—Мнѣ кажется, что я рожу на седьмомъ мѣсяцѣ... Время приближается... А твоя статья?.. помѣстятъ ты ее?.. будутъ у тебя деньги?

— Да... на этотъ разъ я очень надѣюсь...

Онъ только что опять получилъ обратно свою рукопись у консьержа, принесъ ее наверхъ и засунулъ въ ящикъ стола.

Всю ночь онъ не спалъ. Все кончено, буря его опрокинула, онъ побѣжденъ!

Годы его молодости, которые другіе проводятъ среди веселья, среди смѣха и пѣсень, онъ посвятилъ труду. Онъ углублялся въ вопросы политики, изучалъ, думалъ, проводилъ бессонныя ночи. Онъ составилъ себѣ армія убѣжденія. Онъ анализъ и сознавалъ свою силу; онъ презиралъ искательство и интригу. Даже своихъ друзей онъ оттолкнулъ отъ себя, рассчитывая на свое мужество и упорство въ трудѣ. И все это—трудъ, убѣжденія, гордое мужество,—все бесполезно... Значитъ онъ жилъ химерами, бѣдный, слѣпой глупецъ! Черезъ нѣсколько дней три существа умрутъ съ голода... Вотъ все, что изъ этого вышло!

А его политическіе единовѣрцы... О! еслибы онъ могъ отомстить имъ, побѣдить ихъ, заставить ихъ заплатить за свое униженіе!

Много разъ онъ чувствовалъ, что самая вѣра его иссякаетъ, какъ тонетъ корабль съ разбитымъ трюмомъ. Онъ замѣчалъ, что колеблется между образами правленія—всѣ они представлялись ему теперь великими и рациональными.

Народъ! Требовалъ ли онъ главенства народа или презиралъ его, защищая его интересы? Онъ не зналъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Все это были лишь слова. Онъ хотѣлъ одного: достигнуть вліянія. Развѣ онъ думалъ о чемъ нибудь другомъ? Развѣ теории и утопіи не скрывали всегда сильную личность, стремившуюся къ извѣстности? Или просто... желудокъ, сжимавшійся отъ голода?

Уже нѣсколько мѣсяцевъ газеты кричали о реакціонныхъ заговорахъ. Говорили о реставраціи монархіи. Партія монархистовъ подняла голову, шумѣла, становилась дерзкой.

Но если-бы эта партія его приняла, онъ бы предложилъ ей свою молодость, свое перо, свой голосъ, себя самого. Онъ искалъ пьедестала. Онъ принималъ бы всякій: плечи пролетаріевъ или лакейство во дворцѣ.

Первые лучи блѣднаго, холоднаго разсвѣта проникли сквозь занавѣсы окна, походившіе на отдаленный, бѣловатый туманъ. Онъ дрожалъ въ постели отъ лихорадки и бессонницы. Его горло пересохло, члены болѣли.

Вдругъ онъ соскочилъ съ постели.

Его звали. Это былъ голосъ Гонорины.

Она сидѣла на своей постели и была такъ блѣдна, что ее можно было принять за мертвую.

— Я рожу, я рожу, Оливье, не оставляй меня... Оливье... Оливье...

На лицѣ ея видѣлся ужасъ. Оливье потерялъ голову.

— Помогите, помогите!—кричалъ онъ.

Прибѣжали сосѣди. Какая-то женщина явилась въ одной рубашкѣ, съ босыми ногами, держа юбку въ рукахъ.

— Надо ее отвести въ родильный домъ... Это въ десяти шагахъ отсюда... еще есть время...

— Я пойду съ вами, если хотите,—предложилъ какой-то рабочій.

Гонорина одѣлась съ помощью сосѣдки. Все ея тѣло дрожало. Она не спускала глазъ съ Оливье, который взялъ ее за руку.

— Не везетъ намъ съ тобой... Я ошиблась числомъ...

— Будь осторожна.

Онъ неловко помогъ ей одѣться, и они всѣ трое молча отправились. Улицы были пусты, холодны, еле освѣщены блѣднымъ туманомъ, который какъ бы поднимался изъ мостовой.

— Когда ты придешь ко мнѣ?

— Когда?.. да вѣдь я не могу отлучиться въ будни!.. Въ воскресенье... черезъ два дня, я приду. Все будетъ хорошо... Бѣдная моя, дорогая!..

У него вырывались нѣжные слова, которымъ онъ удивлялся и которыя повторялъ, самъ тронутый ихъ нѣжностью.

Они вошли въ двери больницы. Черезъ нѣсколько минутъ Гонорину куда то увели, и Оливье очутился одинъ съ рабочимъ. Онъ пожалъ ему руку.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ въ волненіи.

— О, не за что... мнѣ было по дорогѣ; я работаю на той сторонѣ Парижа.

День тянулся ужасно долго. Запертый въ стѣнахъ школы, среди этихъ противныхъ дѣтей, Оливье задыхался. Онъ пробовалъ заняться съ ними, спрашивалъ уроки, но самъ не могъ сосредоточиться. Онъ плохо слушалъ, не кончалъ начатой фразы, и все думалъ о маленькомъ существѣ, которое можетъ быть уже родилось на больничной кровати, гдѣ столько несчастныхъ извивались въ мукахъ, гдѣ ооченѣли сотни труповъ.

Его ребенокъ начиналъ жизнь съ больницы. Бѣдный крошка, что-же ждетъ его въ будущемъ!

— И я не могу быть тамъ, услышать его первый крикъ... Бѣдная Гонорина... ты не увидишь взгляда друга, пожатія руки, не услышишь слова жалости, которое придаетъ мужество...

Слѣдующій день прошелъ въ какомъ-то отупѣніи. Онъ

былъ неспособенъ разсуждать и повторялъ механически одно слово: деньги, деньги. Смутно вспоминался ему еще Коломесь. Онъ поидеть къ нему, попросить его помощи и протекціи.

Въ воскресенье, послѣ обѣда, онъ отправился въ больницу. Онъ прошелъ длинную, очень свѣтлую залу съ высокими, голыми стѣнами. Два ряда кроватей съ бѣлыми пологами тянулись справа и слѣва. Онъ шелъ по серединѣ по ковру, заглушавшему его шаги, ища номера Гонорины. При его проходѣ, головы поднимались съ подушекъ; онъ встрѣчалъ истомленные, угрюмые взгляды.

Наконецъ онъ увидѣлъ Гонорину. Она дала ему подойти, не улыбаясь, съ равнодушнымъ блѣднымъ лицомъ. Ея глаза, казалось, не видѣли его. Приподнятая на подушкахъ, она держала въ рукахъ у голой груди безформенный свертокъ.

— Гонорина,—проговорилъ онъ тихо.

Она чуть чуть склонила голову и произнесла чуть слышно: шт!

— Подойди, подойди,—прибавила она затѣмъ... Посмотри... онъ умеръ... уже съ часъ тому назадъ... я не сказала... у меня его взяли бы... ты бы его не увидѣлъ...

И она отняла отъ груди ребенка, маленькая, морщинистая голова котораго безжизненно откинулась назадъ.

Этотъ неожиданный ударъ поразилъ Оливье. Онъ опустился на стулъ, стоявшій у кровати и, спрятавъ голову въ подушку, заплакалъ. Было-ли это горе о ребенкѣ? нѣтъ. Онъ плакалъ о себѣ, о томъ, что онъ такъ несчастенъ. Онъ далъ волю слезамъ. Съ этими слезами какъ будто уходила его кровь, его жизнь. Весь онъ какъ бы таялъ въ слезахъ, уничтожался, исчезалъ, распускался въ ничто. Онъ плакалъ долго, забывъ, что касался головой тѣла своей любовницы и трупа своего ребенка.

Во дворѣ заунывно пробили часы.

Посѣтители должны были уходить.

Гонорина дотронулась до Оливье.

— Тебя попросятъ уйти... поцѣлуй его, по крайней мѣрѣ, въ послѣдній разъ.

Онъ приподнялся, какъ лунатикъ, совершенно безсознательно, и приложилъ губы къ лицу маленькаго покойника, мягкому и холодному.

— Прощай,—сказала Гонорина.

Онъ повторилъ:

— Прощай.

И, не сказавъ ни слова, не взглянувъ на нее, онъ ушелъ.

XX.

Его сразу коснулось оживленіе улицы, залитой солнцемъ и движеніемъ. Глаза и уши какъ будто открылись у него послѣ долгаго оцѣпененія, и онъ удивлялся живости уличныхъ впечатлѣній, мимо которыхъ онъ проходилъ обыкновенно сосредоточенный и тупой, не видя и не слыша ничего. Ему казалось, что теперь онъ какъ будто раздвоился, что онъ состоитъ изъ существа безжизненнаго, которое тащилось тяжело, какъ трупъ, и другого, которое, наоборотъ, проснулось съ обостренными чувствами...

Онъ проходилъ черезъ праздничную толпу, толкавшуюся въ Ботаническомъ саду. Неужели и онъ составляетъ часть этого болтающаго, шумящаго, беззаботнаго челоуѣчества? Не проснулся ли онъ въ новомъ мірѣ, на неизвѣстной планетѣ?

— Куда иду я?—спрашивалъ онъ себя.— Зачѣмъ по этой именно улицѣ? куда приведетъ она меня?

Но въ сущности онъ хорошо зналъ, куда шель. Онъ уходилъ отъ бѣдныхъ кварталовъ и направлялся къ Коломесу, рѣшившись молить хоть на колѣняхъ куска хлѣба.

Онъ не видѣлъ его болѣе года; онъ его оскорбилъ въ послѣднюю встрѣчу злобно и сознательно. Онъ далъ ему угадать свою ревность и скрытую зависть. Какъ то онъ приметъ его сегодня?

Служанка не узнала его. Даже когда онъ назвалъ себя, она осталась въ нерѣшимости. Но Коломесь вскричалъ:

— Откуда ты? Что съ тобой?.. Ты былъ боленъ... Почему ты мнѣ не написалъ?..

У Оливье стучали зубы, а сердце переполнилось радостью при звукахъ этого дружескаго голоса. Ему казалось, что онъ упадетъ сейчасъ на колѣни и будетъ просить прощенія.

— Я сейчасъ изъ больницы...

Онъ упалъ на диванъ, стоявшій въ комнатѣ, и, овладѣвъ мало-по-малу собою, рассказалъ все съ такою ясностью и такъ краснорѣчиво, что въ эти полчаса онъ вновь пережилъ эти мрачные годы. Онъ рассказалъ о своихъ мечтахъ, о своемъ упорномъ трудѣ, о своей книгѣ, о неудачахъ, о черной, давящей нищетѣ, о связи съ Гонориной и о несчастіи, ихъ связавшемъ; рассказалъ о рожденіи ребенка, о томъ, какъ онъ сейчасъ рыдалъ надъ маленькимъ трупомъ, зарывшись головой въ больничныя простыни.

— Оттолкнутый въ первый разъ, въ единственный разъ, когда я протянулъ руку, я прибѣгнулъ къ работѣ, погрузился въ нее съ ожесточеніемъ, желалъ сохранить ее чистой, честной, благородной и высокой... Но когда нужда заставила меня

предложить ее, когда я захотѣлъ обмѣнять ее на хлѣбъ, на деньги, чтобъ заплатить акушеркѣ, чтобъ отдать долгъ любовницѣ, которая меня кормила,—они меня вытолкали за дверь, называя дорогимъ собратомъ... а затѣмъ—эта несчастная, эта больница, длинная зала съ кроватами, на которыхъ мнѣ чудились судороги и агонія, эти лихорадочные взгляды, и это бѣдное маленькое созданіе, мой сынъ!.. Сынъ? Но я не знаю даже, къ какому полу принадлежалъ этотъ ребенокъ, который прожилъ всего нѣсколько часовъ. О, я дошелъ до крайности... Мои нервы напряжены... Я забылъ уже, что я тебѣ говорилъ... Ты дѣйствительно тутъ передо мною? Не во снѣ ли я вижу тебя и говорю съ тобою?.. Неужели я только что рассказала дѣйствительно мою жизнь или я борюсь съ призраками, которые нападаютъ и преслѣдуютъ меня?..

Коломесь схватилъ его за руки.

— Мой бѣдный Оливье, успокойся...

И шопотомъ, осторожно онъ прибавилъ:

— Ты не голодѣнь? Ты ѣлъ сегодня?

Оливье вспомнилъ, что два дня уже онъ не готовилъ себѣ обѣда, но покачалъ головой:

— Нѣтъ, я не голодѣнь... Мое сердце переполнено, оно душитъ меня.

— Бѣдный старина!

Коломесь притянулъ его къ себѣ и поцѣловалъ. Они сидѣли обнявшись, какъ два брата въ минуту катастрофы.

— Но у тебя большой талантъ. Напримѣръ сейчасъ... Посмотри, я плакалъ и продолжаю еще плакать... Твоя жизнь ужасна! Почему ты мнѣ никогда не писалъ? Ты, однако, прекрасно зналъ, что при первомъ зовѣ я прибѣжалъ бы къ тебѣ.

— Гордость, тщеславіе,—пробормоталъ Оливье, краснѣя.— Я презиралъ, пренебрегалъ людьми, я считалъ себя выше ихъ и, когда я пришелъ къ нимъ, смиренный и униженный, они меня разгадали!.. Они сорвали маску моего ложнаго униженія; за нею они увидѣли высокомеріе и гордость... И они отомстили за себя...

Коломесь всталъ и закурилъ папиросу, которая тотчасъ же распространила пріятный, рѣвкій запахъ. Въ своемъ домашнемъ костюмѣ изъ бѣлой фланели, въ желтыхъ башмакахъ, съ небольшими бѣлокурными усами, кокетливо закрученными вверху, Коломесь выдѣлялся на рисунокѣ обоевъ, среди дорогой мебели, вазъ и статуетокъ,—самъ похожій на живое произведеніе искусства. Его лицо, нѣсколько женственное, выражало теперь глубокое и искреннее состраданіе. Онъ смотрѣлъ на своего друга пристально, залучливо, съ тѣмъ участіемъ, съ какимъ смотрятъ на моряка, котораго буря выбросила еле живого, на

берегъ. Онъ увидѣлъ себя въ присутствіи вещей, о существованіи которыхъ онъ слышалъ, но которыя ему были совершенно незнакомы.

— О, мы тебя вытащимъ,—сказалъ онъ.—У тебя есть талантъ и будетъ успѣхъ! Моя мать тебя пристроитъ. Но, конечно, надо войти въ свѣтъ. Пойми, что никто не обязанъ искать тебя, нужно самому подойти къ горѣ, и притомъ не всегда можно выбирать эту гору... Ты достигнешь цѣли только при помощи свѣтскаго общества, его слабостей, его тщеславія. Что стоитъ сказать какому нибудь негодяю, что его любовница соблазнительна и прекрасна, хотя-бы она была глупа и отвратительна. А ужъ онъ тебѣ благодаренъ. Все дѣло въ томъ, чтобы знать кому и что нужно сказать, чтобы во-время найти настоящее слово. Эта наука нетрудная. Немного лести, даже не всегда новой: можно повторять по нѣскольку разъ одно и то же, стоитъ лишь подыскать различные обороты.

Говоря это, онъ изображалъ въ лицахъ ту роль, которую игралъ въ обществѣ. Чуть замѣтный жестъ, неуловимая интонація, гибкія движенія, что-то особенное во всей его фигурѣ дѣлало его обольстительнымъ.

Оливье невольно улыбнулся; Коломесь замѣтилъ это.

— Ты видишь, это вовсе не трудно,—сказалъ онъ.

— Съумѣю ли я?

— О, этого достаточно захотѣть! Мы сейчасъ же выступимъ въ походъ... Я тебя представляю Полиньерамъ, она дальніе родственники моей матери... Ихъ салонъ полу-политическій, полу-артистическій, полу-свѣтскій, полу-финансовый, всего понемногу, но онъ извѣстенъ.

— Республиканскій?

— Ну! нѣтъ... реакціонерный, католическій и консервативный: церковь и король!.. Впрочемъ, я хорошенько не знаю, что у нихъ тамъ служить девизомъ... лилія, галльскій пѣтухъ или императорскій орелъ? Да они и сами этого не знаютъ... Какъ видишь, простору для эволюцій довольно.

— Ты, значитъ, измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ?

— Какимъ убѣжденіямъ? Они очень просты: теченіе, которое меня приведетъ къ депутатству... у меня другихъ нѣтъ, по-крайней мѣрѣ наружно... Впрочемъ, повѣрь, что я остался въ душѣ тѣмъ же шауномъ, который спорилъ съ тобою на дворѣ коллежа.

— Но эта игра опасна. Можно скомпрометировать себя, закрыть себѣ будущее. Реакція теперь сильна, она можетъ побѣдить, но она можетъ и проиграть,—что-же тогда?

Коломесь пожалъ плечами съ презрительной гримасой.

— Пустяки!.. Повернешся спиной къ одной сторонѣ и протянешь руку другой. Повѣрь, примутъ!

Въ его тонѣ было такое увѣренное самодовольство, что Оливье опять улыбнулся.

— Ты очень силенъ, если сила въ томъ, чтобъ всегда предавать,—сказалъ онъ.

— Предавать! кого-же предавать? Того, кто тебя предастъ на другой день. Жизньъ вся проходитъ въ предательствѣ. Всѣ предатели и всѣхъ предають въ свою очередь. Всѣ это знаютъ, и это не измѣняетъ послѣдствій. Вотъ когда слѣдуетъ вспоминать объ эпизодѣ между Иисусомъ и грѣшницей! Ты развѣ никогда не былъ предателемъ?—воскликнулъ онъ съ притворной и комичной запальчивостью.

— Не думаю.

— Ну, такъ пѣтухъ не прокричитъ трехъ разъ, какъ ты... Или я скажу, что ты не достоинъ быть когда либо представителемъ самаго умнаго народа.

Въ эту минуту глаза Оливье остановились на бюстѣ отца Коломеса.

Старый изгнанникъ, умершій въ ссылке, но не измѣнившій своимъ убѣжденіямъ, не имѣвшій на своей памяти ни одинаго пятнышка, человекъ, о которомъ послѣ смерти ходили прекрасныя, рыцарскія легенды, восхищавшія даже его враговъ и палачей,—этотъ старый изгнанникъ съ честными, благородными чертами, застывшими въ желтомъ мраморѣ, принявшемъ отгѣнокъ трупъ, смотрѣлъ на своего сына и какъ бы прислушивался къ его словамъ.

Оливье готовъ былъ протянуть руку и показать напыщеннымъ жестомъ на этотъ бюстъ... Его совѣсть шевельнулась, но онъ заставилъ ее замолкнуть.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ онъ.—Я стану предателемъ!..

XXI.

Оливье вернулся домой съ двумястами франковъ, взятыми взаими у Коломеса. Такимъ образомъ, онъ былъ обезпеченъ на нѣкоторое время. Гонорина, выйдя изъ больницы, отдохнетъ и поправится; у нея будетъ хорошее вино. Ребенка не придется хоронить въ общей могилѣ.

Во время похоронъ, Оливье, въ новомъ платьѣ, купленномъ въ магазинѣ готовыхъ вещей, слѣдовалъ за гробомъ одинъ. Онъ возвращался назадъ успокоенный, испытывая физическое удовольствіе отъ ходьбы. Не похоронилъ ли онъ свою нищету съ тѣломъ этого маленькаго существа, смерть котораго его такъ потрясла наканунѣ?

Въ послѣдующіе дни онъ думалъ только о томъ свѣтѣ, въ

который собирался вступить. Онъ предвидѣлъ тамъ роскошь, блескъ, женщинъ, обольстительную игру красоты. Онъ его сравнивалъ съ теплой, душистой ванной, которая успокаиваетъ нервы послѣ сильной усталости, оживляетъ мускулы, сладострастно нѣжить разбитое, больное тѣло.

Но его пугала собственная застыбчивость. Никогда онъ не достигнетъ непринужденности и развязности Коломеса. Онъ чувствовалъ себя смѣшнымъ и неловкимъ, у него и теперь ноги какъ будто налиты свинцомъ. Онъ покажется глупымъ и будетъ неодолимо стремиться въ уголки, чтобы избѣгнуть взглядовъ и разговоровъ.

Ну нѣтъ, онъ побѣдитъ эту застыбчивость, онъ будетъ съ нею бороться, и никто не замѣтитъ его внутренней дрожи. Эти мысли о борьбѣ и усилахъ подстрекали его, заставляли, что называется, становиться на дыбы отъ нетерпѣнія броситься впередъ.

Странно, что ни разу во время этихъ кризисовъ онъ не подумалъ объ отцѣ. Впрочемъ, тысячи причинъ мѣшали изліяніямъ между отцомъ и сыномъ. Онъ любилъ отца, уважалъ и обожалъ его. Но онъ не открылъ бы ему своего сердца, не довѣрилъ бы своихъ честолюбивыхъ грезъ, неудачъ и надеждъ, не нашелъ бы въ его присутствіи тѣхъ жгучихъ и вѣстѣ примиряющихъ выраженій, которыми завоевалъ Коломеса. Только предъ Коломесомъ онъ и могъ высказаться такимъ образомъ...

Гонорина выходила изъ больницы въ концѣ недѣли. Онъ ждалъ ее у дверей. Его сердце сильно сжалось, когда онъ ее увидѣлъ блѣдную, исхудавшую, съ пустыми руками, повисшими въ безсиліи. Она слегка улыбнулась ему, издали, грустно.

— Я была увѣрена, что ты придешь... Ты былъ на похоронахъ?

— Да.

— Бѣдный крошка... прошептала она.

Они молча вернулись домой.

Она сейчасъ занялась комнатою, открыла окно, стала подметать и стирать пыль.

— Ты можешь отдохнуть и окончательно поправиться. У меня есть деньги.

— А! произнесла она равнодушно; потомъ прибавила:

— Я стану снова работать... Это меня разсвѣтъ... Я буду меньше думать... А ты имѣешь хорошій видъ! ты совсѣмъ перемѣнился.

Она смотрѣла на него съ нѣкоторымъ недоброжелательствомъ, какъ будто считала его отвѣтственнымъ за свое несчастье.

— Ба, ты купилъ новое платье... О, у тебя блестящій видъ...

— Ты отлично знаешь, что на мнѣ были лохмотья.

— О, я тебя не упрекаю... Но мнѣ какъ то странно тебя видѣть одѣтаго съ иголки, съ пополнѣвшими щеками и веселымъ лицомъ понимаешь, это для меня такъ ново.

Напрасно Оливье говорилъ себѣ, что ему не въ чемъ себя упрекнуть; онъ чувствовалъ смущеніе, почти стыдъ передъ этой несчастной, которая желала, чтобы все окружающее напоминало ей ея горе.

Она продолжала:

— Впрочемъ, нельзя-же всѣмъ быть несчастными, не правда ли?.. Но кто несчастенъ, несчастенъ воплѣтъ... О, этотъ ребенокъ, который не захотѣлъ жить... онъ избавилъ меня отъ многихъ заботъ, огорченій и страданій... Кто знаетъ, какъ бы я его воспитала. Можетъ быть, это было бы мое несчастье. Но все-таки, я такъ была ему рада и разъ уже я согласилась...

— Но если бы онъ жилъ, развѣ я?..

Она не отвѣчала, и бросила на него мрачный взглядъ, въ которомъ онъ прочиталъ выраженіе ненависти.

Впродолженіи двухъ дней она почти не говорила съ нимъ, погруженная въ молчаніе, съ влімъ лицомъ, неподвижными и потемнѣвшими глазами. Затѣмъ, однажды утромъ она вошла въ комнату молодого человѣка и, обнявъ его за шею рукой, поцѣловала. И ея грустная улыбка говорила, что она проситъ прощенія и что нужно понять и извинить ея скорбь.

Но вечеромъ, когда она помогала ему одѣваться и увидѣла его въ черной парѣ съ вырѣзнымъ жилетомъ, она сказала рѣзко:

— Такъ ты будешь веселиться у этихъ Полиньеровъ?

— Веселиться? Нѣтъ... Я туда иду изъ корыстныхъ видовъ... Столько же для тебя, какъ и для меня.

— Причемъ тутъ я?

— Эти сношенія вѣроятно помогутъ мнѣ выйти на дорогу. Коломесь уже говорилъ мнѣ о мѣстѣ секретаря у одного извѣстнаго адвоката.

— Тебѣ, тебѣ... чортъ возьми! тебѣ это послужитъ къ чемунибудь, я это знаю но мнѣ?

— Ты этимъ тоже воспользуешься, я думаю.

Она пожала плечами съ видомъ сомнѣнія и замолкла. Потомъ ея губы задрожали отъ скрытаго страданія:

— А вѣдь, въ сущности, — сказала она, — ты долженъ быть очень доволенъ, что ребенокъ умеръ... Онъ очень стѣснялъ бы тебя послѣ...

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на нее, изумленный и возмущенный.

— Ты съ ума сошла!.. Что за мысли приходятъ тебѣ въ

голову послѣ этого несчастья?.. Ты ожесточаешься против меня... То, что ты сказала сейчасъ, чудовищно... Зачѣмъ ты мнѣ говоришь все это?

— Потому что я угадываю... Потому что съ тѣхъ поръ, какъ я родила, я много думала. Двѣ недѣли я не работала, а этого со мной не случалось еще никогда. Ну, вотъ я все думала. Съ ребенкомъ я становилась тебѣ въ тягость, какъ ядро каторжника, отъ котораго не такъ то легко освободиться... Между тѣмъ отъ одинокой женщины избавиться также легко, какъ плюнуть... Кромѣ того, не правда-ли? мы не можемъ вѣчно жить вмѣстѣ. Ты меня бросишь. У тебя будутъ деньги, удовольствія; твое имя появится въ печати... Ну, а я... я все буду дѣлать свои цвѣты...

Она говорила медленно, монотонно, не измѣняя голоса, не обнаруживая волненія. Теперь ей казалась напрасной ея мечта купить своего любовника, слить его существованіе со своимъ, выйти за него, пожалуй, замужъ.

— Но вѣдь я тебя не бросаю, чортъ возьми!—воскликнулъ Оливье нетерпѣливо.

Она упрямо молчала.

Тогда онъ обнялъ ее.

— Послушай, Гонорина, будь разсудительна... Скажи мнѣ одно слово, чтобъ не разстаться такимъ образомъ... Ты ошибаешься на мой счетъ... Гонорина... я опоздаю...

— Уходи... я тебя не держу...

Оливье былъ растроганъ и смягченъ. Что могъ онъ сказать? Гонорина была права (ему стыдно было спорить и прибѣгать ко лжи, которая, впрочемъ, не обманула бы ее): очевидно, онъ ее броситъ. Что касается ребенка... Эта смерть его глубоко тронула. Въ эту минуту, еслибы потребовалось отдать свою кровь, чтобъ воскресить бѣдную крошку, онъ отдалъ бы ее съ радостью. А между тѣмъ!.. Что-то шевелилось въ самой глубинѣ его души, въ какомъ то отдаленномъ темномъ уголкѣ, гдѣ онъ самъ ничего не видѣлъ ясно. И онъ отказывался отъ болѣе внимательнаго изслѣдованія, боясь открыть въ этой глубинѣ жестокое чувство...

Онъ повысилъ голосъ, какъ бы боясь, чтобъ онъ не дрогнулъ, и сказалъ:

— До свиданья... я вернусь, вѣроятно, очень поздно.

Кротость Гонорины его удивляла. Теперь онъ представлялъ себѣ разрывъ возможнымъ и близкимъ и внутренно радовался преждевременной покорности своей любовницы.

Это была низкая, трусливая мысль, отъ которой его лицо покрылось въ темнотѣ краскою стыда. Не было ли это предзнаменованіемъ? Его прошлое было мрачно, но чисто. Будущее, которое открывалось съ этого вечера, не готовило ли ему

медленнаго, но рокового паденія? Принципы Коломеса казались ему возмутительны. Итакъ, онъ отрекается отъ гордости, отъ чести, онъ станетъ торговать ложью! Онъ осудитъ на молчаніе свою совѣсть, онъ отречется отъ своихъ политическихъ взглядовъ, онъ протянетъ руку людямъ, которыхъ презиралъ инстинктивно, какъ испорченныхъ и грязныхъ.

А за нимъ, назади бѣдная Гонорина, грустно размышляющая одна въ своей плохо освѣщенной комнатѣ! Бѣдная дѣвушка, для которой прямодушіе и честность были необходимы, какъ сама логика! Добрая душа, которая была такъ предана ему въ эти мрачные дни!..

О, не только женщину, — онъ оставлялъ за собою свою совѣсть, свою гордость! Онъ думалъ о томъ, какъ благородно, какъ героично было бы остановиться сейчасъ, вернуться назадъ, взбѣжать по лѣстницѣ и броситься въ объятія Гонорины.

— Ты видишь, я вернулся... я тутъ, мы умремъ вмѣстѣ, если это нужно...

Но Оливье все шелъ впередъ, ускоряя шаги, боясь опоздать и не застать уже Коломеса.

— Что за лицо у тебя, чортъ возьми? — воскликнулъ послѣдній при видѣ своего друга. — Суровость пожалуй идетъ къ салону Полиньеровъ, но ты преувеличиваешь. Постарайся расправить свои морщины... Ты не будешь имѣть успѣха съ этимъ погребальнымъ видомъ... Мой милый, мы идемъ играть комедію... моя роль — роль перваго любовника.

И они ушли подъ руку.

XXII.

Звонъ колокольчика у входной двери вызвалъ въ Оливье потрясеніе, какое испытываютъ даже храбрые люди при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, начинающемъ битву. Но онъ выпрямился и вошелъ въ гостиную съ высоко поднятой головой, съ твердымъ взглядомъ.

М-ше Полиньеръ была женщина средняго роста съ красными щеками, жесткимъ и холоднымъ лицомъ, высокомѣрнымъ и простоватымъ видомъ. Но она просіяла при видѣ молодого человѣка. Она приняла его съ улыбкой покровительственной доброты и пожала ему дружески руку.

— Я васъ знаю уже, monsieur... Мой другъ, м-ше Коломесь (мать этого повѣсы, — это въ скобкахъ) мнѣ много говорила о васъ и въ такихъ похвальныхъ выраженіяхъ, что я вамъ очень благодарна за ваше посѣщеніе.

Она указала ему на стулъ около себя и продолжала говорить о м-ше Коломесь, объ этой дорогой родственницѣ, такой доброй, милой, какъ бы созданной блистать въ свѣтѣ, и въ то же время такой печальной. Оливье ее еле зналъ. Она не показывалась въ свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ заболѣла. Онъ думалъ о ней лишь какъ объ отвлеченной силѣ, объ искусномъ и осторожномъ вліяніи, руководящемъ издали шагами Коломеса въ свѣтѣ.

Слушая и отвѣчая односложно и, въ то же время, кидая кругомъ быстрые взгляды, Оливье замѣтилъ нѣсколько хорошенькихъ женскихъ и дѣвичьихъ фигуръ, ихъ обнаженные плечи, ихъ бѣлыя шеи, разноцвѣтную, оживленную смѣсь туалетовъ, позъ, жестовъ подъ ослѣпительнымъ бѣловатымъ и нѣжнымъ блескомъ свѣчей.

М-ше Полиньеръ говорила жеманно, щурила глаза и сжимала свой и безъ того маленькій ротикъ. Ея голосъ, сухой и рѣвкій, какъ бы разбивался на мелкіе жесткіе куски, которые неприятно сталкивались другъ съ другомъ. Впрочемъ подъ жеманствомъ формы, подъ слащавой шаловливостью выраженій, Оливье угадывалъ энергическую волю, полнѣйшее отсутствіе чувствительности, потребность власти. Это ему было болѣе по сердцу; онъ чувствовалъ бы себя неловко, если бы очутился въ присутствіи особы пріятливой и доброй. Но передъ нимъ врагъ, котораго надо заставить служить, котораго онъ предать безъ угрызеній совѣсти.

— Повидимому,—говорила она,—вы много работали. Ваша молодость была посвящена трудамъ въ противоположность молодымъ людямъ, которые обыкновенно начинаютъ съ развлеченій. Вашъ другъ считаетъ васъ очень знающимъ.

— О! сударыня,—отвѣчалъ Оливье скромно, но безъ смущенія.

— Такъ рѣдко можно встрѣтить трудолюбивую молодость въ наше время безпорядка и анархіи, когда достаточно имѣть дурныя манеры, апломбъ, посѣщать кофейни и буяннить, чтобы надѣяться имѣть вліяніе на дѣла государства.

Оливье пристально посмотрѣлъ на нее и опустилъ глаза.

Она продолжала:

— Просто позоръ,—какіе люди управляютъ нами. Недавніе оборванцы, не имѣвшіе до войны ничего, кромѣ долговъ, теперь покупаютъ себѣ дворцы; люди безъ таланта, безъ принциповъ, безъ стыда, грубые скоты, настоящіе сыны своей республики... Люди, девизъ которыхъ—безбожіе!

— Но, сударыня...

Онъ опять замолчалъ, замѣтивъ, что за нимъ наблюдаютъ, и выразилъ свое согласіе неопредѣленнымъ движеніемъ головы.

Г-жа Полиньеръ внезапно переѣнила тонъ.

— Я васъ сейчасъ представлю г. Дьелафуа, съ которымъ я уже говорила о васъ.

Дьелафуа, какъ адвокатъ, былъ извѣстенъ еще во время имперіи. Его первое громкое дѣло доставило ему сразу европейскую извѣстность. Хорошо принятый при дворѣ, куртизанъ и умница, вошедшій въ моду скандальными и продажными процессами, онъ могъ бы составить значительное состояніе, если бы чрезмѣрныя потребности его слишкомъ широкой натуры не заставляли его предаваться всѣмъ удовольствіямъ, что поглощало громадыя суммы его заработка. Человѣкъ импульса и вдохновения, импровизирующій свои стройныя рѣчи, могущественный адвокатъ и только адвокатъ, берущій на себя лишь трудныя, невозможныя дѣла, заранѣе потерянные для другихъ,—онъ и въ жизни нуждался въ постоянномъ возбужденіи и излишествахъ, чтобъ поддерживать извѣстную душевную температуру. Его извѣстность и громадный талантъ подавляли всякое злословіе и осужденіе.

— Вы знаете,—сказала м-ше Полиньеръ,—онъ всегда приносилъ счастье своимъ протеже... Онъ съ любовью занимается образованіемъ своихъ учениковъ. Я думаю,—окончила она съ довольной улыбкой,—что онъ возьметъ васъ къ себѣ.

— Я не знаю, право, мадамъ, какъ доказать свою признательность.

Онъ бормоталъ ей о своемъ счастьи, но не ощущалъ его. Онъ зналъ репутацію Дьелафуа, какъ кутилы и атеиста, и ему стало почти смѣшно при мысли, что этотъ человѣкъ проникъ въ гостиную, которая славилась строгостью нравовъ и ревностнымъ клерикализмомъ.

Въ эту минуту онъ увидѣлъ въ залѣ высокую молодую дѣвушку, въ бѣломъ. Она была безусловно прекрасна, съ чистыми чертами, блестящими глазами, высокимъ лбомъ, съ волосами, приподнятыми прической, какъ у Діаны. Ея гордая поступь вызывала свою непринужденностью и легкостью мысль о прекрасной классической статуѣ. Она подходила съ выраженіемъ высокоумія на лицѣ, и онъ почувствовалъ, что его что-то какъ будто толкаетъ назадъ при ея приближеніи: спина его сама углублялась въ спинку кресла.

— Моя дочь,—сказала м-ше Полиньеръ.

Онъ быстро поднялся.

— Г. Оливье Датанъ.

Онъ поклонился. Молодая дѣвушка отвѣтила чуть замѣтнымъ наклоненіемъ головы, и, выпрямившись, онъ встрѣтилъ взглядъ двухъ великолѣпныхъ глазъ, смотрѣвшихъ на него пристально, съ неуловимо-загадочнымъ выраженіемъ.

Жюли сказала нѣсколько словъ матери. Оливье отходилъ,

чтобъ уступить ей мѣсто, когда какой то господинъ подошелъ къ нему и взялъ его за руки. Это былъ г. Полиньеръ, довольно красивый мужчина, съ незначительнымъ, добрымъ лицомъ, окаймленнымъ ровно подстриженными сѣдьющими бакенбардами. Онъ потащилъ молодого человѣка въ маленькій салонъ, гдѣ человѣкъ двадцать мужчинъ во фракахъ, съ кляками подъ мышкой, болтали, нѣкоторые сидя, большая часть стоя, качаясь на своихъ раздвинутыхъ, вытянутыхъ ногахъ.

Г. Полиньеръ повторилъ Оливье все, что ему уже сказала его жена. Молодой человѣкъ понялъ, что этотъ господинъ былъ лишь отголоскомъ, эхо, чѣмъ-то въ родѣ мужа-слуги. Оливье сдѣлалъ внимательную фізіономію и въ то же время наблюдалъ гостей, прислушиваясь къ отрывкамъ разговоровъ, которые могъ уловить.

Г. Полиньеръ говорилъ долго, съ важнымъ и сентенціознымъ видомъ, стараясь не останавливаться, вставляя въ свою рѣчь безконечныя отступленія.

— Такъ въ Бретани, доказывалъ онъ, на нашей родинѣ, г-жи Полиньеръ и моей... я былъ нотариусомъ въ Д... въ продолженіи десяти лѣтъ, а моя жена принадлежитъ къ семьѣ чиновниковъ изъ высшаго судебного міра... мы имѣемъ землю, кромѣ замка, въ которомъ мы проводимъ четыре, пять мѣсяцевъ въ году. Ну, такъ вы не можете себѣ представить, какія затрудненія мы встрѣчаемъ ежедневно съ фермерами, какъ хитры и недобросовѣстны эти люди, какъ растетъ ихъ дерзость. Рабочій, который довольствовался прежде десятью су въ день, чернымъ хлѣбомъ и супомъ и который былъ при этомъ счастливъ, здоровъ и доволенъ, теперь требуетъ тридцать су, бѣлаго хлѣба, мяса, и вы думаете, что онъ вамъ благодаренъ? Онъ пишетъ на стѣнахъ мѣломъ ваше имя съ прибавленіемъ бранныхъ словъ! Онъ отворачивается, встрѣчаясь съ вами на дорогѣ, онъ не вѣритъ теперь ничему, они не ходятъ болѣе въ церковь, и это въ Бретани!—О! эти новыя идеи, эти школы, это все ихъ дѣло!..

Онъ говорилъ все это просто, безъ гнѣва, безъ желчи, какъ заученный урокъ. Его жесты сохранили провинціальную рѣзкость; серьезность неподвижнаго лица была слишкомъ искусственна. Оливье угадалъ, что г-жа Полиньеръ высколила своего супруга, но ей не удалось придать ему подвижность, ловкость, то неуловимое нѣчто, по которому мы сразу узнаемъ парижанина. Г. Полиньеръ представлялся ему челоукомъ, надъ которымъ много трудились и наконецъ бросили, потерявъ всякую надежду, какъ бросаютъ негодный предметъ, который перестаютъ даже видѣть около себя...

— Это честный и несчастный человѣкъ,—подумалъ онъ.

Онъ чувствовалъ, что молодые люди осматриваютъ его,

что онъ возбуждаетъ любопытство. У него не было ни ихъ манерь, ни умѣнія держаться, ни безстрастной гримасы лица. Его фракъ и брюки были другого покроя. Всѣ эти молодые люди были недурны собой, пріятны въ обращеніи, но это обаяніе они приобрѣтали, какъ женщины, съ помощью изысканнаго туалета, выправкой, прической къ лицу, чѣмъ то неуловимымъ, особеннымъ закручиваніемъ усовъ, стрижкой бороды, постоянной кокетливой улыбкой. Они всѣ были богаты. Тщеславная дерзость устремленныхъ на него взглядовъ казалась Оливье глупой: такъ разсматриваютъ лошадь, картину, интересный предметъ; и онъ отвѣчалъ имъ вызывающей улыбкой, выпрямившись, какъ бы для атаки.

Г. Полинберъ устремился къ какому-то новому гостю, и Оливье остался одинъ. Онъ медленно двигался между группами, прислушиваясь къ разговорамъ. Они вертѣлись на коноваткахъ, модныхъ актрисахъ, лошадяхъ, пересыпались выраженіями арга и спорта, прерывались слишкомъ громкимъ смѣхомъ. Высокій неуклюжій молодой человѣкъ, съ моноклемъ въ глазу, съ смѣшнымъ лицомъ, афектирующимъ наивность простака, рассказывалъ шуточную сцену между гарсономъ ресторана и пьяной дѣвкой. Нѣсколько забавныхъ словъ развеселили Оливье, который остановился и слушалъ, ободренный взглядомъ рассказчика, гордившагося своимъ успѣхомъ.

— Вотъ чижики!—сказалъ себѣ Оливье, невольно улыбаясь удачно рассказанному ничтожному анекдоту.

Онъ удалился, сопровождаемый взглядами, и сталъ ходить около серьезныхъ господъ, говорившихъ по двое или группами. Ихъ лица были мрачны и скучны. Многіе говорили также о спортѣ, другіе о политикѣ. Оливье прислушался. Онъ услышалъ новыя жалобы на настоящее положеніе. Дальше бранили, топтали въ грязь людей, которыми онъ восхищался. Находили въ ихъ дѣйствіяхъ низкіе мотивы или третировали ихъ съ презрительной легкостью, осуждая однимъ тономъ или проницескимъ словомъ, низвергая однимъ презрительнымъ щелчкомъ. Одна фраза заставила его рѣзко обернуться. Она была слишкомъ нелѣпа, слишкомъ несправедлива. Онъ очутился лицомъ къ лицу съ блондиномъ въ орденахъ, который посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, вытаращивъ глаза, съ нерѣшительной улыбкой на губахъ.

По разговорамъ онъ угадалъ депутатовъ, прежнихъ чиновниковъ, уволенныхъ новымъ правительствомъ, утѣшающихся въ праздности отставки легкими сарказмами. Они походили на прогнанныхъ лакеевъ. Ихъ болтовня состояла въ сплетняхъ. Не было произнесено ни одного глубокаго или вѣрнаго слова, не было и помина объ идеяхъ.

— Скоты, достойные хлыста и возжей... лакеи,—подумалъ Оливье.

Онъ направился къ дверямъ большой гостиной, привлеченный гуломъ женскихъ голосовъ, и остановился на порогѣ.

Онъ увидѣлъ высокую дѣвушку въ бѣломъ; она сидѣла посреди комнаты, разговаривая съ двумя мужчинами, и подняла голову при его входѣ. Можно было подумать, что она поджидала появленія молодого человѣка, и, казалось, перестала слушать своего собесѣдника, выправившись на креслѣ; ея грудь подымалась подъ молочной тканью корсажа, ея глаза встрѣтились съ глазами Оливье. Это продолжалось нѣсколько секундъ. Потомъ, медленно, естественнымъ движеніемъ дѣвушка отвернулась. На него ли она смотрѣла? видѣла ли она его?—онъ не зналъ. Но онъ повторилъ про себя ея имя, какъ будто желая его запомнить: «Жюли, это Жюли».

Онъ видѣлъ ея профиль. Прямой носъ былъ замѣчательно правильной формы; это было какъ будто образцовое произведеніе искусства, выточенное изъ лучшаго мрамора. Высокій лобъ терялся въ темныхъ, густыхъ волосахъ: контуры рта были чрезвычайно нѣжны; мясистый подбородокъ граціозно соединялся съ линіей голой шеи, длинной и гибкой. Отъ этого избытка красоты вѣяло холодомъ, сухостью души и сердца, что забывалось, правда, когда дѣвушка поворачивалась лицомъ и смотрѣла на васъ большими, огненными, широко-раскрытыми глазами.

Играла-ли она роль? Желала-ли она вызвать его восхищеніе? Чѣмъ онъ былъ для нея, станетъ-ли онъ чѣмъ нибудь для этого прекраснаго созданія, возбуждавшаго зависть самыхъ богатыхъ людей!

Какъ разъ противъ него, на другомъ концѣ салона, Коломесь, сидя на пуфѣ, болтала съ хорошенькой брюнеткой, которая, поднявъ красный вѣеръ къ подбородку, смотрѣла на него съ лукавой улыбкой. Вѣроятно, рѣчь шла о любви.

Въ эту минуту лакей доложилъ: «докторъ правъ Дьелафуа».

Вошелъ толстый, коротенькій человѣкъ съ круглымъ краснымъ лицомъ, съ маленькими живыми, хитрыми глазками. Онъ приближался съ развязностью деревенскаго барышника, вычурно поклонился г-жѣ Полиньеръ, которая встала и вскорѣ послѣ того подвела его къ дверямъ маленькой гостиной.

— Г. Оливье Датанъ, о которомъ я вамъ говорила, любезный докторъ.

Докторъ Дьелафуа протянулъ руку Оливье и посмотрѣлъ на него такими черными и пронзительными глазами, что молодой человѣкъ смутился. Онъ старался оправиться, боясь показаться неловкимъ и робкимъ.

— Я васъ оставляю однихъ,—сказала г-жа Полиньеръ, отходя.

— Я пріѣхалъ отчасти ради васъ, сударь... г-жа Полиньеръ взяла съ меня обѣщаніе, а я очень желаю ей быть пріятнымъ... Черезъ четверть часа я улизну отсюда... Позавтракайте завтра со мной...

«Онъ возьметъ меня къ себѣ, онъ мнѣ будетъ протектировать, поставитъ меня на дорогу»,—восклицалъ Оливье въ глубинѣ души, въ порывѣ восторга. Если бы онъ нашелъ въ карманѣ своего жилета чекъ на сто тысячъ франковъ, это не удивило бы его болѣе.

Дьелафуа окинулъ взглядомъ маленькій салонъ, еле отвѣтилъ на множество поклоновъ и прошелъ съ презрительнымъ и пренебрежительнымъ видомъ среди наклоненныхъ туловищъ, пожать руку важныхъ господъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся къ молодому человѣку.

— Какова? О, эта дрянная Жюли настоящая красавица... До завтра, неправда ли?.. Мой визитъ конченъ, меня видѣли, и я исчезаю...

Пройдя снова маленькій салонъ, онъ исчезъ въ противоположныхъ дверяхъ.

Оливье, стоя на порогѣ, охваченъ отъ счастья и не видѣлъ уже ничего больше. Весь этотъ шумъ голосовъ, взрывы женскаго смѣха, щелканье вѣровъ наполняли его восхитительнымъ чувствомъ удовольствія. Онъ выпилъ одинъ за другимъ нѣсколько стакановъ пунша, разносимаго на подносахъ лакеями, и вдругъ какъ бы очнулся, почувствовавъ на себѣ взглядъ Жюли, которая пристально смотрѣла на него. Онъ удержался, чтобъ машинально не отвѣтить ей улыбкой.

Въ третій разъ онъ встрѣтилъ этотъ огненный взглядъ, прощаясь съ г-жей Полиньеръ. Онъ низко поклонился Жюли, которая, какъ ему показалось, не отвѣчала на его поклонъ, и забылъ пожать руку г. Полиньеру.

Они вышли на улицу вмѣстѣ съ Коломесомъ.

— Ну что?—спросилъ послѣдній,—ты доволенъ?

— Въ восторгѣ, старина! Какъ будто съ меня сняли злое очарованіе!

— Знаешь... я тебя не предупредилъ, потому что ты плохо сыгралъ бы роль, а надо предоставлять нѣкоторую долю случаю... ты представляешь въ этомъ домѣ не то, что совсѣмъ реакціонеромъ, но чѣмъ то въ родѣ этого...

— Что мнѣ за дѣло, разъ я добьюсь своего!

— Ахъ ты предатель!—воскликнулъ Коломесъ, смѣясь.

— Какихъ лѣтъ m-me Полиньеръ?

— Двадцати съ чѣмъ-то.

— И еще не замужемъ?

— Чортъ возьми! въ томъ то и дѣло... Это странная дѣвушка, она всѣмъ отказывается... Она очень честолюбива, но я не знаю, чего она хочетъ... Это дѣвица не покладистая, дерзкая, кокетка, это какой-то бѣсенокъ, безъ сердца... Умна-ли? ну это загадка! Но сила воли! предъ этой волей гибаетъ ея мать, а этимъ много сказано... Меня она, конечно, презираетъ... Было время, когда я ей говорилъ разныя любезности, но у меня скоро отбили охоту... Теперь мы пожимаемъ другъ другу руку и это все... Мы не обмѣнялись ни словомъ въ этомъ году...

Оливье наскоро простился со своимъ другомъ. Ему хотѣлось одиночества.

Онъ шелъ быстро, большими шагами, какъ будто подгоняемый оргіей блестящихъ галлюцинацій. Ему казалось, что онъ перемѣнилъ тѣло и душу. Золотыя врата будущаго внезапно открылись передъ нимъ, и по ту сторону онъ видѣлъ сплошное сіяніе. Масса желаній, до тѣхъ поръ ему неизвѣстныхъ, сжигали его. Онъ думалъ о прекрасной и холодной Жюли. Что ей нужно? Мужъ, человѣкъ достойный ея, который бы ей упрочилъ, взамѣнъ ея красоты и золота, славу, волшебный ореолъ, извѣстное имя? Почему бы ему не стать этимъ мужемъ? Конечно она должна была презирать весь этотъ кланъ молодыхъ людей, хорошенькихъ, напомаженныхъ, пустыхъ, которые вертѣлись около нея, молчаливые или нахальные, неспособные ея тронуть, заставить задрожать струны ея души. Онъ чувствовалъ себя выше ихъ! Она также должна была это почувствовать. Ея взглядъ, издали, казался такимъ значительнымъ и такимъ понятнымъ. Боже мой! неужели это возможно? Это предательство? Но если, дѣйствительно, наступитъ реставрація, если они опять возведутъ на тронъ короля, развѣ необходимо, чтобы онъ, Оливье, только потому, что живетъ въ эту эпоху, былъ осужденъ на безнадежную нищету и неизвѣстность? Развѣ онъ не можетъ остаться человѣкомъ добра и прогресса на службѣ королю? Быть можетъ его ждутъ почести. Партія не богата умными и несчастными бѣдняками, желающими успѣха. Да здравствуетъ король! говорилъ онъ себѣ съ ироніей... Жюли, величественная и прекрасная, и онъ, соединенные въ будущемъ, могущественные, окруженные льстецами, держащіе въ своей власти весь міръ...

Его лихорадочное оживленіе исчезло, какъ только онъ очутился передъ дверями своего дома. Онъ вспомнилъ, что однажды ночью онъ вернулся въ такомъ же возбужденіи, наканунѣ своего посѣщенія Барро.

Ледяной холодъ охватилъ его плечи. Этотъ узкій корридоръ

велъ въ его бѣдную комнату, въ которой онъ такъ много страдалъ... Теперь онъ возвращался въ нее ренегатомъ.

Онъ прошелъ на ципочкахъ, безъ шума вложилъ ключъ въ замокъ. Мысль, что Гонорина услышитъ и позоветъ, ужасала его.

Онъ поспѣшно легъ въ темнотѣ.

Засыпая, онъ повторялъ себѣ: «неужели я опять обманулся? Неужели я ребенокъ, котораго занимають и обманываютъ волшебныя сказки?»

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ТРЕХМѢСЯЧНАЯ ПОДПИСКА
съ 1-го Апрѣля по 30-е Іюня
НА ИЗДАЮЩЕСЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ
ВЪЖЕМЪОНЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ“

и газету „Недѣльная Хроника Восхода“.

Цѣна съ доставкой и перес. на ТРИ мѣсяца—ТРИ руб.
Подписывающіеся на годъ съ 1 января платятъ 10 р. и полу-
чаютъ журналъ и газету съ 1-го №.

Въ вышедшихъ четырехъ книгахъ за январь, февраль, мартъ
и апрѣль, между прочимъ, помѣщено:

I. „Геоолія“. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, Ж. Расина. Перев. въ сти-
хахъ. О. Н. Чуминой.—II. „О нѣкоторыхъ нуждахъ евр. населенія въ Рос-
сін. Д-ра С. Н. Груденберга.—III. Историческіе очерки караимства. Изъ
этюдовъ о еврейскихъ сектахъ. А. Я. Гарнави.—IV. „Уриель Авоста“. Исто-
рическая характеристика. И. Зангвиля. (Съ англійскаго). С. Л. Федоро-
вичъ.—V. „Институтъ ритуальной чистоты у древнихъ евреевъ“. Къ исто-
ріи развитія устнаго ученія. Д-ра Л. С. Каценельсона.—VI. „Бѣгство“. Раз-
сказъ. Бень-Ами.—VII. „Евреи въ Англіи въ послѣдніе три вѣка“. М. И. Ку-
лишера.—VIII. „Хейбарскій ядъ“. Изъ хроники IX вѣка. Поэма въ сти-
хахъ. В. Лебедева.—X. „Изъ путевыхъ впечатлѣній въ Чертъ Осѣдлости“.
Встрѣчи, картинки, разговоры. Л. Е. Оболенскаго.—XI. Изъ „Перепискы
объ упадкѣ еврейства“. Письма Мааса Нордау и Р. И. Сементковскаго.—XII.
„Лишь бы не въ дѣвкахъ“. Повѣсть. М. Ривесмана.—XIII. „Хадъ-Гадія“.
Психологическій этюдъ. И. Зангвиля. (Съ англійскаго). С. Л. Федоровичъ.—
XIV. „Изъ моихъ воспоминаній“. М. Г. Моргулис.—XV. „Берлинское еврей-
ское общество въ XVI столѣтіи“. Проф. Л. Гейгера.—XVII. „Генеральша“.
Рассказъ доктора Н. Пружанскаго.—XVIII. „Іекъ“. Повѣсть изъ жизни Нью-
Йоркскаго гетто. А. Кагана. (Съ англійскаго). М. Е. Рубинова.—XIX. „Объ-
тованная земля“. Е. Я. Хисина.—XX. „Иудейскія древности“. Соч. Флавія Іосифа.
Переводъ съ греческаго Г. Г. Геніала.—XXI. „Стихотворенія“. С. Г. Фруга,
О. Н. Чуминой, В. Лебедева, Х. Зингера и Л. Яффе.—XXII. „Современная
лѣтопись“.—XXIII. Двѣлѣтность „Центральнаго союза“ германскихъ
гражданъ іудейскаго исповѣданія. Альфонса Леви.—XXIV. „Лѣтнія школь-
ныя колоніи“. И. С.—рѣ.—XXV. „Колонизаціонное движеніе русскихъ ев-
реевъ въ Палестину и Аргентину“. А. М. Беренгейма. XXVI. „Сенатская
практика“ по вопросамъ объ отвѣтственности раввиновъ, членовъ еврей-
скихъ духовныхъ правленій и божицкихъ дозоровъ за преступленія по
должности. М. М.—XXVII. „По поводу шестидесятилѣтія со дня кончины
А. С. Пушкина“. С. М. Станиславскаго.—XXVIII. „Литературная лѣто-
пись: новый журналъ на древне-еврейскомъ языкѣ“. („Гашилоахъ“). С. Г.
Гинзбурга.—XXIX. „Литературныя письма Д. Фришмана“. С. Г.—р.—XXX.
П. Смоленскій. С. М. Гинзбурга.—XXXI. „Берне и Лассаль“. С. V.—
XXXII. „Критическіе наброски“. А. Торина.—XXXIII. „Библиографія“.
С. Г. и Я. Каценельсона.—XXXIV. „За прошлый годъ“. Л. З.

Цѣна на годъ журнала „ВОСХОДЪ“ и газеты „НЕДѢЛЬНОЙ ХРОНИКИ ВОС-
ХОДА“ 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За-границей на годъ 12 р.,
на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ,
подписывающихся съ 1-го Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ:
при подпискѣ 4 р., къ 1 Марта 3 р. и къ 1 Іюля 3 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ,
Театральная площадь 2 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Новые подписчики, желающіе получить первые 15 листовъ „Иудейскихъ
Древностей“ І. Флавія, благоволятъ прислать еще 1 р.

Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

(начатый прф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора **Ө. Ө. ПЕТРУШЕВСКАГО**

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Векетовъ (біологич. науки), С. А. Венгеровъ (исторія литературы), Проф. А. И. Воейковъ (географія), Проф. Н. И. Каръевъ (исторія), А. И. Омовъ (языки искусства), Проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.), Проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственный и лѣсоводство), Владиміръ Соловьевъ (философія), Проф. Н. Ө. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждыя два мѣсяца попутами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 40 полутомовъ. Всего полутомовъ предполагается до пятидесяти. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и другія университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарь статей составляется самостоятельно русскими учеными и специалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболѣе полно и тщательно.

Заявленія о подпискѣ принимаются: въ конторѣ журнала «Русское Богатство»—Петербургъ, *Бассейная ул.*, д. 10.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 руб., послѣ чего выдается имѣющаяся на-лицо попутами; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ четырехъ рублей.

Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), М. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

НОВАЯ КНИГА:

Сочиненія

А. О. НОВОДВОРСКАГО

(ОСИПОВИЧА).

Эпизодъ изъ жизни ни павы ни вороны. II. Карьера. III. Тетушка. IV. Сувениръ. V. Романъ. VI. Мечтатели. VII. Исторія. VIII. Наканунъ ливни-даціи.

Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкой 1 р. 70 к.

Подписчики «Русскаго Богатства», обращающіеся въ Петербургскую или Московскую контору журнала, за пересылку не платятъ.

Издатели: Вл. Короленко.
Н. К. Михайловскій.

Редакторы: П. Быковъ.
С. Поповъ.

Хлѣбныя цѣны и народное хозяйство.

(Окончаніе).

Вопросъ о значеніи хлѣбныхъ цѣнъ для крестьянскаго хозяйства представляется болѣе важнымъ, чѣмъ тотъ же вопросъ въ примѣненіи къ хозяйству помѣщичьему. Крестьянское землевладѣніе и по своему пространству, и по числу лицъ, заинтересованныхъ въ немъ, является у насъ болѣе крупнымъ факторомъ экономической жизни страны, чѣмъ частное землевладѣніе, о которомъ намъ приходилось говорить въ первой статьѣ. Поэтому выясненіе вопроса о вліяніи низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ на крестьянское хозяйство представляетъ задачу первостепенной важности: онъ касается населенія, превышающаго 60 милл. человекъ и заинтересованнаго въ обработкѣ свыше 130 милл. дес. земли.

Исходной точкой для разрѣшенія указанной задачи должно служить основное положеніе о характерныхъ особенностяхъ земледѣльческаго промысла. Во время преній, происходившихъ въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ по вопросу о низкихъ цѣнахъ, проф. Чупровъ отмѣтилъ эти особенности очень удачными примѣрами. «Человѣкъ, производящій гробы, сказалъ онъ, нуждается въ своемъ продуктѣ только одинъ разъ въ жизни, сапожникъ износитъ не больше двухъ паръ сапогъ изъ нѣсколькихъ десятковъ паръ, которыя онъ способенъ приготовить въ теченіе года; земледѣлецъ же долженъ употребить вмѣстѣ съ семьей болѣе половины того хлѣба, который онъ производитъ своимъ личнымъ трудомъ». Исходя въ своихъ сужденіяхъ изъ этого коренного свойства земледѣльческаго промысла, мы опираемся на положеніе, которое можетъ считаться безспорнымъ; его признаетъ не только проф. Чупровъ, но и проф. Исаевъ, который, сравнивая обрабатывающую промышленность съ сельскимъ хозяйствомъ, слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ особенность земледѣлія: «Какъ далеко оно ни ушло въ странахъ наиболѣе цивилизованныхъ, говоритъ г. Исаевъ, люди, занятые въ сельскомъ хозяйствѣ, близко стоятъ къ своимъ важнѣйшимъ потребностямъ: не только мелкій, но и крупный землевладѣлецъ печетъ хлѣбъ изъ своей пшеницы, варитъ супъ изъ своего мяса, пьетъ свое молоко. Важнѣйшая часть потребностей,

составляющая для цѣлыхъ классовъ 60% — потребности въ пищу — удовлетворяются землевладѣльцемъ внѣ всякой связи съ рынкомъ. Приобщимъ сюда потребность въ жилищѣ, которая поглощаетъ 15—20% расходовъ, и мы получимъ 75—80% потребностей, независимыхъ отъ рынка. *)

Изъ этой характеристики сельско-хозяйственного промысла слѣдуетъ съ неизбѣжной необходимостью, что мелкое землевладѣніе, дающее возможность производить лишь такое количество хлѣба, которое нужно для удовлетворенія потребностей земледѣльца и его семьи, является хозяйствомъ натуральнымъ, производящимъ не для продажи, а для собственного потребленія, слѣдов. независающимъ отъ рынка ни въ смыслѣ продажи, ни въ смыслѣ покупки хлѣба. Если же хозяйство настолько мелко, что оно не доставляетъ того количества пищи, которое требуется земледѣльцемъ, то такое хозяйство имѣетъ нужду въ покупномъ хлѣбѣ и въ виду этого заинтересовано въ томъ, чтобы хлѣбъ былъ дешевъ, а не дорогъ. Это — логическій выводъ изъ приведеннаго выше положенія профессоровъ Чупрова и Исаева объ особенностяхъ земледѣлія. Если признать изложенную выше характеристику, то заключеніе о различномъ отношеніи къ рынку крупнаго и мелкаго землевладѣнія не можетъ быть оспариваемо. Само собою разумѣется, что это заключеніе чисто-теоретическое. Насколько оно осуществляется практически, и какое практическое значеніе оно имѣетъ — это мы увидимъ ниже. А пока рассмотримъ съ этой теоретической точки зрѣнія отношеніе крестьянскаго землевладѣнія къ рынку.

Мы находимъ въ статьѣ Л. Н. Маресса «Производство и потребление хлѣба въ народномъ хозяйствѣ» (Вліяніе урожая въ хлѣбныхъ цѣляхъ, т. I) расчетъ потребнаго человѣку минимальнаго количества растительныхъ продуктовъ. На основаніи физиологическихъ данныхъ это минимальное количество опредѣляется приблизительно въ 18 пудовъ въ годъ. Что эта норма не преувеличена, можно заключить изъ того, что въ голодный годъ паекъ на человѣка былъ опредѣленъ въ 13 пуд.; это свидѣтельствуетъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ, что при нормальныхъ условіяхъ человѣку нужно больше этого минимума растительной пищи.

Кромѣ продовольствія необходимо принять также во вниманіе и кормъ скота и птицы. На основаніи изслѣдованій, произведенныхъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ разныхъ губерній, г. Марессъ опредѣляетъ количество корма, необходимаго среднему крестьянскому хозяйству, въ 45 п., или приблизительно — 7½ пуд. на душу. Эту цифру также нельзя признать чрезвѣрной, если принять во вниманіе, что статистическія изслѣдованія, произведенныя въ Петербургской и Воронежской губерніяхъ, дали болѣе высокія

*) А. А. Исаевъ: Гдѣ лежатъ главныя причины хозяйственныхъ кризисовъ? («Вѣстникъ Европы», Ноябрь, 1888).

нормы. Прибавляя на помолъ 1 пудъ, г. Марессъ приходитъ къ заключенію, что для удовлетворенія потребностей сельскаго населенія въ зернѣ въ годъ требуются слѣдующія количества: для продовольствія 19 п., считая на душу, и для корма скота и птицы 45 п., считая на одно хозяйство, или приблизительно $7\frac{1}{2}$ п. на душу, а всего $26\frac{1}{2}$ пудовъ на душу.

Что же доказываетъ приведенный расчетъ? Онъ опредѣляетъ только тотъ минимумъ растительной пищи, который нуженъ русскому крестьянину для того, чтобы быть сытымъ самому и прокормить свой скотъ и птицу. Посмотримъ, можетъ ли земля, находящаяся въ собственности и въ пользованіи крестьянскаго населенія, доставить послѣднему указанное минимальное количество растительной пищи?

На основаніи приведенныхъ выше продовольственныхъ и кормовыхъ нормъ можно рассчитать, какое количество хлѣба требуется крестьянскому населенію, численность котораго извѣстна. Такъ, напр., крестьянское населеніе Московской губерніи составляло къ 1 января 1892 г.—1.174.516 душъ обоого пола (208,100 дворовъ въ 1890 г.). Если считать по 19 пуд. на душу продовольственнаго хлѣба и по $7\frac{1}{2}$ пуд. кормового, то не трудно высчитать, что крестьянамъ Московской губерніи нужно въ годъ для продовольствія 22,325 тысячъ пудовъ и для прокорма скота 9,364 тысячи пудовъ, всего 31,689 тыс. пуд. При помощи такого расчета опредѣляется, что по всѣмъ 50 губ. Европ. Россіи для продовольствія крестьянскаго населенія нужно 1.285,622 тыс. пудовъ въ годъ, для корма скота и птицы—476,550 тыс. пудовъ.

Считаемъ нужнымъ повторить здѣсь, что какъ продовольственная и кормовая нормы, такъ и приведенные итоги имѣютъ исключительно теоретическое значеніе — они показываютъ только потребность въ пищѣ и кормѣ, но не дѣйствительное потребление. Исходя изъ данныхъ физиологій и опыта, мы можемъ отвѣтить на вопросъ — сколько нужно хлѣба русскому крестьянину для того, чтобы онъ былъ сытъ и могъ прокормить свой скотъ и птицу. Отвѣтъ, который даетъ приведенный выше расчетъ, отнюдь не доказываетъ, что крестьянинъ дѣйствительно съѣдаетъ столько, сколько онъ долженъ съѣдать, чтобы не жить впроголодь.

Но какое могутъ имѣть значеніе подобныя теоретическія расчеты? скажутъ намъ: важно знать, сколько съѣдаетъ крестьянинъ, а не то, сколько ему нужно хлѣба. Мы полагаемъ, что важно знать и то, и другое; потому что не зная, сколько хлѣба нужно крестьянину, мы не можемъ знать, сытъ ли онъ или голоденъ. Для того, чтобы выяснитъ этотъ вопросъ, нужно прежде всего опредѣлить, можетъ ли надѣльная земля доставить крестьянскому населенію потребное ему количество пищи и корма.

Въ ежегодныхъ обзорахъ урожаяевъ, публикуемыхъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, даются цифры выѣва

и сбора хлѣбовъ. Г. Марессъ воспользовался этими данными для опредѣленія тѣхъ количествъ зерна (за вычетомъ сѣмянъ), которые обыкновенно получаютъ съ надѣльныхъ земель. Результатомъ этой работы явилась таблица слѣдующаго содержанія. Для каждой губерніи опредѣлено въ тысячахъ пудовъ количество ржи, прочихъ яровыхъ хлѣбовъ, картофеля и овса, въ среднемъ (1883—1892 гг.) ежегодно собираемыхъ, за вычетомъ сѣмянъ, на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ. Затѣмъ всѣ хлѣба переведены на рожь, и опредѣлено общее количество хлѣба, собираемаго съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель, въ каждой губерніи. Такъ напр. въ Московской губерніи средней ежегодный сборъ вычитанъ въ тысячахъ пудовъ: ржи—8,090, прочихъ яровыхъ хлѣбовъ — 1,033, картофеля—8,756, овса—3,713. Все это при переводѣ на рожь составляетъ 13,795 тыс. пуд. Если сопоставить эту цифру съ количествомъ хлѣба, которое требуется въ годъ для продовольствія крестьянъ Московской губерніи и удовлетворенія ихъ потребности въ кормѣ, то окажется крупный недочетъ: требуется 31,689 тыс. пуд., а собирается съ надѣльныхъ земель всего 13,795 тыс. пуд. Если произвести такой расчетъ по всѣмъ губерніямъ, то окажется, что «надѣльныя земли въ настоящее время въ громадномъ большинствѣ случаевъ не покрываютъ даже только продовольственныхъ потребностей крестьянскаго населенія».

Богѣе детально этотъ выводъ выражается въ слѣдующихъ данныхъ. Въ области Войска Донскаго и въ губерніяхъ—Таврической и Оренбургской надѣльныя земли обезпечиваютъ своихъ владѣльцевъ и продовольственными, и кормовыми средствами и даже даютъ нѣкоторые избытки; въ Бессарабской, Екатеринославской, Волынской, Тамбовской и Курляндской губ. у населенія хватаетъ зерна, какъ для пропитанія, такъ отчасти и для корма скота; въ Воронежской и Вятской — зерна хватаетъ только для пропитанія, на кормъ же ничего не остается. Въ остальныхъ 40 губерніяхъ хлѣба, собираемаго съ надѣльныхъ земель, недостаточно для того, чтобы крестьянское населеніе могло получать скромную продовольственную норму въ 18 пуд. на душу: въ 2 губерніяхъ дефицитъ превышаетъ 10 милл. пуд., въ 19 губ. онъ составляетъ отъ 5 до 10 милл. пуд., въ 12 губ.—отъ 3 до 5 милл. пуд., а въ 7 губ.—менѣе 3 милл. п. Отсюда г. Марессъ дѣлаетъ совершенно вѣрный выводъ, что въ большинствѣ случаевъ надѣльныя земли оказываются неспособными прокармливать сидящее на нихъ населеніе, даже въ смыслѣ доставленія средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія только насущныхъ физиологическихъ потребностей.

Слѣдовательно, если бы даже распредѣленіе земли между крестьянскими хозяйствами вполне согласовалось съ нуждами послѣднихъ, т. е. вполне отвѣчало бы требованіямъ справедливости, то все-таки пришлось бы признать, что у крестьянъ въ настоящее время слишкомъ мало земли для того, чтобы они могли, обрабатывая

только свои надѣлы, существовать не голодая. Отсюда естественное стремленіе крестьянъ прикупать и пріарендовывать землю, гдѣ и сколько можно. Любопытно знать, насколько купчія и арендныя земли видоизмѣняютъ сдѣланный выше выводъ относительно продовольственнаго и кормового обезпеченія крестьянъ.

Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ можетъ быть данъ только приблизительный и неполный отвѣтъ. Самое важное значеніе имѣютъ, конечно, арендныя земли. Но «единственнымъ источникомъ массовыхъ свѣдѣній о нихъ служить, какъ извѣстно, обследованіе, выполненное Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1881 г.»; между тѣмъ, по словамъ самого автора статьи, о которой мы говоримъ, «свѣдѣнія эти, по справедливости, считаются и устарѣлыми и недостаточно полными». Въ настоящемъ случаѣ, однако, интересно было выяснитъ значеніе арендныхъ земель, только какъ фонда для покрытія продовольственныхъ нуждъ крестьянскаго населенія; слѣдов. вопросъ заключался въ опредѣленіи роли, которую играетъ аренда пахатныхъ земель въ различныхъ мѣстностяхъ и районахъ. Для этой ограниченной цѣли оказалось возможнымъ воспользоваться данными Центральной Статистическаго Комитета, потому что, по изслѣдованію проф. Карышева, «размѣщеніе полосъ и районовъ по даннымъ Комитета остается такимъ же, какимъ оно получилось по даннымъ земской статистики». Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ вопросѣ и приведемъ изъ книги проф. Карышева доводы въ пользу изложеннаго мнѣнія.

По словамъ этого изслѣдователя, данныя Центр. Стат. Комитета настолько совпадаютъ съ земскими, что «даже порядокъ, въ которомъ размѣщаются районы по признаку возрастанія значенія аренды въ крестьянскомъ хозяйствѣ, почти не нарушаются:

По даннымъ Временника.

По даннымъ земско-статистич.
сборниковъ.

Полоса меньшихъ арендъ.

- 1) Сѣверо-востокъ.
- 2) Югъ-степной.
- 3) Центръ.
- 4) Сѣверо-Западъ.

- 1) Сѣверо-востокъ.
- 2) Сѣверо-западъ.
- 3) Югъ степной.
- 4) Центръ.

Полоса большихъ арендъ.

- 1) Юго-востокъ.
- 2) Юго-западъ.
- 3) Югъ.
- 4) Сѣверо-западъ.

- 1) Юго-востокъ.
- 2) Юго-западъ.
- 3) Сѣверо-западъ.
- 4) Югъ.

Только одинъ сѣверо-западный районъ нарушаетъ полное тождество обѣихъ разрядовъ, занимая обѣими своими частями (мало- и много-арендной) въ первомъ ряду мѣста, нѣсколько болѣе высокія, чѣмъ во второмъ. Размѣры крестьянскихъ арендъ представляются тамъ по даннымъ Ц. С. Комитета относительно большими,

чѣмъ по даннымъ земско-статистическихъ сборниковъ. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ приведенные ряды ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другого. Сходство матеріала обоихъ источниковъ въ этомъ направленіи можно прослѣдить еще детальнѣе по частямъ отдѣльныхъ районовъ и отдѣльныхъ губерній, представляющихъ различія по данному признаку. *)

На этомъ основаніи г. Марессъ допускаетъ, что данныя Центр. Ст. Комитета пригодны для опредѣленія общей распространенности крестьянскихъ арендъ. Такимъ путемъ получается возможность охарактеризовать съ указанной точки зрѣнія гораздо большее пространство Россіи, чѣмъ территорія, охваченная земскими статистическими сборниками. Оказывается, что наибольшее значеніе имѣетъ аренда въ черноземныхъ губерніяхъ, особенно въ Херсонской, Саратовской, Курской, Самарской, Полтавской, Пензенской, Екатеринославской, Симбирской и Черниговской. Слѣдов., важнѣе всего было опредѣлить, какое добавочное количество хлѣба могутъ получить крестьяне съ арендныхъ земель въ указанной полосѣ. Основываясь затѣмъ на данныхъ о размѣрахъ арендной площади для каждой губерніи, г. Марессъ разсчиталъ сколько можетъ быть получено хлѣба съ земель, арендуемыхъ крестьянами.

Но кромѣ арендныхъ земель, фондомъ для полученія хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ служатъ также купчія земли и огороды. Относительно этихъ двухъ факторовъ изслѣдователь располагалъ данными, которые позволяли сдѣлать только предположительный рассчетъ. Земля, находящаяся подъ огородами, при обследованіи 1881 года, была влечена въ общую рубрику: «Земли подъ усадьбами, огородами и садами». Поэтому опредѣленіе площади этой земли возможно только приблизительно. Авторъ предполагаетъ, что подъ огороды въ общемъ отходить около $\frac{1}{3}$ всѣхъ названныхъ земель. Основаніе для такого предположенія, къ сожалѣнію, остается необъясненнымъ. Что касается земель, купленныхъ крестьянами, то г. Марессъ не указываетъ, откуда имъ заимствованы свѣдѣнія о нихъ, о составныхъ же частяхъ этихъ земель свѣдѣній не имѣется; поэтому изслѣдователь принимаетъ для нихъ тѣ же относительные размѣры угодій, какіе существуютъ для надѣльныхъ земель.

Въ результатѣ этихъ сложныхъ расчетовъ получается таблица, въ которой высчитанъ для каждой губерніи сборъ хлѣбовъ съ арендуемыхъ, купчихъ и огородныхъ земель.

Послѣ всего, что сказано выше о приемахъ этого изслѣдованія, совершенно ясно, что полученный результатъ можетъ имѣть только предположительный характеръ. Это не констатированіе факта, а гипотеза. Но насколько эта гипотеза вѣроятна? Самое важное значеніе для рѣшенія этого вопроса имѣютъ данныя объ арендныхъ

*) Н. Карышевъ. Крестьянскія ввѣнадѣльныя аренды. 1892 стр. 31—32.

земляхъ, служащихъ послѣ надѣльной земли наиболѣе крупнымъ фондомъ для добыванія хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Мы видѣли, насколько неполны и несовершенны свѣдѣнія, имѣющіяся по этому предмету, но, однако, эти свѣдѣнія, полученные изъ двухъ совершенно различныхъ источниковъ, обнаруживаютъ такое близкое соотвѣтствіе другъ съ другомъ, которое позволяетъ заключить объ ихъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью. Это соображеніе даетъ право пользоваться свѣдѣніями объ арендахъ, имѣющимися въ нашей литературѣ. Что касается огородныхъ и купчихъ земель, то и тѣ, и другія не играютъ значительной роли; поэтому предположенія, допущенныя относительно размѣра первыхъ и состава вторыхъ, не могутъ привести къ крупной ошибкѣ.

Общій результатъ, полученный этимъ путемъ, представляетъ, по нашему мнѣнію, допустимую гипотезу, которая, какъ всякая гипотеза, требуетъ подтвержденія, но при настоящемъ состояніи русской статистики не можетъ быть отвергаема ни по свойству данныхъ, послужившихъ ей основаніемъ, ни по приемамъ разработки этихъ данныхъ.

Выше было сказано, что хлѣба, собираемаго крестьянами съ надѣльныхъ земель, не хватаетъ для продовольствія населенія въ 40 губерніяхъ. Если же принять во вниманіе арендныя, огородныя и купчія земли, то придется измѣнить этотъ выводъ и построить слѣдующую гипотезу. «Въ Тамбовской, Бессарабской, Екатеринославской, Таврической, Оренбургской губерніяхъ и въ области Войска Донскаго крестьянская запашка въ цѣломъ не только представляется достаточной для удовлетворенія продовольственныхъ и кормовыхъ потребностей населенія, но и даетъ еще свободный для продажи остатокъ (около 46 милл. пудовъ). Къ губерніямъ, вполне обеспеченнымъ, по всей вѣроятности, относятся еще—Херсонская, Саратовская, Самарская, а также Симбирская и Волынская. Въ Курской, Пензенской, Воронежской и Ярославской губерніяхъ крестьяне, въ среднемъ, имѣютъ достаточныя для собственнаго продовольствія количества хлѣба, но кормовая потребность ихъ сполна уже не покрывается. Въ еще худшихъ условіяхъ находятся губерніи: Тульская, Кіевская, Уфимская, Смоленская, Костромская и Вятская:—здѣсь, за удовлетвореніемъ продовольственныхъ потребностей, для корма скота остаются самыя незначительныя количества зерна. Такое же положеніе, вѣроятно, занимаютъ еще губерніи: Орловская, Рязанская, Полтавская, Харьковская, Казанская, Нижегородская, Ковенская, Псковская и С.-Петербургская. По всей этой группѣ губерній для корма скота изъ собственныхъ запасовъ остается не болѣе 38 милл. пудовъ, или около 18% того, что нужно... Наконецъ, въ остальныхъ 17 губерніяхъ крестьянамъ обычно не хватаетъ собственнаго хлѣба для своего пропитанія, если даже весь овесъ, безъ остатка, расходуется ими исключительно съ продовольственными цѣлями. По 7 губерніямъ продовольственный дефицитъ

не достигаетъ 3 милл. пудовъ, по 7 губерніямъ онъ составляетъ 3—5 милл. пуд. и по 3 губерніямъ—превышаетъ 5 милл. пуд. (по Московской губерніи—около 6 милл., по Вологодской—тоже около 6 милл. и по Черниговской—11¹/₂ милл. пудовъ). По всѣмъ 17 губерніямъ для пропитанія населенія недостаетъ изъ собственныхъ запасовъ—67.896 тыс. пудовъ».

На этомъ выводѣ слѣдуетъ нѣсколько остановиться, чтобы объяснить его истинное значеніе. Заключение автора формулировано выше его же словами, но такая формулировка, по нашему мнѣнію, подаетъ поводъ для недоразумѣній. Изъ всего, что было раньше изложено, вовсе не слѣдуетъ, будто въ 30 губерніяхъ крестьянское населеніе *дѣйствительно* потребляетъ хлѣбъ и кормъ, получаемый имъ съ надѣльныхъ, купчихъ, огородныхъ и арендныхъ земель, а въ остальныхъ 17 губерніяхъ *дѣйствительно* восполняетъ дефицитъ въ 67,8 милл. пудовъ. Слѣдов., изъ вышеназложеннаго нельзя заключать, что въ 30 губерніяхъ крестьяне не продаютъ хлѣба, а въ 17—покупаютъ его. Все, что можно вывести изъ предшествовавшаго, если признать правильной высказанную выше гипотезу, сводится къ слѣдующему.

Если бы крестьянское населеніе дѣйствительно потребляло хотя бы тотъ минимумъ растительной пищи, который устанавливается законами физиологіи, и если бы крестьянскій скотъ кормился сколько нибудь добропорядочно, то русское крестьянство не только не могло бы продавать хлѣба, но покупало бы ежегодно болѣе 67 милл. пудовъ. Въ такомъ случаѣ крестьяне находились бы въ положеніи мелкихъ собственниковъ и такъ же, какъ они, относились бы равнодушно къ цѣнамъ на хлѣбъ, или были бы заинтересованы въ низкихъ цѣнахъ. Такова теоретическая сторона вопроса. Обратимся къ практикѣ и постараемся ввести въ изложенное положеніе необходимыя поправки.

Въ дѣйствительности, крестьянскій хлѣбъ появляется на рынкѣ. Это фактъ, констатируемый многими источниками и признаваемый авторами изслѣдованія о вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ. Выше уже было указано, что въ 5 губерніяхъ и области Войска Донскаго съ крестьянскихъ земель получается свободный для продажи остатокъ, около 46 милл. пудовъ, который, конечно, поступаетъ на рынокъ. Но, кромѣ этого указанія, нужно сдѣлать еще цѣлый рядъ другихъ.

Выше говорилось о крестьянствѣ, какъ цѣломъ, и было показано, что это цѣлое не можетъ удовлетворить своей нормальной потребности въ пищѣ и кормѣ. Но въ дѣйствительности крестьянское населеніе не представляетъ однообразной массы, равномѣрно надѣленной землей; слѣдов., недостатокъ земли не распределяется равномѣрно между хозяйствами. Напротивъ, одна часть крестьянъ имѣетъ больше земли, чѣмъ нужно ей для удовлетворенія нормальной потребности въ пищѣ и кормѣ; а для другой размѣры земле-

владѣнія вслѣдствіе этого оказываются еще ниже той нормы, которая пришла бы при равномерномъ распредѣленіи земли и недочета; и тѣмъ большая площадь крестьянскаго землевладѣнія приходится на первую категорію, тѣмъ больше будетъ количество крестьянскаго хлѣба, которое попадетъ на рынокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ соответственно значительно окажется и нужда остальной части крестьянства въ хлѣбѣ. Если признать, что въ общемъ крестьянское населеніе не получаетъ съ своихъ земель нужнаго ему количества хлѣба, то продажа крестьянскаго хлѣба на рынкѣ можетъ происходить прежде всего отъ неравномѣрности распредѣленія земли между крестьянскими хозяйствами.

Г. Марессъ разсматриваетъ этотъ вопросъ лишь въ общей и, какъ намъ кажется, недостаточно детальной формѣ. Онъ исходитъ отъ фактовъ, относящихся къ первоначальному надѣленію крестьянъ землей на основаніи Положенія 19-го февраля 1861 г. Пользуясь «Статистикой поземельной собственности», авторъ разбилъ на группы общины бывшихъ государственныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, разумѣя подъ именемъ общины совокупность крестьянъ, получившихъ одинаковый надѣлъ на душу и имѣвшихъ одну уставную грамоту или владѣнную запись. Такимъ путемъ по 46 губ. (за исключеніемъ Прибалтійскихъ губ. и области Войска Донскаго) получилось 7 отдѣльныхъ группъ: съ надѣломъ на ревизскую душу—до 2 дес., 2—3 дес., 3—4 дес., 4—5 дес., 5—6 дес., 6—8 дес., болѣе 8 дес.; общины же крестьянъ прочихъ разрядовъ (башкиры и татяры, еврей-земледѣльцы и т. д.) выдѣлены въ особую группу. Основываясь на этихъ данныхъ, авторъ вычисляетъ количество хлѣба, получаемого съ надѣльной земли каждымъ разрядомъ крестьянъ, которые при этомъ разбиваются на 3 группы: 1) имѣющихъ менѣе 19 пуд. на душу, 2) имѣющихъ 19—26,5 пуд. и 3) имѣющихъ болѣе 26,5 пуд.; при этомъ по каждой такой группѣ приводятся свѣдѣнія о числѣ наличныхъ для 1877—78 гг. душъ мужского пола. Если предположить, что относительное распредѣленіе крестьянскаго населенія между общинами не измѣнилось съ тѣхъ поръ, то окажется, что въ 90-хъ гг. при наличномъ въ то время населеніи, на 1-ю группу приходилось въ Европейской Россіи 45,3 милл. душъ обоего пола, или 70,7% крест. населенія, на 2-ю—13 милл. или 20,4% и на 3-ю—5,7 милл. или 8,9%. Эти цифры показываютъ, что въ настоящее время не менѣе 70% крестьянскаго населенія надѣлены землей въ такомъ недостаточномъ количествѣ, что ея не можетъ хватить для удовлетворенія даже однихъ продовольственныхъ нуждъ, не считая кормовыхъ.

Но этотъ выводъ долженъ быть измѣненъ подъ вліяніемъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, благодаря неравномѣрному нарастанію населенія, нѣкоторыя общины, причисленныя къ обеспеченнымъ, въ дѣйствительности, перешли въ разрядъ необеспеченныхъ. Во-вто-

рыхъ, въ составѣ самихъ общинъ, съ подворнымъ землевладѣніемъ, произошли измѣненія въ распредѣленіи земли, повліявшія на отношеніе этихъ общинъ къ рынку. Последнее обстоятельство имѣетъ важное значеніе для опредѣленія того количества хлѣба, которое въ дѣйствительности попадаетъ въ продажу. Въ виду этого мы не можемъ признать достаточно полными выводы г. Маресса по этому вопросу. На основаніи данныхъ о 5 уѣздахъ онъ приходитъ къ заключенію, что «если, съ одной стороны, въ общинахъ малоземельныхъ и встрѣчаются дворы, достаточно обезпеченные землей, то, съ другой стороны, и въ общинахъ многоземельныхъ имѣются дворы, слабо обезпеченные землей. Для группы дворовъ въ малоземельной общинѣ, возвышающейся надъ среднимъ уровнемъ по обезпеченности средствами существованія, всегда и въ многоземельной общинѣ находится равнозначущая ей группа дворовъ, стоящая ниже средняго уровня. Самыя колебанія и въ томъ и въ другомъ случаѣ получаются приблизительно одинаковыя и даютъ почти равныя крайнія группы. Очевидно(?), что при установкѣ трехъ большихъ группъ всѣ эти случаи взаимно компенсируются, такъ что численныя соотношенія между группами получаются, какъ разъ, тѣ, какія устанавливаются выше».

Противъ этого сужденія можно возразить прежде всего, что нельзя основывать его на данныхъ о 5 уѣздахъ; во-вторыхъ, что оно вовсе не отвѣчаетъ на вопросъ. Подтвердимъ последнее гипотетическимъ примѣромъ. Передъ нами двѣ общины крестьянъ. Въ каждой по 20 дворовъ одинаковаго состава и численности, причемъ на дворъ нужно по 10 дес. для того, чтобы получить необходимое количество хлѣба и корма. Первая община многоземельная — владѣетъ 200 дес., вторая же малоземельная — только 150 дес. Первоначально земля была распредѣлена равномерно между отдѣльными дворами: въ первой общинѣ приходилось по 10 дес. на дворъ, во второй — только по 7,5 дес. Слѣдовательно, въ общемъ въ обѣихъ общинахъ насчитывалось 20 дворовъ (50%) обезпеченныхъ, и 20 дворовъ (50%) — необезпеченныхъ. Ни та, ни другая община, при нормальныхъ условіяхъ, не могли продавать хлѣба: на рынокъ не попадало ни одного пуда. Предположимъ, что съ теченіемъ времени, при неизмѣнномъ составѣ и той же численности дворовъ, измѣнилось распредѣленіе земли между ними: въ первой общинѣ 10 дворовъ опустились ниже средняго уровня: у нихъ только по 2 дес. на дворъ; остальные же 10 дворовъ имѣютъ по 18 дес. Если попрежнему предполагать, что на дворъ необходимо имѣть 10 дес. для полученія нужнаго хлѣба и корма, то 10 дворовъ послѣдней категоріи могутъ теперь продавать сборъ съ 80 дес. Предположимъ, что во второй общинѣ также измѣнилось распредѣленіе земли: 10 дворовъ имѣютъ только по $\frac{1}{2}$ дес., а 10 дворовъ поднялись надъ среднимъ уровнемъ и владѣютъ теперь по 14,5 дес. Слѣдовательно, эта категорія дворовъ

можетъ продавать сборъ съ 45 дес. безъ ущерба для собственнаго продовольствія. Во второмъ случаѣ, попрежнему въ общинахъ будетъ 20 дворовъ (50%) обезпеченныхъ и 20 дворовъ (50%) необезпеченныхъ; между тѣмъ, при прежнемъ распредѣленіи земли на рынокъ не попадало ни одного пуда хлѣба, а теперь продается сборъ съ 125 дес.

Приведенный примѣръ иллюстрируетъ, хотя и въ преувеличенной формѣ, результатъ дифференціаціи, происшедшей въ средѣ крестьянскихъ общинъ за послѣдніе 20—30 лѣтъ. Между тѣмъ этотъ важный вопросъ остается у г. Маресса недостаточно изслѣдованнымъ: его ссылка на взаимную компенсацію между многоземельными и малоземельными общинами неубѣдительна.

Указанныя двѣ причины—неравномѣрное нарастаніе населенія въ отдѣльныхъ общинахъ и дифференціація внутри общинъ, поскольку онѣ относятся къ надѣльной землѣ, могли только увеличить процентъ необезпеченнаго населенія и слѣдовательно сократить меньшинство, имѣющее избытки хлѣба для продажи. Но численность этого меньшинства должна быть повышена, если принять въ соображеніе купчія и арендныя земли. Однако, влияние этого фактора могло скорѣе выразиться въ томъ, что дворы, и безъ того стоящіе выше уровня, получили возможность увеличивать свои избытки, чѣмъ въ томъ, что дворы необезпеченные переходили въ болѣе высокій разрядъ. Это предположеніе основывается на соображеніи, что купчія земли, вообще не играющія значительной роли, попадаютъ въ руки очень ограниченнаго меньшинства, а земли, арендуемыя крестьянами, увеличиваютъ собою площадь наиболѣе сильныхъ хозяйствъ. Последнее констатировано проф. Карышевымъ на основаніи земско-статистическихъ изслѣдованій. «Наемъ крестьянами вѣнадѣльныхъ земель, говоритъ онъ, развивается въ прямомъ отношеніи съ увеличеніемъ благосостоянія арендаторовъ, съ расширеніемъ находящихся въ ихъ распоряженіи собственной земли, труда и капитала». Последнее обстоятельство встрѣчаетъ, однако, противовѣсъ въ томъ обстоятельстве, что наиболѣе сильно развиты аренды среди владѣльческихъ временно обязанныхъ и владѣльческихъ дарственникововъ, т. е. двухъ наименѣе обезпеченныхъ группъ крестьянскаго населенія».

Принимая во вниманіе эти условія, г. Марессъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «по всей европейской Россіи (46 губ.) распредѣленіе продовольственныхъ средствъ, доставляемыхъ и надѣльными, и арендуемыми землями, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Группа съ недостатками	— 33,553 тыс. душъ	52,3%
> только что обезп.	— 20,428	31,8%
> съ избытками	— 10,176	15,9%

Этой таблицей, говоритъ г. Марессъ, характеризуется вся селско-хозяйственная дѣятельность крестьянъ. Только приблизительно $\frac{1}{8}$ ихъ производятъ зерно на продажу. Почти $\frac{1}{2}$ собственнымъ

хлѣбомъ продовольствуется, но избытковъ для продажи не имѣеть, напротивъ, даже терпитъ нѣкоторый недостатокъ въ кормовомъ зернѣ. Наконецъ, половина всѣхъ крестьянъ производитъ хлѣба меньше, чѣмъ нужно для пропитанія; недостающее для нихъ продовольствія количество хлѣба приблизительно опредѣляется въ 200 милл. пудовъ въ годъ».

И этотъ выводъ имѣеть, конечно, только гипотетическій характеръ. Но уклоненіе дѣйствительности отъ изложенной гипотезы опредѣляется, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ дифференціаціей въ крестьянскихъ общинахъ; слѣдов., нужно предполагать, что категория крестьянъ, могущихъ по размѣрамъ своего хозяйства продавать зерно, не достигаетъ и 15%, но количество земли, находящееся въ ихъ распоряженіи, больше, чѣмъ предполагаетъ разбираемое изслѣдованіе. Это меньшинство крестьянства, по характеру своего землевладѣнія, заинтересовано въ томъ, чтобы цѣны на хлѣбъ были высоки.

Но каково въ этомъ отношеніи фактическое положеніе необеспеченнаго большинства? Данныя, сообщенныя выше, показываютъ, что большая часть крестьянскаго населенія, 52%, или выше, не можетъ получить съ надѣльныхъ и арендныхъ земель столько хлѣба, чтобы располагать даже минимальной продовольственной нормой въ 19 пуд. на душу. Слѣдов., при нормальныхъ условіяхъ жизни, эта часть крестьянства должна была бы прикупать хлѣбъ, и такимъ образомъ, по характеру своего землевладѣнія, заинтересована въ томъ, чтобы цѣны на хлѣбъ были низки, а не высоки. Между тѣмъ въ дѣйствительности оказывается, что и эта часть крестьянства продаетъ извѣстную долю своего хлѣба.

Прежде всего продается кормовой хлѣбъ. По этому поводу г. Марессъ говоритъ слѣдующее: «Само собой разумѣется, что удовлетвореніе этой потребности (въ кормѣ) носить нѣсколько иной характеръ, чѣмъ личное потребленіе. Если даже послѣднее во многихъ случаяхъ подлежитъ значительному сжиманію, то потребленіе съ цѣлями лучшаго кормленія скотины, несомнѣнно, обладаетъ еще меньшей опредѣленностью; весьма вѣроятно, что въ большинствѣ случаевъ потребность въ кормовыхъ средствахъ удовлетворяется лишь настолько, насколько хозяйство само даетъ эти средства, какъ избытокъ, за покрытіемъ продовольственныхъ потребностей».

При той сжимаемости, какою обладаетъ потребность въ кормовыхъ средствахъ, естественно, что овесъ служитъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ главнымъ продажнымъ хлѣбомъ. «Какъ показало мѣстное изслѣдованіе по Московской губерніи, — говоритъ г. Марессъ, въ общемъ по губерніи, въ продажу обыкновенно поступаетъ около половины всего обора овса, причемъ степень распространенности этой продажи опредѣляется, главнымъ образомъ, различными причинами экономического характера. Изъ 749 селеній, по которымъ были получены отвѣты, указывающіе цѣль продажи овса, — въ 319 (43%) продажа овса вызывается преимущественно только необходимостью

уплаты казенныхъ и другихъ сборовъ, по такому же числу селеній имѣется указаніе на то, что овесъ продается въ нихъ, какъ для уплаты повинностей, такъ и для удовлетворенія нѣкоторыхъ домашнихъ, надобностей, и, наконецъ, въ 111 селеніяхъ (14%) указывалась только эта послѣдняя цѣль продажи». «Едва ли мы ошибемся,—говорятъ исследователи,—если на основаніи приведенныхъ данныхъ заключимъ, что никакъ не менѣе $\frac{1}{3}$ назначаемого обыкновенно на продажу овса продается съ цѣлью употребить вырученные деньги на уплату казенныхъ и другихъ сборовъ». Известно также,—продолжаетъ г. Маррессъ по поводу приведенныхъ цитатъ, что продажа овса обыкновенно совершается осенью, т. е. въ такое время, когда болѣе всего тревожатъ «оброками», хлѣбъ же ведется еще свой: изъ 249 отвѣтовъ только въ 14 временемъ продажи была указана не осень, а весна».

Фактъ продажи овса для уплаты казенныхъ и иныхъ сборовъ, покрытія домашнихъ потребностей крестьянскаго хозяйства и т. д., вноситъ значительную поправку въ полученный выше выводъ относительно степени обезпеченія крестьянъ продовольственными средствами. Исчисляя продовольственный дефицитъ, — говоритъ г. Маррессъ,—мы все время допускали, что весь овесъ въ хозяйствѣ, въ случаѣ недостатка въ продовольственномъ хлѣбѣ, исключительно идетъ на его пополненіе. Между тѣмъ въ дѣйствительности значительная часть овса продается еще съ осени. «Очевидно, что если бы это обстоятельство было принято во вниманіе, размѣры продовольственнаго дефицита по всѣмъ вышеуказаннымъ губерніямъ получались бы еще большіе, а губерніи Воронежская и Вятская отошли бы къ группѣ губерній, необезпеченныхъ собственными средствами».

Но крестьяне, принадлежащіе къ категоріи необезпеченныхъ, продаютъ не только овесъ, нужный для корма скота, но также и хлѣбъ отнюдь не составляющій избытка. Этотъ вопросъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, въ виду чего мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

Въ статьѣ г. Марресса мы встрѣчаемъ слѣдующія указанія по этому предмету. «Русское крестьянское хозяйство въ большинствѣ случаевъ есть хозяйство чисто - натуральное, воздѣлывающее зерно не на продажу, а для собственного потребленія, по большей части не покрывающей даже своихъ потребностей. То обстоятельство, что каждую осень на базарахъ появляются возы съ хлѣбомъ, что ежегодно на рынокъ выбрасывается масса хлѣба, именно осенью, когда частно-владѣльческія экономіи, а также и наиболѣе зажиточные крестьянскіе дворы, имѣющіе дѣйствительные избытки хлѣба, еще воздерживаются отъ продажъ, а если и продаютъ, то во всякомъ случаѣ везутъ хлѣбъ не на базары,—это обстоятельство вовсе не указываетъ на избытки хлѣба, а имѣетъ совершенно иное значеніе. Дѣло въ томъ, что если крестьянинъ осенью продастъ хлѣбъ, то зимой и весной онъ снова покупаетъ его. Хлѣбъ же въ этомъ

случаѣ обращается въ деньги для удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ, а затѣмъ онъ покупается для продовольствія, берется въ займы и прочее. Это, въ сущности, не продажа, а тяжелая залоговая операція, къ которой прибѣгаетъ крестьянинъ безразлично — и въ черноземной, и въ нечерноземной полосѣ».

«Не смотря на то, что $\frac{2}{3}$ населенія (въ примосковскомъ районѣ) приходится покупать хлѣбъ, можно каждую осень встрѣтить на городскихъ и сельскихъ рынкахъ продажный крестьянскій хлѣбъ; но это только осенью, тотчасъ послѣ сбора; продаютъ всегда по нуждѣ, для уплаты податей. Весной же положительно всё крестьяне покупаютъ хлѣбъ». («Труды экспедиціи для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности Россіи». Томъ III, выпускъ 1-й. «Торговля въ примосковскомъ районѣ». Изслѣдованіе В. И. Чаславскаго. 1873 годъ). Въ верхневолжскомъ районѣ «крестьяне для уплаты податей продаютъ тотчасъ послѣ уборки часть своего хлѣба, а потомъ обращаются къ покупному и, зачастую, собственнаго производства («Изслѣдованіе хлѣбной торговли въ верхневолжскомъ бассейнѣ», И. О. Барковского). Въ одной изъ бѣднѣйшихъ земледѣльческихъ губерній — въ Полтавской, какъ показало мѣстное изслѣдованіе, всё сословіе и во всѣхъ селеніяхъ даютъ много хозяйственноземледѣльцевъ, продающихъ осенью всё сорта хлѣба съ тѣмъ, чтобы съ середины зимы или ранней весной покупать ихъ. Осенняя продажа крестьянскаго хлѣба — на уплату податей и на хозяйственные нужды, а затѣмъ обратная покупка — на продовольствіе и на сѣмена, или, другими словами, заемъ денегъ подъ залогъ хлѣба, есть самое обычное у насъ явленіе, повсемѣстно изъ года въ годъ повторяющееся. «Само собой разумѣется, говорить О. А. Щербина, что хозяйства, прибѣгающія къ такой двойной мѣнѣ — сначала хлѣба на деньги, а затѣмъ денегъ на хлѣбъ — находятся въ положеніи балансирующихъ хозяйствъ, на той точкѣ, за которой начинается окончательное паденіе» *).

Къ тому, что сказано въ этой выдержкѣ, нужно прибавить еще, что крестьяне бываютъ вынуждены продавать осенью не только часть продовольственнаго и кормового хлѣба, но даже и сѣменнаго **), и что имъ не всегда удается вновь покупать хлѣбъ весной: приходится сжимать до крайности потребление, питаться суррогатами, морить голодомъ скотину. Нужно признать, что фактически крестьяне, даже необезпеченные хлѣбомъ и кормомъ, несутъ часть своего хлѣба на рынокъ и не всегда вновь покупаютъ проданное. Благодаря этимъ вынужденнымъ продажамъ, крестьяне, которые по размѣрамъ своихъ хозяйствъ не должны были бы вовсе продавать хлѣбъ или даже должны были бы покупать его, въ дѣйствительности, подъ давленіемъ нужды, являются продавцами. На

*) «Вліяніе урожаевъ и цѣнъ», I, стр. 52—53.

**) Тамъ же, стр. 59.

это обстоятельство дѣлаются указанія въ текущихъ свѣдѣніяхъ земскихъ сборниковъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

«Обстоятельство, характеризующее вліяніе хорошаго урожая, сообщалось изъ Орловской губ. въ 1894 г., заключается въ крайне низкихъ цѣнахъ на полевые продукты. Урожай хорошъ, а между тѣмъ настоящій годъ всетаки принесъ много разочарованій и огорченій сельскимъ хозяевамъ, какъ помѣщикамъ, такъ и крестьянамъ. Низкія цѣны на рожь для крестьянъ не имѣли бы, впрочемъ, неблагоприятнаго значенія, такъ какъ рожь потребляется, вообще, самимъ населеніемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ даже выгодны для крестьянъ. Но дѣло въ томъ, что цѣны низки вообще, на всѣ продукты, въ томъ числѣ на овесъ и на коноплю, продажей которыхъ и покрываются подати. Поэтому населенію придется сбыть по низкимъ цѣнамъ большее количество яровыхъ, чтобы выручить необходимыя средства на уплату податей, недоимки, накопившейся въ предшествующіе неурожайные годы, и различныхъ долговъ. Многие корреспонденты высказываютъ, что выручка отъ продажи яровыхъ всетаки не покроетъ всѣхъ расходовъ, такъ какъ яровые во многихъ мѣстностяхъ уродились неудовлетворительно, а *придется продать и часть озимого*, что уже чувствительно отражается на продовольствіи населенія».

Изъ Елецкаго уѣзда сообщали въ томъ же году: «Нынѣшній урожай обезпечить крестьянина продовольствіемъ, содержаніемъ скота, но уплату податей и повинностей выручить не съ чего: цѣны на всякій хлѣбъ такъ низки, что продавать его не представляется возможности». «При сильномъ требованіи государственныхъ и мірскихъ повинностей,—какъ оклада, такъ и недоимки и продовольственнаго долга, крестьянамъ поневолѣ приходится сбывать скотъ, оставляя только самый необходимый». Изъ Ливенскаго уѣзда писали, что «срочные платежи и повинности вынуждаютъ сбывать хлѣбъ за безцѣнокъ. *Сбываютъ и должны будутъ сбыть весь урожай*,—крестьяне для уплаты податей, а помѣщики для погашенія срочныхъ платежей, ни мало не заботясь о текущихъ расходахъ на нужды хозяйства... Замѣтна страшная спѣшка въ молотбѣ и продажѣ зерна. Ясно видно, что для развязки съ платежами уйдетъ весь урожай, а у многихъ еще и не хватитъ... а тамъ опять будутъ жить до новины въ долгъ, перебиваясь всевозможными финансовыми комбинаціями: крестьяне бросятся къ кулакамъ съ закладами, а помѣщики прибѣгнутъ къ банкамъ». По словамъ нѣкоторыхъ корреспондентовъ изъ Малоархангельскаго уѣзда, «если крестьяне продадутъ даже весь хлѣбъ, то и тогда вырученныхъ денегъ не хватитъ на уплату податей и повинностей». «Между тѣмъ крестьянину больше не откуда взять денегъ». «Благодаря крайней дешевизнѣ хлѣббовъ каждому придется тащить на продажу гораздо больше, чѣмъ онъ рассчитываетъ по своему хозяйству, и всею ему попрежнему предстоитъ одолжаться». «Хлѣба хватило бы съ избыткомъ только въ томъ случаѣ,

если бы не продавать». Но «въ виду продажи хлѣба на уплату повинностей, накопившихся въ прошлые годы, и частныхъ долговъ, крестьянамъ, при дешевизнѣ хлѣба, едва ли хватить его на собственное содержаніе» *).

Въ 1895 году въ обзорѣ результатовъ урожая читаемъ слѣдующія, какъ будто, противорѣчивыя сообщенія. Съ одной стороны «по количеству семени мало родится съ надѣла», вслѣдствіе чего «недостатокъ собственнаго хлѣба на продовольствіе является для населенія во многихъ случаяхъ неизбѣжнымъ и обычнымъ»; съ другой стороны, недостатокъ хлѣба возрастаетъ вслѣдствіе «усиленной распродажи хлѣба осенью 1894 г., вызванной крайнею дешевизною послѣдняго и необходимостью произвести къ сроку все необходимыя платежи, какъ частныя, такъ и казенныя»... **). Поувѣденыя свѣдѣнія подтверждаютъ сказанное. Одинъ изъ наиболѣе характерныхъ отзывовъ сообщаетъ, что «не хватило хлѣба потому, что вслѣдствіе его дешевизны и низкаго качества, пришлось почти весь продать его на уплату податей» ***).

Подобныя же свѣдѣнія можно привести относительно другихъ губерній, напр. Полтавской. «Населеніе, читаемъ мы въ Обзорѣ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1894 г., подъ влияніемъ неурожаяеъ слишкомъ много задолжало какъ частнымъ лицамъ, такъ и разнаго рода правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ, оказывавшимъ суды натурою и деньгами въ неурожайные годы. Теперь нужно все эти долги пополнить». Этимиъ объясняется, почему крестьяне «продавали хлѣбъ мѣшками и торбами скупщикамъ на Мачехскихъ базарахъ, а кромя того, иногда перемалывали его и мукою продавали въ Полтавѣ торговкамъ ****»). Въ Обзорѣ за 1895 годъ нѣкоторые корреспонденты «ставятъ недостатокъ сѣмянъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ въ прямую зависимость отъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, давая этому такое объясненіе: несмотря на обильный урожай 1894 г., крестьянамъ приходилось, при существующихъ низкихъ цѣнахъ, продавать значительное количество хлѣба главнымъ образомъ на уплату различныхъ повинностей, а отчасти и на необходимыя потребности своего хозяйства; поэтому, у нѣкоторыхъ хозяевъ не хватило своего хлѣба не только на обмененіе, но даже и на продовольствіе» *****).

Изъ Сельско-хозяйственнаго обзора по Воронежской губ. за 1894—95 годъ мы узнаемъ, что «ужасная дешевизна хлѣба заставляетъ многихъ крестьянъ уменьшить количества посѣва, а нѣко-

*) Сельскохозяйственный Обзоръ по Орловской губ. за 1894 годъ. В. II. Результаты урожая стр. 201, 204, 205, 206.

***) Сельскохозяйственный Обзоръ по Орловской губ. за 1895 г. Вып. II, стр. 139.

****) Тамъ же, стр. 143.

*****) Обзоръ за 1894, стр. 172 и 238.

*****) Обзоръ за 1895, стр. 221.

торыхъ и совсѣмъ отказаться отъ земельныхъ надѣловъ». По словамъ одного корреспондента, «съ тяжелымъ чувствомъ крестьянинъ везетъ свой хлѣбъ на продажу, стараясь продать лишь столько, чтобы покрыть самыя необходимыя нужды». «Вмѣстѣ съ прочими хозяевами крестьяне виняють вслѣдствіе необходимости отдавать хлѣбъ чуть ли не задаромъ». Вообще указанное состояніе цѣнъ, по выраженію другихъ корреспондентовъ, «сокрушаетъ крестьянъ», «не позволяетъ имъ «поддержать свою незатѣйливую экономію», не даетъ «оправиться» послѣ неурожайныхъ лѣтъ» *). Въ 1895—96 г. изъ той же губерніи сообщалось, что «по случаю низкихъ цѣнъ на хлѣба крестьяне совсѣмъ обездешежили». «Сильный упадокъ цѣнъ на всѣ хлѣба, пишутъ другіе корреспонденты, слишкомъ неблагоприятно отзывается на благосостояніи сельскаго населенія», «пошатнуло сельское хозяйство», поставилъ его «въ безвыходное положеніе», «разстроило» **). Приведенныя выписки показываютъ съ достаточной убѣдительностью, что крестьяне, не только обезпеченные, но и необезпеченные, выступаютъ продавцами хлѣба, и притомъ не только кормоваго, но и продовольственнаго, а также сѣменнаго. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что весенняя покупка хлѣба не всегда слѣдуетъ за осенней продажей; слѣдовательно не всегда можно свести продажу крестьянскаго хлѣба къ операциі заклада. Имѣя въ виду эти факты, постараемся теперь разобраться въ вопросѣ о значеніи хлѣбныхъ цѣнъ для крестьянскаго хозяйства.

Наше крестьянство дѣлится на три неравныя группы: первая, составляющая меньшинство, получаетъ излишки хлѣба, которые и выносятъ на рынокъ; вторая производитъ на своей землѣ лишь столько хлѣба, сколько нужно, чтобы удовлетворить минимальной физиологической потребности въ растительной пищѣ; наконецъ третья имѣетъ даже меньше этого минимума.

Отсюда вытекаетъ слѣдующее заключеніе: если бы русское крестьянство потребляло хотя бы то минимальное количество пищи, которое предписывается законами физиологіи, то продавать хлѣбъ могла бы только первая изъ перечисленныхъ группъ и она одна только и страдала бы отъ низкихъ цѣнъ; вторая не продавала бы и не покупала и поэтому относилась бы безразлично къ цѣнамъ на хлѣбъ; третья, самая многочисленная, покупала бы хлѣбъ и была бы заинтересована въ низкихъ цѣнахъ. Эти положенія необходимо вытекають изъ того основнаго свойства сельско-хозяйственнаго промысла, о которомъ говорилось въ началѣ этой статьи.

Но въ дѣйствительности русскій крестьянинъ вынужденъ потреблять растительной пищи меньше, чѣмъ требуетъ его организмъ, и долженъ недокармливать свою скотину, для того, чтобы продать часть своего хлѣба и изъ вырученныхъ денегъ уплатить пода-

*) Обзоръ за 1894—95, стр. 95.

***) Обзоръ за 1895—96, стр. 95.

ти, внести помѣщику плату за аренду земли, покрыть долги и т. п.; поэтому вторая и третья группы крестьянскаго населенія, вопреки законамъ нормальнаго питанія, т. е. наперекоръ природѣ и здравому смыслу, поневолѣ продаютъ извѣстную долю своего урожая, и въ той мѣрѣ, въ какой онѣ продаютъ зорно и не покупаютъ его вновь, и притомъ по рыночнымъ цѣнамъ, онѣ являются временно заинтересованными въ высокихъ хлѣбныхъ цѣнахъ. Итакъ, теоретически справедливо, что большинству русскаго крестьянства или безразлично, каковы цѣны на хлѣбъ, или выгодноѣе, чтобы цѣны были низки. Но на практикѣ это теоретическое положеніе должно быть ограничено. Для того, чтобы рѣшить, какъ велико это ограниченіе, мы не имѣемъ данныхъ, хотя трудно представлять себѣ, чтобы оно было очень значительно, такъ какъ норма потреблонія необеспеченныхъ крестьянъ приближается къ предѣлу, при которомъ едва возможно существованіе.

Сказанное можно иллюстрировать примѣромъ. Никто не будетъ спорить противъ того, что человекъ, носящій рубахи, но не производящій ихъ, заинтересованъ въ томъ, чтобы цѣны на рубахи были низки. Но если такому человеку приходится нести на рынокъ свою рубаху, чтобы купить себѣ пищи, онъ получаетъ интересъ въ томъ, чтобы цѣны на рубахи, во время продажи имъ своей рубахи, стояли возможно выше. Опровергаетъ ли этотъ послѣдній фактъ высказанное выше положеніе? Конечно, нѣтъ. Точно также положеніе, по которому большинство крестьянскаго населенія въ Россіи не заинтересовано въ высокихъ цѣнахъ, не опровергается тѣмъ фактомъ, что часть крестьянъ этой категоріи поневолѣ продаетъ извѣстную долю своего урожая и поэтому въ предѣлахъ этой продажи, насколько она не возмѣщается покупкой, временно находятъ выгоду въ томъ, чтобы хлѣбныя цѣны были высоки.

Намъ могутъ замѣтить, что въ виду фактическаго положенія крестьянъ, заставляющаго ихъ нести на рынокъ даже необходимый имъ хлѣбъ, высказанный выше теоретическій выводъ не имѣетъ значенія. Но это не вѣрно. Крестьянинъ, продающій излишекъ хлѣба, имѣетъ постоянный интересъ въ томъ, чтобы хлѣбныя цѣны стояли на возможно высокомъ уровнѣ. Постоянный же интересъ крестьянина, продающаго часть своей пищи, заключается въ томъ, чтобы не продавать ея, т. е. чтобы онъ не былъ вынуждаемъ обременительностью податей, непомерной высотой арендной платы, вообще скудностью своего бюджета нести на рынокъ продуктъ, который нуженъ ему самому для поддержанія здоровья и жизни.

Экономическая политика, направленная къ сохраненію крестьянскаго землевладѣнія, не можетъ не имѣть въ виду этого различія и должна направить свои стремленія къ тому, чтобы крестьянамъ не приходилось продавать хлѣбъ, который нуженъ имъ самимъ. Если бы эта цѣль была достигнута, т. е. устранены были причины,

угнетающія въ настоящее время крестьянское хозяйство, то высказанное выше теоретическое положеніе о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ на хозяйственную дѣятельность крестьянъ осуществлялось бы на практикѣ въ полной мѣрѣ. При существующемъ положеніи крестьянскаго хозяйства поднятіе хлѣбныхъ цѣнъ можетъ только улучшить условія его ликвидаціи, и направлять экономическую политику въ эту сторону значить заботиться не о томъ, чтобы предотвратить банкротство крестьянскаго хозяйства, а лишь о томъ, чтобы это банкротство совершилось возможно выгоднѣе для разоряющихся хозяевъ.

Я не имѣю въ виду касаться другихъ сторонъ книги, выпущенной подъ редакціей проф. Чупрова и Посникова. Въ мою задачу входило лишь отмѣтить нѣкоторые результаты этого изслѣдованія, имѣющіе, на мой взглядъ, наибольшую важность. Резюмируя въ нѣсколькихъ словахъ общій выводъ, мы можемъ сказать, что въ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ заинтересованы меньшинство частныхъ землевладѣльцевъ и небольшая группа крестьянъ; если же массѣ крестьянскаго населенія и приходится теперь продавать часть своего хлѣба, то такая продажа является вынужденной и представляетъ печальное слѣдствіе крайней нужды, въ которой находится наше крестьянское землевладѣніе. Последнее положеніе отмѣчено въ книгѣ, но, по нашему мнѣнію, недостаточно отгѣнено. Основной же тезисъ, на основаніи котораго въ высокихъ цѣнахъ, по условіямъ землевладѣнія, заинтересовано только меньшинство сельскаго населенія, поставленъ съ полнѣйшей ясностью. Доказательство этого тезиса важно не только съ точки зрѣнія теоретическаго пониманія условій нашего народнаго хозяйства, но и въ виду практическаго значенія указаннаго вывода. Если меньшинство, заинтересованное въ высокихъ цѣнахъ, обращается къ правительству съ просьбой о воспособленіи и при этомъ говорить отъ имени всего сельскаго населенія, то необходимо и очень важно напомнить просящимъ, что они составляютъ только незначительную группу и что большинство или вовсе не страдаетъ отъ низкихъ цѣнъ, или находитъ въ нихъ выгоду. Если же на это возражаютъ, что масса крестьянъ всетаки продаетъ свой хлѣбъ, то при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что матеріальное положеніе этой массы не можетъ улучшиться прочнымъ образомъ благодаря повышенію хлѣбныхъ цѣнъ.

Когда о помощи проситъ большинство, то самый фактъ, что отъ извѣстнаго явленія страдаетъ большая часть населенія, уже служить всѣмъ доказательствомъ въ пользу мѣръ воспособленія. Если же страдаетъ только меньшинство, то на обязанности его лежитъ показать спеціальныя соображенія, по которымъ государство должно придти ему на помощь, жертвуя при этомъ интересомъ большинства. Это элементарное правило политики примѣнимо и къ данному слу-

чаю: меньшинство, страдающее отъ низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ, обязано доказать, на какомъ основаніи государство должно принять спеціальныя мѣры въ его интересахъ и вопреки интересамъ остальной части населенія. *Onus probandi* ложится на просящихъ.

А. Мануиловъ.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

Критическій очеркъ.

Недавно скончался А. Н. Майковъ, старѣйшій изъ русскихъ поэтовъ. Въ 1888 г. праздновался 50-лѣтній юбилей его литературной дѣятельности, такъ что онъ едва не дожилъ до 60-лѣтняго юбилея. Такая продолжительная литературная дѣятельность не часто встрѣчается. Притомъ, не смотря на свою глубокую старость, А. Н. Майковъ не бросалъ пера, и до самаго конца его жизни время отъ времени появлялось въ печати его новыя произведенія, хотя, конечно, литературную его дѣятельность можно было считать уже давно законченной. Новыя его стихотворенія писались, большею частью, на разные торжественные случаи и уже ничего не могли прибавить къ приобретенной имъ репутаціи. О немъ можно было сказать, что онъ давно уже сдѣлалъ все, что могъ совершить, и если всетаки о произведеніяхъ его еще не сказано послѣднее слово, то потому, что это былъ писатель достаточно глубокой, живой и многое изъ того, что затронуто въ его произведеніяхъ, не утратило и до сихъ поръ того интереса, какой имѣло при первомъ появленіи въ печати. Конечно, покойный былъ писатель не гениальный, не изъ тѣхъ, что создаютъ эпоху въ литературѣ, но во всякомъ случаѣ высокоталантливый и оригинальный, блиставшій своимъ собственнымъ, а не заимствованнымъ свѣтомъ.

А. Н. Майкова принято въ нашей литературѣ называть «парнасцемъ», вмѣстѣ съ Фетомъ и Полонскимъ, но названіе это не совсемъ точно опредѣляетъ его литературную физиономію. Если подѣ словомъ «парнасецъ» разумѣть исключительное увлеченіе формой, внѣшностью, то оно не вполне примѣнимо къ автору «Трехъ смертей». Онъ всегда много заботился о формѣ, но далеко не исключительно: большая часть его стихотвореній отмѣчена серьезнымъ содержаніемъ, даже мѣстами онъ грѣшитъ скорѣе резонерствомъ, чѣмъ недостаткомъ мысли. Самая забота о внѣшности, о формѣ являлась у него результатомъ высокаго представленія о значеніи искусства, а не увлеченіемъ внѣшностью. Въ одномъ своемъ сти-

хотвореніи онъ такъ мотивируетъ необходимость заботиться о формѣ произведенія:

Возвышенная мысль достойной хочетъ брони;
 Богиня строгая—ей нуженъ пьедесталь,
 И храмъ, и жертвенникъ, и лира, и кимвалъ,
 И пѣсни сладкія, и волны благовоній..

Итакъ, по его мнѣнію, форма вытекаетъ изъ содержанія, необходима для хорошаго выраженія мысли. Еще рѣшительнѣе онъ высказывается противъ формы для формы въ слѣдующемъ двустишіи:

Формы, мой другъ, совершенство не все еще въ дѣлѣ
 искусства:

Чистая пусть изнутри свѣтится въ ней мнѣ душа.

Всѣ почти произведенія Майкова, даже самыя легкія по внѣшности, отмѣчены мыслью, являются плодомъ не столько чувства, сколько разума, почему нерѣдко и кажутся холодными. Лирикомъ его отнюдь нельзя назвать, но скорѣе художникомъ-мыслителемъ и выраженіе «парнасець» можетъ быть оправдано лишь тѣмъ спокойствіемъ и объективностью, которыми проникнуты его стихотворенія. По натурѣ онъ отнюдь не пророкъ, въ немъ нѣтъ стремленія «глаголомъ жечь сердца людей», нѣтъ огня, нѣтъ настроенія, необходимаго для этого, большая даже часть его произведеній не связаны съ современностью; но нельзя сказать, чтобы въ нихъ не затрогивались «злобы дня». Онъ только касался этихъ «злобъ дня» по своему, стараясь указать и найти основы ихъ, то вѣчное, изъ котораго онѣ истекаютъ и которымъ выясняются. Обращаясь къ поэту, онъ говоритъ въ одномъ стихотвореніи, что поэтъ не долженъ рабски слѣдовать за вѣкомъ, который зигзагами своей свершаетъ путь.

Нѣтъ: мысль твоя пусть зрѣетъ и растетъ,
 Лишь въ вѣчное корнями углубляясь,
 И горизонтъ свой ширить, возвышаясь,
 Надъ уровнемъ мимобѣгущихъ водъ,..

Но бѣда въ томъ, что легко можно за вѣчное принять временное и преходящее. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы Майковъ былъ въ этомъ отношеніи безупреченъ. Онъ не чуждъ былъ не только ошибкѣ, но даже увлеченій, и одинъ критикъ совершенно невѣрно писалъ о немъ, будто онъ не мѣнялся въ теченіе своей долгой литературной дѣятельности. Если эти перемѣны, при чтеніи его произведеній, не бросаются рѣзко въ глаза, то потому, что художественный вкусъ и спокойный характеръ автора смягчаютъ всякія рѣзкія очертанія. Тѣмъ не менѣе, взглянувъ пристальнѣе въ произведенія Майкова, можно видѣть тотъ глубокой нравственный переворотъ, который совершился въ немъ въ теченіе его долгой литературной дѣятельности. И едва-ли этотъ переворотъ при-

близилъ его отъ временнаго къ вѣчному, какъ это казалось ему самому.

Одно можно сказать, что неизмѣнной осталась самая основа его натуры, не смотря на тѣ перемѣны, которыя происходили во вѣншности его взглядовъ и его творчества. Можно сказать даже больше, что все эти вѣншнія перемѣны были обусловлены самой натурой его, что задатки ихъ можно видѣть уже въ первыхъ его, почти юношескихъ произведеніяхъ. Цѣлью нашего очерка мы именно и ставимъ указать главныя основы натуры и таланта покойнаго поэта, обусловившія то развитіе ихъ, которое можно прослѣдить въ его произведеніяхъ. Намъ кажется, что задача эта интересна и съ общественной, и съ психологической точки зрѣнія, и мы будемъ до-вольны, если намъ хотя отчасти удастся разрѣшить ее.

Мы сказали, что выраженіе «парнасецъ» не вполне точно опредѣляетъ литературную фizioномію Майкова. Тѣмъ не менѣе названіе Майкова парнасцемъ имѣло нѣкоторое основаніе, такъ какъ лучшими его произведеніями остаются такъ называемыя «антологическія», написанныя на мотивы древне-греческой и древне-римской поэзіи. Какъ увидимъ дальше, они остаются лучшими потому, что вполне соотвѣтствовали натурѣ поэта. Когда появились въ печати его первые антологическія стихотворенія, Бѣлинскій писалъ: «сколько эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ; любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ, какъ греческое, и только бы переводъ былъ изященъ и художественъ, никто не будетъ спорить о греческомъ происхожденіи пьесы... Эллинское созерцаніе составляетъ основной элементъ таланта Майкова: онъ смотреть на жизнь глазами грека и иначе не умѣетъ на нее смотреть». Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій говоритъ, что антологическія стихотворенія Майкова не уступаютъ таковымъ же Пушкина.

Съ тѣхъ поръ, какъ Бѣлинскій писалъ эти строки, прошло уже пятьдесятъ лѣтъ, которыя благополучно прожили стихотворенія Майкова, оставаясь такими же свѣжими и юными, какъ при своемъ появленіи. Знаменитый критикъ не ошибся въ оцѣнкѣ ихъ и очень удачно указалъ на способность Майкова входить въ духъ и характеръ чуждой поэзіи. Дѣйствительно, поэтъ въ этихъ стихотвореніяхъ такъ проникся античнымъ духомъ, что мѣстами онъ даже больше грекъ или римлянинъ, чѣмъ сами римляне и греки. Возьмемъ, напр., стихотвореніе «Игры». На аренѣ цирка рабы отдаются на растерзаніе хищныхъ звѣрей. На эти игры съ ужасомъ и отвращеніемъ смотритъ молодой афинянинъ, потому что онъ привыкъ рукоплескать только «стройнымъ лиры звукамъ, однимъ жрецамъ искусствъ, не воплямъ и не мукамъ». Между тѣмъ старикъ-римлянинъ смотритъ на это увеселеніе съ удовольствіемъ, говоря афинянину:

Я радъ тому, что есть

Еще въ сердцахъ толпы свободы голосъ—честь:

Бросаются рабы у насъ на растерзанье—

Рабамъ смерть рабская! Собачья смерть рабамъ!
 Что толку въ жизни ихъ—привыкнувшихъ къ дѣямъ?
 Достойны ихъ они, достойны поруганья!

Авторъ отъ себя не говоритъ ничего, онъ передаетъ лишь чувства римлянина, которые такъ отличны отъ чувствъ людей современныхъ. Римскіе рабы были рабами не по духу, а вслѣдствіе насилія, и христіанское чувство не можетъ не возмущаться этимъ возгласомъ: «горе побѣжденнымъ!» Но Майковъ остается совсѣмъ въ сторонѣ отъ того, что высказываетъ римлянинъ, онъ выражаетъ лишь его взглядъ, его чувства, воздерживаясь отъ всякаго выраженія своего мнѣнія, даже скорѣе съ сочувствіемъ, чѣмъ съ осужденіемъ.

Еще ярче это проникновеніе классическимъ настроеніемъ выражается въ нѣкоторыхъ любовныхъ стихотвореніяхъ Майкова. Христіанство, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ человѣческой личности, на какой бы ступени она ни стояла, развило въ насъ стыдливость по отношенію къ плотской жизни человѣка. Эта плотская жизнь вполнѣ признавалась классическимъ человѣкомъ, который поклонялся преимущественно красотѣ не душевной, а тѣлесной, религія котораго не заключала въ себѣ никакихъ зачатковъ аскетизма (кромѣ развѣ культа Весты). Гомеръ въ «Одиссеѣ» рассказываетъ, напр., съ трогательной наивностью, какъ вѣрный Одиссей наслаждался любовью съ Калипсо. Такимъ отсутствіемъ всякаго фиговаго листка отличается, напр., и стихотвореніе Майкова: «Анакреонъ и скульпторъ». Анакреонъ, разсматривая произведеніе скульптора, находитъ въ немъ черты разныхъ своихъ любовницъ.

Горлицъ, манною вскормленныхъ,
 Купидономъ припасенныхъ
 Мнѣ, какъ баловню его!
 А съ красотъ ихъ покрывало,
 Милый другъ, не упадало,
 Знаю я, ни для кого!

И онъ вспоминаетъ разныя подробности ихъ красоты, напр. «спины волнистость бѣлой», и въ концѣ концовъ говоритъ, что, вѣроятно, художники, какъ боги, входятъ въ зевсовы чертоги—

И читая мысль его,
 Видятъ въ вѣчныхъ идеалахъ
 То, что смертнымъ въ доляхъ малыхъ
 Открываетъ божество.

Мысль вѣрная, но форма, въ которой она выражена, можетъ въ настоящее время шокировать многихъ. Въ томъ же родѣ стихотвореніе «Аспазія», въ которомъ знаменитая куртизанка, влюбленная въ юношу, старается «неопытность его къ блаженству приучить».

Стихотворенія эти, такъ несогласныя съ тѣмъ, что мы считаемъ теперь нравственнымъ, привели даже въ негодованіе Ореста Миллера (см. его статью о Майковѣ), и онъ совѣтовалъ посту выбросить ихъ изъ собранія его произведеній. До нѣкоторой степени онъ, пожалуй, былъ правъ. Чувство эстетическое связано отчасти съ нравственнымъ и, напр., отнюдь не можетъ возбуждать эстетическаго чувства Анакреонъ среди красавицъ въ стихотвореніи Майкова.

Дряхлый, пьяный, весь разбитый,
Черепъ розами покрытый—
Чѣмъ имъ головы вскружилъ?
А онъ намъ хоромъ пѣлъ,
Что любить мы не умѣли,
Какъ когда-то онъ любилъ...

Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ Майковъ, въ погонѣ за античностью, хватается нѣсколько черезъ край, является больше эллиномъ, чѣмъ греки. Входя въ духъ, въ настроеніе древняго грека, отрѣшаясь отъ условій теперешней нравственности, онъ, намъ кажется, беретъ нѣкоторыя черты упадка, а не сущности греческаго міросозерцанія. Греки были большіе эстетика и понимали, что излишество нарушаетъ гармонію, составляющую необходимое условіе красоты, и гораздо ближе къ нимъ Майковъ, когда говоритъ юношамъ въ «Камеяхъ»:

Мудрый пьетъ съ самосознаньемъ,
И на свѣтъ, и обонаньемъ
Оцѣняетъ онъ вино.
Онъ, теряя тихо трезвость,
Мысли блескъ даетъ и рѣзвость,
Умиляется душой,
И владыа страстью, гнѣвомъ,
Старцамъ миль, приятель дѣвамъ
И—доволенъ самъ собой.

Замѣтимъ, что мы здѣсь беремъ отрывки отнюдь не изъ лучшихъ антологическихъ стихотвореній Майкова. Лучшія, каковы: «На мысѣ семь дикомъ», «Искусство», «Октава» и др., достаточно извѣстны, чтобы ихъ нужно было отмѣчать. Мы хотѣли лишь указать, что даже излишества Майкова проистекаютъ изъ стремленія войти въ духъ классическаго міра, отрѣшиться отъ современности. Онъ приступаетъ къ изображенію классическаго міра, какъ наблюдатель, какъ археологъ, проникаясь или стараясь проникнуться его міросозерцаніемъ, не внося въ свое изображеніе ничего субъективнаго. Такъ же онъ поступаетъ и въ своихъ новогреческихъ, сербскихъ пѣсняхъ, въ своихъ оредневѣковыхъ балладахъ, въ своихъ скандинавскихъ произведеніяхъ (о Бальдурѣ, Брингильдѣ), хотя не вездѣ ему удается такъ войти въ духъ чуждаго міросозерцанія, какъ въ антологическихъ стихотвореніяхъ. Г. Мережковскій справедливо говоритъ о немъ въ своей книгѣ («О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы»): «Чудовищные образы сѣверныхъ скальдовъ приобрѣ-

тавтъ у Майкова изящество, блескъ и простоту гомеровскаго эпоса. Сербскія и ново-греческія пѣсни ближе къ античному міросозерцанію, и онѣ удаются поэту гораздо лучше. Но глубокій мистицизмъ первыхъ христіанъ, также какъ новыхъ сѣверныхъ народовъ, остался Майкову навѣки чуждымъ и недоступнымъ».

Очевидно, не случайно Майковъ началъ свою литературную дѣятельность съ поэзіи антологической, а потому, что она больше соотвѣтствовала его темпераменту. Онъ оставался собственно классикомъ по настроенію даже и тогда (что проявилось отчасти уже и въ первыхъ его произведеніяхъ), когда умомъ былъ очень далекъ отъ классическаго міросозерцанія и скорѣе порицалъ его, чѣмъ признавалъ. Ап. Григорьевъ, напр., говорилъ о немъ, что онъ «словно по какой-то обязанности рисуетъ идеалы пластическіе и классическіе, нося въ душѣ совершенно иные». Дѣло въ томъ, что классическое міросозерцаніе было всегда ближе его чувству, его настроенію, чѣмъ христіанское представленіе о красотѣ, чему соотвѣствовали и обстоятельства его личной жизни. Какъ извѣстно, онъ былъ сынъ художника и самъ готовился стать живописцемъ, что само по себѣ предрасположило его къ пластическому пониманію красоты. Притомъ почти вся его жизнь протекала въ сферѣ искусства, счастливо и безоблачно, почти безъ всякихъ душевныхъ бурь.

Не все и въ классической жизни было одинаково доступно нашему поэту. Больше всего она была доступна ему въ спокойномъ, такъ сказать, статическомъ состояніи, что опять-таки вытекало изъ его натуры. Въ статическомъ состояніи вполне проявляется идеалъ высшей красоты, который искажается въ состояніи переходномъ, въ волненіи, выдвигающемъ на сцену красоту душевную. Трагическая сторона жизни древнихъ грековъ и римлянъ почти не наша потому выраженія у Майкова. Это подмѣтилъ еще и Бѣлинскій, который, восхваляя стихотворенія Майкова, писалъ: «Тотъ не помялъ бы насъ, кто захотѣлъ бы видѣть въ антологическихъ стихотвореніяхъ Майкова полное выраженіе древней поэзіи или полное выраженіе элементовъ жизни древнихъ, классическаго духа. Гармоническое единство съ природою, проникнутое разумностью и изяществомъ, еще далеко не составляетъ исключительнаго элемента древняго міросозерцанія. Жизнь древнихъ выражается не въ одной идилліи или застольной пѣснѣ, но и въ трагедіи, которая составила одинъ изъ основныхъ элементовъ ихъ жизни». Трагическая сторона жизни мало соотвѣтствовала спокойному, созерцательному настроенію Майкова.

Когда перелистываешь страницы произведеній Майкова, то видишь, что на его душѣ болѣе глубокій отпечатокъ оставляли мирныя впечатлѣнія природы, мирныя картины. Гончаровъ въ своемъ «Фрегатѣ Палладѣ», описывая бурю, рассказываетъ, что на чье-то восхищеніе красотою ея онъ отвѣтилъ: «безобразіе, беспорядокъ» — и удалился въ свою каюту. Намъ кажется, что на мѣстѣ Гончарова

то же самое сказать бы и Майкову, которому одинаково трудно доступна была красота бури. Напр., онъ говоритъ о себѣ въ одномъ антологическомъ стихотвореніи, что онъ любитъ «дѣлій день провесть средь горъ и скалъ».

Разсѣянно гляжу на дремающія воды
Лѣснаго озера и верхи соснѣ густыхъ,
Обрывы желтые въ молчаньи ихъ угрюмомъ;
Безъ мысли и лѣнивѣ смотрю я, какъ съ полей
Станицы тянутся гусей и журавлей,
И утки дикія ныряютъ въ воду съ шумомъ...

Въ другомъ стихотвореніи онъ говорилъ, что съ завистью смотритъ на «долины альпійскихъ сына», проводящаго мирную и спокойную жизнь среди природы и своего стада.

И голосъ соловья въ саду звучитъ и блещетъ,
И ласточекъ семья подъ кровлею щебечетъ,
И пчелы шумною кривандою летять
Къ цвѣтущимъ яблонямъ, въ твой благовонный садъ.

И поэтъ спрашиваетъ: «не здѣсь ли счастье», заключая свое стихотвореніе такимъ обращеніемъ къ «долины альпійскихъ сыну»:

Ты любишь ближняго и гордъ своей свободой,
Ты все напелъ, чего вѣками ждуть народы...

И этотъ мотивъ, это стремленіе къ тихому, идеализическому счастью на лонѣ природы, какъ бы въ сланіи съ нею, постоянно повторяется въ стихотвореніяхъ Майкова, можно сказать составляетъ даже сущность большинства ихъ, хотя кое-гдѣ онъ и высказываетъ совершенно противоположныя мысли. Такъ, въ стихотвореніи «Раздумье», говоря: «блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларь ведетъ спокойно вѣкъ», онъ заключаетъ его слѣдующими стихами, которые привели въ восторгъ Бѣлинскаго:

Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья:
Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
Я тайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой
И бури, и тревогъ, и воли дорогой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ бореніи мятежномъ
И, крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ,
При общемъ ужасѣ, надъ льдами горъ витать,
На бездну упадать и въ небѣ утопать...

«Позвоительно и можно многого — писалъ Бѣлинскій по этому поводу — надѣяться отъ духа, способнаго отрываться отъ участи, столь полной обаятельнаго счастья, и питать въ молодой груди желанія, отъ которыхъ не у всѣхъ и cadaго не побѣдѣютъ ланиты отъ ужаса, но запылаютъ яркимъ румянцемъ могучаго рѣшенія, а очи заблещутъ гордымъ сознаніемъ собственной силы». На самомъ дѣлѣ эти слова Майкова были лишь выраженіемъ молодости, о нихъ можно было сказать: «то кровь кипитъ, то силъ избытокъ».

но отнюдь не выражали основы его природы. Своей вычурностью они даже резко отличаются отъ прекраснаго, простаго вступленія, указывая, что были не столько выраженіемъ чувства, сколько размышленія. И самъ поэтъ не безъ основанія назвалъ свое стихотвореніе «Раздумьемъ».

Болѣе широко и глубоко понятъ Майковъ классическую жизнь въ своей лирической драмѣ: «Три смерти», коснувшись въ ней тѣхъ сторонъ ея, которыхъ раньше не затрагивалъ. Произведеніе это является не только кульминационнымъ пунктомъ творчества Майкова, выше котораго онъ уже не поднялся, но можетъ быть названо вообще однимъ изъ лучшихъ, изъ самыхъ глубокихъ и блестящихъ произведеній русской поэзіи. Въ поэмѣ этой онъ изобразилъ Сенеку, Лукана и Люція наканунѣ насильственной смерти по желанію Героя. Классическая жизнь выступила здѣсь лучшими своими сторонами, и драма полна глубокаго трагизма. Поставленные своими лицами къ лицу со смертью, герои драмы побѣждаютъ ужасъ ея могуществомъ своей личности и умираютъ, какъ истинные герои. И когда вы читаете рѣчи Сенеки, Лукана, вы живо чувствуете лучшія стороны классической древности, которыя приближаютъ ее, или, вѣрнѣе, противопоставляютъ христіанству. Разница только въ томъ, что эти герои древности чужды самоотреченія и смиренія, они умираютъ непреклонные, гордые своей личностью, которую они ставятъ выше всего, зная лишь свободу, но не любовь. И тѣмъ ярче выступаетъ ихъ героизмъ, что классическій міръ въ нихъ какъ бы исчерпалъ себя, и вмѣстѣ съ Сенекой они, умирая, могутъ сказать:

Быть можетъ истина не съ нами,
Нашъ слабый умъ ея неиметь
И ослабѣвшими очами
Глядеть назадъ, а не впередъ...

Хорошо, точно высѣченные изъ мрамора, вырисовываются Сенека и Луканъ, но характерно, что всю силу творчества Майковъ сосредоточилъ не на нихъ, а на эпикурейцѣ Люціѣ. Онъ собственно является центральной фигурой произведенія, онъ начинаетъ драму и кончаетъ ее, сосредоточивая на себѣ главное вниманіе читателей. Онъ цѣльнѣе, логичнѣе Сенеки, въ немъ яркимъ ключомъ бьетъ присущая классическому міру любовь къ земной жизни, блестящій, поэтический матеріализмъ ея. Люціѣ встрѣчаетъ смерть пиромъ, наслаждаясь виномъ, яствами и женскою красотой.

И на колѣняхъ дѣвы милой
Я съ напряженной жизни силой
Въ послѣдній разъ уплюсь душой
Дыханьемъ травъ и моремъ спящимъ,
И солнцемъ, въ волны заходящимъ,
И Пирры ясной красотой...

Конечно, можно сказать, что Люцій центральной фигурой въ произведеніи является потому, что онъ наиболѣе логиченъ, до крайней грани доведъ основы классическаго міропониманія, но несомнѣнно также, что и авторъ его лучше остальныхъ понималъ сердцемъ. Эпикуреецъ Люцій ясно и полно выразилъ собою языческое представленіе о жизни и красотѣ, которое наиболѣе полно постигалъ и Майковъ, какъ отвѣчавшее его натурѣ. Оттого-то Люцій такъ и яркъ, оттого онъ и привлекаетъ къ себѣ симпатіи читателей, тогда какъ Сенека и Луканъ возбуждаютъ не столько симпатію, какъ удивленіе. Если умомъ Майковъ былъ христіанинъ, то по чувству, по натурѣ онъ тотъ же Люцій, живо понимающій прелесть земной жизни, воѣ идеалы котораго здѣсь, на землѣ. Даже признавая умомъ тщету земныхъ радостей, онъ всецѣло привязанъ къ земной, матеріальной жизни, какъ то «большое, бѣдное дитя», изображаемое имъ въ одномъ стихотвореніи, которое сидитъ на берегу моря, слѣдя «большими, умными глазами за золотыми облаками».

- И такъ сіяетъ кроткимъ счастьемъ,
Что, если, бѣдный, промелькнетъ
Онъ на землѣ, какъ гость заметный,
И скоро въ небѣ въ сонмъ безплотныхъ
Господнихъ ангеловъ войдетъ,
То тамъ, межъ нихъ, вспоминая
Свой берегъ дикій и пустой,
—,«Прекрасна, скажетъ, жизнь земная,
Богатъ и веселъ край земной!»

Такъ ярко выразилъ любовь къ земной, тѣлесной жизни поэтъ, который, какъ увидимъ дальше, носилъ въ душѣ идеалы совсѣмъ иные, стоявшіе въ противорѣчій со всей его поэзіей, такъ что онъ могъ бы сказать о своей поэзии то, что говоритъ въ одномъ стихотвореніи объ Еленѣ Прекрасной: «самой была какъ будто въ тягость ей роковая красота».

Спокойное, созерцательное настроеніе Майкова отдалило его отъ политическаго движенія, отъ общественныхъ теченій, сосредоточивая все вниманіе въ области искусства. Особенно въ первые годы его литературной дѣятельности общественные вопросы лишь слабо отражались на его произведеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, по его произведеніямъ можно всетаки составить нѣкоторое представленіе о его общественныхъ взглядахъ въ то время, хотя нужно замѣтить, что они были, повидимому, очень поверхностны и почти не касались основъ его духовнаго существа. Они были, въ сущности, того же пошиба, какъ и желаніе «и бури, и страстей, и воли дорогой». Они отличались характеромъ, такъ сказать, наноснымъ, источникомъ ихъ была скорѣе молодость, чѣмъ сознательное убѣжденіе.

Къ числу произведеній этого періода писательства Майкова относятся «Очерки Рима» и «Неаполитанскій альбомъ». Несомнѣнно, что среди стихотвореній, такъ озаглавленныхъ, есть прекрасныя, но авторъ въ нихъ проходилъ мимо общественнаго движенія, совершавшагося въ то время въ Италіи. Онъ вдумывался преимущественно въ особенности итальянскаго характера, итальянской жизни, въ которой опять-таки, какъ и въ античной жизни, почти не отмѣтилъ элемента трагическаго. Онъ прекрасно, напр., рисуетъ въ стихотвореніи: «Скажи мнѣ, ты любилъ на роднѣ своей» особенности южной чувственной любви по сравненію съ сѣверной, живописно рисуетъ итальянскаго лицаго въ стихотвореніи «Нищій» и т. д. Но читая вообще «Очерки Рима», писанныя въ 1847 г., въ которыхъ есть прекрасныя стихотворенія, вы совсѣмъ не чувствуете, что Италія въ то время находилась въ броженіи, наканунѣ взрыва. Только въ стихотвореніи: «Palazzo» мелькаетъ предъ читателемъ слабый откликъ общественнаго движенія, когда поэтъ говоритъ о наследникахъ правъ и чести феодальной, которые кинули «чертогъ отцовъ печальный»:

Благословенье вамъ! не злато, не гербы
Вамъ стали божествомъ, а разумъ и природа,
И громко отреклись вы отъ даровъ судьбы —
Отъ правъ украденныхъ отцами у народа.
И вняли вы призывъ торжественной борьбы,
И движетъ вами кликъ: „Италіи свобода!“

Конечно, молодого поэта зрѣлище великодушной борьбы не могло не волновать, но волновало не долго при его спокойномъ, сосредоточенномъ настроеніи. Въ стихотвореніи «Газета» онъ такъ описываетъ самъ свое настроеніе, говоря о томъ, какъ «шумно за Альпами движутся въ страшной борьбѣ поколѣнья»:

Такъ бы хотѣлось туда! Тоже смѣло бы кажется бросилъ
Огненный стихъ съ сокрушительнымъ словомъ!... Поникнешь въ
раздумьѣ

Вдругъ головой: выпадаетъ изъ рукъ роковая газета...
Но, какъ припомнишь подробности въ цѣломъ торжественной драмы,
Жалкихъ Ахилловъ журнальнаго міра и мелкихъ Улиссовъ;
Вспомнишь кормить ихъ, какъ двигатель, впрочемъ, великаго дѣла,
Точно какъ сонъ отряхнувъ, поглядишь на тебя, моя Нина...

Еще характернѣе въ этомъ отношеніи «Неаполитанскій альбомъ», написанный въ 1858 г., когда вся Италія была наканунѣ переворота. Въ стихотвореніяхъ подъ этимъ заглавіемъ видно во вѣднѣности явное вліяніе Гейне, которое портитъ ихъ, потому что Гейневская иронія совершенно не сродни Майкову и выходитъ у него неловкой и тяжелой. Впрочемъ, вліяніе замѣтно лишь во вѣднѣности, въ сущности же онъ остается самимъ собою. Гейне субъективенъ, на первомъ планѣ у него его собственныя чувства и мысли, Майковъ же, несмотря на форму альбома на легкой характеръ стихотворе-

ній, остается художникомъ объективнымъ. Онъ рисуетъ въ рядѣ ихъ характеръ неаполитанскаго населенія, легкомысленнаго, беззаботнаго, живущаго настоящей минутой, переменчиваго и впечатлительнаго, съ наивнымъ и добродушнымъ суевѣріемъ. Черты эти сквачены въ «Альбомѣ» мѣтко и ярко, можетъ быть даже нѣсколько усилены, потому что авторъ не замѣчалъ иныхъ явленій неаполитанской жизни. И когда въ концѣ «Альбома» на сценѣ появляется Гарибальди, вызывая единодушное увлеченіе неаполитанцевъ, то появленіе его кажется неожиданнымъ и неожиданнымъ вооторгъ населенія. Впрочемъ и Гарибальди входитъ въ «Альбомъ» лишь какъ красивая, яркая картинка въ ряду другихъ такихъ же:

И загорѣлый ликъ героя,
И пестрыхъ волеѣ народныхъ плескъ,
И веругъ на всемъ съ высоту лазурныхъ
Луча полуденнаго блескъ!

Но если къ итальянской жизни Майковъ относился лишь какъ художникъ, то несомнѣнно онъ восталъ съ симпатіей, хотя и не съ увлеченіемъ относился къ западно-европейскому движенію. Напр., нѣкоторымъ даже увлеченіемъ звучать его слова, когда онъ пишетъ о Сициліи: «знамя свѣтлое свободы ужъ надъ островомъ стоит!» Что сочувствіе это и эти идеи были у Майкова поверхностны, можно видѣть изъ того, что онъ не переносилъ ихъ на Россію, не связывалъ съ русской жизнью. Конечно, это было и трудно при тогдашнихъ условіяхъ, но такъ или иначе извѣстное настроеніе должно бы было сказаться въ стихотвореніяхъ Майкова, какъ оно сказалось въ произведеніяхъ Тургенева, Гончарова и друг., притомъ при болѣе тяжелыхъ условіяхъ. Напр., въ 1853 г., во время господства крѣпостнаго права, въ стихотвореніи: «Аркадокій селянинъ путешественнику», Майковъ рассказываетъ о Сатирѣ, отъ котораго рождались у крестьянъ дѣти съ рогами и хвостами, заканчивая шутку яво бы словами русскаго помѣщика:

Хорошо, что мы съ папашей
Безъ хвоста и съ гладкимъ лбомъ,
Быть иначе-бъ дворнѣ нашей
И съ рогами, и съ хвостомъ!

Такая шутка была бы невозможна для человека, смотрящаго на крѣпостное право съ болью и негодованіемъ, по крайней мѣрѣ и теперь она кажется безтактной. Гораздо съ большимъ жаромъ въ «Грезахъ» и «Барышнѣ» Майковъ протестуетъ противъ современнаго положенія женщины въ обществѣ, противъ браковъ безъ любви, въ чемъ, повидимому, выразилось (хотя и слабо) вліяніе Жоржъ-Зандъ. Хотя Майковъ не выключалъ этихъ повѣй изъ послѣднихъ собраній своихъ сочиненій, но онъ, конечно, далеко не раздѣлялъ въ концѣ жизни основной ихъ тенденціи. Болѣе широко отозваться

на русскую общественную жизнь заставило Майкова вѣяніе новой жизни при наступленіи царствованія императора Александра II. Онъ пошелъ вслѣдъ за этимъ вѣяніемъ (а не впереди) и привѣтствовалъ его стихотвореніемъ:

Засуха!... Воздухъ спитъ и небеса молчать...
И арфъ золовыхъ безмолвенъ грустный рядъ...
Тѣ арфы—это вы, пѣвцы моей отчины!
То образъ вашихъ думъ, исполненныхъ тоской,
Мечтой заоблачной и грустной укоризной!
Молчать онѣ, молчать, какъ арфы, въ этотъ зной.
Но если-бъ мимо ихъ промчался вихремъ геній
И жизни духъ пахнулъ въ родимой сторонѣ—
На встрѣчу новыхъ силъ и новыхъ откровеній—
Кавнии-бъ звуками откликнулись онѣ!

Характерно, что стихотвореніе это было написано въ то время, когда уже «жизни духъ пахнулъ въ родимой сторонѣ». Незадолго передъ тѣмъ поэтъ не замѣчалъ засухи и издавалъ даже сборникъ стихотвореній: «На 1854 годъ», въ которыхъ выступилъ съ идеями, по вѣншности славянофильскими, но которыя, въ сущности, вовсе не славянофильскія и которыя впоследствии окончательно восторжествовали въ душѣ его. Можно сказать, что въ душѣ Майкова долгое время боролись два направленія, пока одно изъ нихъ не восторжествовало, хотя, думается намъ, побѣда его была уже предрѣшена заранѣе натурой поэта. Въ этихъ стихотвореніяхъ, «На 1854 г.», Майковъ говоритъ, согласно съ славянофилами:

Пора забыть навѣты злые,
Пора и намъ глаза открыть
И перестать ужъ о Россіи
Съ чужого голоса твердить.

И дальше Майковъ восхваляетъ Россію, какъ восхваляли ее и славянофилы. Но разница въ томъ, что славянофилы говорили это о Россіи, какъ государствѣ возможномъ, о будущей Россіи, современной же были очень недовольны и рѣзко порицали ее. Майковъ, напротивъ, писалъ:

И пусть она еще ребенокъ,
Но какъ глядитъ уже умно!
Еще чуть вышла изъ пеленокъ,
Но сколько ею создано!

Хомяковъ говорилъ, что Россія не создала даже и мышеловки и писалъ объ этомъ «ребенкѣ», что на него «увы, такъ много грѣховъ тяжелыхъ налегло!» Особенно же не могли быть довольны славянофилы временемъ «засухи», когда золовымъ арфамъ отчизны приходилось молчать; но Майковъ гремѣлъ на своей золовой арфѣ, и писалъ о своемъ стихѣ:

Въ немъ блещеть идеалъ Россіи молодой,
 Который свѣтитъ намъ водителной звѣздой,
 Тотъ гордый идеалъ, который, окрыляя
 Любовь нашу духъ въ годину горькихъ бѣдъ,
 Все осязательнѣй и ярче тридцать лѣтъ
 Осуществляется подъ скиптромъ Николая!

Событія восточной войны ясно показали самообольщеніе такихъ патріотовъ, какимъ выступалъ Майковъ въ этихъ стихотвореніяхъ, и своего сборника «На 1854 г.» онъ не перепечатывалъ въ собраніи своихъ произведеній, за исключеніемъ одного «Клермонтскаго собора». И эту поэмку Майковъ долгое время перепечатывалъ безъ заключенія, въ которомъ говорилъ, что мы «зждемъ храмъ, еще невѣдомый вѣкамъ», — пока не стерлись впечатлѣнія восточной войны и сдѣлалось снова возможно говорить о томъ, что

... можетъ быть, враги предвидятъ,
 Что изъ Россіи ледяной
 Еще невиданное выйдеть
 Гигантовъ племя къ нимъ грозой,
 Гигантовъ съ ненасытной жаждой
 Безсмертъя, славы и добра,
 Гигантовъ—какъ ихъ міръ однажды
 Зрѣлъ въ чудномъ образѣ Петра...

Въ послѣднемъ изданіи произведеній Майкова эта поэмка появилась снова въ полномъ видѣ, потому, быть можетъ, что у насъ снова сталъ популяренъ идеалъ, который носился передъ повтомъ въ 1853 г. Въ 60-ые годы люди стремились къ иному идеалу и самъ Майковъ былъ увлеченъ этимъ стремленіемъ. Это было лучшее время его творчества, время, когда его поэтическія силы пришли какъ бы въ полное равновѣсіе. Онъ привѣтствовалъ освобожденіе крестьянъ стихотвореніями: «Картинка», «Тройка», онъ высказывалъ въ это время широкіе, чуждые всякой исключительности взгляды въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Приговоръ», «Саванаролла», «Гуслирь» и друг. Въ это же время онъ написалъ и лучшее свое произведеніе «Три смерти», а также «Люція», котораго впоследствии подвергъ переработкѣ, признавъ неудачнымъ, но который послѣ этого, улучшившись по внѣшности, сталъ хуже по духу. Онъ ставилъ себѣ въ это время задачей (см. стихотвореніе «Пѣвецъ») умиротворять страсти, направляя людей къ прогрессу и благу.

Къ сожалѣнію, это равновѣсіе духовное продолжалось у Майкова не долго. Скоро общественныя событія разрушили его, давъ въ душѣ поэта перевѣсъ тѣмъ сторонамъ его натуры, которыя не могли быть уничтожены его общественнымъ увлеченіемъ. Началомъ поворота Майкова къ тѣмъ взглядамъ, которые выразились въ сборникѣ «На 1854 г.», послужило польское возстаніе. Въ стихотвореніяхъ «Западная Русь» и «Кн. Друцкому-Соколицкому», Майковъ ста-

рался еще держаться на «хлопской» точкѣ зрѣнія, но она была началомъ переворота въ его убѣжденіяхъ. Съ этихъ поръ онъ все болѣе и болѣе утверждался въ воззрѣніяхъ, которыя г. Скабичевскій въ своей книгѣ о новѣйшей русской литературѣ не совсемъ правильно называетъ «славянофильско-почвенными». Намъ кажется, что взгляды Майкова скорѣе противоположны славянофильскимъ; что же касается наименованія ихъ почвенными, то опять-таки сомнѣваемся, чтобы оно было ясно. Почвенникомъ былъ даровитый, мало оцѣненный критикъ Ап. Григорьевъ, но сходился съ нимъ Майковъ развѣ только въ періодъ своего либеральнаго увлеченія. Нѣсколько больше онъ сходился съ Достоевскимъ, но пять-таки между ними было и много различій. Если съ кѣмъ онъ сходился вполнѣ, то развѣ съ Катковымъ, къ которому онъ сталъ, повидимому, отнестись съ благоговѣніемъ...

Какъ и славянофилы, Майковъ противопоставлялъ Россію Западу, но противопоставлялъ иначе—какъ грозную матеріальную силу, и часто восхвалялъ въ ней то, что славянофилы считали «грѣхомъ» ея. Извѣстно, что славянофилы дѣлили Россію на земщину и государство и считали, что съ Петра Великаго нарушился союзъ между этими двумя областями русской жизни. Для Майкова такого дѣленія нѣтъ, земщина для него исчезаетъ въ государствѣ, и онъ съ благоговѣніемъ относится къ памяти Петра Великаго. Мало того, онъ относился съ благоговѣніемъ и къ Иоанну Грозному, котораго самъ же, въ лучшій періодъ своего писательства (въ стихотвореніи: «Упраздненный монастырь»), обрисовалъ такъ:

Куетъ онъ мысль—какъ бы сплотить
Всю Русь въ одно, чтобъ ничего
Не смѣло въ ней дышать и жить
Безъ изволенія его...

Теперь онъ сталъ это оправдывать тѣмъ, что Иоаннъ утвердилъ въ народѣ вѣрованіе, что «Богъ имъ учредилъ Царя въ исходѣ отъ тяжкихъ бѣдъ, что Царь, лишь Имъ судимый, и зрѣть лишь на Него, народу судъ творя». Въ стихотвореніи, посвященномъ Иоанну Грозному (въ 1887 г.), онъ говоритъ отъ лица его:

Навѣки духомъ Русь съ царемъ своимъ слилась!
Да!—царство ваше—трудъ, свершенный Иоанномъ,
Трудъ, выстраданный имъ, въ бореньи неустанномъ.
И памяуйте вы: все то, что строилъ онъ,—
Онъ строилъ на вѣка! Гдѣ взвелъ до половины,
Гдѣ указалъ пути... и трудъ былъ довершенъ
Лишь подвигомъ Петра, умомъ Екатерины...

Такъ какъ страннымъ является такое утвержденіе по отношенію къ Грозному, то Майковъ старается набросить сомнѣніе даже на достовѣрность историческихъ о немъ данныхъ, говоря, что плачь народа надъ гробомъ Иоанна «въ вѣкахъ вотще не пропадетъ и

будетъ громче онъ, чѣмъ этотъ шипъ подземный боярской клеветы и злобы иноземной». Въ «Разсказахъ изъ русской исторіи», написанныхъ для дѣтей и народа, онъ опять-таки прославляетъ Іоанна Грознаго, говоря, что все при немъ совершенное «было задумано такъ мудро, что не нарушалось во всё послѣдующія смутныя времена». Онъ забываетъ или старается забыть, что въ смутныя времена едва не погибло все государство, — и это, до известной степени, было тоже дѣломъ Іоанна. И если въ самомъ дѣлѣ многое послѣдующее въ русской исторіи получило корень въ царствованіе Іоанна, то на плоды отъ этого корня не безъ основанія нападали славянофилы, указывая на подавленіе земскаго элемента опричниной, которую самъ Іоаннъ рекомендовалъ потомкамъ, говоря, что «въ ней образецъ учиненъ готовъ». Встаетъ сказать, «Разсказы изъ русской исторіи» Майкова говорятъ лишь о ростѣ матеріальной силы Россіи.

Наиболѣе крупнымъ произведеніемъ этого періода писательства Майкова является поэма «Княжна», въ которой онъ старается обрисовать основы Россіи, какъ онъ ихъ понималъ. Онъ рисуетъ въ поэмѣ княжну, которая получила воспитаніе и лоскъ за границей, во Франціи, но во время Крымской войны проявила большой патриотизмъ и ухаживала за ранеными, какъ сестра милосердія. «Подъ бранной лишь грозю, говорить поэтъ по этому поводу, становишься ты, Русь, сама собою» У княжны есть незаконная дочь, которая дѣлается нигилисткой, уходитъ отъ матери и затѣмъ ссорится съ нею и доводитъ ее до смерти. Надо признать, что поэтъ рисуетъ эту нигилистку безъ всякой злобы, хотя считаетъ ея идеи навѣянными съ Запада, какъ и прежнія скитанія по заграницамъ княжны, заставляя одного москвича (москвичъ, конечно, представитель яко бы русскихъ началъ) говорить о нихъ обихъ — матери и дочери:

Въ нихъ въ каждой книжка говорить иная,
Въ княжнѣ одна, а въ дѣвочкѣ другая..

Но считая все это чуждымъ, навѣяннымъ на нихъ съ Запада, поэтъ тѣмъ не менѣе видѣлъ въ нихъ русскія основы характера и припоминаетъ одного предка княжны, который кутилъ, безобразничалъ, завелъ цѣлый гаремъ, а потомъ вдругъ покаялся, легъ въ гробъ, надѣлъ вериги и такъ провелъ конецъ своей жизни. Старушка няня говоритъ о дочери княжны:

Эхъ, другъ, и небо, и земля пройдетъ,
А дурь-то нешто вѣчная? Минуетъ!
Духъ у нея большой, вотъ и бушуетъ...

Итакъ, поэтъ рисуетъ наши высшіе классы, какъ охваченные чуждымъ духомъ, но не потерявшіе своего національнаго характера. Потеряны только національные идеалы, которые, по его мнѣнію, сохранились въ простомъ народѣ, выступающемъ въ поэмѣ въ лицѣ

старушки-няни, по поводу которой поэтъ говоритъ: «счастливъ, тысячекратно счастливъ народъ, въ чьемъ духѣ есть тѣ-жѣ глубины святныя». Во всемъ этомъ поэтъ, пожалуй, сходится со славянофилами, но рѣзко расходится въ своихъ идеалахъ и въ пониманіи русской исторіи. Онъ вкладываетъ въ «Княжій» въ уста одного поэта такое разсужденіе о Россіи въ сравненіи съ Западомъ:

Тамъ силой міръ былъ сплоченъ феодольный
И пестрый сбродъ племень въ одинъ народъ:
Здѣсь весь народъ, дотоль какъ бы опальный,
Великое призванье сознаетъ
И ради той идеи колоссальной
Онъ весь—отъ смерда до царя—идетъ
И государству въ крѣпость отдается
И терпитъ все, лишь вѣра да спасется...

О томъ, какъ понималъ вѣру Майковъ, мы поговоримъ дальше, здѣсь же замѣтимъ только, что, прославляя отдаваніе государству «въ крѣпость» для спасенія вѣры, онъ рѣшительно расходится съ славянофилами, которые были противниками смѣшенія государства и вѣры. Взгляды Майкова въ этомъ направленіи опредѣлены и ярки, поставлены въ своемъ родѣ на философскую основу и развиты съ убѣжденіемъ и силой. Несомнѣнно, что корень ихъ дѣйствительно находится въ исторіи Россіи и настроеніе это проявлялось у многихъ нашихъ писателей, да и не могло не проявляться, если оно вырождалось и въ жизни русскаго народа. Оно сказалось, напр., и у Пушкина въ стихотвореніи: «Клеветникамъ Россіи», въ которомъ поэтъ прославляетъ матеріальную мощь русскаго государства. Заслуга Лермонтова въ томъ, что онъ вырывается изъ круга этихъ понятій, созданныхъ исторіей, и говоритъ, что его цѣнятъ «не слава, купленная кровью, не гордаго величія покой». Много было чисто внѣшняго патриотизма и во взглядахъ славянофиловъ, и можно даже сказать, что этотъ внѣшний патриотизмъ въ значительной степени исказилъ «благородное ученіе славянофильства». Достоевскій не разъ впадалъ въ этотъ же внѣшний патриотизмъ, хотя и старался безуспѣшно выйти изъ рамокъ его. Л. Н. Толстой, нѣкоторыми сторонами своего ученія связанный съ славянофильствомъ, какъ бы представляющій логическое развитіе его, уже совершенно чуждъ традиціоннаго патриотизма, что и кладетъ бездну между нимъ и славянофилами. Майковъ, связанный тоже съ славянофильствомъ, пошелъ въ совершенно противоположную сторону, такъ что въ то время, когда Толстой отрѣшается отъ всего внѣшняго, матеріальнаго, Майковъ всецѣло проникнуть внѣшнимъ, и характерно, что оба они стоятъ на христіанской основѣ, совершенно различно понимая эту основу...

Какъ мы видѣли выше, прежде Майковъ придерживался иныхъ воззрѣній, но слѣдуетъ замѣтить, что основныя его воззрѣнія—это тѣ, на которыхъ онъ остановился во второй половинѣ своей жизни.

Г. Скабичевскій, имѣя въ виду внѣшнія перемены въ поэзіи Майкова, называетъ въ своей книгѣ его музу «податливой». Но такой она только кажется, такова она только по внѣшности. Майковъ временно подчинился разнымъ теченіямъ, можно открыть въ его произведеніяхъ даже слѣды вліянія Некрасова (напр. въ стихотвореніяхъ «Мать и дочь», «Старый хламъ» и друг.), но въ основѣ его натуры всегда жила наклонность къ тѣмъ взглядамъ, на которыхъ онъ и остановился окончательно. Когда, напр., война всколебала его чувство, тотчасъ же обнаружилась его истинная сущность, такъ что къ нему можно бы примѣнить его собственные слова: «подъ бурной лишь грозой становишься ты, Русь, сама собою»,—еслибы только онъ, дѣйствительно, выражалъ всю Русь...

Теперь мы постараемся подробнѣе обрисовать религиозное настроеніе, религиозные взгляды Майкова, которые тѣсно связаны съ его общественными взглядами. Повидимому, въ началѣ своей литературной дѣятельности Майковъ далеко не былъ чуждъ тѣхъ сомнѣній, которыя такъ свойственны образованнымъ людямъ нашего времени. Слѣды этого, хотя и слабыя (потому что религиозные вопросы сначала мало его занимали), остались въ его произведеніяхъ. Во всякомъ случаѣ, и въ то время сомнѣнія его носили характеръ элегическій, были соединены съ сожалѣніемъ объ утратѣ вѣры. Вотъ, напр., стихотвореніе, написанное въ 1841 г. и отмѣченное именно такимъ настроеніемъ:

Зачѣмъ средь общаго волненія и шума
 Меня гнететъ одна мучительная дума?
 Зачѣмъ не радуюсь при общихъ кликахъ я?
 Иль міра торжество не праздникъ для меня?
 Блаженъ, кто сохранилъ еще знаменованье
 Обычаевъ отцовъ, ихъ темнаго преданья,
 Отвѣтствовалъ слезой на пѣніе псалма;
 Кто, волей оторвавъ сомнѣнія ума,
 Святую Библию читаетъ съ умиленіемъ...

Въ стихотвореніи, написанномъ въ 1857 г., «Облачка», еще яснѣе выступаетъ стремленіе Майкова къ религиознымъ воззрѣніямъ которыя отвѣчали его поэтической натурѣ. Говоря объ облачкахъ, бѣгущихъ по небу, онъ замѣчаетъ, что «выше вѣчность — Богъ», и что безъ нихъ ни на чемъ не могъ бы остановиться взоръ,—и заключаетъ стихотвореніе такими великолѣпными стихами:

Страсти сердца! сны надежды!
 Вдохновенья бредь!
 Былъ бы пусть безъ васъ и страшень
 Сердцу Божій свѣтъ!
 Васъ развѣять съ неба жизни,
 И вся жизнь тогда—
 Силъ слѣпыхъ, законовъ вѣчныхъ
 Вѣчная вражда...

Но если религиозныя воззрѣнія Майкова были сначала очень неопредѣленны, то вопросъ о противоположности язычества и христіанства занималъ его съ самыхъ первыхъ дней его писательства. Бѣлинскій, по прочтеніи его первыхъ произведеній, писалъ о немъ, что онъ смотритъ на жизнь глазами грека и иначе не умѣетъ на нее смотрѣть. Въ этомъ было много правды, но во всякомъ случаѣ и въ то уже время Майковъ старался иначе на нее смотрѣть, признавалъ основы античнаго міра недостаточными, а потомъ Ап. Григорьевъ уже совершенно справедливо писалъ о немъ, что онъ рисуетъ пластическіе идеалы красоты, нося въ душѣ совершенно иные. Можно сказать, что они были «иными» даже и въ періодъ наибольшаго его увлеченія эллинизмомъ.

Еще въ сороковыхъ (1842 г.) годахъ Майковъ напечаталъ поэмѣ «Олинеъ и Эсфирь», въ которой противопоставляетъ христіанство язычеству. Въ предисловіи къ этой поэмѣ онъ писалъ: «Римская имперія, распространивъ свои владѣнія въ трехъ извѣстныхъ ей частяхъ свѣта, сдѣлалась средоточіемъ и представительницею всего древняго міра... Это былъ огромный бассейнъ, въ которомъ слилось и смѣшалось безчисленное множество ручьевъ... Вдругъ посреди этого міра является малочисленное общество, которое держитъ воззвать на колоссъ, воздвигнутый вѣками,—воззвать безъ меча и войска, ополчившись однимъ словомъ, однимъ свѣтомъ истины. То были христіане. Два діаметрально противоположныя начала не могли остаться въ мирѣ; чувственность и духовность, жизнь вѣшняя и внутренняя—явились во враждѣ, въ противодѣйствіи, въ борьбѣ на жизнь и смерть».

Задача, которую поставилъ себѣ поэтъ въ этомъ эпошескомъ произведеніи, занимала его потомъ всю жизнь и всю жизнь не удавалась ему. «Олинеъ и Эсфирь» онъ призналъ неудачной и въ 1863 г. написалъ на ту же тему поэмѣ «Люцій», которую опять-таки призналъ неудачной, и въ окончательномъ видѣ та же тема появилась обработанной въ трагедіи «Два міра», создававшейся потомъ отъ 1872 г. по 1881 г., т. е. почти десять лѣтъ. «Можетъ быть—пишетъ поэтъ въ предисловіи къ ней,—многимъ покажется страннымъ, что человекъ чуть не всю жизнь возится съ одною художественною идеей, или по крайней мѣрѣ столько разъ къ ней возвращается. Но видно я слѣдовалъ инстинкту, подсказывавшему мнѣ, что лучше сдѣлать что-нибудь одно, да «по мѣрѣ силъ».

Во всякомъ случаѣ, такое упорное возвращеніе къ одной и той же темѣ заслуживаетъ вниманія и свидѣтельствуетъ не только о желаніи создать что-либо «по мѣрѣ силъ». Помимо трудности самой темы, хорошо иллюстрировать ее мѣшала автору и его натура, какъ она же помогла ему воссоздавать хорошо жизнь древнихъ, грековъ и римлянъ. Благодаря свойствамъ его природы, христіанское міросозерцаніе во всей полнотѣ своей навсегда осталось чуждымъ ему. Въ сущности, въ немъ всегда жили два человека—художникъ

и мистикъ, не соглашавшіеся другъ съ другомъ, при чемъ второй нарушалъ цѣльность перваго, а этотъ, въ свою очередь, искажилъ стремленія второго. Впослѣдствіи Майковъ дошелъ до чисто внѣшняго соглашенія ихъ, но это оказалось съ ущербомъ и для того, и для другого. Этотъ человекъ, такъ увлекавшійся земной жизнью, такъ тонко понимавшій классическіе идеалы, которому особенно было близко эпикурейство Люція, когда отрывался умомъ отъ этихъ идеаловъ, когда въ душѣ его побѣждалъ мистикъ, писалъ о матеріалистахъ:

Имъ только видимость—потреба,
Тебѣ же сущность, тайный смыслъ,
Имъ—только рядъ бездушныхъ чиселъ,
Тебѣ же—безоначность неба,
Задача смерти, жизни цѣль,
Неразрѣшимая досель,
Но ужъ и въ чаемомъ рѣшеньи,
Уже въ предчувствіи его,
Тебѣ дающія прозрѣнья
Въ то, что для духа вещество
Есть только форма и явленье...

Въ этомъ стихотвореніи выражено христіанское представленіе о веществѣ, какъ лишь о формѣ и явленіи, но авторъ только на этомъ и остановился, и христіанское міросозерцаніе у него ничуть не отразилось на его общественныхъ взглядахъ. Въ этомъ отношеніи особенно характерно его стихотвореніе: «Послѣдніе язычники». Здѣсь онъ изображаетъ послѣднихъ язычниковъ, которые отказались подчиниться перевороту, произведенному императоромъ Константиномъ. Они устарились отъ общественной жизни, ушли въ себя, а между тѣмъ міръ шелъ впередъ, новое христіанское царство развивалось и процвѣтало, какъ будто въ немъ ничто не измѣнилось:

Тамъ колесницы, корабли...
Подъ твердью неба голубою
Сливался благовѣсть вдали
Съ побѣдной воинской трубою...

Итакъ, все въ сущности осталось по старому, даже и воинскія трубы, только на храмахъ появился крестъ, и язычники, смотря на это сіянье новой славы, полны завистливой тоски, стыдились промолвить: «мы неправы». «Вся сила въ томъ—справедливо писалъ объ этомъ стихотвореніи Орестъ Миллеръ,—что эти люди только воображали себя послѣдними язычниками, не умѣя догадаться, что тотъ императорскій декретъ, который объявлялъ христіанство государственной религіей, прямо вносилъ языческую отраву въ самое лоно христіанской общины». Этого не понималъ и авторъ стихотворенія, который, какъ мы уже сказали, понялъ христіанство чисто внѣшнимъ образомъ и постарался согласить его съ язы-

чествомъ, какъ и тѣ христіане, которые пошли за императоромъ Константиномъ, соблазненные вѣщностью.

Взглядъ на христіанство, какъ на вѣру только, не требующую дѣлъ, не требующую проведенія въ жизнь любви къ ближнимъ, выраженъ и въ другихъ произведеніяхъ Майкова. Въ этомъ случаѣ онъ составляетъ совершенную противоположность съ Л. Н. Толстымъ, далеко даже и отъ славянофиловъ, которые были горячими православными, но отнюдь не утверждали своей вѣры на государственной власти. Майковъ же, какъ мы указывали выше, писалъ о русскомъ народѣ, что онъ «государству въ крѣпость отдается и терпитъ все, лишь вѣра да спасется». Въ томъ же смыслѣ онъ высказывается и въ стихотвореніи, посвященномъ Карамзину, въ которомъ говорить, что этотъ историкъ нарисовалъ въ своей исторіи

. . . . образъ цѣлаго народа, что пронесъ
Сквозь всяческихъ невгодъ имъ созданное царство,
И всёмъ, всёмъ жертвовалъ во имя государства,
Жива бо церковь въ немъ, а въ ней Господь Христосъ.

Едва-ли можно назвать правильнымъ такое пониманіе религіи. Самъ Майковъ въ «Двухъ мірахъ» заставляетъ христіанина Марцелла говорить Децію о разумѣ, воплощеніе котораго видитъ въ Римѣ:

Самъ о себѣ намъ говорить:
Я истина, и безъ опоры
На мечъ, блѣднѣетъ и дрожитъ!..

И вотъ, поэтъ впадаетъ въ странное противорѣчіе съ самимъ собою, желая, въ свою очередь, дать опору мечу своей истинѣ, полагая, что религія могла спасти благодаря лишь поддержкѣ государства, даже отождествляя вѣщную силу государства съ внутренней силой религіи.

Характерно, что Майковъ, чѣмъ болѣе утверждался во взглядахъ, которые онъ считаетъ христіанскими, тѣмъ все болѣе терялъ пониманіе истиннаго духа христіанства, основаннаго на любви. При всѣхъ недостаткахъ его перваго наброска изъ борьбы христіанства съ язычествомъ, подъ заглавіемъ «Олинеѣ и Эсфирь», въ этомъ наброскѣ несомнѣнно больше правильнаго пониманія христіанства, чѣмъ въ послѣдующемъ развитіи той же темы. Въ «Олинеѣ и Эсфири» онъ понималъ, что вѣщное торжество христіанства еще нельзя назвать его дѣйствительнымъ торжествомъ. Бонифацій, отецъ Эсфири, говорить въ этой поэмѣ, какъ бы въ противорѣчіе съ тѣмъ, что потомъ самъ Майковъ сказалъ въ своихъ «Послѣднихъ язычникахъ»:

О, Римъ, о новый Вавилонъ!
Ты вѣрой истинной облекся,
Какъ ризою новой, но... увы!

Все злата съ гордой головы
 Ты не совлекъ; ты не отрекся
 Отъ шумныхъ игрищъ и пировъ;
 Ты, подъ Христовою одеждой,
 Все тѣ-жъ скрылъ язвы, полнъ грѣховъ...

Въ другомъ наброскѣ, «Люціѣ», онъ выдвигаетъ любовь, какъ основаніе христіанства, заставляя свою Лиду говорить:

Живи для бѣдныхъ и простыхъ,
 Иную жизнь въ душѣ пробудишь!
 Умалъ себя для блага ихъ—
 И больше ты, и лучше будешь!
 И все давно ужъ началось
 Вездѣ,—вездѣ прошелъ Христосъ!
 Смотри: отъ моря и до моря
 Тебѣ предъ именемъ Христа
 Открыты двери! Нѣту горя,
 Нигдѣ, слеза не пролита,
 Чтобъ на другомъ концѣ вселенной
 Не отозвались ей сердца...

Чѣмъ больше возился Майковъ съ темой, тѣмъ онъ все больше умалалъ дѣйствительную, общественную силу христіанства, пока изъ своихъ «Двухъ міровъ» почти не исключилъ слова «любовь». Онъ замѣнилъ любовь «прощеніемъ», потому что первая активна и требуетъ дѣла; вторая же пассивна и можетъ ничѣмъ не выразиться въ общественной жизни. Лида въ «Двухъ мірахъ» такъ опредѣляетъ сущность христіанства:

Вѣдь христіанство, все ученье,
 Нѣтъ, не ученье,—жизнь—прошенье.
 Ежеминутное прощенье,
 Прощенье вѣчное...

Такой странный прогрессъ въ развитіи христіанскихъ взглядовъ Майкова тѣмъ не менѣе вполне понятенъ. Если даже въ первый періодъ своего писательства онъ не былъ вѣрующимъ въ полномъ смыслѣ этого слова, то по духу онъ былъ ближе къ христіанству, сочувствуя тѣмъ общественнымъ движеніямъ, которые, если не всегда совершались подъ знаменемъ Креста, то во всякомъ случаѣ истекали изъ духа христіанства. Подхваченный волной реакціоннаго настроенія, началъ относиться враждебно къ этимъ движеніямъ, онъ сталъ въ противовѣчіе и съ духомъ христіанства и сталъ невольно искажать этотъ духъ въ соотвѣтствіи съ этимъ настроеніемъ. Онъ постарался устранить изъ него всё начала общественности, противопоставить его общественному движенію, говоря, что «свобода лишь въ царствѣ духа» и забывая, что это христіанское положеніе отнюдь не оправдываетъ насилія и притѣвленія на землѣ.

Естественно, что такое представленіе отнюдь не могло способствовать вѣрному изображенію первыхъ христіанъ. И дѣйствительно,

христіане въ «Двухъ мірахъ», какъ справедливо отмѣтилъ въ своей книгѣ г. Мережковскій, не настоящіе христіане того времени, а весьма начитанные и богословски-образованные резонеры. «То и дѣло сыплютъ они цитатами изъ Свящ. Писанія, на Христа и на Бога смотрятъ не съ наивной смѣлостью людей, творящихъ новую религію, а сквозь запыленную византійскую призму государственнаго исповѣданія». Читая поэму, не вѣришь, чтобы эти люди могли перевернуть весь міръ. Они не горячи, не холодны, а только теплы, выражаясь словами апостола.

Чувствуя безжизненность своихъ христіанъ, Майковъ невольно старался усилить впечатлѣніе болѣе черными, болѣе мрачными красками, обрисовывая древній міръ. Люція, который заключалъ въ себѣ много симпатичныхъ чертъ, не смотря на свой эпикуреизмъ, онъ превратилъ въ Деція, преисполненнаго гордостью и презрѣніемъ ко всему, ничѣмъ не оправдываемыми. Деція онъ окружилъ людьми совершенно развращенными, находящимися въ полной деморализаціи, что если и было вѣрно исторически, то, во всякомъ случаѣ, Децію, котораго авторъ всетаки старается представить благороднымъ, не было никакой нужды собирать ихъ вокругъ себя. И, борясь съ современными теченіями мысли, авторъ заставилъ своего Деція ратовать за разумъ, олицетворяя въ немъ современное язычество. Онъ только забывалъ, что люди, ратующіе теперь за разумъ, часто ближе къ христіанству, чѣмъ онъ, Майковъ, старавшійся утвердить христіанство на чисто-вѣшной силѣ. Орестъ Миллеръ по этому поводу справедливо указывалъ, что «возвращеніе къ этой темѣ связывалось у поэта со злобою дня» — въ томъ узкомъ смыслѣ, который связанъ съ вопросомъ о нигилизмѣ и о томъ, отъ чего ему погибнуть.

Итакъ, трудъ всей жизни Майкова не удался и не могъ удался. А жаль, потому что тема, затронутая имъ въ «Двухъ мірахъ», едва-ли не самая животрепещущая тема и для нашего времени. Вполнѣ понять ее Майковъ не могъ, потому что самъ онъ, въ значительной степени, остался язычникомъ, больше язычникомъ, чѣмъ тѣ, кто признаетъ основы языческой нравственности съ вѣшной стороны, проникнувшись общественными стремленіями христіанства. Какъ бы то ни было, попытка Майкова, хотя и неудачная, представляетъ глубокій интересъ, потому что задумана она была правильно и лишь испорчена подъ влияніемъ ложнаго настроенія автора. Намъ, по крайней мѣрѣ, это настроеніе кажется ложнымъ.

На самой вѣшности произведеній Майкова рѣзко отразились особенности его личности, та двойственность, которая замѣчалась между его натурой и взглядами. Какъ мы уже отмѣтили въ началѣ статьи, по натурѣ онъ былъ преимущественно художникъ-пластикъ, больше всего понималъ красоту вѣшную, въ статическомъ состоя-

ни, когда контуры ея ясны и осязательны. Тамъ, гдѣ красота выходитъ изъ статическаго состоянія, гдѣ она изъ вѣшной дѣлается внутренней, не столько видимой, сколько постигаемой, — тамъ художественныя силы его слабѣютъ. И вотъ, лучшими произведеніями Майкова остаются тѣ, гдѣ онъ могъ явиться не лирикомъ, не проповѣдникомъ, а живописцемъ, такъ какъ ему была преимущественно доступна красота формъ, а не чувствъ. Среди описательныхъ его стихотвореній попадаются такія, которыя по удивительной рисовкѣ, по силѣ красокъ, соперничаютъ съ живописью. Таково, напр., стихотвореніе: «Вакханка», въ которомъ поэтъ такъ описываетъ спящую вакханку:

По жаркому лицу, по мраморной груди
 Лучъ солнца, тѣнь листовъ скользили, трепетали;
 Съ аканеомъ и плющемъ власы ея спадали
 На кожу тигрову, какъ рѣзвыя струи;
 Тамъ тирсъ изломанный, тамъ чаша золотая.
 Какъ дышитъ виноградъ на персяхъ у нея,
 Какъ алыя уста, улыбкою играя,
 Депенуть, полныя томленья и огня!..

Съ этого прелестнаго стихотворенія смѣло можно рисовать картину... Какъ художнику-пластику, Майкову удавалось преимущественно изображеніе античной жизни, законченной, принявшей вполне опредѣленныя вѣшнія формы. Удавались также подражанія народнымъ пѣснямъ, такъ какъ въ народной жизни можно встрѣтить ту же законченность красоты, удавались и описанія природы преимущественно въ спокойномъ состояніи, и въ этомъ отношеніи у Майкова встрѣчаются въ своемъ родѣ шедевры. Но современная жизнь упорно не давалась ему, какъ не имѣющая столь опредѣленныхъ и ясныхъ формъ, какъ античная жизнь, и въ которой элементъ внутренней преобладаетъ надъ вѣшнимъ.

Во многихъ отзывахъ о поэзіи Майкова можно встрѣтить мнѣніе, что талантъ его ослабѣлъ во второй половинѣ его жизни. Это мнѣніе намъ кажется ошибочнымъ: не талантъ его ослабѣлъ, а самъ онъ сталъ, благодаря новому своему настроенію, заниматься упорно такими темами, которыя мало соответствовали основѣ его дарованія. Съ самаго начала литературной дѣятельности въ Майковѣ жили какъ бы два писателя: одинъ — художникъ-пластикъ, создавшій произведенія, полныя силы и красоты, а другой — резонеръ и холодный риторъ, съ трудомъ подбиравшій строфы и рифмы, отмѣченные холодомъ и напыщенностью. Неудачна поэма «Княжна», написанная въ 1877 г., но одинаково неудачны «Грезы» и «Барышнѣ», написанныя въ 1845 и 1846 гг. Разница только въ томъ, что въ первой половинѣ литературной дѣятельности Майкова риторическія произведенія встрѣчаются лишь, какъ исключеніе, а во второй они дѣлаются обычными.

Если подъ конецъ своего писательства Майковъ создавалъ не-

нѣ художественныхъ произведеній, чѣмъ въ началѣ, то потому, что художникъ въ его душѣ былъ подавленъ его новымъ настроеніемъ. Художникъ по натурѣ, отвлеченный аскетъ по взглядамъ, Майковъ, при новомъ своемъ настроеніи, уже не могъ владѣть исполнѣ той прелестной формой, какой отличались его антологическія стихотворенія. Все больше онъ написалъ такихъ риторическихъ стихотвореній, какія, напр., встрѣчаются въ сборникѣ «На 1854 г.» И характерно, что какъ только онъ вдавался въ чуждую ему, какъ художнику, область, такъ его тотчасъ же покидало присущее ему вдохновеніе, замѣняясь риторикой. Напр., «Клермонтскій соборъ» написанъ прелестно, пока идетъ описательная часть, и необычайно слабо и риторично въ заключеніи, гдѣ даже фразы мѣшались и путаются.

И чѣмъ больше Майковъ проникался своимъ новымъ настроеніемъ, тѣмъ онъ дѣлался все холоднѣе и напыщеннѣе. Нѣкоторыя его послѣднія стихотворенія, написанныя на разные торжественные случаи, напоминаютъ по своему холодному, риторическому тону торжественныя оды Державина. Если и при новомъ настроеніи у него встрѣчаются изрѣдка стихотворенія поэтическія и сильныя, то они производятъ очень своеобразное впечатлѣніе. Онъ силенъ, онъ доходитъ иногда до пафоса, воспѣвая вѣдншее могущество Россіи, ея безграничное пространство, ея завоевательную силу. Вотъ, напр., стихотвореніе «Казакъ», въ которомъ Майковъ воспѣваетъ это «самобытное созданье вольной русской старины», спрашивая его, откуда онъ держитъ путь:

Отъ студеной-ли Торней,
Гдѣ всю зиму солнца нѣтъ,
Гдѣ поглядывалъ ты зорко,
Какъ ведетъ себя тамъ шведъ?
Иль отъ Нѣмана и Вислы,—
Чай, повѣдаешь, что тамъ
Все пока благополучно,
Но дремать не надо намъ?
Иль отъ Чернаго ты моря,
Гдѣ, разъѣздъ держа, свой взглядъ
Устремлялъ не разъ ты жадно
Черезъ море на Царьградъ?
Отъ Востока, гдѣ народы
На тебя, богатыря,
Какъ на вѣстника, взирали
Воли блага царя,
Ты летишь сказать, что новый
О подданствѣ просить край,
Что съ казацкаго пикета
Былъ ужъ видѣнъ Гималай?..

Стихотвореніе это рѣзко и довольно сильно выражаетъ представленіе Майкова о Россіи. Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ некрологахъ усиленно старались представить его славянофиломъ,

не лишнее отметить, что Россію онъ представлялъ себѣ совершенно иначе, чѣмъ славянофилы. Послѣдніе идеализировали ея духовную сторону, мечтали, что наше отечество можетъ внести въ міръ нѣчто новое духовно и преобразить его, Майковъ же видѣлъ въ Россіи преимущественно грозную матеріальную силу, ту силу, на которую съ безпокойствомъ и страхомъ взирають западные народы. Еще въ «Клермонтскомъ соборѣ», противопоставляя Россію Западу, онъ писалъ, что изъ Россіи выйдеть на Западъ *тросой* «гигантовъ племя». Предъ его духовнымъ окомъ, когда онъ представлялъ себѣ Россію, какъ бы носились образы славныхъ завоевателей древности, разрушавшихъ государства изъ ненасытной жажды «безсмертья и славы».

Но понималъ-ли Майковъ Россію? Намъ кажется, едва-ли. Не обладая способностью постигать духовную сущность, красоту не матеріальную, онъ не замѣтилъ и не понялъ тѣхъ глубокихъ общественныхъ теченій, которыя происходятъ въ вѣдрахъ русскаго общества и народа. И общество, въ свою очередь, отвернулось отъ него въ то именно время, когда онъ, по его мнѣнію, сталъ разрабатывать самыя русскія темы. Для читателей Майковъ всегда былъ и останется дорогъ преимущественно какъ авторъ прелестныхъ произведеній изъ античнаго міра. И даже въ некрологахъ, писанныхъ по поводу его смерти, его преимущественно прославляли, какъ «парнаоца», какъ автора автологическихъ стихотвореній, какъ автора «Двухъ міровъ», совершенно иногда забывая его патріотическія и тенденціозныя произведенія. Но для историка литературы, для психолога все дорого и интересно въ произведеніяхъ Майкова, даже, быть можетъ, болѣе интересны тѣ, въ которыхъ съ особенной силой выразились слабыя стороны его художественнаго дарованія...

А. Уманскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Князь Индостанскій. Призраки. Окончаніе повѣсти М. Ю. Лермонтова, начинающейся словами: „У графини В... былъ музыкальный вечеръ“ и прерывающейся на словахъ: „Онъ рѣшился“. Фантастическій разсказъ. Москва. 1897.

Брейцера соната исполнителя. Записки Трухачевского. Спб. 1897.

Между московскимъ и петербургскимъ *) авторами общее то, что оба они пишутъ, такъ сказать, по линейкамъ. Московскій авторъ пишетъ по линейкамъ, награфленнымъ Лермонтовымъ, а для петербургскаго разлиновалъ бумагу Левъ Толстой. Отъ такихъ начинающихъ каллиграфовъ чего же требовать? Они еще пера не научились держать какъ слѣдуетъ, сажаютъ на бумагу безпрестанныя кляксы, слизываютъ эти кляксы языкомъ, чѣмъ, конечно, еще больше портятъ свою работу. Въ этомъ ихъ сходство, а различіе ихъ состоитъ въ томъ, что князь Индостанскій болѣе смѣшонъ, а Трухачевскій болѣе жалокъ. Князь Индостанскій смѣшонъ, потому что усиливается быть великолѣпнымъ: одинъ псевдонимъ чего стоитъ! Но имя—звукъ пустой, а вотъ какъ авторъ рекомендуетъ свего князя (который, будто бы, и есть настоящій авторъ „Окончанія повѣсти“—пріемъ, опять таки скопированный у Лермонтова): „Князь Индостанскій блистательно окончилъ курсъ университета, потомъ очень много путешествовалъ по всему земному шару, никогда не переставая знакомиться съ произведеніями человѣческаго гения во всѣхъ его проявленіяхъ, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что его философія и эстетическія воззрѣнія скоро достигли чрезвычайной, исключительной широты“. Какова должна быть повѣсть, написанная, хотя бы на заимствованную тему, человѣкомъ съ воззрѣніями исключительной широты? Къ несчастію, „въ самое послѣднее время“ князь Индостанскій „сдѣлался страстнымъ послѣдователемъ спиритизма“. Это состояніе князя внушало опасенія: „я съ опасеніемъ замѣчалъ (говорить авторъ), что настроеніе, цикль думъ и чувствъ этой точки зрѣнія захватываютъ его съ неотразимою, прямо опас-

*) Мы называемъ автора „Записокъ Трухачевского“ петербургскимъ только потому, что на обложкѣ брошюры поставлено: „С.-Петербургъ“. На самомъ же дѣлѣ, брошюра (какъ это на ней и обозначено) печаталась въ Екатеринославѣ, цензурирована въ Кіевѣ, а въ Петербургѣ лишь „складъ изданія“. Сколько хлопочетъ было автору съ своимъ дѣтищемъ!

ною силою". Какъ ни аляповато это сказано, но понять можно: князю Индостанскому слѣдовало бы не повѣсти писать, а лѣчиться. Дѣйствительно, онъ скоро утопился „въ припадкѣ безумія“, но разсказъ его остался, а въ разсказѣ этомъ „заключается такая правда, которая, разъ только коснувшись души, уже никогда не можетъ забыться“. Это говоритъ скромный авторъ о собственномъ произведеніи. Съ своей стороны, мы скажемъ, что нашей души ровно ничего не коснулось въ разсказѣ князя Индостанскаго. Что касается Трухачевскаго, то пишетъ онъ, пожалуй, даже аляповатѣе князя Индостанскаго. „Неважное событіе, которое доказало мнѣ только, что можетъ существовать около меня преимущество человѣка до такой степени мнѣ несимпатичнаго“. „Въ Россіи вообще существуетъ скверная обыкновенность составлять о человѣкѣ мнѣніе...“ и пр. „Подъ рѣсницами чужлоя тотъ взглядъ, который метнувшись обжигаетъ душу“. Такія стилистическія вляксы составляютъ скверную обыкновенность въ запискахъ Трухачевскаго. Трухачевскій, какъ помнить, конечно, читатель, это музыкантъ „Крейцеровой сонаты“ Толстого, и въ „Запискахъ“ онъ говоритъ какъ бы отъ своего лица. Мы, разумѣется, не будемъ слѣдить за тѣмъ, какъ онъ оправдываетъ себя, и обвиняетъ Позднышева, потому что совѣмъ не въ томъ дѣло и не затѣмъ повѣсть написана. Дѣло въ томъ, что наши редакторы ужасные моветоны—вотъ гдѣ песь зарыть. „Я написалъ, рассказываетъ авторъ, заgrimированный Трухачевскимъ, правдивую повѣсть изъ своей жизни, но ни одна редакція не приняла. Мало того: большинство редакцій безмолвно приобрѣли въ свою собственность тѣ почтовые марки, которыя я послалъ имъ въ наивной надеждѣ получить отвѣтъ“. Легко ли это перенести? Нравственная обида и матерьяльный ущербъ, нанесенные автору редакціями, вопіютъ къ небу о мщеніи.

Дѣла и люди вѣка. Отрывки изъ старой записной книжки, статьи и замѣтки. П. В. Мартянова. Томъ третій. Спб. 1896.

Г. Мартяновъ называетъ себя „поэтомъ-солдатомъ“. Мы ничего противъ этого названія не имѣемъ, но солдаты бываютъ разные и мы хотѣли бы спросить, какой именно поэтъ-солдатъ г. Мартяновъ? Мы думаемъ, что это поэтъ-вѣстовой или поэтъ-разсѣльный или, наконецъ, — самое вѣроятное — поэтъ-деньщикъ. „Дѣла и люди вѣка“ изображаются г. Мартяновымъ съ точки зрѣнія, вполне приличествующей деньщику, а что касается поэзіи, то вотъ вамъ для образца подпись къ картинѣ художника Вахтера „Портретъ г-жи Зеленой“:

Портретъ madame Зеленой
Портретъ вполне зеленый.

Или вотъ другая сатирическая подпись къ картинѣ художника Сахарова „Болото“:

Хорошо „Болото“,
Но въ немъ нѣтъ чего-то...

Хорошо, г. Мартьяновъ! Спасибо, г. Мартьяновъ!

А. А. Навроцкій (Н. А. Вроцкій). Сказанія минувшаго. Русскія быльи и преданія въ стихахъ. СПБ. 1897.

Въ то время какъ наши молодые поэты ищутъ „новыхъ путей“ въ искусствѣ, т. е. проще говоря, изнуряются въ погонѣ за сюжетами и темами, г. Навроцкій избралъ себѣ благую часть: не заботясь о новизнѣ, онъ почерпаетъ свои темы изъ нашей старины и въ убыткѣ, разумѣется, не остается. Наше историческое прошлое, если не особенно богато, то и не вовсе бѣдно яркими личностями и драматическими положеніями, которыя навсегда сохраняютъ интересъ для настоящаго поэта и настоящаго философа. Г. Навроцкій питаетъ къ нашей старинѣ и ея героямъ и героинямъ искреннюю любовь, но бѣда въ томъ, что онъ не настоящій поэтъ и даже вовсе не поэтъ. Вы близки мнѣ всѣ, говоритъ г. Навроцкій въ стихотворномъ предисловіи къ своей книгѣ:

Вы близки мнѣ всѣ; вѣдь въ пылу вдохновенія
Я съ вами страдаю, и люблю, и скорбѣю,
Склоняясь предъ вашимъ величьемъ смиренія,
Рыдая надъ грудой замученныхъ тѣлъ.

Это сказано не только прозаично, но и невѣрно: Иванъ Грозный, Ермакъ, Разинъ, Петръ, царевна Софья, патриархъ Никонъ и т. п.—хороши, нечего сказать, представители смиренія!.. Стараясь согласоваться съ исторической истиной, г. Навроцкій поневолѣ долженъ вкладывать въ уста своихъ героевъ такія рѣчи, въ которыхъ очень мало того елеса, который былъ такъ любъ нашимъ славянофиламъ, блаженной памяти. Расправляясь со стрѣльцами (тоже очень смиренный народъ), Петръ распорядился повѣсить трехъ изъ нихъ передъ самымъ окномъ кельи Софьи и смиренная инокиня вотъ какъ мысленно бесѣдуетъ съ своимъ братомъ:

Ты не посмѣлъ
Меня казнить, какъ русскую царевну,
Но выдумалъ иное. Ты хотѣлъ
Меня замучить страхомъ тѣхъ видѣній,
Который мнилъ ты вызвать и развить
Въ моей душѣ какъ плодъ воображенія,
Ночей безсонныхъ, праздности, тоски,
Безсильной ярости...
Напрасенъ трудъ! Меня не истомитъ
Подобной шуткой дьявольской; довольно
Я видѣла ихъ на своемъ вѣку.

Этот отрывок кстати может служить образчиком умѣнья или, точнѣе, неумѣнья г. Навроцкаго владѣть языкомъ: вызвать и *развить* въ душѣ страхъ видѣній какъ *модь воображенья*—это языкъ современныхъ газетныхъ фельетонистовъ, а не царевны Софьи. Но далеко не всегда остается г. Навроцкій вѣренъ и исторической и психологической правдѣ. Не выше по достоинству и неумѣренный историческій оптимизмъ автора. Этотъ оптимизмъ, переносимъ на будущее, перерождается у г. Навроцкаго въ нѣкоторую мечтательную благожелательность съ значительной примѣсью маниловщины. Достаточно прочесть заключительную пѣсу книгу „Картина грядущаго“, чтобы убѣдиться въ этомъ.

И. А. Бойчевскій. Юмористическая „Энеида“. Поэма въ стихахъ. СПб. 1896.

„Уныніе въ душѣ моей усталой“, сказали мы некрасовскимъ стихомъ, просмотрѣвъ новую поэму. Этимъ мы резюмировали для себя общее впечатлѣніе отъ „юмора“ г. Бойчевскаго. Вотъ каковъ этотъ юморъ:

Лады троянскихъ бѣглецовъ
Едва завидя съ вышки,
Она: „Вотъ я васъ поддецовъ,
Ни дна вамъ, ни покрывши!
Въ Италію? Ну, нѣтъ! Я вамъ
Такого феферу задамъ,
Что небу станетъ жутко“!

Такъ говоритъ супруга Зевса, богиня Юнона. А вотъ какъ богъ морей Посейдонъ усмиряетъ разбушевавшіяся волны:

Цыцъ! лоботрясы, свистуны!
Вишь, буйствуютъ не въ пору!
За нарушеніе тишины
Задамъ вамъ передеру!

Это знаменитое Quos ego! въ юмористическомъ переложеніи г. Бойчевскаго. А вотъ, наконецъ, какъ повѣствуетъ самъ герой поэмы Эней:

То видя, мщенемъ воспылавъ,
Я бронь и шлемъ стальные
Надѣлъ, за дверь бѣгу стремлавъ...
Глядь, позабылъ штаны я...
Но на войнѣ, какъ на войнѣ,
Не до штановъ тутъ было мнѣ,
Въ штанахъ ли духъ геройства?!

Г. Бойчевскій! Неужели вамъ весело было писать свою „юмористическую“ поэму?

Библиографическій указатель переводной беллетристики. въ связи съ исторіей литературы и критикой. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. Спб. 1897.

До какой степени настоятельна потребность въ такомъ указателѣ, можно видѣть, заглянувъ въ наши библиотечные, студенческие и провинціальныя каталоги. Въ очень многихъ случаяхъ въ нихъ не только перечислены книги, имѣющіяся въ библиотекѣ, но также указаны произведенія, появившіяся въ периодическихъ изданіяхъ, со ссылкой на соответственные нумера и годы послѣднихъ. Знакомый съ труднымъ и кропотливымъ дѣломъ составленія такого каталога пойметъ, какъ много потрачено здѣсь напраснаго труда, — напраснаго вслѣдствіе его разрозненности; каждая библиотека вынуждена продѣлать заново эту кропотливую работу только потому, что у насъ нѣтъ полнога систематическаго указателя къ нашимъ периодическимъ изданіямъ общаго характера. Разные каталоги систематическаго чтенія, начиная съ известной и, кажется, первой попытки въ этомъ родѣ Распапова, полнотой далеко не отличались, отчасти вслѣдствіе ихъ цѣли и направленія, отчасти же потому, что составлялись въ провинціи по матеріаламъ болѣе или менѣе случайнымъ. Прежде чѣмъ выбирать, что пригодно для читателя, ищущаго самообразованія, необходимо составить инвентарь, опредѣлить, что у насъ есть, чего нѣтъ и что надо пополнить.

Очевидно, попытка составителя лежащаго передъ нами „Указателя“ — „забраться въ наличности переводной беллетристики, существующей на русскомъ языкѣ“ — заслуживаетъ всяческаго одобренія. Составитель взялъ на себя кропотливый трудъ выбрать изъ существующихъ библиографическихъ пособій „произведенія тѣхъ авторовъ, которые играли известную роль въ исторіи человѣческой мысли съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ. Никакого иного критерія къ избираемымъ авторамъ, кромѣ критерія историческаго, составитель не предъявлялъ“. Планъ „Указателя“ слѣдующій: онъ состоитъ изъ девяти отдѣловъ, каждый изъ которыхъ посвященъ изящной литературѣ того или другого народа или известныхъ группъ народовъ. Передъ каждымъ отдѣломъ указаны главнѣйшія сочиненія, посвященные болѣе или менѣе общимъ обзорамъ литературы данной страны. Краткій свисокъ ихъ, напечатанный болѣе крупнымъ шрифтомъ, представляетъ какъ бы историческое введеніе. Затѣмъ идутъ списки самыхъ произведеній той или иной литературы, какія есть въ различныхъ изданіяхъ на русскомъ языкѣ. При нѣкоторыхъ авторахъ и произведеніяхъ указаны также относящіяся къ нимъ статьи критическія и біографическія. Кромѣ того, обширное „Приложеніе“ занято тѣми произведеніями по

исторіи иностранной литературы, публицистикѣ и критикѣ, которыя почему либо не нашли себѣ мѣста въ предыдущихъ отдѣлахъ.

Книга такого содержанія могла бы быть по истинѣ благодѣяніемъ не только для жаждущихъ просвѣщенія читателей, но и для всякаго, кто хотѣлъ бы заняться детально какимъ нибудь вопросомъ или моментомъ въ исторіи литературы. Жаль поэтому, что „Указатель“, при всей пѣнности собранныхъ въ немъ матеріаловъ, составленъ съ такими упущеніями, какія непростительны даже для перваго опыта.

Прежде всего онъ чрезвычайно неполонъ. Произведенія, не вошедшія въ него, насчитываются сотнями; многія періодическія изданія не исчерпаны, а нѣкоторыя даже ни разу не упомянуты, хотя специально посвящены были переводной беллетристикѣ. Перечислить ихъ нѣтъ возможности. Укажемъ для примѣра серію „Библиотекъ“, не упомянутыхъ въ „Указателѣ“: „Библиотека романовъ, повѣстей и т. д.“ Улитина (Москва 1839—43. 24 тома) и Глазунова (Москва 1836—39. 18 т.), „Библиотека романовъ“ Ротгана (1835 г. 24 тома, гдѣ были произведенія Ж. Жанена, Бальзака и др.), „Библиотека повѣстей и анекдотовъ“ М. Т. Каченовскаго (М. 1816—17. 5 томовъ), „Библиотека литературно-художественныхъ статей“ Кукольника (5 книгъ), „Библиотека историческихъ и уголовныхъ романовъ“ Воронова (36 т.), „Библиотека избранныхъ романовъ“ Лермонтова и Комп. (1861—62. 56 книгъ), „Библиотека для чтенія“ Сахаровой (1874—1886, до 150 книгъ), „Библиотека для дачъ“ Смирдина (1853—1858, 36 томовъ) и т. д. Очевидно, „Указатель“ очень далекъ отъ того, чтобы „привести въ извѣстность наличный составъ литературы“. Въ предисловіи есть какъ бы намекъ на то, что въ „Указатель“ книга вносились съ нѣкоторымъ выборомъ, что если въ него „вошла далеко не вся беллетристика, существующая въ переводахъ на русскомъ языкѣ“, то „вошло почти все лучшее“. Между тѣмъ въ немъ пропущенъ, напр., „Тресседи“ Гемфри Уорда, романъ, который печатался съ начала прошлаго года въ двухъ журналахъ; это изъ новыхъ вещей. Изъ старыхъ извѣстныхъ романовъ нѣтъ „Эммы“ Швейпера. Гейнцъ Товоте даже не упомянутъ. За то Понсонъ-дю-Террайль, Шаветтъ и Габорио парадируютъ во всемъ блескѣ. Мы не противъ ихъ внесенія въ Указатель, но думаемъ, что важнѣе было бы отмѣтить, что „Манонъ Леско“ Прево, „Орасъ“ Жоржъ Зандъ и „Госпожа Бовари“ вышли также въ изданіи „Новой Библиотеки“ Суворина. Для первыхъ двухъ романовъ это единственныя отдѣльныя изданія, а для третьяго—самое дешевое.

Систематичностью „Указатель“ тоже не блещетъ. Въ

„Приложеніи“ свалена масса самыхъ разнообразныхъ статей и книгъ безъ попытки разобраться въ нихъ; пропусковъ и здѣсь множество. Списка сокращеній въ книгѣ не имѣется. Поставьте себя въ положеніе того читателя, котораго имѣлъ въ виду „Указатель“ и которому преподносятъ тамъ такія „указанія“: „Кр. ст. Н. М. О. З. 77 г. 8“. Много-ли онъ пойметъ въ этой шифрованной надписи? Какъ онъ узнаетъ, какое изданіе скрывается подъ буквами О., Н., С., и какое обозначено буквой В. — „Время“, „Вѣсть“, „Восходъ“ или „Вѣкъ“? Названія переданы съ удивительной халатностью. Изданія, вошедшія въ „Собраніе сочиненій избранныхъ иностранныхъ писателей“ *ни разу* не обозначены какъ слѣдуетъ: они называются то „изд. бр. Пантелѣевыхъ“, то „изд. В. И. Л.“, хотя на каждой книжкѣ этого изданія напечатано: издатель Г. Ѳ. Пантелеевъ. „Деревенскіе рассказы“ Ауэрбаха (изд. Ледерле) названы „Шварцвальдскими рассказами“; это, правда, было бы вѣрнѣе, но библиографическій указатель такими „исправленіями“ только путаетъ того, кто ищетъ въ немъ справки. На стр. 23 указана несуществующая статья „Вольтеръ, какъ писатель и какъ человѣкъ“ (вмѣсто „Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель“). Молодому автору статей объ искусствѣ и книги о русской литературѣ, князю С. М. Волконскому, приписана статья о *Божественной комедіи* Данта, напечатанная въ „Современникѣ“ въ 1837 году. Въ отдѣлѣ исторіи итальянской литературы книга Пинто „Исторія національной литературы“ не названа совѣмъ; лишь въ обзорѣ литературы о Данте она является подъ заглавіемъ „Историческіе очерки итальянской литературы“. Кстати о Данте. Не указаны ни такіе переводы *Божественной комедіи* и ея частей, какъ Заруднаго, Минаева, Петрова, Норова, ни переводъ и пересказъ *Vita Nuova* въ книгѣ „Триумфы женщины“, ни статьи Шевырева и Буслаева. Часть этихъ свѣдѣній составитель могъ почерпнуть въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Ефрона, на который ссылается часто — слишкомъ часто, и даже напрасно, потому что всякій знаетъ, что въ Энциклопедическомъ словарѣ должна быть статья о выдающемся писателѣ: на статьи энциклопедическихъ словарей принято ссылаться въ библиографическихъ указателяхъ лишь тогда, когда статьи эти являются первоисточникомъ или подписаны извѣстнымъ именемъ. Въ отдѣлѣ „Главныхъ сочиненій по исторіи языка и письменности“ составитель не указалъ ни одного русскаго оригинальнаго сочиненія по исторіи языка, тогда какъ книга, напр. Крушевскаго, конечно, пригоднѣе для знакомства съ исторіей языка, чѣмъ всѣ сочиненія, указанныя въ этомъ отдѣлѣ. Правда, въ немъ есть примѣчаніе: „подробности см. въ этой книгѣ въ отдѣлахъ

языковеденія и теоріи словесности". Но напрасно искали мы этихъ отдѣловъ въ этой книгѣ: ихъ не оказалось, какъ не оказалось и мненихъ другихъ, отдѣловъ, на которые также ссылается составитель: „см. отдѣлъ философіи“, „см. отдѣлъ этики“, „отдѣлъ права“, „дѣтской литературы“ и т. д.—ничего этого нѣтъ, и неизвѣстно, откуда произошли эти ссылки. Нумерація въ указателѣ тоже, очевидно, создана для того, чтобы сбивать читателя съ толку. Нумера идуть (стр. 96) въ такомъ порядкѣ, 5590. II; 3709. III; 6646. III; 1470. VII; 2895. III; нѣсколько книгъ безъ номера, затѣмъ опять: 3477. III. Уловить какую нибудь систему въ этихъ энigmatическихъ арабскихъ и римскихъ цифрахъ, разбѣданныхъ въ столь прихотливомъ порядкѣ, намъ не удалось, составитель же не соблаговольлъ дать ключъ къ нимъ. Вообще чужакъ этотъ составитель: Ла-Рашфуко сомѣлъ пропустить, а „Ибсины западныхъ славянъ“, сочиненныя Просперомъ Мериме, такъ и отнесъ къ славянскимъ литературамъ!

Напомнимъ въ заключеніи, что матеріалы, собранныя въ „Указателѣ“, считаеми очень цѣнными; недостатки его — неполнота и беспорядокъ — будутъ, конечно, устранены въ слѣдующемъ изданіи, которое, какъ мы увѣрены, потребуетъ очень скоро.

Эли. Венгерова. Литературныя характеристика. Спб. 1897.

Г-жа Венгерова внимательно слѣдитъ за новыми направленіями въ европейской литературѣ и искусствѣ и старается внушить русской публикѣ интересъ къ нѣкоторымъ явленіямъ западнаго искусства, въ которыхъ она видитъ зачатки грядущей стадіи его развитія. Эта удастся автору далеко не всегда, онъ не умѣетъ сблизить читателя съ художникомъ, и самъ склоненъ увлекаться не то, чтобы неискренно, но холодно, головой. Художественные элементы крайне слабы въ его дарованіи, и въ этихъ „характеристикахъ“ интересныхъ людей мы не нашли ни одной живой индивидуальности. По содержанию книга г-жи Венгеровой совпадаетъ во многомъ съ извѣстнымъ критическимъ памфлетомъ Нордау; но насколько жизненны и ярки фигуры въ несправедливыхъ и ядовитыхъ очеркахъ „Выврожденія“, настолько онѣ вялы и сѣры въ панегрикахъ г-жи Венгеровой. Принципъ, съ точки зрѣнія котораго Нордау обобщалъ явленія новаго европейскаго искусства, былъ, конечно, выбранъ неправильно, и проведеніе его повело за собою цѣлый рядъ нелѣпыхъ сужденій. Но у автора „Характеристикъ“ нѣтъ никакого обобщающаго начала, нѣтъ, по крайней мѣрѣ, попытки выяснитъ его—и обѣщаніе автора „показать общую идейную основу въ творчествѣ современныхъ

поэтовъ и художниковъ разныхъ европейскихъ странъ" остается невыполненнымъ. Что скрывается за этими пресловутыми „*Schlagerwörter*": „идеалистическое искусство“, „новая красота“? Вкладываетъ ли авторъ, смѣло бросающій ихъ, какое-нибудь определенное содержаніе въ эти податливыя формулы? Этого не видно. Видно, наоборотъ, стремленіе, „вбичать льва съ лилей“, пойти на встрѣчу противоположнымъ и не электикою согласнымъ требованіямъ, которыя предъявляются къ искусству разнообразными направленіями общественной и политической жизни. Авторъ—въ сущности, въ разрывъ съ своими исходными точками зрѣнія—съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что новое европейское искусство создало положительные идеалы, оказало вліяніе на общественную жизнь, связало съ экономическими и нравственными движеніями и т. д. Это не покренно. Если-бы эта сторона „новой красоты“ была дорога автору, то, быть можетъ, мѣсто такого престоавителя „этического отношенія къ жизни“, какъ Уайльдъ, было отъаво, ну, хотя-бы Генфри Уорду, который не такъ пофен, но ближе къ жгучимъ практическимъ вопросамъ нашего времени и, главное, сознательно ближе. Авторъ указываетъ на то, что „въ Англии развитіе утонченнаго искусства и отвлеченной новин прерафаэлитовъ идетъ рука объ руку съ освободительнымъ движеніемъ рабочаго класса и однимъ изъ самыхъ выдающихся поэтовъ является Вильямъ Моррисъ, герой народныхъ митинговъ и рабочихъ движеній“. Но въ чемъ прикируются эти направленія, гдѣ синтезъ этики и эстетики, авторъ и не пытается рѣшить. А въ сущности, вѣдь, дѣло не въ томъ, что Моррисъ вбичивается въ рабочее движеніе, а почему онъ это дѣлаетъ. Ставить въ заслугу новому искусству егоэтический характеръ нибѣтъ право лишь тотъ, кто покажетъ ихъ необходимую связь.

Этические моменты не чужды новому искусству, но они входятъ въ него не въ грубой формѣ случайныхъ совпадешій, на что есть разрозненные намски и въ книгѣ г-жи Бенгеровой. Но она неустойчива въ воззрѣніяхъ и вѣдго смѣлой партійной защиты индивидуалистическаго искусства, съ которой могли-сы считаться его противники, дала электические очерки, которымъ едва-ли суждено возбудить въ русской публикѣ интересъ къ новому европейскому искусству.

И. Вурдъ. Реформація XVI вѣка въ ея отношеніи къ новому знанію и мысленію. Переводъ Е. А. Звягинцева подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. И. Карѣва (культурно-историческая библиотека О. Н. Поповой) СПБ. 1897.

По изслѣдованію великаго культурнаго движенія начала но-

вой европейской исторіи въ нашей переводной литературѣ имѣется одна только книга Людвигъ Гейссера—трудъ съ установившейся извѣстностью, но не лишенный нѣкоторыхъ пробѣловъ и, какъ извѣстно, болѣе богатый фактическими данными, чѣмъ руководящими идеями. „Исторія реформаціи въ Германіи“ Ветцольда (изъ собранія Онкена), переводъ которой, какъ было объявлено, готовится теперь къ печати, не замѣнить, вѣрно, книги Гейссера. Поэтому нельзя не привѣтствовать переводъ сочиненія Барда, написаннаго съ той строгостью и самостоятельностью, которая такъ гармонично соединяется въ трудахъ англійскихъ ученыхъ съ широкимъ, обобщающимъ характеромъ изложенія.

Религіозная реформація XVI вѣка не представляется Барду обособленнымъ моментомъ; въ основѣ своей она даже не кажется ему „движеніемъ теологическимъ, религіознымъ или церковнымъ“. Онъ видитъ въ ней лишь часть того могучаго возрожденія человѣческаго духа, которое дало намъ новую науку. „Она была одной стороной общей реакціей противъ церковнаго и аскетическаго духа среднихъ вѣковъ во имя эллинской мысли: была возвращеніемъ къ природѣ, не возставая, однако, противъ Бога, обращеніемъ къ разуму, давшему мѣсто и для простой покорности библии и Христу“. Сообразно съ этимъ авторъ начинаетъ съ разсмотрѣнія тѣхъ попытокъ реформы, которыя предшествовали реформаціи. Онъ различаетъ въ нихъ три класса. Реформы католическія выражались въ сектахъ начала XII вѣка, въ возникновеніи нищенствующихъ орденовъ и въ соборахъ; но эти попытки преобразовать церковные порядки разбивались о твердыню традиціи и чуждыхъ религіи интересовъ правителей и духовенства. Второй классъ—реформы мистическія; являясь дѣломъ въ высокой степени личнымъ, индивидуальнымъ, ставя отдѣльную душу въ тѣсныя, непосредственныя отношенія съ Богомъ безъ посредства священника или таинства, мистицизмъ сходится съ субъективнымъ принципомъ протестантизма и францисканскіе „fraticelli“, терціаріи и нѣмецкіе бергарды подходили иногда близко къ началамъ, возвѣщеннымъ реформаціей. Наконецъ, третья категория реформаторовъ до реформаціи—вальденсы, Виклефъ, Гуссъ—и по методу, и по выводамъ такъ сильно напоминаютъ Лютера и Цвингли, что нужно удивляться, почему они не имѣли такого-же успѣха, какой выпалъ на долю послѣднихъ. Слѣдующія лекціи трактуютъ о возрожденіи наукъ въ Германіи и Италіи, о внѣшнихъ проявленіяхъ реформаціи, о ея принципахъ, о ея отношеніи къ разуму и свободѣ. Въ послѣдней лекціи превосходно охарактеризована сущность того момента въ исторіи мысли, который опредѣляется началомъ господства научнаго метода.

„Люди увидѣли, что глупо строить широкія предположенія и потомъ стараться насильно подгонять къ нимъ факты... Науки одна за другой отказывались отъ принципа авторитета и до-вѣряли только тому, что можно было обосновать. И свобода мысли, рѣчи и жизни была практическимъ послѣдствіемъ научнаго метода. Ничего не можетъ быть нелогичнѣе, какъ предоставить все свободному изслѣдованію, а его результа-тамъ угрожать наказаніемъ“. Въ этихъ идеяхъ коренится глубокое различіе между поверхностно сходными раціонали-стомъ Эразмомъ, безстрашно занимавшимся критикой текста, и Лютеромъ, заявлявшимъ, что „разумъ есть первая изъ дя-вольскихъ блудницъ“. Терзаемый внутренними противорѣ-чіями, Лютеръ былъ обличителемъ разума, авторитетъ кото-раго чувствовалъ въ себѣ. То-же было съ вопросомъ о ре-лигіозной свободѣ. Давъ въ своихъ сочиненіяхъ почти за-конченную теорію религіозной свободы, онъ не рассчиталъ, что протестантизмъ не ограничится его формой протеста, что среди интеллектуальной бури, вызванной реформаціей, будутъ высказываться убѣжденія, довольно далекія отъ ортодоксаль-наго протестантизма; извѣстны его отношенія къ анабапти-стамъ,—а онъ еще былъ мягче другихъ. Кальвинъ не сомнѣ-вался въ своемъ правѣ карать „несогласно мыслящихъ“ са-мыми крутыми мѣрами, а „мягкій“ Меланхтонъ, нисколько не колеблясь, выразилъ свое полное сочувствіе Кальвину, когда тотъ захватилъ и казнилъ Сервета. Въ дальнѣйшемъ развитіи свѣтлыя воззрѣнія Лютера заглохли и скоро „новая и ожесточенная теологическая ненависть замѣнила старую“. Каковы были тѣ новыя религіозныя ученія, противъ которыхъ направилась новая *odium theologicum*, излагаетъ слѣдующая лекція; отдѣльныя главы посвящены исторіи реформаціи въ Швейцаріи и Англіи и развитію протестантской схоластики. Этимъ кончается специальное изслѣдованіе вопроса въ его теологическихъ моментахъ. Послѣднія три лекціи носятъ ши-рокій характеръ истинно культурной исторіи. Глава о разви-тіи критическаго духа въ Европѣ чрезвычайно интересна. Про-цессъ развитія „высшей критики“ конечно, не представляется автору законченнымъ. Къ сожалѣнію, конецъ этой лекціи, представляющей изъ себя довольно детальное изложеніе ре-зультатовъ библейской критики 19 вѣка, пришлось выпускать, равно какъ и начало слѣдующей, посвященной развитію фи-лософскаго метода и научнаго изслѣдованія. Для Лютера еще не существовало понятіе естественнаго закона; Меланхтонъ твердо вѣрилъ въ астрологию. Но уже въ 1543 г., за три года до смерти Лютера, Коперникъ опубликовалъ свою книгу, и астрономія, старѣйшая изъ естественныхъ наукъ и первый боецъ на рубежѣ между вѣрой и знаніемъ, приняла, хотя и

не выкинуть ее, тот же вид, который она сохранила и до сего дня. Выдержав натиск оппозиции, астронемия уступила свой постъ геологии, которую смѣнила теорія разниці; „Присхождение видовъ“, эти ньютоновскія „Начала“ нашего столѣтя, были изданы лишь въ 1859 году. Эти факты наводятъ автора на мысль, „не слѣдуетъ ли старую вѣру примирить съ еевою дѣйствительностью путемъ устранения вѣковыхъ изъ нея составныхъ частей, какъ обусловленныхъ временемъ и мѣстомъ“.

Но мы не послѣдуемъ за авторомъ въ его богословскихъ оображеніяхъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ историческому изслѣдованію, да еще скомканные въ русскомъ переводѣ. Намъ привлекаютъ въ книгѣ Берда не эти идеи, а превосходно задуманное и выполненное наученіе одного изъ наиболѣе интересныхъ историческихъ моментовъ. Не сомнѣваемся, что эта сторона, почти исчерпывающая содержаніе монографіи Берда, служить залогомъ для лирика и прочнаго успѣха.

Гастонъ Могра. Послѣдніе дни одного общества. Герцогъ Ловенъ и внутренняя жизнь двора Людовика XV и Маріи Антуанетты. Пер. съ французскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Сиб. 1897.

Авторъ этой книги не имѣлъ обличительныхъ цѣлей; онъ очень симпатиченъ къ порокамъ общества, послѣдніе дни котораго рисуетъ; покааная сторона жизни французскаго двора прошлаго вѣка привлекаетъ его симпатіи настолько, что отталкивающая подкладка этой блестящей вышности почти всегда находитъ у автора оправданіе въ широкомъ, — слишкомъ широкомъ — взглядѣ на вещи, который онъ самъ, вѣроятно, считаетъ историческимъ. Но онъ хороший и правдивый романистъ, и то, кто должно выступить на первый планъ, выступаетъ, если не въ его книгѣ, то въ мысли читателей, такъ какъ факты, сообщаемые авторомъ, достаточно характерны и говорятъ сами за себя, не боясь никакого освѣщенія. Напрасно поэтому авторъ настаиваетъ на томъ, что „другія эпохи, быть можетъ, дали болѣе гениальныхъ людей, но ни въ какое другое время не замѣчалось болѣе совершенной культуры во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго ума и болѣе рѣдкой утонченности“. Не эта игрушечная „культура ума“, безраздѣльно уходившая въ этомъ „хорошемъ обществѣ“ на салонныя эпитаграммы и будуарныя мадригалы, а не „утонченность“, сводившаяся къ соблюденію аппаратовъ хорошаго тона во что бы то ни стало, оставляютъ рѣшающее впечатлѣніе при знакомствѣ съ внутренней жизнью этого общества, а какое то недоумѣніе, — почему этотъ разложившійся и лживый міръ держался такъ

долге. Будь книга Могра настоящим историческим исследованием, она, быть может, разъяснила бы эти события, но это полу-романъ, дающий определенную картину быта без всяких комментариевъ.

А картина эта бываетъ иногда очень любопытна. Вотъ, напримеръ, высокоречное католическое общество, изъ котораго выходятъ пренебреженные защитники алтаря, идетъ въ церковь. „Ничто не могло помѣшать обитателямъ замка идти въ воскресенье къ обѣднѣ... Но не удивляйтесь, если порою мелькаетъ улыбка на устахъ молящихся; каждый держитъ въ рукахъ молитвенникъ и, повидимому, погруженъ въ душевнспасительное чтеніе; но если на коренкѣ значится часословъ, то внутри заключается сборникъ скандальныхъ и скабрзненнхъ разсказовъ. Никто этого не скрываетъ, и всѣ эти книжки остаются въ церкви до слѣдующаго воскресенья въ расторженн слугъ и полоторовъ, которымъ предоставляется развлекаться на доутѣ назидательнымъ чтеніемъ“. Двойная мораль во всемъ и всегда. Архиепископъ Дельонъ, несмотря на воспрещеніе Триентскаго собора, горячій любитель охоты; за то къ священникамъ своей епархіи онъ строже, чѣмъ къ себѣ, и преслѣдуетъ ихъ за охоту. „Но, вѣдь, ваши кюре также любятъ охоту, какъ и вы;—замѣчаетъ ему Людовикъ XVI,—почему же вы позволяете это себѣ и запрещаете имъ?“—„По очень простой причинѣ, ваше величество: мои пороки происходятъ отъ моей фамиліи, а пороки вашихъ кюре принадлежатъ имъ самимъ“.

На ряду съ крайнимъ недобострастіемъ двора — безграничная рабская ненависть противъ властелина, осмѣливагося дѣлать по своему. Любопытно видѣть, что вси тризъ, вылитыи въслѣдствіи революціонныхъ Парижемъ на несчастную Марію Антуанетту, выплыли изъ двора. Народъ не первый попалъ на королеву, онъ не былъ авторомъ гнусныхъ насквильей, которыя распространялись настолько дѣлательно, что посылались даже въ Петербургъ. „Онъ имѣлъ право вѣрить ихъ подлинности, такъ какъ они исходили отъ самого двора“.

О самомъ героѣ книги Могра сказать нечего; онъ интересенъ лишь какъ типичный представитель своего распушеннаго времени, и его біографія—только рамка для интересной, хотя и нѣсколько растянутой, исторической картины. Книгу Могра можно рекомендовать тому обширному классу читателей, который еще смущается за исторической монографіей и увлекается романомъ: она имѣетъ достоинства послѣдняго и не имѣетъ его недостатковъ.

Мозговая работа и перетоумленіе. Д. Блэка. Переводъ съ англійскаго. Изд. Ф. Павленкова. Ц. 30 коп. Спб. 1897.

Популярная брошюра Д. Блэка написана, въ общемъ, толково и общепонятно. Большинство сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній, конечно, уже извѣстны образованнымъ людямъ, хотя всегда небезполезно еще разъ ихъ услышать. Однако, въ разбираемой брошюрѣ можно найти не мало и такихъ свѣдѣній, которыя, быть можетъ, не извѣстны и людямъ, стоящимъ въ первыхъ рядахъ нашей интеллигенціи. Такъ, напр., люди, занятые умственнымъ трудомъ и ведущіе сидячей образъ жизни, избѣжали-бы многихъ болѣзней, если-бы помнили, что у насъ „обезпеченные люди ѣдятъ болѣе, чѣмъ это требуется ихъ организмомъ“ (стр. 17); что „при опредѣленіи діеты слѣдуетъ принять во вниманіе, что при сидячей жизни менѣе требуется животной пищи“ (стр. 18), вслѣдствіе чего „говядину и баранину должно ѣсть не болѣе одного раза въ сутки“ (стр. 18). То, что авторъ говоритъ о вредѣ куренія табаку и употребленія спиртныхъ напитковъ, конечно, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, всѣмъ извѣстно. Къ сожалѣнію, авторъ иногда здѣсь выражается не довольно опредѣленно. „Если, говоритъ онъ на стр. 18, спиртные напитки потребляются въ очень большомъ количествѣ, то алкоголь удаляется изъ организма черезъ почки и такъ раздражаетъ ткань этихъ органовъ, что въ результатѣ можетъ получиться брайтова болѣзнь, или хроническое воспаленіе почекъ“. Однако, это „очень большое количество“, о которомъ говоритъ авторъ, не такъ велико, какъ можетъ подумать иной читатель. Уже при прирѣмѣ втеченіе сутокъ 30 граммовъ алкоголя, этотъ алкоголь появляется въ мочѣ; а чтобы выпить 30 граммовъ алкоголя нужно потребить 75 граммовъ сорокаградусной водки. А такъ какъ 75 грамм. водки имѣютъ объемъ нѣсколько большій $\frac{1}{8}$ стакана и нѣсколько меньшій $\frac{1}{8}$ стакана, то, какъ читатель видитъ, для того, чтобы алкоголь появился въ мочѣ (а это указываетъ, что онъ прошелъ черезъ почки, раздражая ихъ ткань), нужно выпить не такое ужъ „очень большое количество водки“. Конечно, отъ появленія алкоголя въ мочѣ до брайтовой болѣзни еще далеко, но, во всякомъ случаѣ, это—начало.

Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Лекція, читанная въ Женевскомъ университетѣ въ апрѣлѣ 1894 г. и въ Сорбоннѣ въ мартѣ 1895 г. Аршаномъ Сабатье, деканомъ естественно-историческаго факультета, директоромъ историческаго института въ Монпелье, а также начальникомъ зоологической станціи въ Сеттѣ. Переводъ В. Обреимова. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Не смотря на обиліе громкихъ ученыхъ титуловъ автора,

мы дерзаемъ сказать, что книга его отличается большимъ легкомысліемъ, такимъ легкомысліемъ, которе по своимъ результатамъ ничѣмъ не отличается отъ чистаго невѣжества. Мы, конечно, далеки отъ дерзкой мысли заподозрить въ невѣжествѣ декана факультета, читающаго лекціи и въ парижской Сорбоннѣ и въ женевскомъ университетѣ. Но мы можемъ привести не мало мѣстъ изъ его книги, въ которыхъ дѣлаются утверженія до такой степени лишенныя основанія, что мы сочли-бы автора за человѣка невѣжественнаго, если-бы внимательное чтеніе его книги не привело насъ къ убѣжденію, что весьма часто ученость автора бываетъ безсильна совладать съ его легкомысленной риторикой. Вотъ, напр., одно изъ такихъ мѣстъ. Нужно замѣтить, что это очень важное мѣсто, ибо въ немъ авторъ, трактующій о безсмертіи съ точки зрѣнія *эволюціоннаго натурализма*, говоритъ о томъ, въ чемъ заключается этотъ эволюціонный натурализмъ. „Вліяніе среды, говоритъ онъ, усилія животнаго организма приноравливаются къ окружающимъ его условіямъ, однимъ словомъ, приспособленіе, которому великій Ламаркъ присвоилъ главную роль въ происхожденіи видовъ,—приспособленіе, говорю я, снова заняло во вниманіи натуралистовъ то мѣсто, которымъ едва-было не завладѣла безъ всякаго на то права дарвиновская теорія естественнаго подбора. Но приспособленіе организмовъ есть явленіе скорѣе изъ области внутренней жизни, чѣмъ рядъ дѣйствій наружныхъ, внѣшнихъ. Работа приспособленія есть работа интимная; организмъ прежде всего работаетъ надъ самимъ собою и не вноситъ борьбы въ среду другихъ. Онъ *примѣняется къ удобствамъ окружающаго существа* (?) (курсивъ нашъ) болѣе, чѣмъ самъ заставляетъ ихъ примѣняться къ своимъ собственнымъ. Онъ подчиняется и преобразовывается скорѣе самъ, чѣмъ старается поработить себѣ и истребить другихъ. Животное, родившееся въ тепломъ климатѣ, будучи перенесено въ суровый, покрывается длинною и густою шерстью... Приспособленіе предполагаетъ въ живомъ организмѣ свойства примѣняться къ обстоятельствамъ, приноравливаться къ извѣстной цѣли, въ чемъ нѣтъ ни безразличнаго и ни того, что предполагало бы непосредственное стремленіе къ борьбѣ съ себѣ подобными. Всѣ могутъ одинаково соперничать въ этихъ превращеніяхъ, и въ этомъ нельзя видѣть ничего, кромѣ естественнаго стремленія къ приобрѣтенію качествъ, благоприятныхъ для организма. Приспособленіе, какъ таковое, нельзя, слѣдовательно, считать плохимъ совѣтникомъ, и съ этой точки зрѣнія ученіе трансформистовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и наука заслуживаютъ оправданія“ (стр. 8—9). Оставляя безъ разсмотрѣнія всю риторикку автора, руководимаго благою цѣлью показать, что „и наука заслуживаетъ оправданія“, мы отмѣтимъ только факти-

ческія ошибки и извращенія, допущенныя авторомъ въ выше-приведенной цитатѣ. Во-первыхъ, утверждение, что теорія Ламарка снова заняла то мѣсто, которое едва было не лишила его теорія Дарвина, это утверждение двойнѣ невѣрно: невѣрно какъ потому, что теорія Ламарка и до Дарвина никогда не занимала виднаго мѣста въ ученіи натуралистовъ, такъ и потому, что подавляющее большинство натуралистовъ въ настоящее время принимаютъ ученіе Дарвина, а не Ламарка. Ученіе Ламарка, осмѣянное современниками и отвергнутое первыми авторитетами того времени, было почти забыто, и только послѣ того, когда ученіе Дарвина высоко подняло значеніе трансформизма, ученые, признавшіе трансформизмъ (а теперь всѣ признають его), но недовольные дарвиновскимъ ученіемъ, вспомнили о Ламаркѣ, такъ что, въ сущности, появленіе Дарвина не уменьшило, а увеличило число сторонниковъ ученія Ламарка. Если-бы авторъ захотѣлъ нарисовать вѣрную картину современнаго положенія вопроса о происхожденіи видовъ, то онъ долженъ былъ-бы сказать, что почти всѣ ученые придають большое значеніе естественному отбору, причемъ одни (какъ напр., Вейсманъ) считаютъ этотъ отборъ *единственнымъ* факторомъ органической эволюціи, а другіе признають еще и существованіе унаслѣдованія функционально прибрѣтенныхъ признаковъ (т. е., ученіе Ламарка).

Затѣмъ, примѣръ, приведенный нашимъ авторомъ, избравшимъ поразительно неудачно: имѣло развитіе шерсти у животныхъ, живущихъ въ холодномъ климатѣ, такимъ образомъ не можетъ быть объяснено унаслѣдованіемъ функционально прибрѣтенныхъ особенностей. Спенсеръ (защитившій ученіе Ламарка въ своей знаменитой полемикѣ съ Вейсманомъ, какъ и въ другіяхъ своихъ сочиненіяхъ) особенно выставляетъ на видъ уменьшеніе объема челюстей у цивилизованныхъ народовъ, вслѣдствіе уменьшенія ихъ работы. Это дѣйствительно удачно выбранный примѣръ, ибо несомнѣнно, что мы для пережевыванія нашей пищи употребляемъ гораздо менѣе усилий, чѣмъ это дѣлали отдаленные наши предки, незнакомые съ употребленіемъ огня. Съ другой стороны, объяснить уменьшеніе челюсти естественнымъ отборомъ нельзя потому, что экономія строительнаго матеріала здѣсь такъ ничтожна (и притомъ матеріалъ физиологически такой малоцѣнный), что она не могла повліять на исходъ борьбы за существованіе. Слѣдовательно, Спенсеръ, беря свой примѣръ, съ одной стороны опирался на общепризнанный фактъ увеличенія органовъ подѣ влияніемъ работы и уменьшенія ихъ подѣ влияніемъ бездѣйствія, а съ другой стороны указывалъ на невозможность всякаго иного объясненія отмѣченнаго имъ явленія. Совсѣмъ иначе поступаетъ нашъ авторъ. Нѣтъ ни одного физиологи-

чеснаго процесса, дозволяющаго предположить, чтобы кожа подъ вліяніемъ холода начала покрываться шерстью; съ другой стороны, въ холодномъ климатѣ шерсть такъ полсана, что всякое животное, родившееся съ болѣе богатымъ покровомъ, будетъ имѣть гораздо больше шансовъ уцѣлѣть во время зимы, чѣмъ его менѣе покрытые родичи. Слѣдовательно, естественный отборъ непремѣнно долженъ былъ благоволитствовать развитію шерсти въ холодномъ климатѣ.

Посмотримъ теперь, какъ понимаетъ авторъ самый вопросъ о безсмертіи.

У современныхъ біологовъ можно встрѣтить интересныя разсужденія о безсмертіи плазмы. Въ самомъ дѣлѣ, если новыя клѣточки возникаютъ изъ старыхъ путемъ дѣленія, то можно говорить о безсмертіи этихъ клѣточекъ, ибо старая клѣточка не умираетъ, какъ умираютъ многоклеточные организмы, а распадается на двѣ молодыя клѣточки. Ошибочны или вѣрны эти спекуляціи біологовъ, но онѣ, конечно не даютъ „физиологическаго основанія изученія загробной жизни“, какъ это думаетъ авторъ (стр. 42), ибо физиологія продолжается только до гроба.

Впрочемъ, физиологія автора такова, что она можетъ начинаться до рожденія и продолжаться послѣ смерти, ибо, по автору, „жизнь находится вездѣ; точно также, какъ и духъ, потому что онъ есть источникъ и организаторъ жизни“ (стр. 69). Нужно замѣтить, что это утвержденіе является не какъ результатъ изслѣдованій автора, т. е., не какъ выводъ изъ его книги, а какъ исходный пунктъ его разсужденій.

Но разъ вездѣсущность жизни и духа приняты, то къ чему-же еще разсуждать о безсмертіи? Смерти не можетъ быть тамъ, гдѣ есть жизнь и духъ, а такъ какъ жизнь и духъ всюду, то, слѣдовательно, смерти нѣтъ нигдѣ.

А между тѣмъ авторъ пишетъ дѣлующую книгу объ эволюціи безсмертія. Какого-же безсмертія? Можетъ быть, объ эволюціи безсмертія той своеобразной комбинаціи, которая является нашимъ я? Нѣтъ, авторъ убѣжденъ, что новѣйшія данныя науки „не позволяютъ болѣе говорить съ увѣренностью о единомъ и нераздѣльномъ я“ (стр. 47). За то, онъ говоритъ о возникновеніи какой-то загробной плазмы. „Если, говоритъ онъ на стр. 104, земной организмъ былъ произведеніемъ духа, то загробный тѣмъ болѣе могъ и долженъ быть таковымъ, лишь съ тою разницею, что въ условіяхъ, отличающихся другой степенью силы, и произведеніе духа разовьется до высшаго совершенства личности“. „Если темная и слабая психическая сила могла организовать грубую и немощную земную плазму, то можно предположить, что психическая сила, сдѣлавшаяся личностью, можетъ, въ свою очередь, организовать нѣчто

вродѣ заgrabной плазмы, тонкой и могучей, способной организовать аккумуляторъ высшей психической силы“. „Этотъ новый аккумуляторъ долженъ состоять также изъ чего-то, что мы называемъ матеріей, но матеріей болѣе свободной, болѣе легкой, отличающейся болѣе координированнымъ, болѣе гармоничнымъ строеніемъ“.

Какъ читатель видитъ, всѣ эти измѣненія имѣютъ очень мало общаго съ эволюціоннымъ натурализмомъ, съ точки зрѣнія котораго намъ авторъ обѣщаль рассмотреть вопросъ о безсмертіи.

А. В. Селивановъ. Что есть истина: Философскій очеркъ. Омскъ 1896 г.

(Я. Есиповичъ). Итогъ жизни. Популярное біологическій очеркъ. Спб. 1897.

Мы соединили обзоръ этихъ двухъ книгъ, потому что обѣ онѣ являются попытками двухъ диллетантовъ рѣшить чуть не всѣ основные вопросы. Книга г. Селиванова представляетъ собою небольшую брошюру въ 52 стр., напечатанную разгонистымъ шрифтомъ. Тутъ говорится и о существованіи Бога, и о дарвинизмѣ, и о мадоннахъ Рафаэля, и о многомъ другомъ. Не смотря на такое обиліе сюжетовъ и такой малый объемъ брошюры, авторъ удѣляетъ почти двѣ страницы разсказу (заимствованному изъ газеты „Новости“) объ одномъ убійствѣ, случившемся въ Петербургѣ въ 1896 году. Приемъ — характерный для диллетантовъ, которые сами составляютъ свои убѣжденія на основаніи двухъ-трехъ частныхъ случаевъ и потому охотно приводятъ въ подтвержденіе самыхъ отвлеченныхъ выводовъ какой-либо мелкій эпизодъ. Такъ и здѣсь, авторъ, рассказывая случай сознанія убійцы подъ вліяніемъ ласковаго обращенія, думаетъ, что этотъ случай даетъ важную опору его теоріи души. Заговоривши о теоріи души г. Селиванова, мы, чтобы дать понятіе читателямъ о писательской манерѣ автора, приведемъ одинъ отрывокъ изъ его брошюры. „Если, говоритъ онъ на стр. 19, существуетъ непримиримое противорѣчіе въ обычныхъ понятіяхъ о душѣ чело-вѣческой съ теоріей Дарвина о происхожденіи человѣка, то для меня такого противорѣчія нѣтъ. Изложенное мною понятіе о душѣ, какъ проявленіе въ человѣкѣ божественной сущности, нисколько не идетъ въ разрѣзъ съ ученіемъ Дарвина, которое касается лишь человѣка, какъ животнаго. Человѣкъ есть и былъ животнымъ, но прежде онъ былъ только животнымъ. Онъ сталъ человѣкомъ лишь съ того момента, когда въ немъ зародились тѣ стремленія, которыя указываютъ на

присутствіе въ немъ божественнаго начала. Отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что всякій человѣкъ имѣетъ душу“ и т. д.

Книга г. Есиповича (фамилія автора не выставлена на обложкѣ, но подписана подъ „посвященіемъ“) имѣетъ тотъ же характеръ. Впрочемъ, эта книга имѣетъ уже 264 страницы и обнаруживаетъ нѣсколько большую начитанность. Изъ „посвященія“ мы узнаемъ, что братъ нашего автора, окончивши въ 1855 году инженерное училище, сейчасъ-же поѣхалъ въ Севастополь, гдѣ скоро и былъ убитъ. Преждевременная смерть брата поразила автора, который тогда-же сталъ размышлять о сущности жизни и смерти. Ровно черезъ 40 лѣтъ („посвященіе“ подписано: „Севастополь 1895 г.“) авторъ счелъ свои размышленія законченными и рѣшилъ подѣлиться ими съ публикою.

Говоря безъ всякой ироніи, мы не можемъ не похвалить автора за то, что онъ втеченіе всей своей жизни размышлялъ надъ самыми важными вопросами бытія, что онъ въ свободное отъ служебныхъ занятій время читалъ серьезныя сочиненія русскихъ и иностранныхъ авторовъ, однимъ словомъ, за то, что проза жизни и служебная формалистика не заѣли его; но зачѣмъ только онъ *напечаталъ* результаты своихъ размышленій!

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80—1800 г.). Вып. I. Изданіе Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Спб. 1896.

Названный сборникъ, посвященный издателями памяти недавно умершаго проф. С. А. Бершадскаго, имѣетъ своею цѣлю—„представить въ хронологическомъ порядкѣ сводъ всѣхъ свѣдѣній по исторіи евреевъ въ Россіи, разсѣянныхъ въ многочисленныхъ и трудно доступныхъ изданіяхъ, гдѣ они теряются въ массѣ матеріаловъ общаго характера“. Въ виду значительнаго количества имѣющагося уже въ печати матеріала по исторіи евреевъ въ Россіи, составители сборника ограничили пока свою задачу лишь выборкой свѣдѣній изъ русскихъ изданій, оставивъ въ сторонѣ польскіе источники. Впрочемъ, древнѣйшія извѣстія заимствовались также и изъ иностранныхъ источниковъ, по преимуществу армянскихъ, византійскихъ и арабскихъ. Изъ русскихъ же изданій не вошли въ число матеріаловъ сборника лишь изданные въ свое время С. А. Бершадскимъ „Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ“, какъ „изданіе, специально посвященное исторіи евреевъ и по системѣ своей аналогичное съ настоящимъ“. Вышедшій первый выпускъ сборника дѣлится на двѣ части. Первую часть его составляютъ надгробныя надписи на моги-

ляны евреевъ, найденныя на югѣ: южнойной Россіи (на Азовскомъ побережьи, въ Крыму и на Кавказѣ) и охватывающія время съ 89 г. по Р. Х. до 1773 г.; вслѣдствіе этихъ надписей приводятся въ сборникѣ дѣловыя. Что же касается составляющихъ вторую ево часть актовъ, равно какъ извлеченій изъ лѣтописей и различныхъ сочиненій; то здѣсь по большей части передаются лишь существенное содержаніе заключающагося въ данномъ памятникѣ свидетельства съ соблюденіемъ возможной точности и полноты, и только въ болѣе важныхъ случаяхъ такіа свидетельства сообщаются цѣликомъ; эта часть сборника оканчивается 1540 годомъ. При окончаніи всего задуманнаго труда издателя общаюгь приложить къ нему именныя и географическія указатели. Составленный такимъ образомъ сборникъ дастъ не мало интереснаго и важнаго свѣдѣній о пребываніи евреевъ въ Арменіи и Грузіи, о кабарскомъ царствѣ, правители и часть населенія котораго исповѣдывали иудейскую религію, о торговлѣ евреевъ въ IX вѣкѣ, объ евреяхъ на Руси за время кievскаго періода, наконецъ объ еврейскомъ населеніи Западной Руси въ XIV—XVI вв., къ которому и отнесется собранный въ книгѣ собственно актовъ матеріалъ. Правда, послѣдній не отличается большимъ разнообразіемъ содержанія: главную часть его составляютъ судебныя рѣшенія по различнымъ гражданскимъ дѣламъ, преимущественно по взысканію долговъ какъ между евреями, такъ и между ними и христіанами. Внутренняя жизнь еврейскаго населенія западно-русскихъ земель освѣщается этимъ матеріаломъ лишь крайне скудно, но кое-какія свѣдѣнія объ иныхъ сторонахъ этой жизни все-же имѣются въ немъ. Укажемъ хотя-бы на бракоразводное дѣло, рѣшавшееся въ 1540 г. гродненскимъ старостой между еврейкой Дворкой и мужемъ ея Агрономъ (№ 309). Составителямъ сборника можно, пожалуй, поставить въ упрекъ чрезмѣрную тщательность, съ какою они подчасъ вносили въ свою книгу матеріалъ, котораго, безъ всякаго для нея ущерба, могло бы въ ней и не быть. Такъ, врядъ-ли была надобность вносить въ настоящій сборникъ угрозу лѣтописца псковичамъ, что если они забудутъ кн. Александра Ярославича, то приравняются евреямъ, забывшимъ Бога (№ 176). Подобными сравненіями, ничего не прибавляющими къ исторіи евреевъ, можно занять очень много мѣста. Точно также мы не думаемъ, чтобы въ „Регесты и надписи“ слѣдовало включать матеріалъ, относящійся къ ереси жидовствующихъ. Свѣдѣнія объ евреяхъ-участникахъ этой секты, конечно, должны были найти себѣ мѣсто въ книгѣ, но едва-ли не правильнѣе было бы ими и ограничиться. Если же составители сборника ставятъ себѣ задачей собирать свѣдѣнія о всѣхъ русскихъ сектахъ, на

которыя оказывало вліяніе еврейское вѣроученіе, ихъ программа должна будетъ подвергнуться сильному и врядь-ли необходимому расширенію.

Книги, поступившія въ редакцію.

В. Сѣрошевскій. На краю лѣсовъ. Повѣсть. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Слб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Семья Маге. Передѣлано съ французскаго. А. М. Изд. книжнаго склада А. М. Муриновой. М. 1897. Ц. 12 к.

Стихотворенія **В. В. Коншина.** Т. 1-ый. Слб. 1897. Ц. 2 р.

Полное собраніе сочиненій **Н. С. Лѣскова** въ 12-ти томахъ. Изд. второе А. Ф. Мареса. Слб. 1897. Ц. за 12 томовъ 15 р.

Баронъ А. Эльснеръ. Зеленая книга. Сатана. Тифлисъ. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Слѣдцы; тайны души; семь принцессъ; смерть Тентажиля; вторженіе смерти: пять драмъ сочиненія **Мориса Метерлинка.** М. MDCCCXCVI.

Собраніе сочиненій **Генрика Ибсена.** Томъ V-ый и VI-ой. Изд. I. Юровскаго. Слб. 1897. Ц. по подпискѣ за 6 томовъ 4 р., съ перес. 5 р.

Басни **И. А. Крылова** съ приложеніемъ его біографіи, написанной **П. А. Плетневымъ,** примѣчаній, составленныхъ по **В. Ф. Кеневичу** и пять этюдовъ о басняхъ **Крылова П. Смирновскаго.** Слб. 1897.

М. М. Стихотворенія. Слб. 1897. Ц. 40 к.

Не ищи въ себѣ, ищи въ себѣ. Народныя сцены въ трехъ дѣйствіяхъ **Н. А. Полушина.** М. 1897.

Разказы **Поковича.** Слб. 1897. Ц. 1 р.

Принцъ и нищій. Повѣсть для юношества **Марка Твѣна.** Переводъ съ послѣдняго англ. изд. **О. Ниск.** Изд. **Ф. А. Югансона.** Кіевъ. 1897. Ц. 35 к.

Нордъ-Звѣзда. Разказъ изъ жизни приволжскихъ охотниковъ **Н. Г. Вучетича.** Изд. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла („Дѣтская библ.“ **Н. Г. Вучетича.**) Одесса. 1897. Ц. 30 к.

Альбомъ. Двадцатипятилѣтіе товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ. 1872—1897. Изд. художественной фототипіи **К. А. Фишеръ.** Вып. 1-ый. Ц. по подпискѣ (6 вып.) 9 р. безъ пересылки и 12 р. съ пересылкой.

Сократъ. Его жизнь и философская дѣятельность. Біограф. очеркъ **Е. Орлова.** Изд. **Ф. Павленкова** („Жизнь замѣчательныхъ людей“) Слб. 1897. Ц. 25 к.

Правители и мыслители. Біографическіе очерки **Е. Ф. Литвиновой.** Изд. **Ф. Павленкова.** Слб. 1897. Ц. 1 р.

Проф. **Н. И. Стороженко.** Вольнодумецъ эпохи возрожденія. Изд. кн. маг. **Гросманъ** и **Кнебель** („Вопросы науки, искусства, литературы и жизни“ № 8). М. 1897. Ц. 20 к.

Римскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Составилъ **В. Алексѣевъ**. Т. первый. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Некрологъ бывшаго директора Новгородскаго реальнаго училища **Конст. Александр. Кошелькова**. Составилъ **А. Волховской**. Тифлисъ. 1896.

П. Миллюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть вторая. Изд. ред. журнала „Міръ Божій“. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Эдуардъ Чаннингъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки (1765—1865 гг.). Переводъ съ англійскаго А. Каменскаго. Изд. О. Н. Поповой („Культурно-истор. Библ.“). Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Фр. Кольбъ. Исторія человѣческой культуры. Переводъ съ 3-го, переработаннаго и значительно дополненнаго, нѣм. изд., подъ ред. А. А. Рейнгольда. Вып. III. Изд. Ф. А. Югансона. Кіевъ. 1897. Ц. по подпискѣ (8 вып.) 2 р. 50 к.

И. В. Лучицкій. Новыя изслѣдованія по исторіи крестьянъ во Франціи XVIII в. В. I. Кіевъ. 1896.

К. Ф. Одарченко. Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. М. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Г. фонъ Шульце-Гевернитцъ. Крупное производство, его значеніе для экономическаго и социальнаго прогресса. Этюдъ изъ области хлопчатобумажной промышленности. Переводъ съ нѣм. Л. Б. Красина подъ ред. и съ предисловіемъ П. Б. Струве. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1897. Ц. 1 р. 75 к.

Дж. Ст. Милль. Основанія политической экономіи. Переводъ съ послѣдняго англ. изд. Е. И. Остроградской, подъ ред. О. И. Остроградскаго. Вып. II. Изд. Ф. А. Югансона. Кіевъ. 1897. Ц. по подпискѣ (5 вып.) 2 р.

Организація свободы и общественный долгъ. **Ад. Прэнса**. Переводъ съ франц. подъ ред. и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. Спб. 1897. Ц. 80 к.

Мишель Ревонъ. Жозефъ де-Мэстръ. Философія войны. Переводъ Н. Рослопова. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Поль-Луи Курье. Сочиненія. Часть первая. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Т. Фаулеръ. Прогрессивная нравственность. Опытъ этнки. Переводъ со 2-го англ. изд. Изд. Ф. А. Югансона („Всеобщая Библ.“ № 3). Кіевъ. 1897. Ц. 15 к.

Problèmes sociaux contemporains. Par **Achille Loria**. Paris. 1897. Prix 4 fr.

La science sociale d'après les principes de Le Rlay et de ses continuateurs. Par **J.-V.-Maurice Vignes**. Paris. 1897. Prix des deux volumes 16 fr.

Abbé Victor Charbonnel. Congrès universel des Religions en 1900. Histoire d'une idée. Paris. 1897.

Торжество германской промышленности. Соч. **Е. Е. Уилльямса**. Переводъ съ англ. В. Ляпидевской, съ пред. проф. П. И. Георгіевскаго. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Д-ръ Максъ Веберъ. Биржа и ея значеніе. Переводъ съ нѣм. С. К. Изд. I. Юровскаго („Международная Библиотека“ № 48). Спб. 1897. Ц. 15 к.

Содѣйствіе русской промышленности въ санитарно-технич. отношеніи.

Доклады Д-ра А. В. Погожева. Изд. Постоянной Комиссіи по технич. образованію. Моск. Отд. Имп. Рус. Технич. Общ. Вып. 4-ий. М. 1897. Ц. 20 к.

Психологія. Очеркъ основныхъ законовъ душевной дѣятельности. Д-ра Р. Айалера. Перевелъ съ нѣм. Н. Ремизовъ. Изд. Н. Лейненберга („Библиотека для всѣхъ“ №№ 15—17). Одесса. 1897. Ц. 30 к.

Р. Flechsig. Предѣлы душевнаго равновѣсія. Рѣчь, произнесенная въ день рожденія Альберта, короля Саксонскаго 23 апр. 1896 г. Переводъ съ нѣм. С. Штейнгауза. Изд. Южно-Рус. О-ва Печатнаго Дѣла. Одесса. 1897. Ц. 40 к.

Сочиненія Гельмгольца. № 4. 1) Научное и философское изслѣдованіе зрѣнія. 2) Объ академической свободѣ. Изд. М. Филиппова. Спб. 1897. Ц. 15 к.

Исторія земли. Проф. М. Неймайра. Переводъ со второго изд. подъ общемъ ред. А. А. Иностранцева. Вып. 2-ой. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе“. Ц. по подпискѣ (30 вып.)—11 р. Отд. вып. 50 к.

Водяныя растенія Средней Россіи. Иллюстрированный опредѣлитель водяныхъ растеній, дикорастущихъ въ Средней Россіи. Составили В. Федченко и А. Флеровъ. Изд. авторовъ. М. 1897. Ц. 40 к.

Вюильменъ. Біологія растеній. Переводъ И. А. Петровскаго подъ ред. и съ пред. проф. Б. А. Тимирязева („Научно-образовательная біблиотека“). М. 1897. Ц. 50 к.

Д-ръ Мед. П. И. Кубасовъ. Что такое микробы вообще и болѣзнетворные въ частности? Микробиологическія и клиническія изслѣдованія. Спб. 1897.

Фритіофъ Нансенъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Изд. О. Н. Поповой. Вып. II. Спб. 1897. Ц. 30 к.

Б. Глинскій. Русское судебное краснорѣчіе. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Л. Д. Ляховецкій. Характеристика извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ съ приложеніемъ избранной рѣчи каждаго изъ нихъ. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Справочная книга для опекуновъ и попечителей. Сборникъ законовъ и разъясненій. Составилъ Н. Мартыновъ. Изд. второе, книжн. маг. Н. К. Мартынова. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Узаконеніе и усмнвленіе дѣтей (Законъ 12 марта 1891 года) съ разъясненіями и образцами бумагъ. Изд. кн. маг. Н. К. Мартынова. Спб. 1896.

Н. Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ. Изслѣдованіе. Изд. кн. маг. Н. К. Мартынова. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Положеніе о видахъ на жительство. Составилъ и издалъ П. В. Яцерицынъ. Изд. второе неофициальное. Саратовъ. 1897. Ц. 50 к.

Приобрѣтеніе и отчужденіе имущества. Составилъ Я. В. Абрамовъ. Изд. Ф. Павленкова („Популярно-юридическая Библиотека“ № 3). Спб. 1897. Ц. 25 к.

Уставъ строительный (Св. зак. Т. XII, ч. 1, изд. 1857 г.). Измѣненный и дополненный по продолженіямъ 1886 года (сводному) и 1887 года (очередному). Изд. неофициальное. Составилъ А. К. Гусевъ. Изд. второе Ф. А. Югансона. Киевъ. 1897. Ц. 1 р.

М. Кропотовъ. Еще о круговой поруцѣ, крестьянскихъ платежахъ и податныхъ порядкахъ въ крестьянскихъ обществахъ. Ярославль. 1896. Ц. 25 к.

Австрійскіе законы 1) объ отправленіи суда и о подсудности гражданскихъ дѣлъ общимъ судамъ и 2) объ учреженіи судовъ. Н. А. Тура (Приложеніе къ № 4 „Журн. Мин. Юстиціи“). Спб. 1897.

Отчетъ по благотворительному обществу судебного вѣдомства (Приложеніе къ № 4 „Журн. Мин. Юстиціи“). Спб. 1897.

Н. Карѣевъ. Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Спб. 1897. Ц. 50 к.

А. Барановъ. Въ защиту погибшихъ женщинъ. Изд. ред. „Камско-Волжскаго Края“. Казань. 1897. Ц. 25 к.

Ал. Чеховъ (А. Сѣдой). I. Призрѣніе душевно-больныхъ въ С.-Петербургѣ. II. Алкоголизмъ и возможная съ нимъ борьба. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Эберштейнъ. Честь и ложныя понятія о чести. Переводъ съ нѣм. Изд. Ф. А. Югансона („Всеобщая Библ.“ № 8). Кіевъ. 1897. Ц. 15 к.

П. Г. Вятская губернія въ ряду другихъ губерній Европ. Россіи (Изъ историко-статист. сборника Вятской губ. П. Голубева). Вятка. 1896.

С. Т. Волковъ. Къ вопросу о заселеніи таежныхъ окраинъ Томской губерніи. Докладъ Томскому Отдѣлу Имп. Моск. Общ. сельскаго хозяйства. Томскъ. 1896.

Воскресныя чтенія для рабочихъ на заводѣ К. Тигъ и К^о въ Москвѣ. Докладъ Н. В. Тулупова. Изд. Моск. Отд. Имп. Рус. Техн. Общ. М. 1897. Ц. 10 к.

Н. И. Борисовъ. Продолжительность курса въ одноклассныхъ земскихъ школахъ Херсонской губерніи. Изд. Херс. Губ. Зем. Упр. Херсонъ. 1897.

Десятилѣтіе (1885—1895) церковно-приходскихъ школъ Оренбургской епархіи. Историко-статистическій очеркъ. Свящ. Вл. Покровскаго. Оренбургъ. 1896.

Марто-Ивановское народное училище въ 1892—1895 гг. Очеркъ народнаго учителя Г. И. Андреева. Изд. Херсонской Губ. Земской Управы. Херсонъ. 1897.

А. Г. Неболсинъ. Организация курсовъ для взрослыхъ рабочихъ. Докладъ на торгово-промышленномъ съѣздѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Изд. ред. журн. „Технич. Образование“. Спб. 1897.

Школьныя нормы. В. Вахтерова. Изд. ред. журнала „Русская Школа“. Спб. 1897.

Лѣчебникъ домашнихъ животныхъ, составленный для сельскаго населенія ветеринарнымъ врачомъ А. Н. Степановымъ. Изд. третье („Общедоступныя изданія для деревни“ № 1). Новгородъ. 1896. Ц. 15 к.

Противопожарная деревня. Разсказъ („Общедоступныя изд. для деревни“ № 2). Новгородъ. 1897. Ц. 5 к.

Борьба съ пожарами въ деревнѣ. („Общедоступныя изд. для деревни“ № 3). Новгородъ. 1897. Ц. 8 к.

И. Селивановскій. Изъ деревни. I. Какъ я устроилъ негоряемый овинъ. II. Старый Луговинъ. Изд. К. И. Тихомирова (№ 98). М. 1897. Ц. 4 к.

Его-же. Изобрѣтатель берестяныхъ тростей. Руководство по выдѣлкѣ берестяныхъ, бумажныхъ и кожаныхъ тростей. Изд. К. И. Тихомирова (№ 147). М. 1897. Ц. 10 к.

Его-же. Опытный крупеникъ-толоконникъ. Руководство по приго-

товленію запарной крупы и толокна изъ овса. Изд. К. И. Тихомирова (№ 149). М. 1897. Ц. 6 к.

Его-же. Самопрялочникъ. Разсказъ. Руководство къ выдѣлкѣ самопрялокъ. Изд. К. И. Тихомирова (№ 150), М. 1897. Ц. 20 к.

Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. Составилъ **Э. Э. Кернъ**. Изд. третье дополненное. М. 1897. Ц. 75 к.

А. И. Пульжеровъ. Какъ дома дешево приготовить вино? Братскій очеркъ о фруктовомъ винодѣліи. Изд. фирмы Юліи и К°, въ Калугѣ. Калуга. 1897. Ц. 15 к.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. IV. М. 1897.

Харьковскій календарь на 1897 годъ. Изд. Харьковскаго Губ. Статист. Комитета, подъ ред. **В. В. Иванова**. Харьковъ. 1897. Ц. 1 р. 80 к.

Справочный указатель земскихъ сельскохозяйственныхъ учреждений (по свѣдѣніямъ на 1896 годъ). Годъ второй. Изд. Департамента земледѣлія. Спб. 1897.

Записка по вопросу о введеніи на станціяхъ комиссіонной операціи по отправкѣ грузовъ. Составилъ Коммерческій Агентъ **С. В. Родзевичъ**. Кіевъ. 1896.

Доклады Тверской Губ. Земской Управы по экономическому отдѣлу очередному собранію сессіи 1896 года. Тверь. 1897.

Статистическій сборникъ по С.-Петербургской губерніи. 1895 годъ. Вып. II. Спб. 1896.

Отчетъ бывшаго департамента неокладныхъ сборовъ, а нынѣ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1895 годъ. 2 тома. Спб. 1897.

Двѣнадцатый губернский съѣздъ врачей Тверскаго земства. 2—9 Іюля 1896 г. Тверь. 1896.

В. М. Михайловъ. Данниа о заботѣваемости сельскаго населенія въ Новгородскомъ уѣздѣ. Полтава. 1894.

Его-же. О вредѣ тѣлесныхъ наказаній въ общественно-медицинскомъ отношеніи. Отдѣл. отт. изъ протокола Общ. Врачей Новгород. губ. за 1895 г. Спб. 1897.

Нахичеванское на-Дону городское общественное управленіе въ 1888—1897 гг. **Докладъ** Нахичеванской на-Дону Городской Управы. Нахичевань на-Дону. 1897.

Общество вспомошествованія студентамъ Имп. Спб. Университета. **Отчетъ** за 1896 г. Спб. 1897.

Отчетъ Астраханскаго литературно-драматическаго общества за 1895—96 годъ.

Отчетъ общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ въ г. Тамбовѣ за 1896 г. Тамбовъ. 1897.

Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. **Отчетъ** отдѣла защиты дѣтей за 1896 годъ. Спб. 1897.

Изъ Австріи.

(Выборы въ парламентъ).

Никогда еще выборы въ австрійской рейхсратъ не возбуждали такого интереса, какъ на этотъ разъ. Это и не удивительно. Благодаря реформѣ гр. Вадени, къ избирательнымъ урнамъ впервые должны были двинуться широкія массы народа, не принимавшія до сихъ поръ никакого участія выборахъ. Какъ будутъ голосовать эти массы, въ пользу какихъ партій выскажутся онѣ—вотъ вопросы, тревожившіе общественное мнѣніе Австріи. Избиратели привилегированныхъ курій съ тревогой прислушивались къ тому, что громко высказывали представители этихъ массъ на своихъ собраніяхъ и въ своихъ органахъ, но наврядъ ли кто нибудь имѣлъ ясное представленіе объ истинномъ настроеніи народа. До слуха общественнаго мнѣнія доходило неясное эхо борьбы, которую вели въ народной средѣ различныя политическія партіи, но никто бы не рѣшился сказать заранѣе, кто выйдетъ изъ этой борьбы побѣдителемъ. Избирательная борьба, особенно въ новой, пятой куріи, готовила сюрпризы, которые должны были не мало удивить даже опытныхъ политиковъ. Да и нелегко было разобратся во всѣхъ этихъ теченіяхъ, взволновавшихъ спокойныя до сихъ поръ народныя массы. Избирательная борьба отражала въ себѣ тотъ разношерстный характеръ, который является отличительнымъ признакомъ всѣхъ австрійскихъ отношеній.

Рабочее движеніе, организованное социаль-демократами, антисемитизмъ, гордый побѣдами, одержанными въ послѣднее время, самыя разнообразныя теченія среди пробуждающагося крестьянства, клерикализмъ, стремящійся къ гегемоніи—вотъ различные факторы политической жизни Австріи. Если-бы дѣло ограничивалось ими, то все было бы еще довольно просто. Но въ Австріи играетъ кромѣ того еще очень важную роль національный вопросъ. Въ Австріи чехи борются съ нѣмцами, поляки съ русинами, словинцы съ итальянцами, итальянцы съ хорватами и т. д. Разберись же тутъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ!

Всеобщее вниманіе привлекала, разумѣется, прежде всего, столица монархіи Вѣна, гдѣ въ бой вступали двѣ прекрасно организованныя и дисциплинированныя арміи: антисемитская и рабочая. Либералы въ пятой куріи не могли рассчитывать на успѣхъ, и поэтому ихъ кандидатуръ никто не принималъ въ серьезъ.

Глаза всѣхъ были обращены на Вѣну. Одни съ любопытствомъ, другіе съ волненіемъ ожидали дня выборовъ, отъ котораго зависѣло

очень многое. Соціалъ-демократы устраивали безчисленное количество массовыхъ собраній, агитировали безъ устали словомъ и печатью и напрягали всю свою энергию, чтобы сокрушить врага, гордящагося побѣдой, одержанной при недавнихъ выборахъ въ городской совѣтъ. Обѣ партіи выставили своихъ кандидатовъ. Соціалъ-демократы выставили самыхъ выдающихся своихъ вожаковъ: др. Адлера, редактора вѣнской «Arbeiter Zeitung», Шумаера, Рейманна и др. Изъ антисемитскихъ кандидатовъ, выставленныхъ въ Вѣнѣ, только два—Люгеръ и Аксманнъ—люди интеллигентные. Всѣ остальные — пѣшки, рѣшительно ничѣмъ себя не заявившіе. Вся ихъ заслуга состоитъ въ томъ, что они приверженцы Люгера, а для вѣнскихъ лавочниковъ, ремесленниковъ, извозчиковъ и сторожей этого вполне достаточно. Былъ даже случай, что одинъ изъ выставленныхъ антисемитами кандидатовъ, явившись на народное собраніе, сказалъ: «наша программа состоитъ изъ трехъ словъ «Noch dr. Lueger!» Собраніе приняло это заявленіе бурными аплодисментами. И дѣйствительно для большинства вѣнскихъ антисемитовъ др. Люгеръ является олицетвореніемъ всей политической и экономической программы партіи. Все, что говоритъ др. Люгеръ—оваято. Дикая проповѣдь религіознаго фанатизма и расовой нетерпимости, которую этотъ человѣкъ ведетъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, принесла плоды. Населеніе Вѣны низшихъ слоевъ, за исключеніемъ разумѣется рабочихъ, слѣпо идетъ за Люгеромъ и готово отдать свой голосъ въ пользу каждаго, кого онъ рекомендуетъ. Между антисемитскими кандидатами очутился одинъ воръ, не въ какомънибудь переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ этого слова, карманный воръ—Миттермаеръ. И, хотя широкія массы народа знали, что Миттермаеръ укралъ у своего товарища — кельнера — нѣсколько гульденовъ, однако, тѣмъ не менѣе Миттермаеръ нисколько не потерялъ симпатіи своихъ избирателей. Достаточно было того, что его рекомендовалъ Люгеръ. Даже распространяемое въ день выборовъ подлинное письмо Миттермаера, въ которомъ онъ сознается въ кражѣ, не повліяло на избирателей, и Миттермаеръ былъ избранъ. Антисемиты допускали на свои собранія только приверженцевъ Люгера. Если на нихъ случайно появлялся протавникъ, то ему не давали говорить и силой заставляли его удалиться изъ залы. Само собой разумѣется, что никѣмъ не контролируемые, вожаки антесемитизма могли говорить на собраніяхъ, что имъ только было угодно.

Читая органъ антисемитовъ, «Deutsches Volksblatt», прямо удивляешься безпредѣльной наглости его издателей и такой же наивности его подписчиковъ и читателей. Въ этомъ органѣ вы встрѣчаете самую беззастѣнчивую ложь на всякомъ шагѣ и въ передовицахъ, и въ фельетонахъ, и въ корреспонденціяхъ, и въ телеграммахъ. Дикая травля всего, что только стоитъ хотя бы въ какойнибудь отдаленной связи съ евреями, доведена здѣсь до совершен-

ства. Редакция ничѣмъ рѣшительно не стѣсняется, чтобы только подѣйствовать на грубые инстинкты невѣжественной массы. Ей ничего не стоитъ написать передовицу объ употребленіи евреями христіанской крови или объявить, что всѣ происшедшія до сихъ поръ войны являются плодомъ еврейскихъ козней. И эта проповѣдь расовой ненависти и религиозной нетерпимости не прошла безъ слѣда. Слова «Deutsches Volksblatt» запали глубоко въ душу вѣнскаго ремесленника и лавочника, вѣнскихъ извозчиковъ, рассыльныхъ, дворняковъ и т. д. Вся эта некультурная масса свято вѣрится словамъ антисемитскихъ агитаторовъ и идетъ повсюду, куда только имъ ни захочется ее вести. Нѣтъ сомнѣнія, что, еслибъ вожаки антисемитскаго движенія начали проповѣдывать избіеніе всѣхъ евреевъ, то Вѣна была бы свидѣтельницей такихъ ужасныхъ зрѣлищъ, какими ознаменовались еврейскіе погромы въ средніе вѣка.

Наступилъ день выборовъ. Еще было совсѣмъ темно, когда на улицѣ стали появляться толпы избирателей. Въ пять часовъ утра уже замѣчалось большое оживленіе. Передъ здааніями, гдѣ должны были производиться выборы, уже толпились кучка народа, преимущественно рабочихъ или вообще людей, которые заняты въ продолженіи всего дня: кондукторовъ конокъ, железнодорожныхъ служащихъ, почтальоновъ, рассыльныхъ, носильщиковъ, пожарныхъ и т. д. Къ шести часамъ, когда долженъ былъ начаться актъ выборовъ, передъ избирательными бюро стояла густая толпа народа. Избирательныя комиссіи не торопились. Кое гдѣ они появлялись гораздо позже назначеннаго времени, такъ что въ нѣкоторыхъ пунктахъ голосованіе началось почти въ 7 часовъ. Нетерпѣніе толпы все возрастаетъ. Каждый избиратель старается какъ можно скорѣе отдать свой голосъ и идти на работу. Между тѣмъ комиссія не торопится, и голосованіе идетъ очень медленно. Избиратель отдаетъ свой листокъ комиссару, который, провѣривъ легитимацию по имѣющемуся у него списку всѣхъ избирателей, бросаетъ листокъ въ урну. Комиссіи, состоящія въ большинствѣ случаевъ почти изъ однихъ приверженцевъ антисемитизма, относятся съ явнымъ пристрастіемъ къ избирателямъ, которые, какъ они полагаютъ, принадлежатъ къ лагерю ихъ противниковъ. Комиссары придираются ко всякой мелочи, чтобы только отстранить рабочихъ отъ голосованія.

Передъ избирателями бюро стоятъ социаль-демократическіе и антисемитскіе орднеры. Первые отличаются красными перевязями на рукахъ и красными цвѣтками въ петлицахъ, вторые украшены бѣлыми гвоздиками. Въ каждомъ изъ пяти избирательныхъ округовъ, на которые раздѣлена Вѣна, существуютъ агитационныя пункты обѣихъ партій. Надъ социаль-демократическими развѣваются красныя флаги, надъ антисемитскими—бѣлые. Въ этихъ пунктахъ идетъ самая оживленная работа. Туда приходятъ избиратели за совѣтами, тамъ заполняются именемъ кандидата избирательныя листы, тамъ

улаживаются всякія недоразумѣнья и т. д. Отдѣльные агитаціонныя пункты сообщаются другъ съ другомъ, по большей части, при помощи велосипедистовъ, которые то и дѣло мелькаютъ на улицахъ.

Агитація ведется самымъ интенсивнымъ образомъ съ обѣихъ сторонъ. Антисемитскіе агитаторы ходятъ отъ дома къ дому и уговариваютъ избирателей идти къ урнѣ. Въ этой агитаціи принимаютъ очень выдающееся участіе пастеры и женщины. При этомъ антисемиты не брезгаютъ никакими средствами. Въ 12 ч. уже было арестовано болѣе полутора десятка антисемитскихъ агитаторовъ, которые покупали голоса. Въ первомъ округѣ, гдѣ противъ Рейманна выступаетъ въ качествѣ кандидата антисемитъ Бѣлоглавецъ, сторонники послѣдняго разбрасываютъ массу карточекъ слѣдующаго содержанія: «Товарищъ Рейманнъ заболѣлъ — выбирайте доктора Эленбогена». Антисемиты думаютъ этимъ путемъ лишить кандидата своихъ противниковъ по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ сотенъ голосовъ. Въ одномъ избирательномъ помѣщеніи ординеры ловятъ антисемита, который подаетъ свой голосъ уже вторично. Во второмъ округѣ, гдѣ выступаетъ dr. Адлеръ противъ антисемита Прохазки, социаль-демократическіе агитаторы работали уже съ 4-хъ часовъ утра, и dr. Адлеръ разѣжалъ отъ одного избирательнаго помѣщенія къ другому. Въ третьемъ округѣ, въ которомъ противъ главнаго вождя антисемитовъ Люгера рабочіе выставили редактора чешскаго органа «Dielnicke Listy» — Нѣмеца, наплывъ избирателей особенно великъ. Антисемиты покупаютъ голоса по большой цѣнѣ. Рабочіе жалуются, что многіе изъ нихъ не получили легитимаций. Люгеръ появляется то тутъ, то тамъ. Антисемиты привѣтствуютъ его восторженно. Въ пятомъ округѣ выступаетъ противъ одного изъ популярнѣйшихъ рабочихъ кандидатовъ — Шумаера пресловутый Миттермаеръ. Здѣсь распространяютъ въ сотняхъ экземпляровъ письмо послѣдняго, въ которомъ антисемитскій кандидатъ сознается въ кражѣ. Однако письмо это не производитъ большого впечатлѣнія на фанатизированную толпу антисемитовъ. Антисемиты распространяютъ слухъ, что Шумаеръ арестованъ и потерялъ право быть избраннымъ.

Къ 9—10 часамъ избирательное движеніе какъ бы замираетъ, Вѣна принимаетъ свой обыкновенный видъ. На улицахъ, особенно въ центрѣ города, движеніе вполне нормальное. Еслибы въ Вѣну пріѣхалъ въ этотъ день какойнибудь иностранецъ, не знающій, что тамъ производится выборы, онъ бы объ этомъ и не догадался. Городъ имѣетъ вполне нормальный видъ, и только безчисленное количество развѣшенныхъ повсюду социаль-демократическихъ, либеральныхъ и чешскихъ плакатовъ, рекомендующихъ кандидатовъ различныхъ партій, указываетъ на то, что столица Австріи переживаетъ тревожныя минуты.

Въ четыре часа должно было закончиться голосованіе. Комиссія приступила къ подсчету голосовъ. Къ шести часамъ въ централь-

ныхъ агитационныхъ пунктахъ каждаго избирательнаго округа начала собираться публика, ожидающая объявленія результата выборовъ. Залы ресторановъ едва могли помѣстить все увеличивающуюся толпу, свидѣваемую любопытствомъ. Намъ удалось проникнуть въ центральный агитационный пунктъ рабочей партіи пятаго округа.

Громадное помѣщеніе ресторана наполнено многотысячной шумящей толпой. Множество женщинъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ объявленія окончательнаго результата выборовъ. Настроеніе безусловно оптимистическое. Присутствующіе рассказываютъ другъ другу о шансахъ кандидатовъ, о злоупотребленіяхъ со стороны противниковъ и т. д. Ежеминутно въ залъ являются все новыя и новыя кучки людей, возвыщаящія, что шансы Шумаера блестящи, и что выборъ его не подлежитъ никакому сомнѣнію. Однако, время быстро уходило, а окончательный результатъ все еще не былъ извѣстенъ. Тысячная толпа волнуется и требуетъ отъ президіума объявленія результата выборовъ. Раздается звонокъ, и толпа на минуту затихаетъ. Оказывается, что пришло извѣстіе изъ одной только секціи. Результатъ благопріятенъ для рабочаго кандидата. Радостный кликъ вырывается изъ груди толпы. Раздаются долго несмолкающіе крики «bravo», «hoch Schumayer»! Толпа оживлено шумитъ. Проходитъ нѣсколько времени. Снова раздается звонокъ, толпа смолкаетъ и выслушиваетъ сообщеніе о ходѣ выборовъ въ другой секціи. Оказывается, что антисемитскій кандидатъ Миттермаеръ получилъ незначительное большинство. Дружное «rfui»! раздается въ залѣ. Толпа негодуетъ и удивляется, какъ человѣкъ, подобный Миттермаеру, могъ получить такое громадное количество голосовъ. Но вотъ приходитъ извѣстія и изъ другихъ секцій, и почти всѣ они очень неблагоприятны для рабочаго кандидата. Толпа удивлена, но унынія незамѣтно. Она такъ убѣждена въ побѣдѣ своего кандидата, что до послѣдней минуты еще надѣется на что то, хотя антисемитскій кандидатъ пріобрѣлъ такое большинство, что о побѣдѣ Шумаера не можетъ быть и рѣчи. Уже около одиннадцати часовъ, и большинству изъ присутствующихъ придется встать на слѣдующій день очень рано утромъ; однако, никто и не думаетъ уходить. Всѣ ждутъ официальнаго сообщенія. Наконецъ, въ послѣдній разъ раздается звонокъ; на возвышеніи, гдѣ помѣщается президіумъ, появляется Шумаеръ, встрѣченный громогласнымъ «hoch»! Когда восторженные клики смолкаютъ, Шумаеръ начинаетъ говорить. Публика слушаетъ его, заставъ дыханіе. Однако же первыя слова его рѣчи не предвѣщаютъ ничего хорошаго. Онъ блѣденъ, его голосъ звучитъ какъ то неестественно. Миттермаеръ восторжествовалъ. Онъ получилъ 24,820 голосовъ, въ то время, какъ Шумаеръ только 20,920. Всѣ присутствующіе въ негодованіи кричатъ то «rfui Mittermauer»! то «hoch Schumayer»! Толпа поражена и сначала не вѣритъ печальному извѣстію. Кое кто проталкивается къ трибунѣ и требуетъ у предсѣдателя подтвержденія этого извѣстія. Всѣ пода-

влены и поспѣшно выходятъ изъ залы, забывъ даже спросить, какъ обстоятъ дѣла въ другихъ избирательныхъ округахъ.

Немного спустя въ городѣ стало извѣстно, что ни одинъ изъ кандидатовъ рабочей партіи не попалъ въ парламентъ. Столица имперіи Вѣна выбрала пятерыхъ антисемитовъ. Антисемитизмъ восторжествовалъ. Въ Вѣнѣ опасались безпорядковъ, но рабочіе мирно разошлись по домамъ и около полуночи въ городѣ все было спокойно и тихо. Только въ ресторанахъ и кафе антисемиты праздновали свою побѣду, побѣду такую импозантную, какой они и сами не ожидали...

Точно такъ же блестящей была побѣда антисемитовъ и во всей остальной Нижней Австріи. Всѣ четыре депутатскихъ полномочія попали въ руки антисемитовъ, причѣмъ провалился такой популярный кандидатъ социаль-демократовъ, какъ бывшій депутатъ Пернерсторферъ. Его противникъ-антисемитъ Ведраль, о которомъ никто и никогда и не слыхалъ, получилъ 24,830 голосовъ, въ то время, какъ Пернерсторферъ всего 21,987.

Неслыханная побѣда антисемитовъ поразила всѣхъ. Даже антисемитскій «Deutscher Volksblatt» былъ какъ бы ошеломленъ побѣдой и на другой день послѣ выборовъ не нашелъ словъ, чтобы въ достаточной мѣрѣ оцѣнить ее. Оказалось, что антисемиты дѣйствительно господствуютъ въ Нижней Австріи, а социаль-демократическая армія состоитъ изъ однихъ только промышленныхъ рабочихъ. Всѣ тѣ народные элементы, которые въ какомъ-нибудь Краковѣ или Львовѣ были всецѣло преданы рабочей партіи, какъ на примѣръ мелкіе ремесленники, лавочники, подеищаки, сторожа, разсылные, извозчики и т. д., въ Вѣнѣ являлись самыми рыаными агитаторами антисемитскаго лагеря.

Социаль-демократическіе кандидаты получили въ Вѣнѣ 88,000 голосовъ, ихъ противники слишкомъ 120. Нужно, однако, принять во вниманіе, что въ пользу социаль-демократовъ голосовали и многіе либералы, и социаль-политики, такъ что чисто социаль-демократическихъ голосовъ кандидаты рабочей партіи получили около 70,000.

Въ другихъ провинціяхъ Австріи, особенно въ Чехіи, рабочей партіи повезло, такъ что въ концѣ концовъ ей удалось провести 14 своихъ кандидатовъ въ парламентъ. Любопытно количество голосовъ, полученныхъ социаль-демократами въ различныхъ избирательныхъ округахъ пятой курии. Вотъ ихъ сопоставленіе:

Краковъ.	22.214
Винеръ-Нейштадтъ.	21.987
У вѣнскій округъ.	20.920
II »	19.154
III »	18.076
Брюннъ	17.457
Грацъ.	16.517

Львовъ	15.310
Прага.	15.150
Ст. Пельтень.	10.345
Корнстбургъ	9.339
Триестъ.	4.464
Кремсь	3.461

Въ общемъ. 224.791

Въ тѣхъ округахъ, гдѣ выборы не производились непосредственно, трудно подсчитать голоса. Однако, можно сказать на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, что рабочіе кандидаты получили всего около 900.000 голосовъ, причемъ нужно принять во вниманіе и злоупотребленія, которыя прежде всего пускались въ ходъ по отношенію къ рабочимъ кандидатамъ.

Злоупотребленія во время выборовъ были вездѣ—это несомнѣнно, но тамъ, гдѣ культурный уровень населенія выше, гдѣ политическое сознаніе массъ развитѣе, гдѣ эти массы хорошо организованы—тамъ эти злоупотребленія не находили достаточно благоприятной почвы. Зато въ темныхъ, отсталыхъ въ культурномъ отношеніи провинціяхъ, въ родѣ какой-нибудь Буковины, Восточной Галиціи или Далматіи и до сихъ происходятъ вещи, совершенно, казалось бы, неумѣстныя при правовомъ строй западно-европейскаго государства. Въ темныхъ медвѣжьихъ углахъ Буковины или Далматіи выборы имѣютъ совершенно патріархальный характеръ. Крестьянинъ-избиратель получаетъ избирательскій листокъ уже заполненный фамиліей правительственнаго кандидата. Онъ бросаетъ такой листокъ въ урну, вовсе не догадываясь о томъ, что онъ имѣетъ право зачеркнуть фамилію правительственнаго кандидата и написать какую ему угодно. Такъ производится выборы вообще тамъ, гдѣ еще ни одна изъ политическихъ партій не выяснила народной массѣ ея правъ и обязанностей, не увлекла ее въ пользу той или другой программы. Наоборотъ, въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ грамотность стоитъ высоко, гдѣ народъ уже издавна принимаетъ участіе въ политической жизни и борьбѣ политическихъ партій, такіа примитивныя злоупотребленія, какъ выдача карточекъ, уже заполненныхъ фамиліей правительственнаго кандидата, совершенно невозможны. Тамъ пускаются въ ходъ средства иного рода. Самое распространенное средство—это подкупъ избирателей. Реакціонныя партіи примѣняли это средство въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что въ настоящее время есть цѣлыя округа, населеніе которыхъ, благодаря этому, совершенно деморализировано. Крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ Галиціи, въ такой степени привыкли продавать свои голоса, что совершенно перестали считать это чѣмъ-то незаконнымъ. Такіе крестьяне обыкновенно цѣлыми депутаціями обходятъ передъ выборами по очереди всѣхъ кандидатовъ и предлагаютъ имъ свои услуги.

Кто имъ общасть заплатитъ больше, въ пользу того они и отдають свой голосъ. На почвѣ избирательнаго подкупа возникла даже цѣлая отрасль промышленности *suī generis*. Появились спеціальные предприниматели, извѣстные въ Галиціи подъ названіемъ «избирательныхъ шакаловъ», которые скупають голоса, а потомъ перепродаютъ ихъ тому или другому кандидату. Нужно замѣтить однако, что агитаторы партій, не прибѣгающихъ къ такимъ грязнымъ средствамъ агитаціи, подчасъ очень импонируютъ крестьянамъ, привыкшимъ продавать свои голоса. «Видно ихъ дѣло правое!», говорили напримѣръ мужики подъ Краковомъ, видя, что агитаторы не только не покупають голосовъ, но даже не пытаются угощеніемъ привлечь крестьянъ на свою сторону.

По мѣрѣ того, какъ политическая агитація крайнихъ партій проникаетъ въ народную среду, по мѣрѣ того, какъ культурный уровень народныхъ массъ поднимается, подкупъ перестаетъ дѣйствовать. Напримѣръ въ Чехіи, гдѣ еще лѣтъ 15—20 тому назадъ кандидаты самымъ беззастѣнчивымъ образомъ покупали голоса, теперь нѣтъ ничего подобнаго. То же самое наблюдается и въ другихъ, болѣе просвѣщенныхъ провинціяхъ Австріи. Если и теперь еще можно встрѣтить подкупъ, какъ средство агитаціи, и въ болѣе культурныхъ краяхъ Австріи, то только спорадически, въ видѣ исключенія.

Ареной страшныхъ злоупотребленій была восточная часть Галиціи. До недавняго времени эта страна находилась всецѣло въ рукахъ консервативно-клерикальной партіи, которая распоряжалась депутатскими полномочіями не только изъ куріи крупной собственности, но точно также изъ куріи сельскихъ общинъ и городовъ, какъ своимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Однако всему бываетъ конецъ, и въ восточной Галиціи многое перемѣнилось за послѣднее время. Прежде выборы производились такимъ образомъ, что староста (начальникъ округа) по соглашенію съ центральнымъ правительственнымъ избирательнымъ комитетомъ назначалъ на данный избирательный округъ кандидата, по большей части одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Такой кандидатъ нисколько не заботился о томъ, чтобы явиться передъ избирателями, выяснить имъ свою программу и сказать, что онъ намѣренъ дѣлать въ парламентѣ. Это было совершенно лишнее, такъ какъ въ пользу его агитировала всѣ мѣстныя власти, начиная со сторожа и кончая войтами. Войтъ каждой гмины заботился о томъ, чтобы крестьяне подвѣдомственныхъ ему селъ подали голоса въ пользу правительственнаго кандидата. Такъ какъ въ сельской куріи выборы двойные, т. е. сначала всѣ имѣющіе право голоса выбираютъ избирателей, которые уже потомъ подають свои голоса въ пользу того или другого кандидата, то все вниманіе было устремлено на то, чтобы въ избиратели попадали люди «вѣрные», т. е. сторонники консервативнаго кандидата. Тамъ, гдѣ населеніе было еще совершенно темно, выборы избирателей

устраивались очень просто. Население деревни не принимало въ нихъ никакого участія. Въ корчмѣ, въ усадьбѣ помѣщика или въ домѣ священника собиралось нѣсколько человѣкъ крестьянъ, преданныхъ кандидату, нѣсколько дворовыхъ помѣщика, войтъ, писарь, корчмарь. Они выбирали изъ своей среды избирателей, а всѣ остальные жители села узнавали о выборахъ только тогда, когда они были уже окончены, а правительственный комиссаръ, устраивавшій ихъ, уѣхалъ въ другое село, чтобы продѣлать и тамъ то же самое.

Въ селахъ, гдѣ мужики уже имѣли нѣкоторое понятіе о томъ, какъ производятся выборы, дѣло происходило нѣсколько иначе, не такъ ужъ просто. Если крестьянамъ удавалось выбрать въ избиратели нѣсколькихъ своихъ людей, то кандидатъ-помѣщикъ принималъ самыя разнообразныя мѣры къ тому, чтобы переманить ихъ на свою сторону. Во-первыхъ, онъ старался подкупить избирателей, давая за голосъ по пятидесяти, шестидесяти и даже по сту гульденовъ. Ничего удивительнаго, что крестьянинъ, не совѣтъ ясно представляющій себѣ тѣ выгоды, которыя проистекають отъ избранія оппозиціоннаго кандидата, довольно охотно продавалъ свой голосъ.

Впрочемъ, деньги давались только болѣе стойкимъ изъ избирателей. Большинство изъ нихъ продавали свой голосъ за хорошее угощеніе—за водку, колбасу, сигару. Темный, живущій впроголодь русинскій крестьянинъ, который вѣсть мясо одинъ разъ въ годъ—на Пасху—рѣдко могъ устоять передъ искушеніемъ наѣсться и напиться вволю. То, что обѣщаетъ оппозиціонный кандидатъ, еще Богъ знаетъ когда то будетъ,—разсуждалъ такой мужикъ,—съ помѣщикомъ дѣло имѣешь ежедневно. Отдашь свой голосъ въ пользу кандидата оппозиціонной партіи, такъ помѣщикъ съѣстъ тебя. Ни на работу не возьметъ, ни дровъ изъ лѣсу взять не дастъ, ни скота выгнать на пастбище не позволитъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ оппозиціонная агитація успѣла пустить корни, гдѣ крестьяне явно себѣ представляли, что значить выборъ того или иного кандидата, уже не дѣйствовали такія средства, какъ подкупъ или угощеніе. Бывали случаи, что мужикъ, взявшій деньги, возвращалъ ихъ избирательной комиссіи. Тутъ ужъ приходилось прибѣгать къ болѣе крутымъ мѣрамъ. Тутъ выступала на сцену жандармерія, иногда и войско; избирателей, которыхъ нельзя было ни подкупить, ни запугать, прямо арестовывали, заковывали въ кандалы и гнали въ ближайшія сторожки. Послѣ выборовъ ихъ обыкновенно выпускали на свободу, нерѣдко даже извинялись передъ ними и сообщали, что они были заключены по недоразумѣнію, но было уже кончено.

Избирательная реформа гр. Бадени, вводящая *тайную* подачу голосовъ при выборахъ какъ въ пятой, такъ и въ четвертой куріи, нанесла довольно сильный ударъ консервативно-клерикальной партіи въ Галиціи. Дѣло въ томъ, что прежде, когда голосованіе было явное, помѣщикъ прекрасно зналъ, кто подаетъ голосъ въ пользу него, а кто

противъ. Крестьяне, даже настроенные оппозиціонно, понимали это и опасаясь мести со стороны помѣщика, иногда прямо принуждены были подавать въ пользу его свои голоса. Теперь имъ нечего было бояться. Никто не зналъ, какъ они голосуютъ, и возможны были даже такіе случаи, что крестьянинъ, взявшій у помѣщика деньги и общавшій поддерживать его кандидатуру, голосовалъ бы въ пользу его противника. Консервативно-клерикальная партія пришла въ смятеніе и рѣшила мобилизовать всѣ свои силы, чтобы только не допустить избранія оппозиціонныхъ кандидатовъ.

Въ восточной Галиціи борьба происходила между двумя лагерями. Съ одной стороны выступила польская консервативно-клерикальная партія, дѣйствовавшая въ союзѣ съ консервативно-клерикальной русинской партіей (фракція Барвинскаго), съ другой стороны готовились къ бою русинскія оппозиціонныя фракціи: народовцы и радикалы, поддерживаемые и польскими крестьянами, и польскими рабочими тамъ, гдѣ социаль-демократы не выставляли своихъ собственныхъ кандидатовъ. Русинская оппозиція выставила своихъ кандидатовъ почти во всѣхъ округахъ патой и крестьянской курій. Такъ какъ въ городахъ восточной Галиціи русины представляютъ очень незначительное меньшинство, то въ городской куріи они все не выставляли своихъ кандидатовъ, а поддерживали польскихъ демократовъ.

Начался періодъ агитаціи, предшествовавшей выборамъ избирателей. Русины-оппозиционисты развивали очень оживленную дѣятельность, устраивали народные вѣча, собранія, высылали во всѣ стороны своихъ агитаторовъ и т. д. Очень дѣятельное участіе въ агитаціи приняли сельскіе священники. Они собирали своихъ прихожанъ, выясняли имъ значеніе выборовъ, раскростраляли между ними избирательныя воззванія, говорили проповѣди на политическія темы и т. д. Агитація, веденная оппозиціонными народовцами и радикалами, проникала въ самые отдаленные уголки восточной Галиціи, и крестьяне заволиновались. Правительственныя газеты и органы консервативно-клерикальной партіи подняли громкій крикъ негодованія, обвиняя русинскихъ агитаторовъ въ демагогіи. Феодалы, испугавшись народнаго движенія и опасаясь, что изъ ихъ рукъ могутъ ускользнуть депутатскія полномочія, которыя они считали своимъ неотъемлемымъ достояніемъ, стали требовать вмѣшательства властей и войска и предсказывали, что дѣло дойдетъ до кровопролитія. Дѣйствительно этого можно было ожидать. Народныя массы восточной Галиціи, выведенныя изъ терпѣнія, готовы были на насиліе отвѣтить насиліемъ. Спокойный, флегматичный русинскій мужьякъ былъ доведенъ до бѣшенства, и можно было навѣрное сказать, что агитаторы, пробудившіе въ немъ политическое самосознаніе, не сумѣли бы его удержать отъ открытаго возмущенія въ случаѣ еслибы правительственно-феодалныя сферы прибѣгли къ провокаціи. Русинскіе агитаторы слишкомъ поздно взяли за

дѣло и, вызвавъ въ народѣ громадное движеніе, не сумѣли организовать его хотя бы такъ, какъ это сдѣлала въ западной Галиціи польская оппозиція. Русинскія народныя массы не отдавали себѣ отчета въ томъ, что слѣдуетъ дѣлать, чтобы провести своего кандидата. Агитація была ведена слишкомъ поспѣшно.

Что же касается консервативно—клерикальной партіи, то она какъ будто совершенно и не думала о выборахъ. Она ограничилась только тѣмъ, что выставила своихъ кандидатовъ (поляковъ и русиновъ) во всѣхъ округахъ восточной Галиціи и спокойно ожидала дня выбора избирателей. Да и зачѣмъ же ей было хлопотать по поводу выборовъ, когда она знала, что давленіе властей, жандармеріи и войска сдѣлаетъ свое дѣло? Она ожидала спокойно, агитаціи не вела, но была увѣрена въ томъ, что депутатскія полномочія такъ или иначе попадутъ въ руки ея людей. Только почти наканунѣ выборовъ избирателей правительственная партія дала о себѣ знать. Началась первая серія арестовъ. Арестовали около двадцати самыхъ энергичныхъ агитаторовъ русиновъ и социаль демократовъ. Между прочимъ взяли и нѣсколькихъ униатскихъ священниковъ, агитировавшихъ въ пользу русинскихъ оппозиционистовъ. Арестовали даже одного депутата львовскаго ландтага — Новаковскаго, русинскаго радикала.

Наступили выборы избирателей, и вотъ когда началась дѣятельность консервативно-клерикальной партіи. Результатъ этихъ выборовъ въ цифрахъ (въ одной только восточной Галиціи) представляется такимъ образомъ: пять человѣкъ убитыхъ, около 20 тяжело раненыхъ и болѣе пятисотъ арестованныхъ. Злоупотребленія, которыя творились въ Галиціи, прямо неслыханныя. Въ этомъ отношеніи Галицію перешеголяла развѣ только одна Венгрія, гдѣ во время послѣднихъ выборовъ убито болѣе сорока человѣкъ.

Выборы избирателей по селамъ производились точно такимъ же образомъ, какъ и выборы въ ландтагъ, о которыхъ мы уже сообщали въ свое время читателямъ «Русскаго Богатства». Правительственный комиссаръ, руководившій выборами, старался пріѣзжать въ деревню неожиданно, по большей части гораздо раньше, чѣмъ выборы были назначены. Если ему это удавалось, то онъ собиралъ нѣсколько «своихъ людей» и производилъ выборы такъ, чтобы въ число избирателей не попалъ ни одинъ изъ противниковъ кандидата центральнаго комитета правительственной партіи. Тамъ, гдѣ крестьяне были насторожѣ и ожидали правительственнаго комиссара, тотъ послѣдній пускался на различныя уловки, чтобы провести въ избиратели сторонниковъ правительственной кандидатуры. Въ тѣ мѣстности, гдѣ населеніе, какъ было заранѣе извѣстно, сдается не легко и будетъ настоятельно требовать легальныхъ выборовъ, было послано войско. Въ Коляриѣ 200 человѣкъ, явившихся на выборы, было арестовано. Арестовывали пятнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ. Трудно перечислить всѣ злоупотребленія, которыя прак-

ткывались во время выборовъ избирателей. Нѣтъ буквально ни одного округа восточной Галиціи, гдѣ эти выборы были бы произведены вполне легально. И однако, не смотря на все это, оппозиціоннымъ партіямъ удалось выбрать такое большое количество избирателей, что выборы нѣкоторыхъ оппозиціонныхъ кандидатовъ, казалось, были вѣ всякаго сомнѣнія. Особенно сильна была надежда на выборъ вождя русинской оппозиціи Романчука, который выставилъ свою кандидатуру въ пяти округахъ (V и IV куріи), адвоката Олесницкаго, одного изъ самыхъ выдающихся народовцевъ, вожака русинской радикальной партіи Ивана Франка и студента Шмигера—тоже радикала. Этотъ послѣдній имѣлъ вѣрное большинство въ нѣсколько десятковъ голосовъ.

Наступилъ день выборовъ изъ пятой куріи и оказалось, что изъ всѣхъ русинскихъ оппозиціонистовъ выбранъ только одинъ dr. Яросевичъ. Всѣ остальные провалились. Результатъ выборовъ изъ четвертой куріи былъ такой-же. Почти вездѣ были избраны или поляки или русины правительственнаго лагеря. Изъ оппозиціонистовъ попали въ депутаты только два: полурадикалъ Окуневскій и народовецъ Танчевичъ. Злоупотребленія, происходившія при выборахъ, превосходятъ всякія описанія. Мѣстныя административныя власти получили приказаніе свыше не допустить въ парламентъ ни одного оппозиціоннаго депутата. И эти власти постарались исполнить приказаніе своего начальства, не жалѣя силъ. Русины опротестовали всѣ выборы и требуютъ отъ парламента аннулюванія избранія всѣхъ кандидатовъ центрального комитета. Мало того, они подаютъ жалобу въ судъ на всѣ безъ исключенія избирательныя комиссіи, обвиняя ихъ въ мошенничествѣ. Поэтому въ Галиціи предстоитъ дѣлный рядъ очень любопытныхъ процессовъ, которые прольютъ яркій свѣтъ на избирательныя махинаціи въ этой странѣ. Въ матеріалѣ для судебного разбирательства недостатка не будетъ. Не говоря уже объ обыкновенныхъ средствахъ, какъ арестъ избирателя-сторонника оппозиціоннаго кандидата, недопущеніе оппозиціонныхъ избирателей въ залу выборовъ и т. п., на этотъ разъ пускались въ ходъ средства, граничащія съ бѣлой магіей. Такъ напр. въ томъ округѣ, гдѣ былъ избранъ dr. Яросевичъ, пропало тридцать избирательныхъ листовъ, уже опущенныхъ въ урну, и пропало совершенно непонятнымъ образомъ. Dr. Яросевичу, который вовсе не надѣялся быть избраннымъ и выставилъ свою кандидатуру единственно съ той цѣлью, чтобы внести извѣстное оживленіе въ народную массу,—удалось провести въ комиссію, производившую выборы, двухъ своихъ сторонниковъ. Кромѣ того онъ самъ присутствовалъ въ залѣ выборовъ и считалъ избирателей, подходившихъ къ урнѣ и опускавшихъ въ нее избирательныя листки. То же самое дѣлалъ и одинъ крестьянинъ, отмѣчавшій каждого избирателя ножомъ на пальцѣ. И два сторонника радикальнаго кандидата, и самъ dr. Яросевичъ и этотъ крестьянинъ насчитали 220

избирателей. Между тѣмъ, когда изъ урны начали вынимать по окончаніи выборовъ избирательскіе листки, то ихъ оказалось всего на всего 190. Куда дѣвались остальные тридцать? Понятно, что пропали листки оппозиціоннаго, а не правительственнаго кандидата.

Въ тарнопольскомъ округѣ, гдѣ противъ графа Плининскаго выступалъ радикалъ Шмигеръ, восемьдесятъ крестьянъ подъ присягой утверждаютъ, что они голосовали въ пользу Шмигера, между тѣмъ изъ избирательной урны вынуто только *четырнадцать* листовъ съ фамиліей Шмигера.

Во многихъ мѣстностяхъ жандармы вырвали у крестьянъ изъ рукъ избирательные листки, разъ они полагали, что эти крестьяне противники правительственнаго кандидата.

Благодаря такимъ неслыханнымъ злоупотребленіямъ, во многихъ мѣстахъ крестьяне врывались въ избирательное бюро, разносили мебель, колотили комиссаровъ, результатомъ чего опять было вмѣшательство вооруженной силы жандармеріи и войска. Во многихъ деревняхъ вслѣдствіе этого стоятъ войска, судебные слѣдователи собираютъ матеріалъ для протоколовъ, а сторонники правительственныхъ кандидатовъ торжествуютъ, надо полагать, впрочемъ, въ послѣдній разъ.

Въ концѣ концовъ на выборахъ въ восточной Галиціи восемь убитыхъ, болѣе двадцати тяжело раненыхъ и около тысячи арестованныхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, болѣе трехъ четвертей было выпущено сейчасъ же послѣ окончанія выборовъ.

Въ парламентъ вошло девять, а вмѣстѣ съ двумя буковинскими, одинадцать русиновъ, которые по своимъ политическимъ воззрѣніямъ распадаются на правительственныхъ (6) и оппозиционныхъ (5). Послѣдняя группа довольно разношерстна. Въ ней находится одинъ рѣшительный радикалъ д-ръ Яросевичъ, одинъ полурадикалъ—д-ръ Окуневскій, одинъ народовецъ, Танкевичъ и два буковинскихъ оппозиціониста неопредѣленнаго характера. Первые три депутата оппозиціонной группы основали самостоятельный клубъ, который намѣренъ идти въ парламентъ рука объ руку съ социаль-демократами и фракціей Стояловскаго. Въ парламентъ они заняли мѣста сосѣднія съ этими самыми крайними клубами.

Точно такія же злоупотребленія, какія имѣли мѣсто въ восточной Галиціи, практиковались до недавняго времени и въ западной. Однако здѣсь они уже потеряли тотъ безобразный характеръ, которымъ они отличаются въ восточной Галиціи. Культурный уровень населенія, болѣе развитое политическое сознание народныхъ массъ,—вотъ причины, по которымъ злоупотребленія въ западной Галиціи не выступаютъ уже въ такой рѣзкой формѣ, какъ въ восточной. Съ вполнѣ сознательнымъ, политически воспитаннымъ польскимъ крестьяниномъ или рабочимъ невозможно уже поступать такъ, какъ съ русиномъ, по большей части темнымъ, забитымъ. Польская

народная масса умѣетъ протестовать легальнымъ образомъ, а ея организаторы и руководители удерживаютъ ее отъ безплодныхъ выходовъ нелегальнаго характера. Поэтому-то, хотя и въ западной Галиціи правительственная партія дѣйствовала и подкупомъ, и насиліемъ, однако порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ. На западѣ Галиціи не была пролита ни одна капля крови, не смотря на то, что и здѣсь арестовывали избирателей и кандидатовъ, и здѣсь выступали войска, и здѣсь власти прибѣгали къ провокаціи.

Здѣсь не было ни народнаго возмущенія, ни такого пораженія оппозиціонныхъ кандидатовъ. Наоборотъ, здѣсь оппозиція побѣдила въ большинствѣ округовъ какъ пятой, такъ и четвертой куріи, а польская консервативно-клерикальная партія была разгромлена соединенными силами польскихъ рабочихъ и крестьянъ.

Въ западной Галиціи противъ станчиковъ (консервативно-клерикальной партіи) выступили три оппозиціонныя партіи: во-первыхъ, польская крестьянская, руководимая Стапінскимъ и редакціей «Друга народа», во-вторыхъ приверженцы Стояловскаго и въ-третьихъ социаль-демократы.

Какъ приверженцы Стапінскаго, такъ и сторонники Стояловскаго мобилизировали крестьянскую армію противъ господствовавшихъ до сихъ поръ въ Галиціи станчиковъ, а ихъ боевой кличъ былъ: «дой солідарность польскаго «Кола»! Чтобы наши читатели поняли, какое значеніе имѣетъ этотъ лозунгъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о защитникѣ т. н. «солідарности» — польскомъ клубѣ.

Польскій клубъ вѣнскаго парламента, извѣстный подъ названіемъ польскаго «Кола», представлялъ до сихъ поръ тѣсно сплоченную, солідарную по вѣснмъ вопросамъ, строго дисциплинированную партію, которая всегда была опорой правительства. Большинство депутатовъ, входящимъ въ составъ «Кола», представители крупнаго землевладѣнія, феодальные элементы, избранные въ куріи крупной собственности и въ большинствѣ округовъ четвертой, т. е. крестьянской куріи. Невѣжественная, забитая крестьянская масса Галиціи довольно долгое время позволяла феодаламъ распоряжаться въ крестьянской куріи, какъ въ своей собственной. Центральнй избирательный комитетъ, организовававшійся передъ всякими выборами и состоящій почти исключительно изъ помѣщиковъ и людей отъ нихъ зависящихъ, выставялъ своихъ кандидатовъ и въ крестьянской куріи. А такъ какъ помѣщики располагали не только большими матеріальными средствами, но и содѣйствіемъ жандармеріи, а при случаѣ и войскъ, то даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ крестьяне сильно противились избранію правительственныхъ, т. е. феодальныхъ кандидатовъ эти послѣдніе были выбираемы, благодаря давленію властей, доходившему иногда до настоящаго террора, подкупу и различнымъ злоупотребленіямъ. Это практиковалось совершенно одинаково въ обѣихъ частяхъ Галиціи, причѣмъ господствующія въ Галиціи консервативно-клерикальныя сферы долго не встрѣчали серьезнаго противо-

дѣйствія. Да и кто могъ противодѣйствовать всемогущей шляхтѣ въ малокультурной, отсталой Галиціи? Либералы, борющіеся въ другихъ провинціяхъ съ феодализмомъ, въ Галиціи никогда не представляли большой силы, уже по одному тому, что въ этой странѣ, почти совершенно лишенной фабричной промышленности, буржуазія играетъ третъестепенную роль. Депутаты, избранные въ куріи городовъ и торгово-промышленныхъ палатъ, именовавшие себя либералами (иногда демократами), по большей части стояли въ зависимости отъ шляхты. А такъ какъ въ силу національныхъ традицій и интересовъ они вступали въ польское «Коло», то ихъ роль въ парламентѣ была очень плачевна. Эти либеральныя депутаты рѣшительно ничего не могли подѣлать, такъ какъ представляли въ польскомъ клубѣ ничтожное меньшинство, вдобавокъ еще связанное уставомъ «Коло», выработаннымъ консерваторами и требовавшимъ отъ членовъ клуба безусловнаго подчиненія рѣшеніямъ большинства. Такимъ образомъ даже вполне либерально и демократически настроенный членъ «Коло» оказывался связаннымъ по рукамъ и по ногамъ уставомъ, гарантирующимъ полную солидарность всѣхъ польскихъ депутатовъ.

Бывали правда попытки сломить эту солидарность, но онѣ ни разу не увѣчались успѣхомъ. При всякомъ подобномъ случаѣ пресса, находящаяся въ рукахъ консервативной партіи и пользующаясь огромнымъ вліяніемъ, поднимала страшный крикъ, обвиняя депутатовъ, дерзнувшихъ выступить въ парламентѣ противъ воли «Коло», въ измѣнѣ національному дѣлу, въ стачкѣ съ врагами польскаго народа и т. д. Неразвитая галиційская публика долгое время давала себя гипнотизировать звонкими фразами объ «общемъ національномъ дѣлѣ», «измѣнѣ отечеству» и т. д., не осмѣливаясь поддержать рѣшительнымъ образомъ такихъ диссидентовъ, и все оставалось по прежнему. Кромѣ того галиційскіе феодалы очень ловко пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти сторонника въ лицѣ такого либеральнаго депутата, который при извѣстныхъ условіяхъ могъ бы стать для нихъ опаснымъ. Довольно много либеральныхъ польскихъ депутатовъ (Щепановскій, Рutowскій, Левицкій и др.), выступавшихъ въ «Коло» противниками шляхты, очень быстро превращались въ вѣрныхъ слугъ и холоповъ феодально-клерикальнаго большинства. Одного изъ нихъ шляхта переманивала на свою сторону обѣщаніемъ доходнаго мѣста, другого забирала въ свои руки при помощи денегъ, вырочая его напр. изъ труднаго финансоваго положенія и т. д. Однимъ словомъ представители галиційскаго либерализма съ очень небольшимъ исключеніемъ попадали въ руки шляхты, которая умѣла парализовать воѣ ихъ благія начинанія.

Однако въ самое послѣднее время положеніе дѣла въ Галиціи начинаетъ довольно быстро измѣняться. На сцену выдвигается новый

факторъ, крестьянство. Голосъ крестьянства начинаетъ раздаваться все громче.

Въ нашей статьѣ о крестьянскомъ движеніи въ Галиціи *) мы подробно характеризовали всѣ теченія, которыя наблюдаются въ политической жизни галиційскаго крестьянства. Поэтому намъ не придется разсматривать каждое изъ нихъ. Мы можемъ ограничиться только нѣсколькими замѣчаніями, относящимся къ тому, что произошло въ средѣ галиційскаго крестьянства съ осени прошлаго года.

За это время перемянилось довольно много. Патеръ Стояловскій, который, какъ казалось, терялъ уже вліяніе на крестьянскія массы, вдругъ, благодаря безтактности галиційскаго высшаго духовенства и шляхты, сталъ популярнѣйшей личностью въ Галиціи. Дѣло въ томъ, что духовенство подъ напоромъ станчиковъ предало его анаемѣ и отлучило его отъ церкви, думая такимъ образомъ совершенно избавиться отъ несноснаго агитатора. Правящія въ Галиціи сферы рассчитывали на религіозность польскаго крестьянства и полагали, что священникъ, отлученный отъ церкви, не будетъ имѣть никакого вліянія на народныя массы. Однако расчетъ оказался невѣрнымъ. Крестьяне не только не отвернулись отъ отлученнаго, но стали смотрѣть на него, какъ на мученика за правое дѣло, какъ на страдальца за крестьянскіе интересы. Куда Стояловскій ни появлялся, крестьяне повсюду встрѣчали его съ несмысланнымъ энтузіазмомъ; устраивали ему факельцуги, торжественныя оваціи и т. д. На вѣча, созываемыя Стояловскимъ, стекался народъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей, а его рѣчи выслушивались прямо съ благоговѣніемъ. Напрасно священники съ амвоновъ деревенскихъ костеловъ толковали народу, что всякое сношеніе съ преданнымъ анаемѣ священникомъ навлекаетъ анаему и на крестьянъ. Ничего не помогало. Народъ молился на «мученика» и не слушалъ никакихъ увѣщаній. Тогда власти, видя, что дѣло обстоитъ еще хуже, нежели прежде, стали преслѣдовать Стояловскаго на каждомъ шагу. Какъ только онъ появлялся куда нибудь на вѣча, его арестовывали, перевозили въ ближайшій пунктъ, гдѣ находился судъ, запирали въ тюрьму и, спустя нѣкоторое время, приговаривали къ штрафу или къ болѣе или менѣе продолжительному тюремному заключенію. Обыкновенно придирались къ какой нибудь его рѣчи, находили въ ней и «нарушеніе общественнаго порядка», и «оскорбленіе властей», и проч. Это принудило его бѣжать въ Венгрію и поселиться въ Пештѣ. Впрочемъ и тамъ его не оставили въ покоѣ. По настоятельному требованію галиційскихъ властей онъ былъ арестованъ. Галиційскія власти требовали, чтобы онъ былъ препровожденъ въ Галицію, но этого добиться ни въ чемъ не удалось. Въ Пештѣ было созвано многочисленное собраніе по почину мѣстныхъ польскихъ рабочихъ. На этомъ собра-

*) См. «Русское Бог.» сентябрь 1896 г.

ни присутствовали члены венгерских оппозиционных партий. Собрание единогласно приняло резолюцию, требующую, чтобы венгерское правительство отказало галицийским властям в выдаче гонимого патера. Все общественное мнѣніе Венгрии заинтересовалось судьбой Стояловскаго, и онъ дѣйствительно не былъ выданъ.

И вотъ Стояловскій поселяется въ Чапѣ, городкѣ, лежащемъ у самой галиційской границы, переводить туда свою типографію и высылаетъ изъ Венгрии свои газеты «Вѣнецъ» и «Пчелку» въ Галицію. Важнѣйшіе изъ его сторонниковъ пріѣзжаютъ въ Чапу и вмѣстѣ съ нимъ вырабатываютъ планъ избирательной кампаніи. Вмѣстѣ съ этимъ дѣятельность Стояловскаго начинается принимать все болѣе и болѣе радикальный характеръ. Выступая на вѣчахъ и собраніяхъ, Стояловскій начинаетъ заявлять, что онъ совершенно согласенъ съ социаль-демократами по всемъ вопросамъ экономическаго и политическаго характера, хотя не можетъ признать религіи «частнымъ дѣломъ», какъ говорятъ социаль-демократы. Стояловскій сближается наконецъ и съ представителями рабочаго движенія въ Галиціи, помѣщаетъ въ своихъ органахъ статьи, въ которыхъ выражаетъ имъ свое сочувствіе и совѣтуетъ своимъ сторонникамъ идти рука объ руку съ организованными рабочими. Онъ неоднократно заявляетъ въ своихъ газеткахъ, что, какъ всѣ депутатскія полномочія изъ четвертой куріи должны принадлежать представителямъ крестьянства, точно такъ же вся пятая курія должна стать достояніемъ рабочихъ, которые добыли ее себѣ, благодаря неутомимой агитаціи въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Стояловскій агитировалъ въ этомъ направленіи и посредствомъ своихъ органовъ, расходившихся въ большомъ количествѣ экземпляровъ среди крестьянства, западной Галиціи и Силезіи, и посредствомъ писемъ, которыя онъ посылалъ важнѣйшимъ изъ своихъ приверженцевъ. За нѣсколько недѣль до выборовъ Стояловскій созвалъ въ Чапѣ съѣздъ своихъ сторонниковъ. На этомъ съѣздѣ онъ назначилъ кандидатовъ на всѣ округа четвертой куріи и на одинъ округъ пятой—крестьянъ, интеллигентовъ и священниковъ. На остальные округа пятой куріи онъ не назначалъ самостоятельныхъ кандидатовъ, а рекомендовалъ поддерживать всеми силами кандидатовъ рабочей партіи.

Что касается этой послѣдней, то въ самое послѣднее время она заняла въ Галиціи очень выдающееся мѣсто среди другихъ политическихъ партий. Такъ какъ Галиція страна чисто земледѣльческая, почти лишенная промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и фабричнаго пролетаріата, то эта партія не могла и думать о томъ, чтобы играть выдающуюся роль въ политической жизни страны. Только со времени введенія новаго избирательнаго закона, дажнаго гр. Бадени, галиційская рабочая партія получила большое значеніе. Дѣло въ томъ, что гр. Бадени, раздѣливъ Галицію на громадныя избирательныя округа, въ которыхъ городское на-

оселеніе утопало въ массѣ сельскаго, заставилъ социаль-демократовъ обратить серьезное вниманіе на агитацію среди крестьянъ. Галиційскіе социаль-демократы занимались ею спорадически и прежде, но со времени введенія новаго избирательнаго закона они беруться за это дѣло весьма энергично. Ихъ агитаторы начинаютъ устраивать многочисленныя собранія по деревнямъ, сначала только въ окрестностяхъ Кракова, а потомъ и въ остальныхъ округахъ. Очень неблагоприятныя экономическія условія, въ которыя поставлено галиційское крестьянство, громадное количество безземельнаго пролетаріата и прикованной къ землѣ бѣдности, которой за неизбѣннѣмъ въ галиційскихъ городахъ промышленности некуда дѣться—все это сильно благоприятствовало агитаціи въ деревняхъ. Личное вліяніе Стояловскаго, который въ своихъ органахъ и на вѣчахъ выражалъ солидарность съ организованными рабочими, тоже не мало помогло этому дѣлу.

Наконецъ рѣшено было основать специальный органъ для крестьянъ, который и появился въ Краковѣ осенью прошлаго года. Этотъ популярно редактируемый органъ сталъ очень быстро распространяться среди крестьянъ, которые читали его на расхватъ. Ко времени выборовъ рабочая партія уже имѣла среди крестьянства не только пассивныхъ приверженцевъ, но и активныхъ агитаторовъ, что позволило партіи выставить своихъ кандидатовъ въ большей части избирательныхъ округовъ пятой куріи.

Начавъ агитацію по деревнямъ, социаль-демократы должны были встрѣтиться тамъ съ одной стороны съ приверженцами Стояловскаго, а съ другой—съ руководимой г. Стапинскимъ и «Другомъ народа» крестьянской партіей. Первые приняли ихъ дружелюбно, вторые враждебно. Началась борьба между социаль-демократами и крестьянской партіей. Такъ какъ первые прежде всего рассчитывали на поддержку бѣднѣйшей части сельскаго люда и легко находили среди нихъ приверженцевъ, то крестьянской партіи волей-неволей пришлось опереться на болѣе зажиточныхъ мужиковъ, что тотчасъ же отразилось и на всей дѣятельности этой партіи. Мало по малу крестьянская партія начинаетъ терять свой радикальный характеръ. Она видимо переходитъ направо и завязываетъ тѣснѣйшія сношенія съ консервативной группой богатыхъ мужиковъ, группирующихся въ «Мужицкомъ Союзѣ». Результатомъ этого сближенія является соединеніе крестьянскаго клуба въ львовскомъ ландтагѣ съ депутатами изъ «Мужицкаго Союза» въ унию. Въслѣдствіе съ тѣмъ въ органахъ крестьянской партіи отодвигается на задній планъ борьба съ феодалами и клерикализмомъ, а вся ея агитація направляется противъ социаль-демократовъ. Консервативно-клерикальныя сферы, запуганныя неожиданнымъ появленіемъ рабочихъ агитаторовъ въ деревняхъ, готовы примириться съ крестьянской партіей цѣною незначительныхъ уступокъ.

Органы правительственной прессы смягчают свой тонъ, говоря о движеніи, руководимомъ г. Стапінскимъ.

Боевой кличъ «долой солидарность польскаго Кола» раздается все слабѣе и слабѣе со столбцовъ органовъ крестьянской партіи. Хотя прежде считалось дѣломъ совершенно рѣшеннымъ, что крестьянскіе депутаты, выбранные на основаніи программы «Друга народа», не войдутъ въ составъ польскаго «Кола», а составятъ спеціальныи клубъ, теперь органы крестьянской партіи настаиваютъ только на измѣненіи устава «Кола». Если уставъ «Кола» будетъ измѣненъ и членамъ крестьянской партіи будетъ дана возможность выступать самостоятельно по вопросамъ, касающимся крестьянскихъ интересовъ, то мы вступимъ въ «Коло», говорили эти органы. Консервативно-клерикальныя газеты какъ будто-бы и выступали еще противъ крестьянскаго движенія, руководимаго г. Стапінскимъ, однако отъ времени до времени онѣ даже хвалили его, обрушиваясь на Стояловскаго и социаль-демократовъ. Чѣмъ ближе было время выборовъ, тѣмъ смирнѣе становились вожаки крестьянской партіи. Болѣе радикальная часть крестьянства массами уходила подъ знамя Стояловскаго и социаль-демократовъ, къ крестьянскому движенію начали примазываться люди ничего съ нимъ общаго до сихъ поръ не имѣвшіе и явно надѣявшіеся въ качествѣ «народниковъ» заполучить депутатское полномочіе. Въ крестьянскомъ движеніи, руководимомъ «Другомъ Народа», все ярче стала выступать антисемитизмъ.

Крестьянская партія выставила своихъ кандидатовъ во всѣхъ округахъ западной Галиціи какъ въ пятой, такъ и въ четвертой куріи. То же самое сдѣлалъ и центральный комитетъ консервативно-клерикальной партіи. Приверженцы Стояловскаго уступили социаль-демократамъ всю пятую курію за исключеніемъ одного избирательнаго округа и выставили своихъ кандидатовъ только въ четвертой. Два вожака крестьянской партіи выступили и въ городской куріи во Львовѣ.

Результатъ выборовъ въ обѣихъ этихъ куріяхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Всѣ полагали, что социаль-демократы не только не будутъ выбраны ни въ одномъ округѣ, но даже не приобретутъ значительнаго количества голосовъ. То же самое думали и о приверженцахъ Стояловскаго. За то почти никто не сомнѣвался, что крестьянская партія побѣдитъ и правительственныхъ кандидатовъ, и кандидатовъ Стояловскаго, и социаль-демократовъ по крайней мѣрѣ въ 10—12 округахъ. Между тѣмъ вышло какъ разъ наоборотъ. Въ пятой куріи обѣ столицы Галиціи достались социаль-демократамъ Дашинскому и Козакевичу, причемъ первый изъ нихъ былъ избранъ колоссальнымъ большинствомъ; единственный кандидатъ Стояловскаго, крестьянинъ-ремесленникъ Кубикъ, тоже былъ избранъ. Что же касается крестьянской партіи, то ей удалось получить едва одно депутатское полномочіе, да и то единственно благодаря под-

держкѣ социаль-демократовъ, которые голосовали въ пользу крестьянскаго кандидата dr. Винковскаго при перебаллотировкѣ.

Выборы изъ четвертой куріи, на которую преимущественно считывала крестьянская партія, окончились полнымъ ея поражениемъ и торжествомъ Стояловскаго. Приверженцевъ Стояловскаго избрано пять, кандидатовъ крестьянской партіи только двое. Точно также и въ городской партіи провалились виднѣйшіе представители и вожди крестьянской партіи: бывший депутатъ Леваховскій и редакторъ «Львовскаго Курьера» Зеваховичъ. Въ числѣ избранныхъ изъ четвертой куріи сторонниковъ Стояловскаго, кромѣ четырехъ крестьянъ, оказался одинъ адвокатъ и одинъ священникъ, какъ разъ наканунѣ избранія лишенный права исполнять священническія обязанности—Штондеръ. Самъ Стояловскій, живя въ Чацѣ, руководилъ всѣми выборами своихъ кандидатовъ. Самъ онъ не могъ выступать кандидатомъ, такъ какъ потерялъ на шесть лѣтъ право избранія въ депутаты на основаніи одного судебного приговора. Въ декабрѣ этого года Стояловскій снова получилъ возможность участвовать въ выборахъ, такъ какъ къ этому сроку истекаетъ шесть лѣтъ со времени потери имъ пассивнаго избирательнаго права.. Одинъ изъ выбранныхъ теперь его сторонниковъ, по всей вѣроятности крестьянинъ Кубичъ, откажется отъ своего полномочія, а вмѣсто него войдетъ въ парламентъ самъ Стояловскій.

Во всей западной Галиціи консервативно-клерикальная партія потерпѣла страшное поражение, отъ которой ей уже не оправиться. Принципъ солидарности Коло уничтоженъ, такъ какъ ни приверженцы Стояловскаго, ни социаль-демократы не войдутъ въ составъ польскаго клуба въ парламентѣ. Такимъ образомъ въ австрійскомъ рейхстагѣ въ первый разъ появляется польская оппозиція. Она, правда, слаба въ количественномъ отношеніи, но за то за ней стоятъ народныя массы. Уже на первомъ засѣданіи новаго парламента польское «Коло» почувствовало, какъ непріятно имѣть земляковъ въ оппозиціи. Когда разсматривался вопросъ объ освобожденіи одного изъ галиційскихъ депутатовъ, приверженца Стояловскаго—крестьянина Шаера, заключеннаго въ тюрьму за избирательную агитацію, социаль-демократъ Дашинскій и сторонникъ Стояловскаго Данилякъ успѣли наговорить столько горькихъ истинъ польскому «Колу», что предсѣдатель этого послѣдняго Яворскій не могъ удержаться отъ слезъ негодованія.

Самымъ характернымъ моментомъ въ галиційскихъ выборахъ является избраніе двухъ *) социаль-демократовъ. Особенно поразителенъ выборъ Дашинскаго въ краковскомъ избирательномъ округѣ

*) Собственно говоря, избрано трое социаль-демократовъ. Третій—Желашкевичъ, заключенный въ тюрьму за избирательную агитацію, получилъ гораздо больше голосовъ, нежели его противникъ кс. Пасторъ. Но на 49-ти листкахъ, отданныхъ въ пользу Желашкевича, не было точки надъ Z, и эти

пятой куріи. Это округъ съ преобладающимъ крестьянскимъ населеніемъ, а между тѣмъ Дашинскій былъ избранъ такимъ большинствомъ голосовъ, какого не получилъ ни одинъ изъ рабочихъ кандидатовъ въ самыхъ промышленныхъ округахъ Чехіи и Моравіи. Въ то время, когда оба противника Дашинскаго — кандидатъ правительственной и кандидатъ крестьянской партіи — получили вмѣстѣ 6.000 голосовъ, онъ былъ избранъ 23.000 голосовъ изъ 29, участвовавшихъ въ выборахъ. Однихъ крестьянскихъ голосовъ Дашинскій получилъ слишкомъ 12.000.

Точно также и во львовскомъ округѣ, гдѣ противъ рабочаго кандидата Казакевича выступилъ прежній городской голова Мохнацкій и радикалъ Брайтеръ, Козакевичъ получилъ громадное количество крестьянскихъ голосовъ. Выборъ (фактическій) Желяшкевича въ чисто-крестьянскомъ, къ тому же еще смѣшанномъ, польско-русинскомъ ярославскомъ округѣ, прямо поразителенъ. И другіе рабочіе кандидаты получили внушительное количество голосовъ и то даже въ такомъ округѣ, гдѣ агитація не велась интенсивно, и гдѣ злоупотребленія были очень велики.

Выборы въ Краковѣ отличались необыкновеннымъ оживленіемъ. Весь городъ съ ранняго утра въ день выборовъ имѣлъ какой-то торжественный, праздничный видъ. Не смотря на то, что участіе избирателей въ выборахъ было очень велико, однако, порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ, и войска, стоявшія во всеоружіи передъ избирательнымъ бюро, уже къ десяти часамъ утра были убраны. Когда же подъ вечеръ стало извѣстно, что Дашинскій избранъ, ликовавію населенія не было предѣловъ. 25-тысячная толпа устроила овацію своему депутату, и достаточно было нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ имъ, чтобы всѣ эти люди спокойно разошлись по домамъ.

Точно также торжественно и спокойно прошелъ день выборовъ и во Львовѣ, но тамъ ликовавіе было омрачено печальнымъ событіемъ въ Давидовѣ, деревенькѣ, расположенной недалеко отъ Львова. Возмущенные злоупотребленіями, которыя производилась избирательной комиссіей, крестьяне начали волноваться и угрожать мстью коминсару. Въ село пришло войско, нѣсколько десятковъ крестьянъ заковали въ кандалы и отправили во Львовъ. Слѣдствіе до сихъ поръ еще не окончено.

Давидовская исторія доказываетъ, какъ не правы были тѣ изъ русиновъ и поляковъ, которые усматривали во всѣхъ злоупотребленіяхъ и крестьянскихъ волненіяхъ въ восточной Галиціи исключительно національную подкладку. Польскія повиннистическія газеты

листки не были приняты во вниманіе. Не смотря на это, Желяшкевичъ былъ побитъ при баллотировкѣ, единственно благодаря тому, что сторонники крестьянской партіи поддержали правительственнаго кандидата. Выборъ Пастора по всей вѣроятности не будетъ утвержденъ парламентомъ.

представляли всю избирательную агитацію руснянскихъ оппозиціонныхъ партій, какъ проповѣдь ненависти противъ «ляховъ», а въ званіи этой агитаціей волненія, какъ «антипольскія». Давидово — чисто польское село, въ которомъ нѣтъ ни одного русина. Кандидатъ, въ пользу котораго голосовало Давидово, былъ полякъ (Козакевичъ). Вообще, благодаря реформѣ гр. Вадени и притоку широкихъ массъ не участвовавшего до сихъ поръ въ избирательномъ движеніи населенія, національные факторы, игравшіе прежде въ Австріи такую выдающуюся роль, начинаютъ отодвигаться на задній планъ.

Такъ, въ сѣверной части Чехіи, которая до сихъ поръ была ареной отчаянной національной борьбы между нѣмецкимъ большинствомъ и чешскимъ меньшинствомъ, на этотъ разъ политическая борьба имѣла совершенно иной характеръ, благодаря вѣдательству рабочей партіи. Результатъ былъ тотъ, что всѣ пять депутатскихъ полномочій сѣверной Чехіи попали въ руки социаль-демократовъ. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ именно сѣверная Чехія является самой промышленной частью Австріи. Мало того. И въ результатъ выборовъ изъ сельской куріи тѣхъ же округовъ рабочіе кандидаты четвертой куріи получили очень значительное количество голосовъ. Что же касается городовъ сѣверной Чехіи, то въ Рейхенбергѣ, въ Эгерѣ, въ Карлобадѣ, въ Теченѣ и въ Габлонцѣ дѣло дошло даже до перебаллотировки между либеральными и рабочими кандидатами, причемъ либералы побѣждали единственно благодаря тому, что въ пользу нихъ голосовали не только ихъ приверженцы, но и націоналы, и клерикалы, и кое-гдѣ даже чехи.

За исключеніемъ нѣмецкой части Чехіи и Силезіи, всѣ остальные части наслѣдія св. Вацлава высказались преимущественно въ пользу младочеховъ, которые съ одной стороны уничтожили остатки старочешской партіи, съ другой — нанесли тяжелый ударъ нѣмецкимъ либераламъ. Въ пятой куріи Богеміи изъ одиннадцати округовъ съ преобладающимъ чешскимъ населеніемъ только два попали въ руки чешскихъ социаль-демократовъ: Смиховъ и Пильзно. Всѣ остальные были взяты младочехами. Одинъ изъ нихъ, пражскій, они получили, впрочемъ, съ большими усиліями. Въ этомъ округѣ былъ выставленъ младочехъ Бржезновскій, извѣстный своими радикальными рѣчами національнаго характера и пользующійся большою популярностью въ чешскихъ массахъ. Его соперникомъ былъ Дѣдиць, опытный вождь рабочаго движенія. Шансы Бржезновскаго были довольно хороши, такъ какъ пражскій округъ состоитъ изъ одной только Праги, безъ предмѣстій. Предмѣстья, которыя нѣкогда были самостоятельными городами, въ настоящее время совершенно слились съ Прагой, что однако не имѣло правительству присоединить ихъ къ сосѣднимъ, чисто крестьянскимъ избирательнымъ округамъ. Въ самой же Прагѣ фабрикъ и вообще промышленныхъ заведеній почти нѣтъ: всѣ они находятся на предмѣстьяхъ,

гдѣ и живеть преобладающее большинство рабочихъ, даже тѣхъ, которые работаютъ въ самой Прагѣ. Тѣмъ не менѣе рабочій кандидатъ получилъ столько голосовъ, что нужно было прибѣгнуть къ перебаллотировкѣ. И вотъ радикалъ Бржезновскій, чтобы обезпечить себѣ депутатское полномочіе, направился къ вожаку мѣстныхъ клерикаловъ и далъ обѣщаніе, что онъ не будетъ выступать въ парламентѣ противъ требованій клерикаловъ. Заручившись поддержкой клерикальных элементовъ, Бржезновскій былъ уже увѣренъ въ побѣдѣ. И тѣмъ не менѣе, однако, Дѣдицу удалось получить слишкомъ пятнадцать тысячъ голосовъ, всего на нѣсколько тысячъ меньше Бржезновскаго.

Этотъ союзъ свободомыслящаго радикала съ клерикалами очень характеренъ и въ выборахъ изъ пятой курсин не былъ явленіемъ рѣдкимъ. Въ той же Чехии мы видимъ какъ при баллотировкахъ нѣмцы братаются со своими заклятыми врагами чехами, феодалы бросаются въ объятія младочешскихъ демократовъ, антисемиты онираются на богатыхъ евреевъ и т. д. Соціальный факторъ устраняетъ все соображенія національнаго и религіознаго характера, сближаетъ партіи, которыя до сихъ поръ враждовали другъ съ другомъ и соединяетъ ихъ въ одномъ лагерѣ для борьбы съ общимъ, болѣе опаснымъ врагомъ.

Въ сельской куріи младочехи побѣдили всездѣ, гдѣ преобладаетъ чешское населеніе. Только въ трехъ избирательныхъ округахъ были избраны чешскіе кандидаты, выставленные противъ официальныхъ кандидатовъ младочешскаго центрального избирательнаго комитета, да и то одинъ изъ нихъ—пресловутый Вашатный—младочехъ. Изъ двухъ остальныхъ одинъ клерикалъ, другой—аграрій.

Въ городской куріи чехамъ удалось одержать блестящую національную побѣду въ Будвейсѣ (Богемія) и Ольмоуцѣ (Моравія). Первый изъ этихъ городовъ считался до сихъ поръ главной твердыней нѣмецкаго могущества въ южной Богеміи, второй игралъ такую же роль въ сѣверной Моравіи.

Благодаря этимъ побѣдамъ въ Богеміи и Моравіи, младочешскій клубъ въ парламентѣ почти удвоился. Прежде младочеховъ было 36, теперь ихъ будетъ 61. Чешскихъ социаль-демократовъ выбрано шесть, изъ нихъ одинъ избранъ голосами польскихъ рабочихъ и крестьянъ въ восточной Силезіи, причѣмъ онъ побѣдилъ польскаго клерикала Цвнцалу.

Что касается южныхъ славянъ, то число ихъ въ новомъ парламентѣ не особенно увеличилось по сравненію со старымъ. Напр., словинцевъ какъ было, такъ и осталось 16. Они приобрѣли два новыхъ полномочія, но за то потеряли два прежнихъ. Особенно чувствительна для словинцевъ потеря истрійскаго полномочія. Не смотря на то, что въ Истріи итальянцы представляютъ меньшинство населенія, истрійскимъ полномочіемъ завладѣлъ итальянскій прогрессистъ (прредентистъ).

Число хорватовъ увеличилось на 4 (теперь ихъ 11), сербовъ на 1.

Въ предъидущемъ парламентѣ было всего тринадцать итальянцевъ, теперь же ихъ девятнадцать. Итальянскіе прогрессисты, которые до сихъ поръ не принимали никакого участія въ выборахъ, приобрѣли пять депутатскихъ полномочій: одно изъ пятой куріи, три въ городской и одно въ куріи торговопромышленныхъ палатъ.

Незначительно увеличилось и количество румынъ, которые, между прочимъ, выбрали одного своего представителя въ буковинской пятой куріи.

Такимъ образомъ, всё не нѣмецкія народности Австріи воспользовались избирательной реформой гр. Бадени и сдѣлали усилить свои позиціи въ вѣнскомъ парламентѣ. Число нѣмцевъ въ рейхстагѣ относительно уменьшилось, главнымъ образомъ благодаря пораженьямъ въ Чехіи и Моравіи. Особенно чувствительное пораженье потерпѣли нѣмецкіе либералы, которые потеряли 28 депутатскихъ полномочій и изъ одной изъ самыхъ вліятельныхъ партій стали группой почти безъ всякаго вліянія.

Процессъ внутренняго разложенія и полного банкротства нѣмецкой либеральной партіи является однимъ изъ самыхъ характерныхъ явленій политической жизни Австріи. Подъ давленіемъ съ одной стороны консервативно-клерикальныхъ, съ другой радикальныхъ элементовъ, нѣмецкая либеральная партія отодвигается на задній планъ, а кое-гдѣ и совершенно вытѣсняется. Подобный процессъ замѣчается, впрочемъ, не только въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ до сихъ поръ господствовала нѣмецкая либеральная партія. То же самое, только съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, обусловливаемыми мѣстными отношеніями, мы замѣчаемъ и въ Галиціи, и въ Чехіи.

Либеральная партія, являющаяся представительницей интересовъ буржуазіи, была до недавняго времени вмѣстѣ съ тѣмъ и представительницей истиннаго либерализма. Буржуазный либерализмъ въ Австріи былъ втеченіе извѣстнаго времени носителемъ идеи прогресса и велъ борьбу съ реакціею еще тогда, когда средствомъ борьбы была революція. Но либерализмъ въ Австріи точно такъ же, какъ и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ, сыгралъ свою роль. Тѣ положительныя и прогрессивныя идеи, которыя онъ защищалъ прежде, стали достояніемъ другихъ, болѣе крайнихъ теченій. Либералы начали очень быстро терять сторонниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ передвигаться направо. Политическія пораженья, которыя они терпѣли въ послѣднее время, окончившіяся почти полнымъ вытѣсненіемъ ихъ изъ тѣхъ позицій, которыя они занимали втеченіе многихъ лѣтъ, вызвали среди либеральной интеллигенціи попытку возродить и истинный либерализмъ въ его прогрессивной формѣ. Такимъ путемъ возникла въ Вѣнѣ группа т. н. социаль-политиковъ. Эта молодая партія, во главѣ которой стоятъ: проф. Евгеній Филиповичъ, проф. Груберъ, dr. Оффнеръ, депутатъ Кронаветтеръ,

Отто Витгельсхоферъ, одинъ изъ соредакторовъ очень распространеннаго журнала «Die Zeit» и др., выступила на политическую арену подъ знаменемъ борьбы съ клерикализмомъ и всякаго рода реакціей во имя широкой социальной реформы. Стоя за всеобщее, непосредственное, равное и тайное избирательное право, за податную реформу въ духѣ прогрессивнаго подоходнаго налога, социаль-политики думали обновить упавшій австрійскій либерализмъ и, опираясь на интеллигенцію, воздѣйствовать на мѣщанство, преимущественно мелкое. Социаль-политики приняли участіе въ избирательной борьбѣ и, поддерживая въ пятой куріи кандидатовъ рабочей партіи, выставили своихъ собственныхъ кандидатовъ въ третью, городскую. Однако, нельзя сказать, чтобы ихъ первый дебютъ былъ удаченъ. Изъ семи кандидатовъ социаль-политиковъ въ парламентъ проникнуть удалось едва лишь одному, да и то такому, котораго поддерживали и либералы, и вообще всѣ прогрессивные элементы даннаго округа. Впрочемъ, единственный депутатъ, избранный въ качествѣ социаль-политика, dr. Кронаветтеръ, уже и прежде былъ членомъ парламента, гдѣ онъ послѣ Пернерсторфера былъ самымъ прогрессивнымъ депутатомъ.

Повидимому, партіи социаль-политиковъ не суждено играть выдающейся роли въ политической жизни Австріи, молодая интеллигенція въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей идетъ гораздо дальше налѣво, чѣмъ социаль-политики, а мѣщанство, на которое социаль-политики сильно рассчитывали, вовсе не проявляетъ желанія ихъ поддерживать.

По мѣрѣ того, какъ либерализмъ въ Австріи вытѣсняется изъ занимаемыхъ имъ до сихъ поръ позицій, клерикализмъ все выше и выше поднимаетъ голову. Мы посвятили австрійскому клерикализму специальное письмо *) и поэтому не будемъ здѣсь о немъ говорить подробно. Достаточно только сказать, что число *яемал* клерикаловъ въ австрійскомъ парламентѣ почти удвоилось. При послѣднихъ выборахъ они завладѣли всѣми депутатскими полномочіями пятой куріи Тироля, Зальцбурга, Форарльберга, сохранивъ при этомъ и прежнія позиціи остальныхъ курій.

Антисемиты, которые приобрѣли 18 новыхъ мѣстъ и будутъ представлять въ парламентѣ сильный клубъ изъ 28 членовъ, несомнѣнно станутъ союзниками клерикаловъ и поддержать ихъ реакціонныя требованія относительно школьной реформы и другихъ подобныхъ вопросовъ.

Вообще, въ новомъ парламентѣ духъ реакціи и клерикализма будетъ преобладать. Кучка истинно прогрессивныхъ депутатовъ будетъ очень не велика, а ея дѣятельность на каждомъ шагѣ встрѣтитъ отпоръ со стороны сомкнутыхъ рядовъ реакціонныхъ партій.

Л. Василевскій.

*) См. ноябрьскую книжку «Р. Б.» 1896 г.

ИЗЪ АНГЛІИ.

I.

Англійская политическая печать, прежде чѣмъ достигла того независимаго положенія, которое она занимаетъ теперь, прошла долгій и тернистый путь; суровыя наказанія ожидали тѣхъ авторовъ, которые осмѣливались критически относиться къ тому или другому явленію. За примѣрами ходить недалеко, въ 1540 г. Джонъ Стабсъ и Робертъ Педонъ были присуждены къ отсѣченію рукъ за памфлетъ противъ Елизаветы. Въ 1630 г. Александръ Лейтонъ, отецъ архіепископа, былъ выставленъ у позорнаго столба и затѣмъ съченъ за то, что написалъ «a fanatical and rude libel on the queen and bishops», — такъ говоритъ современникъ (фанатическій и грубый пасквиль на королеву и епископовъ). Четыре года спустя, смѣлый обличитель духовенства Вильямъ Прейнъ былъ осужденъ звѣздной палатой, какъ «схизматикъ и клеветникъ». Судъ приговорилъ выжечь ему на обѣихъ щекахъ каленымъ желѣзомъ буквы «S. L.» (Schismatical Libeller) и заточить его въ тюрьму на всю жизнь. Несчастный нашелъ еще силы для каламбура и сказалъ, чтобы ему выставили на щекъ Stigmatæ Laudes, печать архіепископа Лауда. За это Прейну отрѣзали еще и ухо.

Добрый авторъ «Робинзона Крузе» былъ неустрашимый журнальный боецъ. За памфлетъ противъ короля онъ былъ выставленъ у позорнаго столба и затѣмъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ онъ написалъ свою поэму «Hymn to the Pillory» (Гимнъ къ позорному столбу), которая долгое время служила, своего рода, боевымъ лозунгомъ для англійскихъ журналистовъ. Въ душной камерѣ Ньюгетской тюрьмы Дефо и сталъ издавать свою газету *The Review*, которая, для своего времени, была крупнымъ общественнымъ явленіемъ. «Письма Сукошника», о которыхъ ниже, были конфискованы, ихъ авторъ не миновалъ бы позорнаго столба, еслибы былъ открытъ. Въ желаніи преслѣдовать независимое слово недостатка не было. Позорный столбъ для журналистовъ воздвигался даже при ганноверской династіи. Памфлеты и журналы конфисковались и сжигались рукой палача; но изъ пепла, какъ фениксъ, возникла свободная пресса. Если противъ журналистовъ была сила, то за нихъ—общественное мнѣніе. Тѣхъ, кого клеймили, какъ преступниковъ, общественное мнѣніе, въ видѣ протеста, избирало альдерменами, шерифами или же членами парламента. Одно время общественное мнѣніе перестало поддерживать печать. Это было тогда, когда журналисты потеряли чувство самоуваженія, когда газеты наполнились

низкой и грубой лестью, когда дѣятели печати, вмѣсто того, чтобы объединиться, осыпали другъ друга грубыми ругательствами; когда «полемика» достигла тѣхъ размѣровъ, какъ между «Eatanswill Gazette» и «Eatanswill Independent», двумя газетами, описанными Диккенсомъ въ «Пиквикахъ». Затѣмъ личная полемика изгоняется совершенно. Районъ критическаго изслѣдованія печати становится крайне широкимъ. И, замѣчательное дѣло, прогрессивно съ этимъ растетъ тотъ спокойный, корректный тонъ, которымъ отличаются теперь всѣ большія англійскія газеты.

Периодическая политическая печать народилась въ Англии, сравнительно, позже. Первая правильная газета, въ томъ смыслѣ, какъ принято называть теперь, появилась лишь 1665 г. (The Oxford Gazette), хотя гораздо раньше, не периодически, появлялись куранты, содержавшія текущія новости. Первые политическія газеты: *The Postboy*, *The Daily Courant*, *Flying Post*, появившіяся въ царствованіе королевы Анны, были настолько мало распространены, что публицисты, чтобы высказаться, прибѣгали къ старой формѣ памфлета. Собственно говоря, памфлетъ, это — первая политическая англійская газета. Авторы памфлетовъ необыкновенно чутко отзывались на каждую злобу дня. Памфлеты расходились десятками тысячъ, и нѣкоторые изъ нихъ наносили жестокой ударъ правительственной партіи.

Врядъ-ли можно указать на много памфлетовъ, которые напущали бы такъ и имѣли бы такое огромное вліяніе, какъ Drarier's Letters (Письма Суконщика) Свифта. Происхожденіе ихъ таково. Въ Ирландіи чувствовалась необходимость въ мелкой мѣдной монетѣ. Въ 1720 г. богатый землевладѣлецъ Вильямъ Вудъ черезъ герцогиню Кендалъ, любовницу короля, получилъ привилегію на чеканку фартинговъ и полпени на сумму въ 100 тысячъ фунтовъ ст. Вудъ сговорился съ Кендалъ такъ. Монету онъ станетъ чеканить на 40% ниже ея стоимости, а барыши они раздѣлятъ пополамъ. Нужно сказать, что и безъ того Вуда ненавидѣли въ Ирландіи, потому что онъ круто и грубо давалъ чувствовать населенію свое право богатаго землевладѣльца. Въ населеніи началось глухое броженіе. Были недовольны тѣмъ, что король отдалъ привилегію не ирландцу, тѣмъ, что монету чеканили въ Англии, не говоря уже о малодѣльности новыхъ полпени, которая была открыта впоследствии. Вѣроятно, общественное неудовольствіе быстро улеглось бы, если бы на сцену не явился могучій памфлетистъ. Вудовы полпени послужили Свифту поводомъ направить свои удары на правительство. Одинъ за другимъ появились памфлеты, озаглавленные «Письмами Суконщика». Они были обращены и къ торговымъ людямъ, держателямъ лавокъ, фермерамъ и, вообще, къ деревенскому люду королевства Ирландіи *) «Языкъ этихъ памфлетовъ надолго послу-

*) „To the tradesmen, shopkeepers, farmers, and country-people in general, of the Kingdom of Ireland“.

жилъ образцомъ для всѣхъ сотрудниковъ народныхъ газетъ въ Соединенномъ Королевствѣ. Да врядь ли они и теперь вполне чужды подражанія.

«Братцы, друзья, земляки и товарищи,—писалъ «суконщикъ», отъ имени котораго обращался Свифтъ.—То, что я собираюсь сказать вамъ, близко касается васъ, вашего спасенія, вашего хлѣба насущнаго, и жизнь вашихъ дѣтей всецѣло зависитъ отъ этого. Въ силу этого я заклиная васъ, какъ людей, какъ христіанъ, какъ отцовъ и какъ патриотовъ, прочесть эту статью съ большимъ вниманіемъ. Если же вы неграмотны, просите другихъ прочесть... Вначалѣ я вамъ расскажу фактъ, а потомъ уже научу, какъ вамъ слѣдуетъ поступить... Нѣкій Вудъ досталъ королевскій патентъ на чеканку на 108 тысячъ фунтовъ мѣдныхъ монетъ. Большая печать его величества отнюдь не обязываетъ васъ принимать эти фартиги и полпени... Вы должны знать, что въ Англіи мѣдная монета стоитъ почти столько, сколько вѣситъ. Если вы продадите мѣднику на вѣсъ монету, то вы потеряете всего лишь около пенса на шиллингъ. Но Вудъ сострипалъ свою монету изъ такого малоцѣннаго матеріала и сдѣлалъ ее настолько легче англійскихъ пенсовъ, что за шиллингъ новыхъ фартиговъ и полпени мѣдникъ не дастъ вамъ даже и пенса. Такимъ образомъ, за негодную дрянъ (trash), за которую съ васъ требуютъ 108 тысячъ фунтовъ, едва-едва можно дать восемь тысячъ. Но это еще не самое худшее. Вудъ можетъ тайкомъ отчеканить новыя 108 тысячъ и, такимъ образомъ, скупить все ваше добро за одну двѣнадцатую часть его дѣйствительной стоимости. Объясню вамъ это примѣромъ. Если шапочникъ хочетъ продать дюжину шляпъ по пяти шиллинговъ и возьметъ уплату вудовскою монетою, то, вмѣсто 3 фунтовъ, онъ получитъ лишь пять шиллинговъ». Далѣе авторъ предлагаетъ запрашивать у явившихся съ новою монетою цѣну въ десять разъ большую дѣйствительной. «Если сквайръ задумаетъ пріѣхать въ городъ, чтобы купить платье или вина, или бакалею, или чтобы провести здѣсь всю зиму,—то пусть онъ приведетъ съ собою пять или шесть коней, нагруженныхъ новою монетою, если онъ хочетъ расплачиваться ею. А если его барыня пожалуетъ въ вашу лавку, то пусть везутъ за ней цѣлую телѣгу, нагруженную вудовскою монетою. Надѣюсь, вы станете принимать ее только по той цѣнѣ, которую она стоитъ... Что касается меня, то я уже рѣшилъ, что дѣлать. У меня хорошая лавка съ ирландскимъ сукномъ и шелкомъ (нужно помнить, что Свифтъ говоритъ отъ имени суконщика). Вмѣсто того, чтобы принимать скверную вудовскую мѣдь, я буду мѣняться товарами съ моими сосѣдями—мясникомъ, булочникомъ и пивоваромъ. То небольшое количество золота и серебра, которое есть у меня, я стану хранить, какъ зѣлицу ока, до лучшихъ временъ или же до моего смертнаго часа. Тогда я велю закупить вудовскихъ денегъ, какъ закупилъ мой отецъ мѣдныхъ денегъ ко-

роля Якова *), причемъ платилъ по гинеѣ за 10 фунтовъ. Я надѣюсь купить столько же на пистоль и наторговать хлѣба, если только найдутся дураки, которые возьмутъ у меня негодную монету». Суконщикъ говорить дальше, что новыя деньги легко можно будетъ поддѣлать, такъ какъ это дастъ фальшивомонетчикамъ большой барышъ. — «Я никогда не кончилъ бы, еслибы сталъ перечислять всѣ напасти, которыя вытершимъ мы, если примемъ проклятую монету. Итакъ, друзья мои, держитесь всѣ за одного и откажитесь принимать мерзкую дрянъ» (this filthy trash **). Pamфлетъ вызвалъ настоящую бурю. Напрасно правительство обѣщало огромную сумму тому, кто укажетъ автора или же издателя. Въ Ирландіи ихъ знали всѣ, но доносчикъ не находился. Правительство тогда назначило слѣдственную комиссію, которая заявила, что вудова монета полноцѣнна и хорошаго качества; но «суконщику» вѣрили больше, чѣмъ всѣмъ директорамъ королевскаго монетнаго двора, взятымъ вмѣстѣ. На оффиціальнѣйшій отчетъ слѣдственной комисіи послѣдовало новое «письмо суконщика». «Опасность нашего разоренія приближалась еще больше,—говоритъ авторъ во второмъ памфлетѣ.—Въ силу этого, я нахожу необходимымъ вновь предостеречь васъ». На этотъ разъ «предостереженія» были сдѣланы въ гораздо болѣе рѣзкомъ тонѣ. Нападки на правительство сдѣлались гораздо смѣлѣе. Относительно испытанія монеты, «суконщикъ» писалъ, что Вудъ послалъ лишь нѣсколько хорошихъ образцовъ; но это вовсе не доказываетъ, что всѣ его деньги хороши. «Пастухъ приноситъ мнѣ продать овцу и увѣряетъ, что остальная сотня, которая пастется на лугу, такая же жирная и тонкорунная. Развѣ я гарантированъ, что онъ не надуетъ меня?» — задаетъ вопросъ суконщикъ ***)

Въ концѣ-концовъ все закончилось побѣдой Свифта. Правительство вынуждено было уничтожить контрактъ и заплатить Вуду огромную неустойку (по 3 тысячи фунтовъ въ годъ въ видѣ пенсіи). «Низкоцѣнная» монета была переплавлена. Я остановился нѣсколько на этомъ эпизодѣ потому, что онъ даетъ представление о томъ, какъ англійскіе публицисты трактовали экономическіе вопросы, примѣняясь къ народнымъ понятіямъ, а также потому, что вліяніе «Писемъ Суконщика» мы узнаемъ нѣсколько лѣтъ спустя въ статьяхъ, появившихся въ «North Briton», въ первой вліятельной англійской политической газетѣ прошлаго столѣтія. Основателемъ ея былъ Джонъ Вилькесъ (Wilkes), одна изъ тѣхъ пылкихъ, страстныхъ натуръ, которыхъ больше всего страшитъ одно—спокойствіе. Что бы

*) Король Яковъ, нуждаясь въ деньгахъ, чтобы заплатить жалованье солдатамъ, прибѣгъ къ послѣднему средству, за которое хватается гибнущее правительство: онъ уменьшилъ цѣнность монеты.

***) The Works of Jonathan Swift, vol. VI, p. p. 360—373.

***) The works of J. Swift, v. VI, p. 378.

ни говорили враги его, какія бы отрицательныя черты они ни указывали въ его личной жизни, но несомнѣнно, что Вилькесъ былъ честный и горячо преданный дѣлу борецъ за народныя права. Даже теперь, спустя полтора ста лѣтъ, вы съ удивленіемъ можете встрѣтить въ англійской литературѣ сочиненія, въ которыхъ авторы запальчиво и съ полемическимъ задоромъ говорятъ о дѣятелѣ, для котораго уже давнымъ-давно наступилъ «судъ исторіи». Вилькесъ родился 17 октября 1727 г. Сынъ богатыхъ родителей, онъ получилъ хорошее воспитаніе въ Лейденскомъ университетѣ. Тогда тамъ была цѣлая колонія англійской молодежи. О своеобразной жизни ея можно найти много интереснаго у Карлейла. Во время путешествій по Голландіи и по Германіи молодой человекъ научился понимать и любить народъ. Тогда у него явилась мысль посвятить себя защитѣ интересовъ его. Въ 1748 г. Вилькесъ возвратился на родину, гдѣ вскорѣ сошелся съ кружкомъ Вилліама Питта. Онъ становится общественнымъ дѣятелемъ, членомъ различныхъ комиссій, потомъ попадаетъ въ парламентъ. Съ теченіемъ лѣтъ Вилькесъ все болѣе и болѣе началъ расходиться во взглядахъ съ Питтомъ и въ 1767 г. основываетъ свою собственную газету, потому что считаетъ, что путемъ печати можно гораздо больше сдѣлать, чѣмъ путемъ парламентской дѣятельности. Эта газета и есть «North Briton», составившая настоящую эпоху въ исторіи англійской журналистики. Въ первый разъ дѣятельность государственныхъ людей Англій подверглась суровой критикѣ, причемъ дѣятели назывались полными именами. Рѣзкой критикѣ подверглась дѣятельность всемогущаго графа Бьюта. Съ перваго же номера газета взяла необыкновенно высокій тонъ. «Свобода печати — прирожденное право всякаго британца и, по справедливости, считается надежнѣйшимъ оплотомъ независимости нашей страны», — писалъ Вилькесъ во вступительной статьѣ. — «Независимая пресса была всегда грозой для всѣхъ дурныхъ министровъ, ибо ихъ темныя или же опасныя замыслы, ихъ слабость, неспособность, двойственность находили суроваго судью» *). Силъ-ность газеты поразила всѣхъ. Она не боялась касаться даже такихъ щекотливыхъ темъ, какъ вліяніе лорда Бьюта на мать короля Георга III. По поводу поглощенія Англій Шотландіи и Ирландіи (въ гербѣ которыхъ, между прочимъ, находится репейникъ) Вилькесъ писалъ: «Надняхъ скончался почтенный, честный и прямодушный джентльменъ м-ръ Джонъ Буль. Онъ подавился колочкой, которую онъ въ видѣ украшенія помѣстилъ на своемъ салатѣ. До этого плачевнаго событія Джонъ Буль пользовался отъѣннымъ здоровьемъ». Языкъ Вилькеса былъ подчасъ грубъ, но всегда силенъ и энергиченъ; сатирическія же стрѣлы редактора всегда прямо попадали въ цѣль. Вотъ примѣръ. Вышелъ «Словарь» д-ра Джонсона. Вилькесъ пишетъ рецензію. «Мнѣ кажется, почтенный авторъ

*) Memoirs of the Reign of George III, vol. I, p. 171.

могъ бы дополнить объясненіе нѣкоторыхъ словъ. Мы нашли, на-
примѣръ, что объясненіе слова «пенсія» не достаточно полно. А
между тѣмъ у достопочтеннаго доктора такая огромная эрудиція
въ этомъ отношеніи! Мы надѣемся, что во второмъ изданіи «Сло-
варя» уважаемый докторъ внесетъ нашу поправку, которую мы
смирно предлагаемъ: «пенсія, это — деньги, которыя выдаются
продажнымъ душамъ за измѣну родинѣ». Въ данномъ случаѣ, ударъ
попалъ прямо въ сердце Джонсону. Чтобы бороться съ North Bri-
ton'омъ графъ Бьютъ основалъ свою собственную газету; но Виль-
кесъ убилъ ее во мнѣніи публики. «Auditor» (такъ назывался жур-
наль) прекратился, и Вилькесъ написалъ ему эпитафію:

Deep in this bog «The Auditor» lies still;
His labours finished, and worn out his quill,
His fires extinguished, and his works unread,
In peace he sleeps with the forgotten dead.
With heath and sedge, oh, may his tomb be dressed,
And his own turf lie light upon his breast *).

(Глубоко въ этомъ болотѣ мирно почилъ «Слушатель». Труды
его покончены, а перо исписалось совсѣмъ. Пламя его потухло, а
писанія остались непрочитанными. Здѣсь онъ тихо спитъ своимъ
забвеніемъ. Пусть могила его заростетъ верескомъ и осокой, а дерѣв-
не давить ему грудь). Популярность журнала увеличивалась; но
вмѣстѣ съ нею росло число враговъ. Однако, все шло благополучно
до тѣхъ поръ, пока вышелъ 45-й номеръ, въ которомъ помѣщена
была пламенная статья противъ всѣхъ, «покушающихся на народ-
ныя права». Эпиграфомъ были выбраны слова Цицерона: «Oratio-
nis atrox et vehemens, cui opponitur lenitatis et mansuetudinis». Авторъ
не побоялся выступить даже противъ стремленій Георга III
подчинить себѣ парламентъ. Вотъ заключительныя строки этой
статьи: «Англійскій король—лишь первое должностное лицо своей
страны. Законъ вѣрилъ въ его руки всю исполнительную власть;
король отвѣтствуетъ передъ своей страной, если онъ злоупотребитъ
этой властью или если выберетъ недобросовѣтнаго министра.
Личный характеръ нашего возлюбленнаго короля идеальный. Мы
счастливы сознаниемъ, что народная власть передана въ хорошія
руки; но любимцы короля вызвали противъ себя справедливое не-
годованіе всей страны. Прерогатива короны не состоитъ въ томъ,
чтобы облекать вѣренной ей властью, руководясь лишь слѣпой
симпатіей. Въ данномъ случаѣ руководителями должны быть мудрость
и государственное благо. Таковъ духъ нашей конституціи. Народъ
тоже имѣетъ свои прерогативы. Я надѣюсь, что стихъ Драйдена
глубоко запечатлится у всѣхъ:

«Freedom is the English subject's Prerogative».

*) Fox Bourne, «English Newspapers», v. I, p. 162.

(Свобода—прерогатива англійскаго подданнаго) *). На другой день послѣ выхода № изданъ былъ приказъ арестовать автора, издателя и распространителей статьи, которая аттестовалась «глупымъ и возмутительнымъ пасквилемъ, стремящимся воспламенить умы, отдалить любовь народа отъ его величества и подстрекнуть къ измѣническому бунту противъ правительства». (A most infamous and seditious libel, tending to inflame the minds and alienate the affections of the people from his majesty, and to excite them to traitorous insurrections against his government). Джонъ Вилькесъ далъ возможность своему соредактору Черчелю объязать, а самъ взялъ на себя всю отвѣтственность. Его отвели въ Тоуэръ. Газету конфисковали и ее рѣшили сжечь рукой палача предъ входомъ въ парламентъ; но толпа вырвала у палача нумеръ, торжественно понесла его по всему городу, потомъ развела свои костры и сожгла приказъ объ арестѣ Вилькеса и портреты судей. Народу никто не могъ помѣшать. Я не имѣю возможности остановиться здѣсь на любопытной исторіи, возникшей по поводу ареста Вилькеса (его личность, какъ члена парламента, была неприкосновенна), котораго должны были освободить черезъ недѣлю. Она продолжалась много лѣтъ и кончилась полнымъ пораженіемъ враговъ журналиста. Общественное мнѣніе было до такой степени вооружено противъ произвольныхъ арестовъ и преслѣдованія печати позорнымъ столбомъ и тюрьмой, что правительство больше никогда не рѣшалось прибѣгнуть къ такимъ энергичнымъ мѣрамъ, какъ въ дѣлѣ Вилькеса **). На смѣну прекратившагося «North Briton» явились «Письма Юніуса», и въ нихъ еще болѣе рѣзко были выставлены тѣ основныя положенія, которыя отстаивалъ Вилькесъ. Теперь эти «Письма» классическая книга, которая въ коледжахъ настоятельно рекомендуется воспитанникамъ. А когда-то «Письма» въ извѣстныхъ кругахъ считались крайне предосудительнымъ сочиненіемъ, за которое лучшей наградой должна быть тюрьма, если ужъ невозможно отбѣченіе руки. «Письма» стали появляться съ 1769 г. въ газетѣ *Public Advertiser*. Авторъ (подъ псевдонимомъ *Юніусъ* скрывался сэръ Филиппъ Френсисъ) выступилъ горячимъ защитникомъ тѣхъ принциповъ, которые особенно дороги англійскому народу: свободныхъ выборовъ, свободной прессы и свободного суда. «Убѣждаю и заклиная васъ,—писалъ Юніусъ въ первомъ письмѣ,—не оставлять безъ рѣшительнаго и упornaго сопротивленія ни одного посягательства на ваше государственное устройство, какъ бы оно ни казалось вамъ незначительно. Одинъ примѣръ производить другой; они быстро накаплиются и становятся закономъ. Что вчера было фактомъ, сегодня становится доктриной. Будьте увѣрены, что законы, защищающіе насъ и наши гражданскія права, происходятъ

*) *Forster*, Historical and Biographical Essays, v. II, p. 259.

**) *Rae*, «Wilkes, Sheridan, Fox», p. 317—18.

изъ конституціи и съ ней должны пасть или процвѣтать... Напишите это въ своей душѣ; внушите своимъ дѣтямъ, что свобода прессы есть оплоть всѣхъ гражданскихъ, политическихъ и религіозныхъ правъ англичанина, и что право присяжнаго суда — высказывать во всѣхъ возможныхъ случаяхъ общій приговоръ о винѣ или невинности — есть существенная часть вашего государственнаго устройства, которая не должна быть ограничиваема судьями и подвергаема сомнѣнію законодателями. Власть короля, лордовъ и общинъ вовсе не есть власть произвольная. Они повѣренныя, а не собственники государства. Мы даемъ имъ это положеніе». Приведенная выдержка—основная мысль писемъ... «Англійскій народъ преданъ ганноверскому дому не потому, что онъ предпочитаетъ одну семью другой, а потому, что убѣжденъ, что поддержка этой династіи необходима для обезпеченія политической и религіозной свободы» *). Когда Георгъ III хотѣлъ подчинить себѣ парламентъ, Юніусъ выступилъ съ напоминаніемъ судьбы Стюартовъ. «Король, продолжающій ихъ (Стюартовъ) политику, долженъ имѣть постоянно въ виду ихъ участь... Онъ долженъ помнить, что то, что приобрѣтается одной революціей, можетъ быть потеряно во время другой» **). Графъ Бьютъ нашелъ суроваго и смѣлаго обличителя въ лицѣ Юніуса. «Чтобы сѣять смуту и чтобы разрушить счастье народа, отнюдь не требуются какіе либо особые таланты; требуется лишь врожденный зудъ творить зло (a natural itch for doing mischief). Мы это и видѣли въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ».

Видъ слабого бойца, идущаго смѣло на сильнаго и страшнаго противника, всегда вызываетъ сочувствіе въ зрителяхъ, въ особенности, когда послѣдніе знаютъ, что бойцомъ руководятъ не личные мотивы, а желаніе отстоять ихъ же интересы. Какъ ни слаба и беспомощна была на первыхъ порахъ пресса въ Англии, какъ ни сильны были ея враги, но на ея сторону быстро стала могучая сила—общественное мнѣніе, и передъ нимъ трусливо должны были отступить враги.

Послѣ «Писемъ Юніуса», девизомъ англійскихъ газетъ стало: «a free people must have a free press» (у свободнаго народа должна быть свободная печать). Георгъ III до самой смерти пытался бороться съ этимъ принципомъ. Онъ напоминалъ челоуѣка, который вздумалъ бы потушить костеръ, наваливъ на него огромную охапку сѣна. Огонь, правда, скрывается на минуту; но лишь для того, чтобы вспыхнуть потомъ съ новою и еще большею силою. Съ появленіемъ «Писемъ Юніуса» совпадаетъ важное завоеваніе, сдѣланное англійскими газетами: ихъ репортерамъ удалось проникнуть въ парламентъ. Гласность сдѣлала уже абсолютно невозможнымъ произволъ въ видѣ тайныхъ постановленій о незакон-

*) «Letters of Junius» I. 35.

**) Ib.

номъ арестѣ и т. д. Въ концѣ прошлаго вѣка нарождаются тѣ колоссальныя газеты, которыя въ послѣдствіи начинаютъ расходиться въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Читателямъ уже нечего бояться, что газеты будутъ сожжены рукой палача; но за то многія изданія утрачиваютъ нѣкоторыя изъ тѣхъ чертъ, которыя дѣлали столь симпатичными маленькіе журналы начала и середины XVIII в. Я не имѣю намѣренія писать исторію англійской періодической печати, а хотѣлъ лишь набросать бѣглыя характеристики изданій, которыя дали тонъ народнымъ газетамъ, поставившимъ себѣ задачей быть учителями демократіи. Я сдѣлаю, поэтому, большой скачекъ и перейду прямо къ настоящему времени.

II.

Конечно, самой оригинальной и наибольше талантливой изъ всѣхъ англійскихъ народныхъ газетъ является *Clarion*. Она пользуется огромнымъ вліяніемъ среди тѣхъ читателей, на которыхъ она рассчитана. Газета выходитъ по воскресеньямъ; но уже съ пятницы читатели нетерпѣливо выглядываютъ ее. Въ прошломъ году Андрью Рейдъ, собирая матеріалы для исторіи англійской народной прессы, разослалъ циркуляры, въ которыхъ онъ просилъ читателей рабочихъ отвѣтить, какую газету они предпочитаютъ и почему именно. Получился рядъ крайне оригинальныхъ отвѣтовъ. Изъ нихъ явствуетъ, что въ Лондонѣ среди массы больше всего симпатіей пользуется *Clarion*. «*Кларіонъ* мнѣ необходимъ, какъ моя трубка»,—наивно отвѣчаетъ одинъ изъ поклонниковъ. «Я много лѣтъ бродилъ во мракѣ и не умѣлъ совершенно разобратъ въ явленіяхъ жизни. Но съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ читать *Кларіонъ*, мои глаза открылись»—отвѣчаетъ другой. «*Кларіонъ*—старый другъ, у котораго вѣчно новая улыбка на губахъ»,—выражаетъ свой восторгъ третій. Какой то «докеръ» категорически заявляетъ, что газеты, какъ *Кларіонъ*, не было и не будетъ. Какъ видите, въ восторженныхъ отзывахъ публики недостатка нѣтъ. Изъ всѣхъ народныхъ англійскихъ газетъ, насколько мнѣ известно, *Кларіонъ* единственная, которая имѣетъ читателей и поклонниковъ на верхахъ общественной лѣстницы. Газета сравнительно мало интересуется политикой. Главная задача ея—просвѣтить читателя, дать ему новый, болѣе широкій кругозоръ, научить его правильно понимать и разбираться въ явленіяхъ жизни. Она говоритъ своимъ читателямъ о задачахъ демократіи, о будущности ея и т. д. Манера изложенія—крайне своеобразна. *Кларіонъ* является законнымъ потомкомъ памфлетовъ XVIII вѣка. Какъ и эти памфлеты, *Кларіонъ* охотно прибѣгаетъ къ могучему оружію, которымъ владѣетъ прекрасно—сарказму. Газета принимаетъ во вниманіе и дѣтей своихъ читателей. Въ каждомъ номерѣ помѣщается рассказъ для нихъ. И эти маленькія прозведенія положительно ше-

девром дѣтской литературы: такое горячее, любящее сердце видно въ нихъ, такой художественный талантъ, такое пониманіе своего маленькаго читателя, что отъ этихъ разсказовъ не оторвешься. Въ каждомъ номерѣ помѣщается и педагогическая статейка подъ общей рубрикой «Parents and Education». Въ нихъ «докерамъ», матросамъ и пр. доказывается, какъ вредна розга въ системѣ воспитанія, какая огромная нравственная отвѣтственность лежитъ на плечахъ родителей. Но газета никогда не впадаетъ въ сухой доктринерскій тонъ. «The Clarion men do not preach to their readers, they sing to them» (сотрудники *Clariona* не читаютъ проповѣдей своимъ читателямъ, но поютъ),—фигурально выразился одинъ изъ поклонниковъ-рабочихъ. Редакція газеты является тѣсно сплоченнымъ, замѣчательно спѣвшимся союзомъ четырехъ сотрудниковъ: двухъ братьевъ Блетчфордъ, изъ которыхъ одинъ пишетъ подъ псевдонимомъ Nunquam, а другой—Монблонга, затѣмъ А. М. Томсона и Р. Фек. Какъ и братья Блетчфордъ, остальные два сотрудника рѣдко выставляютъ свои имена; гораздо болѣе популярны ихъ псевдонимы: Dangle и Bounder.

Душой газеты и основателемъ ея является второй Блетчфордъ Робертъ. Предъ нами крайне своеобразный типъ. Родители его были тѣмъ, что въ Англіи называется strollers, т. е. странствующими актерами. Въ прошломъ письмѣ я говорилъ о нихъ, когда упоминалъ о театрѣ нищихъ въ Уайтчепелѣ. Мальчикъ вначалѣ посѣщалъ народную школу, но въ одиннадцать лѣтъ вынужденъ былъ уже своимъ трудомъ содержать себя. Онъ поступаетъ на выучку къ щеточнику, потомъ на суконную фабрику, затѣмъ мы видимъ Блетчфорда странствующимъ актеромъ, а въ двадцать лѣтъ онъ попадаетъ на улицу, безъ квартиры, безъ башмаковъ, безъ работы. Во время странствованій по трущобамъ Лондона, молодой человѣкъ приобрѣлъ то огромное знаніе народа, которымъ онъ поражаетъ. Изъ этихъ же странствованій Блетчфордъ вынесъ большой запасъ народныхъ остротъ и шуточекъ, которыми любитъ иногда теперь приправить свои статьи, чѣмъ вызываетъ не малый восторгъ среди читателей. У молодого англичанина изъ такого положенія, въ какомъ былъ Блетчфордъ, лишь два честныхъ выхода: либо эмигрировать, либо пойти въ солдаты. Блетчфордъ выбралъ красную куртку Томи Атлинга *). Въ солдатахъ Блетчфордъ прослужилъ шесть лѣтъ. Въ казармахъ онъ цѣлыя ночи проводилъ за рабочимъ столомъ, пополняя свое образованіе: читалъ массу, учился иностраннымъ языкамъ и пр. Въ концѣ-концовъ, онъ сдалъ офицерскій экзамень, но не сталъ служить дальше, а вышелъ въ отставку. Еще изъ казармъ Блетчфордъ послалъ нѣсколько очерковъ солдатской жизни въ Sunday Chronicle. Статьи обратили на себя всеобщее вниманіе, и издатель приглашаетъ Блетчфорда вначалѣ въ сотрудники, а потомъ въ редакторы

*) Томи Атлингъ— нарицательная кличка всѣхъ англійскихъ солдатъ.

съ жалованьемъ въ 1000 ф. ст. въ годъ. Блэтчфордъ сразу придаѣтъ скучной, мало расходившейся газетѣ совсѣмъ другую, живую физиономію. Изданіе быстро пошло; но направленіе газеты испугало издателя. Онъ предложилъ редактору нѣсколько смягчить тонъ и не касаться совсѣмъ тѣхъ вопросовъ, къ которымъ начинающій журналъ относится совершенно отрицательно. Блэтчфордъ предпочелъ, однако, отказаться отъ своихъ 1000 фунтовъ. Онъ оставилъ редакторство, соединился съ тремя друзьями, и основалъ *Clarion*. Съ перваго же года газета быстро пошла въ гору. Робертъ Блэтчфордъ, или Nunquam, помѣщаетъ въ каждомъ номерѣ нѣсколько статей самаго разнообразнаго содержанія: то онъ излагаетъ кристаллически-яснымъ языкомъ экономическую теорію, то полемизируетъ съ врагами демократіи, то выступаетъ, какъ беллетристъ или какъ поэтъ.

Впрочемъ, поэтическія произведенія его—шуточныя баллады, къ которымъ онъ прибѣгаетъ тогда, когда желаетъ одѣлать свой отвѣтъ противнику наиболѣе сильнымъ и ѣдкимъ. Блэтчфордъ въ совершенствѣ владѣетъ орудіемъ англійскихъ памфлетистовъ—смѣхомъ. Его сарказмъ тѣмъ болѣе убійственъ, что тонъ Блэтчфорда всегда ровный, спокойный. Любитъ прибѣгать Nunquam къ пародіи. Онъ беретъ положеніе противника и съ своеобразной логикой доводитъ его до дикаго и нелѣпаго абсурда. Порой такая пародія убиваетъ совершенно противника въ глазахъ публики. Сражаясь, съ мужествомъ стараго солдата, съ *мнѣніемъ* противника, Блэтчфордъ, какъ журнальный боецъ, отличается рѣдкой корректностью: *личность* противника для него священна. Nunquam выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ свои солдатскія воспоминанія, затѣмъ романъ «A son of the Forge» и сборникъ фантастическихъ разсказовъ, доказывающихъ какимъ богатымъ воображеніемъ надѣленъ авторъ. Однако, самымъ характернымъ произведеніемъ Nunquam'a является сборникъ «*Merrig England*» (Веселая Англія). Это перепечатка ряда памфлетовъ, появившихся въ «*Clarion*». Книжка имѣла колоссальный успѣхъ. Въ первые же дни она разошлась въ количествѣ 100 тысячъ экземпляровъ. Теперь, черезъ годъ послѣ появленія перваго изданія, *Merrig England* разошлась въ 700 тысячъ экземпляровъ. Кромѣ этого, нѣсколько изданій появилось въ Америкѣ. Книжка переведена на голландскій, нѣмецкій, датскій и испанскій языки. «Я написалъ книгу, потому что хотѣлъ дать моимъ читателямъ представленіе о томъ, что такое демократія, и каковы задачи ея», — говоритъ Nunquam въ предисловіи. Въ книжкѣ предъ нами является глубоко убѣжденный оптимистъ, который умѣетъ передать свой оптимизмъ читателю. Авторъ выступаетъ горячимъ защитникомъ чело-вѣка, котораго, по его мнѣнію, оклеветали представители старой политико-экономической школы, строившіе свои выводы на положеніи, что стремленіе къ наживѣ — наиболѣе характерная черта «двуногого существа, безъ перьевъ, но съ душой».

«Политическая экономія нашихъ противниковъ построена на ложномъ представленіи о человѣческой природѣ»,—говоритъ Nipquam въ пятнадцатомъ письмѣ къ Смиуту (книжка составлена изъ ряда писемъ къ коллективному читателю Джону Смиуту).—Простые книжные черви, сухіе «ученые», сочинители кабинетныхъ теорій отнюдь не могутъ быть авторитетами въ дѣлѣ знанія человѣческой природы. Такими авторитетами являются поэты, великіе романисты, художники, жившіе среди людей, изучавшіе ихъ и присматривавшіеся къ нимъ. Учебники для изученія человѣчества, это—произведенія Шекспира, Гюго, Сервантеса, Стерна и пр. Чтобы понять человѣческую природу, въ груди наблюдателя должно биться горячее, любящее сердце. Помнится, мальчикомъ еще я читалъ сказку про принца, которому фея вручила волшебное перо. Когда принцъ дотрагивался имъ до кого-нибудь, тотъ начиналъ говорить все то, что у него было на душѣ. Такое перо, съ тою же волшебною силою, вы можете имѣть постоянно, когда захотите. Имя ему—любовь къ человѣчеству. Этимъ именно перомъ обладали Шекспиръ, Стернъ, Сервантесъ. И этого пера нѣтъ у нашихъ противниковъ» *).

Далѣе, авторъ старается выяснить читателямъ, какъ разнообразны моторы, двигающіе человѣчествомъ. Онъ выводитъ вначалѣ женщину—сестру милосердія, которая является воплощеніемъ самоотверженія. «Не правда-ли, какая благородная картина?—спрашиваетъ Nipquam.—Такова человѣческая природа». Затѣмъ, какъ антитезу, авторъ рисуетъ намъ портретъ «of the outcast Jezebel of the London pavement (отверженную Іезавель лондонской мостовой) «съ дьявольскою ненавистью въ сердцѣ, съ отраженіемъ адскаго огня въ глазахъ». «Не правда-ли, какая ужасная картина? ну, такова человѣческая «природа».

«Человѣческая природа составлена изъ крайне разнообразныхъ элементовъ». Для иллюстраціи Nipquam выводитъ на сцену безконечный рядъ героевъ произведеній великихъ писателей. «Ну, теперь припомните недоноска безъ крови и безъ души, недоноска, родившагося въ мозгу кабинетныхъ доктринеровъ, обладающаго лишь одной страстью — «стремленіемъ къ наживѣ»,—недоноска, котораго они хотятъ намъ выдать за типичнаго представителя человѣческой природы»... **) Авторъ выступаетъ далѣе пылкимъ оптимистомъ. «Неужели человѣческая природа не способна къ добру? Но это неправда. Люди инстинктивно предпочитаютъ свѣтъ мраку, любовь ненависти и добро—злу. Самый эгоистичный человѣкъ не допустилъ бы погибнуть такое же, какъ и онъ, существо, еслибы онъ могъ спасти его безъ всякаго риска для себя. Только душевно-больной можетъ для собственнаго удовольствія подпалить ниву или же отра-

*) R. Blatchford, «Merrie England», p. 111.

**) Ibid., p. 113.

вить колодезь. Отсюда выводъ, что люди могутъ дѣлать добро ради добра»...

Nunquam переходитъ къ дальнѣйшему разбору основнаго положенія экономистовъ старой школы: «Припомните жизнь Галеилея, Бруно, Ньютона и сотенъ др. изслѣдователей, философовъ и мучениковъ. Любовь къ истинѣ, любовь къ знанію, любовь къ искусству, любовь къ славѣ,—все это болѣе могучіе моторы, чѣмъ стремленіе къ наживѣ» *). Если кого-нибудь удивить элементарность многихъ изъ этихъ положеній, то пусть онъ припомнитъ ту публику, къ которой обращается Nunquam.

На какіе вопросы отвѣчаютъ «баллады» Блетчфорда видно изъ первой строфы, напр., произведенія, озаглавленнаго «Мальтузіанская теорія»:

Twas at a public meeting,
Where Blanksby lectured,
John Hardhead raised a question,
And this is what he said:
«You talk of unemployment;
The remedy's at call—
Reduce the population,
And there'll be work for all».

(Дѣло было на митингѣ, на которомъ Бленксби читалъ лекцію. Джонъ Кръпкоголовый предложилъ вопросъ и вотъ что сказалъ онъ: «вы толкуете о немнѣющихся работы. Лѣкарство, вѣдь, подъ рукой. Уменьшите количество населенія, и тогда найдется работа для всѣхъ»).

Лекторъ отвѣчаетъ ему, что сто лѣтъ тому назадъ населеніе было въ Англіи втрое меньше и, тѣмъ не менѣе, и тогда были безработные. При помощи большого графина и маленькаго стакана лекторъ объясняетъ наглядно, что такое, такъ называемое, перенаселеніе.

Послѣ Роберта Блетчфорда, болѣе талантливымъ сотрудникомъ *Clarion* является А. М. Томсонъ (Dangle). Онъ—авторъ ряда памфлетовъ, изъ которыхъ одинъ, «That blessed word liberty», перепечатанный отдѣльной брошюрой, говорятъ, разошелся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Мнѣ кажется, однако, что болѣе всего личность Томсона отразилась въ мелкихъ разсказахъ, которые въ послѣднее время перепечатаны изъ *Clarion* подъ общимъ названіемъ «Dangle's Mixture». Въ каждомъ разсказѣ проглядываетъ гуманная, мягкая, вдумчивая личность автора. Вѣроятно, русская публика была бы благодарна тому переводчику, который познакомилъ бы ее съ нѣкоторыми разсказами Dangle'я.

Clarion является еще типичнымъ, какъ народная газета, въ томъ отношеніи, что всѣ сотрудники вышли сами изъ народа. Нѣсколько

*) *ibid.*, p. 119.

иную физиономію носить другая еженедѣльная газета *Reynolds's Newspaper*, выставившая девизомъ слова: «Government of the People, by the People, for the People». Газета, сравнительно, мало интересуется экономическими вопросами. Центръ тяжести ея—политика, да стремленіе поднять умственный уровень своихъ читателей. *Reynolds's Newspaper* основана четверть вѣка тому назадъ; но очень долго это была газета, пользовавшаяся крайне двусмысленной репутаціей. Изданіе приняло ту физиономію, которую имѣетъ теперь, лишь тогда, когда во главѣ его сталъ молодой и талантливый адвокат Вильямъ Томсонъ. Характерная особенность газеты—это та серія философскихъ и историко-литературныхъ статей, которыя появляются въ каждомъ номерѣ. Написаны они самимъ Томсономъ. Это замѣчательный популяризаторъ, умѣющий излагать самую сложную философскую систему такимъ кристалически-яснымъ языкомъ, что она становится понятной всякому «докеру». Нагляднымъ доказательствомъ тому служитъ сборникъ «Democratic Readings» (Демократическія чтенія), о которомъ я уже упомянулъ мелькомъ въ прошломъ письмѣ. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что желалъ дать краткую исторію умственного и нравственного развитія человечества. Книжка составлена изъ 29 этюдовъ. Въ каждомъ набрасывается характеристика личности и ученія тѣхъ великихъ дѣятелей, которые составили эпоху въ эволюціи человечества. Такъ, авторъ знакомитъ насъ съ Зороастромъ, Конфуціемъ, восточной философіей, затѣмъ—съ греческой философіей въ лицѣ Сократа, Платона и Аристотеля; далѣе, авторъ насъ ведетъ въ средніе вѣка, знакомитъ съ схоластиками; потомъ,—съ ученіемъ новыхъ вѣковъ, вплоть до Маркса и Герберта Спенсера. Кое гдѣ приведены небольшія выдержки. *Democratic Reading* скорѣе не исторія умственного и нравственного развитія человечества, а философская энциклопедія для народа,—энциклопедія, проникнутая общей идеей и составленная съ большимъ знаніемъ и съ большою любовью. Въ настоящее время Рейнольдова газета расходится болѣе, чѣмъ въ 200 тысячахъ экземплярахъ. Изъ ея сотрудниковъ едва ли не самымъ оригинальнымъ, какъ типъ, является Каннингамъ Граамъ. Въ 1886 г., во время «кроваваго воскресенья», когда въ Трафальгавъ-скверѣ произошло столкновение между народомъ и полиціей, однимъ изъ первыхъ пострадавшихъ оказался никому неизвѣстный джентельменъ, съ густой, черной гривой курчавыхъ волосъ, нависшихъ надъ великолѣпно сформированнымъ лбомъ. Правильное и красивое лицо неизвѣстнаго было покрыто тропическимъ загаромъ. Оказалось, что это только что возвратившійся изъ Южной Америки Каннингамъ Граамъ. Получивъ прекрасное образованіе въ Кембриджскомъ университетѣ, Каннингамъ Граамъ готовился занять судейскій стулъ; но молодому человѣку быстро опротивѣли и большой городъ, и судейское кричкотворство, и бѣлые парики. Родись онъ на двѣсти лѣтъ раньше, изъ него вышелъ бы навѣрное одинъ изъ тѣхъ искателей приключеній,

какъ Гудзонъ, которые окровавленнымъ кулакомъ вписали свое имя въ исторію. Духъ всеобщаго бродяги, безпокойнаго искателя сильныхъ впечатлѣній и новыхъ приключеній, отнюдь не угасъ въ современномъ потомкѣ Робинзона Крузе съ тѣхъ поръ, какъ онъ старинную шляпу и камзолъ замѣнилъ лоснящимся цилинромъ и моднымъ пальто. Канингамъ Грааму стало тѣсно въ большомъ городѣ. Онъ реализировалъ свое порядочное состояніе, и съ первымъ пароходомъ поплылъ въ новый край, въ Южную Америку. Тамъ «LLD» (Legum Doctor, докторъ правъ) быстро «опростился», завелъ «ранчу», женился на полудикой туземкѣ, которая мастерски скакала на неосѣданномъ конѣ и кулакомъ могла свалить бычка, у котораго пробиваются уже рожки. Такъ прошло цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ. Но внезапно наступила пора, когда и полудикій просторъ надобно также Канингамъ Грааму, какъ и темные коридоры лондонскаго суда. Онъ послалъ къ черту свою «ранчу», быковъ и коней, забралъ жену и дѣтей, явился въ Лондонъ и въ тотъ же день попалъ на митингъ въ Трафальгаръ-скверѣ, окончившійся столь плачевно. Кромѣ разбитой головы, бывшій «ранчменъ» заплатился еще большимъ штрафомъ, который заплатилъ самъ, не пожелавъ, чтобы для этого устроилась общественная подписка. Канингамъ-Граамъ бросился весь, такъ сказать, въ море журнальной борьбы. Онъ подружился съ покойнымъ Вильямомъ Моррисомъ, съ В. Томсономъ, съ Кейръ-Гарди и другими друзьями народа и выступилъ пламеннымъ паладиномъ его. У него одна дама сердца—демократія. И ей онъ преданъ беззаветно. Для возвелченія и для прославленія ея всѣ эпитеты ему кажутся блѣдными. Отъ статей Канингамъ Граама вѣетъ широкимъ просторомъ огромныхъ степей. Въ нихъ чувствуется полудикая мощь того края, въ которомъ такъ долго пробылъ авторъ. Нѣкоторое время въ журнальной дѣятельности Канингамъ-Граама былъ перерывъ: онъ былъ избранъ въ парламентъ; но, какъ ораторъ, онъ гораздо слабѣе и безцвѣтнѣе, чѣмъ какъ журналистъ. На выборахъ 1892 г. Канингамъ-Граамъ не прошелъ и вновь всецѣло отдался журнальной дѣятельности.

Самая старая народная газета въ Англии это—«Weekly Times», которая въ январѣ этого года праздновала свой пятидесятилѣтній юбилей. Ее создало, такъ называемое, чартистское движеніе. Нищета и безпомощность рабочаго класса, полное неустройство фабричнаго быта, затѣмъ бесплодность для рабочихъ парламентской реформы 1832 г. породили его. Организаторы движенія хотѣли подать парламенту отъ рабочихъ петицію (people's charter). Пункты, выставленные въ ней, были: всеобщая подача голосовъ, ежегодные выборы въ парламентъ, тайная баллотировка, отмена имущественнаго ценза, равные избирательные округа по числу избирателей. Парламентъ отвергъ первую петицію, подписанную 1.200.000 лицъ. Тогда наиболѣе пылкіе участники организаціи стали призывать къ активному протесту. О'Конноръ, О'Бриенъ и другіе вожди чартистовъ были аресто-

ваны. Надежды народа были разбиты; въ особенности пессимизмъ увеличился послѣ 48 года, отъ котораго ждали такъ много, и который далъ такъ мало. Взрывъ глубокаго отчаянія послѣдовалъ всюду.

Въ такую-то пору выступила газета «Weekly Times», выставивъ на своемъ знамени девизъ: «Прогрессъ и народъ». Газетѣ предстояла трудная задача. Ей приходилось внушить читателю вѣру въ будущее, ей нужно было доказать, что одно поражёніе еще ничего не доказываетъ, что побѣда впереди. И *Weekly Times* честно исполнила свою миссію. Безъ сомнѣнія, газета была права, когда она выступила со своимъ оптимизмомъ: за пятьдесятъ лѣтъ ей пришлось отмѣтить цѣлый рядъ фабричныхъ биллей, избирательныя реформы, доведеніе избирательнаго ценза почти до минимума, всеобщее образованіе, радикальную реформу въ муниципальномъ самоуправленіи и пр. Пришлось отмѣтить много такихъ реформъ, о которыхъ не смѣли даже мечтать чартисты. Пятьдесятъ лѣтъ подрядъ газета была воспитательницей своихъ читателей. Она видѣла, какъ кругъ послѣднихъ все больше и больше расширяется. За этотъ долгій періодъ времени мѣнялись редакторы; но всѣ они поддерживали и отстаивали съ большимъ или меньшимъ талантомъ тѣ принципы, съ которыми пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ впервые выступила газета. *Weekly Times*, одно время, создалъ своеобразную беллетристику, которая нашла массу поклонниковъ. Это было тогда, когда въ газетѣ принималъ участіе Вланшаръ. Нужно представить себѣ огромнаго здоровяка, лѣтъ сорока, краснощекаго, съ алыми губами, съ смѣющимися глазами, вѣчно растрепаннаго, вѣчно нуждающагося въ деньгахъ, не смотря на большой литературный заработокъ. Таковъ былъ Вланшаръ, авторъ цѣлаго ряда романовъ, наполненныхъ удивительными приключеніями. Вланшаръ воспользовался страстью къ нимъ англичанъ для того, чтобы удобнѣе проводить въ сознаніе простыхъ читателей гуманную и плодотворную мысль. Эти романы имѣли колоссальный успѣхъ. Публика съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала номера съ четверга, сгорая отъ желанія узнать, какъ выпутался изъ экстраординарнаго положенія герой — матросъ, солдатъ или же рабочій. Она не знала, что въ это именно время редактора бьютъ тоже своеобразная лихорадка: наступала уже пятница, а не было ни продолженія романа, ни Вланшара. Тогда во всѣ концы Лондона разсылались гонцы. Вланшаръ сидѣлъ навѣрное въ скромной тавернѣ въ Soho, гдѣ помѣщался «клубъ дикарей», членами котораго въ то время была лондонская богема: артисты, художники, журналисты, а не герцоги и маркизы, какъ теперь. Тогда «дикари», вмѣсто обѣда, довольствовались зачастую кружкой эля да трубкой сквернаго табаку; теперь годовая плата въ клубъ «дикарей», — 60 гиней (т. е. 600 руб.). Зато тогда «дикари» до утра могли проспорить о новомъ словѣ въ картинахъ Форда Мардоксъ-Брауна, объ теоріи эстетической Рёскина, да объ идеалахъ чартистовъ; тогда какъ теперь — исключительной темой разговоровъ служатъ карты и скачки, скачки и карты.

Иногда Бланшара не находили въ тавернѣ въ Soho, тогда нужно было его искать по другимъ кабачкамъ, гдѣ онъ навѣрное скрывался отъ кредиторовъ. Романиста привозили въ закрытомъ кабѣ въ редакцію, запирали въ отдѣльную комнату, и черезъ три часа была готова новая глава романа съ новыми умопомрачительными приключеніями. Переосматривая теперь старыя номера Weekly Times, мы убѣждаемся, что у Бланшара былъ недюжинный талантъ; но онъ пропалъ и забытъ по собственной безалаберности автора. Ни одинъ романъ не вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Въ 1892 г. въ Англии образовалась «Независимая рабочая партія», которая, какъ и партія парнелистовъ въ былое время, рѣшила поддерживать въ парламентѣ и на выборахъ безразлично консерваторовъ или же либераловъ, смотря, кто изъ нихъ будетъ болѣе полезенъ рабочему населенію. Во главѣ партіи сталъ энергичный шотландецъ Кейръ-Гарди, бывшій «майнеръ», т. е. рудокопъ, теперь журналистъ. У Кейръ-Гарди тяжеловатое, нѣсколько грубое, но убѣдительное и сильное краснорѣчіе, которое выдвинуло его еще въ молодости на рабочихъ митингахъ. Товарищи высоко цѣнили его за горячую преданность общему дѣлу и за замѣчательную, чисто квакерскую честность. «Независимая рабочая партія» сразу приобрѣла многихъ сторонниковъ, такъ что на выборахъ 1892 г. послала своего представителя, Кейръ-Гарди, въ парламентъ. Тамъ его широкія плечи рудокopa, да сильная, грубоватая рѣчь, обильно уснащенная народными шуточками, составляли довольно-таки рѣзкій контрастъ со всемію обружающимъ. Въ слѣдующемъ году Кейръ-Гарди оснoвываетъ газету «Labour Leader», которая является официальнымъ органомъ партіи. Пишетъ Кейръ-Гарди такъ же, какъ и говоритъ: дубовато, нѣсколько тяжело, но сильно и убѣдительно. Газета часто впадаетъ въ полемику, причемъ редакторъ не всегда отдѣляетъ мнѣніе противника отъ личности его. Главный центръ тяжести газеты, это—экономика. Дѣятельными сотрудниками Кейръ-Гарди являются Томъ Менъ и Бенъ Тилетъ, о которыхъ я уже говорилъ въ прошломъ письмѣ.

Менѣ опредѣленной физиономіей, чѣмъ названныя выше газеты, отличаются «News of the World», «Lloyd's Weekly News» и «Weekly Dispatch». Последняя даетъ очень много свѣдѣній о тредъ-юніонахъ. Крайне интересны тѣ народныя газеты, во главѣ которыхъ стоятъ священники различныхъ диссидентскихъ церквей. Въ особенности, любопытна газета *Christian Socialist*, издаваемая священникомъ, д-ромъ Клиффордомъ, бывшимъ когда-то ткачемъ; но я надѣюсь еще вернуться къ этой темѣ.

Мы видѣли, что, въ большинствѣ случаевъ, народныя газеты въ Англии издаются людьми, вышедшими изъ народа. Всѣ они на первомъ планѣ ставятъ развитіе своего читателя и обогащеніе его новыми идеями. Посмотримъ теперь, каковы изданія, рассчитанныя на «слугъ господина Купона».

III.

Журналистамъ пришлось рѣшать довольно трудную задачу: придумать изданіе «безъ мыслей», потому что за автоматической нумеровкой ордеровъ способность воспринимать мысли совершенно атрофируется. О какихъ идеалахъ можно было бы сказать «слугамъ Купона»? Не о томъ же, что въ грядущемъ у нихъ будетъ собственная банкирская контора или же собственная касса сеудъ на Ломбардъ-стритѣ или же на Корнхиллѣ? И вотъ, предъ нами идеальное изданіе, изъ котораго всякіе намеки на мысль вытравлены. Это—расходящійся въ количествѣ полумилліона №№—знаменитый «Tit-Bits», имѣющій, собственно говоря, очень длинное заглавіе: «Лакомый кусокъ отъ всѣхъ наиболее интересныхъ книгъ, журналовъ и сотрудниковъ всего міра» (Tit-Bits from all the most interesting books, periodicals and contributors in the world). Журналъ открывается тремя столбцами анекдотовъ. Чтобы познакомиться съ изданіемъ, возьмемъ послѣдній номеръ. Хотите узнать, каковы анекдоты? Извольте. № 1. «Времена теперь такъ плохи, что и экономные люди сбрасываютъ себѣ усы, чтобы возможно больше выкурить сигарный окурокъ». № 2. «*Mrs. Стронминдъ*: За что васъ посадили въ тюрьму, мой бѣдняга? *Арестантъ*: Я женился во второй разъ. *Mrs. Стронминдъ* (съ изумленіемъ): Не можетъ быть? За это не сажаютъ въ тюрьму. *Арестантъ*: А между тѣмъ такъ. Я женился на новой женѣ, а старая жена, которая уже была у меня, упрятала меня сюда за двоеженство». № 3. «*Авторъ*. Вы не можете себѣ представить, какую уйму марокъ я трачу на рукописи, которыя отправляю въ редакціи. *Критикъ*. Охотно вѣрю. Жаль, что до сихъ поръ не ввели ретуръ-марки, по уменьшенной цѣнѣ».

Надъ страницей надпись, приглашающая сотрудниковъ присылать анекдоты по гиней (10 руб.) за столбецъ (формата «Недбл»). Переворачиваемъ страницу. Кромѣ еще анекдотовъ, тутъ три статейки, и въ одной говорится, какъ актеры отлыниваютъ, подъ предлогомъ болѣзни, отъ представленій, чтобы попасть на скачки, въ другой рассказывается, какъ жена кондуктора приготовила абажуръ изъ официальной оумаги, а въ третьей, какія странныя пожертвованія порой поступаютъ. На слѣдующей страницѣ статейка, свглавленная: «Какъ женщины зарабатываютъ деньги», и одна изъ тѣхъ «задачъ», которыя ввелъ въ моду Tit-Bits; но объ этомъ ниже. Перелистываемъ еще страницу: опять анекдоты, статейка подъ названіемъ: «Невѣсты на одинъ день» и цѣлый рядъ условій, какъ выиграть призъ. Въ статейкѣ рассказывается о дѣвцахъ, которыя выходили замужъ за умирающихъ. Далѣе слѣдуетъ рубрика: «Герои и героини дня». На цѣлой страницѣ сообщаются анекдоты изъ жизни не безызвѣстной и въ Россіи романистки, миссъ Брэддонъ,

Мы узнаемъ, что романистка любитъ ходить по аукціонамъ, гдѣ покупаетъ «old bits», т. е. тотъ старый хламъ, который копятъ чудаки, желающіе увѣрить насъ, что у нихъ тонкій вкусъ; узнаемъ, какъ миссъ Ъсть и что пьетъ; узнаемъ, что она написала уже шестьдесятъ (!) романовъ, за которые получила цѣлое состояніе и пр. Слѣдующая страница вся «призовая». Читателямъ задается рядъ вопросовъ, съ общаіемъ уплатить по гинеѣ за разрѣшенный правильно. Столько же предлагается за десятокъ «хорошихъ» вопросовъ. Вотъ, на что, между прочимъ, должны отвѣчать читатели: «Есть-ли на свѣтѣ такой языкъ, на которомъ невозможно передавать телеграммы?» «Приносятъ-ли каку-нибудь пользу осы?» «Есть-ли въ Англіи церкви, колокольня которой была бы выкрашена въ красный и бѣлый цвѣтъ?» «Какой англійскій епископъ прославился, какъ боксеръ?» и т. д. Затѣмъ идутъ, такъ называемые, «факты», которые позволяютъ читателю блеснуть своей эрудиціей въ области исторіи. Въстъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ. «У шаха персидскаго Софи одинъ глазъ былъ черный, другой—голубой». «У Александра Великаго была на правой сторонѣ шеи большая бородавка. Современники считаютъ это признакомъ счастья». «У королевы Анны Англіиской лицо было до такой степени красно отъ огромнаго употребленія водки, что подданные называли ее «Brandy Nap». И т. д. Затѣмъ слѣдуютъ еще и еще анекдоты; премированный рассказъ, глава романа и рассказъ, и премія, премія безъ конца. Редакторъ имѣлъ въ виду, что «время — деньги». Читатель долженъ взять журналъ, потому, что это *выгодно* для него. И вотъ, «Tit-Bits» ввелъ цѣлую серію призовъ и премій. Во первыхъ, жизнь всякаго купившаго номеръ «Tit-Bits» застрахована на случай катастрофы на желѣзной дорогѣ. Если въ карманѣ убитаго будетъ найденъ послѣдній номеръ журнала, —наслѣдники получаютъ 100 фунтовъ ст. (До 13 марта этого года Tit-Bits уплатилъ по такой страховкѣ 10400 ф. ст.). Затѣмъ денежная награда назначается за разрѣшеніе цѣлаго ряда задачъ. Задачи все немудренныя, потому издатель знаетъ своего читателя: нужно разрѣзать крестъ двумя надрѣзами такъ, чтобы изъ кусковъ можно было составить крестъ (Архимеду изъ банкирской конторы за это обѣщается гинея); нужно выбрать три отдѣльныя строчки изъ одного № Tit-Bits такъ, чтобы составилось связное изреченіе; нужно взять заставочныя буквы изъ Tit-Bits и составить фразу и т. д. Есть, однако, иной читатель, которому даже такой трудъ не по силамъ. А, между тѣмъ, гинею ему все же хочется получить. Издатель вспомнилъ и о немъ. Каждую недѣлю назначаются два приза по гинеѣ. Для того, чтобы выиграть ихъ, нужно знать лишь сложеніе. Издатель предлагаетъ читателямъ табличку, въ которой каждая буква азбуки обозначена отдѣльной цифрой: А—43, В—79, W—54 и т. д. Каждому предлагаютъ сложить значеніе инициаловъ его имени и фамиліи и прислать въ редакцію. Одна премія предлагается за наименьшую

цифру, другая—за наибольшую. На прошлой недѣлѣ первый призъ достался мр. Uriah Urton, потому что «U» по таблицѣ обозначаетъ ноль. Второй призъ достался счастливцу, котораго судьба надѣлила длиннымъ рядомъ именъ Joseph Odiner Oldfield Owen Oates, такъ что инициалы въ суммѣ составили цифру 428. Такъ какъ отвѣтъ долженъ быть непременно посланъ на купонѣ, отрѣзанномъ отъ номера Tit-Bits, то расчетъ издателя очень простой и, притомъ, вѣрный. Журналъ премируетъ еще рассказы, которые должны содержать не болѣе 700 словъ; но замѣчательнѣе всего, конечно, присяжные романисты журнала. Тутъ предъ нами, своего рода, знаменитости, произведенія которыхъ расходятся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ,—знаменитости, которымъ романы въ самый короткій срокъ принесли огромныя состоянія. Садитесь-ли вы въ вагонъ подземной желѣзной дороги, ѣдете-ли вы по направленію къ Хрустальному дворцу или просто бродите по улицамъ, вамъ стоитъ лишь поднять глаза, чтобы увидѣть на стѣнѣ огромную картину: на ней джентльменъ съ таинственными глазами, а на плечѣ у него огромный черный котъ. Это—герой романа «Докторъ Никола», который въ одинъ годъ доставилъ автору его, сотруднику Tit-Bits, Гай Буссби (Guy Boothby) 10 тысячъ фунтовъ, столько же, сколько получилъ Наксенъ за свой трудъ. Русскому читателю совершенно непонятенъ этотъ успѣхъ. При самомъ внимательномъ чтеніи, онъ не можетъ понять, какимъ образомъ этотъ сумбуръ, этотъ наборъ лубочныхъ ужасовъ съ мѣстомъ дѣйствія то въ Тибетѣ, то въ подземельяхъ, то въ Гималайскихъ горахъ, съ героями—сомнамбулистами, магнитизерами и пр.; какимъ образомъ такой романъ могъ имѣть успѣхъ въ странѣ, гдѣ писали Диккенсъ, Теккерей, Джоржъ Элиотъ и Стенсонсъ. Но русскому читателю нужно вспомнить, въ какомъ кругу читаютъ эти романы. Когда появился «Докторъ Никола», половина дѣвицъ Лондона назвала своихъ котовъ именемъ кота, выведеннаго въ романѣ. За первымъ романомъ послѣдовала второй (тоже появившійся вначалѣ въ Tit-Bits)—подъ не менѣе сенсаціоннымъ заглавіемъ, «The Beautiful White Devil» (Прелестный бѣлый дьяволъ), затѣмъ еще и еще. У Буссби одинъ конкурентъ—миссъ Марія Корелли, одной изъ романовъ которой усердный російскій переводчикъ уже пересадила на нашу почву, если не ошибаюсь.

Поразительный успѣхъ *Tit-Bits* вызвалъ массу подражателей. Въ одинъ годъ народилось болѣе сотни изданій, которыя стали работами копировать журналъ; но всѣ они лопались одно за другимъ. Но вотъ, на сцену явился новый герой, который отлично понималъ психологію своего читателя. Если кто-нибудь вдумаетъ писать, вмѣсто «Арабскихъ ночей» — «Англійскія», то онъ смѣло, вмѣсто Аладдина, можетъ взять въ героя Альфреда Хармсуорта (Harmsworth), основателя цѣлаго ряда журналовъ, организатора полярной экспедиціи Джаксона и пр. Отецъ и братья Хармсуорта засѣдаютъ въ

одномъ изъ капищъ Купона на Ломбардъ-стритъ. Они богатые банкиры. Молодого Альфреда готовили въ юристы; но въ семнадцать лѣтъ онъ убѣжалъ изъ школы и сталъ репортеромъ съ жалованьемъ въ 31 ш. 6 п. въ недѣлю. Родители торжественно отвернулись отъ блуднаго сына, который нѣсколько лѣтъ тянулъ тяжелую репортерскую лямку. Въ это время, какъ блестящая ракета, взлетѣлъ къверху *Tit-Bits*, ослѣпивъ всѣхъ блескомъ золотого дождя. Я сказалъ уже, что сотни издателей бросились въ погоню за золотыми соверенами; но всѣ обожгли себѣ пальцы. Кладъ ждалъ своего Аладина. И вотъ, онъ явился. Хармсуртъ отлично зналъ свою публику. Ему было извѣстно, что *Tit-Bits* имѣлъ успѣхъ именно потому, что слуги г-на Купона не любятъ и не перевариваютъ «идеиной» литературы. И вотъ, онъ составилъ номеръ, который весь состоитъ изъ коротенькихъ «фактовъ», въ три строчки, анекдотовъ, да призовъ, призовъ безъ конца. Читателю обѣщалось платить за все: если съ нимъ случится несчастье на «байкѣ» (велосипедѣ), если его квартиру ночью обокрадутъ и пр. Когда Хармсуртъ обратился со своимъ проектомъ къ издателю, тотъ поднялъ его на смѣхъ. Тогда молодой человекъ, который вѣрилъ въ свой журналъ, какъ Колумбъ въ свою идею, начинаетъ издательство на собственный страхъ и черезъ годъ становится богачемъ. Теперь онъ получаетъ 140000 ф. ст. годового дохода. Родители издателя, увидѣвъ, что ихъ блудный сынъ, въ сущности, умѣетъ лучше «дѣлать деньги», чѣмъ они, пришли съ покорной просьбой дать имъ пай въ журналѣ. Такимъ образомъ, не отцу, а сыну пришлось заколоть упитаннаго тельца. Журналъ Хармсурта называется «Answers». Возьму на выдержку нѣсколько «статеекъ» цѣликомъ изъ послѣдняго номера. «Въ настоящее время въ Лондонѣ болѣе 6000 адвокатовъ». «Изъ ста хромающихъ у 85 повреждена лѣвая нога». «Самый высокій офицеръ въ британской арміи — капитанъ Освальдъ Эмсъ. Онъ служитъ во второмъ лейбъ-гвардейскомъ полку, и роста въ немъ 6 ф. 8 дюймовъ». «Турецкій султанъ получаетъ въ день дохода 3000 ф. ст., австрійскій императоръ 2 т. ф., германскій—1600 ф., итальянскій король—1300 ф., королева Викторія—1300 ф., король бельгійскій—1300 ф., французскій президентъ—1000 ф. ст.». «Если заставить льва и коня тащить что-нибудь въ противоположныя стороны, то конь легко перетянетъ льва; но если послѣднее животное остановится и утвердится такъ, что сможетъ перенести центръ тяжести на мускулы заднихъ ногъ, то оно перетянетъ коня» и т. д. безъ конца. Теперь «Answers» расходится въ количествѣ 1 милліона экземпляровъ. Хармсуртъ скоро сталъ издателемъ и трехъ ежедневныхъ газетъ для той же публики. Интересна исторія первой по времени. Въ 1893 г. сэръ Кальридтъ Кенаръ основалъ дешевую полупенсовую вечернюю газету *Evening News*, съ цѣлью пропаганды среди рабочихъ, мелкихъ лавочниковъ и пр. идей торизма. Издатель былъ тори стараго типа и наивно пола-

галь, что его газета пойдет. Онъ ухлопалъ на нее 20 тысячъ ф. ст. Не стало денегъ, начали издавать въ долгъ. Въ короткій срокъ газета задолжала 16 т. ф. стер. Издатель радъ былъ бы отдѣлаться отъ газеты; но ее никто не хотѣлъ брать. Но вотъ, на оцену является молодой репортеръ уличной газеты «Sun»—Кеннеди Джонсъ. Какимъ-то путемъ ему удалось заглянуть въ конторскія книги *Evening News*, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ вымѣтки и съ ними явился къ Хармсуорту.

— Сколько дадите, если я вамъ предложу дѣло, которое можете дать 30 т. ф. стер. въ годъ?—началъ онъ.

Согласился на паѣ въ предпріятіи. Тогда Кеннеди Джонсъ предложилъ купить *Evening News* и придать газетѣ другую фюзіюнію. Издатель радъ былъ уступить газету за 15 т. ф. Черезъ годъ она приносила вдвое болѣе дохода. Газета обратила главное вниманіе на репортажъ, притомъ, на полицейскій. Ея репортеры, это — настоящій, правильно организованный отрядъ замѣчательно ловкихъ сыщиковъ и сыщицъ. Нужно имѣть въ виду, что англійскіе законы страшно сурово караютъ за вторженіе въ личную жизнь, если не было факта преступленія. Въ силу этого, репортерамъ приходится быть особенно осторожными, ловкими и проицательными. Кромѣ полицейскихъ повѣстей, *Evening News* даетъ подробнѣйшіе отчеты о каждомъ кулачномъ боѣ, о каждой травлѣ крысъ, какъ бы конспиративно эти запрещенныя удовольствія ни устраивались. Выйдете вечеромъ на перекрестокъ шумныхъ улицъ Лондона. Васъ остановить, навѣрное, цѣлый рядъ «сэндвичей» (такъ называютъ разнощиковъ съ двумя досками объявленій на груди и на спинѣ). Ярко-красными гигантскими буквами на объявленіяхъ у нихъ красуется: «*Стойте! Остановитесь!! Тарарабумдей!! Новая побѣда!! Вся подробности потъху!!!*». Это возглашается побѣда боксера. За *Evening News* Хармсуортъ основалъ вторую газету того же типа *Morning*, а потомъ *Daily Mail* (въ маѣ прошлаго года), которая черезъ три мѣсяца расходилась уже въ количествѣ 250 тысячъ экземпляровъ. Когда явились въ изобиліи деньги, Хармсуорту захотѣлось и почета. И вотъ, онъ снарядилъ полярную экспедицію на землю Франца-Иосифа (эта экспедиція встрѣтила Нансена въ августѣ прошлаго года).

Таковы, въ общихъ чертахъ, тѣ два типа изданій, которые созидались тогда, когда въ Англии народился новый читатель.

Дюнесо.

По поводу полемики о дешовомъ хлѣбѣ.

I.

Мало можно указать въ русской литературѣ книгъ, появленіе которыхъ въ свѣтъ вызвало бы такую бурю, какъ редактированное нами изданіе подъ заглавіемъ «Вліяніе урожаявъ и цѣнъ хлѣба на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства», которое уже знакомо читателямъ «Русскаго Богатства» по статьямъ А. А. Мануилова. Критическія статьи и замѣтки начали появляться чуть не на другой день по выходѣ книги и продолжаютъ наполнять страницы газетъ и журналовъ до настоящей минуты, хотя со времени изданія книги прошло уже три мѣсяца. Если принять въ расчетъ, что дѣло идетъ о двухтомномъ трудѣ слишкомъ въ 1000 страницъ мелкой печати, съ массой цифръ и статистическихъ таблицъ, трудъ, одолѣть который нелегко даже завязтому специалисту, то вниманіе нашей публики и журналистики къ этому произведенію является поистинѣ замѣчательнымъ.

Нужно сказать правду, большинство писавшихъ до сихъ поръ по поводу названнаго изданія отнеслось къ нему недружелюбно, а многіе даже прямо враждебно. Рѣзкость отзывовъ нѣкоторыхъ органовъ печати по адресу составителей отдѣльныхъ статей въ Сборникѣ объ урожаяхъ и цѣнахъ хлѣба и особенно по адресу его редакторовъ, переходитъ всякіе допускаемые у насъ, довольно широкіе предѣлы. Изданіе опорочивается и за то, что въ немъ написано и въ особенности за то, чего въ немъ вовсе не написано. Такое единодушное недоброжелательство едва ли можетъ быть объяснено исключительно какими-либо недостатками книги. Мало ли выходитъ книгъ съ недостатками, и однако о нихъ не говорится остой доли того, что уже до сихъ поръ высказано о поименованномъ Сборникѣ на страницахъ печатныхъ органовъ. Здѣсь должны быть болѣе глубокія причины.

Понятенъ взрывъ негодованія противъ новаго произведенія печати, когда оно идетъ въ разрѣзъ съ прочно сложившимися научными убѣжденіями или дорогими общественными идеалами. Къ нашему изданію не примѣнимъ ни тотъ, ни другой поводъ. Главное положеніе редактированной нами книги заключается въ томъ, что современный сельскохозяйственный кризисъ, выражающійся въ крайнемъ пониженіи хлѣбныхъ цѣнъ, затрогиваетъ интересы не большинства, а меньшинства русскихъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Наши критики не могутъ переварить этого положенія, не могутъ примириться съ тою мыслью, что въ странѣ, которая издавна счи-

талась и до сихъ поръ именуется житницей Европы, для большинства хозяйствъ или безразличны, или даже выгодны низкія цѣны хлѣба. Это господствующій мотивъ, который даетъ основной тонъ всей критикѣ. Наше утвержденіе объявляется какой-то ересью, вопиющимъ нарушеніемъ не только общепризнанныхъ аксіомъ науки, но даже простого здраваго смысла. А между тѣмъ, что есть въ немъ новаго для всякаго человѣка, сколько-нибудь начитаннаго въ заграничной и нашей экономической литературѣ?

Первая послышка того силлогизма, заключеніемъ котораго является вышеизложенный тезисъ, гласитъ, что мелкія земледѣльческія хозяйства вообще легче переносятъ давленіе низкихъ цѣнъ, нежели крупныя, а во многихъ случаяхъ даже выигрываютъ. Это положеніе, въ свою очередь логически вытекающее изъ того элементарнаго факта, что земледѣльцу съ его семьей нужно съѣсть по крайней мѣрѣ половину того хлѣба, который онъ производитъ своимъ личнымъ трудомъ, есть общезвѣстная истина, признаваемая и раздѣляемая самыми авторитетными экономистами. Способность мелкаго землевладѣнія противостоятъ кризисамъ была однимъ изъ важнѣйшихъ аргументовъ на сторонѣ защитниковъ мелкой собственности въ старомъ спорѣ о сравнительныхъ преимуществахъ крупнаго и мелкаго землевладѣнія и хозяйства. Изъ новыхъ экономистовъ на этой точкѣ зрѣнія стоятъ лучшіе знатоки сельскохозяйственныхъ отношеній, каковы, напримѣръ, въ Германіи проф. Конрадъ, Паше, Гольцъ, Бухенбергеръ. И что замѣчательно, это не только теоретическая мысль, но наблюденіе, которое вполне подтверждается земледѣльческими обследованіями, предпринятыми въ разныхъ странахъ подъ влияніемъ кризиса. Такъ французская анкета 1879—80 года показала, что подъ влияніемъ низкихъ цѣнъ положеніе мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ не только не ухудшилось, но даже улучшилось, и что этимъ улучшеніемъ уравновѣшивается и даже перевѣшивается неблагоприятное влияніе рыночныхъ конъюнктуръ новаго времени на крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ *). Подобныя же наблюденія были сдѣланы въ Англіи, какъ обстоятельно изложено въ статьѣ г. Мануилова въ прошлой книжкѣ «Русскаго Богатства». Что и въ Германіи наблюдается то же самое, объ этомъ можно судить по свидѣтельствамъ Конрада и Гольца. Такимъ образомъ первая послышка наша выводится дедуктивно изъ природы сельскохозяйственнаго промысла, поддѣрпывается убѣжденіемъ первоклассныхъ западно-европейскихъ ученыхъ **) и поддерживается свидѣтельствомъ правительственныхъ разслѣдованій во Франціи и Англіи.

*) Reitzenstein und Nasse, Agrarische Zustände in Frankreich und England. 90—91.

**) Мнѣнія нѣмецкихъ ученыхъ Лор. Штейна, Конрада, Гольца по разсматриваемому вопросу подробно изложены въ статьѣ Н. А. Каблукова въ нашемъ изданіи. Т. 1. стр. 139—143.

Вторую посылку того же силлогизма составляют общеизвестные итоги нашей статистики поземельной собственности. Кто не знает того факта, что среди крестьянъ Европейской Россіи около 100 мил. десятинъ земли раздѣлены между 8 съ половиною милліонами хозяйствъ, такъ что средній размѣръ хозяйства составляетъ всего около 12 десятинъ на дворъ, и что среди частныхъ землевладѣльцевъ четыре пятыхъ имѣютъ участки, не превышающіе 50 десятинъ. Преобладаніе мелкаго землевладѣнія—это фактъ, точно установленный нашею поземельною статистикою и никѣмъ до сихъ поръ не опровергавшійся. Этого мало. Въ нашей литературѣ давнымъ давко, въ особенности же со времени известныхъ работъ проф. Якобсона о надѣлахъ и платежахъ, признавалось, какъ бесспорная истина, существованіе малоземелья среди крестьянъ большинства нашихъ губерній. Съ тѣхъ поръ рѣдкая книга, говорившая о крестьянахъ, рѣдкое изъ земско-статистическихъ изслѣдованій не приносили новыхъ подтвержденій недостаточности надѣловъ. А вѣдь слово малоземелье означаетъ то, что на земельной площади, которою владѣетъ крестьянинъ, не можетъ быть добыто достаточно хлѣба для удовлетворенія насущныхъ потребностей его и его семьи. У кого не хватаетъ хлѣба, тотъ не понесетъ его на рынокъ, а если хлѣбъ продаваться не будетъ, какое дѣло его владѣльцу до хлѣбной цѣны. Наше заключеніе, логически вытекающее изъ общеизвестныхъ посылокъ, само по себѣ, въ свою очередь, является давно знакомымъ нашей литературѣ. Не составляла ли апологія дешоваго хлѣба обычную тему разсказовъ и статей А. Н. Энгельгардта и другихъ знатоковъ деревни и народа. Такимъ образомъ, ни наши послылки, ни выведенное изъ нихъ заключеніе не составляютъ ничего новаго, необычнаго, ничего идущаго въ разрѣзъ съ убѣжденіями образованной части нашего общества. Наша книга есть въ сущности, если хотите, ничто иное, какъ формулировка въ новыхъ терминахъ и иллюстрація на новыхъ фактахъ стараго, давно знакомаго всѣмъ явленія русскаго крестьянскаго малоземелья.

Отчего же, однако, книга вызвала такую жестокую оппозицію? Мы позволяемъ себѣ объяснить этотъ фактъ тѣмъ прежде всего обстоятельствомъ, что книга попала противъ нѣсколькихъ сильныхъ теченій въ нашей общественной жизни. Не подлежитъ сомнѣнію, что для значительной группы нашихъ сельскихъ хозяевъ, производящихъ хлѣбъ для рынка, низкія цѣны являются бѣдствіемъ. Вполнѣ естественно, что эта группа, сильная своимъ положеніемъ въ обществѣ, вопіетъ о помощи, и по обычному въ подобныхъ случаяхъ увлеченію стремится представить свои интересы общими интересами всего русскаго народа. Хотя въ нашей книгѣ тяжелое положеніе крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ обрисовано въ яркихъ краскахъ, но мы нашли въ Россіи значительное число

хозяйствъ, которымъ пониженіе цѣнъ приноситъ поправку, и этого уже было довольно для того, чтобы въ извѣстныхъ кругахъ и органахъ печати наше изслѣдованіе было заклемено, какъ походъ противъ крупнаго землевладѣнія. Прочтите вдохновенныя тирады по этому предмету хотя бы въ органѣ г. Грингмута, и вы убѣдитесь, что такое объясненіе имѣетъ на своей сторонѣ значительную долю правдоподобія.

Крайности сходятся. Обазывается, мы стали поперегъ дороги не только тѣмъ, чьи интересы вдохновляютъ гг. Грингмута и К^о., но и людямъ совсѣмъ изъ другого лагеря. И въ газетной полемикѣ и въ преніяхъ, происходившихъ въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, намъ приписывалось стремленіе зарасить существующую дѣйствительность, доказать, что Россія благоденствуетъ и даже непрерывно подвигается впередъ по пути благоденствія.

Посмотрите, напримѣръ, въ газетныхъ рефератахъ о преніяхъ въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, съ какимъ жаромъ поддерживаютъ эту мысль въ засѣданіяхъ 1 и 2 марта проф. Исаевъ и проф. Ходскій. И тотъ, и другой ораторы не только признавали за неоспоримый фактъ, что наше изданіе намѣренно подткнуто подъ опредѣленную политическую тенденцію; но даже, отправляясь отъ этого факта, позволяли себѣ морализировать по нашему адресу то въ формѣ грозной филиппики, то подъ личиною снисходительнаго добродушія. Замѣчательно, однако, что никто изъ говорившихъ и писавшихъ не задался мыслію провѣрить себя, не потрудились привести мѣста изъ нашей книги, въ которыхъ дѣйствительно утверждалось бы, что Россія процвѣтаетъ, а тѣмъ болѣе, что благосостояніе ея растетъ.

Если бы мы пожелали оцѣнить степень благосостоянія страны или рѣшить вопросъ о томъ, улучшается или ухудшается положеніе народа, мы должны были бы привлечь другіе матеріалы и употребить другіе приемы. Задача нашего труда была теоретическая: худа или хороша наша книга, но она не политическій памфлетъ и не вѣдомственный докладъ; главная цѣль ея была разобраться въ вопросѣ, какое вліяніе на различные слои русскаго населенія и на различныя стороны русскаго народнаго хозяйства оказываютъ перемены въ уровнѣ урожая и цѣнъ хлѣба.

Не имѣя прямыхъ указаній о томъ, какую именно политическую тенденцію мы проводимъ, а между тѣмъ во чтобы то ни стало желая доказать ея присутствіе, наши критики вынуждены были читать въ душѣ. Но тутъ то и сказалась вся трудность этого упражненія. Намъ приписывалась мысль, будто мы въ низкихъ цѣнахъ находимъ панацею отъ всѣхъ экономическихъ золъ, въ виду которой становятся ненужными некакія другія мѣры. Намъ ставили въ укоръ, что, признавая благоприятное вліяніе низкихъ цѣнъ на разныя стороны народной жизни, мы поддерживаемъ оффиціальныи взглядъ о постепенномъ ростѣ благосостоянія Россіи. Но всѣ эти и подобныя

утвержденія совершенно произвольны. Доказывать, что низкія цѣны имѣютъ тенденцію дѣйствовать благоприятно на ту или иную сторону народнаго хозяйства, еще не значить признавать ни того, что народное хозяйство находится въ отличномъ состояніи, ни того, что оно идетъ впередъ. Когда статистикъ Бела Вейсъ въ извѣстномъ его сочиненіи констатировалъ вліяніе дешевизны хлѣба на пониженіе смертности, приходило ли кому въ голову выводить изъ этого, что онъ считаетъ въ изслѣдованныхъ имъ странахъ смертность низкою или понижающеюся? Ни мало. Пониженіе смертности при дешевизнѣ хлѣба обнаружилось одинаково и въ странахъ съ высокой и въ странахъ съ низкой смертностью, и тамъ гдѣ смертность вообще повышается, и тамъ гдѣ она понижается. Тоже нужно сказать о нашемъ вопросѣ. Благоприятное вліяніе низкихъ цѣвъ хлѣба совмѣстимо и съ высокими, и съ низкими, и съ повышающимся, и съ понижающимся уровнемъ благосостоянія. Приписывать намъ, на основаніи нашихъ взглядовъ о хлѣбныхъ цѣнахъ, какую-то предвзятую оптимистическую тенденцію, а тѣмъ болѣе дѣлать насъ отвѣтственными за оптимизмъ другихъ лицъ,—значить впадать въ логическую ошибку.

Невѣрное освѣщеніе нашего изданія цвѣтомъ то той, то другой политической программы является едва-ли не главною причиною страстной полемики противъ нея. Изъ этого источника вытекаетъ желаніе во что бы то ни стало опорочить книгу, хотя бы для этого приходилось неправильно истолковывать, подтравливать и даже прямо сочинять факты, клонящіеся къ обвиненію противника. Споръ по поводу нашей книги представляетъ не мало любопытныхъ примѣровъ для иллюстраціи этихъ психологическихъ чертъ пишущаго чело-вѣка.

Проф. Исаевъ, для доказательства присущей будто-бы намъ тенденціи раскрасить современное положеніе Россіи, и въ устныхъ реченіяхъ, и въ печатныхъ статьяхъ ссылался на наше указаніе объ увеличившемся потребленіи спирта въ 1893 и 1894 годахъ. Дѣйствительно, въ эти годы, отличавшіеся хорошимъ урожаемъ и низкими цѣнами хлѣба, выпивалось вина больше, чѣмъ въ предшествующіе годы голода и дороговизны; но г. Исаевъ объяснялъ этотъ ростъ потребленія не тѣмъ, что населенію жилось легче, а тѣмъ, что подешевѣлъ спиртъ—въ 1893 году на 22%, а въ 1894 году на 38%, вслѣдствіе чего населеніе, потребляя нѣсколько больше вина, тратило на него меньше, нежели въ 1892 году. Желая обезпечить себѣ торжество, а противникамъ пораженіе, г. Исаевъ умолчалъ о томъ, что въ цѣнѣ вина, потребляемаго населеніемъ, главную роль играетъ не самый спиртъ, а акцизъ на него: акцизъ же съ 1 декабря 1892 года былъ повышенъ съ 9¼ до 10 коп. на градусъ, такъ что въ 1893 и 1894 году, не смотря на пониженіе рыночной цѣны спирта, населенію приходилось платить за покупаемое имъ вино или столько же, сколько оно платили раньше, или даже дороже того. Если бы такое умолчаніе было примѣнено зауряднымъ газет-

нимъ работникомъ, мы объяснили бы его простымъ недосмотромъ, но въ устахъ специалиста по финансамъ оно знаменуетъ специфическую подкраску фактовъ. Тотъ же проф. Исаевъ, чтобы опровергнуть нашу ссылку на сравнительно выгодное при настоящемъ хлѣбномъ кризисѣ положеніе такихъ хозяйствъ, которыя перешли къ спеціальнымъ культурамъ, равно какъ къ скотоводству и овцеводству, отмѣчаетъ тотъ фактъ, что при настоящемъ кризисѣ подешевѣлъ не одинъ только хлѣбъ, а также сыръ, шерсть, спиртъ и пр. Не говоря уже о томъ, что пониженіе всѣхъ цѣнъ на названные продукты, равняющееся 2%, 5%, 6%, совершенно ничтожно по сравненію съ обезцѣненіемъ хлѣба на 24%—33%, г. Исаевъ почему-то считалъ нужнымъ скрыть, что за то же время съ 1890 по 1895 годъ поднялись цѣны нѣсколькихъ продуктовъ, относящихся къ выше-означеннымъ отраслямъ сельско-хозяйственной промышленности, именно льна—на 6,4%, мелкаго скота—на 5,4%, масла коровьяго—на 6,3%, сала—на 9%. Опять умолчаніе едва-ли безцѣльное.

Газета «Новости», желая обличить нашего сотрудника, г. Маресса, въ подтасовкѣ фактовъ съ тенденціозными цѣлями, ссылается на огромную разницу, будто бы существующую между оцѣнкой народнаго потребленія въ одной изъ прежнихъ его работъ и въ настоящемъ изданіи. Г. Марессъ, авторъ доклада московскому юридическому обществу въ 1893 году, будто бы утверждаетъ, что «русскій обыватель ѣстъ 12,4 пуд. хлѣба въ годъ и, значить, хронически не доѣдаетъ», а тотъ же Марессъ «сдѣлавшись сотрудникомъ министерства финансовъ», въ 1897 году доказываетъ, что потребленіе народа простирается до 21,5 пудовъ и «неожиданно рисуетъ, такимъ образомъ, картину избытка питанія, если не обжорства». Что можетъ быть, повидямому, ярче и сильнѣе такого обвиненія? А между тѣмъ оно оказывается сплошной подтасовкой. Г. Марессъ въ 1893 году въ цифрѣ потребленія учитывалъ только продовольственный хлѣбъ, (причемъ средняя на душу получалась 12,7 пуд., а не 12,4), но ничего не говорилъ объ овсѣ, тогда какъ въ 1897 году онъ вводитъ въ цифру потребленія крестьянскихъ семей и овесъ, а это составляетъ разницу въ 3,6 пуда, такъ что потребленіе 1893 года послѣ этой поправки должно быть оцѣнено въ 16,3 пудовъ на душу. Что касается до 1897 года, то Марессъ нигдѣ не даетъ цифры въ 21,5 пудовъ: напротивъ, изъ его цифръ выходитъ среднее потребленіе на душу въ 17,4 пуда. «Я удивляюсь великодушію «Новостей»—пишетъ г. Марессъ по этому поводу въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 87), что онъ одну цифру уменьшаютъ всего на 3,9 пуда, а другую увеличиваютъ на 4,1 пудъ. Имъ ничто не мѣшало одну цифру уменьшить на 6 или на 10 пудовъ, а другую увеличить на 8 или на 12 пудовъ. Тогда онъ получили бы статистическую погрѣшность въ 200% или въ 300%».

Особенно любопытные примѣры безцеремоннаго обращенія съ фактами съ цѣлю доказательства предвзятой мысли представляютъ

полемика «Московскихъ Вѣдомостей». Здѣсь подтасовки и передержки доходятъ до размѣровъ поистинѣ грандіозныхъ. Чтобы обвинить нашихъ сотрудниковъ въ грубыхъ противорѣчіяхъ, а насъ, редакторовъ, въ «защитѣ предвзятыхъ вымышленныхъ положеній», газета приводитъ, напริมѣръ, слѣдующее: «г. Щербина, пишутъ «Московскія Вѣдомости», подсчитаетъ стоимость средняго за пятилѣтіе съ 1883 по 1887 годъ чистаго сбора ржи въ 231.701.593 рубля, а г. Григорьевъ опредѣляетъ стоимость того же сбора ржи въ 409.618.300 рублей или выше на 76%». Это обличеніе показалось «Московскимъ Вѣдомостямъ» настолько убѣдительнымъ, что онѣ сочли за благо повторить его въ заключительныхъ итогахъ своей полемики. Оказывается между тѣмъ на дѣлѣ, что здѣсь ничто иное, какъ смѣшная и неловкая передержка. Г. Щербина говоритъ въ приведенномъ мѣстѣ о сборѣ ржи *на крестьянскихъ земляхъ*, а г. Григорьевъ *на всѣхъ земляхъ, какъ крестьянскихъ, такъ и частно-владѣльческихъ*. Нѣтъ ничего мудренаго, что цифры, относящіяся къ двумъ различнымъ предметамъ, оказались несовпадающими, и что цѣлое вышло больше части. Но этого мало. Чтобы еще ярче выставить противорѣчіе цифръ у двухъ изслѣдователей, «Московскія Вѣдомости» выкли во второй разъ въ показаніи одного изъ нихъ, г. Щербины, сѣмена, уже ранѣ исключенныя самимъ изслѣдователемъ: такимъ путемъ получила цифра въ 231.701.593 рубля, вмѣсто 329.201.932 рублей, дѣйствительно показанныхъ у г. Щербины... Въ другомъ мѣстѣ статьи, съ цѣлю доказать тенденціозное пользованіе матеріалами, «Московскія Вѣдомости» опять вычитаютъ изъ цифръ Щербины сѣмена, раньше уже вычтенныя, и при помощи такого маневра создаютъ разницу между цифрами сбора хлѣба у Щербины и тѣми же цифрами у Маресса въ 33%. Подобнымъ же образомъ въ послѣдней заключительной статьѣ, обвиняя насъ, редакторовъ, въ противорѣчій съ цифрами сотрудниковъ, «Московскія Вѣдомости» приводятъ на справку два ряда цифръ, дѣйствительно, между собою различныхъ: но эти цифры и не могли быть сходны, потому что одна изъ нихъ касается сбора хлѣбовъ крестьянами на всѣхъ обрабатываемыхъ земляхъ, *какъ надѣльныхъ, такъ и арендуемыхъ*, а вторая *на отпахъ только надѣльныхъ земляхъ* *).

Мы привели лишь немногіе примѣры, а между тѣмъ подобными фантастическими обвиненіями наполнены цѣлыя страницы различныхъ органовъ печати. О приѣмахъ этого рода много говорить не приходится, достаточно описать ихъ, чтобы одѣвнть по достоинству. Гораздо труднѣе разобраться въ аргументахъ, которые основаны на недоразумѣніи, на нежеланіи или неумѣннн вникнуть въ способы работы, въ мысли и слова противниковъ. Попробуемъ,

*) Подробности этихъ курьезныхъ расчетовъ приведены въ нашей статьѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», № 91.

однако, пересмотрѣть и этого рода возраженія, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія изъ нихъ.

II.

Одно изъ самыхъ серьезныхъ недоразумѣній въ происходящей полемикѣ вызвано невѣрными понятіями объ основныхъ приемахъ нашего изслѣдованія. Мы поставили себѣ главной задачей опредѣлить, чьи интересы затрогиваются колебаніями урожаевъ и цѣнъ хлѣба. Къ рѣшенію этой задачи мы подходили постепенно. Народное хозяйство Россіи составлено изъ неоднородныхъ частей: въ немъ имѣются области вывоза и области ввоза хлѣба. Въ случаяхъ повышения цѣны хлѣба области вывоза выигрываютъ не только насчетъ заграничнаго экспорта, но и насчетъ переплатъ, обременяющихъ область ввоза; наоборотъ, пониженіе хлѣбной цѣны увеличиваетъ выгоды области ввоза насчетъ сокращенія валового дохода другой части страны. Внутри территорій вывоза и ввоза хлѣба въ свою очередь усматриваются характерныя различія отдельныхъ группъ населенія, — именно съ одной стороны крестьянъ, а съ другой — частныхъ землевладѣльцевъ. Мы выдѣлили группу крестьянъ и особо рассмотрѣли ихъ интересы, какъ производителей и потребителей хлѣба. Учетъ этихъ интересовъ былъ произведенъ нами прежде всего по губерніямъ. Но въ предѣлахъ каждой губерніи и cadaго уѣзда могутъ находиться крестьяне и съ достаточнымъ, и съ ничтожнымъ надѣломъ: первые изъ нихъ, очевидно, будутъ иначе относиться къ вопросу о цѣнахъ, нежели послѣдніе. Поэтому, мы изучили факты, касающіеся распределенія земель между крестьянами, и показали, что крестьянское земледѣльческое производство въ огромномъ большинствѣ случаевъ не даетъ излишковъ, а напротивъ является недостаточнымъ для удовлетворенія потребностей населенія. Изъ общей массы крестьянъ выдѣляется лишь небольшая часть, могущая производить зерно на продажу. Лишь эта группа крестьянъ, равная приблизительно 16%, прямо заинтересована въ цѣнахъ. Слѣдуя такимъ путемъ, мы, въ концѣ концовъ, отвѣтили на вопросъ: чьи интересы затрогиваются колебаніями хлѣбныхъ цѣнъ. Это — интересы частно-владѣльческаго хозяйства и приблизительно одной шестой части крестьянъ-земледѣльцевъ.

Можно было бы пойти дальше въ анализъ; можно было бы учесть, какъ велика сумма продажъ, производимыхъ частновладѣльческими хозяйствами и зажиточными крестьянами, выяснить въ какой мѣрѣ потери, испытываемыя этимъ разрядомъ хозяевъ при паденіи цѣнъ, уравниваются выгодами тѣхъ группъ, которымъ приходится прикупать хлѣбъ; словомъ, можно было бы опредѣлить, какая доля урожая поступаетъ на рынокъ, и слѣдовательно какая часть народнаго производства болѣе или менѣе обезцѣнивается при пониженіи цѣны на хлѣбъ. Но мы не поставили себѣ такого во-

проса по двумъ основаніямъ. Во первыхъ, мы считали мало существеннымъ учетъ интересовъ *по количеству продаваемого и покупаемого хлѣба*. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія экономіи цѣлаго народа, соизмѣрять выгоды одного крупнаго хозяйства, продающаго сотни тысячъ пудовъ зерна и выигрывающаго при поднятіи цѣны хлѣба десятки тысячъ рублей, съ потерями нѣсколькихъ тысячъ хозяйствъ, покупающихъ хлѣбъ пудами и теряющихъ при вздорожаніи хлѣба лишь рубли и даже доли рублей. Сопоставлять и балансировать эти величины — значило бы забывать человека изъ за товара. Другимъ основаніемъ послужило для насъ неимѣніе достаточно надежныхъ матеріаловъ объ урожаяхъ на частновладельческихъ земляхъ и о перевозкахъ хлѣба, въ особенности гужевыхъ. Уклонившись по этимъ причинамъ отъ подробнаго разсмотрѣнія вышеуказаннаго вопроса, мы ограничились лишь краткими указаніями. Такъ какъ въ нашей странѣ численно преобладаетъ мелкое крестьянское хозяйство, и такъ какъ группа крестьянъ, имѣющая избытки, представляется немногочисленной, то мы естественно сдѣлали выводъ, что на рынокъ поступаетъ лишь меньшая доля урожая, большая же часть сбора потребляется въ тѣхъ самыхъ хозяйствахъ, въ какихъ и производится. Мелькомъ мы провѣрили это заключеніе. Во введеніи мы показали, что въ урожайные годы сумма хлѣбныхъ избытковъ, за покрытіемъ потребностей сельскаго населенія, составляетъ всего около трети урожая; въ средній годъ оно падаетъ еще ниже. На стр. 53 и 54 т. I было выяснено, что всѣ потребности рынка покрываются въ нашей странѣ одними только частновладельческими хозяйствами да хозяйствами небольшой зажиточной группы крестьянъ. По 46 губерніямъ Европейской Россіи первые пускаютъ въ продажу около 300 мил. пуд., вторые около 209 мил. пудовъ. Эти же 500 мил. пудовъ, составляющіе около 36% чистаго сбора хлѣба по 46 губерніямъ, попадаютъ въ перевозку по желѣзнымъ дорогамъ, воднымъ путямъ и гужемъ. Болѣе подробнаго учета мы нигдѣ не даемъ.

Указанный пробѣлъ, сознательно сдѣланный нами по вышеизложеннымъ причинамъ, почему-то пожелаеи восполнить повременныя изданія, спѣшившія познакомить читателей съ нашими изслѣдованіями («Московскія Вѣдомости», «Кіевлянинъ», «Новости» и др.). Не находя у насъ детальнаго явнаго учета количества поступающаго на рынокъ зерна, они попробовали сами дать эти учеты, запутались въ нихъ, пришли къ совершенно несообразнымъ выводамъ и безцеремонно приписали эти выводы намъ. При этомъ обнаружилось, что возражатели не вчитались въ наши работы, не разобрали тѣхъ основаній, которыя послужили намъ для учета группъ населенія, заинтересованныхъ въ колебаніяхъ цѣбъ. Такъ, не были поняты установленныя въ изслѣдованіи *нормы потребленія* и тѣ цѣбы, ради которыхъ онѣ примѣнялись: *потребности* въ хлѣбѣ были *считаны* съ *дѣйствительнымъ потребленіемъ*, хотя эти два понятія въ

ислѣдованіи строго разграничиваются. Нами было показано, напр., что для правильнаго представленія о нормальномъ стрѣі русскаго крестьянскаго хозяйства, нужно исчислять потребность крестьянъ въ зернѣ въ 26,5 пудовъ на душу (18 пудовъ на продовольствіе, 1 пудъ на помѣгъ и 7,5 пуд. на кормъ скоту). Однако, крестьяне въ громадномъ большинствѣ случаевъ не имѣютъ возможности удовлетворить своимъ потребностямъ въ такомъ размѣрѣ: изъ всѣхъ 50 губ. крестьянство располагаетъ дѣйствительнымъ излишкомъ для сбыта только въ 6 губерніяхъ, въ остальныхъ-же или только покрываетъ свои потребности, продовольственныя и кормовыя, или только что обезпечивается въ своихъ продовольственныхъ нуждахъ, или даже и въ этихъ нуждахъ не обезпечивается.

Между тѣмъ газеты поняли наши расчеты въ томъ смыслѣ, будто крестьяне дѣйствительно потребляютъ повсюду по 26,5 пудовъ хлѣба на душу, и, исходя изъ этой ложной, вовсе не принадлежащей намъ мысли, обрушилось на насъ съ обвиненіями, будто мы не свели концовъ съ концами и пришли къ явнымъ несообразностямъ.

«Кіевлянинъ» находитъ наши расчеты «поразительными, опровергающими всѣ сложившіяся представленія о земледѣльческой Россіи». «Въ 44 губерніяхъ крестьянамъ не хватаетъ всего производимаго на своихъ и арендованныхъ земляхъ хлѣба для собственныхъ нуждъ и только 6 губерній составляютъ счастливое исключеніе. Какое огромное количество хлѣба должно покупать наше крестьянство и гдѣ оно покупаетъ этотъ хлѣбъ?»

«Если принять норму душевого потребленія въ 26½ пуд.,— говорить «Кіевлянинъ», то для сельскаго населенія потребовалось бы 2040 мил. пуд. Все же потребленіе хлѣба городскимъ (по 18 пуд.) и сельскимъ населеніемъ выразилось бы 2247 мил. пуд. хлѣба, не считая прокормленія домашнихъ животныхъ въ городахъ, а сбывалось его 1696 мил. пуд. Ежегодная недостача для Россіи хлѣба равнялась такимъ образомъ, по расчету гг. Чупрова и Посникова, 551 мил. пудовъ, а мы вывозимъ его за границу ежегодно 300—400 мил. пуд.»

Къ чему эта тирада? Мы нигдѣ ни однимъ словомъ не обмолвились, что сельское населеніе, дѣйствительно, потребляетъ по 26,5 пудовъ. Напротивъ, мы сказали, что потребленіе въ сельскомъ населеніи колеблется въ широкихъ предѣлахъ, поднимаясь въ важныхъ группахъ до 26,5 пудовъ, въ недостаточныхъ же опускается даже до 12 пудовъ. Редактору «Кіевлянина» просто не угодно было вчитаться въ нашу работу, и весь расчетъ, надъ которымъ онъ упражняетъ дешевое остроуміе, есть ничто иное, какъ плодъ соотвѣстной его досуужей фантазіи.

«Новости» повторяютъ ошибку «Кіевлянина». Приписавши намъ заключенія, которыхъ у насъ нѣтъ и быть не могло, что крестьяне потребляютъ по 26,5 пуд. хлѣба на душу, газета, конечно, не до

считывается значительныхъ запасовъ хлѣба въ странѣ и рѣшаетъ, что мы обрекаемъ городское населеніе, для потребностей котораго требуется не менѣе 200—250 м. пуд., и часть сельскаго на голодную смерть. «Мы только спросимъ,—говорятъ «Новости»,—составителей книги: откуда же берется хлѣбъ, покупаемый не только городскимъ населеніемъ, но и громаднымъ большинствомъ самихъ производителей хлѣба? Какимъ образомъ Россія находитъ еще хлѣбъ для экспорта».

На томъ же самомъ заблужденіи съ упорствомъ стоятъ и «Московскія Вѣдомости». Пользуясь нашимъ указаніемъ, что бѣднѣйшей группѣ крестьянъ не хватаетъ около 200 мил. пуд., газета заключаетъ, что эта группа непремѣнно покупаетъ эти недостающіе 200 миліоновъ пуд., которые продаются, конечно, крестьянами же, и что, поэтому, крестьяне еще болѣе заинтересованы въ высокихъ цѣнахъ хлѣба, нежели крупныя владѣльческія хозяйства. Между тѣмъ, мы ничего не говоримъ и не можемъ говорить о покупкѣ крестьянами 200 мил. пуд. хлѣба. Такое заключеніе всецѣло принадлежитъ самимъ «Московскимъ Вѣдомостямъ».

Всѣ подобныя возраженія, основанныя на совершенно произвольныхъ упражненіяхъ съ цифрами, не стоитъ разбирать по существу, тѣмъ болѣе, что эти упражненія обыкновенно изобилуютъ и многими другими промахами. Въмѣсто отвѣта на нихъ, попытаемся на основаніи данныхъ нашей книги просто дать тѣ учеты, которыхъ мы тамъ не представили. Спѣшимъ оговориться, что эти учеты, по характеру матеріаловъ, на большую точность, конечно, не претендуютъ.

Потребности нашей страны въ зернѣ могутъ быть исчислены въ слѣдующемъ размѣрѣ:

1. Ежегодно вывозится за границу въ среднемъ выводѣ около 360 мил. пудовъ всякаго зерна. Въ этомъ вывозѣ принимаетъ участіе между прочимъ Сѣверный Кавказъ и Царство Польское, которые въ наше изслѣдованіе не включены, а между тѣмъ даютъ для вывоза около 57 мил. пудовъ ржи, пшеницы, овса и ячменя (въ 1890 году) *). За вычетомъ этихъ 57 мил. пудовъ средняя цифра хлѣбнаго отпуска за границу изъ 50 губерній Европейской Россіи составляетъ около 300 мил. пуд.

2. Потребности винокуренія равняются въ годъ около 58 мил. пудовъ, съ включеніемъ картофеля по переводѣ на рожь.

3. Потребности городского населенія (около 10 мил. душъ), по нормѣ, принятой въ изслѣдованіи, достигаютъ 154 мил. пуд.

4. Прокормъ лошадей въ городахъ (считается 2,8% воѣхъ лошадей въ Россіи) потребуетъ около 8 мил. пуд. овса.

5. Крестьяне (по 50 губ.), ведущіе земледѣльческое хозяйство

*) Дополненіе въ Статистическому Сборнику минист. путей сообщенія, вып. 6.

(около 61,7 мил. душъ), по соображеніямъ, приведеннымъ въ изслѣдованіи, потребляютъ въ среднемъ по 17,4 пуда на душу *), всего—1073 мил. пуд.

6. Сельское населеніе (не крестьянское), ведущее земледѣльческое хозяйство (около 5 мил. душъ), расходуетъ на душу, конечно, столько же, сколько и крестьяне, т. е. по 17,4 пуда, всего 87 мил. пудовъ.

7. Крестьяне безхозяйные и сельское населеніе, не ведущее земледѣльческаго хозяйства, принадлежа къ бѣднѣйшимъ группамъ и не имѣя скота, потребляетъ не болѣе какъ по 15 пудовъ на душу—всего 180 мил. пудовъ.

8. Прокормъ скота въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ требуетъ около 48 мил. пудовъ.

Всѣ нужды нашей страны въ зернѣ достигаютъ такимъ образомъ въ средній годъ цифры, примѣрно, въ 1.900 мил. пудовъ.

На удовлетвореніе этихъ нуждъ, по показаніямъ центрального статистическаго комитета, собиравось въ среднемъ за 1883—1892 г. ежегодно 1.696 мил. пудовъ. Однако, приведенная цифра нуждается въ поправкахъ. За десятилѣтіе 1883—1892 годовъ урожан на частновладѣльческихъ земляхъ приходится считать сильно преуменьшенными. По изслѣдованіямъ специалистовъ (пр. Фортунатова), центральный статистическій комитетъ даетъ показанія объ урожаѣ меньше дѣйствительныхъ процентовъ на 20. Кромѣ того, за пятилѣтіе 1883—1887 года посѣвныя площади принимались по изслѣдованію 1881 года, а за это время онѣ значительно увеличились, въ особенности въ южныхъ губерніяхъ. Поправку къ сбору съ частновладѣльческихъ земель нужно считать приблизительно въ 130 мил. пудовъ въ годъ, такъ что средній сборъ Россіи составитъ въ силу этого около 1.830 мил. пудовъ. Недостача отчасти пополняется Сѣвернымъ Кавказомъ и другими окраинами, откуда привозится хлѣбъ въ Европейскую Россію (напримѣръ, въ Астраханскую губернію). Нужно замѣтить, что средній сборъ въ пятилѣтіе 1891—1895 года на Сѣверномъ Кавказѣ достигалъ 184,661 мил. пудовъ всѣхъ хлѣбовъ безъ картофеля. Потребности населенія (3.040 тыс. душъ) составляютъ не болѣе 84 мил. пуд. въ годъ: избытокъ достигаетъ 100 мил. пуд.

И такъ, средній сборъ хлѣбовъ въ Европейской Россіи приблизительно покрываетъ всѣ ея потребности, исчисленныя на тѣхъ основаніяхъ, которыя приводятся въ нашемъ изслѣдованіи. Концы съ концами вполне сходятся.

Другой вопросъ, какъ распредѣляются эти запасы, какая доля потребляется въ самыхъ хозяйствахъ и какая поступаетъ на рынокъ?

*) Подробности этого расчета см. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», № 87, статья г. Маресса.

Потребности рынка могутъ быть опредѣлены такъ:

1. Вывозъ за границу—300 мил. пуд.
2. Города—около 162 мил. пуд.
3. Винокурение—около 29 мил. пудовъ (другая половина матеріаловъ, перекуриваемыхъ въ спиртъ, производится по всей вѣроятности въ тѣхъ хозяйствахъ, въ которыхъ и перекуривается).
4. Крестьяне и прочія сельскія сословія, не ведущія земледѣльческаго хозяйства, около 90 мил. пуд. Другая половина необходимыхъ имъ запасовъ потребляется, по всей вѣроятности, въ предѣлахъ другихъ хозяйствъ (батраки годовые, сроковые и поденные) или же приобретается натуральными заработками, закономъ и замолотомъ.

Итого 541 мил. пудовъ—составляютъ ту самую сумму хлѣба, которая покупается въ нашей странѣ.

Натуральное потребленіе:

1. Крестьяне—1.073 мил. пудовъ.
2. Сельское населеніе, ведущее земледѣльческое хозяйство, но не принадлежащее къ составу крестьянскихъ обществъ—87 мил. пудовъ.
3. Винокурение—29 мил. пудовъ.
4. Крестьяне и сельскія сословія, не ведущія земледѣльческаго хозяйства, батраки при частновладѣльческихъ хозяйствахъ и проч.—90 мил. пудовъ.
5. Скоть въ частновладѣльческихъ экономіяхъ около 46 мил. пудовъ.

Все потребленіе въ натурѣ достигаетъ 1.325 мил. пуд. Такимъ образомъ, потребленіе, оплачиваемое деньгами, составляетъ около 80% средняго урожая.

По даннымъ перевозочной статистики въ 1890 году, единственно, для котораго учтено было все передвиженіе хлѣба, желѣзнодорожное, водное и гужевое, въ перевозку поступало въ 50 губерніяхъ—584 мил. пудовъ, около 37% чистаго сбора (для главныхъ хлѣбовъ — приблизительно такое же количество, какое дается и нами).

Такимъ образомъ, наше утвержденіе, что на рынокъ поступаетъ около одной трети урожая, имѣетъ за себя серьезныя основанія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Чупровъ.
А. Посниковъ.

Дневникъ журналиста.

Переходные экзамены.—Гимназическіе учебники.

I.

Въ минувшемъ 1896 году, по случаю коронаціонныхъ торжествъ, всѣ учащіеся были освобождены отъ переводныхъ экзаменовъ и перешли въ слѣдующіе классы по годовымъ отиѣткамъ. Имѣвшимъ отиѣтки неудовлетворительныя было предоставлено держать осенью экзаменъ изъ тѣхъ предметовъ, по которымъ ими были получены эти непереводныя отиѣтки. Сотни тысячъ учащихся не подверглись въ 1896 году провѣрочному испытанію посредствомъ экзаменовъ, мѣсяцемъ раньше начали вакаціонный отдыхъ, мѣсяцемъ больше его имѣли, лучше отдохнули и поправили здоровье, съ лучшими силами осенью приступили къ ученію, которое отъ такой отиѣвы экзаменовъ нисколько не пострадало. По крайней мѣрѣ, среди непрекращавшихся весь академическій 1896—1897 годъ толковъ объ отиѣвнѣ экзаменовъ не раздалось ни откуда ни одного голоса о какихъ либо затрудненіяхъ или неуспѣхахъ, вызванныхъ отиѣвною экзаменовъ въ 1896 году. Этотъ фактъ является очень сильнымъ доводомъ въ пользу окончательной и повсемѣстной отиѣвы переводныхъ экзаменовъ, которые давно компетентными лицами признаются ненужными. Между прочимъ, не далѣе прошлаго года, г. попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, въ своемъ циркулярѣ *) по поводу освобожденія отъ экзаменовъ въ 1896 году, совершенно категорически высказалъ мысль, что годовыя отиѣтки объ успѣхахъ учащихся имѣютъ гораздо большее значеніе для оцѣнки этихъ успѣховъ, нежели экзаменаціонныя отиѣтки, нерѣдко случайныя, и что поэтому переводные экзамены являются излишнимъ и вреднымъ обремененіемъ учащихся. Эти мысли, высказанныя авторитетнымъ представителемъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, и притомъ въ официальномъ документѣ, подали обществу надежду, что временная мѣра, принятая по случаю коронаціонныхъ празднествъ, обратится въ постоянную, а «излишнее и вредное обремененіе учащихся» будетъ прекращено. Успѣхъ прошлагодняго опыта еще болѣе поддерживалъ эту надежду на осуществленіе давно желанной реформы.

Реформа эта не явилась бы чѣмъ то новымъ и небывалымъ. Многія женскія гимназіи давно практикуютъ эту мѣру въ видѣ освобожденія отъ переводныхъ экзаменовъ наиболѣе успѣвающихъ

*) См. *Неделя*, 1896 г., № 13.

ученицъ. Позже то же самое начали принимать и въ мужскихъ гимназіяхъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ, напимѣръ, въ петербургскомъ, гдѣ отъ экзамена освобождаются ученики перваго разряда, т. е. тѣ, которые, вовсе не имѣя неудовлетворительныхъ годовыхъ отбѣтокъ, имѣютъ въ среднемъ выводѣ около четырехъ. Известно, что это освобожденіе учениковъ перваго разряда отъ экзаменовъ ни мало не вліяетъ на успѣшность ихъ занятій и они, болышею частью, сохраняютъ свой разрядъ, не смотря на отсутствіе экзаменаціоннаго Дамоклова меча и соединеннаго съ нимъ весенняго повторенія пройденнаго курса. Съ другой стороны, это повтореніе нисколько не содѣйствуетъ ученикамъ втораго и третьяго разрядовъ повышаться разрядомъ и они, по болышей части, остаются вѣрны однажды приобретенному рангу. Словомъ, вмѣсто того, чтобы говорить, что наиболѣе успѣвающіе ученики освобождаются отъ переводныхъ экзаменовъ, можно съ такимъ же правомъ сказать, что не экзаменуемые ученики наиболѣе успѣваютъ въ ученіи. Въ самомъ дѣлѣ, кто не научился въ теченіе года, тотъ не научится и въ теченіе экзаменаціоннаго мѣсяца, а кто научился, тому не зачѣмъ снова учиться. Это ясно до очевидности. Экзамены, какъ *мтра для протѣрки учениковъ*, не имѣютъ никакого значенія, кромѣ совершенно напраснаго и зачастую очень вреднаго обремененія молодого поколѣнія, и безъ того къ концу учебнаго года утомленнаго и переутомленнаго. На экзамены можно смотрѣть лишь, какъ на *мтру для протѣрки учащихся*. Чему они научили и какъ научили въ теченіе учебнаго года, это видно на экзаменахъ и средняя успѣшность экзаменаціонныхъ отвѣтовъ является свидѣтельствомъ знанія, умѣнія и труда преподавателей и руководителей учебнаго заведенія. Это понятно, но нельзя-ли достигъ этой протѣрки не въ ущербъ учащимся, а даже напротивъ съ пользою для нихъ? Вѣдь въ концѣ концовъ, учебныя заведенія существуютъ не для кого другаго, какъ для учащихся въ нихъ дѣтей.

Начать съ того, что и въ настоящее время для протѣрки учащихся служатъ, главнымъ образомъ, не переводные, а выпускные экзамены, такъ какъ изъ округа и университетовъ контролирующие представители командируются именно на выпускные экзамены. Если же переводные экзамены только *могли бы* служить для контроля надъ учащими, а въ дѣйствительности и теперь этому не служатъ, то бесполезность этихъ экзаменовъ даже съ этой, единственно допустимой, точки зрѣнія становится очевидною. Правда, мы сказали, что они *могли бы* служить для контроля надъ учащими. Въ виду же желательности такого контроля, можно бы, пожалуй, сдѣлать выводъ не о бесполезности экзаменовъ, а о необходимости присутствія на нихъ представителей округа и университетовъ. Можно утверждать, и не безъ основанія, что контроль на выпускныхъ экзаменахъ недостаточенъ, да и нѣсколько запоздалый. Такимъ образомъ, оказалось бы желательною не отмена, а реорганизація экза-

меновъ. Не знаю-ли, однако, что болѣе частое посѣщеніе преподавателями округа и университетовъ уроковъ въ теченіе года, вмѣстѣ съ знакомствомъ съ текущими учебными письменными работами, лучше всякихъ экзаменовъ установили бы контроль надъ преподаваніемъ? Если же, такимъ образомъ, возможно замѣнить экзамены другою системою контроля, то замѣна эта становится настоятельною. Переутомленіе учащихся въ современныхъ школахъ давно признано всѣми компетентными судьями. Экзаменъ же является самымъ утомительнымъ эпизодомъ каждаго академическаго года. Болѣе ранній отдыхъ и болѣе раннее отправленіе изъ города на вольный деревенскій воздухъ сохранили бы много здоровья и силы въ молодомъ поколѣніи, тѣмъ самымъ обезпечивая и большую успѣшность его учебныхъ занятій. Понятно, поэтому, то напряженное вниманіе, съ которымъ русское общество прислушивалось къ толкамъ и газетнымъ слухамъ о возможности и вѣроятности совершенной отмены переходныхъ экзаменовъ.

Кое-что въ этихъ толкахъ и слухахъ не было только отраженіемъ общаго желанія. Такъ министерство государственныхъ имуществъ и земледѣлія издало распоряженіе, по которому въ учебныхъ заведеніяхъ его вѣдомства переходные экзамены отменяются въ видѣ опыта на томъ году. Въ этомъ распоряженіи министерство ссылалось, между прочимъ, на полную успѣшность опыта 1896 года. Военное министерство тоже обратило вниманіе на этотъ важный вопросъ и, съ цѣлью всестороннѣе выяснить возможность предложенной реформы, адресовалось въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбою сообщить свѣдѣнія, насколько успѣшенъ былъ опытъ 1896 года и насколько оправдано практикою усвоенное нѣкоторыми учебными округами правило объ освобожденіи отъ переводныхъ экзаменовъ наиболѣе успѣвающихъ учениковъ. Это обращеніе военнаго министерства побудило министерство народнаго просвѣщенія разослать по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ своего вѣдомства циркуляръ съ предложеніемъ обсудить указанный выше вопросъ военнаго министерства въ педагогическихъ совѣтахъ и сообщить необходимые отвѣты съ заключеніями совѣтовъ и учебнаго начальства. Такимъ образомъ инициатива министерства государственныхъ имуществъ и военнаго, привела и министерство народнаго просвѣщенія къ необходимости всесторонне обсудить этотъ вопросъ, давно настоятельно требующій къ себѣ вниманія, какъ тѣсно связанный съ здоровьемъ и правильнымъ развитіемъ молодого поколѣнія. Будемъ надѣяться, что обсужденіе экзаменационнаго вопроса послужитъ лишь первымъ шагомъ, за которымъ послѣдуетъ и второй, рѣшеніе объ окончательной отменѣ этой устарѣлой системы, являющейся, по справедливому замѣчанію г. попечителя петербургскаго учебнаго округа, излишнимъ и вреднымъ обремененіемъ учащихся.

Успѣшное примѣненіе временной мѣры объ отменѣ экзаменовъ

въ 1896 году, продолженіе этой мѣры еще на три года министерствомъ земледѣлія и повсемѣстное ея обсужденіе педагогическими совѣтами давало русскому обществу много основаній надѣяться, что и министерство народнаго просвѣщенія откажется отъ рутинны переводныхъ экзаменовъ. Для настоящаго 1897 года эти надежды не осуществились. Отложенное, однако, не есть еще потерянное. Обсужденіе продолжается. Будемъ надѣяться, что дѣло отложено не въ долгій ящикъ. Интересы молодого поколѣнія, его здоровья, жизнениости и его образованія суть настоятельнѣйшіе національные интересы, предрѣшающіе на многіе годы народную будущность.

Для того, чтобы быть образованнымъ человѣкомъ, требуется въ настоящее время очень много. Для того, чтобы имѣть возможность сознательно и всесторонне усвоить какую-бы то ни было спеціальность, необходима въ настоящее время основательная подготовка, хорошее общее образованіе. Все это возлагаетъ тяжелую и отвѣтственную задачу на среднюю школу, задачу, очень обширную и разностороннюю. Чтобы удовлетворительно отвѣтить этой задачѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сберечь душевные и тѣлесныя силы молодого поколѣнія, его здоровье и жизнеспособность, необходима строго обдуманная система, въ которой не было бы ни единого излишняго и напраснаго часа труда и утомленія и въ которой было бы отведено широкое мѣсто восстановленію силъ, истраченныхъ въ теченіе, по необходимости, обременительнаго трудового академическаго года. Зима—умственному труду, лѣто—восстановленію истраченныхъ силъ. Если бы считать, что для восстановленія силъ достаточно отдыха, то для этого было бы достаточно и такого срока, какъ двѣ недѣли рождественскихъ вакацій. Отдохнуть въ двѣ недѣли можно въ полной мѣрѣ. Раздѣливъ весь годъ даже на пять семестровъ, отдѣленныхъ двухнедѣльными вакаціями, мы получили бы десять недѣль вакацій и сорокъ двѣ недѣли ученія. Въ настоящее же время ученіе продолжается 35—36 недѣль и дѣти имѣютъ не пять, а два перерыва для отдыха. Нигдѣ, однако, никто не помышляетъ о такой реформѣ и тому имѣются самыя основательныя и серьезныя причины. Дѣло въ томъ, что одного отдыха недостаточно для восстановленія силъ, истраченныхъ при напряженномъ умственномъ трудѣ академическаго года. Необходимо упражненіе другихъ органовъ, кромѣ мозга и нервовъ. Необходимо тотъ дѣятельный обмѣнъ вещества въ организмѣ, который только и можетъ обезпечить здоровый ростъ и развитіе молодого поколѣнія и который, однако, задерживается сидячею жизнью учебнаго сезона. Иначе говоря, послѣ періода умственнаго труда зимою, необходимъ періодъ физическаго труда или физическихъ упражненій лѣтомъ. Послѣ періода сидячей жизни — періодъ движенія. Послѣ комнатной и классной атмосферы—воздухъ лѣсовъ и полей. И необходимо это на срокъ, настолько значительный, чтобы

организмъ могъ въ полной мѣрѣ пополнить задержку зимняго роста и развитія. Экзамены, отнимаемая свыше мѣсяца отъ этого періода восстановления силъ учащагося поколѣнія, и съ этой стороны представляются системою вредною. Правда, у насъ недостаточно и неумѣло пользуются ваканціями, но это уже другой вопросъ. Къ тому же экзамены, сокращая на половину ваканціи, значительно затрудняютъ разумную организацію лѣтняго вакаціоннаго отдыха.

II.

Мы упомянули только что о трудной и разносторонней задачѣ, возлагаемой въ настоящее время на среднюю школу. Необходима строго обдуманная система, сказали мы, въ которой не было бы ни единого и излишняго часа труда и утомленія. Экзамены и являются съ этой точки зрѣнія «излишнимъ и вреднымъ обремененіемъ учащихся». Однако, едва-ли не сугубо излишнимъ и сугубо вреднымъ обремененіемъ учащихся представляются неудовлетворительные учебники. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы наша средняя школа могла похвастаться своими учебниками. Еще къ большому сожалѣнію, приходится констатировать, что въ этомъ отношеніи вовсе не замѣчается прогресса, и учебники скорѣе ухудшаются. Они не только до нельзя неясны и сбивчивы, затрудняя усвоеніе предмета и не дозволяя разумнаго распоряженія и пользованія усвоеннымъ матеріаломъ, но изобилуютъ прямо ошибками и невѣрностями, порою просто въ изумленіе приводящими. Это столь серьезно, что стоитъ подольше и обстоятельнѣе остановиться на этомъ печальномъ фактѣ. Сегодня займемся учебниками русскаго языка.

Я пересмотрѣлъ этихъ учебниковъ свыше десятка, но болѣе подробно останавлиюсь на трехъ, получившихъ особенно широкое распространеніе. Въ первомъ ряду стоитъ учебникъ, составленный гг. *Кирпичниковымъ и Гиляровымъ*: «Этимологія русскаго языка». Книга *рекомендована*, какъ учебное руководство, Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній вѣдства министерства народнаго просвѣщенія». Фраза эта, напечатанная на заглавномъ листѣ книги, конечно, не можетъ служить образцомъ хорошей русскои рѣчи. Это само по себѣ интересно. Не менѣе интересны и другія свѣдѣнія на томъ же заглавномъ листѣ. Передо мною лежитъ *двадцать пятое* изданіе, помѣченное, однако, 1890 годомъ. На обложкѣ бросается въ глаза строка: «73-й десятокъ тысячъ». *Семьсотъ тридцать тысячъ учебниковъ* семь лѣтъ тому назадъ были уже обучены русскои грамматикѣ по творенію гг. Кирпичникова и Гилярова... Твореніе это и теперь также распространено, такъ что не мудрено, если за семь лѣтъ, истекшихъ послѣ выхода моего экземпляра, число распуценныхъ экземпляровъ достигло милліона! Это очень много, дорогіе чи-

татели, и если твореніе гг. Кирпичникова и Гилярова неудовлетворительно научаетъ русскою рѣчи и грамотѣ, то не удивляйтесь, встрѣчая много безграмотности въ современной прессѣ.

«*Краткая русская грамматика. Часть Первая. Этимологія. Составилъ А. Преображенскій. Изданіе десятое. Москва. 1896 г.*». Учебникъ г. Преображенскаго одобренъ Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Если 25 изданій книги гг. Кирпичникова и Гилярова дали свыше 730 тысячъ экземпляровъ, то десять изданій г. Преображенскаго должны были распространить около 300 тысячъ экземпляровъ.

«*П. Смирновскій. Учебникъ русской грамматики. Часть I. Этимологія. Изданіе двенадцатое. Москва, 1896 г.*». Конечно, учебникъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. По тому же расчету книга разошлась въ числѣ около 350 тыс. экземпляровъ. Всѣ три учебника, вмѣстѣ взятые, распущены въ числѣ около милліона шести сотъ тысячъ экземпляровъ и должны были научить свыше двухъ милліоновъ учениковъ «правильно говорить и писать по-русски». Рядомъ съ этими цифрами блѣднѣетъ значеніе прочихъ современныхъ учебниковъ, получившихъ сравнительно незначительное распространеніе. Тѣмъ не менѣе, я останавливаюсь и на нѣкоторыхъ другихъ, преимущественно изъ болѣе новыхъ, т. е. такихъ, которые, подобно уже указаннымъ тремъ, приспособлены къ современнымъ учебнымъ планамъ средней школы министерства народнаго просвѣщенія. Извѣстно, что эти учебные планы сильно сократили преподаваніе русскаго языка и словесности (чтобы освободить мѣсто классическимъ языкамъ), а преподаваніе русской грамматики ограничило первыми тремя классами. Прежніе учебники, рассчитанные и на другую продолжительность преподаванія, и на другой возрастъ учащихся, оказались негодными. Гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ первые удовлетворили этому новому урѣзанному объему преподаванія. Этимъ и объясняется колоссальный успѣхъ ихъ произведенія. Волгѣдъ явился съ своими учебниками гг. Смирновскій и Преображенскій, втроемъ съ учебникомъ гг. Кирпичникова и Гилярова, занимая въ настоящее время почти все поле средне-учебнаго преподаванія русскою грамматикой. Приходили волгѣдъ и другіе. Имъ не такъ повезло. Тѣмъ не менѣе и они внесли свою лепту въ дѣло обученія молодыхъ поколѣній «правильно говорить и писать по-русски». Руководясь выше указаннымъ соображеніемъ, мы остановимся еще на слѣдующихъ учебникахъ русской этимологіи: *П. И. Богдановъ. Русская грамматика. Этимологія и Синтаксисъ.*

Русскій языкъ. Опытъ грамматическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Составилъ Конст. Федор. Петровъ.

Русская грамматика М. Рыбакова. Этимологія, синтаксисъ, отхосложеніе и этнографическій указатель.

Итакъ, мы будемъ имѣть дѣло съ шестью современными учебниками русскаго языка, изъ нихъ преимущественно съ тремя господствующими, распространенными въ числѣ болѣе полутора милліона экземпляровъ. Вполнѣ сознавая явную невозможность весь необходимый грамматическій матеріалъ вмѣстить въ курсъ трехъ низшихъ классовъ гимназій, мы постараемся быть болѣе чѣмъ снисходительными къ неполнотѣ и пропускамъ. Чему должны научить учебникъ предрѣшено гимназическою программю и въ этомъ отношеніи съ автора взыскивать затруднительно. Другое дѣло, какъ учить учебникъ. Ясенъ-ли? И правиленъ-ли? Преимущественно этимъ мы и займемся на нижеслѣдующихъ страницахъ. Начнемъ съ ученія о глаголѣ.

Мы выбираемъ ученіе о глаголѣ не только для начала нашего анализа, но и для болѣе болѣе полнаго и обстоятельнаго разбора, потому что считаемъ это ученіе пробнымъ отдѣломъ всякаго учебника русскаго языка. Строепіе именъ и мѣстоименій, а тѣхъ болѣе неизмѣняемыхъ частей рѣчи, въ существенномъ и важнѣйшемъ, имѣетъ въ русскомъ языкѣ много общаго и сходнаго съ ихъ строепіемъ въ другихъ родственныхъ, индо-европейскихъ языкахъ, классическихъ и новыхъ. Поэтому, и ученіе объ именахъ, мѣстоименіяхъ и неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи гораздо легче изложить удовлетворительно, а ученіе же къ тому же имѣетъ постоянно подспорье въ параллельномъ изученіи грамматикъ иностранныхъ языковъ. Недопонятое въ учебникѣ русскаго языка онъ объяснитъ себѣ изъ болѣе толковаго изложенія того же ученія въ латинскомъ учебникѣ. Недовказанное русскимъ учебникомъ, онъ найдетъ въ греческомъ или нѣмецкомъ. Это несколько не оправдываетъ автора, если онъ допустилъ въ оной учебникъ неясность и непонятность, но это облегчаетъ исправленіе этихъ дефектовъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится ученіе о русскомъ глаголѣ. Строепіе глагола въ русскомъ языкѣ очень оригинально. Оно значительно отличается отъ строепія глагола языковъ классическихъ и ново-европейскихъ. При этомъ, однако, онъ, хотя и другими способами и средствами, но вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ задачамъ, которыя преслѣдуются самыми богатыми по строепію классическими глаголами. Изложить кратко и вразумительно ученіе о глаголѣ въ русскомъ языкѣ и научить вполнѣ сознательно и разумно распорядиться богатыми средствами его строепія является задачей, которую нельзя списать съ латинскихъ и нѣмецкихъ учебниковъ. Ее надо обработать самостоятельно, съ знаніемъ дѣла, съ тонкимъ умѣніемъ изложенія. Вотъ почему мы и назвали ученіе о глаголѣ пробнымъ отдѣломъ всякой русской грамматики. При этомъ, дефектному изложенію этого отдѣла поправки не внесутъ наилучшія грамматикъ классическихъ и новыхъ языковъ.

Для выраженія отбѣнокъ дѣйствія и состоянія классическіе, ново-романскіе и германскіе языки пользуются съ одной стороны

тѣми же залогами и наклоненіями, которыми пользуется и русскій глаголъ, а съ другой стороны многочисленными формами времени прошедшихъ и будущихъ, формами, отсутствующими у русскаго глагола. Онъ замѣняетъ эти формы *видами*. Иначе говоря, русскій языкъ, вмѣсто развитія многочисленныхъ формъ одного глагола, создаетъ два и больше глаголовъ, самостоятельныхъ по формѣ, а по смыслу составляющихъ одно спряженіе. Эти полусамостоятельные глаголы и называются видами. Ученіе о видахъ русскаго глагола впервые научно установлено и развито было Востоковымъ въ его пространной (научной) грамматикѣ русскаго языка. Востоковъ опредѣляетъ четыре вида: несовершенный или неокончательный, совершенный, однократный и многократный. Послѣ Востокова и до нашихъ дней русская грамматика только однажды снова подверглась полной научной обработкѣ, именно въ классическомъ трудѣ Ѳ. И. Буслаява «Историческая грамматика русскаго языка», въ двухъ томахъ. Г. Буслаявъ, значительно и серьезно переработавъ ученіе объ образованіи видовъ, ихъ дѣленіе и опредѣленіе оставилъ, какъ оно было установлено работами Востокова. «Историческая грамматика» знаетъ тѣ же четыре вида съ тѣми же названіями *). Названные труды Востокова и Буслаява представляютъ до сего времени единственными *научныя* грамматикѣ русскаго языка, написанныя знаменитыми учеными и глубокими знатоками языка **). Естественно полагать, что въ чемъ они согласны, въ томъ не могутъ быть съ нами не согласны гг. Кирпичниковъ, Преображенскій, Смирновскій и другіе такіе же «научные авторитеты». Кажется, что такъ... Посмотримъ.

Гг. Кирпичниковъ и Гиліровъ находятъ *три* вида. Г. Смирновскій указываетъ *два* вида и два подвида. Г. Преображенскій считаетъ всѣ *четыре* вида самостоятельными, причемъ совершенный видъ раздѣляется на два подвида, окончательный и зачинательный. Г. Рыбаковъ указываетъ *три* вида (продолжительный, однократный

*) «Историческая Грамматика», изд. 5-е, 1881 г., I, § 53, стр. 105—107, а также § 89, 215. Въ своемъ краткомъ «Учебникѣ» г. Буслаявъ однократный видъ сближаетъ съ совершеннымъ, считая его какъ бы подвидомъ, но всѣтаки не смѣшиваетъ и не отождествляетъ. См. § 37, стр. 41—42, по изданію 1896 г. И впередъ ниже всѣ ссылки на Буслаява будутъ относиться къ указаннымъ изданіямъ, при чемъ ссылки на «Историч. Грам.», для краткости обозначены просто: *Бул.*, а на краткій учебникъ: *Бул., Уч.* Для сокращенія же обозначаются въ ссылкахъ учебникъ гг. Кирпичникова и Гилірова—*Крпч.*, г. Смирновскаго—*Смрн.*, г. Преображенскаго—*Прб.*, г. Богданова—*Бд.*, г. Петрова—*Птр.* и г. Рыбакова—*Рб.*

**) Было, конечно, не мало замѣчательныхъ монографій по русской этимологіи, значительно переработавшихъ не только ученіе Востокова, но и нѣкоторыя части ученія Буслаява. Таковы труды Павскаго, П. Лавровскаго, Потебни, гг. Некрасова, Соболевскаго и др. Сводная работа должна быть упомянута еще только одна, именно известная книга Грота «Русское правописание», заключающая, кромѣ чисто орфографическаго свода, замѣчательную и оригинальную обработку всего отдѣла фонетики (ученіе о звукахъ).

и многократный). Г. Петровъ (Константивъ Ѳеодоровичъ) находитъ *шесть* видовъ (несовершенный многократный; несовершенный неопредѣленный; несовершенный опредѣленный; совершенный однократный; совершенный начинательный и совершенный окончательный). Г. Богдановъ, наконецъ, поучаетъ насъ *пяти* видамъ (несовершенный, совершенный, многократный, однократный и однократный мгновенный)*). Итакъ, сколько же видовъ имѣетъ русскій глаголъ: три-ли, какъ думаетъ г. Кирпичниковъ, четыре-ли, какъ учить г. Преображенскій; пять-ли, какъ полагаетъ г. Богдановъ; или, наконецъ, шесть, какъ извѣстно г. Петрову? Не трудно понять всякому, хотя немного знакомому съ стройностью ученія о глаголахъ другихъ индо-европейскихъ языковъ, что такое или иное дробленіе глагола по видамъ существенно измѣняетъ все представленіе о русскомъ глаголѣ, потому что въ самомъ основаніи этого представленія лежатъ ученіе о глагольномъ видѣ.

Посмотримъ теперь на опредѣленія, даваемые учебниками. Для примѣра остановимся на опредѣленіи совершеннаго вида, именно того вида, который призванъ замѣнить въ русскомъ языкѣ недостающее разнообразіе временъ прошедшихъ и будущихъ. Гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ: «Совершенный видъ показываетъ дѣйствіе оконченное, напр. *помятъ, прочитаютъ, напишутъ*». Начать съ того, что въ приведенныхъ учебникомъ примѣрахъ смѣшано производство новыхъ самостоятельныхъ глаголовъ при помощи приставокъ (префиксовъ) съ производствомъ тѣмъ же способомъ совершеннаго вида. Напр. форма *помятъ* никакъ не можетъ быть признана совершеннымъ видомъ отъ глагола *я-ти* (древн. глаголъ, въ смыслѣ *брать*), такимъ видомъ является глаголъ *взять*. Не говоря объ этомъ не пониманіи значенія смысла цитируемыхъ примѣровъ, само опредѣленіе никуда не годится. Напр. *онъ обомлѣлъ, она уснула, она покраснѣла*. Развѣ въ этихъ случаяхъ можно назвать дѣйствіе или состояніе (состояніе тоже пропущено въ опредѣленіи) оконченнымъ: обомлѣвши, онъ, можетъ быть, злится и теперь; уснувши, покраснѣвши, она, можетъ быть, еще опить, еще не оправилась отъ смущенія. Дѣйствіе или состояніе *совершилось*, но не завершилось, *не окончилось*. Потому-то видъ и называется «совершеннымъ». Авторы учебника этого не знаютъ. Не узнали этого и свыше мильона учащихся пользовавшихся этимъ учебникомъ и получившихъ самое превратное, неправильное и неясное понятіе о совершенномъ видѣ. Между тѣмъ это понятіе является по стольку-же основаніемъ для ученія о видахъ, какъ само ученіе о видахъ—для ученія о русскомъ глаголѣ.

Г. Смирновскій пишетъ: «совершенный (видъ) показываетъ дѣйствіе или состояніе или оконченное (напр. *бросить, сплѣсть*), или начатое (напр. *запѣть*)». Это какъ будто лучше. Г. Смирновскій

* Крч., 82; Смир., 33; Прб., 52; Рб. 53; Птр., 72; Бд., 63.

не забываетъ о *состояннн*. Онъ знаетъ такъ же, что не только *оконченное* дѣйствіе или состояніе обозначается совершеннымъ видомъ. Однако, напр. въ предложени «я бѣжалъ» (видъ несовершенный): неужели дѣйствіе было не начатое? Или въ предложени «онъ спитъ» состояніе оказывается не начатымъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ? А вѣдь *бѣжалъ* и *спитъ* формы вида несовершеннаго!.. Да и вообще неужели г. Смирновскій полагаетъ серьезно, что дѣйствіе или состояніе, прошедшее и настоящее, можетъ быть не начатымъ?! А въ будущемъ времени и въ предложени «она запоетъ» (беру примѣръ г. Смирновскаго) дѣйствіе еще не начато, при чемъ именно это обстоятельство, что дѣйствіе или состояніе еще не начато, и выражается всякимъ будущимъ временемъ, совершеннымъ и несовершеннымъ. Словомъ, г. Смирновскій чувствовалъ всю негодность и неправильность опредѣленія гг. Кирпичникова и Гилярова, но въ видѣ поправки сумѣлъ ввести только сугубый сумбуръ, только абсурдъ. Отъ поправки опредѣленіе не стало правильнѣе, за то стало неяснѣе и сбивчивѣе. И сотни тысячъ учениковъ по учебнику г. Смирновскаго остались по этому основному вопросу съ превратнымъ объясненіемъ, которое надо забыть, чтобы правильно понимать и употреблять глагольные виды.

Г. Преображенскій, издавшій свою грамматику поздне г. Смирновскаго, повторяетъ опредѣленіе послѣдняго: «совершенный (начинательный или окончательный—*verba perfectiva*) показываетъ, что дѣйствіе началось или окончилось; напр. *затянуть, затяну, затянулъ; протянуть, протянулъ, протяну*». Начать съ того, что ни *затянуть* ни *протянуть* вовсе не являются совершеннымъ видомъ отъ несовершеннаго вида *тянуть* (совершенный видъ въ этомъ случаѣ: *потянуть*), и представляютъ самостоятельные глаголы, образованные чрезъ приставку. Такъ же, какъ *подтянуть, растянуть, утянуть, оттянуть, перетянуть, дотянуть*. Все это глаголы совершеннаго вида, но не для несовершеннаго *тянуть*. Они сами отъ себя образуютъ новые глаголы несовершеннаго вида: *затягивать, протягивать, подтягивать* и т. д. Этого различія между образованіемъ совершеннаго вида чрезъ приставку и образованіемъ чрезъ приставку-же новыхъ глаголовъ, повидимому, не могутъ понять всѣ наши учебники. Неясность въ представленіи о глагольныхъ видахъ доводится этимъ обстоятельствомъ до полного хаоса. Приведенные г. Преображенскимъ примѣры интересны съ другой стороны: форма *затянуть* приведена въ примѣръ дѣйствія начатаго, а форма *протянуть*—въ примѣръ оконченаго, но неужели «я затяну» (примѣръ г. Преображенскаго) означаетъ дѣйствіе начатое, а «я протяну»—оконченное? Очевидно въ опредѣленіи есть что то очень неладное, если выходить такіе пассажи... Вѣдь для полученія такого абсурда надобно только понимать слова *начатое* и *оконченное* въ ихъ дѣйствительномъ точномъ значеніи и смыслѣ! А если ихъ понимать не въ точномъ смыслѣ, а въ какомъ

либо иномъ, то не лучше-ли ихъ замѣнить словами. имѣющими этотъ иной смыслъ? Замѣнить, конечно было бы не трудно, было бы только понятно авторамъ искомое значеніе... Не похоже, однако, что бы было понятно.

Г. Рыбаковъ не признаетъ совсѣмъ *совершенною* вида; онъ замѣняетъ его *однократнымъ*, что явствуетъ изъ примѣровъ, приведенныхъ авторомъ. Все ученіе о видахъ у г. Рыбакова изложено въ пяти строкахъ: «3 вида: продолжительный: *я сижу, мы сидим, ты побѣждаешь*; однократный: *я стѣлъ, мы побѣдили, я уколю, я уколюсь*; многократный: *я соизживалъ, мы побѣждали*». Примѣчаніе: видъ однократный обозначаетъ или дѣйствіе оконченное: *уколотъ*, или мгновенное: *колоту*». Безподобная путаница эта можетъ соперничать (а пожалуй и превзойти) только съ путаницей гг. Кирпичникова и Гилярова. Подобно послѣднимъ, г. Рыбаковъ знаетъ не четыре, а три вида. Слѣдуя ихъ же примѣру, онъ забываетъ о состояніяхъ и говоритъ только о дѣйствіяхъ и, подобно имъ же, отличіе совершеннаго вида (по его номенклатурѣ, однократнаго) видитъ въ оконченности дѣйствія. Онъ добавилъ мгновенность и привелъ на съ чѣмъ несравнимые примѣры: «ты побѣждаешь» — видъ несовершенный (по его номенклатурѣ, продолжительный), а «мы побѣждали» — видъ многократный! Мы же, грѣшныя, думали, что это настоящее и прошедшее время одного и того глагола *побѣждать*... Подите-же поговорите съ авторами нашихъ учебниковъ. Однако, и по этому «учебнику» обучались наши дѣти.

Г. Петровъ: «Совершенный видъ показываетъ оконченность дѣйствія или что оно непремѣнно окончится». И этотъ знаетъ только *дѣйствіе* и въ опредѣленіе вводитъ только *оконченность*, хотя нѣсколько ниже тоже путаетъ о *начатомъ* дѣйствіяхъ. Только оговорка «или что оно непремѣнно окончится» составляетъ нѣкоторое преимущество опредѣленія г. Петрова сравнительно съ вышеприведенными.

Г. Богдановъ тоже находитъ, что совершенный видъ «означаетъ дѣйствіе законченное».

Сколько потугъ, напрасныхъ и неудачныхъ, между тѣмъ г. Буслаевъ давно сказалъ просто и ясно, что глаголы совершеннаго вида «означаютъ *совершенство дѣйствія*» (Уч. § 38, стр. 42). Просто «совершенство», совершенство въ прошедшемъ, совершенство въ будущемъ, совершенство въ возможности. «Онъ уснулъ» — состояніе совершилось, но окончилось-ли или продолжается, неизвѣстно. Есть *совершенство*; нѣтъ *оконченности*. «Онъ уснетъ» — будетъ совершенство, но нѣтъ не только окончанія, но даже начала. И т. д. Опредѣленіе г. Буслаева, конечно, не для первыхъ двухъ классовъ гимназій (гдѣ только и проходитъ русская этимологія). Оно для этого слишкомъ сжато и отвлеченно. Но однажды оно понято, его не трудно развить, дать ему болѣе доступную формулу. Не вводя отвлеченнаго понятія «совершенія», довольно было бы сказать напр.,

что глаголы совершеннаго вида означаютъ дѣйствіе (или состояніе) совершившееся или имѣющее совершиться; осуществившееся или имѣющее осуществиться; такое, которое уже сдѣлано, или такое, которое будетъ сдѣлано и т. д. Изъ трехъ намѣченныхъ редакцій послѣдняя—самая элементарная, но зато и не вполне передаетъ опредѣленіе г. Буслая. Первые двѣ редакціи довольно точно его воспроизводятъ.

Г. Буслая писалъ свою книгу для людей, настолько знающихъ русскій языкъ, чтобы не смѣшивать въ одномъ сопряженіи двухъ и болѣе самостоятельныхъ глаголовъ, имѣющихъ различное значеніе (напр. *править* и *направить*, *ходить* и *уходить*; *крыть* и *раскрыть*). Авторы нашихъ учебниковъ, какъ мы видѣли, не знаютъ, однако, этого различія. Тѣмъ болѣе нужно его ввести въ учебники для учащихся, среди которыхъ не мало непривычныхъ русскихъ. Различеніе это важно и потому еще, что, только строго и внимательно проведенное, оно дозволитъ и автору учебника, и его ученику усвоить законъ образованія видовъ. Съ этой стороны наши учебники тоже крайне неудовлетворительны. Нѣкоторые вовсе не излагаютъ образованія видовъ, ограничиваясь примѣрами, въ которыхъ смѣшивается, какъ уже сказано, образованіе видовъ съ образованіемъ новыхъ глаголовъ. А учебники, которые считаютъ нужнымъ дать понятіе объ образованіи видовъ, говорятъ по этому поводу столь же основательно, какъ и по разобраннѣмъ уже нами вопросамъ раздѣленія на виды, ихъ различенія и опредѣленія.

По вопросу образованія совершеннаго вида гг. Киричниковъ и Гиляровъ даютъ слѣдующее: «Совершенный видъ образуется 1) большею частью чрезъ приставки, 2) рѣже чрезъ измѣненіе буквъ» Примѣры: *любить*, *по-любить*; *пускать*, *пустить* *). Послѣднее несправедливо. Не *пустить* произведено отъ *пускать*, а наоборотъ. Тоже въ примѣрахъ: *направить*, *направлять*; *удивить*, *удивлять*; *увянуть*, *увядать*; *досадить*, *досаждать*; *прилетѣть*, *прилетать*; *показать*, *показывать*. Это ясно изъ того, что есть глаголы *править*, *дивить*, *внуть*, *садить*, но нѣтъ глаголовъ: *правлять*, *дивлять*, *вдывать*, *саждать*. Если не считать образованіе однократнаго вида, то для собственно совершеннаго вида мнѣ неизвѣстно ни одного примѣра его производства чрезъ перемѣну глагольнаго суффикса («чрезъ измѣненіе буквъ», какъ выражается учебникъ), но всегда и во всѣхъ случаяхъ чрезъ принатіе приставки (далеко не всякой). Есть совершеннаго вида глаголы безъ приставокъ, но эти прямо отъ корня произведены уже глаголами совершеннаго вида: *стать*, *дать*, *лечь*, *спсть*, *пасть*, *пустить*, *тащить*, *дѣть*, *бросить*, *купить*, *кануть*, и т. д. Отъ нихъ уже образуются производные глаголы несовершеннаго вида: *ставать*, *давать*, *лежать*, *сидѣть*, *падать*, *пускать*, *таскать*,

*) Крч., 34.

дѣвать, бросать, (но) купать. Въ послѣднемъ случаѣ даже понадобился префиксъ (приставка) для образованія несовершеннаго вида. О такой возможности образованія несовершеннаго вида отъ совершеннаго наши учебники даже не подозреваютъ. Между тѣмъ, гораздо больше глаголовъ несовершеннаго вида образуются отъ глаголовъ вида совершеннаго, чѣмъ наоборотъ. Правда, только отъ глаголовъ несовершеннаго вида образуются глаголы многократнаго и однократнаго вида.

Утвержденіе гг. Кирпичникова и Гилярова, что совершенный видъ образуется «черезъ измѣненіе буквъ», оказывается такимъ образомъ цѣликомъ несправедливо. Утвержденіе же, что онъ образуется черезъ приставки, неполно и неясно. Приставокъ, принимаемыхъ русскими глаголами, не считая составныхъ (*из-рас-ходовать, не-до-могать* и т. д.), всего 23. Изъ нихъ значительная часть простыхъ и всѣ составныя не служатъ образованію совершеннаго вида отъ даннаго несовершеннаго, но образуютъ новые глаголы. Для образованія совершеннаго вида служить преимущественно приставка *но*; довольно часто, но рѣже — *у*; изрѣдка нѣкоторыя другія *). Эта сторона ученія о видахъ, очень важная для яснаго представленія о строеніи русскаго глагола, совершенно отсутствуетъ въ учебникахъ.

Г. Смирновскій ничего не говоритъ объ образованіи вида. Г. Преображенскій напротивъ того входитъ въ подробности (что между прочимъ доказываетъ непричастность министерскихъ программъ такому важному пробѣлу въ нѣкоторыхъ учебникахъ, какъ пропускъ образованія видовъ). Подробности г-на Преображенскаго только еще болѣе сбиваютъ и запутываютъ **) «Глаголы съ приставкою *ну* суть вида однократнаго: *каннуть, кликнуть, клонуть.*

*) *Прб.*, 56—57.

**) Именно въ тѣхъ случаяхъ, когда собственное обычное значеніе префикса соответствуетъ направленію, въ которомъ развивается дѣйствіе даннаго глагола. Напр. *шить* предполагаетъ соединеніе частей матеріи, прежде разведенныхъ; поэтому, и совершенный видъ образуется частицею *с*, именно: *сшить*. Подобно этому, для глагола обратнаго значенія, указующаго на разведеніе частей матеріи, прежде соединенныхъ, служитъ префиксъ *раз*. Именно, несовершенный видъ *пороть*, совершенный — *распороть* (откуда новый несов. *растаривать*, одного значенія съ формою *пороть*). Форма *пороть* имѣетъ, впрочемъ, и другое значеніе (тѣлеснаго наказанія), причемъ для этого значенія образуется соверш. видъ съ префиксомъ *вы*, (такъ-же — *высѣчь, выстегать*). Лучшимъ показателемъ, что данная глагольная форма съ приставкою не является самостоятельнымъ глаголомъ, а составляетъ форму совершеннаго вида, можетъ служить несовершенный видъ, произведенный опять отъ этой производной формы совершеннаго вида. Этого, такъ сказать, *второобразнаго* глаголь несовершеннаго вида долженъ по своему значенію быть тождественнымъ съ первичнымъ. Напр. *казать*, (*zeigen, montrer*), отсюда совершенный видъ — *показать*, а отъ него снова несовершенный видъ *показывать*. Или *мереть, умереть, умираетъ; тпшить, потпшить; дигить, удигить; зрѣть, созрѣть, созрѣваетъ*; и т. д. Формы: *казать* и *показывать*, *мереть* и *умирать*, первыя и третья вообще въ нашихъ примѣрахъ — совершенно однозначущи. Ср. съ формами: *наказывать, вымирать, утпшить*, которыя имѣютъ совершенно другое значеніе.

Исключаются глаголы, означающіе переходъ изъ одного состоянія въ другое, которые суть несовершеннаго вида; напр. *взнуть*, *созннуть*, *мерзнуть*». Справедливо здѣсь только одно, именно, что *есть* глаголы однократнаго вида имѣютъ суффиксъ *ну*. А затѣмъ, весьма возможно, что «исключеній» окажется не меньше «правильнаго» образованія. Къ тому-же *есть* и совершеннаго вида глаголы (неоднократнаго) съ суффиксомъ на *ну*, напр. *сунуть*, *кануть*, *жнуть*, *ринуть*, *вернуть*. Да и глаголы несовершеннаго вида съ суффиксомъ *ну* не воѣ означаютъ переходъ отъ одного состоянія въ другое; напр. *тянуть*. Правило г. Преображенскаго называется неудачно сочиненнымъ и не соответствующимъ практикѣ языка. «Примѣта и образуетъ глаголы только отъ именъ». Въ такой категорической формѣ несправедливо: *пустить*, *купить*, *тащить*, *носить*, *жуть* и т. д., и т. д. «Глаголы этого класса суть несовершеннаго вида». Опять таки несправедливо. Припомнимъ: *пустить*, *хватить*, *бросить*, *тащить*, *родить*, *кончить*, *простить*, *купить* и т. д. воѣ — совершеннаго вида. «Глаголы этого класса (съ суффиксомъ *а*), образованные отъ корней и отъ именъ, суть вида несовершеннаго... Глаголы же, образованные отъ глаголовъ, суть большею частью вида многократнаго... Если глаголъ несовершеннаго вида принимаетъ представку, то образуется совершенный видъ. Если же глаголъ образовался отъ глагола, то принимая представку, онъ образуетъ видъ несовершенный». Въ этихъ строкахъ *есть* идея, но, къ сожалѣнію, изложенная такъ неясно и сбивчиво, что только затрудняетъ ученика и едва-ли чему либо его научить. Возьмемъ напр. глаголъ *падать*. Онъ «образованъ отъ глагола» *пастъ*. Слѣдовательно, по правилу г. Преображенскаго, нашъ глаголъ «принимая представку, образуетъ видъ несовершенный». Такъ-ли? Напр., *они не замѣчаютъ ямы и, пожалуй, всѣ въ нее попадаютъ*. Какого здѣсь вида «падаютъ»? Очевидно, совершеннаго (будущее простое). Правда, онъ *падаетъ съ шляпъ* — даетъ намъ ту же форму въ качествѣ вида несовершеннаго, но это уже другой глаголъ: *падаютъ* образуется отъ *падать*, тогда какъ *падаютъ* (отличается удареніемъ) отъ *пасть*. Далѣе, какъ сказать о глаголѣ *бѣжать*? Отъ корня ли онъ произведенъ, отъ имени бѣгъ или отъ глагола *бѣжать*? Слѣдуя г. Преображенскому, пришлось бы его произвести отъ имени (онъ производитъ *прыгать* отъ имени *прыгъ*), т. е. онъ долженъ бы быть формою вида совершеннаго, но въ такомъ случаѣ, что сдѣлать съ выраженіемъ: онъ *частенько забѣгаетъ ко мнѣ побесѣдовать*. Здѣсь *забѣгаетъ*, конечно, настоящее время и слѣдовательно является формою вида несовершеннаго. Быть можетъ, однако г. Преображенскій производитъ *бѣжать* отъ *бѣжать* (или ихъ обонихъ отъ потерянной формы *бѣчь*)? Тогда мы должны получить видъ несовершенный, но что въ этомъ случаѣ подѣлаемъ съ выраженіемъ: онъ *забѣгаетъ по саду за потерянной шляпой*, гдѣ *забѣгаетъ* — будущее время и

форма совершеннаго вида. Опять оба глагола отличаются удареніемъ. Очевидно, формы глагола не укладываются въ правило г. Преображенскаго. Очевидно, дѣло не въ томъ, отъ корней, именъ или глаголовъ образована та первичная глагольная форма безъ префикса, отъ которой, чрезъ прибавленіе приставки образуются новыя формы, то въ качествѣ видовъ, то въ значеніи новыхъ самостоятельныхъ глаголовъ.

Выше я сказалъ, что въ правилѣ г. Преображенскаго есть, однако, идея. Дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ учебниковъ только его учебникъ знаетъ, что форму многократнаго вида нельзя отождествлять съ формой глаголовъ, принимающихъ суффиксъ *ива* (*ива*). Существуютъ глаголы съ этимъ суффиксомъ, которые представляются, однако, формами вида несовершеннаго, отнюдь не многократнаго при этомъ; напр., *доказывать, ухаживать, укладывать, испытывать*. Съ другой стороны, существуютъ глаголы вида многократнаго съ другими суффиксами, именно съ суффиксомъ *а* (*я*) напр., *бывать, пдать, твзать, сажать* и съ суффиксомъ *и*, напр., *ходить, носить, водить, бродить, возить* *). Последняго еще не знаетъ г. Преображенскій, но онъ уже знаетъ, что примѣта *а* можетъ образовать многократный видъ... Для автора учебника русской грамматики это, право, очень немало. Другіе вполне невинны... Г. Преображенскій знаетъ даже нѣсколько больше. Онъ понимаетъ, что долженъ существовать законъ, по которому одни и тѣ же суффиксомъ образуютъ въ одномъ случаѣ несовершенный, въ другомъ случаѣ—многократный видъ. Закона этого онъ не знаетъ, однако, и потому его правила очень неясны и сбивчивы, затрудняя и затемняя пониманіе строенія русскаго глагола. Между тѣмъ, надо было обратиться за истолкованіемъ не къ корнямъ и основамъ, а къ самой системѣ видовыхъ глагольныхъ формъ. Первоначальною формою, отъ которой образуются другія видовыя формы, могутъ быть только формы несовершеннаго и совершеннаго видовъ, никогда многократнаго и однократнаго. Г. Преображенскій, какъ и другіе составители учебниковъ, не знаетъ, повидимому, что и отъ совершеннаго вида могутъ происходить, какъ отъ первоначальной формы, другіе виды. Онъ не знаетъ, или забываетъ, и другой фактъ, именно, что каждый глаголъ непременно долженъ имѣть двѣ видовыя формы, виды несовершенный и совершенный **).

*) См. Бусл., I, § 50, стр. 101, гдѣ читаемъ: «Измѣненія въ составѣ глагольнаго корня бываютъ двухъ родовъ, а именно: 1) помощью усиленія звуковъ гласныхъ и плавныхъ, причемъ глагольный корень: а) переходитъ въ имя; напр., *мру, морь; везу, возъ, сох* (нуть), *сухъ* и б) измѣняется, какъ залогъ глагола, напр., *мру морите*, такъ и въ видѣ, напр. *везу возить*». Но *везу*—видъ несовершеннаго, значить *везу*, и по мнѣнію Буслаева, является формою вида многократнаго.

***) Исключенія очень немногочисленны и относятся къ малоупотребительнымъ глаголамъ, напр., *кануть, слынуть* и др.

Затѣмъ, надо еще знать и пояснить, что не мало глаголовъ совершеннаго вида происходятъ прямо отъ корней, именъ и мѣстоименій, являясь формою первоначальною, и что громадное число глаголовъ совершеннаго вида, произведенныхъ чрезъ приставку, являются самостоятельными новыми глаголами, нуждающимися, какъ и глаголы совершеннаго вида первоначальные, въ образованіи соотвѣтственнаго, т. е. однозначущаго вида несовершеннаго. Зная это, мы поймемъ, что должны опредѣлить два закона: законъ образованія видовъ изъ формы совершеннаго вида и законъ образованія видовъ отъ формъ вида несовершеннаго. Соображая все это, мы легко усмотримъ, что законъ образованія вида несовершеннаго отъ формъ вида совершеннаго, по существу своему, тотъ же, что и законъ образованія вида многократнаго изъ формъ вида несовершеннаго. Въ обоихъ случаяхъ для этого служатъ 1) суффиксы *a* (*я*), *и*, *ива* (*ива*), 2) усиленіе коренной гласной и 3) префиксъ *но*.—Послѣдніе два способа не образуютъ сами по себѣ указанныхъ формъ, но дополняютъ и содѣйствуютъ первому способу. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Отъ формъ совершеннаго вида, чрезъ принятіе суффикса или замѣну одного другимъ (вышеуказаннымъ), безъ помощи усиленія коренной гласной и префикса *но*: отъ формъ—«пустить, хватить, родить, стать, дѣть, пасть, доказать», которыя всѣ вида совершеннаго, образуются формы несовершеннаго вида: «пускать, хватать, рожать, ставать, дѣвать, падать, доказывать». То же самое, но при помощи префикса *но*—: отъ «купить»—«покупать». То же съ усиленіемъ коренной гласной: *создать* (кор. *зд*—, откуда *зодчій*), *созидать*; *завзять* (кор. *зв*—, откуда *зовъ*), *завзывать*; *усмотрѣть*, *усматривать*.

Отъ несовершеннаго вида видъ многократный тѣми же способами: 1) одними суффиксами—«бывать, ѣдать, жить, совнавать, кучивать»; 2) то же съ префиксомъ *но*—«ноосвистывать», *покрикивать*, *погуливать*, *погремливать*» и 3) то же съ усиленіемъ коренной гласной—«нести, носить; брести, бродить; звенѣть, позванивать; говорить, говаривать».

Параллелизмъ полный. Если же еще помнить, что не всякій глаголъ, произведенный чрезъ приставку, образуетъ форму совершеннаго вида, соотвѣтствующую формѣ, отъ которой производится; что большая часть такихъ новообразованій представляютъ новые самостоятельные глаголы; и что даже въ совершенно однозвучныхъ формахъ (попадать, забѣгать, поносить, походить) нерѣдко окрываются по два разнозначущихъ глагола (одинъ самостоятельный и другой видовой); если все это знать (а гг. составителямъ учебниковъ, кажется, слѣдовало бы знать эту азбуку), то всѣ затрудненія разсѣваются сами собою, и строеніе русскаго глагола усваивается очень легко. Возвратимся, однако, къ нашимъ учебникамъ и, прежде всего, къ г. Преображенскому.

«VI классъ—*ова, ева, ова, ова*». Ничего не можетъ быть ошибочнѣе, какъ смѣшивать суффиксы *ова (ева)* и *ова (ова)*. Это столь же самостоятельныя и отдѣльныя образованія, какъ и суффиксы *ну, ъ, и*. Суффиксъ *ова (ева)* является, собственно говоря, суффиксомъ *у (ю)*; напр. *толк-у-ю, тоскую, юр-ю-ю*, но въ неопредѣленномъ наклоненіи и производныхъ формахъ отъ него принимаетъ, сверхъ того, еще второй суффиксъ *а*, причемъ, по законамъ русской фонетики, *у* передъ гласною разлагается въ *э*. Такъ отъ корня *слу* (древній глаголѣ *слутти*, новый—*слить*) происходятъ формы *слово* (слѣв-о), *слава* (слѣв-а), *славій* (слѣв-ій, языкѣ *соловей*). Поэтому отъ *толкую* оказывается *толковать*, отъ *юрюю*—*юревать* и т. д. Что касается бѣглаго суффикса *а*, появляющагося въ неопредѣленномъ наклоненіи (и производныхъ отъ него формахъ) и выпадающаго въ изъявительномъ (и производныхъ формахъ), то такая бѣглость этого суффикса явленіе, довольно распространенное, и безъ притягательной силы суффикса *у*. Напр. *сосать, сосу; давать, даю; сознавать, сознаю; стлать, стлю; ковать, кую; клевать, клюю*, и т. д. Строго соответствуя фонетическимъ законамъ русскаго языка, образованіе суффикса *у, ова (ю, ева)* представляетъ, такимъ образомъ, совершенно оригинальную и обособленную форму, которою пользуется сравнительно небольшая группа глаголовъ очень опредѣленнаго значенія. Всегда это глаголы несовершеннаго вида, сравнительно неохотно принимающіе префиксы и столь же неохотно мѣняющіе суффиксы (безъ измѣненія значенія). Они не образуютъ видовъ многократнаго и однократнаго, а видъ совершенный образуютъ нѣредко съ нѣкоторымъ новымъ оттенкомъ значенія. Этимъ суффиксомъ русскій языкъ теперь охотно пользуется для образованія глагольныхъ формъ отъ иностранныхъ корней; напр. *цивилизовать, комбиновать, танцовать, мариновать* и т. д. Этому ничего г. Преображенскій не знаетъ. За то онъ знаетъ слѣдующее: «Примѣта *ова, ева* образуетъ глаголы отъ именъ; напр. *радовать* отъ прилаг. *радъ, юревать* отъ сущ. *юре, потчевать*, отъ сущ. *почетъ*, съ перестановкою звуковъ *тч* вм. *чт*. Эта примѣта придаетъ глаголу такое же значеніе, какъ и примѣта *и*». Здѣсь каждое слово, безъ исключенія, есть ошибка. Если *радовать* происходитъ отъ имени, то и *радовать*. Если *юревать*, то и *юрить*. Если *потчевать*, то и *почтить*. Последнее, однако, очевидно образовано отъ глагола *читать* (древн. форма—*чес-ти*, откуда сохранились производные глаголы: *вычестъ, начестъ, счестъ*). Во всѣхъ цитированныхъ г. Преображенскимъ случаяхъ глагольные суффиксы слѣдуютъ непосредственно за корнями *рад—, юр—, чет* и потому должны считаться образованными отъ корней. Производить глаголы отъ именъ можно только тогда, когда между глагольными суффиксами и корнями сохраняется именной суффиксъ. Напр. *да-р-ить, крас-н-ѣть, озор-нич-ать, нищ, еств-о-вать*. Частицы *р, н, ник, ен, ств* суть суффиксы именъ (*н, ен* прилагательныхъ, *р, ик, ств* существительныхъ). Какъ видите, воѣ гла-

гольные суффиксы образуютъ глаголы отъ именъ, суффиксъ *ова* въ томъ числѣ (хотя сравнительно и чаще). Не болѣе выдерживаетъ критики и другое правило г. Преображенскаго, будто суффиксъ *ова* одного значенія съ суффиксомъ *и*. Послѣдній служитъ для образованія видовъ несовершеннаго, совершеннаго и многократнаго: *дарить* (несов.), *хватить* (соверш.), *носить* (многокр.), тогда какъ суффиксъ *ова* образуетъ только несовершенный видъ. Такимъ образомъ о суффиксѣ *ова* г. Преображенскій не знаетъ ничего, что слѣдуетъ знать; знаетъ то, чего не должно знать; сочиняетъ несуществующіе законы; и смѣшиваетъ съ суффиксомъ *ива* (*ива*).

«Примѣта *ива*, *ива* образуетъ глаголы отъ глаголовъ. Эта примѣта служитъ для образованія глаголовъ вида многократнаго: *отмывать*, *любимать* (?). Если глаголъ этого класса принимаетъ представку, то образуется видъ несовершенный; напр. *притискивать*, *оттамкивать*, *спрашивать*». Стоитъ только перемѣнить приставку въ собственныхъ примѣрахъ г. Преображенскаго, чтобы получить видъ многократный съ приставкою: *потискивать*, *потамкивать*, какъ и *помакивать*, *покрикивать*, *попримкивать*. И опять нельзя было г. Преображенскому не сочинить фантастическаго правила, какъ и не привести фантастическаго примѣра (любимать? что оіе означать можетъ?). Выше мы говорили довольно о значеніи суффикса *ива* для образованія несовершеннаго вида отъ совершеннаго и многократнаго отъ несовершеннаго. Конечно, г. Преображенскому это неизвѣстно. Самъ г. Преображенскій находитъ (см. предисловіе), что у него «наиболѣе разработана статья о глаголѣ». Мы уже достаточно ознакомились съ этою разработкою. Итоги сами собою видны.

Объ образованіи видовъ г. Рыбаковъ ограничивается слѣдующею строкою: «суффиксы *ов*, *ев*, *ив*, *ив* выражаютъ многократный видъ» *). Коротко и ясно, но невѣрно. Поясненія выше.

Г. Петровъ въ свою очередь сообщаетъ намъ: «Примѣты многократнаго вида слога *ив*, *ив* (*читываль*, *хаживаль*). Въ нѣкоторыхъ же глаголахъ многократный видъ образуется посредствомъ подъема гласныхъ (тереть, растирать; ходить, захаживать).—Примѣта его (однократнаго вида) слогъ *ну*; надо отличать ее отъ примѣты средняго залога также *ну* (сохнуть, вянуть)» **). Читатель самъ оценитъ великолѣпіе этихъ правилъ, которыми составитель и ограничивается по поводу образованія видовъ. Отмѣчу элементарное непониманіе смысла видовъ, выразившееся въ примѣрѣ *растирать*, формѣ несовершеннаго вида, а не многократнаго. Переходъ *е* въ *и* отнюдь не есть подъемъ, а былъ бы даже ослабленіемъ, если бы только имѣлъ мѣсто. Первоначальная форма глагола была *трѣти*, при корнѣ *тѣр*— (откуда *затѣр*). Отъ *трѣти* и образовались и форма *тереть*, и форма *растирать*, какъ отъ *зрѣть*—*озирать*,

*) Рбж., 71.

**) Птр., 72.

отъ *братъ*—*собираю* и т. д. Наконецъ, не всё глаголы совершеннаго вида съ примѣтомъ *ну* суть средняго залога; напр. *тянуть*, *нуть*. Такимъ образомъ, кромѣ общей и совершенной несостоятельности г. Петрова въ вопросѣ образованія видовъ, мы отмѣтили въ нѣсколькихъ его строкахъ нѣсколько грубѣйшихъ ошибокъ изъ самыхъ элементарныхъ. А. видъ одобренъ и рекомендованъ...

Наконецъ, г. Богдановъ: «Множественный видъ означаетъ прошлое дѣйствіе, совершившееся въ нѣсколько пріемовъ. Онъ развивается изъ несовершеннаго вида и имѣетъ суффиксы *ива*, *ова*. Однократный и однократный мгновенный виды развиваются изъ совершеннаго вида» *). Полная несостоятельность правила очевидна послѣ всего вышеизложеннаго. Отмѣчу только, что однократный никогда не образуется изъ совершеннаго, а всегда изъ несовершеннаго. Напр. *толкать*, *толкнулъ*; *копать*, *копнулъ*; *мигать*, *мигнулъ*, и т. д. Г. Богдановъ кромѣ того утверждаетъ, что множественный видъ означаетъ *прошлое* дѣйствіе. Эту ошибку повторяютъ и нѣкоторые другіе изъ разбираемыхъ учебниковъ. Она происходитъ отъ предположенія, будто множественный видъ образуется единственно суффиксомъ *ива* и не принимаетъ префиксовъ. Между тѣмъ несомнѣнно множественныя формы имѣютъ настоящее время (если отрѣшиться отъ указаннаго только что неосновательнаго предположенія); напр. *посвѣтываю*, *позваниваю*, *помазываю*, *летаю* (несов. *лечу*), *сажаю* (несов. *сажу*), *ношу* (несов. *несу*), *брожу* (несов. *бреду*) и т. д.

Мы съ нѣкоторою подробностью обозрѣли ученіе о видахъ русскаго глагола и ихъ образованія. Мы это сдѣлали въ виду того, что ученіе о видахъ является основой всего ученія о русскомъ глаголѣ. Мы можемъ теперь съ полнымъ основаніемъ сказать, что ученіе это излагается во всѣхъ учебникахъ русскаго языка, нами разобранныхъ и господствующихъ въ нашей средней школѣ, неясно, сбивчиво и невѣрно, изобилуя порою самыми элементарными ошибками. Если бы ученики вполне усвоили предписанія своихъ грамматикъ, они не научились бы, а разучились бы употреблять правильно виды нашихъ глаголовъ. Хотя семья и литература и ограничиваютъ это пагубное вліяніе школы, тѣмъ не менѣе даже природный русскимъ школа значительно портитъ ихъ языкъ. Инородцевъ же она, конечно, ничему не научаетъ.

Посвятить больше мѣста первому вопросу въ ученіи о глаголахъ, мы ограничимся бѣглымъ обзоромъ остальной этимологии.

III.

Залоговъ гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ насчитываютъ въ русскомъ языкѣ *шесть*. Г. Смирновскій перечисляетъ *пять*. Тоже и

*) *Ид.*, 63.

г. Преображенскій. У г. Рыбакова находимъ *четыре*, у г. Петрова снова *пять* и, наконецъ, у г. Богданова опять *четыре* *). Сколько же, въ самомъ дѣлѣ, залоговъ въ русскомъ языкѣ? Не сообщать-ли это ученый комитетъ, одобрившій и шесть, и пять, и четыре? Ученіе о залогохъ—общее всѣмъ индоевропейскимъ языкамъ, но и это не затруднило нашихъ авторовъ. Они сьумѣли самобытно напутать и внести неясность и сбивчивость въ ученіе, вполне установленное и разработанное.

Залогъ выражаетъ, какъ направляется дѣйствіе. Подлежащее предложенія можетъ направлять дѣйствіе на что нибудь или на кого нибудь (залогъ *дѣйствительный*); можетъ быть предметомъ дѣйствія кого либо (залогъ *страдательный*); можетъ производить дѣйствіе, ни на что специально не направленное, или испытывать состояніе (залогъ *средній*). Собственно говоря, основныхъ различій другихъ нѣтъ и быть не можетъ, такъ что и залоговъ въ русскомъ языкѣ, какъ и въ иностранныхъ, всего *три*, причеиъ въ ихъ составѣ могутъ быть подгруппы. Такъ и излагаетъ г. Буслаевъ ученіе о залогѣ русскаго глагола **). Составители учебниковъ его изложеніемъ не удовлетворены.

Гг. составители учебниковъ въ этомъ отношеніи очень послѣдовательны. Они сьумѣли внести путаницу даже въ ученіе о *наклоненіяхъ*. Древніе языки по всѣмъ временамъ приводили различіе двухъ наклоненій, *изъявительнаго* (утверждающаго наличность дѣйствія и состоянія) и *сослагательнаго* (лишь предполагающаго дѣйствіе или состояніе). Это, такъ сказать, «предположительное» наклоненіе можетъ равно относиться ко *всѣмъ* предположеніямъ, какъ въ латинскомъ языкѣ, но можетъ и выдѣлять *нѣкоторыя* группы предполагаемыхъ дѣйствій и состояній и производить для нихъ новыя особыя формы. Напр. можетъ быть выдѣлена изъ общей группы предполагаемыхъ дѣйствій и состояній группа, при этомъ желаемая. Такъ поступилъ греческій языкъ, создавъ *желательное* наклоненіе (*optativus*). Можно выдѣлить также группу, гдѣ предположенная возможность даннаго дѣйствія и состоянія находится въ зависимости, обусловлена другимъ или другими дѣйствіями и состояніями. Новороманскіе языки выдѣлили эту группу и образовали наклоненіе *условное* (*conditionalis*). Не надо никогда забывать, однако, что эти выдѣленные наклоненія, желательное и условное, являются какъ бы подвидами, которые имѣютъ дѣло съ нѣкоторою только частью явленій, подлежащихъ наклоненію сослагательному, и потому не въ состояніи его замѣнить. Поэтому, эти наклоненія могутъ существовать при сослагательномъ, но безъ него невозможны. Съ другой стороны, сослагательное наклоненіе можетъ вполне замѣнить и желательное, и

*) *Крит.*, 32; *Смир.*, 28; *Ирб.*, 51; *Рб.*, 52; *Петр.*, 62; и *Бд.*, 62.

**) *Бусл.*, I, § 52, 103—106; *Бусл. Уч.*, § 36, 40—41.

условное. Кроме латинскаго языка тому примѣромъ могутъ служить языки германскіе. Все это довольно элементарно. Однако, не всѣ гг. составители учебниковъ это знаютъ. Такъ г. Преображенскій, которымъ, по собственному скромному мнѣнію, «наиболѣе разработана статья о глаголѣ», называетъ сослагательное наклоненіе условнымъ, т. е. дѣлаетъ фокусъ, покрывая цѣлое его частью Правда, онъ ссылается на Миклошича, но дѣло не въ происхожденіи формъ нашего «предположительнаго» наклоненія. Г. Вуслаевъ тоже выводитъ его отъ древнихъ формъ условнаго наклоненія. Дѣло въ томъ употребленіи, которое нынѣ усвоено этой формѣ. Конечно, никто не станетъ отрицать, что условное наклоненіе романскихъ языковъ надо переводить нашимъ сослагательнымъ. Однако и *coniunctivus* переводится всегда и непремѣнно тою же формою.

Г. Богдановъ тоже замѣняетъ сослагательное наклоненіе условнымъ. Тоже и г. Петровъ, который, однако, ставитъ въ скобкахъ «сослагательное», но напрасно думаетъ, что это одно и то же. Съ другой стороны учебникъ гг. Кирпичникова и Гилярова, а также и г. Смирновскій и г. Рыбаковъ называетъ тѣ же формы сослагательнымъ наклоненіемъ, такъ что голоса раздѣляются какъ разъ поровну. Однако, съ кѣмъ же согласенъ ученый комитетъ? Въдѣ это изъ элементарныхъ правилъ и двухъ мнѣній тутъ быть не можетъ *).

Съ сослагательнымъ наклоненіемъ неблагополучно и въ другомъ отношеніи. Такъ гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ дѣлаютъ замѣчательное открытіе, что «сослагательное наклоненіе имѣетъ только одно время: прошедшее». Право, это напечатано слово въ слово, какъ цитировано! Сами прочтите на стр. 34. По счастью, открытіе гг. Кирпичникова и Гилярова не усвоено другими учебниками, которые знаютъ, что сослагательное (или условное, по мнѣнію другихъ) наклоненіе имѣетъ всѣ три времени, но для всѣхъ временъ—одну форму. То обстоятельство, что эта форма образуется изъ прошедшаго времени изъявительнаго наклоненія, и ввело гг. Кирпичникова и Гилярова въ заблужденіе, печальное для чужаковъ, комичное для составителей. Такъ у насъ пишутся, одобряются и распространяются учебники роднаго языка!

Съ причастными формами тоже не совсѣмъ ладно. Не всѣ учебники знаютъ дѣспричастія настоящаго времени на —*учи*, —*ючи* **). Напр., формы *идучи*, *крадучись*, *ишучи*, которыя употребительнѣе даже, чѣмъ *идя*, *крадяся*, *ища*. Съ другой стороны четыре изъ шести

*) О наклоненіяхъ см. *Крпч.*, 34; *Смрн.*, 27; *Прб.*, 53; *Рб.*, 58; *Штр.*, 65; *Бд.* 64.

***) Эта форма ненавѣстна: *Крпч.*, 35; *Рб.*, 58. Остальные четыре учебника приводятъ и форму съ окончаніемъ—*учи*, —*ючи*, но г. Смирновскій почему-то ее считаетъ только народною.

разбираемыхъ учебниковъ не имѣютъ никакого представленія о дѣепричастіи страдательнаго залога въ формѣ: *будучи понятъ, будучи узнавъ, будучи осведомленъ*. Эти учебники для дѣепричастія прошедшаго времени страдательнаго залога знаютъ только форму: *бывъ понятъ, бывъ узнавъ, бывъ осведомленъ*, т. е. форму, менѣе употребительную, тоже пропуская и малоупотребляемую форму: *бывъ понимаемъ, узнаваемъ, осведомляемъ*. Между тѣмъ всѣ три формы имѣютъ свое особое мѣсто въ строеніи русскаго глагола. Напр. *будучи осведомленъ, онъ бьетъ настыряка*. Въ этомъ предложеніи было бы неправильно сказать «*бывъ осведомленъ*». За то: *онъ бывъ настыряка, бывъ осведомленъ*, хотя не будетъ ошибкой сказать и такъ: *онъ бывъ настыряка, будучи осведомленъ*. Последний способъ даже употребительнѣе, хотя первый правильнѣе. *Бывъ постоянно осведомляемъ, онъ выжидалъ удобный моментъ*—является предложеніемъ, въ которомъ форму «*бывъ осведомляемъ*» нельзя замѣнить ни формою «*будучи осведомляемъ*», ни формою «*бывъ осведомленъ*», но можно формою настоящаго времени «*будучи осведомляемъ*». Эта послѣдняя форма даже употребительнѣе, хотя первая правильнѣе. Не поучительно-ли и вмѣстѣ съ тѣмъ не печально-ли, что большинство господствующихъ учебниковъ не даетъ полной картины этихъ дѣепричастныхъ формъ, вносящихъ столько гибкости и тонкаго изящества въ русскую рѣчь? Изъ четырехъ дѣепричастій страдательнаго залога эти учебники знаютъ и называютъ только два *):

Та же путаница воими учебниками переносится и въ изложеніе всего спряженія страдательнаго залога. Дѣло въ томъ, что глаголы несовершеннаго вида, единственные, имѣющіе оба причастія страдательнаго залога (настоящаго и прошедшаго времени), нерѣдко не пользуются этою возможностью образовать обѣ формы, ограничиваясь одною, то только настоящаго времени, иногда только прошедшаго. Напр. *понимаемый*, но нѣтъ формы *пониманный*; *водимый*, но не *воженный*; *любимый*, но не *любленный*. Въ этихъ примѣрахъ глаголы не образуютъ причастій прошедшаго времени страдательнаго залога. Другіе наоборотъ: *битый, титый, птый, дутый, дражный*, но нѣтъ формъ: *бѣемый, тѣемый, носемый, дуемый, деромый*. Эти глаголы образуютъ только причастіе прошедшаго времени. Однако, рядомъ съ этимъ существуетъ не мало глаголовъ, образующихъ обѣ формы: 1) *несомый, носимый, садимый, засымаемый, зовомый, слушаемый, дѣлаемый, читаемый, дѣлимый, катаемый* и 2) *несенный, ношенный, саженный, гашенный, званный, слушанный, дѣланный, читанный, дѣленный, катанный* и т. д. Совершенно понятно и, кажется, не требуетъ большой уче-

*) *Крч.*, 35; *Спр.*, 37; *Проб.*, 55; *Рб.*, 53; *Пир.*, 79; *Бд.*, 68. Осведомлены о всѣхъ четырехъ дѣепричастныхъ формахъ страдательнаго залога только гг. Смирновскій и Рыбаковъ.

ности или тонкой сообразительности то простое соображеніе, что, при изложеніи спряженія страдательнаго залога, надо, прежде всего, предложить обзорѣніе полнаго спряженія, пользующагося всѣми формами, а затѣмъ уже указать неполноспрягаемыя группы глаголовъ и тѣ отличія, которыми выдѣляются эти группы. Къ сожалѣнію, это простое и безусловно обязательное соображеніе неизвѣстно авторамъ учебниковъ. Такъ г. Кирпичниковъ и Гиляровъ примѣромъ спряженія страдательнаго залога несовершеннаго вида выбираютъ глаголъ *понимать*, не образующій причастія прош. вр. стр. залога. Спряженіе поэтому знаетъ только одно прошедшее и одно будущее. Такъ же поступаетъ и г. Смирновскій, избравъ глаголъ *обучать* (тоже безъ причастія прош. вр. стр. зал.), а г. Петровъ ограничивается только замѣчаніемъ, что «причастія страдательныя (не залога-ли страдательнаго?) съ краткимъ окончаніемъ и съ глаголомъ *быть* называются страдательными глаголами». «Страдательные глаголы» это, пожалуй, еще лучше, чѣмъ «страдательныя причастія»! Г. Рыбаковъ беретъ нѣсколько примѣровъ, въ томъ числѣ одинъ съ обоими причастіями; онъ всетаки знаетъ только слѣдующія формы: *я несомъ; я былъ несомъ; я буду несомъ; я былъ бы несомъ; будь несомъ; быть несому*. Такимъ образомъ, даже натолкнувшись на полное спряженіе, нашъ авторъ его не замѣчаетъ и пропускаетъ формы: *я несенъ, я былъ несенъ, я буду несенъ, я былъ бы несенъ, быть несену*. Изъ одиннадцати формъ полнаго спряженія страдательнаго залога г. Рыбаковъ, подобно г. Кирпичникову, Гилярову и Смирновскому, знаетъ всего шесть и пропускаетъ пять! Г. Преображенскій знаетъ больше. Онъ приводитъ: *быть хвалиму, быть хвалену; я хвалимъ, я былъ хвалимъ, я былъ хваленъ; я буду хвалимъ, я буду хваленъ; будь хвалимъ* и т. д. Тѣмъ не менѣе самой употребительной формы *я хваленъ* не знаетъ и не приводитъ и г. Преображенскій. Въ точности слѣдуетъ г. Преображенскому и г. Богдановъ *). Что это такое, однако? Дерзкая небрежность или круглое невѣжество?

Итакъ и ученіе о залогахъ, наклоненіяхъ и причастіяхъ излагается всѣми учебниками, нынѣ господствующими въ нашей средней школѣ, такъ же взаимно противорѣчиво, неясно, обивчиво и невѣрно, какъ и ученіе о видахъ. На примѣрѣ спряженія страдательнаго залога мы показали, что даже съ числомъ формъ спряженія не знакомы составители учебниковъ! Съ такими то знаніями строенія русскаго глагола выпускаетъ средняя школа своихъ воспитанниковъ и выдаетъ имъ «аттестаты зрѣлости»...

*) Крпч., 39; Смир., 37; Рб., 61; Рб., 59; Петр., 76; Бд., 72.

IV.

Ученіе объ именахъ такъ просто, такъ одинаково во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ и такъ давно наукою установлено, что можно было бы ожидать здѣсь и больше единства въ нашихъ учебникахъ, и больше ясности, и менѣе явныхъ промаховъ и ошибокъ. Посмотримъ. Сначала объ именахъ существительныхъ.

Гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ сообщаютъ намъ свѣдѣнія о *трехъ* склоненіяхъ именъ существительныхъ. *Столько же* склоненій знаетъ и г. Смирновскій. Однако, уже г. Преображенскій съ ними не согласенъ и перечисляетъ *пять* склоненій. Г. Рыбаковъ никакихъ склоненій не признаетъ, а просто различаетъ склоненіе по родамъ. Выходить, стало быть, *три* склоненія, но совершенно *иммѣ*, чѣмъ у гг. Кирпичникова и Смирновекаго. У г. Петрова мы находимъ *четыре* склоненія и у г. Богданова—тоже 4*). Сколько же въ самомъ дѣлѣ склоненій въ русскомъ языкѣ, три, четыре или пять? Учебники въ этомъ отношеніи вполне не согласны между собою.

Эта разногласица и путаница учебниковъ становится даже комичною и забавною, если бы не была столь печальною. Вѣдь всѣмъ этимъ собственнымъ измышленіямъ составителей обучается наше молодое поколѣніе и всею этою чепухою портится русская рѣчь! Все это достаточно серьезно и важно и читатели, быть можетъ, не очень посѣтуютъ на меня, что я такъ долго занимаю ихъ вниманіе этою невеселою и достаточно неприятною матеріей.

Мы ознакомились съ единствомъ, или вѣрнѣе съ противурѣчіями учебниковъ въ ученіи объ именахъ существительныхъ. Обратимся теперь къ вопросу о вѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній. Гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ, сообщивъ, что нѣкоторыя имена существительныя, кромѣ обыкновеннаго окончанія множественнаго числа на *ы*, имѣютъ еще окончаніе на *а*, прибавляютъ: «при этомъ самое (не само-ли?) значеніе слова измѣняется». Приведены примѣры: *хлѣбы и хлѣба, цѣтты и цѣтта, мѣхы и мѣха*. Правило преподавано совершенно категорически. Между тѣмъ оно есть чистая фантазія гг. Кирпичникова и Гилярова и значеніе большею частью не измѣняется. Напр. *верхи и верха; волосы и волоса; годы и года; дома и дома; жолобы и жолоба; жорновы и жорнова; мѣсяцы и мѣсяца; округи и округа; поѣзды и поѣзда; хлѣвы и хлѣва*, и т. д. и т. д. Такое же изобрѣтеніе несуществующаго правила находимъ и далѣе, гдѣ указывается, что нѣкоторыя имена имѣютъ двѣ формы множественныхъ чиселъ: «простую, напр. *лѣсты, корни*, и со вставкою суффикса *ь* (*ѣ*), напр., *лѣстья, корниѣ*; при суффиксѣ *ь* (*ѣ*) твердое склоненіе превращается въ мягкое, *при чемъ объ формы разми-*

*) Крпч., 12; Смир., 11; Грб., 23; Рб., 15; Птр., 28; Бд., 31.

чаются по значенію». Опять совершенно категорически и опять совершенно невѣрно. Большая часть такихъ существительныхъ съ двумя формами множ. числа не различаютъ значенія по формамъ. Напр. брусъ и брусья; волоса и волосы; другъ и друзья; дядя и дядья; зять и зятья; кнуты и кнутья; колы и колья; пруты и прутья; суки и сучья; хомуты и хомутья, и т. д. Рядомъ съ этими же фантастическими правилами находимъ склоненіе существительнаго *сынъ*, гдѣ изображено: *сыновья, сыновьевъ, сыновьямъ, сыновьевъ*, и т. д. Эти изумительныя формы найдете на стр. 15!!! Тамъ же и на предъидущей вымышленныя правила, выше цитированныя.

Гг. Кирпичниковъ и Гиларовъ недостижимы въ своемъ неприступномъ и непоколебимомъ незнакомствѣ съ русскимъ языкомъ. Другіе составители тщетно стараются ихъ превзойти. Не могутъ, однако, даже догнать. Все таки стараются и мы не должны пренебрегать ихъ стараніями. Такъ г. Смирновскій избрѣгаетъ форму *зятевья* (стр. 15), а на слѣдующей страницѣ читаемъ: «по образцу *путь* склоняется и слово *пламень*» (—16). Право написано *пламень!* Замѣчательно, что при этомъ г. Смирновскій говоритъ о *десяти* именахъ, оканчивающихся на—*мя*. Значить, онъ считаетъ и *пламя*. За то г. Преображенскій знаетъ, только *девять* именъ на—*мя* (стр. 31). Онъ ихъ всё приводитъ и пропускаетъ *пламя*. Вообще г. Преображенскій любитъ перечислять. Это было бы хорошо, еслибы онъ настолько зналъ русскій языкъ, чтобы могъ перечислить *все* уклоняющіяся формы. Этого онъ никогда не достигаетъ. Такъ, на стр. 25 онъ перечисляетъ имена муж. рода, принимающія въ имен. пад. мн. числа окончаніе *а* (вмѣсто *ы*, иногда вмѣстѣ съ *ы*). Ему извѣстно 19 такихъ словъ; остались неизвѣстными 16. Изъ числа ему извѣстныхъ онъ отмѣчаетъ четыре, имѣющихъ обѣ формы, но пропускаетъ другіе четыре. Перечисляя существительныя муж. р., имѣющія въ род. пад. мн. числа смягченіе—*з* (вмѣсто—*озъ*), онъ тоже пропускаетъ четыре; забываетъ упомянуть объ именахъ, принимающихъ въ единственномъ числѣ суффиксъ—*инъ*, которые всё обязательно принимаютъ въ род. п. мн. числа окончаніе—*з*; и не отмѣчаетъ, что многіе изъ числа имъ приведенныхъ могутъ принимать оба окончанія (изъ пятнадцати перечисленныхъ въ учебникѣ девять могутъ имѣть и правильное окончаніе, а учебникъ знаетъ это только о трехъ). «Существительныя *теленкъ, ребенокъ, цыпленокъ*, и т. д. образуетъ множественное число такъ же по первому склоненію: *теленки, ребята, цыпленки*. Впрочемъ, эти формы мало употребительны. Онѣ неправильны» (ст. 32). Напротивъ, онѣ совершенно правильны. Формы же *телята, ребята, цыплята* суть множ. числа отъ именъ *теля, ребя, цыплат*, въ книжномъ языкѣ въ един. числѣ вышедшихъ изъ употребленія. Какъ то странно это объяснять преподавателямъ русскаго языка!

Путаясь въ склоненіяхъ именъ существительныхъ, г. Преобра-

женскій путается не менѣе въ ученіи объ ихъ образованіи; приведемъ два три примѣра. *Страсть* онъ производитъ отъ *страхъ*. Слѣдуетъ же отъ *страд*— «Страсти Господни» значить «страданія Господни». *Д* передъ *т* обыкновенно смягчается въ *с*. Форма *страсть* есть неопредѣленное наклоненіе полупотеряннаго первообразнаго глагола, отъ котораго сохранилась форма: *стражду* (*страждешь*), *страждущій*. Остальныя формы потеряны. Неопредѣленное наклоненіе нерѣдко превращается въ существительное имя: *вѣсть*, *вѣчь*, *течь*, *честь*, и пр. Производитъ *страсть* отъ *страхъ* представляется элементарною ошибкою, за которую ученику поставили бы единицу. Такая же негѣпость производить, какъ это дѣлаетъ г. Преображенскій, слово *зданіе* отъ корня *да-ть*, чрезъ форму *сдать*, *сдаты* (стр. 13). Корень имени *зданіе*, какъ и глаголовъ *создать*, *созидать*, совершенно самостоятельный, именно зъ д—, откуда полупотерянный первообразный глаголь *здать* сохраняетъ доселѣ формы: *зжду*, *зждущій* (у Жуковского: «градъ *зждущей* Палладѣ и губящей онъ воззвалъ»), откуда имена *зждитель*, *зждительный*, а отъ формы *здать*—имя сущ: *зданіе*, *созданіе* (ср. *созданный*). Эту азбуку слѣдовало бы знать учителямъ русскаго языка и составителямъ русскоѣ грамматики! Нѣсколько ниже слово *вѣсть* г. Преображенскій производитъ при помощи именнаго суффикса—*сть*. Я уже упомянулъ выше, что это неопредѣленное наклоненіе забытаго глагола, память о которомъ сохранилась еще въ формѣ *спѣдущій*. Остальныя формы уже отзвучали. Ошибка г. Преображенскаго произошла отъ того, что суффиксъ онъ неправильно пишетъ: *жалю-сть*, *мудро-сть*. Слѣдуетъ писать: *жалю-ость*, *мудро-ость*. Суффиксомъ служатъ частица—*сть*, но *всегда* и *непрерѣнно* предшествуемая гласными *о* или *е* *), такъ что произведенное съ этимъ суффиксомъ наше слово звучало бы *вѣдость*, или *вѣжестъ* (какъ *спѣжестъ*). Такую же путаницу находить и по поводу суффикса—*та*,—*ба*,—*чь*, и др.

Гг. Рыбакова, Петрова и Богданова отпускаю на покаяніе безъ исповѣди во грѣхахъ ученія объ именахъ существительныхъ. Нашъ разборъ нѣсколько затянулся и я спѣшу сказать еще нѣсколько словъ объ имени прилагательномъ.

«Качественныя неопредѣленныя (краткія) не склоняются и составляютъ въ предложеніи сказуемое, а качественныя опредѣленныя (полныя) склоняются и составляютъ въ предложеніи опредѣленіе». Это гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ повѣствуютъ **). По обыкновенію, категорически и, по обыкновенію же, невѣрно. Итакъ, краткія качественныя имена прилагательныя не бываютъ опредѣленіями. Посмотримъ у классическихъ авторовъ. У *Пушкина*: «На берегу пустынныхъ волнъ стоятъ онъ, думъ великихъ *помя*», «За-

*) *Бул.*, I, § 59, стр. 130.

***) *Крив.*, 20.

думчивъ, *тихъ*, сидѣлъ межъ ними Грозный», «Явился мужъ, необычайно *свѣтелъ*», «Вдругъ межъ нихъ, *свиртъ*, отъ злости *блѣденъ*, является Иуда Битяговскій», «Да *русы* кудри золотыя», «На третій, *блѣденъ*, какъ мертвецъ, приходитъ онъ домой», «Но между дѣвами одна молчитъ, *умила* и *блѣдна*», «И умеръ, *знатенъ* и *богатъ*», «На балконъ, *печаленъ*, *смутенъ*, вышелъ онъ», «Ужасныхъ думъ безмолвно *полонъ*, онъ скитался» и др. У *Лермонтова*: «На встрѣчу его *молода жена*», «Вотъ у ногъ Иерусалима, Богомъ сожжена, *безмаломыя*, недвижима, мертвая страна», «Идутъ всѣ полки, *могучи*, *шумны*, какъ потокъ, страшно *медленны*, какъ тучи, прямо на Востокъ», «Въ той башнѣ, высокой и тѣсной царица Тамара жила, *прекрасна*, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ, *коварна* и *зла*» и др. У *Кольцова*: «Когда друга я жду, вся *блѣдна*, *холодна*, замираю, дрожу». У *Некрасова*: «*Теменъ* вернулся съ кладбища Трофимъ», «*Покоенъ*, *проченъ* и *легокъ* катится городомъ вoзoкъ; вся въ черномъ, мертвенно *блѣдна*, княгиня ѣдетъ въ немъ одна», «*Далекъ* княгинѣ путь лежалъ», «Сидишь, по часу *нѣмъ*», «Невиннымъ ужасомъ *полна*, она не ѣсть, не спить», «Онъ долго, *важенъ*, *молчаливъ*, по комнатѣ ходилъ» и т. д. Довольно, однако. *Курсивомъ* напечатанныя слова, всѣ—опредѣленія и всѣ—прилагательныя качественныя въ краткой (неопредѣленной) формѣ. Притомъ, примѣры эти такъ правильно и такъ общеупотребительно пользуются этими прилагательными, что *licentia poetica* тутъ не причемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, краткую форму можно замѣнить полною, не нарушая размѣра: «На третій, *блѣдный*, какъ мертвецъ», «На балконъ, *печальный*, *смутный*, вышелъ онъ», «*Темный* вернулся съ кладбища Трофимъ» и пр. Народная поэзія тоже широко пользуется краткою формою, какъ опредѣленіемъ: *красна* дѣвица, *красно* солнышко, *молода* жена, *лиха* жена, *честна* вдова, *ретино* сердце, *лиха* бѣда, *златъ* перстень, *блѣз*, *горючъ* камень, *спра* утица, *быстра* рѣченька, *круты* бережки, *желты* кудри, *русы* кудри, *мать зелена* дубравушка, *ясны* очи соколиныя, и т. д., и т. д.—все общезвѣстныя выраженія народной поэзіи. Первые заглавныя строки двухъ извѣстныхъ народныхъ пѣсней: «не *блѣз* снѣги», «палъ туманъ на *синем* море». Но гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ непоколебимы и правило даютъ категорическое. Конечно, они правы, а не правы Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Некрасовъ, да и народная поэзія съ ними...

Гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ, кромѣ того, утверждаютъ, какъ мы видѣли, что краткія качественныя не склоняются. У *Кольцова*: «ты не пой, косарь, про *широкую* степь», «*золотую* жизнь дѣвичью силой укоротала». У *Пушкина*: «Народъ отвыкъ въ насъ видѣть *древно* отрасль», «Въ *чужую* доску сторожъ бьетъ», «Ты съ жизни взялъ *возможную* дань», «и пиръ, на коемъ чести чашу тебѣ я *полну* наливалъ» и др. Правда, однако, въ томъ, что косвенные падежи качественныхъ краткихъ, дѣйствительно, мало употреби-

тельны. Но это вѣдь совсѣмъ не то, что отрицать ихъ склоненіе, какъ дѣлають гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ. Бумага и ученый комитетъ все стерпятъ.

Полная форма, по вышецитированному правилу, употребляется только, какъ опредѣленіе. Посмотримъ. У *Пушкина*: «Глаза и брови—*темные*, какъ ночь; сама—бѣла, нѣжна, какъ голубица», «Если большею частью наши писатели дворяне, то сіе доказываетъ только, что дворяне наши (не въ примѣръ прочимъ)—*грамотные*» (V, 82, цитирую по изданію литературнаго фонда). У *Салтыкова* («Пестрые письма»): «Мѣсто это и сейчасъ довольно *дикое*», «Положеніе по истинѣ *унизительное*, хотя, по обстоятельствамъ вполне *понятное*» (—33), и т. д. Не буду умножать примѣровъ. Употребленіе это такъ обычно даже и въ разговорной рѣчи, что не рѣже, чѣмъ употребленіе краткой формы. Есть цѣлая обширная группа качественныхъ прилагательныхъ, которыя и въ сказуемомъ пользуются преимущественно (а иногда и единственно) полною формою: большой, стыдливый, почтенный, маститый, долгій, синій, смѣлый, прѣлый, затхлый, сырой, мокрый, кудрявый, заслуженный, дѣльный, отдаленный, произительный, существенный, насыщенный, чудный, явный, тайный, забубенный, буйный, посредственный, унизительный и др. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ употребленіемъ краткой или полной формы въ качествѣ сказуемаго связано различіе по смыслу или по нѣкоторому отгѣнку смысла: *онъ достоинъ* (чего-нибудь), *онъ—достойный* (безотносительно); *она хороша*—(нравственныя качества); *она—хороша* (наружностью); *эта страна великая* (въ смыслѣ величія), *эта страна велика* (протяженіемъ); *онъ славенъ* (имѣеть славу), *онъ—славный* (хорошій); *онъ впренъ* (чему-нибудь), *онъ впрный* (вообще); *онъ дуренъ* (собою), *онъ дурной* (въ нравственномъ отношеніи) и т. д. Ничего этого наши учебники не понимаютъ, а между тѣмъ уяснить эти отгѣнки рѣчи, научить ими пользоваться и сознательно распоряжаться богатыми средствами русскаго языка и есть главная задача преподаванія русскаго языка русскимъ. Наши авторы предпочли вышецитированное правило цѣликомъ переписать изъ нѣмецкихъ учебниковъ, гдѣ оно вѣрно и справедливо въ такой же мѣрѣ, въ какой невѣрно и несправедливо для русскаго языка.

Можно бы еще поговорить о степеняхъ сравненія, въ ученіи о которыхъ наши учебники отличаются особою разногласицей и обивчивостью. Слѣдовало бы остановиться и на фонетикѣ, гдѣ неясность изложенія доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ и даже до сѣвернаго полюса. Однако, я боюсь утомить читателя. Кажется, приведенныхъ примѣровъ болѣе, чѣмъ достаточно для подтвержденія нашего мнѣнія о совершенной непригодности учебниковъ русскаго языка, общепринятыхъ въ нашей средней школѣ. Благодаря этому, школа разучиваетъ русскихъ дѣтей родному языку и отгучаетъ ихъ отъ правильнаго пользованія богатыми и разнообразными сред-

ствами родной рѣчи. По тому языку, которымъ, пишутся многія произведенія прессы, читатели уже могутъ судить объ упадкѣ знанія русскаго языка. Но то, что доходить до читателя, уже процѣжено въ редакціяхъ и, по возможности, исправлено. Люди, причастные редакціонному дѣлу, знаютъ, что дѣло обстоитъ гораздо хуже, чѣмъ то можно судить по печатнымъ образцамъ (какъ ни печальны и эти образцы). Школа положительно разучиваетъ писать и давно пора обратить на это самое серьезное вниманіе. Наша бесѣда сегодня нѣсколько затянулась. Потому ставлю точку. Въ другой разъ побесѣдуемъ о средствахъ противъ этого зла.

С. Южановъ.

Литература и жизнь.

Въ старыя годы у насъ были въ модѣ такъ называемыя альманахи или литературныя сборники, преимущественно беллетристическаго содержанія, но вмѣщавшія и статьи научнаго характера. Затѣмъ эта мода прошла, а теперь опять возрождается: за послѣдніе годы мы имѣемъ цѣлый рядъ сборниковъ, изданныхъ съ различными благотворительными цѣлями. Едва ли это возрожденіе оправдывается обстоятельствами, какъ ни почтенны сами по себѣ цѣли, ради которыхъ издаются сборники. Въ старыя годы писатель-работникъ почти не существовалъ, сравнительно мало было и періодическихъ изданій. Поэтому составителямъ сборниковъ не трудно было залучить и болѣе или менѣе крупныя литературныя имена писателей обеспеченныхъ, и разную жемчужину, объ которой, по поводу одного такого сборника, Бѣлинскій писалъ: «было бы чему подивиться, если бы многіе сочинители не воспользовались такимъ прекраснымъ случаемъ втереться въ печать». Времена измѣнились. Въ распоряженіи читателей имѣется довольно большой выборъ ежемѣсячныхъ изданій, каждая книжка которыхъ представляетъ собою такой же сборникъ статей разнообразнаго содержанія, только ближе стоящій къ жизни, благодаря неудобнымъ и даже невозможнымъ для сборниковъ статьямъ по текущимъ дѣламъ,—разнаго наименованія хроникамъ. Персоналъ литературныхъ вкладчиковъ въ сборники тотъ же, что и въ журналахъ. Между ними очень мало людей, обеспеченныхъ какимъ нибудь стороннимъ доходомъ, и въ такъ называемомъ «портфель» ихъ очень рѣдко есть что нибудь готовое, чего они не могли бы или не обязаны были помѣстить въ томъ или другомъ журналѣ; а написать что нибудь вновь, специально для сборника, у нихъ большею частью нѣтъ времени. Неудивительно

поэтому, что въ прежнихъ сборникахъ отражалась наличная литература не только съ ея слабыми сторонами и слабыми представителями, а и своей казовой стороной, и сборники или альманахи представляли иногда большой интересъ, тогда какъ этого отнюдь нельзя сказать про большинство нынѣшнихъ сборниковъ. За рѣдкими исключеніями, эти изданія не пользуются сколько нибудь значительнымъ успѣхомъ. И это вполне естественно: составители сборниковъ просятъ у писателей «чего нибудь»; писатели и даютъ «что нибудь», — отрывки, наброски, залежавшіяся почему нибудь статьи. Винить за это писателей было бы несправедливо, или, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ признать наличие обстоятельствъ, сильно смягчающихъ ихъ вину. Писатель есть человекъ рабочий, большею частью исключительно своимъ трудомъ живущій, а между тѣмъ въ сборникѣ онъ является несообразно крупнымъ жертвователемъ и, во всякомъ случаѣ, во много разъ большимъ, чѣмъ человекъ, купившій сборникъ за 1—3 рубля. И когда такихъ сборниковъ является, какъ теперь, много, причемъ составители ихъ обращаются за соотрудничествомъ, преимущественно, къ однимъ и тѣмъ же писателямъ, то положеніе послѣднихъ становится слишкомъ труднымъ. А это неблагоприятно отзывается и на составѣ сборника, и, слѣдовательно, на его успѣхѣ, то есть на самой цѣли, ради которой сборникъ изданъ.

Исключенія, конечно, бываютъ и даже блестящія. Такъ, напримеръ, огромный успѣхъ имѣлъ сборникъ, изданный въ пользу голодающихъ редакціей «Русскихъ Вѣдомостей» (рядомъ съ сомнительнымъ успѣхомъ другихъ, тогда же и съ тою же цѣлью изданныхъ сборниковъ). Чрезвычайно также быстро разошелся сборникъ въ память Гаршина, изданный тотчасъ послѣ трагической смерти этого талантливаго молодого писателя, смерти, произведшей сильное впечатлѣніе на общество. Но успѣхъ этихъ двухъ сборниковъ вполне исключительный, и я, признаюсь, съ не особенно приятнымъ чувствомъ разрѣзываю книжки новыхъ сборниковъ, при всемъ сочувствіи къ добрымъ цѣлямъ, которымъ они призваны послужить. Даже къ произведеніямъ талантливейшихъ нашихъ писателей, значащимся въ оглавленіи сборника, я отношусь нѣсколько скептически, ибо почти увѣренъ, что наиболѣе яркія, наиболѣе облюбованныя авторами произведенія найду не здѣсь, а въ томъ или другомъ періодическомъ изданіи.

Съ такимъ же скептицизмомъ взялъ я въ руки и недавно вышедшій «Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ московскаго университета», изданный подъ редакціей г. Гольцева. Но на этотъ разъ мой скептицизмъ оказался неумѣстнымъ. Нельзя сравнить новый сборникъ съ двумя вышеупомянутыми, но въ немъ есть всетаки нѣкоторая интересная духовная пища, и читатель не пожалѣетъ о томъ рублѣ, который онъ за нее заплатитъ, независимо отъ доброй цѣли изданія.

Беллетристика представлена въ сборникѣ довольно скудно: коротенькій рассказъ г. Мамина, нѣсколько переводныхъ рассказовъ съ польскаго, стихотворенія гг. Голованова, Ладыженскаго, Балмонта. Текущій, практическій интересъ представляетъ «Замѣтка о гласномъ судѣ» г. Духовскаго, статья г. Джаншиева «Памяти А. М. Фальковского», «Изъ Дневника» г. Вахтерова и въ особенности статья г. Корелина «Что можно дать для народнаго чтенія изъ всемирной исторіи»,—представляющая хорошо обдуманную и разработанную программу, съ которою необходимо будетъ считаться всѣмъ ревнителямъ народнаго просвѣщенія. Теоретическимъ вопросамъ посвящены статьи г. Ковалевскаго «Соціологія и соціологи», г. Карѣева—«Ницше о чрезмѣрности исторіи», г. Иванцова—«Понятіе организма», г. Иванова—«Идея прогресса во французской литературѣ XVIII вѣка». Если прибавить главу изъ воспоминаній покойнаго д-ра Бѣлоголова («Поѣздка на Уралъ въ 1866 г.»), то читатель получитъ перечисленіе всѣхъ статей, вошедшихъ въ сборникъ.

Я не думаю говорить обо всѣхъ этихъ статьяхъ и остановившись лишь на двухъ-трехъ, въ связи съ нѣкоторыми другими явленіями русской и иностранной литературы.

Имя Ницше довольно часто мелькаетъ на страницахъ нашихъ періодическихъ изданій, а въ нѣкоторыхъ, правда, очень немногихъ произведеніяхъ нашей литературы можно найти прямое отраженіе идей этого во всякомъ случаѣ замѣчательнаго, хотя и страннаго, беспорядочнаго и кончившаго психическимъ расстройствомъ мыслителя. Но наша, такъ называемая, большая публика,—читатели журналовъ и газетъ—очень всетаки мало знакома съ умственной фисіономіей Ницше и можетъ быть видать оригинальность въ упомянутыхъ слабыхъ ея отраженіяхъ въ русской литературѣ. А между тѣмъ, кто знаетъ? Быть можетъ это только первые вѣтники, за которыми послѣдуетъ болѣе или менѣе широко распространенное увлеченіе идеями Ницше,—мы вѣдь такъ падки на «новыя слова», «послѣднія слова», и такъ плохо вооружены для самостоятельнаго критическаго къ нимъ отношенія.

Въ этомъ же номерѣ «Русскаго Богатства» печатается начало рассказа г. Мельшина «Юность». Тамъ есть, между прочимъ, любопытная фигура юноши Доманскаго, который восторженно кричитъ: «къ чорту исторію, и да здравствуетъ свѣтлая, трезвая наука естествознанія» и для котораго «не существовало никакихъ трудныхъ или сложныхъ вопросовъ: Писаревъ былъ для него такой великолѣпной отмычкой, съ помощью которой самые мудреные ларцы отпирались очень просто, удобно и скоро». Это очень характерная фигура для нашего сравнительно недавняго (а впрочемъ, уже тридцатилѣтняго!) прошлаго, а, понятая въ болѣе широкомъ смыслѣ, и

не только для этого прошлого. Одностороннія увлеченія знакомы, конечно, и западной Европѣ, гораздо болѣе насъ богатой знаніемъ и житейскимъ опытомъ, но нигдѣ не хватаются за новыя «отмычки, съ помощью которыхъ самыя мудренныя ларцы отпираются очень просто, удобно и скоро», съ такою жадностью, какъ у насъ. Для этого есть много причинъ, изъ которыхъ самая важная состоитъ, конечно, въ скудости знаній вообще, и въ скудости знанія нашего собственнаго прошлого въ частности. «Ослабленный блестящей, поразительно простой и ясной исторической концепціей Бокля, Доманскій отрицаетъ всякое значеніе отдѣльныхъ личностей и издѣвается надъ «такъ называемыми» великими людьми и героями». Тридцать лѣтъ тому назадъ это было, но, благодаря перерывамъ преемственности въ исторіи нашего развитія, у насъ и теперь найдутся Доманскіе, повторяющіе это самое, какъ новѣйшее открытіе, какъ нѣчто, доселѣ неслышанное.

Это впрочемъ мимоходомъ, къ слову.

Въ настоящую минуту и въ непосредственномъ будущемъ болѣе или менѣе повальное увлеченіе Ницше, кажется, намъ не грозитъ; но когда эти наши духовные пожары разгорятся, мы становимся уже мало способны прислушиваться къ голосу критики, и, по малой мѣрѣ, не мѣшаешь загодя разобраться въ свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ философіи Ницше, которая и сама по себѣ представляетъ большой интересъ.

Слѣдуетъ, повтому, благодарить г. Карѣева за его вкладъ въ сборникъ, изданный въ пользу недостаточныхъ студентовъ московскаго университета, хотя вкладу этому можно бы было пожелать большей широты взгляда и болѣе пристальнаго вниманія къ писателю, котораго самъ г. Карѣевъ называетъ «во всякомъ случаѣ незауряднымъ». Статья г. Карѣева называется, какъ уже сказано, «Ницше о чрезмѣрности исторіи» и посвящена разбору статьи Ницше: *Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben* («О пользѣ и вредѣ исторіи для жизни»). Повятно, что г. Карѣевъ, историкъ, заинтересовался этой работой Ницше, но, къ сожалѣнію, г. Карѣевъ отнесся къ своей задачѣ слишкомъ какъ спеціалистъ-историкъ, даже, можно сказать, какъ спеціалистъ преподаватель исторіи. Выступая въ роли защитника своей науки противъ нападокъ несчастнаго мыслителя на «чрезмѣрность исторіи», но при этомъ вырывая изъ всего, довольно обширнаго, литературнаго багажа Ницше одну, заинтересовавшую его, какъ спеціалиста, работу, г. Карѣевъ лишилъ себя возможности ориентироваться, какъ въ блестящихъ парадоксахъ Ницше, такъ и въ томъ, что въ немъ есть тусклаго и не парадоксальнаго. Взгляды Ницше на «чрезмѣрность (*Uebergmasz*) исторіи» могутъ быть правильно освѣщены только какъ часть всего его страннаго, но въ высокой степени интереснаго міросозерцанія.

Статья г. Ковалевскаго едва ли правильно называется «Социология и социологи». Хотя въ ней рѣчь, дѣйствительно, идетъ и о социологии, и о социологахъ, но это собственно только отчетъ о трудахъ второго конгресса «международнаго института социологии». (Annales de l'institut international de sociologie, publiées sous la direction de René Worms, secrétaire général. II. Travaux du second congrès. Paris. 1896). По странной оидности, самого ли г. Ковалевскаго, или редакціи московскаго сборника, хотя въ статьѣ «Социология и социологи» и упоминаются эти труды и имѣются ссылки на нихъ, съ указаніемъ номеровъ страницъ, но самое заглавіе книги не приводится. Второй социологическій конгрессъ состоялся осенью 1895 г. подъ предѣлательствомъ г. Ковалевскаго. Онъ же и реферруетъ теперь труды конгресса на страницахъ московскаго сборника. Такимъ образомъ рѣчь здѣсь идетъ не о «социологии и социологахъ» вообще, а лишь въ рамкахъ конгресса 1895 г. А одиѣ изъ результатовъ, къ которымъ пришелъ почтенный предѣлатель конгресса, состоитъ въ «сознаніи, что социологи, какъ абстрактной наукѣ, недостаетъ прочнаго фундамента конкретныхъ фактовъ, установленныхъ этнографіей и исторіей». Въ этомъ г. Ковалевскій видитъ причину того, что конгрессъ посвятилъ большую часть своихъ засѣданій различнымъ «частнымъ, но рѣшающимъ (что рѣшающимъ?) вопросамъ».

Нельзя, однако, оказать, чтобы и общіе социологическіе вопросы были совершенно обойдены конгрессомъ. Первый же представленный конгрессу докладъ (г. Рене Вормса) имѣлъ своимъ предметомъ «различныя понятія о социологии»; за нимъ слѣдовали доклады о «методѣ въ социологии» (Штейнмеца) и о «языкѣ въ социологии» (Комбъ де Лестрада); все вопросы, кажется, достаточно общіе. Но и вѣдъ упомянутыхъ докладовъ на конгрессѣ попутно поднимались и трактовались наиболѣе общіе вопросы социологии,—о предметѣ науки, о ея границахъ, о коренныхъ чертахъ общественныхъ явленій. Правда, суровый голландецъ Штейнмецъ, по поводу именно этого рода дебатовъ, упрекалъ своихъ коллегъ, вульгарно выражаясь, въ болтовнѣ (этого грубаго слова Штейнмецъ, конечно, не сказалъ, но имя вещи не мѣняетъ); однако, далеко не всѣ члены конгресса такъ скептически или даже пренебрежительно относятся къ результатамъ конгресса по общимъ вопросамъ социологии. Самъ г. Ковалевскій, «сознающій, что социологи, какъ абстрактной наукѣ, недостаетъ прочнаго фундамента», пришелъ всетаки къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ, правда, частью отрицательнымъ, но не исключительно отрицательнымъ.

Въ своемъ рефератѣ первымъ результатомъ конгресса г. Ковалевскій ставитъ выяснившееся пораженіе такъ называемой органической теории общества. Онъ говоритъ о томъ, какъ подъ влияніемъ ученій Дарвина и Спенсера «книжный рынокъ обогатился трактатами и памфлетами объ обществѣ-организмѣ и объ эволюціи, осно-

ванной на безграничной дифференциации». «Хотите знать, — продолжает онъ, — что научнаго представляет еще эта, так долго шумѣвшая въ мирѣ теорія, прочтите слѣдующую страницу изъ недавно отпечатанныхъ трудовъ второго международнаго конгресса социологін». И г. Ковалевскій приводитъ рѣзкій отзывъ извѣстнаго энциклопедиста Летурно, оканчивающійся слѣдующими словами: «Уподобленіе человѣческихъ обществъ организмамъ — чистый продуктъ фантазіи, результатъ поверхностнаго мышленія; онъ можетъ только вредить успѣхамъ нашей науки». «Приговоръ строгъ, но заслуженъ», — прибавляетъ отъ себя г. Ковалевскій.

Читатель, сколько нибудь знакомый съ моими писаніями, конечно, не заподозритъ меня въ пристрастіи къ органической теоріи общества. Тѣмъ не менѣе, мнѣ совершенно непонятно, какъ можетъ г. Ковалевскій приводить тираду Летурно въ доказательство чего бы то ни было. Летурно въ этой тирадѣ даже и не думаетъ разсматривать, «что осталось научнаго» въ органической теоріи, и вся его критика сводится къ ряду вопросовъ: «что общаго между націей въ родѣ Англіи, Франціи и т. д. и животнымъ въ родѣ собаки, льва?» Или: «Гдѣ въ Англіи или во Франціи или Германіи тѣ классы, дѣятельность которыхъ можно исключительно уподобить функционированію костей или нервовъ? Гдѣ гражданскій желудокъ націи?» И т. п. Такими вопросами едва ли можно не только доказать что нибудь, а даже смутить сторонниковъ органической теоріи. Тѣ изъ нихъ, которые помельче и полегковѣснѣе, а, пожалуй, и поостроумнѣе, не затруднятся найти въ обществѣ параллели не только нервамъ, а и костямъ; найдутъ и «гражданскій желудокъ націи». А съ другой стороны, если бы президентомъ конгресса былъ не г. Ковалевскій, а Шеффле, какъ и предполагалось (онъ не пріѣхалъ по болѣзни), то онъ, въ качествѣ сторонника органической теоріи, конечно, не оставилъ бы рѣчи Летурно безъ возраженія. Г. Ковалевскій дѣлаетъ изъ словъ Летурно такой выводъ: «Оказывается, что данныя біологін не могутъ быть цѣликомъ переносимы въ сферу общественнаго дѣянія». Это дѣйствительно «оказывается», только не изъ словъ Летурно.

Однако и оказывается далеко не для всѣхъ. Въ томъ же московскомъ сборникѣ, гдѣ напечатанъ рефератъ г. Ковалевского, есть статья г. Иванцова «Понятіе организма», въ которой, между прочимъ, читаемъ: «Общественные организмы человѣка должны считаться только что возникающими. Они далеко не достигли той степени совершенства, какой достигли, напримѣръ, колонія сифонофоръ. Исторія всякаго народа есть исторія его организаціи, и ее можно бы было изложить въ терминахъ біологическихъ, показать, какъ эмбриональныя кѣтки, обладающія первоначально одинаковыми особенностями, перестаютъ вести жизнь обособленную и сплачиваются вмѣстѣ, какъ онѣ постепенно дифференцируются, какъ между ними устанавливается все болѣе и болѣе раздѣленіе физиоло-

гического труда, — одні берутъ на себя развитіе кинетической энергіи, другія приспособляются къ химической переработкѣ веществъ и т. д., какъ отдѣльныя кѣтки соединяются для образованія органовъ, вырабатываются общіе регуляторы... Современная историческая и социальная наука все болѣе и болѣе получаетъ характеръ біологіи общества» (Сборникъ, стр. 82). Положимъ, что мы все это уже сотни разъ слышали безъ особой пользы для науки. Но изъ словъ г. Иванцова видно, что и доселѣ есть люди, рядомъ съ г. Ковалевскимъ помѣщающіеся, для которыхъ органическая теорія отнюдь не потеряла своего научнаго значенія. Если же органическая теорія въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ топчется на одномъ мѣстѣ, то приложенія теоріи Дарвина къ вопросамъ общественной жизни получили за послѣднее время, подъ влияніемъ вейсманнама, нѣкоторое оживленіе. Объ нихъ мы, впрочемъ, теперь говорить не будемъ, такъ какъ они на конгрессѣ, насъ занимающемъ, никѣмъ не отстаивались и не опровергались. Нельзя того же сказать объ органической теоріи. Столь убійственное для нея, по мнѣнію г. Ковалевскаго, возраженіе Летурно было вызвано докладомъ нашего соотечественника г. Лиленфельда, объ которомъ г. Ковалевскій говоритъ, что онъ есть «одно изъ лицъ, наиболѣе злоупотреблявшихъ аналогіей общественныхъ явленій съ естественно-научными». Напрасно, однако, г. Ковалевскій употребляетъ въ этомъ случаѣ прошедшее время: *«злоупотреблявшихъ»*. Г. Лиленфельдъ не отрекается отъ своего прошлаго, вовсе не считаетъ его прошлымъ и въ своемъ докладѣ конгрессу — «Существуетъ ли законъ эволюціи политическихъ формъ» — остается столь же правовѣрнымъ органистомъ, каковымъ былъ и въ своей «Соціальной наукѣ будущаго». Онъ на нее ссылается, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «Мы показали въ нашей «Соціальной наукѣ будущаго», что всякій социальный агрегатъ состоитъ лишь изъ нервной системы и межкѣточного вещества, тогда какъ животныя организмы располагаютъ еще и разными другими органическими системами, каковы: костная, мускульная, вазомоторная и т. д. Различныя части всѣхъ этихъ системъ, такъ же какъ и нервной системы, механически связаны между собою и съ своимъ цѣлымъ, тогда какъ индивиды-кѣточки социальнаго организма, не состоящія во взаимной механической связи, пользуются относительно гораздо болѣею свободою дѣйствія во времени и пространствѣ. Взаимодѣйствіе между кѣточками-индивидами, органами и нервной системой социальнаго организма происходитъ при помощи не прямыхъ рефлексовъ, тогда какъ части индивидуальнаго организма сообщаются при посредствѣ нервныхъ нитей, то есть прямыми рефлексами» (Travaux du second congrès, 243, 244)

Какую бы цѣну мы этому разсужденію г. Лиленфельда ни давали, но изъ него для насъ, во всякомъ случаѣ, слѣдуютъ два вывода: во первыхъ, г. Лиленфельдъ непоколебимо стоитъ за органическую.

теорію, которую предъявил и въ своемъ докладѣ конгрессу; вторыхъ, побѣдоносные вопросы Летурно: «гдѣ кости, гдѣ мускулы социальнаго организма?»—совершенно не касаются г. Лилиенфельда, такъ какъ онъ и прежде не допускалъ существованія костной и мускульной системъ въ социальномъ организмѣ, и повторилъ это на конгрессѣ прежде, чѣмъ Летурно задалъ свои вопросы. Надо даже удивляться, какъ могъ ихъ задать Летурно непосредственно послѣ доклада г. Лилиенфельда и въ видѣ возраженія ему.

Дѣло въ томъ, что органическая теорія, нывыскывая аналогіи между явленіями общественной и органической жизни, отерываетъ широкое поприще для личнаго остроумія «ислѣдователей», изъ которыхъ каждый въ подробностяхъ, какъ говорится, кто во что гораздъ: одному найдеть аналогію тамъ, гдѣ другой не догадается. Поэтому частными вопросами, въ родѣ тѣхъ, какіе задавалъ Летурно, можно смутить только менѣе острымыхъ и находчивыхъ органистовъ. Болѣе увертливые всегда найдутся, а болѣе солидные не примутъ этихъ частныхъ вопросовъ на свой счетъ.

Органическая теорія была представлена на конгрессѣ не однимъ г. Лилиенфельдомъ. Ее исповѣдуетъ и секретарь съѣзда, онъ же и секретарь всего международнаго социологическаго института,—Рене Вормсъ. Онъ открылъ конгрессъ докладомъ о «различныхъ пониманіяхъ (conceptions) социологіи», причемъ отмѣтилъ три направленія, какъ они выразились на первомъ социологическомъ конгрессѣ (1894 г.): направленіе практическое, представляемое Леббоккомъ, историческое—г. Ковалевскимъ, и философское—г. Лилиенфельдомъ, Гумпловичемъ и Тардомъ. Внутри этихъ трехъ группъ, говорятъ Вормсъ, существуютъ отгѣнки и разногласія, которые, дескать, однако могутъ быть устранены, равно какъ и всѣ три группы могутъ быть приведены къ гармоническому единству. Оставляя пока въ сторонѣ общія соображенія Вормса, здѣсь замѣтимъ только, что въ число «философскихъ» пониманій или концепцій социологіи онъ ставитъ и органическую теорію, причемъ явно отдастъ ей преимущество передъ другими. И не мудрено. Съ прошлаго года подъ редакціей Вормса издается «Международная социологическая бібліотека», первый томъ которой составляетъ трудъ Вормса же «Organisme et société». Г. Ковалевскій отзывается объ этой книгѣ такъ: «Послѣдователь Спенсера, Шефле и Лилиенфельда, секретарь социологическаго конгресса посвятилъ развитію ихъ любимой темы цѣлый томъ, который представляетъ собою, какъ и думаю, самое трезвое выраженіе органической теоріи. Авторъ отказывается отъ опасной игры въ аналогіи и не ищетъ поэтому всѣмъ аппаратамъ человѣческаго тѣла соотвѣтствія въ общественномъ» (Сборникъ, 12).

Книга Вормса издана недавно по-русски подъ заглавіемъ «Общественный организмъ» (Спб. 1897, изданіе Павленкова), и

каждый может проверить показаніе г. Ковалевскаго. Правда, автор иногда оговаривается въ такомъ родѣ: «Общество подобно организму. Оно не просто организмъ, оно болѣе того: какъ болѣе сложное, его можно назвать сверхъ-организмомъ (supra-organisme). Но, заключая въ себѣ болѣе, нежели организмъ, оно прежде всего содержитъ все то, что содержитъ организмъ. Мы дадимъ неполное понятіе объ обществѣ, сказавъ, что оно организмъ; но, отрицая это, мы дадимъ о немъ ложное понятіе. Чтобы точно определить его, нужно признать, что оно составляетъ организмъ, дополненный чѣмъ то существеннымъ» (Введеніе, стр. 3 русскаго перевода). Однако, это «существенное» уловить довольно трудно въ книгѣ Вормса, такъ какъ разговоры объ томъ, что общество «не тождественно» съ организмомъ, а только «подобно» ему — ничего не вмѣняютъ въ органической теоріи. Да Вормсъ и вполне открыто къ ней примыкаетъ, утверждая даже, что «эта теорія, на которую сильно нападаютъ съ равныхъ сторонъ, тѣмъ не менѣе приобретаютъ все болѣе и болѣе сторонниковъ среди современныхъ социологовъ» (стр. 4, тамъ же). Въ концѣ книги Вормсъ заявляетъ, что между «духомъ» его сочиненія, представляющаго, по словамъ г. Ковалевскаго, «самое тревожное выраженіе органической теоріи», — и духомъ работъ г. Лиліенфельда, — по словамъ г. Ковалевскаго, «наиболѣе злоупотребляющаго» и т. д., — «замѣчается тѣсное сходство» (345). Вормсъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ идетъ даже дальше г. Лиліенфельда. Онъ не довольнъ тѣмъ, что г. Лиліенфельдъ «видитъ въ общественномъ тѣлѣ лишь два составныхъ элемента — нервную систему и межклеточное вещество», и самъ рассуждаетъ, напримѣръ, такъ: «Кровеноснымъ сосудамъ, распределяющимъ въ организмѣ питательную жидкость, соответствуютъ въ обществѣ купцы, которые доставляютъ въ одну область произведенія изъ другой. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ хорошо продолженныхъ и безопасныхъ дорогъ, напримѣръ, въ Сахарѣ, эти купцы могутъ путешествовать только большими обществами, караванами. Напротивъ, тамъ, гдѣ, какъ въ нашихъ странахъ, дороги вполне доступны, достаточно меньшаго числа людей, чтобы провезти то же количество товара въ тѣ области, гдѣ его нѣтъ. И такъ, дороги въ сущности ведутъ къ сокращенію числа купцовъ. Правда, иногда, напротивъ, увеличиваютъ ихъ число, но вѣдь тогда увеличивается и количество перевозимыхъ товаровъ. Усовершенствованіе дорогъ, въ этомъ случаѣ, дѣлаетъ то же, что умноженіе кровеносныхъ сосудовъ: оно укорачиваетъ кровообращеніе» и т. д. Въ концѣ концовъ, «это даетъ намъ возможность сопоставить ихъ (улучшенныя пути сообщенія) косвенно съ кровеносными сосудами, которымъ соответствовали прямо купцы, замѣненные ими. Подобнымъ же образомъ телеграфныя проволоки замѣнили курьеровъ; и ихъ можно косвенно сравнивать съ нервами» (52—53). На стр. 61 читатель найдетъ серьезные размышленія на тему о трехъ замѣненіяхъ

общество, о томъ, можно ли имъ, какъ организмамъ, приписывать длину, ширину и высоту. Въ главѣ о «воспроизведеніи» идетъ между прочимъ, рѣчь о половомъ размноженіи обществъ, объ обществахъ—мужчинахъ и обществахъ—женщинахъ. На 121 стр. доказывается, что у общества есть сердце, а именно биржа и т. д. Все это убѣждаетъ насъ, что въ книгѣ Вормса мы имѣемъ варіаціи на старую тему, не подвигающія органическую теорію ни впередъ, ни назадъ: такихъ варіацій мы уже слышали много, но ихъ обиліе и разнообразіе, повидимому, не смущаютъ новыхъ «исследователей», спокойно въ своей чередъ начинающихъ все ту же сказку про бѣлаго бычка.

Какъ ни любезно отношеніе г. Ковалевскаго къ книгѣ Вормса, въ общемъ онъ рѣшительно, какъ мы видѣли, отрицаетъ научное значеніе органической теоріи. Онъ находитъ, однако, въ ней «зародышъ истины, но истины, извѣстной уже Мененію Агриппѣ и которую въ научной формѣ можно передать такимъ образомъ: общество не есть сумма разрозненныхъ особей; его психологія, какъ и его экономія, представляетъ нѣчто болѣе сложное, чѣмъ сумма психическихъ состояній частныхъ лицъ или сумма частныхъ хозяйствъ. Сожитіе съ другими вызываетъ одновременно измѣненія и въ нихъ, и въ насъ самихъ, создавая то, что мы называемъ солидарностью. Эта солидарность представляетъ собою связь во всякомъ случаѣ не меньшую, а превышающую ту, какая существуетъ между отдѣльными клеточками организма. Не будь ея, не было бы и постоянства сожитія, не было бы общества и самостоятельной науки объ обществѣ—соціологіи. Последняя, такимъ образомъ, въ моихъ глазахъ сводится къ изученію условій и причинъ человѣческой солидарности. Эти условія представляютъ собою какъ неизмѣнныя, такъ и измѣнныя величины; онѣ могутъ умножаться и сокращаться. Можно указать моменты прогресса и регресса солидарности; можно прослѣдить процессъ постепеннаго ея расширенія съ эпохи, когда объединенные дѣйствительнымъ или мнимымъ родствомъ и общностью культа, роды считали врагами воѣхъ, кто не входилъ въ ихъ составъ, до переживаемой нами нынѣ стадіи, когда объединенныя политическою властью націи считаютъ братьями и союзниками единоплеменниковъ и единовѣрныхъ, и глазамъ многихъ уже рисуется типъ объединеннаго общности культуры человѣчества. Есть поэтому возможность говорить объ эволюціи солидарности, а слѣдовательно и объ эволюціи общества, не будучи ни мало послѣдователемъ органической теоріи государства» (Сборникъ, 4).

Последнее совершенно справедливо: есть возможность говорить объ эволюціи солидарности, не будучи послѣдователемъ органической теоріи. Но это не аргументъ противъ органической теоріи, ибо и ея послѣдователи имѣютъ возможность говорить объ эволюціи солидарности и дѣйствительно говорятъ объ ней. Едва ли г. Ковалевскій въ состояніи будетъ доказать, что солидарность между

членами общества «представляет собою связь во всякомъ случаѣ не меньшую, а превышающую ту, какая существуетъ между отдѣльными клѣточками организма». А если бы онъ это и доказалъ, все же остается то, что онъ называетъ «зародышемъ истины, извѣстной уже Мененію Агриппѣ». Читатель знаетъ этотъ зародышъ истины, хотя бы по пересказу Шекспира въ «Коріоланѣ». Это есть изложеніе органической теоріи въ видѣ отповѣди желудка «бдительному глазу и головѣ подѣ царственнымъ вѣнцомъ, рукѣ—бойцу и языку—герольду, и сердцу вѣщему, ногамъ, носящимъ насъ, и во всемъ другимъ помощникамъ и членамъ». Притча «веселаго старика» Мененія Агриппы успокоила волнующійся противъ сената народъ, убѣдивъ его, что желудокъ, какъ и другіе члены человѣческаго тѣла, безкорыстно служатъ общему дѣлу, и что то же самое и въ человѣческомъ обществѣ происходитъ. Какой же еще нужно солидарности?

Дѣло въ томъ, что, сводя задачу социологіи «къ изученію условій и причинъ человѣческой солидарности», г. Ковалевскій выразился слишкомъ неопредѣленно. Солидарность способна измѣняться не только въ томъ, такъ сказать, прямолинейномъ направленіи, широкую картину котораго г. Ковалевскій нарисовалъ въ нѣсколькихъ строкахъ (отъ теряющихся въ туманѣ прошлаго родовыхъ отношеній до теряющихся въ туманѣ будущаго очертаній объединеннаго человѣчества). Справедливо, что на этомъ пути есть моменты прогресса, остановки и регресса, «условія и причины» которыхъ подлежатъ изученію. Но въ то же время внутри отдѣльныхъ обществъ исторія отмѣчаетъ процессъ обособленія кастъ, сословій, классовъ, партій, вообще разнаго рода социальныхъ группъ, причемъ солидарность членовъ каждой изъ этихъ группъ возрастаетъ, тогда какъ солидарность группъ или убываетъ или, если и возрастаетъ, то принимаетъ совершенно новую форму, новый характеръ. Изъ всего этого слагается такой сложный переплетъ явленій, въ которомъ мудрено разобраться при помощи одного существительнаго «солидарность». Тутъ требуются еще какія то прилагательныя, опредѣляющія не только районъ дѣйствія солидарности, но и различныя ея степени, и различныя ея формы, различные типы солидарности. Г. Ковалевскій, конечно, не хуже насъ это знаетъ, но почему то счелъ нужнымъ остановиться на слишкомъ неопредѣленной формулѣ, изъ которой сдѣлалъ слишкомъ простые и узкіе выводы о задачѣ социологіи. Въ цитируемыхъ имъ трудахъ втораго социологическаго конгресса, равно какъ и въ книгѣ Вормса, мы тоже не находимъ ничего дѣянаго въ смыслѣ уясненія тѣхъ прилагательныхъ, тѣхъ опредѣленій и дополненій, которыхъ требуетъ слово «солидарность». Но Вормсъ неоднократно цитируетъ книгу Дюркгейма «De la division du travail social» (Paris 1893), въ которой мы найдемъ нѣчто въ этомъ отношеніи поучительное.

Книга Дюркгейма интересна во многих отношеніяхъ, въ особенности, если ее сопоставить съ его позднѣйшей работой «Les règles de la méthode sociologique». Но я не буду касаться ни основныхъ философскихъ взглядовъ Дюркгейма, ни его логическихъ приемовъ и остановлюсь только на главномъ предметѣ его первой книги, указаниомъ въ самомъ ея заглавіи: «Общественное раздѣленіе труда».

Дюркгеймъ не думаетъ, чтобы слово «солидарность» представляло собою терминъ достаточно опредѣленный для того, чтобы его можно было пустить въ научный оборотъ безъ дальнѣйшей обработки. Онъ различаетъ два вида общественной солидарности, которые называетъ «механической» и «органической» солидарностью. Первая устанавливается, благодаря сходству людей между собой, вторая—благодаря ихъ различію. Въ первобытныхъ обществахъ преобладаетъ механическая солидарность: сообщественники мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга, объединены тождественными или сходными идеями, чувствами, стремленіями, занятіями, наконецъ и въ физическомъ отношеніи ничѣмъ или почти ничѣмъ между собою не различаются. Все это создаетъ сильное и опредѣленное коллективное или общественное сознаніе (*conscience commune*), въ которомъ личное сознаніе совершенно утопаетъ: человекъ живетъ исключительно общими чувствами, мыслями, дѣлами, среди которыхъ рождается, растетъ и умираетъ. Въ этомъ поглощеніи личности общественномъ нѣтъ ничего принудительнаго или извнѣ навязаннаго. Полная солидарность складывается сама собой на почвѣ отсутствія личныхъ различій. Спенсеръ ошибается, приписывая эту солидарность военному характеру первобытныхъ обществъ и давленію военныхъ деспотическихъ вождей. Напротивъ, выдѣленіе деспотическаго вождя было первое брешь въ первобытной механической солидарности: этотъ вождь, хотя и опиравшійся на общее сознаніе, уже могъ въ известной степени противопоставлять ему свое личное сознаніе, свои личные качества и особенности. Съ теченіемъ времени подобныя бреши образуются въ разныхъ направленіяхъ, и механическая солидарность все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто солидарности органической, основанной на различіи между членами общества и на раздѣленіи между ними труда. Узы общаго или коллективнаго сознанія при этомъ расслабляются, но вмѣстѣ съ тѣмъ люди становятся все болѣе и болѣе необходимы другъ другу, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не выполняетъ всей суммы нужной для ихъ житейскаго обихода работы, и безъ взаимнаго содѣйствія они существовать не могутъ. Возникающая отсюда солидарность, не только не препятствующая проявленію личныхъ особенностей, а напротивъ самымъ тѣснымъ образомъ съ нимъ связанная, рѣзко отличается отъ солидарности механической, которую она постепенно отодвигаетъ на второй планъ. Такъ шла исторія цивилизаціи до

сихъ поръ, такъ, по вѣмъ видимостямъ, предстоитъ ей идти и въ будущемъ.

Первобытную солидарность Дюркгеймъ называетъ механическою по аналогіи съ тою связью, которая существуетъ между частицами неорганизованныхъ тѣлъ, не желая однако этимъ сказать, что она достигается какими нибудь механическими или искусственными средствами. Вообще терминъ «механическая» солидарность имѣетъ для Дюркгейма не столько самостоятельное значеніе, сколько смыслъ противоположности съ «органической» солидарностью. А что касается послѣдней, то по отношенію къ ней Дюркгеймъ пожалуй примыкаетъ къ многочисленнымъ органистамъ, которые тоже владутъ въ главѣ угла своихъ построений раздѣленіе труда. Разница, и разница огромная, состоитъ однако въ томъ, что Дюркгеймъ не то что Рене Вормсъ, а дѣйствительно не гонимся за болѣе или менѣе остроумными аналогіями между органами и функціями организма и органами и функціями общества. Онъ имѣетъ въ виду лишь общую тенденцію соціальнаго развитія по типу развитія органическаго и къ детальнымъ аналогіямъ прибѣгаетъ лишь для нагляднаго поясненія своей мысли.

Это—не единственное достоинство, выгодно выдѣляющее работу Дюркгейма изъ произведеній представителей органической теоріи. Руководимые вѣрно или невѣрно понятой аналогіей съ прогрессивнымъ развитіемъ органической жизни на землѣ, органисты склонны къ слишкомъ оптимистическому взгляду на поступательный ходъ цивилизаціи, и въ большинствѣ случаевъ это для нихъ не результатъ наблюденій, а уже предрѣшенная упомянутой аналогіей, предвзятая мысль. Дюркгеймъ свободенъ отъ этой слабости. Одна изъ главъ его книги называется «*Les progrès de la division du travail et ceux du bonheur*». Здѣсь доказывается, что прогрессъ цивилизаціи отнюдь не ведетъ за собою возрастанія людскаго благополучія. Изъ доказательствъ Дюркгейма остановимся только на одномъ, которое самъ онъ называетъ «болѣе объективнымъ» (269). Онъ разсуждаетъ такъ. Единственный фактъ, экспериментально доказывающій, что жизнь вообще есть благо, состоитъ въ томъ, что огромное большинство людей предпочитаетъ жизнь смерти. А это показываетъ, что въ общемъ жизнь даетъ больше счастья, чѣмъ несчастья. Иначе необъяснима была бы привязанность къ жизни и ея устойчивость. Правда, пессимисты объясняютъ эту устойчивость иллюзіями надежды, но вѣдь и надежда не съ неба свалилась, а возникаетъ, какъ и всякое чувство, опытнымъ путемъ. И тамъ, гдѣ она ослабѣваетъ въ своей ли всеобщности или въ своей энергій, мы должны предположить ослабленіе притягательной силы жизни, потому ли, что увеличиваются причины страданій, или возрастаетъ ихъ сила, или наконецъ уменьшается способность сопротивленія имъ. И въ нашемъ распоряженіи есть объективный и подлежащій измѣренію фактъ, который позволяетъ судить объ этихъ

колебанияхъ въ разныхъ обществахъ. Фактъ этотъ—число самоубійствъ. Въ первобытныхъ обществахъ самоубійства крайне рѣдки и притомъ подлежатъ специальному объясненію. Если у древнихъ датчанъ или кельтовъ старикъ, доживя до извѣстнаго возраста, убивалъ себя, онъ дѣлалъ это въ силу долга освободить сообщественниковъ отъ лишняго рта; если вдова индуса не переживала своего мужа, галлъ не переживалъ начальника клана, фанатикъ индусъ бросался подъ колеса священной колесницы, то во всѣхъ этихъ случаяхъ самоубійство является результатомъ не отчаянія, не отвращенія отъ жизни, а извѣстныхъ нравственныхъ и религіозныхъ требованій. Настоящія же самоубійства тѣмъ распространяеиѣе, чѣмъ общества цивилизованнѣе. Такъ на континентѣ Европы они наиболѣе часты во Франціи и Германіи и рѣже встрѣчаются въ Испаніи, Португаліи, Россіи и у южно-славянскихъ народовъ; въ наиболѣе цивилизованныхъ классахъ чаще, чѣмъ въ менѣе цивилизованныхъ; въ городахъ чаще, чѣмъ въ деревняхъ; среди мужчинъ чаще, чѣмъ среди женщинъ. Въ общемъ же число самоубійствъ въ Европѣ, за исключеніемъ Норвегіи, по расчету Эттингена, съ 1821 по 1880 г. утроилось.

Дюркгеймъ развиваетъ эту тему еще во многихъ другихъ подробностяхъ, чѣмъ и свидѣтельствуетъ, что онъ не принадлежитъ къ числу безусловныхъ хвалителей нашей цивилизаціи, основанной, по его мнѣнію, на раздѣленіи труда. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ приходитъ къ слѣдующему неожиданному выводу, который я приведу полностью его собственными словами:

«Значитъ ли это, что эти печальные результаты слѣдуетъ поставить на счетъ самому прогрессу и составляющему его условію раздѣленію труда? Такое мрачное заключеніе не необходимо вытекаетъ изъ изложенныхъ фактовъ. Очень вѣроятно напротивъ, что эти два ряда фактовъ просто сопутствуютъ другъ другу. Но это сопутствіе свидѣтельствуетъ, что прогрессъ не очень сильно увеличиваетъ наше счастье, потому что послѣднее убываетъ, и въ очень значительной пропорціи, въ тотъ именно моментъ, когда раздѣленіе труда развивается съ особенною энергіей и быстротой. Если нѣтъ резона думать, что оно, дѣйствительно, уменьшило нашу способность наслаждаться, то еще менѣе возможно признать, что оно ее значительно усилило. Въ концѣ концовъ, все выше сказанное есть лишь частное приложеніе тѣй общей истины, что наслажденіе, какъ и страданіе, — относительны. Нѣтъ абсолютнаго, объективно опредѣляемаго счастья, къ которому люди приближались бы, прогрессируя. Но, какъ, по словамъ Паскаля, счастье мужчины не то, что счастье женщины, такъ и счастье низшихъ обществъ отличается отъ нашего. Однако, одно не выше другого. Измѣрять относительную интенсивность счастья можно лишь силою, съ которою оно привязываетъ насъ къ жизни вообще, къ нашему образу жизни въ частности. Но первобытные народы точно такъ же доро-

жать своимъ существованіемъ, какъ мы своимъ, или даже труднѣе насъ отъ него отказываются. Нѣтъ, слѣдовательно, никакого отношенія (ausun garrot) между измѣненіями частія и прогрессомъ раздѣленія труда» (274—275).

Какъ уже сказано, я многого не коснусь въ книгѣ Дюркгейма: ни, напримѣръ, его общихъ взглядовъ на предѣлы и задачи научнаго изслѣдованія, ни того оригинальнаго приѣма, при помощи котораго онъ иллюстрируетъ взаимное отношеніе механической и органической солидарности значеніемъ уголовного и гражданскаго права на разныхъ ступеняхъ общественнаго развитія, и т. д. Если бы мы разбирали всю книгу Дюркгейма во всѣхъ ея подробностяхъ, мы нашли бы въ ней много цѣннаго, но много и страннаго. Однако и въ отведенныхъ себѣ границахъ мы нашли уже кое что цѣнное, а кое что и странное. Въ самомъ дѣлѣ, вчитайтесь внимательно въ только что приведенную страницу. Окончательный выводъ, выраженный въ столь рѣшительной формѣ, совсѣмъ не вяжется съ предыдущимъ и просто виситъ на воздухѣ. Это станетъ еще очевиднѣе, если мы обратимъ вниманіе на нѣсколько строкъ, которыя я нарочно приберегалъ для сей минуты. Сравнивая жизнь первобытныхъ людей и нашу, Дюркгеймъ, между прочимъ, пишетъ: «Внося въ жизнь большую подвижность, цивилизація вноситъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ нее и большее однообразіе; ибо она именно обрѣкаетъ человѣка на постоянную монотонную работу. Дикарь переходитъ отъ одного занятія къ другому, смотря по обстоятельствамъ и нуждѣ; цивилизованный человѣкъ весь отдается одной задачѣ, представляющей тѣмъ менѣе разнообразія, чѣмъ она уже. Организація необходимо требуетъ абсолютной правильности привычекъ, потому что измѣненіе въ отпращиваніи какого нибудь органа не можетъ не отразиться на всемъ организмѣ. Съ этой стороны наша жизнь даетъ меньше мѣста неожиданностямъ, въ тоже время, какъ, своею большею неустойчивостью, она отнимаетъ у наслажденія часть необходимой для него увѣренности» (265—266).

Если это справедливо, то, спрашивается, какъ же можно утверждать, что между «измѣненіями частія и прогрессомъ раздѣленія труда нѣтъ никакого отношенія»? Но и независимо отъ этого, обратите вниманіе на до странности быстрые скачки Дюркгейма отъ колебанія и сомнѣнія къ полной увѣренности. Найдя въ количествѣ самоубійствъ, какъ онъ самъ говоритъ, объективное мѣрило благополучія и придя къ нѣкоторымъ «печальнымъ результатамъ», онъ задаетъ себѣ вопросъ,—находятся ли они въ связи съ самимъ прогрессомъ и составляющимъ его условіе раздѣленіемъ труда?—и находитъ, что утвердительный отвѣтъ «не необходимо вытекаетъ изъ изложенныхъ фактовъ». Значитъ, можетъ быть и вытекаетъ, а можетъ быть и нѣтъ. Но немедленно же мы узнаемъ, что «очень вѣроятно» простое «сопутствованіе» (consomitanee) этихъ двухъ рядовъ фактовъ. Вѣроятность эта не подтверждается ни единымъ

соображеніемъ, мы не получаемъ даже никакого объясненія—что это за «простое сопутствованіе», имѣющее всѣ признаки причинной связи, но не составляющее таковой. И затѣмъ авторъ, переходя къ вопросу объ измѣненіяхъ счастья (*variations du bonheur*), уже съ рѣшительностью объявляетъ, что между этими измѣненіями и прогрессомъ раздѣленія труда нѣтъ никакого отношенія. Здѣсь мы имѣемъ не только ничѣмъ не оправданный скачокъ мысли, но и подмѣиз одного вопроса другимъ. Пусть счастье дикаря и наше, рѣзко различаясь по своему характеру, могутъ быть совершенно равноцѣнны по своей напряженности: счастливый дикарь по своему такъ же счастливъ, такъ же удовлетворенъ, какъ по своему удовлетворенъ счастливый цивилизованный человѣкъ. Но количество самоубійствъ введено въ наше разсужденіе не затѣмъ, чтобы подтвердить или опровергнуть эту истину: оно свидѣтельствуетъ, что цивилизованные люди именно *по своему* менѣе счастливы, чѣмъ дикари по своему. Надлежало, слѣдовательно, такъ или иначе обсудить фактъ возрастанія количества самоубійствъ совершенно независимо отъ измѣненій напряженности счастья. Но отъ этого то обсужденія Дюркгеймъ и отступаетъ въ послѣднюю минуту.

Въ интересной работѣ Дюркгейма можно найти не мало дѣйствительныхъ или кажущихся противорѣчій, зависящихъ, какъ сейчасъ увидимъ, именно отъ того, что онъ въ извѣстный моментъ отступаетъ отъ логическаго вывода изъ его собственной исходной точки.

Одно изъ его общихъ положеній состоитъ въ томъ, что въ первобытномъ обществѣ, которое характеризуется имъ, какъ «орда» личное сознаніе совершенно поглощено общимъ сознаніемъ и, можно сказать, просто отсутствуетъ: у членовъ общества, объединеннаго механическою солидарностью, нѣтъ своихъ личныхъ чувствъ, мнѣній, желаній. Но вотъ автору нужно доказать, что органическая солидарность устойчивѣе нежели механическая, и онъ приводитъ, по Спенсеру, Фюстель де-Куланжу, Вайтцу, такого рода факты: «въ древности, какъ ни необходимо было для человѣка присоединиться къ какой нибудь группѣ, онъ не обязывался оставаться въ ея составѣ. Калмыки и монголы покидаютъ своихъ вождей, когда находятъ ихъ власть притѣснительною, и переходятъ къ другимъ. Абигоны покидаютъ своего вождя, не спрашивая его позволенія и не вызывая его неудовольствія, и удаляются съ своимъ семействомъ куда имъ угодно». У древнихъ германцевъ «соціальная связь была слишкомъ слаба, чтобы воздерживать людей отъ искушеній бродячей жизни и добычи». «Вайтцъ говоритъ вообще, что даже тамъ, гдѣ сложилась управляющая власть, каждый индивидъ сохраняетъ достаточно независимости, чтобы мгновенно отдѣлиться отъ вождя и возстать противъ него, если онъ для это достаточно силенъ». И т. п. Эта независимость личности при поглощеніи ея общимъ сознаніемъ—остается не разъясненною.

Другой примѣръ. Заходить рѣчь о значеніи раздѣленія труда и

специализации въ научныхъ сферахъ. Дюркгеймъ осмысляетъ на де-Кандоля, который говоритъ, что въ эпоху Лейбница и Ньютона для обозначенія занятій ученаго требовалось обыкновенно двойное или тройное указаніе: астрономъ и физикъ, математикъ, физикъ и астрономъ, или же употреблять общія выраженія: натуралистъ, философъ. Кроме того математики или астрономы бывали въ тоже время историками, поэтами. Еще въ концѣ прошлаго вѣка подобныя общія или многостороннія обозначенія были необходимы для такихъ людей, Вольфъ, Галевн, Шарль Бонне. Въ XIX вѣкѣ мы этого уже не встрѣчаемъ или же встрѣчаемъ крайне рѣдко. Отдѣльные ученые не только не обнимаютъ нѣсколькихъ отраслей знанія, но и свою то отрасль эксплуатируютъ обыкновенно не всю, а часто сосредоточиваются даже на одной какой-нибудь задачѣ. Кроме того, профессія ученаго прежде часто соединялась съ профессіей врача, священника, чиновника, война, а теперь этого уже нѣтъ, и де-Кандоль предвидитъ даже въ ближайшемъ будущемъ окончательное раздѣленіе профессій ученаго и профессора (стр. 3).

Таковы факты, имѣющіе, повидимому, тенденцію и въ будущемъ развиваться въ томъ же направленіи дальнѣйшей специализации. Но, какъ справедливо говорить въ одномъ мѣотѣ Дюркгеймъ, изъ того, что извѣстные факты существуютъ, еще не слѣдуетъ, что они желательны. Это вопросъ особый. И вотъ какъ его Дюркгеймъ разрѣшаетъ: «Было время, когда совершеннымъ человѣкомъ казался намъ такой, который умѣетъ интересоваться всѣмъ, не отдавая ни чему исключительно, который способенъ все испытать, все понять и соединить въ себѣ все, что есть лучшаго въ цивилизации. Нынѣ это производить на насъ уже только впечатлѣніе расплывчатости и разнужданности. Чтобы бороться съ природой, нынѣ нужны способности болѣе опредѣленныя, энергія болѣе производительная. Мы хотимъ, чтобы дѣятельность, не растекаясь по широкой поверхности, сосредоточивалась и выигрывала въ глубинѣ то, что она теряетъ въ широтѣ. Мы сторонимся отъ этихъ слишкомъ подвижныхъ талантовъ, которые, отдаваясь разнообразнымъ функциямъ, отказываются избрать спеціальную роль и держаться ея». И т. д. (39).

На нашихъ, можно сказать, глазахъ Дарвинъ, Гельмгольцъ, Спенсеръ и проч., обнимаютъ своимъ умственнымъ окомъ весьма разнообразныя отрасли знанія, Вирховъ, будучи первокласснымъ ученымъ, играетъ видную общественную роль, зоологъ Поль Беръ и химикъ Бертело состоятъ министрами и т. д. Все это нѣсколько ограничиваетъ фактическую часть разсужденія Дюркгейма, особенно если принять въ соображеніе нѣкоторыя обобщающія теченія въ самой наукѣ, каковы теорія трансформизма въ біологіи, единства силъ въ физикѣ или такія спеціальныя открытія, какъ спектральный анализъ. Но пойдѣмъ далѣе за Дюркгеймомъ. На стр. 368 читаемъ: «Мы часто видимъ, что работникъ мѣняетъ свою профессію на сосѣднюю. Когда научная дѣятельность не была специали-

зирована, ученый, обнимавший почти всю науку, не могъ измѣнить свою профессію, потому что въ такомъ случаѣ ему пришлось бы отказаться отъ науки совсѣмъ. Теперь же часто случается, что онъ посвящаетъ себя послѣдовательно разнымъ наукамъ, переходитъ отъ химіи къ биологіи, отъ физиологіи къ психологіи, отъ психологіи къ социологіи». А еще далѣе, на стр. 399, находимъ такую оцѣнку специализаціи научной дѣятельности: «До сравнительно недавняго времени наука, не будучи очень раздѣлена, могла быть почти вся разрабатываема однимъ и тѣмъ же умомъ. Поэтому живо чувствовалось ея единство. Составляющія ее частныя истины не были ни столь многочисленны, ни столь равнородны, чтобы не чувствовалась ихъ связь. Методы, будучи очень общими, мало между собою отличались, и можно было видѣть тотъ единый корень, изъ котораго они разрастались. Но по мѣрѣ того, какъ специализація выдвинулась въ научную работу, каждый ученый все болѣе и болѣе замыкался не только въ отдѣльную науку, но и въ специальный кругъ задачъ. Уже О. Контъ жаловался.. (слѣдуетъ цитата изъ Cours de philosophie positive) ...Наука, раздробленная на множество частныхъ изученій, перестаетъ быть единымъ солидарнымъ цѣлымъ. Это отсутствіе солидарности и единства наилучше выражается столь распространенною теоріею, въ силу которой каждая отдѣльная наука имѣетъ свою безусловную цѣнность и ученый долженъ отдаться специальному изслѣдованію, не заботясь объ томъ, чему оно служить. Это раздѣленіе умственного труда, говоритъ Шеффле, заставляетъ серьезно опасаться, что новый александризмъ еще разъ приведетъ къ гибели всей науки».

Чтобы разобраться во всѣхъ этихъ, отчасти дѣйствительныхъ, отчасти кажущихся, противорѣчійхъ и во всякомъ случаѣ неясностяхъ, слѣдуетъ обратиться къ исходной точкѣ Дюркгейма. Она та же, что и у всѣхъ органистовъ. Подобно всѣмъ имъ, онъ настаиваетъ на гораздо болѣе широкомъ значеніи раздѣленія труда, чѣмъ какое ему придано было экономистами, и хотя мимоходомъ, но все таки упоминаетъ Вольфа, Бера и Мильнъ-Эдвардса, со времени которыхъ раздѣленіе труда оказывается применимымъ къ жизни, какъ обществу, такъ и организмъ. Но, какъ уже сказано, Дюркгеймъ не ищетъ подробныхъ параллелей и аналогій между обществомъ и организмомъ, а имѣетъ въ виду лишь общее теченіе исторіи общества по типу органическаго развитія. Онъ избѣгаетъ такимъ образомъ той двусмысленной и совершенно произвольной опредѣленности, съ какою Спенсеръ, Лиенфельдъ, Воррисъ и проч. развиваютъ свои положенія, каждый на свой ладъ. Далѣе, простое изученіе хода историческаго развитія не удовлетворяетъ Дюркгейма. Строго различая теоретическія и практическія задачи и полагая, что изученіе дѣйствительности должно предшествовать выработкѣ правилъ поведенія по отношенію къ этой дѣйствительности, Дюркгеймъ говоритъ однако: «мы считали бы наше изслѣдованіе не стоящимъ

и одного часа работы, еслибы оно имѣло только умозрительный интересъ» (Préface, III). И далѣе: «изъ того, что нѣчто неизбежно, еще не слѣдуетъ, что оно нравственно» (Introduction, 9). Такимъ образомъ, къ чему бы его ни привело фактическое изученіе дѣйствительности, онъ считаетъ себя вправѣ противопоставить ей свое нравственное сознание и оцѣнить ее не только объективно, какъ рядъ причинно связанныхъ фактовъ, но и субъективно, во имя извѣстныхъ нравственно-политическихъ принциповъ. И такъ какъ предисловіе или введеніе есть, собственно говоря, послѣсловіе, то мы и находимъ во введеніи прямую постановку вопроса объ этихъ принципахъ. Упомянувъ о работахъ Вольфа, Бера и Мильнъ-Эдвардса, Дюркгеймъ говоритъ, что если, благодаря этимъ работамъ, законъ раздѣленія труда оказывается царящимъ, какъ въ общественной, такъ и въ органической жизни, то передъ нами стоитъ дилемма,—«отдаваться ли этому теченію или противодействовать ему? котораго изъ этихъ направленій слѣдуетъ желать? Должны ли мы стремиться стать законченнымъ и полнымъ существомъ, себѣ довольствующимъ цѣлымъ, или напротивъ того быть только частью цѣлаго, органомъ организма? Словомъ, есть ли раздѣленіе труда не только законъ природы, но и правило нашего поведенія, и если да, то по какой причинѣ и въ какой мѣрѣ?» (4).

Такая постановка вопроса отнюдь не свойственна, по крайней мѣрѣ, большинству органистовъ: обыкновенно они объ немъ не задумываются, просто не задаютъ его себѣ. Не видно однако, почему онъ возникаетъ у Дюркгейма. Онъ у него ничѣмъ не оправданъ, и за этой неоправданностью кроется опять нѣчто общее всѣмъ органистамъ. Съ работами Вольфа, Бера и Мильнъ-Эдвардса Дюркгеймъ справедливо связываетъ ту истину, что «организмъ занимаетъ тѣмъ высшее мѣсто на зоологической лѣстницѣ, чѣмъ болѣе специализованы его функціи». Но онъ слишкомъ ужъ бѣгло напоминаетъ эту истину, не останавливаясь на ней въ цитированномъ мѣстѣ и не возвращаясь къ ней на всемъ протяженіи книги. А между тѣмъ только она, надлежащимъ образомъ развитая, и можетъ оправдать поставленный имъ вопросъ. Работами упомянутыхъ ученыхъ установленъ законъ такъ называемаго физиологическаго раздѣленія труда, въ силу котораго организмъ прогрессируетъ, переходя отъ простаго къ сложному, становясь въ болѣе многостороннія отношенія къ окружающему міру. Обратный процессъ есть явленіе регрессивное, а такъ какъ организмъ, приближаясь къ состоянію органа, не специализируя своихъ функцій, а самъ специализируясь, утрачиваетъ свою многосторонность, то общественное раздѣленіе труда не только не составляетъ какъ бы продолженія раздѣленія труда физиологическаго, какъ принимаютъ всѣ органисты, но напротивъ эти два процесса прямо антагонистичны. Этотъ столь очевидный антагонизмъ не обращаетъ на себя вниманія органистовъ, соблазняемыхъ тождествомъ словъ: раздѣленіе труда—въ двухъ различныхъ сферахъ. Ускользаетъ

онъ и отъ вниманія Дюркгейма, хотя помимо этого антагонизма виситъ на воздухѣ дилемма Дюркгейма: быть-ли многостороннимъ, полнымъ, себѣ довлѣющимъ цѣлымъ или напротивъ одностороннимъ органомъ организма?

Какъ бы то ни было, дилемма поставлена. Мы уже отчасти видѣли, какъ ее рѣшаетъ Дюркгеймъ: дальнѣйшее теченіе исторіи по типу органическаго развитія, то есть дальнѣйшее общественное раздѣленіе труда, во первыхъ, неизбежно, во вторыхъ, и желательно и принципъ этотъ долженъ лечь въ основаніи современныхъ нравственно-политическихъ доктринъ, ибо раздѣленіе труда обуславливаетъ собою солидарность членовъ общества. Развитію и доказательству этихъ положеній и посвящена книга. Но при этомъ первый моментъ дилеммы—«быть-ли законченнымъ и полнымъ существомъ, себѣ довлѣющимъ цѣлымъ»—какъ то проходитъ сквозь пальцы. Лишь невѣдка и мимоходомъ замѣчаетъ Дюркгеймъ, что въ этомъ идеалѣ есть нѣчто анти-соціальное, противное принципу солидарности и потому даже безнравственное. Конечно, такой оцѣнкѣ способствуетъ уже самая формулировка отрицаемаго авторомъ идеала: «себѣ довлѣющее цѣлое» звучитъ дѣйствительно анти-социально. Но тотъ же идеалъ можетъ быть формулированъ совершенно иначе. Въ составъ «законченнаго и полнаго существованія» можетъ входить сочувственное страданіе за всѣхъ страдающихъ и обязательное отношеніе къ другимъ, какъ къ «себѣ довлѣющимъ цѣлымъ», имѣющимъ право на всѣ радости жизни. И это уже не будетъ противорѣчить принципу солидарности. Да и самъ Дюркгеймъ не признаетъ раздѣленіе труда единственнымъ источникомъ солидарности: кромѣ органической солидарности, основанной на раздѣленіи труда и на различіяхъ между людьми, онъ знаетъ еще механическую солидарность, основанную на сходствѣ между людьми. И эта солидарность, какъ доказываетъ относительно первобытныхъ обществъ Дюркгеймъ даже съ нѣкоторою горячностью, напримѣръ, на стр. 215, въ качествѣ нравственнаго мотива, ничуть ни слабѣе солидарности органической. Но дѣло въ томъ, что солидарность, которую Дюркгейму угодно называть механическою, свойственна отнюдь не только первобытнымъ обществамъ. Онъ и самъ отчасти признаетъ это, хотя и утверждаетъ, что органическая солидарность постепенно отодвигаетъ механическую на задній планъ. Мы къ этому еще вернемся.

Ник. Михайловскій.

Хроника внутренней жизни.

Городскія дѣла. Больничная эпопея.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ многіе наши города испытали, по общепринятому газетному выраженію, выборную горячку. Для остающихся эта своеобразная болѣзнь есть еще дѣло будущаго, для нѣкоторыхъ она получила характеръ возвратный, въ виду касировація состоявшихся выборовъ губернскими присутствіями по тѣмъ или инымъ основаніямъ. Газеты отмѣтили при этомъ не мало общихъ въ цѣломъ рядѣ городовъ черты избирательнаго момента, черты, въ которыхъ съ очевидностью сказались органическіе недостатки нашего городского самоуправления. Не всѣ эти черты привлекаютъ наше ближайшее вниманіе. Указывалось, напримѣръ, на крайній индифферентизмъ избирателей къ своимъ правамъ, на сосредоточеніе самихъ этихъ правъ въ рукахъ незначительной части городского населенія, на преобладающую роль торговопромышленнаго класса,—все явленія или обусловливающіяся самимъ строемъ нашего городского самоуправления или производныя отъ этой общей причины. Надболѣе же характернымъ для даннаго момента можно считать то стремленіе къ обновленію стараго состава, думъ, которое обнаружилось рѣзко и почти повсемѣстно, вызывая въ отдѣльныхъ городахъ оживленную предвыборную агитацію, ожесточенную борьбу партій, медленный, съ трудомъ подвигающійся и исполненный разными неожиданностями ходъ выборовъ. Какъ выразилось упомянутое движеніе, какихъ результатовъ оно достигло, объ этомъ мы скажемъ ниже, пока же остановимся на разсмотрѣніи вопроса о томъ, чѣмъ оно было вызвано.

Стремленіе «смѣстить» старыя думы или руководящую часть его, очевидно, было результатомъ сознанія въ извѣстной группѣ избирателей крайней неудовлетворительности въ ходѣ городского хозяйства. Это сознаніе окрѣпло въ предвыборной агитаціи, питаясь общимъ недовольствомъ и газетными разоблаченіями, и съ большей или меньшей силой обрушилось въ моментъ выборовъ на группу лицъ, стоявшихъ у кормила городского правленія въ послѣднее четырехлѣтіе 1892—96 года. Это четырехлѣтіе было опытомъ примѣненія новаго городского положенія 1892 года, съ его избирательной системою, опирающеюся на имущественный цензъ, предоставляющею полное преобладаніе крупнымъ домовладѣльцамъ и представителямъ торгово-промышленнаго капитала. Казалось-бы, что эти представители практической экономіи и хозяйствованія должны были привести и хозяйство города въ столь бла-

сташее положеніе, которое отвѣчало бы ихъ пріобрѣтательскимъ талантамъ и практической опытности. Нѣкоторыя газеты и до сихъ поръ не могутъ отрѣшиться отъ этой наивной презумпціи. Такъ, фельето-нистъ «Южнаго Края», «Престарѣлый Библиографъ», и понижъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «интеллигенты» упускаютъ изъ виду значеніе хозяйственнаго опыта и хозяйственной сноровки, которыхъ у купцовъ ужъ во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ у чиновниковъ, профессоровъ и людей свободныхъ профессій. Купцы знаютъ счетъ деньгамъ, привыкли ворочать большими суммами и, вообще, рѣдко бываютъ дурными хозяевами, а, вѣдь, тотъ кто хорошо ведетъ свое хозяйство, можетъ здраво судить и о городскомъ хозяйствѣ, если только вникнетъ въ него и захочетъ быть ему полезнымъ». (№ 5575).

Очевидно, «Престарѣлому Библиографу» его лѣта и спеціальныя занятія не позволили съ достаточнымъ вниманіемъ отнестись къ фактамъ текущей дѣйствительности. Эти факты на лицо: въ нихъ не только нѣтъ недостатка, но мы испытываемъ опасеніе быть подавленными ихъ обиліемъ. Начнемъ съ того-же Харькова, хозяева котораго дали «Южному Краю» поводъ къ его указаніямъ на хозяйственную сметку и сноровку купцовъ-градоправителей. Вотъ что намъ пишетъ корреспондентъ «Новаго Времени» о результатахъ дѣятельности харьковской думы: «Преобладаніе въ городскихъ думахъ торгово-промышленнаго класса для большинства городовъ сопровождалось и сильнымъ увеличеніемъ задолженности. Харьковъ не избѣжалъ той-же участи: 85% гласныхъ думы принадлежатъ къ торговому классу, а задолженность города возросла настолько, что внушаетъ серьезныя опасенія. Прежнія думы, въ періодъ двадцатидвухлѣтняго хозяйничанья, сдѣлали догровъ на 1,150.000 руб. Думѣ истекающаго четырехлѣтія былъ разрѣшенъ заемъ на 1.700.000 руб., да продано ею городской земли на сумму около 300.000 руб., итого два милліона руб. За четыре года долги увеличились на 850.000 руб. Но это далеко еще не все: занятыя деньги израсходованы, а городское хозяйство находится въ такомъ состояніи, что безъ новыхъ займовъ обойтись нельзя. Постройка скотобоенъ и больницы не окончена. Въ виду предстоящихъ новыхъ большихъ затратъ, дума постановила ходатайствовать о разрѣшеніи новаго облигаціоннаго займа въ 1.300.000 руб. Еще ранѣе было ходатайство думы о разрѣшеніи употребить деньги (145 тыс.), занятыя для устройства ломбарда, на другія надобности. Общій итогъ всѣхъ займовъ за четыре года 3.445.000 руб. Обязательная уплата процентовъ и погашенія по этимъ займамъ будетъ продолжаться пятьдесятъ четыре года (190 тыс. въ годъ) и ляжетъ тяжелымъ бременемъ на городъ, тѣмъ болѣе, что главнѣйшій источникъ дохода—базарь, отданъ въ руки торговцевъ» (№ 7541). И такъ, до сихъ поръ въ городской дѣятельности харьковскаго купечества мы видимъ лишь одну зна-

кому споровку,—какъ можно больше и чаще прибѣгать къ кредиту. Но вѣдь надо сознаться, что это искусство хитрое и одно изъ наиболѣе легко усвояемыхъ. Однако, будемъ безпристрастны. «Южный Край» оспариваетъ приведенныя «Новымъ Временемъ» цифры и говоритъ: «здесь насчитывается общій итогъ всѣхъ займовъ за 4 года 3.445,000 руб.! Эту сумму корреспондентъ получаетъ такъ: долгосрочный, реализованный въ 1895 г., заемъ 1.700,000 руб., продажа городской земли на 300,000, новый облигаціонный заемъ 1.300,000 и ходатайство думы о разрѣшеніи употребить 145,000 руб., занятыя для комбарда, на другія надобности—итого 3.445,000 руб. Эти чудовищныя цифры были перепечатаны другими газетами. А извѣстно, что на самомъ дѣлѣ изъ 1.700,000 руб. облигаціоннаго займа покрыты прежніе долги города въ суммѣ до 1.300,000, что полученные за продажу земли 300,000 образуютъ городскою запасный капиталъ, а новый заемъ въ 1.300,000 существуетъ только въ проектѣ». (Ю. Кр. № 5574). Допустимъ, что все это такъ. Но фактъ необходимости прибѣгнуть къ новому займу не заставляетъ ли съ сомнѣніемъ отнестись къ цѣлости запаснаго капитала? Уплата-же прежнихъ долговъ въ суммѣ 1.300,000 руб. терять въ нашихъ глазахъ всякую цѣнность, если непосредственно вслѣдъ за тѣмъ оказалось необходимымъ сдѣлать новый заемъ ровно на ту-же сумму. Слѣдовательно, заемъ въ 1.700,000 послужилъ лишь затѣмъ, что-бы, уплативъ одни долги, думать о другихъ.

Что подобная споровка, которую обнаружили на этотъ разъ харьковскіе заправилы, является не только не единственнымъ, но довольно обычнымъ приѣмомъ въ веденіи финансового хозяйства купеческихъ думъ, блестящимъ подтвержденіемъ служатъ итоги городскихъ финансовъ *Н.-Новгорода*. По докладу комиссіи, разсматривавшей приходо-расходную роспись на 1897 годъ, долгъ всѣхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи города простирался къ 1896 г. до 983,000 руб., а къ смѣтному году сумма всей задолженности города выразилась свыше 1 мил. руб. Такая крупная сумма долга образовалась по мнѣнію комиссіи по тремъ причинамъ: «во 1-хъ, городомъ былъ сдѣланъ въ 1895 г. 5% облигаціонный заемъ въ 650,000 руб., во 2-хъ, при исполненіи росписей и постановленій думы, городская управа не придерживалась существующихъ на этотъ предметъ требованій Городоваго Положенія, и, въ 3-хъ, у городского общественнаго управленія, при настоящемъ положеніи веденія городского хозяйства, не имѣется необходимыхъ средствъ на удовлетвореніе все болѣе и болѣе развивающихся потребностей городского благоустройства». (Ниж. Лист. № 85).

А вотъ какими чертами рисуется корреспондентъ «Нов. Врем.» положеніе дѣлъ въ *Талантѣ*: «63% отживающаго состава гласныхъ думы принадлежать торговому сословію. Эти 63% составляли характерную группу думскихъ статистовъ, а верховодить город-

скимъ хозяйствомъ небольшая кучка дѣятелей. Полное отсутствіе какой-бы то ни было системы въ городскомъ хозяйствѣ, случайно-сти въ начинаніяхъ и мѣропріятіяхъ, погона за наружнымъ блескомъ при полномъ равнодушіи къ нуждамъ существующимъ — такова общая характеристика думской дѣятельности истекающаго чотырехлѣтія. Насущные вопросы ждутъ своей очереди годами. Экономическое положеніе города падаетъ. Доходы сокращаются, новыхъ источниковъ дохода не отыскивается, теряются одинъ за другимъ старыя. Обложеніе въ пользу города достигло высшаго предѣла. Статьи расхода распределяются далеко не въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями; содержаніе муниципальной машины обходится чрезмѣрно дорого, множество непроизводительныхъ расходовъ обременяютъ бюджетъ. Городское имущество въ залогѣ. Основаніе всякаго общественнаго хозяйства — статистика — не признается таганрогскими муниципалами вовсе. Сгруппировавъ вмѣстѣ все это, получимъ болѣе или менѣе полную картину городского устройства въ Таганрогѣ».

Не будемъ умножать примѣровъ, характеризующихъ хозяйственные успѣхи городскихъ управленій, руководимыхъ избранниками нашего торгово-промышленнаго класса. Оказывается, что умѣнье вести собственное хозяйство не всегда совпадаетъ съ умѣньемъ вести хозяйство общественное, и, — что всего прискорбнѣе, — весьма смѣлые приемы веденія частныхъ дѣлъ нерѣдко переносятся въ хозяйство городское, но не къ общественной выгодѣ.

Каковы-же результаты, достигнутые при той или иной системѣ финансоваго хозяйства городскими управленіями въ дѣлѣ благоустройства и санитаріи городовъ? Оставимъ на этотъ разъ злополучный Харьковъ, всѣ язвы городскихъ порядковъ котораго раскрыты въ обличеніяхъ думской оппозиціи; хотя онъ съ его незамощенными окранными, недостаткомъ воды, больницы, школы, богадѣлень, загрязненными и зловонными рѣками въ самомъ центрѣ города, берега которыхъ самимъ городскимъ управленіемъ обращены въ мѣста свалки навоза и палыхъ животныхъ, полнымъ пренебреженіемъ къ интересамъ болѣе многочисленной части населенія, — могъ бы служить яркимъ примѣромъ общественнаго неустройства. Вотъ передъ нами картина городскихъ порядковъ Чернигова, нарисованная корреспондентомъ газ. «Жизнь и Искусство». «Улицы грязны и пыльны. Тротуары существуютъ только въ центральныхъ частяхъ. Ни лекцій общественныхъ, ни чтеній народныхъ нѣтъ и въ поминѣ. Нѣтъ ни одной сколько-нибудь порядочной библіотеки. Городъ не имѣетъ даже приличнаго театральнаго зданія; его роль исполняетъ какой-то выкрашенный въ сѣрую краску, деревянный сарай, довольно сомнительной при этомъ крѣпости. Общественная безопасность хромаетъ на обѣ ноги. Одно время здѣсь не только среди бѣлаго дня похищали кипящіе самовары, но стягивали при блескѣ электрическаго свѣта въ центрѣ города съ гуляющихъ дамъ

дорогія ротонды, а недавно обокрали самымъ безцеремоннымъ образомъ судебного слѣдователя В—а. А вотъ образчикъ того, какъ обстоятъ здѣсь дѣла по народному здравію. Теперь, наприимѣръ, въ городѣ свирѣпствуетъ пятнистый (сыпной) тифъ. Заболѣваемость среди населенія довольно значительная. Почти ежедневно приходится узнавать о новыхъ жертвахъ тяжелаго недуга. Больнымъ, принадлежащимъ, главнымъ образомъ, къ бѣдному, трудящемуся классу мѣстнаго населенія, необходимо, конечно, радикальное больничное пользованіе, уходъ и полное разъединеніе съ здоровыми членами семьи. Но у города, какъ оказывается, нѣтъ необходимой больницы, да и нѣтъ, повидимому, и желанія придти на помощь своимъ страждущимъ обывателямъ, нѣтъ желанія устроить хотя на время эпидеміи лѣчебницу для заразныхъ больныхъ (Ниж. Лист. № 78).

Не лучше оказалось положеніе вещей и въ столицѣ Юга, *Одессѣ*, разъ только выборная агитація привлекла серьезное вниманіе къ ея городскимъ порядкамъ. Канализація, ассенизація, водопроводъ и прочія блага выпадаютъ на долю только нѣсколькихъ центральныхъ улицъ города; итальянская опера, электрическое освѣщеніе и садовыя украшенія отвѣчаютъ потребностямъ и удобствамъ относительно меньшей и болѣе состоятельной части населенія. А рядомъ съ этимъ совершенно заброшенныя предмѣстья, гдѣ ютятся голъ и нищета, гдѣ живетъ почти все рабочее населеніе города, представляютъ источникъ всякихъ заразительныхъ и инфекціонныхъ болѣзней и нуждаются въ оздоровленіи. Впрочемъ, очаговъ заразы не мало и въ самомъ городѣ въ лицѣ цѣлага ряда притоновъ, ночлежныхъ пріютовъ и харчевенъ, гдѣ нѣтъ ни воздуха, ни свѣта, гдѣ царствуетъ отвратительная нечистоплотность и всевозможные пороки. Народныя школы продолжаютъ помѣщаться въ невозможныхъ антисанитарныхъ и антигигиеническихъ зданіяхъ, законтрагованныхъ въ угоду бывшихъ и настоящихъ членовъ управы». Такъ пишетъ корреспондентъ мѣстной газеты («Одес. Новости» № 3932). А въ столичной прессѣ эти разоблаченія принимаютъ уже характеръ прямо инкриминирующій.

Въ «Новое Время» изъ Одессы писали: «еще три года всего тому назадъ все какъ будто обстояло благополучно, все было шитокрыто и на поверхности общественной жизни не выплывало ни одного грѣшка, ни одного управскаго промаха, какъ будто все шло какъ нельзя лучше. На скотобойняхъ, между тѣмъ, благополучно крали, въ театрѣ городское имущество продавали, въ сиротскомъ домѣ драли, въ благотворительныхъ учрежденіяхъ обирали, а въ больницахъ»... А дальше раскрывается невѣроятная картина порядковъ въ одесской городской психіатрической больницѣ, порядковъ, вызвавшихъ нынѣ формальное разслѣдованіе и удаленіе завѣдывавшаго больницею д-ра Шпаковского. Здѣсь фигурируютъ всѣ приемы и распорядки «Палаты № 6»: сажаніе больныхъ въ

карцеры, для чего служат темные чуланы и погребные мины, избиения больных, наказанія нагайкой, вызывавшія попытки къ самоубійству. «Больныхъ, еще не поправившихся вполне, выгоняли на улицу, вся больница представляла изъ себя преддверіе кладбища, больные одною болѣзнію захватывали въ ея стѣнахъ массу другихъ болѣзней». Съ подобными порядками мы познакомимся развѣ только въ Бурашевской психіатрической колоніи тверского губернскаго земства, гдѣ они разцвѣли столь же пышно подъ покровительствомъ теперешняго состава управы. Но объ этомъ рѣчь позднѣе.

Развертывая скорбный списокъ городскихъ не порядковъ, остановимся на столицѣ Закавказья, *Тифлисъ*. Тифлисскаго корреспондента «Новаго Времени» страшитъ перспектива появленія въ его городѣ индійской гостыи. «Тифлисъ,—говоритъ онъ,—много лѣтъ систематически подготовлялъ почву для успѣшнаго развитія эпидеміи. Не говоря о «старомъ городѣ» (азіатскихъ кварталахъ), гдѣ царятъ грязь, вонь, возмутительнѣйшія антисанитарныя условія со всеми своими смердящими атрибутами, вродѣ всевозможныхъ отбросовъ, постепенно разлагающихся при яркомъ свѣтѣ южнаго солнца, тифлисоцы вполне вправѣ указать на самое отвратительное состояніе лучшихъ улицъ города, составляющихъ, такъ сказать, красу столицы Закавказья и гордость ея жителей. Но антисанитарность не единственная болячка нашихъ почтенныхъ отцовъ города; на ряду съ ней находится освѣщеніе, мостовыя, ассенизація и т. п. Мостовыя наши, не смотря на то, что ремонтируются круглый годъ, до того плохи, что не выдавшій ихъ себѣ ничего подобнаго представить не можетъ. Къ этимъ двумъ статьямъ городского «благоустройства» относится и освѣщеніе... тускло-мерцающіе фонари съ керосиновыми лампочками, стоящіе другъ отъ друга на очень благородной дистанціи и зажигающіеся исключительно для очистки совѣсти отцовъ города. Даже главная улица, за исключеніемъ участка, освѣщаемаго электрическими фонарями у зданія новаго театра, погружена въ непроницаемый мракъ. Въ остальныхъ частяхъ города, въ особенности въ злополучномъ «старомъ городѣ», освѣщеніе отсутствуетъ почти совершенно. При такихъ условіяхъ безнаказанно могутъ совершаться всевозможныя безобразія, и стоящимъ на постахъ полицейскимъ чинамъ (кстати и они разставлены на очень благородныхъ дистанціяхъ) только и остается что хлопать глазами». Далѣе авторъ корреспонденціи останавливается на участіи «песковцевъ», жителей квартала, лежащаго на низменномъ берегу р. Куры. Ежегодно весной, во время таянія снѣговъ въ горахъ, вода въ р. Курѣ прибываетъ и постепенно заливааетъ весь участокъ «Пески». Сначала вода заливааетъ подвалы, потомъ улицы, площади и т. д. Жители получаютъ приказаніе выбираться изъ своихъ подвальныхъ жилищъ, перейти во вторые этажи зданій. Они переходятъ, но не успѣваютъ достаточно быстро перетащить свой скарбъ, который и

дѣлается жертвой мутныхъ волнъ р. Куры. Гибнуть лошади, гибнуть фаетоны, гибнетъ и не мало людей. Исторія песковскихъ наводненій повторяется съ математической точностью каждую весну, порождаетъ столько же горя и ужаса, а съ убылью воды въ Курѣ отцами города забывается вплоть до слѣдующей весны. Скоро этотъ періодъ наводненія наступитъ; недалеко время, когда на Пескахъ затопитъ улицы и площади, по улицамъ вмѣсто фаетоновъ будутъ развѣзаны на лодкахъ и жители вновь окажутся въ осадномъ положеніи. («Нов. Вр.» 7.558).

Авторъ корреспонденціи склоненъ объяснять это пренебреженіе къ интересамъ большей части населенія преобладаніемъ въ составѣ городского управленія армянъ, пекущихся только о нуждахъ своихъ соотечественниковъ. Но вотъ вамъ Орелъ, Тула, гдѣ, кажется, ни о какихъ армянахъ не слышно. Всѣ газеты перепечатали описаніе наводненія, постигшаго Орелъ. Часть города, примыкающая къ берегамъ Оки и Орлика, представляетъ картину полного разрушенія. Жители спасались на чердакахъ и крышахъ въ теченіе двухъ дней, многія ветхія постройки были снесены, домашняя утварь попорчена, погибло не мало скота и домашней птицы. Если о человѣческихъ жертвахъ и не пишутъ, то безъ сомнѣнія возвращеніе въ сырыя полуразрушенныя жилища не обойдется для ихъ обитателей безболѣзненно. А между тѣмъ это повторяется ежегодно. Вотъ что пишетъ органъ мѣстной прессы «Орловскій Вѣстникъ»: «Ежегодно тысячи полторы семействъ серьезно страдаютъ отъ наводненія, остаются безъ крова, теряютъ не только часть овсего потомъ и кровью нажитаго добра, но и платятся здоровьемъ и даже жизнью, проводя по нѣсколько дней въ водѣ, а затѣмъ въ сырыхъ и мокрыхъ помѣщеніяхъ. Это повторяется ежегодно; мы всѣ это знаемъ, но пальцемъ о палецъ не ударимъ, чтобы хотя нѣсколько облегчить участь несчастныхъ. Заботясь объ украшеніи города, о трамваяхъ, объ электрическомъ освѣщеніи, городъ и общество совершенно игнорируютъ эту насущную нужду и, замѣтьте, нужду самаго бѣднѣйшаго городского населенія, клячущагося на такъ называемыхъ «огородахъ», по окраинамъ нижнихъ и др. затопляемыхъ водою улицъ. Только тотъ, кто былъ на мѣстѣ и видѣлъ ужасы разрушительной стихіи, можетъ вполне понять и оцѣнить, насколько серьезно и опасно положеніе этихъ тысячъ несчастныхъ семей. И вотъ, заботясь объ эстетическомъ развитіи общества, открывая различные кружки, тратя сотни тысячъ на разныя городскія постройки, мы не можемъ разъ навсегда положить предѣлъ тѣмъ случайностямъ, которымъ подвергаются ежегодно обыватели, предоставленныя въ критическія минуты самимъ себѣ. Нѣтъ лодокъ, нѣтъ спасательныхъ аппаратовъ, нѣтъ дома для помѣщенія пострадавшихъ семей, нѣтъ приспособленій, нѣтъ достаточнаго количества людей для своевременнаго спасенія имущества пострадавшихъ. Только тогда, когда бѣдствіе приметъ ужасающіе

размѣры, занимаются дома, гдѣ на соломѣ валяются и дѣти, и взрослые; чуть-ли не на водѣ конопатятся «казенныя», какъ называютъ городскія лодки, занимаются перевозчики, заготавливаются фонари. Для исправленія тысячей разрушенныхъ печей, фундаментовъ, амбаровъ и домовъ нѣтъ никакихъ средствъ и несчастные послѣ наводненія долгое время живутъ въ полуразрушенныхъ помѣщеніяхъ» (№ 78).

Замѣчательно, что пожеланія автора корреспонденціи не идутъ далѣе организаціи при городской управѣ особаго стола, гдѣ разматривались бы всѣ нужды пострадавшихъ, сосредоточивались пожертвованія и озабочивались своевременнымъ доставленіемъ пострадавшимъ сухихъ помѣщеній и пищи. Какъ будто несчастіе такого рода неотвратимо и возможно только бороться съ его губельными послѣдствіями. Гораздо разумнѣе разсуждаетъ авторъ письма въ редакцію «Орл. В.», указывающій на примѣръ Твери. «Тамъ, — пишетъ онъ, — большая часть города, Затымачье, омываемая рѣками Волгой и Тьмакой, ежегодно подвергалась такому же бѣдствію, пока въ 60-хъ гг. вся эта часть города не была обнесена валомъ, настолько высокимъ, что вынѣ онъ вполне ограждаетъ всю эту часть города отъ разлива рѣкъ. Валъ этотъ былъ сооруженъ покойнымъ городскимъ головою г. Твери г. Головинскимъ, имя котораго и носитъ («валъ Головинскій»); сооруженіе его стоило свыше 10.000 руб., затраченныхъ Головинскимъ изъ своихъ личныхъ средствъ. Пока въ Орлѣ не будетъ устроена подобная-же плотина, городъ будетъ подвергаться наводненіямъ, отъ коихъ болѣе всего страдаетъ бѣдный людъ, ютящійся въ нижнихъ частяхъ города. Тверское Затымачье пришлось обвести вкось со всѣхъ сторонъ, въ Орлѣ этого не по требуется; правда, длина вала въ Орлѣ должна быть не малая, но затраты на подобное сооруженіе нельзя не назвать производительными. Съ устройствомъ «Головинскаго вала» Затымачье обстроилось и стало хорошей частью города. Мы не говоримъ уже о томъ, сколько здоровья жителямъ нижнихъ частей г. Орла могъ бы сохранить подобный валъ. Неужели его нельзя устроить въ Орлѣ, нашлись-же у города деньги на сооруженіе мостовъ, а недавно на драгуновскія казармы! (№ 82).

Тоже положеніе находимъ мы въ Тулѣ, жители которой постоянно страдаютъ отъ разлитія Уны при полномъ къ тому равнодушіи города. Авторъ статьи объ этомъ въ «Калужскомъ Вѣстникѣ» выражаетъ предположеніе, что, если-бы въ думѣ возбудить объ этомъ вопросъ, то на докладчика посмотрѣли-бы подозрительно, какъ на челоуѣка, у котораго голова не совсѣмъ въ порядкѣ. Возможенъ былъ-бы со стороны думы вопросъ, вродѣ слѣдующаго: «Да развѣ принимаютъ противъ этого мѣры? Вѣдь это самъ Господь Богъ установилъ, что весною рѣки разливаются». (№ 71). И авторъ спѣшитъ пояснить думцамъ, что мѣры такія дѣйствительно

существуют и многие города, гораздо беднейшіе, чѣмъ Тула, объ этомъ уже подумали.

Мы не будемъ продолжать дальнѣйшую нашу прогулку по городамъ. Ея впечатлѣнія были-бы однообразны до утомительности и ни въ чемъ существенно не отличались-бы отъ уже полученныхъ. Городскія управленія Харькова, Одессы, Кіева, Чернигова, Тифлиса, Таганрога, Тамбова, Орла, Тулы, Нижняго-Новгорода и прочихъ городовъ, за единичными исключеніями, соперничаютъ другъ съ другомъ своимъ неумѣлымъ веденіемъ городскихъ финансовъ, показными сторонами благоустройства и внутреннимъ безобразіемъ санитарнаго состоянія городовъ, пренебреженіемъ къ насущнымъ нуждамъ многочисленнѣйшей и бѣднѣйшей части населенія. Если на исходѣ четырехлѣтія 1893—1897 года смотрѣть, какъ на опытъ примѣненія Городового Положенія 1892 года, еще болѣе усилившаго въ городскомъ управленіи вліяніе торговопромышленнаго элемента, чѣмъ это было раньше, то опытъ этотъ показалъ полную несостоятельность принятаго направленія. Какъ совершенно справедливо говорить «Новое Время»: «въ безпристрастномъ освѣщеніи наше городское самоуправленіе оказывается шагнувшимъ назадъ; очевидно, необходимо привлечь къ нему болѣе интеллигентныя силы, замѣнивъ ими избранниковъ и любимцевъ купечества и вообще промышленнаго элемента. Четыре года еще дѣло по необходимости будетъ плестись по старой дорожкѣ, но въ XX-мъ вѣкѣ желательно увидѣть новыя условія для городской общественной дѣятельности и новыхъ людей на этомъ важномъ поприщѣ, которые не устраивали-бы въ больницахъ карцеровъ, не укрѣпляли береговъ рѣкъ наводомъ, не отказывали въ ассигновкахъ на школы, не смѣшивали званіе гласнаго съ обязанностями городского подрядчика», и пр. и пр.

Сознаніе необходимости подобной замѣны, не дожидаясь XX столѣтія, и легло въ основаніе настоящей избирательной борьбы. Слѣдить за ея перипетіями въ цѣломъ рядѣ городовъ мы не беремся. Достаточно сказать, что обновленіе состава думъ осуществилось въ смыслѣ введенія туда большаго элемента такъ называемой интеллигенціи въ такихъ городахъ, какъ Одесса, Тамбовъ, Смоленскъ, Курскъ, Тула, Житомиръ, Казань, Пермь, Нижній, Симбирскъ, Ростовъ-на-Дону. Стремленіе измѣнить господствующій духъ въ дѣятельности городскихъ самоуправленій сказалось въ особенности рѣзко устраненіемъ прежняго состава управъ не только изъ городскихъ должностей, но даже изъ состава гласныхъ. Такъ, были устранены съ мѣстъ управы въ Симбирскѣ, Ростовѣ-на-Дону, въ Перми. Въ Нижнемъ члены управы были забаллотированы въ гласные, и прежній городской голова не получилъ достаточнаго числа голосовъ для вторичнаго избранія на ту-же должность. Замѣчательно, что остались на своихъ мѣстахъ при единодушномъ желаніи избирателей именно тѣ городскіе головы, которые являлись

представителями интеллигентнаго вліянія въ городскомъ управленіи, какъ то: Н. Фроловъ въ Саратовѣ, С. Дьяченко въ Казани, К. Шмидтъ въ Кишиневѣ. Къ числу ихъ новыми выборами были присоединены П. Крыжановскій въ Одессѣ, А. Меморскій въ Нижнемъ. Г. Фроловъ—присяжный повѣренный, Дьяченко—товарищъ председателя окружнаго суда, Крыжановскій — товарищъ председателя окружнаго суда, А. Меморскій—присяжный повѣренный, новый членъ одесской управы г. Дмитріевъ—товарищъ прокурора. Останавливаясь на этомъ фактѣ вторженія въ мѣстную муниципальную жизнь представителей судебныхъ установленій, «Одесскія Новости», привѣтствуютъ въ ихъ лицѣ людей законности, порядка и справедливости, водвореніе которыхъ столь необходимо въ запущенное и темное дѣло прежняго городского хозяйства. Увы! не всегда подобныя ожиданія оправдываются. Нижній-Новгородъ, четыре года тому назадъ, выбралъ своимъ головою барона Д. Н. Дельвига, бывшаго членомъ суда, также ожидая видѣть въ лицѣ его представителя порядка и законности. Между тѣмъ его преемнику приходится принимать хозяйство города, обремененное лишь новыми долгами и ошибками, а что касается законности... то на биржѣ нижегородской общественной жизни съ ней обстоило послѣдніе годы столь же слабо, какъ и въ года хищной г. Андреева и «позанимствованій» прежняго городского головы Губина. Можетъ быть, здѣсь сказалось и то, что въ лицѣ барона Дельвига (впрочемъ, лично дѣятеля безупречно честнаго) чедовѣкъ судебной профессіи соединялся съ крупнымъ парходчикомъ и владѣльцемъ нефтяного дѣла, и пропорція этого соединенія не давала возможности себя угадывать. Его преемникъ, вновь избранный городской голова, по общему признанію газетъ, является чедовѣкомъ умнымъ, образованнымъ, знающимъ городское хозяйство, но и тутъ, какъ пишутъ въ мѣстной газетѣ «Волгарь» и въ «Письмѣ изъ Нижняго» въ «Самарскую газету»: «нижегородскую интеллигенцію смущаетъ тотъ фактъ, что новый голова является лицомъ слишкомъ близкимъ мѣстному миллионеру Н. А. Бугрову, который въ силу своего богатства имѣетъ крупную партію въ думѣ и своимъ вліяніемъ пользуется, чтобы тормозить переоцѣнку недвижимыхъ городскихъ имуществъ, урегулированіе водопроводнаго дѣла, квартирное обложение и другія полезныя реформы. Г. Меморскій, дѣйствительно, близокъ съ г. Бугровымъ, дѣлами котораго давно занимается, и не только судебными, но и мукомольными и всякими другими, почему и являлся не только повѣреннымъ, но и довѣреннымъ этого крупнаго хлѣботорговца». (Сам. Газ. № 62). Газета выражаетъ, однако, увѣренность, что «то, что было, можетъ и не быть въ будущемъ» и что г. Меморскій, какъ чедовѣкъ умный, вѣроятно, пойметъ, что городской голова долженъ преслѣдовать общественныя интересы, «не въирая на лица».

Однако, вопросъ о томъ, что такое представляетъ изъ себя та

«интеллигенція», которая является въ городской избирательной борьбѣ соперницею купечества, заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія. Въ большей своей части все это люди такъ называемыхъ свободныхъ профессій: адвокаты, врачи, инженеры, нотариусы, служащіе въ банкахъ. Затѣмъ къ этой же группѣ примыкаютъ дворяне, земцы, чиновники, учителя гимназій и реальныхъ училищъ, представителя суда, военные. Въ этомъ составѣ извѣстный контингентъ лицъ всегда имѣетъ непосредственное отношеніе къ мѣстному купечеству и вообще представителямъ торговопромышленныхъ интересовъ. Это — банковскіе служащіе, довѣренныя крупныхъ фирмъ, нотариусы и проч. Каждое самоуправленіе заинтересовано, сверхъ того, чтобы въ составѣ его были такіе люди, знанія которыхъ будутъ не бесполезны въ практикѣ городского хозяйства: врачи, архитектора, инженеры и проч. Но, избирая этихъ лицъ, партія, добивающаяся господства, ищетъ въ нихъ прежде всего спеціалистовъ, но не дѣятелей того или иного общественнаго направленія. Къ тому же многія профессиональныя занятія рѣдко вырабатываютъ типы самостоятельныхъ и энергичныхъ общественныхъ дѣятелей, какъ то: дѣятельность педагогическая, казенная служба. Наиболѣе значительную роль въ городскомъ самоуправленіи играютъ равнѣ юристы, и адвокаты въ частности. Но не всегда ихъ умѣніе поставить вопросъ въ думѣ и обсудить его соединяется съ дѣловитостью и энергическимъ участіемъ въ практикѣ городского хозяйства. То же «Новое Время», которое систематически проводитъ мысль о необходимости усиленія интеллигентнаго вліянія въ городскихъ дѣлахъ, не можетъ скрыть, что въ Тамбовѣ, гдѣ на первыхъ выборахъ «базарная» партія забаллотировала интеллигентный составъ управы съ городскимъ головою, бывшимъ присяжнымъ повѣреннымъ, Д. И. Тимофѣевымъ, дѣятельность городского самоуправления за истекшее четырехлѣтіе отличалась застоємъ, а ревизіонная комиссія, разсматривавшая отчетъ за 1895 годъ, указывала на крайнюю бездѣятельность и безхозяйственность управы. Въ Таганрогѣ, гдѣ въ прежней управѣ засѣдали два доктора и одинъ юристъ подъ главенствомъ тоже юриста, дѣло шло въ теченіе послѣдняго четырехъ лѣтій, по словамъ корреспондента «Виржевыхъ Вѣдомостей», «шатко, валко; расходы увеличивались, доходы уменьшались, городскія нужды и обыватели вопіяли». Базарные дѣльцы съ девизомъ: «долой умниковъ» обрушились на старый составъ управленія и одержали рѣшительную побѣду, тѣмъ болѣе, что «для отпора купеческому натиску въ группѣ интеллигентныхъ избирателей недоставало единенія: тамъ дѣйствовали кружковыя партіи, каждая со своимъ кандидатомъ въ городскіе головы, каждая въ разрѣзъ противной партіи забрасывала черными шарами ея сторонниковъ, не щадя своего брата «интеллигента» (Нов. Вр. № 7556). Впрочемъ слѣдуетъ отмѣтить, что и въ Тамбовѣ, и въ Таганрогѣ, въ обоихъ случаяхъ разгрома интеллигентнаго состава управленія

партіей базара, эта послѣдняя въ своемъ ожесточеніи на противниковъ была столь неразборчива въ приѣмахъ борьбы, что вызвала цѣлый рядъ протестовъ, въ результатъ которыхъ въ Тамбовѣ выборы были касированы присутствіемъ по городскимъ дѣламъ и окончательные результаты выборовъ сложились все же въ пользу интеллигенціи.

Указанный выше фактъ, — отсутствіе единенія въ рядахъ интеллигентной группы избирателей, — будучи явленіемъ обычнымъ, составляетъ на самомъ дѣлѣ существенную причину слабости этой группы. Съ другой стороны, онъ является вполне понятнымъ и естественнымъ: можетъ-ли нѣкоторая общность культурныхъ стремленій, — если даже предположить, что таковыя, дѣйствительно, обрѣтались во всѣхъ представителяхъ интеллигентной партіи, — имѣть настолько сплочивающую и организующую силу, какъ имущественные интересы группы подрядчиковъ, трактирщиковъ и торговцевъ. Имущественные интересы этой дѣятельной и глубоко заинтересованной въ городскомъ «status quo» группы получили бы должное ограниченіе только въ томъ случаѣ, еслибы имъ можно было противопоставить силу не менѣе заинтересованной, болѣе нуждающейся и многочисленной части остального населенія. Тогда, имѣя въ виду это большинство, дѣятельная интеллигенція получила бы безъ сомнѣнія болѣе прочную опору для развитія своихъ общественныхъ идеаловъ. «Петербургскія Вѣдомости» указываютъ на то рѣзкое несоотвѣтствіе, которое существуетъ между ростомъ интеллигентныхъ силъ въ составѣ городского населенія и суженіемъ его участія въ городскихъ дѣлахъ. Газета приводитъ сравненіе переписи Одессы за 1873 г. и 1892 г., изъ котораго явствуетъ, что въ то время, какъ общее число жителей возросло на 73%, группа лицъ врачебной профессіи увеличилась на 571%, представители науки, литературы и искусства на 955%, лица учебно-воспитательнаго дѣла на 931%. Все это такъ, но, если ужъ касаться вопроса о непропорціональномъ представительствѣ разныхъ группъ населенія въ городскомъ самоуправленіи, то прежде всего не слѣдуетъ забывать, что въ немъ почти совсѣмъ отсутствуетъ вліяніе наиболѣе многочисленной части городского населенія — мѣщанъ и ремесленниковъ. Замкнутыя въ узкія рамки своихъ сословно-цѣловыхъ корпорацій, обѣ указанныя группы населенія не имѣютъ, въ дѣйствительности, ни существеннаго вліянія на ходъ городского хозяйства, ни возможности добиться удовлетворенія своихъ насущнѣйшихъ нуждъ и потребностей, ни какой-либо правильной общественной организаціи. Органы мѣщанскаго и ремесленнаго самоуправления — мѣщанскія и ремесленныя управы, представляя собою учрежденія архаическія, неудавшіяся пародіи на западную цѣловую организацію, въ настоящее время, съ постепенной реформой паспортной системы, теряютъ уже всякое *raison d'être*. Ихъ прежнее назначеніе, сводившееся главнымъ образомъ къ кан-

целярской припискѣ и отпискѣ членовъ обществъ и паспортовъ, постепенно утеривается, оставляя форму учрежденія безъ всякаго жизненнаго содержанія. Это обвѣтшавшее зданіе, сохранившееся намъ еще отъ крѣпостническаго строя жизни, подлежитъ, по общему сознанію, сломкѣ, которая замедляется только той нерѣшительностью, съ какою относимся мы ко всѣмъ путамъ, связывающимъ свободное проявленіе народной жизни. Недавно въ газетахъ появилось извѣстіе о предполагаемомъ упраздненіи, или, по крайней мѣрѣ, реорганизаціи мѣщанскаго самоуправленія, но оказалось, что это былъ только слухъ, что самое большее, если будутъ приняты нѣкоторыя измѣненія въ дѣлопроизводство мѣщанскихъ управъ, измѣненія въ порядкѣ административномъ, а не законодательномъ. А между тѣмъ, какъ это бываетъ во всякомъ общественномъ учрежденіи, теряяшемъ свое историческое оправданіе и жизненный смыслъ, въ мѣщанскомъ ремесленномъ управленіи свили себѣ прочное гнѣздо мертвый формализмъ, пренебреженіе къ личнымъ и общественнымъ интересамъ и самыя явныя злоупотребленія.

«Дѣло мѣщанъ, какъ справедливо говорить «Приазовскій Край», всецѣло находится въ рукахъ людей невѣжественныхъ, имѣющихъ смутное представленіе объ общественныхъ «пользахъ и нуждахъ». Обусловленная ихъ вліяніемъ дѣятельность мѣщанскихъ учреждений не могла не обратить на себя вниманія городскихъ думъ, и нѣкоторыя изъ нихъ возбуждали ходатайства о передачѣ мѣщанскихъ капиталовъ въ вѣдѣніе городского управленія. Ходатайства эти, однако, въ виду самостоятельнаго характера мѣщанскихъ учреждений, были оставлены безъ послѣдствій. Но ненормальныя условія существованія мѣщанскихъ учреждений, ихъ тормозящее вліяніе на общую городскую жизнь теперь, кажется, признаны уже и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Упраздненіе ветхозавѣтныхъ, заплѣснѣвшихъ формъ мѣщанскаго управленія является настоятельною потребностью нашего времени. Всѣ немногочисленныя функціи мѣщанскихъ учреждений съ большимъ успѣхомъ могутъ быть отправляемы городскими управленіями. Съ переходомъ-же мѣщанскихъ дѣлъ и капиталовъ въ вѣдѣніе муниципалитетовъ выиграютъ не только сами мѣщане, но и все городское общество».

(№ 80).

Упраздненіе современной организаціи мѣщанскихъ и ремесленныхъ обществъ и введеніе этой группы населенія въ кругъ городского самоуправленія; болѣе пропорціональное и постоянное участіе въ немъ элемента свободныхъ профессій, интеллигенціи, черезъ введеніе квартирнаго налога, — вотъ измѣненія въ существующемъ строѣ городского управленія, которыя диктуются потребностями дѣла. Факты достаточно убѣждаютъ насъ, что представители купечества и крупнаго домовладѣнія отнюдь не обладаютъ какими либо специальными способностями вести хозяйство такой крупной сословной общественной единицы, какъ городъ. За то они въ

совершенство постигну науку, какъ извлекать выгоду изъ своего положенія. И тѣ, кто на практикѣ примѣнили эту науку, тѣ и являются наиболѣе заинтересованными въ городскомъ хозяйствѣ. Это создаетъ соперничество мелкихъ кружковъ, объединенныхъ узко-эгоистичными интересами вокругъ своихъ вожаковъ, добивающихся главенства въ городскомъ управленіи при равнодушіи и безразличномъ отношеніи большинства избирателей. Да и какъ имъ не быть равнодушными? Въ этомъ отношеніи весьма характернымъ представляется, переданный корреспондентомъ «Приазовскаго Края», разговоръ съ однимъ изъ городскихъ избирателей Ростова-на-Дону. «Говорили мы, передаетъ онъ, о бездѣятельности городского управленія, о насущныхъ городскихъ вопросахъ и нуждахъ и, въ концѣ концовъ, свели рѣчь на предстоящіе выборы, причемъ я высказалъ надежду, что составъ новой думы будетъ лучше, такъ какъ старымъ составомъ никто почти не доволенъ. — Вы думаете? возразилъ мой собесѣдникъ. — Въ одномъ только вы совершенно правы—избиратели раскассируютъ старую думу; но изберутъ-ли они лучшую? что до меня, то я ничего хорошаго не жду. Явится на выборы партія и, конечно, купеческая, такъ какъ интеллигенція наша до этого еще не дошла, и насаждаетъ въ новую думу такихъ гласныхъ, которые только свой карманъ и будутъ оберегать. — Откуда тамъ возьмется партія? Выборы уже на носу, а ни о какой такой партіи, ни о какой такой агитаціи что-то не слышно. — Откуда возьмется партія? Да она всегда существуетъ. Кто у насъ главнымъ образомъ является избирателями? Торговое сословіе, представители капитала, люди, интересы которыхъ по существу совершенно солидарны. Вотъ вамъ и партія. Весь вопросъ въ вожакахъ, а такіе непременно найдутся и все будетъ разыграно какъ по нотамъ. Да вотъ дождемся выборовъ—увидимъ».

«И дѣйствительно, пишетъ онъ дальше, хотя избиратели отнеслись сурово къ старому составу гласныхъ, забаллотировавъ изъ нихъ ровно половину, но и вновь избранный составъ, съ сильнымъ бюджетомъ купеческаго элемента, ничего отраднаго не сулитъ преемственности городского хозяйства и благоустройства. Въ составъ вновь избранной думы вошли 25 купцовъ. Если изъ числа остальныхъ 15 представителей другихъ классовъ исключить «безразличныхъ», то получится небольшая группа истинно интеллигентныхъ гласныхъ, которая, при всемъ своемъ желаніи и при самой сильной энергіи, не въ силахъ будетъ отстаивать общегородскіе интересы отъ посягательства купеческаго большинства». (Приаз. Кр. № 78).

Наглядное тому доказательство представляетъ первый шагъ обьявленной нижегородской думы. Недавніе выборы въ нее, по общему признанію, внесли значительное усиленіе интеллигентной партіи, однако обсужденіе перваго же вопроса показало всю ея слабость въ дѣлахъ города. Разсматривали докладъ комисиіи, разработавшей новыя обязательныя постановленія о праздничной

торговль. Комиссія проектировала открытіе торговых заведеній не въ 9 часовъ утра, какъ это принято дѣйствующими правилами, а въ 12, руководствуясь какъ желаніемъ дать приказчикамъ возможность удовлетворять свои религіозныя потребности, такъ и тѣмъ соображеніемъ, что наканунѣ каждаго праздника приказчику обыкновенно приходится работать болѣе, чѣмъ въ другіе дни. И нужно замѣтить, что за предоставленіе большаго праздничнаго отдыха приказчикамъ высказывались не только представителями интеллигенціи (далеко не все), но и группа крупныхъ и вліятельныхъ оптовыхъ торговцевъ, съ Н. А. Вугровымъ и Я. Е. Башкировымъ во главѣ. И однако закрытая баллотировка вопроса дала рѣшеніе большинства 32 голосовъ противъ 17 въ пользу оставленія въ дѣйствіи старыхъ порядковъ (Ниж. Л. № 86). Стояло-ли радоваться тогда появленію въ думѣ нѣсколькихъ новыхъ лицъ, «интеллигенціи», когда настоящій материкъ въ ея составѣ нисколько не затронуть этими частичными измѣненіями? Послѣ этого становится вполне понятны слова бесѣдовавшаго съ корреспондентомъ «Приазовскаго Края» избирателя: «Въ концѣ концовъ, если правду говорить, выборы наши, вѣдь, ничто-иное, какъ кукольная комедія, въ которой лицедѣйствуютъ главнымъ образомъ всего нѣсколько персонажей, преслѣдующихъ при томъ, въ большинствѣ, свои узкоэгоистическія цѣли, при благосклонномъ лишь — и на дѣлѣ вполне пассивномъ — участіи остальной массы избирателей».

Сообразно характеру избирателей поступаютъ и избранники. «Эсъ Ге» въ «Воляни» приводитъ цѣлый рядъ сообщеній объ абсентеизмѣ гласныхъ, упорно отказывающихся посѣщать засѣданія. Изъ Одессы сообщаютъ, что тамъ засѣданія посѣщались лишь одною третью гласныхъ и изъ нихъ большинство всегда «абсолютно молчало». Въ Вязьмѣ дума постановила налагать взысканія на неявляющихся въ засѣданіе. Въ Новохоперскѣ было назначено засѣданіе думы, но было отложено, такъ какъ не явилось законнаго числа гласныхъ. На слѣдующій день еще меньше и поэтому все очередныя дѣла, согласно ст. 89 городского положенія, были переданы на разрѣшеніе начальника губерніи. Та же самая исторія повторилась недавно въ Вузугукѣ. Въ Симбирскѣ управскіе сторожа на извозчикахъ гоняются за гласными, упрашивая ихъ пожаловать въ засѣданіе думы. «Орловскій Вѣстникъ», въ свою очередь, приводитъ слѣдующій случай самоупражденія думы. «Рѣдкій случай въ практикѣ городского самоуправления имѣлъ мѣсто въ г. Мценскѣ. Такъ какъ для разрѣшенія нѣкоторыхъ докладовъ управы не было возможности собрать думы, за неприбытіемъ четыре раза подрядъ законнаго числа гласныхъ, то доклады эти были представлены на разрѣшеніе г. губернатора. Начальникъ губерніи, рассмотрѣвъ и разрѣшивъ нѣкоторые изъ нихъ, возвратилъ доклады въ мценскую городскую управу съ предложеніемъ вновь созвать думу и о неявившихся гласныхъ сообщить ему для привлеченія къ законной отвѣтственности. Такой обо-

ротъ дѣла сильно повліялъ на мценскихъ гласныхъ, и они по первому же приглашенію явились въ думу». Въ другой корреспонденціи тотъ же органъ объясняетъ фактъ незавиднаго положенія общественныхъ дѣлъ Мценска тѣмъ, что «людей нѣтъ», «больше некого было выбрать». Людей, дѣйствительно, мало, въ особенности по такимъ заолустнымъ мѣстамъ, какъ г. Мценскъ, но ихъ становится еще меньше, когда кругъ избирателей и избираемыхъ искусственно суживается въ предѣлахъ извѣстнаго ословія и имущественнаго состоянія. Большинство городовъ все же цѣнятъ свое самоуправленіе, они напрягаютъ послѣднія усилія, чтобы выбрать полный комплектъ думы и имѣть головою своего ставленника, а не допустить назначенія. Ими руководитъ въ данномъ случаѣ вѣрный инстинктъ: нѣтъ ничего болѣе неестественнаго и порождающаго большія недоразумѣнія, какъ совмѣщеніе въ одномъ учрежденіи принципа власти и самоуправления. Къ какимъ безвыходнымъ положеніямъ можетъ это приводить, легко видѣть, изъ примѣра, взятаго нами, однако, не изъ жизни городского самоуправления, а изъ земской практики.

Многимъ еще памятна исторія того, какъ года 1½, тому назадъ тверская губернская земская управа съ ея назначеннымъ предсѣдателемъ г. Паскинымъ приступила къ «преобразованію» порядковъ въ Буршевской колоніи душевно больныхъ. Почтенный директоръ ея, небезизвѣстный какъ ученый и администраторъ, М. П. Литвиновъ, былъ удаленъ и послѣ довольно продолжительныхъ и безуспѣшныхъ поисковъ его замѣстителя, таковой былъ найденъ въ лицѣ г. Совѣтова. Впослѣдствіи нашлись ему и сотрудники и дѣло заведенія новыхъ порядковъ въ колоніи было начато.

Каковы были эти порядки, пишетъ въ редакцію «Врача» (№ 12) д-ръ М. И. Петруковичъ, стало ясно уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Губернское земское собраніе въ ближайшую свою сессію высказалось, что «перемѣны въ Буршевѣ, произведенныя новымъ составомъ врачей, сдѣланы съ необъяснимою поспѣшностью, безъ надлежащаго изученія! положенія и состоянія больницы, и что результатомъ такого невниманія къ традиціямъ колоніи и поспѣшнаго введенія недостаточно обдуманыхъ реформъ слѣдуетъ признать тѣ печальныя случаи, которые бросили тѣнь на Буршевскую колонію и тѣмъ самымъ на тверское земство». Собраніе выразило свою благодарность бывшему директору колоніи, М. П. Литвинову, за его полезную и просвѣщенную дѣятельность и свое глубокое сожалѣніе по случаю его выхода въ отставку. Для того, чтобы судить о характерѣ новыхъ порядковъ, проводимыхъ г. Совѣтовымъ, собранію было достаточно матеріаловъ въ отзывѣхъ ревизіонной комисіи. Такъ комиссія удостовѣряла, «что при новыхъ порядкахъ введены даже наказанія для больныхъ лишеніемъ ихъ свободы и запираніемъ въ карцеръ, причемъ больной проводилъ въ такомъ помѣщеніи»

ни съ асфальтовымъ поломъ, безъ постели и раздѣтый, болѣе сутокъ». «Если больной *умышленно* желаетъ оскорбить врачей», заявилъ въ комиссіи д-ръ Совѣтовъ, «то его слѣдуетъ наказать!» Собраніе «рѣшительно отказалось понять идею наказанія въ примѣненіи къ душевно-больному и полагало, что земство не вторгнется въ лѣчебную дѣятельность врачей, если категорически выскажется противъ примѣненія въ Бурашевѣ подобнаго рода мѣръ, осуждаемыхъ здравымъ смысломъ и уголовнымъ закономъ, признающимъ невмѣняемость поступковъ душевно-больныхъ». Но на всѣ эти отзывы г. Совѣтовъ обратить столь же мало вниманія, какъ и на аналогичные отзывы и постановленія съѣзда земскихъ врачей въ Твери, въ которомъ онъ къ тому же и не пожелалъ принять никакого личнаго участія, всѣмъ своимъ поведеніемъ стараясь показать, что онъ служить не земству и не дѣлу, а управѣ, его пригласившей.

Даже письмо въ редакцію «Врача» передаетъ исторію увольненія управою приглашеннаго при новыхъ порядкахъ на должность ординатора д-ра Невскаго. Г. Невскій пришелся не ко двору. Самъ онъ излагаетъ причины и обстоятельства своего удаленія въ письмѣ въ редакцію журнала «Обозрѣніе Психіатріи» (февраль). Сущность ихъ сводится къ тому, что со стороны г. Совѣтова ни онъ, ни кто изъ его товарищей не только не получали никакого научнаго руководства, но даже противодѣйствіе въ случаѣ желанія научной разработки какого либо вопроса на основаніи богатаго матеріала, доставляемаго колоніей. Такъ, необходимая для предпринятой г. Невскимъ работы книга была только послѣ долгихъ возраженій принята на счетъ земства, хотя послѣднимъ ассигнуется на этотъ предметъ до 400 рублей. Всѣ заботы г. Совѣтова по отношенію къ душевно-больнымъ можно выразить, говорить г. Невскій, однимъ словомъ—*экономія, экономія, экономія*. Экономія въ прислугѣ, въ пищѣ, въ одеждѣ и проч. И вотъ, когда однажды г. Невскій, раздраженный всѣмъ происходившимъ и видѣннымъ, «безъ всякой, по словамъ его, предвзятой мысли» изобразилъ на оберткѣ дневника одного сумасшедшаго, одѣтаго въ обычное въ Бурашевѣ рубище, сшитое изъ заплатъ съ клеймами Б. К. (Бурашевская колонія) и оставлявшее мѣстами видѣть голое тѣло, тогда чаша терпѣнія г. Совѣтова и управы по отношенію къ г. Невскому переполнилась. Въ то время, когда г. Невскій былъ въ С.-Петербургѣ въ отпуску, ему было прислано управою письмо слѣдующаго совершенно неожиданнаго для него содержанія: «Считаю нужнымъ заблаговременно (это за двѣ недѣли-то до окончанія отпуска!) предупредить Васъ, Милостивый Государь, что дальѣйшая Ваша служба въ Бурашевской колоніи признается *не въ интересахъ Губернской Управы*, что Управа въ настоящее время озабочена отысканіемъ врача, котораго намѣрена пригласить къ 15 янв. будущаго года. Предсѣдатель Управы Паскинъ».

Удаление г. Невского, который обратился съ особымъ письмомъ въ земскую ревизионную комиссію, побудило послѣднюю обратиться съ болѣе детальному выясненію положенія дѣлъ къ колоніи, что вмѣстѣ съ докладомъ управы и отчетомъ по хозяйственной части колоніи раскрываетъ всю неприглядную картину господствующихъ въ ней порядковъ. Картина эта была воспроизведена въ корреспонденціи «Новаго Времени» (№ 7537), на которую послѣдовало возраженіе г. Совѣтова въ № той-же газеты отъ 20-го марта. Мы не будемъ слѣдить за всѣми частностями этой полемики. Неопровержимымъ фактомъ остается то, что за періодъ хозяйничанья г. Совѣтова (1 годъ 4 мѣс.) получилось недорасходу 16,400 руб. Образовалась эта сумма путемъ сбереженій на пищу, одежду, медикаменты, жалованье прислугѣ, дезинфицирующія средства и проч. А между тѣмъ самъ г. Совѣтовъ признаетъ крайне неблагоприятныя гигиеническія условія колоніи: переполненіе, отсутствіе искусственной вентиляціи, полную недоброкачественность половъ, невозможное состояніе клозетовъ. Но такъ какъ онъ не раздѣляетъ общепринятаго мнѣнія о пользѣ дезинфекціи и дезодораціи, то и на этой статьѣ достигъ экономіи: вмѣсто 457 руб., какъ то было въ среднемъ за два предыдущіе года, израсходовалъ лишь 64 руб. Экономія получалась и на жалованіи низшему персоналу служащихъ, хотя самъ-же г. Совѣтовъ признаетъ ихъ трудъ «непосильнымъ». Въ результатъ недостатка надзора является цѣлый рядъ несчастныхъ случаевъ. Конечно, ни въ одной психіатрической больницѣ нельзя избѣжать несчастныхъ случаевъ. Но, какъ справедливо пишетъ авторъ письма въ газ. «Врачъ», общество, въ которое проникаютъ навѣстія о томъ или другомъ происшествіи въ колоніи, только тогда покойно относится къ нимъ, когда въ немъ существуетъ увѣренность, что источникъ ихъ не въ недостаткѣ надзора или вниманія къ больнымъ, а въ чисто случайныхъ причинахъ, которыя будутъ устранены». Но этой увѣренности не могло быть въ виду цѣлаго ряда поразительныхъ случаевъ, обнаружившихся въ колоніи одинъ вслѣдъ за другимъ. Тутъ и печальная исторія смерти одной старухи, которая нѣсколько дней прожила въ Бурашевѣ съ громадными наружными знаками насилія, причемъ никто не замѣтилъ ихъ до вскрытія; когда же на вскрытіи они были обнаружены, то не было принято никакихъ мѣръ для раскрытія виновныхъ. Тутъ и самоубійство больного, въ рукахъ у котораго оказался сапожный ножъ, и другія пораненія, нанесимыя себѣ больными ножемъ или другими орудіями. Но всѣ эти случаи затмили послѣдній, передаваемый во «Врачѣ» слѣдующимъ образомъ:

«Въ изоляторѣ помѣщался больной Ж., проявившій, какъ сказано въ отчетѣ, «импульсивную возрастающую склонность нанести неожиданныя обиды дѣйствіемъ окружающимъ». Этотъ больной допрошенъ въ клозетѣ, а, пока онъ былъ въ отсутствіи, другой

больной С., содержащийся то въ изоляторѣ, то пребывавшій въ корридорѣ, пользуясь тѣмъ, что дверь изолятора Ж. осталась открытою, вошелъ въ него. Ж. возвратился, захлопнулъ за собою одну дверь, надзиратель другую, и затѣмъ никто ничего не видалъ и не слышалъ. Черезъ 10—15 минутъ хватились С.; и, «послѣ усиленныхъ поисковъ» говорить отчетъ, нашли его въ изоляторѣ Ж., но уже трупомъ». И только! Какое эпическое спокойствіе. А между тѣмъ вотъ въ какомъ видѣ былъ этотъ трупъ: по судебно-медицинскому изслѣдованію оказалось, что смерть С. послѣдовала отъ разрушенія печени и селезенки: грудная кость и ребро переломаны, глазныя яблоки вырваны, лѣвая ноздря разорвана и проч. Сколько времени потребовалось, чтобы такъ изуродовать несчастнаго С.? И въ это время никто ничего не слышалъ и не видалъ, и даже не подозрѣвалъ того, что творилось въ нѣсколькихъ шагахъ, въ изоляторѣ! Врачебный инспекторъ, г. Агафоновъ, доказывалъ земскому собранію, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего особеннаго, надзиратели и служители просто «*проморгали*», и виновный изъ нихъ понесетъ должную отвѣтственность, администрація же колоніи тутъ не причемъ. Этимъ «*проморгали*» г. Агафоновъ сдѣлалъ свое имя безсмертнымъ.

По раскрытіи всѣхъ этихъ фактовъ и послѣ долгаго, тщательнаго и всесторонняго изученія и разслѣдованія современнаго положенія Бурашевской колоніи въ земскихъ ревизіонной и редакціонной комиссіяхъ, тверское губернское земское собраніе въ засѣданіи 13 февраля значительнымъ большинствомъ гласныхъ предложило управѣ уволить отъ службы старшаго врача колоніи доктора Совѣтова, признаннаго компетентнымъ лишь въ области хозяйственной экономіи и недостаточно авторитетнаго въ психіатріи. Рѣшеніе это состоялось единогласнымъ постановленіемъ 30 гласныхъ; меньшинство же собранія, 23 человѣка, въ томъ числѣ трое изъ состава управы, отказались баллотировать вопросъ, а на другой день, какъ передаетъ корреспонденція «Новаго Времени» (№ 7542), 14 февраля, представило въ собраніе письменный протестъ противъ постановленія, подъ которымъ, однако, подписалось только 18 человѣкъ, преимущественно земскіе начальники и вообще служащія лица. Всецѣло довѣряя во всемъ предсѣдателю управы, г. Паскину, и директору Бурашева, г. Совѣтову, принося имъ глубокую признательность и искреннюю благодарность за бдительную, разумную экономію, протестанты «горячо возставали противъ давленія извѣстной группы земскаго собранія, не стѣсняящейся, яко-бы, никакими средствами къ достиженію своей цѣли—подорвать довѣріе къ нынѣшней правительственной Управѣ и, во что-бы то ни стало, осудить ея мѣропріятія въ веденіи губернскаго земскаго хозяйства»... Такой оскорбительный голословный упрекъ по адресу 30 представителей земства вызвалъ цѣлую бурю въ собраніи; шумными аплодисментами гласные присоединились къ рѣчи П. А. Кор-

сакова, гласнаго весьегонскаго уѣзда, энергично протестовавшей противъ такой выходки меньшинства. Представители вѣдомства удѣловъ и государственныхъ имуществъ, раздѣляя въ общемъ мнѣніе большинства собранія, внесли отдѣльное мнѣніе по поводу протеста 18 гласныхъ, заявляя въ немъ, что они подали голоса за удаление г. Совѣтова по совершенно искреннему убѣжденію и доброй совѣсти, не принадлежа ни къ какой партіи земства. «Послѣ такого оборота дѣла, пишетъ корреспондентъ «Новаго Времени», нѣкоторые изъ подписавшихся подъ протестомъ 18-ти возбудили вопросъ объ измѣненіи редакціи своего протеста, но гласные противной партіи рѣшительно возстали противъ какого-бы то ни было исправленія текста и настояли на неприкосновенности этого документа «въ назиданіе потомству». Авторъ протеста — кашинскій гласный г. Дубасовъ».

Все это такъ, возражать намъ, но при чемъ тутъ назначенная управа? Беспорядки въ психіатрическихъ больницахъ возможны и бывають и подъ контролемъ органовъ самоуправленія. Одесская «больничная эпопея», недавно только разоблаченная, не уступитъ бурашевской, а, можетъ быть, и превосходить ее. Но въ томъ-то и дѣло, что здѣсь открывається существенная разница положеній. Произведя разслѣдованіе о беспорядкахъ въ психіатрическомъ отдѣленіи городской больницы и убѣдившись въ справедливости разоблаченій, одесская городская управа постановила немедленно уволить г. Шпаковского, старшаго врача больницы. Было начато слѣдствіе, въ результатъ котораго возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ исправляющаго должность старшаго врача городской больницы, г. Свѣтквича-Корчака, ординаторовъ, г. Акина и Вейнштейна, а также фальдшера Иванова, за вымогательство. Въ Бурашевѣ, конечно, дѣло до этого не дошло. Но во всякомъ случаѣ собраніе предложило управѣ уволить г. Совѣтова. Каковы же были результаты этого постановленія? Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе отмѣнило постановленіе губернскаго собранія на томъ основаніи, что собраніе «предложило» управѣ уволить г. Совѣтова; а между тѣмъ оно, будто бы, могло выразить только *желаніе*, чтобы онъ былъ уволенъ. Редакція «Врача» высказываетъ мнѣніе, что это не измѣняетъ сути дѣла: большинство собранія выразило свое мнѣніе о достоинствахъ г. Совѣтова; губернская управа, если она не есть что нибудь совершенно постороннее земству, должна будетъ считаться съ его мнѣніемъ. Но очевидно, что управа не считаетъ себя къ тому обязанною, точно такъ же, какъ и г. Совѣтовъ, который служить управѣ, а не земству. Въ письмѣ своемъ въ редакцію газеты «Врачъ» онъ пишетъ буквально слѣдующее: «М. Г.! Позвольте Васъ поблагодарить за предупредительность и совѣтъ, какъ мнѣ поступить въ виду извѣстнаго постановленія Тверскаго Губернскаго Земскаго Собранія. Я сомнѣваюсь, чтобы Вамъ были извѣстны какіе-нибудь основательные мотивы,

вызвавшие это постановление случайного большинства Собрания; ни таковыя неизвестны. Въ Собраніи не было приведено ни одного достовѣрнаго факта, а все основывалось на слухахъ и предположеніяхъ. Поэтому я не считаю себя нравственно обязаннымъ подчиниться волѣ Собранія, а думаю продолжать служить дѣлу, а не какой-либо партіи, и тѣмъ не допустить, чтобы Бурашево служило предметомъ борьбы. Завѣдующій колонією С. Совѣтовъ».

Итакъ, несмотря на категорически выраженное большинствомъ собранія желаніе, чтобы врачъ психіатрической больницы былъ удаленъ, ни управа, не собраніемъ поставленная, ни врачъ, служащій этой управѣ, не считаютъ себя обязанными выполнить волю полномочнаго земскаго органа. Гдѣ же ключъ къ выходу изъ подсланаго неестественнаго положенія?

Постановка дѣла въ колоніи душевно-больныхъ оказывается единственнымъ показателемъ хозяйственныхъ и административныхъ способностей персонала, сгруппированнаго теперешней тверской управой вокругъ земскаго дѣла. Вслѣдъ за раскрытіемъ всѣхъ дѣяній, творящихся подъ покровительствомъ управы въ Бурашевской колоніи, всплылъ, какъ сообщаютъ «Бирж. Вѣд.», рядъ новыхъ фактовъ разстройства земскаго хозяйства: «Губернскій аптекарскій складъ въ первый разъ съ открытія его далъ убытокъ въ 1050 руб. Завѣдующій медико-статистическимъ бюро, врачъ П., вышелъ въ отставку и вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ никто не соглашается стать его замѣстителемъ. Дѣятельность экономическаго бюро замедляетъ совершенно. Въ довершеніе всего, — просто скандалъ, — библиотечарь г. М. умудрился продать и перевезти безъ вѣдома управы въ трактиръ «Перепутье» два библиотечныхъ шкафа и сбыть подъ видомъ макулатуры часть земскихъ изданій, отчетъ управы etc. Громадная библіотека въ полномъ безпорядкѣ. Библиотечарь уволенъ. Общество въ волненіи».

Во всѣхъ перипетіяхъ борьбы теперешняго управленія Бурашевской колоніи и губернскаго земства (какъ ни странно встрѣчать въ этомъ случаѣ слово «борьба», имѣя въ виду, что колонія есть больница губернскаго земства!) печать играла незначительную роль. Обычное же положеніе ея въ аналогичныхъ случаяхъ положеніе перваго нападающаго. Естественно, какое раздраженіе должна возбуждать эта ея роль со стороны обличаемыхъ учреждений. Они мечутъ на нее всѣ громаы, какіе только въ ихъ распоряженіи. Къ счастью, въ распоряженіи органовъ общественнаго управленія нѣтъ Юпитеровскихъ громовъ, о чемъ, конечно, жалѣть не приходится: это безусловное преимущество всякаго общественнаго управленія, какъ бы несовершенно оно ни было, что дѣятельность его можетъ подлежать относительно полной гласности. Такъ, «одесская больничная эпопея» началась разоблаченіями въ «Новороссійскомъ Те-

леграфъ», перешедшими на страницы «Одесскаго Листка». Какъ плохо иногда рассчитываютъ свои силы представители учреждений, претендующіе на неприкосновенность, показываетъ примѣръ исправляющаго должность старшаго врача одесской городской больницы, г. Сѣнькевича-Корчака, который на письмо о больничныхъ порядкахъ д-ра Цѣновскаго въ «Одесскомъ Листѣ» отвѣтилъ письмомъ въ «Новороссійскій Телеграфъ», гдѣ самоувѣренно аттестовалъ письмо г. Цѣновскаго какъ исполненное инсинуаціями, искаженіями, ложью, его соображенія называлъ «разглагольствованіями о нуждахъ больницы и мѣрахъ», дѣлалъ намеки на какую-то «истинную подкладку заявленій». Въ настоящее время противъ г. Сѣнькевича-Корчака и его сподвижниковъ въ результатѣ ревизіи больничныхъ дѣлъ возбуждено уголовное преслѣдованіе.

Не болѣе успѣшна была попытка бывшихъ врачей психіатрическаго отдѣленія смоленской губернской земской больницы оградить свою неприкосновенность отъ нападковъ печати. Дѣло ихъ по обвиненію редактора газеты «Смоленскій Вѣстникъ», В. В. Гулевича, въ клеветѣ разсматривалось 30 марта въ смоленскомъ окружномъ судѣ при необыкновенномъ наплывѣ публики. И, дѣйствительно, оно заслуживаетъ того по своему общественному значенію и какъ характеристика отношеній къ печати нашихъ органовъ самоуправленія. Дѣло это передается въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» (№ 72) въ слѣдующемъ видѣ.

Въ № 127 газеты «Смоленскій Вѣстникъ» за 1895 г. было напечатано письмо за подписью А. Щ.—нъ о психіатрической больницѣ, гдѣ онъ, пробывъ 51 день, описываетъ ея современное, по его мнѣнію, положеніе. Субъективныя ощущенія г. Щ. рисовали неприглядную картину надзора за больницею и ухода въ ней. Губернская земская управа препроводила для напечатанія, какъ опроверженіе, письмо врача Вахрамѣева, напечатать которое редакція отказалась, такъ какъ письмо это, не заключая въ себѣ никакого выясненія истины и состоя изъ выписокъ скорбныхъ листовъ (неудобныхъ даже въ редакціонномъ отношеніи), содержало съ себѣ лишь укоръ редакціи, печатающей письма ненормальныхъ людей, ибо, по мнѣнію врача Вахрамѣева, г. Щ. и изъ больницы выписался невыздоровѣвшимъ. Тогда врачи возбудили противъ редактора газеты «Смоленскій Вѣстникъ» В. В. Гулевича дѣло о клеветѣ. Изъ обвинительнаго акта видно, что они обвиняли редактора В. В. Гулевича за помѣщеніе нѣкоторыхъ завѣдомо ложныхъ свѣдѣній въ письмѣ г. Щ.

Самымъ существеннымъ на судѣ было показаніе г. предсѣдателя смоленскаго общества взаимнаго кредита Л. А. Черевина. Вотъ сущность его показаній. Письмо врача Вахрамѣева по поводу замѣтки о больницѣ пришло въ редакцію «Смоленскаго Вѣстника» въ отсутствіи издателя и редактора. Завѣдующій редакціею обратился за совѣтомъ, какъ поступить съ письмомъ, къ

Л. А. Черевину. Последний имѣлъ разговоръ съ врачомъ Вахрамѣевымъ, указывалъ ему на невозможность помѣстить его письмо, излагающее содержаніе «болѣзненнаго бреда» г. Щ. въ больницѣ, и никакихъ данныхъ по существу дѣла, причѣмъ, самое изложеніе «бреда» было составлено въ выраженіяхъ «невозможныхъ для оглашенія». Но г. Вахрамѣевъ не согласился взять письмо обратно и ушелъ, заявлявъ, что онъ заставитъ редакцію напечатать это письмо.

Спустя день или два, письмо врача Вахрамѣева было прислано при требованіи губернской земской управы напечатать его, на основаніи 139 и 140 ст. цензурнаго устава, полностью, безъ сокращеній, измѣненій и пропусковъ. Тогда г. Черевинъ отправился для переговоровъ въ губернскую управу и пытался, будучи хорошо со всѣми знакомъ, придти къ соглашенію. Указывалъ онъ управѣ и на плохое состояніе больницы, скученность больныхъ и др. дурныя стороны постановки дѣла, неоднократно засвидѣтельствованныя въ отчетахъ управы. Нужно замѣтить, что между губернской управою и редакторомъ-издателемъ газеты были дурныя отношенія, оказавшіяся и на этотъ разъ. Единственная уступка, на которую соглашалась управа, это было напечатаніе замѣтки такого содержанія, что редакція отъ своего имени признаетъ неправильность ранѣе напечатанной статьи, ибо г. Щ. «психически больной и притомъ хронически». Редакція не могла, конечно, на это согласиться. За какихъ нибудь двѣ недѣли до напечатанія письма въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» были помѣщены двѣ дѣльныя статьи г. Щ. и цѣлый рядъ другихъ статей послѣ письма о больницѣ. Г. Черевинъ удостовѣрился, что г. Щ. съ 1879 г. участвовалъ въ изданіи газеты, написалъ много дѣльныхъ статей и обличеній, и ни одна изъ нихъ никогда не навлекла на газету никакого нареканія или процесса. Г. Черевинъ зналъ также, что, будучи нѣсколько разъ въ больницѣ, г. Щ., выходя оттуда, продолжалъ работу и писалъ дѣльно, затрагивая всѣ стороны жизни уѣзда, гдѣ жилъ. Никакого сомнѣнія ни въ дѣльности, ни въ его нормальныхъ умственныхъ способностяхъ никогда не возникало и не могло возникнуть, въ чемъ можно убѣдиться изъ ряда напечатанныхъ статей. Что же касается врача Вахрамѣева, то свидѣтель, зная его за хорошаго человѣка, сомнѣвался въ его административныхъ способностяхъ, какъ имѣла къ тому основаніе и редакція, сомнѣвался, между прочимъ, и по опыту одного дѣла, которое онъ велъ совмѣстно съ врачомъ Вахрамѣевымъ. Затѣмъ были выслушаны показанія свидѣтелей защиты, немногочисленныхъ, но не потому, чтобы защита не могла представить большее число ихъ, а потому что считала ихъ достаточнымъ, чтобы доказать самый фактъ поступленія въ редакцію заявленій о неурядкахъ въ больницѣ. Показанія этихъ свидѣтелей говорили о грубости и неудовлетворительности прислуги и допускаемыхъ ею побояхъ, о штрафномъ хо-

ходѣ въ помѣщеніи больницы, о небрежномъ отношеніи врачей и проч.

Представитель обвиненія исходилъ изъ того положенія, что статья «Смоленскаго Вѣстника» касалась будто-бы не столько дурного состоянія больницы, о чемъ свидѣтельствовали и врачебные доклады, но личностей и профессиональнаго достоинства врачей. Письмо психически больного г. Щ. помѣщено было безъ повѣрки. Обвинитель подробно останавливался на томъ, какія наиболѣе обидные отзывы были вызваны этою статьею въ другихъ органахъ печати: «Сынъ Отечества», «Виржевыя Вѣдомости», «Новое Время». Обвинитель ссылался на показанія свидѣтелей, удостовѣрившихъ совершенно другое отношеніе врачей, чѣмъ какъ оно рисовалось въ корреспонденціи.

Свою защитительную энергичную, обстоятельную рѣчь пом. прис. повѣр., В. А. Мыллаковъ, началъ съ выясненія своего взгляда на задачу суда, которую онъ видѣлъ въ томъ, чтобы, изслѣдовавъ всѣ обстоятельства дѣла, сказать вѣское слово: печатая статью Щ., исполняла-ли редакція свой долгъ, или злоупотребляла своимъ правомъ, честно-ли служила обществу, или занималась клеветою, печатая *завѣдомую* неправду или, по крайней мѣрѣ, не имѣя права думать, что она печатаетъ правду. Не считая доказаннымъ, что статья г. Щ. въ свое время не отвѣчала истинному положенію дѣла, защитникъ не брался доказывать справедливость ея во всѣхъ деталяхъ. Онъ прямо перешелъ къ опредѣленію задачъ провинціальной печати и въ частности къ дѣлу обличенія зла. Эта часть его рѣчи настолько любопытна, что мы приводимъ ее полностью въ передачу судебного отчета. Упомянутая задача печати «тѣмъ болѣе настоятельна, чѣмъ больше беззащитны тѣ, которые терпятъ отъ зла, и чѣмъ болѣе оно скрыто. Таково именно положеніе психиатрическихъ больницъ. Тамъ, гдѣ на одного здороваго приходится много душевно-больныхъ, тамъ мало одной добросовѣстности врачей, чтобы держать все въ порядкѣ, тамъ нуженъ еще и административный талантъ и, пожалуй, еще нужнѣе. Безъ этого всякая больница скоро попадетъ подъ вліяніе больничной прислуги, получающей плату по 6 рублей въ мѣсяцъ, и за которою не усмотрятъ ни одинъ докторъ или еще менѣе фельдшеръ. И сколько-бы жестокаго зла ни скрывалось за стѣнами больницъ, кто это можетъ знать? что не остается скрытымъ? Изрѣдка напечатать о какомъ-либо происшествіи, опишутъ кое-что въ беллетристикѣ — и только. — Жертвы такихъ больницъ совершенно беззащитны, — и если въ обыкновенную, дурно поставленную больницу не пойдутъ, то въ душевную больницу никто не приходитъ по собственной волѣ, больныхъ привозятъ насильно и не выпускаютъ безъ разрѣшенія больничнаго надзора. Кому-же какъ не печати въ этомъ случаѣ вступиться. Редакція газеты «Смоленскій Вѣстникъ» знала и то, что мѣстная больница отнюдь не изъ луч-

шихъ. Въ редакцію достигали многіе слухи, въ обществѣ носились упорные толки, что послѣ ухода врача-психіатра г. Яковенко порядки въ больницѣ ухудшились, что врачъ Вахрамѣевъ плохой администраторъ и проч., но пока это были только слухи—она молчала. И въ это время въ рукахъ редакціи появляется драгоценный документъ. Старинный сотрудникъ газеты, пробывшій въ больницѣ, описываетъ тамъ происходившее. Въ общемъ, данныя согласуются и съ отчетомъ врача Вахрамѣева (говорящимъ въ 1894 г., что временами даже и привычнымъ людямъ смоленская психіатрическая больница напоминаетъ «сумасшедшій домъ» типа 40-хъ годовъ), и съ толками о ней, и съ данными редакціи. Провѣрять эти данныя г. Щ., не желая сказать шутку, можно лишь однимъ способомъ, чтобы самъ редакторъ сошелъ съ ума и на себѣ испыталъ все сообщенное г. Щ. Для редакціи письмо г. Щ. было истиннымъ голосомъ изъ «Мертваго дома», крикомъ о помощи. Какъ же редакція могла его замолчать? Она могла это письмомъ передѣлать, снабдить его нужными замѣчаніями, предать ему стиль, но редакція хотѣла обратить вниманіе на это наболѣвшее зло, не вводя никого въ заблужденіе, ибо письмо прямо начиналось съ того, что г. Щ. пробылъ въ больницѣ лично 51 день». Защитникъ указалъ на непослѣдовательность врачей, которые, признавая г. Щ. психически-больнымъ, въ то же время требовали его обвиненія за сообщеніе завѣдомой лжи. Онъ подробно разобралъ частности письма г. Щ.; дѣлалъ сопоставленія ихъ съ свидѣтельскими показаніями, съ докладами врача Вахрамѣева, доказывая ихъ сравнительную тождественность... «Статья сдѣлала свое дѣло, замѣтилъ г. Маклаковъ, она обратила вниманіе общества на больницу, вопросъ о ней былъ поставленъ на очередь. Мало того, прежній составъ врачей оставилъ больницу и во главѣ ея стоитъ извѣстный психіатръ (г. Литвиновъ, завѣдывавшій ранѣе Бурашевскою тверскою психіатрическою больницею). Что же сдѣлалъ редакторъ? Что же,—поступилъ онъ, какъ человѣкъ, цѣль котораго выяснить истину, или какъ клеветникъ, стремящійся ее затемнить? Онъ предлагалъ врачамъ помѣстить ихъ возраженія и опроверженія, но врачъ Вахрамѣевъ требуетъ вмѣсто этого опубликованія скорбныхъ листовъ о г. Щ. Это тоже знаменательный фактъ. Не рожая усыпать путь дѣятеля русскаго печатнаго слова, но редакторъ предпочелъ судебное преслѣдованіе, всѣ сопряженныя съ нимъ терніи, но не согласился на это требованіе. Я полагаю, сказалъ г. Маклаковъ, что болѣзнь большого есть профессиональная тайна врача, и у медиковъ не можетъ быть другой этики, кромѣ общей. Можетъ быть, я и ошибаюсь, добавилъ г. защитникъ, въ толкованіи медицинской этики, но вотъ то, въ чемъ я, конечно, не ошибаюсь: если бы редакторъ выполнилъ это требованіе, то такой редакторъ не былъ бы достоинъ ни довѣрія, ни уваженія. Можно ли думать, что врачи, помѣстивъ въ газетѣ скорбные листы боль-

ного Щ., возстановили-бы этимъ истину о больницѣ? Конечно нѣтъ. Требуя этого, врачи не возстановляли правду, а мстили обидѣвшему ихъ человѣку».

Окружный судъ, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, вынесъ резолюцію: редактора газеты «Смоленскій Вѣстникъ» В. В. Гулевича считать по суду оправданнымъ.

Пусть исходъ этого процесса послужитъ назиданіемъ тѣмъ изъ нашихъ общественныхъ дѣателей, которые такъ не въ мѣру обидчивы по отношенію къ печати и ея отзывамъ. Забывая о существованіи у нихъ подъ руками легчайшаго и удобнѣйшаго средства къ возстановленію истины, затемненной, по ихъ мнѣнію, печатью, забывая путь этой самой печати, они готовы вопіять при каждомъ представившемся случаѣ, затронувшемъ ихъ интересы, о клеветѣ, завѣдомой лжи, недобросовѣстности, прибѣгать зачастую къ окольнымъ путямъ воздѣйствія на гласность, обращаться къ суду, нерѣдко безсильному въ очень щекотливыхъ и тонкихъ вопросахъ, суду карающему, но не выясняющему истины. Ничѣмъ въ такой степени не измѣряется уровень дѣйствительнаго культурнаго развитія общественныхъ дѣателей и учреждений, какъ ихъ отношеніемъ къ печати, степенью признанія ея правъ на свободную критику общественной жизни. Печать не можетъ претендовать на непогрѣшимость, но у нея есть свои обязанности по отношенію къ обществу и его интересамъ, не менѣе для нея повелительныя, чѣмъ обязанности лицъ и учреждений, подвергающихся ея критикѣ. Въ извѣстныхъ случаяхъ она должна поступить такъ, а не иначе, показывая примѣръ нелицепріятія обществу, гдѣ угодничество возведено въ руководящій принципъ жизни. Если она впадаетъ въ невольное заблужденіе, увлекается, не вѣрно освѣщаетъ дѣйствительность, ее не трудно обезсилить, вырвавъ у нея изъ-подъ ногъ фактическую почву; если она оказывается мелочно-придирчивой, она только обнаружитъ свою собственную слабость передъ дѣйствительно твердой и устойчивой репутацией. Но всѣ частныя ошибки и промахи ея, безъ которыхъ не обходится никакой родъ общественной дѣятельности, должны покупаться въ глазахъ всѣхъ искренно преданныхъ интересамъ общества, высшею пользою, которую приносятъ она неослабнымъ вниманіемъ къ существеннѣйшимъ требованіямъ развитія страны, терпѣливой и благодарной работой обличенія темныхъ явленій нашей жизни.

О. Б. А.

Ироническій поступокъ профессора Исаева.

Въ № 7572 «Новаго Времени» появилась замѣтка слѣдующаго содержания: «Профессоръ В. Г. Яроцкій работаетъ надъ обширнымъ трудомъ подъ заглавіемъ «Дешевый хлѣбъ есть источникъ благополучія для всей русской экономической жизни». Въ апрѣлѣ г. Яроцкій прочтетъ по этому вопросу публичную лекцію». Затѣмъ въ той же газетѣ было напечатано письмо проф. Яроцкаго, въ которомъ онъ сообщалъ, что «въ замѣткѣ нѣтъ ни одного слова правды» и что онъ никогда не собирался писать «такую нелѣпную книгу». Между тѣмъ замѣтка была не воспроизведеніемъ безличнаго слуха, а сообщеніемъ отъ имени самого г. Яроцкаго, и на рукописи стояла надпись: «Отъ проф. Яроцкаго». Естественно, что проф. Яроцкій заинтересовался своимъ таинственнымъ двойникомъ, которымъ, по сличеніи почерковъ, оказался проф. А. А. Исаевъ. Въ № 7596 «Новаго Времени» это было опубликовано, а на слѣдующій день, въ № 7597, появилось объясненіе г. Исаева въ видѣ письма въ редакцію:

Г. Исаевъ пишетъ: «въ концѣ марта я послалъ въ редакцію «Новаго Времени» отъ имени проф. В. Г. Яроцкаго сообщеніе о томъ, что онъ работаетъ надъ обширнымъ трудомъ «Дешевый хлѣбъ есть источникъ благополучія для всей русской экономической жизни». Онъ опровергъ это сообщеніе, и когда начали по этому поводу ходить странные слухи и догадки, затрогивающіе третьихъ лицъ, то я заявилъ проф. Яроцкому, что я авторъ этой замѣтки, написалъ ему объ этомъ письмо, далъ ему записку съ подробнымъ разъясненіемъ мотивовъ, которые побудили меня такъ поступить, и прочиталъ эту записку въ присутствіи четырехъ лицъ, весьма почтенныхъ, извѣстныхъ въ русской литературѣ».

Итакъ, каковы бы ни были мотивы поступка г. Исаева, въ извѣстный моментъ онъ съ благородною откровенностью объяснилъ все дѣло г. Яроцкому, оставивъ это объясненіе исключительною роскошью: написалъ, письмо, далъ записку съ разъясненіемъ мотивовъ, наконецъ даже прочиталъ эту записку въ присутствіи четырехъ, весьма почтенныхъ, извѣстныхъ въ литературѣ лицъ. По изложенію г. Исаева трудно понять, зачѣмъ понадобилась эта сложная и торжественная процедура, когда г. Исаевъ могъ очень просто начать съ того, чѣмъ онъ кончилъ: письмомъ въ редакцію. И однако, пустивъ въ печать ложное извѣстіе, онъ не торопился путемъ печати же его опровергнуть: его письмо въ редакцію «Но-

ваго Времени» появилось лишь послѣ того, какъ истина была, помимо его воли, опубликована. А это бросаетъ нѣкоторую тѣнь и на ту благородную откровенность, съ которою г. Исаевъ дѣйствовалъ внѣ печати, въ личныхъ сношеніяхъ съ г. Яроцкимъ по поводу ложнаго извѣстія. И дѣйствительно, откровенность эта была не столько благородна, сколько вынужденна, волѣдствіе чего и понадобилось письмо къ г. Яроцкому, записка съ изложеніемъ мотивовъ, присутствіе четырехъ извѣстныхъ въ литературѣ лицъ. Г. Исаевъ пробовалъ отпираться, но былъ сличеніемъ почерковъ уличенъ. Да оно и понятно: разъ человекъ совершилъ что-нибудь втайнѣ, подѣ чужимъ именемъ, онъ естественно сознается въ своемъ поступкѣ лишь подѣ давленіемъ необходимости.

Но—скажутъ намъ—это давленіе необходимости можетъ имѣть характеръ совсѣмъ не внѣшняго, а внутренняго побужденія. Человекъ, совершившій неблаговидный поступокъ, можетъ сознаться волѣдствіе угрозы со стороны совѣта. И въ данномъ случаѣ этого такъ естественно ожидать. Извѣстный ученый, популярный профессоръ пускаетъ въ печать отъ имени своего товарища ложное извѣстіе объ этомъ самомъ товарищѣ. Нѣтъ языка, на которомъ этотъ поступокъ могъ бы получить благовидное названіе, и естественно, что, совершивъ его въ какомъ нибудь временномъ помраченіи ума подѣ влияніемъ аффекта, человекъ мучается сознаниемъ, мягко выражаясь, неблаговидности поступка. Его преслѣдуетъ жестокая мысль: до чего я унизился! до чего унижилъ я и свое высокое званіе учителя, къ голосу котораго съ довѣріемъ прислушиваются сотни молодыхъ людей, ищущихъ истины! Какой же я послѣ этого служитель и глашатай истины! Эта жестокая мысль, упорно сверля душу, можетъ довести человека до очень мрачныхъ рѣшеній, или по крайней мѣрѣ до откровенной исповѣди: виновать, и пусть ужъ другіе разсудятъ,—заслуживаю ли снисхожденія...

Докторъ политической экономіи, профессоръ А. А. Исаевъ очень далеко отъ такой исповѣди. Ему не въ чемъ каяться, нечего отыдаться. Онъ стоитъ передъ читателями «Новаго Времени» съ гордо поднятой головой, съ самоувѣренностью человека, исполнившаго гражданскій долгъ, и ведетъ такую рѣчь:

«Когда возникаетъ полемика о вопросахъ, не имѣющихъ ближайшаго практическаго значенія, то предосудительно выходить за предѣлы того, что принято называть академическими приемами спора. Книга «Вліяніе урожая и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства» не можетъ быть предметомъ только спокойныхъ академическихъ преній. Выводы, сдѣланные въ этой книгѣ, внушаютъ слишкомъ оптимистическое отношеніе къ русскому экономическому быту, а мѣропріятія, основанныя на этихъ выводахъ, на положеніи, что низкія хлѣбныя цѣны нарушаютъ интересы только небольшой части русскіхъ людей, могутъ быть очень вредными.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
Пл.

«Исходя изъ такого убѣжденія, я рѣшилъ, что не слѣдуетъ оцѣнивать этотъ двусмысленный сборникъ только какъ научно обработанный статистическій матеріалъ, что нужно бороться съ нимъ, какъ съ книгой, практическое вліяніе которой крайне нежелательно. Поэтому я рѣзко нападаю и въ словесныхъ преніяхъ, и въ печати на лицъ, которые редактировали этотъ сборникъ. Профессоръ Яроцкій, выступивъ на защиту этого труда, не давалъ повода ни къ открытой съ нимъ полемикѣ, ни къ рѣзкимъ нападкамъ на него, но такъ какъ изъ ученыхъ экономистовъ, кромѣ лицъ работавшихъ надъ сборникомъ, защищалъ онъ одинъ, то я и допустилъ пріемъ ироніи, результатомъ котораго явилась моя замѣтка, напечатанная 27 марта въ «Новомъ Времени».

«Я допустилъ это, такъ какъ считалъ и считаю мое сообщеніе 1) не оскорбительнымъ для добраго имени В. Г. Яроцкаго, 2) не причиняющимъ ему матеріальнаго ущерба и 3) даже, въ качествѣ ироніи, не направленнымъ лично на него, а въ силу особыхъ, специальныхъ условій связанныхъ съ его именемъ. Лица, далекія отъ экономической литературы, были выведены изъ заблужденія отвѣтомъ проф. Яроцкаго. Лица, сколько-нибудь близкія къ вопросамъ народнаго хозяйства, поняли, прочитавъ мою замѣтку, что проф. Яроцкій не можетъ работать надъ подобнымъ трудомъ, что ироническое замѣчаніе имѣетъ цѣлью направить мысль читателей на то, какъ лично усердная защита положенія о малой убыточности для Россіи низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ можетъ привести къ самымъ страннымъ и неожиданнымъ выводамъ».

Величавое спокойствіе этой тирады поистинѣ изумительно, и едва ли когда нибудь человѣкъ, уличенный въ опубликованіи ложнаго извѣстія подъ чужимъ именемъ, въ подлогѣ,—говорилъ съ такимъ аллюбомъ. Читатель, пожалуй, смущенъ, но, оправившись отъ смущенія, начинаетъ вчитываться внимательно. Самое поразительное въ великолѣпной самозащитѣ проф. Исаева, это—умолчаніе объ томъ именно, въ чемъ его обвиняютъ и въ чемъ онъ уличенъ. Онъ говоритъ объ «академическихъ приѣмахъ спора» съ одной стороны, о «рѣзкихъ нападкахъ» и «приѣмахъ ироніи»—съ другой; онъ сообщаетъ свои мысли о томъ, что первые приличествуютъ дебатамъ о чисто теоретическихъ вопросахъ, а вторые умѣстны при обсужденіи вопросовъ, имѣющихъ практическое значеніе. Но читатель тщетно ищетъ мыслей г. Исаева о подложныхъ письмахъ, о злоупотребленіи чужимъ именемъ для распространенія ложныхъ извѣстій о носителѣ этого имени. Правда, г. Исаевъ называетъ свое ложное извѣстіе о г. Яроцкомъ — «результатомъ приѣма ироніи». Не отрицая ироническаго процесса мысли въ головѣ г. Исаева, когда онъ сочинялъ за г. Яроцкаго «нелѣпную» книгу, мы думаемъ однако, что между ироніей и подложнымъ письмомъ нѣтъ ничего общаго. Предоставляя юристамъ дать общее

опредѣленіе дѣяніямъ, подобнымъ тому, что совершилъ г. Исаевъ, будемъ называть его поступокъ ироническимъ.

Итакъ, ироническій поступокъ проф. Исаева, объ которомъ въ данномъ случаѣ только и слѣдовало говорить, остался въ его самоозащитѣ безъ всякаго обвиненія. А что есть на свѣтѣ такой ходъ мысли и изложенія, который называется ироническимъ, это мы и безъ проф. Исаева знали; знали также, что иронія сама по себѣ въ оправданіи не нуждается. Г. Исаевъ не подлежалъ бы осужденію, если бы въ преніяхъ въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ или въ печати дѣлалъ по адресу г. Яроцкаго «ироническія замѣчанія съ цѣлью направить мысль читателей» извѣстнымъ образомъ. Но что-то помѣшало ему. Это что то г. Исаевъ формулируетъ такъ: г. Яроцкій хотя и выступилъ на защиту труда, изданнаго подъ редакціей гг. Чупрова и Посникова, но «не давалъ повода ни къ открытой съ нимъ полемикѣ, ни къ рѣзкимъ нападкамъ на него». Надо думать, что и къ открытымъ «ироническимъ замѣчаніямъ», устнымъ или письменнымъ, г. Яроцкій не давалъ повода. Отсюда выводъ: коли ты не даешь никакого повода, то я совершу надъ тобой ироническій поступокъ,—нападу на тебя изъ за угла, распушу про тебя, отъ твоего же собственнаго имени, неблицу, а самъ спрячусь въ кусты, пока меня оттуда не вытащатъ при помощи сличенія по червовъ...

Несмотря на на все свое непоколебимое великолѣпіе, г. Исаевъ считаетъ всетаки нужнымъ войти въ нѣкоторыя подробности своего ироническаго поступка. Онъ не совершилъ ничего предосудительнаго вообще, не сдѣлалъ и не намѣревался сдѣлать ничего дурнаго г. Яроцкому въ частности. Ложное сообщеніе «не оскорбительно для добраго имени В. Г. Яроцкаго». Ну, конечно: что же оскорбительнаго для профессора въ томъ, что онъ пишетъ «наглую» книгу! Далѣе, ироническій поступокъ г. Исаева не причинилъ г. Яроцкому «матеріальнаго ущерба». А вѣдь это такъ важно въ вопросахъ этики! Наконецъ, ироническій поступокъ, «въ качествѣ ироніи (только ироніи!), не направленъ лично на г. Яроцкаго, а въ силу особыхъ, спеціальныхъ условій связанъ съ его именемъ». Г. Исаевъ рѣшилъ поздравить именемъ г. Яроцкаго не только потому, что тотъ «не давалъ повода» къ общеупотребительной, обыкновенной полемикѣ, хотя бы и рѣзкой и иронической, а и просто такъ,—лично г. Яроцкій тутъ не причемъ. Г. Исаеву было недостаточно преній въ Вольномъ Экономическомъ обществѣ и газетныхъ статей. Онъ желалъ еще произвести ироническое впечатлѣніе, для чего не погнушался и ироническимъ поступкомъ. Онъ зналъ, что никто не повѣритъ выдумкѣ. И хотя въ дѣйствительности «Новое Время» (и не одно оно, конечно) повѣрило, но г. Исаевъ съ полнымъ самообладаніемъ говоритъ: я хотѣлъ произвести извѣстное впечатлѣніе и потому не погнушался...

Это признаніе драгоцѣнно. Въ этой же книжкѣ «Русскаго Бо-

гатства» напечатано начало статьи гг. Чупрова и Посникова «по поводу полемики о дешевомъ хлѣбѣ». Уважаемые авторы мягко говорятъ о «специфической подкраскѣ фактовъ», о «едва ли безцѣльныхъ умолчаніяхъ», въ дѣлѣ которыхъ г. Исаевъ соперничалъ съ гг. Григунтами и Шараповыми. Зная непоколебимость взглядовъ г. Исаева на значеніе «ироническихъ поступковъ», мы можемъ оцѣнить и его полемическіе приемы вообще; ему нужно произвести впечатлѣніе, а что правда и что неправда,—это дѣло второе. Въ статьѣ гг. Чупрова и Посникова, между прочимъ, читаемъ: «Замѣчательно, что никто изъ говорившихъ и писавшихъ не задался мыслью провѣрить себя; не потрудился привести изъ нашей книги мѣста, въ которыхъ дѣйствительно утверждалось бы, что Россія процвѣтаетъ, а тѣмъ болѣе, что благосостояніе ея растетъ». Не какое дѣло г. Исаеву до правды? Ему нужно только произвести извѣстное впечатлѣніе. Поэтому онъ и теперь даже весь свой ироническій поступокъ мотивируетъ «слишкомъ оптимистическимъ отношеніемъ къ русскому экономическому быту», каковымъ оптимизмомъ будто бы проникнута книга, изданная подъ редакціей гг. Чупрова и Посникова. Не выносить г. Исаевъ излишняго оптимизма и бичуетъ его всякими средствами даже тамъ, гдѣ его нѣтъ...

Въ заключеніе маленькая историко-литературная справка.

29 марта 1881 г. г. Исаевъ читалъ публичную лекцію, тогда же изданную отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ «Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Россіи». Всѣмъ интересующимся литературною физиономіей г. Исаева рекомендуемъ познакомиться съ этою, къ сожалѣнію, очень рѣдкою брошюрой. Брошюра старая, но г. Исаевъ вовсе не желаетъ изгладить ее изъ памяти современниковъ, такъ какъ указываетъ на нее на обложкѣ своего новѣйшаго труда («Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства», 1896). Оптимисты найдутъ въ брошюрѣ много для себя утѣшительнаго.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ съ доставкой—въ Московскомъ отдѣленіи конторы «Русскаго Богатства» или черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявлениями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Бассейная, 10.*

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.

2) Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью.

3) Непринятые рукописи хранятся въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока рукописи уничтожаются.

Продолжается подписка на 1897 годъ
на ежемѣсячный ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.;
безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*Бассейная ул., 10.*
Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота,
д. Гаварина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе до-
пускается разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ под-
писчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 5 р. и въ 1-му июля
4 р., или при подпискѣ 6 р., и въ 1-му июля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ
доставки допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ по июль включи-
тельно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать
за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового
экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписчики «Русскаго Богатства» пользуются уступкой при
выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ
московскаго отдѣленія конторы.

Каталогъ книгъ печатается въ каждой книгѣ журнала.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

TUE
EAB

31
21

, 2
mm

NY
11

5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY